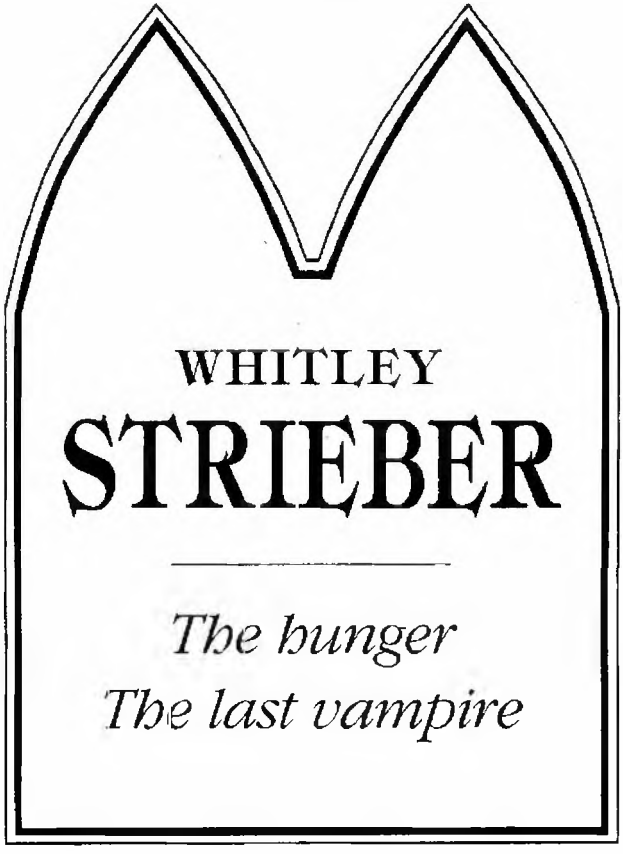
УИТЛИ

СТРИБЕР

ГОЛОД
ПОСЛЕДНИЙ ВАМПИР

УИТЛИ
СТРИБЕР
Голод
Последний
вампир

WHITLEY

STRIEBER

The hunger

The last vampire

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УИТЛИ

СТРИБЕР

Голод

Последний вампир

Москва
«ЭКСМО»
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2004

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
С 85

Whitley STRIEBER

THE HUNGER
Copyright © 1981 by Whitley Strieber

THE LAST VAMPIRE
Copyright © 2001 by Whitley Strieber

Составитель серии *А. Жикарещев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Стрибер У.

С 85 Голод: Романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2004. — 672 с. (Шедевры мистики).

ISBN 5-699-05198-8

Уитли Стрибер не нуждается в представлении — он давно и по праву считается мэтром жанра мистики. Его культовый роман «Голод» послужил американскому режиссеру Тони Скотту основой для создания одноименного фильма, главные роли в котором сыграли Катрин Денев, Сьюзен Сарандон и Дэвид Боуи.

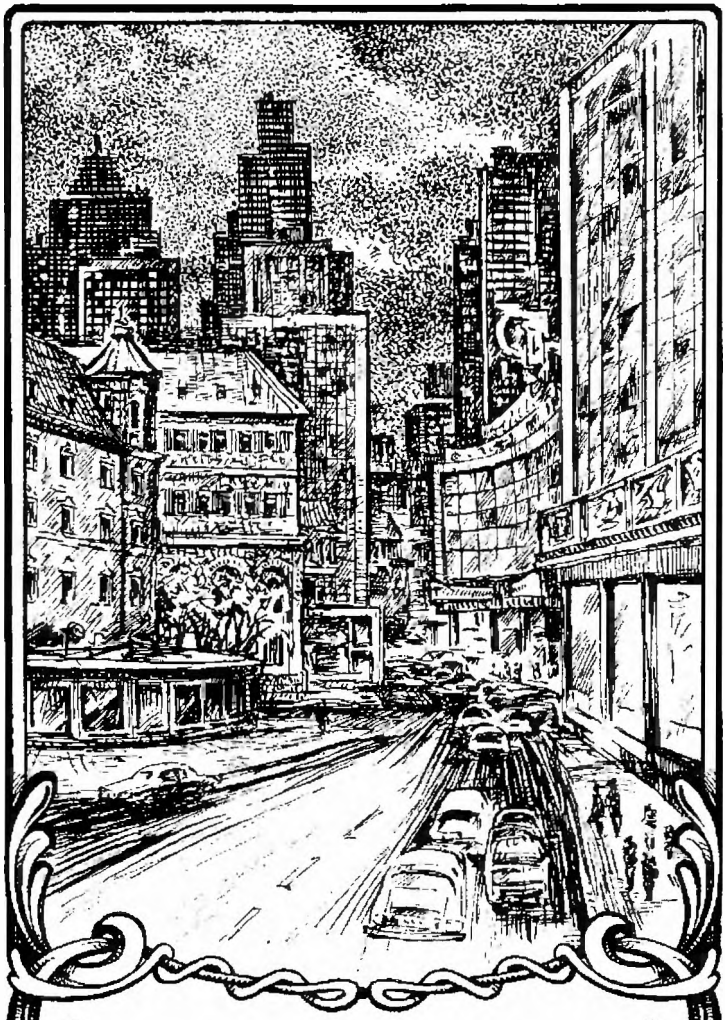
Продолжением «Голода» стал «Последний вампир».

Мечта человечества о вечной молодости и бессмертии для Мириам Блейлок не более чем страшная реальность, ибо цена ее слишком высока: бесконечное одиночество, неутолимая жажда крови и постоянный страх перед теми, кто готов на все ради уничтожения ее соплеменников. По всему миру идет охота на Властителей, один за другим гибнут вампирские кланы. Кому суждено выжить и победить в этой борьбе?

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)

© Перевод. А. Флотский, О. Диль, Е. Иванова, 2004
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-05198-8

ГОЛОД

Посвящается М. А.

Человек приходит, возделывает землю
и ложится в нее,
И умирает лебедь, долгие лета прожив.
Лишь одного меня жестокое бессмертье
Гложет...

Альфред Теннисон. Тифон

Ужасную нам радугу однажды небеса
явили.
Мы, досконально изучив живой
плетенье ткани, поместили
Ее в обыденного скучный каталог.

Джон Китс. Ламия

Пролог

жон Блейлок еще раз бросил взгляд на часы. Три часа утра — пора в путь. В этом маленьком городке Лонг-Айленда тишина стояла такая, что на слух можно было воспринять даже мерцание света в конце окаймленной деревьями улицы, где горел одинокий фонарь. Джон опустил часы обратно в карман и, мягко ступая, вышел из своего укрытия в кустах. И замер на мгновение, наслаждаясь ночной прохладой, а улица была так дивно безлюдна, так хороша...

«Цель» его жила в середине квартала. Джон привычно сосредоточился и направил всю свою умственную энергию к черному силуэту дома, выискивая там хоть какие-то признаки жизни. Для Вагнеров Кей просто исчезнет. Через месяц она станет всего лишь строчкой в статистическом отчете — обыкновенный подросток, тысячи таких каждый год покидают свои семьи. Тем более что Кей имела веские основания для побега — ее исключили из Эмерсонской высшей школы, а через несколько дней она и ее приятель Томми должны предстать перед судом по обвинению в хранении кокаина.

Сегодня ночью оба они исчезнут. О ее приятеле должна позаботиться Мириам.

Он шел по улице: тихий, незаметный в своем черном спортивном костюме.

Мириам... Он хотел ее сейчас, как всегда хотел в такие моменты. Их связывала давняя любовь — любовь, ставшая такой привычной и удобной.

Две минуты четвертого. Луна зашла. Один только фонарь светил в конце улицы. Все как и должно быть.

Джон перешел на легкий бег, пронесся мимо ворот, скрывавших его «цель», и мягко остановился на углу, у ограды. Тихо, темно... Он направился к подъездной дорожке.

Для Джона каждый дом имел свое, присущее только ему, поле — и он чувствовал его, как обыкновенные люди чувствуют запах. Безмолвие будто окутывало дом, и он решил, что здесь ему не очень-то нравится. Наверное, из-за тщательно ухоженных кустов и клумб с георгинами и анютиными глазками. Дом показался ему каким-то насупленным, брюзгливым.

Это свидетельство убожества Вагнеров прибавило ему решимости. С еще большей четкостью мысли его сфокусировались на предстоящей задаче. Каждое действие было рассчитано по секундам. Сосредоточившись, он мог слышать дыхание мистера и миссис Вагнер в их спальне на первом этаже. Он замер, неистовым усилием напрягая свое внимание. Он слышал шуршание простыни, когда пошевелилась рука спящего, тихий шорох таракана на стене спальни. Непросто так долго удерживать столь высокую степень сосредоточенности. В этом он отличался от Мириам. Она часто находилась на таком уровне, он же — почти никогда.

Убедившись в том, что все спят, он приступил к *проникновению*. Несмотря на темноту, он быстро обнаружил подвальную дверь. Она вела в котельную. Оттуда можно пройти к комнате для игр и дальше — к спальне Кей. Из мешочка, спрятанного у него под рубахой, он достал ку-

сок струны от пианино и отомкнул замок, затем уголком своей кредитной карточки отодвинул язычок.

В лицо хлынул поток теплого, душного воздуха, когда он открыл дверь. Ночь была не очень холодной, поэтому в печи лишь тлел огонек, освещая все вокруг слабым оранжевым светом. Джон пересек помещение, вышел в коридор и снова замер.

Он услышал громкое дыхание — отнюдь не человеческое. Мозг его, проанализировав этот звук, пришел к выводу: собака, весом фунтов шестьдесят, спит в конце коридора. Приблизительно футах в семи...

Поздно. С этим уже ничего не поделать. Ему придется воспользоваться хлороформом. Джон осторожно достал из своего мешочка полиэтиленовый пакет (тот неприятно холодил руки), а оттуда — кусок влажной ткани. Он был не так проворен, как Мириам, ему приходилось пользоваться хлороформом, чтобы усмирять свои жертвы. Дыхание перехватило при мысли об опасности, с которой ему предстояло сейчас встретиться лицом к лицу.

Мрак, его бывший союзник, работал теперь против него. Пришлось сделать шаг вперед, чтобы точнее оценить расстояние. Еще шаг. Дыхание собаки изменилось. Два шага. Послышался слабый шорох, собака настороженно засопела. Еще три шага. Лай прозвучал оглушительно — как взрыв.

В следующее мгновение он вцепился ей в шерсть и прижал тряпку с хлороформом к морде.

Последовала борьба — яростная и нельзя сказать, что безмолвная.

— Альф?

Как колокольчик, прозвучал тонкий голос Кей, и был он полон страха. Только тогда Джон осознал, насколько стало хуже его положение. Девушка проснулась. Он ощущал ее пристальный взгляд, сверлящий темноту. Будь это не она, а любая другая, он сразу бы отступил, бросил бы все, но сейчас он просто не мог это сделать. Мириам не

упустит парня: она совершенно неуязвима. А вся суть в том, что они должны исчезнуть вместе. Полиция в конце концов решит, что это побег, и дело засунут куда-нибудь на полку, между делами о пропавших животных. Если же исчезнет только парень, это станет поводом для подозрений.

Едва собака перестала сопротивляться, он двинулся вперед. У него остается, вероятно, минут десять, пока собака без сознания,— и непредвиденных задержек больше быть не должно. Он просто не мог себе это позволить.

Яркий свет внезапно залил спальню Кей. Девушка сидела на кровати, в ночной рубашке, протянув руку к лампе в оборках абажура.

Свет обжег Джона, как огонь. Он прыгнул на Кей, торопясь придушить уже рвущийся из горла крик. Закрыв ей рот рукой, он прижал ее к кровати.

От Кей исходил слабый запах одеколона и сигарет. Тело ее яростно изгибалось в тщетной попытке сбросить его. Сила ее сопротивления разбудила в нем злость. Обеими руками он сжимал ее рот и нос, коленями придавив локти.

Тишину нарушал только звук ее ног, бьющихся о матрас. Джон смотрел в полные мольбы и ужаса глаза, прикидывая, сколько еще времени им осталось жить. Он почувствовал прикосновение ее языка к своей ладони. Осторожно, нельзя позволять ей кусаться.

Пять минут, необходимые, чтобы задушить ее, все тянулись и тянулись. Джон с трудом сохранял сосредоточенность. Если она выскользнет... но этого нельзя допустить. У него, в конце концов, годы практики. Просто нельзя позволять сознанию отвлекаться, нельзя ослаблять захват — ни на йоту. Он смотрел ей в глаза, ожидая, когда покраснеют белки, что означало бы приближающуюся смерть. Она умоляла его взглядом, полным отчаяния. Хорошо, все идет как надо.

Глаза ее закрылись. Наконец-то. Тело забилось в конвульсиях — подсознание пыталось избежать того, чего не

мог избежать разум. Мгновение неподвижности — и глаза снова открылись. Белки были нужного розового оттенка. Глаза ее устремились куда-то вправо, как бы пытаясь разглядеть что-то. В комнате стало совсем тихо.

Джон тут же ослабил захват и прижал ухо к ее мягкой груди, прислушиваясь к последним биениям сердца.

Отлично. Она именно в том состоянии, в каком и нужно,— на грани жизни и смерти.

Теперь препятствий для него больше не существовало. Наконец он мог расслабиться и дать волю своим истинным чувствам, не скрывая более грубой правды — своего голода. Он набросился на нее, даже не слыша собственного возбужденного крика,— и она взорвалась внутри него новой жизнью. Сознание его прояснилось, мысли обрели кристальную ясность, как будто он жарким днем бросился в восхитительно прохладную воду. Исчезла угрожающая боль в мышцах. Его слух, его зрение заполнились сверхъестественно яркими впечатлениями.

Он парил в высотах наслаждения. Как всегда в такие моменты, ему вспомнился яркий образ Мириам. Он смаковал вкус ее губ, в сердце трелью звучал ее смех. Его тянуло к ее холодной плоти, и любовь росла в нем вместе с желанием.

Затем все прекратилось. Он даже не взглянул на то, что осталось от Кей Вагнер,— нечто темное, бесформенное, почти затерявшееся среди сбившихся простыней. Следовало вспомнить о времени. Он заставил себя вернуться к убогой реальности и уложил оставшуюся от девушки оболочку в черный пластиковый мешок. Глянул на часы. Ровно через две минуты его ждут на месте встречи.

В тот же мешок он бросил бумажник девушки, ее расческу, какую-то косметику, в беспорядке лежавшую на столике у кровати. Затем трусы, лифчики и стопку музыкальных дисков. Пришлось пройти в ванную за зубной щеткой, лаком для волос, еще чем-то из косметики, шампунем и почти совсем чистой блузкой.

Ровно через пятьдесят секунд по улице должна была проехать машина. Мириам всегда четко следовала графику, поэтому Джон поспешил выйти из дома тем же путем, что и пришел, остановившись только для того, чтобы запереть куском струны подвальную дверь. Быстро прошагав по дорожке, он остановился среди зарослей цветущего кизила и стал ждать.

Он ощущал легкое покалывание во всем теле; его сознание, казалось, вмещало в себя каждую деталь окружавшего его мира. Для того чтобы сосредоточивать внимание, никаких усилий ему теперь не требовалось. Он ощущал спокойствие кустов кизила, слышал малейшие звуки — шорох лапок жука, тихое усталое гудение медленно остывающего двигателя в автомобиле на другой стороне улицы. Он поднял голову, и звезды над ним вдруг взорвались мириадами цветов — зеленый и желтый, синий и красный... Шелест листьев, колеблемых мягким ночным ветерком,— он как будто касался каждого листика, мягко лаская его своим прикосновением. Дивная красота ночи, казалось, пронзала тело Джона, наполняя его сладостной болью. Жизни прекрасней просто и быть не может.

Увидев машину, он улыбнулся. Мириам ехала с осторожностью дряхлого слепого старика. Помешанная на безопасности вождения, она выбрала «вольво» из-за приличного послужного списка и скромной наружности. Она потребовала, чтобы бензобак сменили на более крепкий, а тормоза переставили с грузовика. Все это дополнялось специальной системой подачи воздуха, а также ремнями безопасности и стеклянным люком в крыше, который на случай аварии обеспечивал дополнительную возможность выбраться из машины.

Он подбежал к плавно двигавшейся машине, бросил мешок на заднее сиденье, а сам скользнул на переднее, рядом с ней. О том, чтобы он повел машину, речи и быть не могло. Мириам никогда не уступала руль без крайней необходимости. Было приятно вновь оказаться с ней рядом.

Щекой он ощутил знакомый холод ее губ; она улыбнулась — успех и удовольствие сквозили в изгибе рта — и, не сказав ему ни слова, сосредоточилась на дороге. Через два квартала — въезд на скоростную магистраль Лонг-Айленда, и Джон знал — она тревожится, как бы их не остановила местная полиция. Случись такое — и любопытство полицейских могло поставить их в весьма затруднительное положение.

До въезда на магистраль молчали. На магистрали он ощутил, что она наконец расслабилась. Последние остатки напряжения растаяли как дым.

— Это было поистине *изумительно*,— сказала она.— В нем оказалась *такая* сила.

Джон улыбнулся, вспоминая свой экстаз. Несмотря на долгую практику, само убийство никогда его не радовало — и уж тем более не возбуждало, в отличие от Мириам.

— У тебя все прошло нормально, надеюсь?

Это прозвучало как вопрос, а не утверждение.

— Как всегда.

Она рассматривала его широко раскрытыми — как у куклы — глазами.

— Это было очень здорово. Он решил, что девушка хочет его трахнуть.— Она хихикнула.— Наверное, он и умер в экстазе.— Она потянулась в блаженной, сытой истоме.— Как умерла Кей?

Ее вопрос показался ему своего рода поощрением к откровенности... Ей, вероятно, хотелось узнать подробности, но он предпочел бы забыть свой отвратительный поступок и сосредоточиться на восторге, который был наградой за него.

— Мне пришлось воспользоваться хлороформом, чтобы усыпить собаку.

Изогнувшись, Мириам поцеловала его в щеку, затем взяла за руку. Она всегда очень тонко чувствовала его; одной этой фразы ей было достаточно, чтобы понять его со-

стояние, представить все трудности, которые ему пришлось преодолеть.

— Рано или поздно им все равно придется умереть. Я уверена, ты вел себя очень... осторожно. Должно быть, она так и не поняла, что с ней происходит.

— Я допустил ошибку. Мне следовало предвидеть это. Странно, что я не почувствовал собаку. Тревожно как-то.

Но он не сказал ей всей правды. Было и еще одно ощущение, странное, и он помнил его. *Он устал*. Он никогда не чувствовал такого.

— Идеальной смерти не бывает. Страдание всегда ей сопутствует.

Да, это так. Но даже по прошествии множества лет он так и не полюбил причинять страдания. Хотя это и не должно тяготить его — что за дело ему до *их* страданий? Насыщение — вот единственное, о чем стоит думать. Тело наполняется новой энергией, новой жизнью...

А усталость... Это пройдет. Просто девушка вывела его из равновесия. Выбросить это из головы. Он повернулся к окну.

Восхитительная ночь предстала его взору. Он всегда воспринимал мрак как некое Откровение — как будто попадаешь в иной мир, где царит безмятежное спокойствие, где стирается граница между добром и злом и где — он чувствовал — ему даруется прощение за все жестокости обыденной жизни. Эти мысли принесли ему желанное чувство освобождения от ответственности за содеянное зло.

Огоньки человеческих жилищ приближались и терялись вдали. Джон испытывал огромную любовь к этому миру. Он даже позволил себе некоторое удовлетворение, когда подумал об убийстве, лишний раз отметив, сколь счастлив он в своей жизни.

Глаза его медленно закрылись — а он и не заметил,— и в шум мотора вплелись голоса из прошлого — далекого прошлого...

Он резко тряхнул головой. Это ненормально. Он открыл люк, чтобы немного проветрить машину. Их жизнь отличалась завидной регулярностью... Шесть из двадцати четырех часов они *Спали*. Если же происходило насыщение, *Сон* наступал лишь по истечении четырех часов.

Что же с ним происходит?

Полуявь-полусон... Он медленно вплывал в странное, очень приятное состояние, он чувствовал легкое дуновение — воспоминания? Сновидения?..

На мгновение ему показалось, что он в огромной холодной комнате: свечи по стенам, в камине потрескивает огонь... Он удивился. Он не вспоминал о фамильном доме Блейлоков с тех пор, как покинул Англию. И тем не менее он, вплоть до мельчайших подробностей, вдруг увидел собственную спальню — постоянную сырость, пышность, до боли знакомые ему.

Сейчас Мириам была такой же красивой, как и тогда. Ему хотелось коснуться ее, обнять, но она не любила, когда ее беспокоили за рулем.

Северный Йоркшир... Он вспомнил высокие окна своей комнаты, откуда открывался вид на вересковые пустоши. Там по ночам мерцали цыганские костры... Его сознание заполонили лица и голоса из прошлого. Словно сквозь туманную завесу смотрел он на странный современный пейзаж, на бесконечные огни вдалеке, покосившиеся неряшливые домики, мимо которых проезжала машина. Как одинок он был в этом мире.

Стоило закрыть глаза, и он сразу же оказался в Хэдли, в промозглый серый день — особый день! — хотя он тогда об этом не подозревал. Он увидел себя — модно одетого потомка знатного рода, только что окончившего два курса колледжа Баллиол. Он одевался к обеду, а слуга стоял рядом с чулками, галстуком и рубашкой. Ожидался гость — он думал, один из этих ужасных политиков, знакомых отца,— а значит, вечер будет безнадежно скучен: ханжеские беседы о выжившем из ума старом короле, о расточитель-

стве регента... Джону было решительно наплевать на королевский двор. Его гораздо больше интересовали охота на медведя и скачки по вересняку со сворой гончих.

Одеваясь, он услышал грохот кареты по подъездной аллее. Экипаж изумил его. Его тянули шесть лошадей, а ими управляли два форейтора. Их ливреи были ему незнакомы. Когда же из кареты вышла леди в белом шелковом платье, Джон щелкнул пальцами, требуя от лакея парик. Давно его отец не привозил в Хэдли шлюх. Несмотря на свои недомогания, забывчивость, несмотря на зоб, на слабость зрения, отец Джона все еще великолепно разбирался в женщинах. Когда ему хотелось побыть в женском обществе, он обращал свой взгляд на представительниц захудалой аристократии, подыскивая себе какое-нибудь милое, в достаточной степени привлекательное создание, не обладающее, однако, какими-либо особыми достоинствами, которые могли бы заинтересовать его сына.

Если, конечно, не считать того, что у них и так имелось в избытке.

— Уехал хозяин, и путь не близкий,— промурлыкал он тихонько, в то время как Уильямс поправил его галстук и спрыснул духами парик,— повеселимся мы славно, киска...

— Хозяин здесь, сэр.

— Я знаю, Уильямс. Это просто мечты.

— Да, сэр.

— Обычные приготовления, Уильямс,— если она привлекательна.

Тот молча повернулся и вышел. Джон всегда отдавал должное его сообразительности — хороший слуга, знает, что бывают моменты, когда ответ не требуется,— и всегда мог положиться на него: в нужное время все залы — от гостиной до его спальни — будут безлюдны и служанка не последует за своей госпожой.

Правда, это в том случае, если в отца удастся влить достаточное количество бренди, чтобы заставить его забыть

о своих планах, и удастся увлечь безиком* настолько, чтобы его сморил сон.

Что ж, вечер обещал быть интересным. Джон вышел на галерею, соединявшую оба крыла, и, ощущая сырую прохладу вечера за окнами, двинулся к лестнице, мимо портрета матери, который по настоянию отца оставили рядом с ее старой комнатой.

Лестница была освещена будто для бала, ярко пылали свечи в вестибюле и в огромном обеденном зале. Слуги накрывали массивный стол на три персоны. Джон постоял, пытаясь сообразить, почему отец выбрал именно этот зал, а не более интимную «желтую» столовую, и услышал голос отца, доносившийся из гостиной. Пройдя зал, Джон задержался, ожидая, пока перед ним откроют двери.

И тогда он понял, зачем такая торжественность. И понял, что никакое количество бренди не замутит отцу голову, как не отвлечет его и игра в безик.

Чтобы описать гостью, не хватило бы слов.

Кожа просто не бывает столь белой, а черты лица — столь совершенными... Он увидел блеск ее глаз, бледных, как фаянс, и прозрачных, как море. Он попытался найти подходящие случаю слова, но смог только улыбнуться и, низко поклонившись, шагнул вперед.

— Мой сын Джон.

Слова отца прозвучали где-то далеко, как эхо. Сейчас только эта женщина представляла для него интерес.

— Я очарован, мадам,— тихо произнес Джон.

Она протянула руку.

— Леди Мириам,— с легкой иронией в голосе сказал отец.

Взяв прохладную руку, он прижал ее к губам, задержав на мгновение дольше, чем следовало, затем поднял голову.

Она пристально, без тени улыбки глядела на него.

---

* Безик — род игры в карты. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Его поразила сила ее взгляда, настолько поразила, что он в замешательстве отвернулся.

Сердце его учащенно билось, лицо пылало румянцем смущения. Он прикрыл свое замешательство, занявшись табакеркой. Когда же снова осмелился взглянуть на нее, глаза ее были уже веселыми и приветливыми, какими и должны быть женские глаза.

Затем, словно желая подразнить его, она вновь устремила на него свой странный, бесстыдно пристальный взгляд. Никогда прежде не встречал он столь откровенного бесстыдства, ни в грубой посудомойке, ни даже в уличной девке.

И увидев его в этой необычайной, утонченно-изысканной красавице, он затрясся от возбуждения. Слезы выступили на глазах, он непроизвольно протянул к ней руки. Она собиралась что-то сказать, но лишь провела кончиком языка по зубам.

Он забыл об отце, забыл обо всем. Руки Джона обвились вокруг нее — и будто язычки пламени пронеслись по ним. Тело его вспыхнуло, глаза закрылись, он словно погружался в нее, склонив голову на алебастровую шею, касаясь губами чуть солоноватой, молочно-белой плоти.

Смех вырвался из нее подобно лезвию. Он вскинул голову, уронил руки. В глазах ее было что-то настолько похотливое, настолько издевательское и торжествующее, что страсть его внезапно сменилась страхом. Этот взгляд... он уже видел его...

Да, у пантеры — индийцы демонстрировали ее в Воксхолл-Гарденз.

Светлые яростные глаза пантеры.

Как могут быть такие глаза столь восхитительно прекрасными?

Длилось это не больше минуты. Все это время отец Джона стоял, будто прикованный к месту, подняв брови, с растущим изумлением на лице.

— Сэр! — наконец вырвалось у него.— Но позвольте, сэр!..

Джон с трудом взял себя в руки. Не подобает джентльмену так позориться перед собственным отцом.

— Не сердитесь на него, лорд Хэдли,— сказала Мириам.— Вы и представить себе не можете, сколь мне это лестно... Такой порыв! Такая горячность!..

Голос ее был мягок и нежен, но, казалось, заполнил всю комнату своей вибрирующей энергией. Слова, быть может, и не понравились отцу Джона, но ему пришлось подавить свое недовольство. Старый лорд изящно поклонился и предложил даме руку. Они вместе прошлись по огромной комнате, задержавшись перед камином. Джон, на вид исполненный почтения, двигался за ними, однако все в нем клокотало. Манеры и внешность этой женщины поразили его: никогда прежде не встречал он подобного чуда, более того — он даже вообразить себе такого не мог. Чудесный аромат роз невидимым шлейфом тянулся за ней. На нежной коже играли отблески пламени в камине, и красота ее согрела своим сиянием старую комнату, изгнав промозглость осеннего вечера.

По сигналу отца на балконе заиграл волынщик. Мелодия возбуждала, волновала кровь — что-то шотландское, красивое и неистовое одновременно. Мириам обернулась и посмотрела вверх.

— Что это за инструмент?

— Волынка,— ответил Джон, опережая отца.— Это шотландский инструмент.

— Также и бретонский,— резко бросил отец.— Это бретонский волынщик. В доме Хэдли шотландцев не бывает.

Джон знал, что это не так, но не решился противоречить отцу.

Они съели пару куропаток, затем последовали телятина, пудинг и бисквиты. Джон хорошо запомнил этот обед — ведь Мириам не отведала ни одного блюда. Все, что ей по-

давали, оставалось нетронутым. С их стороны было бы невежливо интересоваться причинами ее невнимания к еде, и к концу обеда отец Джона погрузился в некоторое уныние. Лишь когда она выпила немного портвейна, он повеселел.

Отца, несомненно, мучили опасения относительно собственной внешности — вдруг гостья, сочтя его достаточно непривлекательным, не останется на ночь, а соберется и уедет?.. Джон чуть не рассмеялся вслух, увидев, как воодушевился его отец, когда она стала пить; его слабо державшиеся вставные челюсти, осклабившиеся в плотоядной гримасе, являли собой весьма неприятное зрелище.

Во время обеда Мириам дважды посмотрела на Джона, и оба раза взгляд ее был таким теплым и приглашающим, что он и сам изрядно воодушевился.

Когда вечер закончился, он вернулся в свои покои, полный нетерпеливого ожидания. Он сразу же отпустил Уильямса, сбросил одежду, отшвырнул парик и остался обнаженным. Подойдя к каминной решетке, он постоял у огня, затем прыгнул в постель, согретую теплыми кирпичами. Он лежал без сна, поражаясь тому, что залез в кровать без ночной рубашки, полный небывалого возбуждения. На столике рядом в свете свечи сверкали три золотых соверена.

Он лежал, прислушиваясь к шуму дождя и ветра, в тепле и уюте, под стеганными одеялами, и ждал. Медленно тянулись часы. Тело его, напряженно вытянувшееся на постели, затекло, заныло от долгого ожидания.

Сам того не заметив, он наконец заснул. Пробуждение было внезапным, ему снилась она. Поискав на столике, он нашел свои часы и открыл крышку. Было почти пять часов утра.

Она не собиралась приходить. Он сел. Несомненно, любая разумная шлюха поняла бы значение взглядов, которыми они обменялись. Три соверена лежали нетронутыми. Эта дура не явилась за тем, что могла бы получить.

Отец давно уже должен был с ней закончить. Поежившись от холода, он отбросил одеяло и встал с кровати. Он не знал, где Уильямс держал его одежду, поэтому надел брюки и рубашку, которые были на нем вечером. Схватив золотые монеты, он заспешил по коридору.

Яркий огонь пылал в камине комнаты для гостей. На кровати кто-то лежал. Она... Джон подошел и мягко положил руку ей на щеку.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как она улыбнулась. Не было ни замешательства, ни сонливости во взгляде.

— Я все думала, придешь ли ты,— сказала она.

— Бог ты мой, ты должна была прийти ко мне!

Она рассмеялась.

— Вряд ли я смогла бы это сделать. Но раз уж ты здесь, смотри не простудись — и приглашающим жестом приподняла одеяло.

Он стремился сдержать дрожь, но не мог. Он словно лежал с дочерью величайшего правителя мира. В ней не было ничего от шлюхи, совершенно ничего. Все шлюхи грубы, глаза их выстужены горечью пережитого — как будто всё они знают и нет для них ничего святого. Но здесь были только невинность, трепетная чистота — и ужасающая похоть.

Она позволила ему себя раздеть. Обнаженная, она привлекла его к себе, сняла с него одежду.

— Пошли...— Она встала с кровати.

— Пошли?

— К камину.— Обняв друг друга за талию, они подошли к огню. В комнате было тепло; ее служанка, очевидно, развела огонь не более часа назад.— Скажи правду,— заговорила она.— Я первая?

— В каком смысле?

— Первая, в которую ты по-настоящему влюбился.— Она коснулась его — столь бесстыдно и столь чудесно.

Он взглянул вниз, на ее руку, поражаясь тому, что этот простой жест может принести такое удовольствие. Он еле держался на ногах.

— Да! Я люблю тебя!

Он стоял, застыв, потрясенный, не в силах оторвать взгляд от ее дивного тела, дерзкого и страстного в своей наготе. Она подняла лицо, обвила руками его шею; губы ее раскрылись. Он поцеловал ее, он припал губами к ее рту — и ощутил кисловатое, до странности холодное дыхание.

— Вернемся в постель,— бросила она и повела его от камина, взяв за руку; затем вдруг остановилась и, удерживая его на расстоянии вытянутой руки, уставилась на него своим пристальным взглядом.— Дай-ка мне на тебя посмотреть.— Руки ее пробежали по его груди, легко коснулись мускулистого живота и без стеснения стали исследовать интимные части.— Ты когда-нибудь болел? — спросила она.

— Конечно нет! — Его поразила эта бесцеремонность. Что ей за дело до его болезней?

— Эта болезнь передается от тела к телу,— отрешенно сказала она. Она, конечно, говорила ерунду.— Но это не важно. Меня интересовало общее состояние твоего здоровья.

— Я в полном порядке, мадам.— Он мрачно прошел мимо нее и улегся на кровать. Она посмотрела на него сверху вниз, легко рассмеялась и закружилась по комнате; тело ее было преисполнено грации и красоты юности. Джон зачарованно следил за ней взглядом — в нем росло нетерпение.

Внезапно она прыгнула в кровать. Это была высокая кровать с пологом на четырех столбиках, и прыжок ее показался Джону совершенно сверхъестественным. Он попытался засмеяться, но что-то в ее поведении остановило его. Она показалась ему раздосадованной, когда забиралась под одеяло.

— Ты ничего не понимаешь в любви,— громко произнесла она. Затем вдруг оказалась с ним рядом. Сидя на корточках,— глаза, как у проказливого эльфа,— она спросила: — Не хотел бы поучиться?

— Я бы сказал... да. Хотя ты и не спешишь со своими уроками.

Она без предупреждения схватила его за щеки и неистово впилась в губы. Язык ее оказался у него во рту. Он был жестким и шершавым, как ерш, и Джон удивленно отстранился. Как может быть такое во рту человека? Это просто ужасно. Он в замешательстве бросил взгляд на дверь.

— Не бойся меня,— сказала она. Затем весело рассмеялась — и смех ее зазвенел в предрассветных сумерках.

Джон не был суеверным человеком, но в этот момент он вспомнил о лагерях цыган. А вдруг она цыганская ведьма, пришедшая сюда, чтобы заявить о своих правах на поместье Хэдли? Она, должно быть, заметила выражение его лица, потому что буквально бросилась на Джона. Ее руки скользили по его телу, плоть ее касалась его плоти, она подставляла ему лицо для поцелуев.

И он ее целовал. Он целовал ее так, как никогда никого раньше. Он покрывал поцелуями ее губы, ее щеки, шею. А потом она вдруг приподняла руками свою грудь и подставила ее под его жаркие поцелуи. Никогда прежде не испытывал Джон такого удовольствия, лаская женскую грудь. Сердце его разрывалось от счастья. Забыв про цыган, он целиком отдался небывалому наслаждению. Мягко и настойчиво она передвигала его голову вниз, пока он не стал целовать ее самое тайное, самое интимное место.

Его изумила мощь этого удовольствия. Она повернулась — проворно, ловко,— и не успел он это осознать, как она уже целовала его в *то* место.

За эти несколько минут она пробудила в нем чувства, о которых он и не подозревал доселе. Волны ликования заполняли его. Он чувствовал, как растет ее возбуждение. Ни одна женщина не вызывала в нем ощущения, что он так умел, так *хорош*. Затем настроение ее изменилось. Мягко, настойчиво она изгибалась под ним, пока они не оказались лицом к лицу. Ноги ее раздвинулись, глаза манили.

Слабый звук, в котором слились воедино и радость, и страх, сорвался с ее губ, когда он скользнул в нее. Затем руки ее поднялись, схватили его ягодицы, и они начали.

Джон сражался как мужчина, но возбуждение его было столь велико, что уже спустя несколько мгновений он бился в экстазе, бился и выкрикивал ее прекрасное имя — выкрикивал, не заботясь, что его могут услышать слуги, выкрикивал во славу великой любви.

Он опустился на нее.

— Выходи за меня, шлюха,— выдохнул он.

Она медленно водила пальцами по его спине, впиваясь ногтями в кожу. Лицо ее оставалось бесстрастным. Ногти впивались больно, но он словно и не замечал этого. Он был слишком счастлив, слишком опьянен..

— Леди Мириам, ты должна стать моей женой.

— Я не настоящая леди.

Он рассмеялся.

— *Ты должна ею быть!*

В это мгновение он на ней и женился. Души их не расстанутся отныне вовек.

Он вспоминал те годы — годы безумной любви, ее чудо и ее ужас, дивное великолепие страсти. Так много было приобретено, так много потеряно.

И поместье пришло в запустение. Крестьяне сбежали. Костры цыган потухли. Угас и старый лорд. Джон потерял себя в ней, потерял — и найти уже не мог. Потерял себя в любви к ней.

Мириам была встревожена. Голова Джона безвольно покачивалась, рот приоткрылся. Он явно дремал. Для них это было просто немыслимо. Они или бодрствовали, или *Спали*, то есть находились в глубоком укрепляющем трансе, свойственном их природе.

Он беспокойно пошевелился. Ах, только одно могло быть не в порядке! Она тряхнула головой, отказываясь в это поверить. Не так скоро, конечно, нет!

Она включила четвертую скорость. Огни мелькали за окнами, машина неслась к Нью-Йорку.

— Ты едешь слишком быстро.— Он повысил голос, стараясь перекрыть шум ветра.

— Мы одни на дороге.

Стрелка спидометра дрожала около восьмидесяти. Мириам, откинув голову назад, рассмеялась — горько и зло. Он не мог так быстро сдать. Она так его любила — его молодость, его свежесть. Рука ее скользнула в его руку, ощутила ответное пожатие.

— Ты задремал, да?

Она почувствовала на себе его взгляд.

— У меня были видения.

— Это похоже на *Сон*?

— Что-то вроде грез наяву. Я наполовину бодрствовал. Я видел прошлое — то время, когда мы встретились.

Она чуть не закричала от облегчения. Грезы наяву! Теперь она могла полностью отдаться тому чудесному состоянию, которое обычно наступало после насыщения. Старое ухабистое шоссе, запущенный город — во всем была скрытая красота. И за чувством облегчения в сердце ее пришло знакомое чувство — любовь к роду человеческому, или, точнее, благодарность за то, что он существует.

Мысли ее обратились к маленькой Алисе Кавендер, которую она вскоре должна будет трансформировать. Когда для Джона действительно наступит зима — нет-нет, не скоро, еще много лет пройдет,— у Алисы будет только начало лета. Он иссохнет, сморщится, она — расцветет, и любовь Мириам переключится с одного существа на другое, и не будет тех ужасных лет одиночества, которые ей приходилось влачить в прошлом. Чтобы подбодрить себя, она попробовала *коснуться* Алисы. Отклик пришел незамедлительно — она ощутила ее теплоту, ее запах, неистовство ее сердца. Затем все кончилось — дивный шторм утих. *Прикосновение...* как хорошо. Девочка отлично развивалась в нужном направлении.

Они пересекли Флашинг-Медоу-Парк, оставив слева огромное кладбище Маунт-Хеброн и справа — павильоны Всемирной ярмарки. Мириам внимательно наблюдала за Джоном, не забывая, впрочем, и о дороге.

— Помнишь Террас-Клуб? — задумчиво спросил он.

— Как могу я забыть? — Это было в тридцать девятом, Террас-Клуб тогда располагался на месте старой Всемирной ярмарки. Она живо представила себе его веселые желто-белые стены, изящные линии столов и стульев из нержавеющей стали.

— Мы там танцевали.

— Мы там делали не только это...— Она хорошо помнила, как Джон в припадке неистовства похитил девчушку из дамского туалета, в то время как она наслаждалась ее кавалером.

Огни Манхэттена замелькали вдали — они ехали через Квинс. Мириам казалось, что все это было так недавно. Как будто не больше недели прошло с тех пор, как весь этот район наводнили строители. Раньше здесь проходила мощеная дорога, в воздухе носились запахи смолы и сырой древесины. В те дни Лонг-Айлендская магистраль еще не была построена, и трамвайные пути бежали к Озоновому парку. Спальных районов на окраине тогда еще не существовало. Они часто ездили на маленьком трамвайчике с сиденьями из ротанга — он звенел, разбрасывал искры, подрагивал на рельсах, островок света в безбрежности океана темноты.

Скоро началась вереница кладбищ: Маунт-Сион, Кэлвери, Грин-Эйкерс. Воздух наполнился затхлостью и прохладой.

Джон включил радио, и доносившийся из ниоткуда старческий голос, рассказывавший какую-то бесконечную грустную историю, вторгся в ее воспоминания, нарушив их плавное течение.

— Пожалуйста...

— Мне это нравится.

— Ты более эксцентричен, чем я думала.

— Мне нравится слушать стариков. Я втайне злорадствую над их немощью.

Да, это понять она могла. Она вполне могла себе представить, что должен чувствовать Джон, одержав верх над проклятием старости. Что он идеальный человек, верх совершенства... Она тоже стала получать удовольствие от присутствия в воздухе этого старческого голоса. Он являлся прямой противоположностью молодости и энергии Джона; на таком фоне сидящий рядом казался ей еще более чудесной, еще более вдохновляющей находкой, чем когда-либо раньше.

Она быстро проехала Мидтаунский тоннель и через Третью авеню к Саттон-Плейс. Дом их стоял в конце тупика — небольшое, но элегантное строение, с виду ничем не похожее на крепость, каковой он на самом деле являлся. Мириам нравилось чувство защищенности, которое она здесь испытывала. Она не жалела ни времени, ни средств на охранную систему. Она интересовалась всеми техническими новинками, совершенствуя по мере их появления свою систему сигнализации. В оконных проемах, где на подоконниках росли петунии, вечно бодрствовали микроволновые датчики. Каждое окно и каждая дверь были снабжены электростатическим барьером, достаточно мощным для того, чтобы привести любого взломщика в бессознательное состояние. Даже кровать Мириам была оборудована новой системой защиты, которая при приближении к ней чужака опускала вокруг стальные экраны. В садике за домом среди роз стояли чувствительные детекторы, которые реагировали на шаги и распознавали, человек это или животное. Камеры со светоусилительными линзами сторожили аллею и площадку перед гаражом, а управляющий ими компьютер бдительно следил за любым человеком, оказавшимся в пределах их досягаемости.

Когда-то под аллеей и садиком проходил потайной ход — он вел к частной пристани на Ист-Ривер,— но после прокладки магистрали все изменилось. Защититься теперь было важнее — и легче,— чем бежать.

Она остановила машину, выключила фары и нажала кнопку на щитке машины, чтобы закрыть за собой дверь гаража. Джон сразу же вышел и направился в котельную, чтобы сжечь мешки с пустыми оболочками их жертв. Он спешил, дым должен был исчезнуть до того, как начнет светать.

Мириам чувствовала себя неловко. Она разрешила Алисе остаться здесь на всю ночь, нарушив тем самым свои же собственные строжайшие правила. Теперь придется сказать об этом Джону — чтобы он не слишком шумел в котельной.

— Тише, не разбуди Алису,— негромко произнесла она.

— Ничего страшного. Я уже встала.— Алиса стояла наверху, на лестнице, ведущей в подвал. Ее серо-голубые глаза смотрели на Джона и на два его больших пластиковых мешка.

— Оставайся наверху,— быстро сказала ей Мириам.

Проигнорировав ее реплику, Алиса с кошачьей грацией стала спускаться по лестнице.

— Ты мне снилась.— Она взглянула на Мириам. В глазах ее был немой вопрос, она ощутила в этом сне что-то необычное.

Мириам улыбнулась. Когда она *коснулась* ее, Алисе приснился сон. Хорошее начало. Так закладывается великая любовь.

— Ну раз уж она здесь, почему бы ей не помочь мне? — едко заметил Джон.— Какая тебе разница, это же просто мусор.

Что ж, он имел все основания негодовать, но Мириам была настолько рада присутствию Алисы, что с удивлени-

ем обнаружила: ей сейчас нет никакого дела до Джона и его злости.

— Прекрасно,— сказала Алиса, нарушив молчание, последовавшее за замечанием Джона.

Мириам пошла наверх. Несмотря ни на что, она ощутила мгновенную вспышку удовольствия из-за резкости, прозвучавшей в голосе Джона. Он был интересен, когда злился. Иногда она специально его подначивала. Это отчасти и явилось причиной того, что она, вопреки своему запрету, пригласила Алису провести здесь ночь. Это — и еще любовь, которую она к ней испытывала.

Джон смотрел, как Алиса спускается по лестнице. Ему не нравилась ее соблазнительная внешность, не нравилась сила ее характера, но больше всего ему не нравилось то, как действовало ее присутствие на Мириам. Он приходил в ярость, сознавая, в сколь малой степени Мириам принадлежит ему. Все эти чувства неизбежно приводили его к мысли, что неплохо бы насытиться ею, позволить своему телу делать с ней все, что оно захочет, и, уничтожив эту постоянную угрозу их благополучию, уничтожить заодно и разъедавшую его ревность. Сегодня, впрочем, ему будет легче переносить ее присутствие — голод на время затих.

— А почему бы вам просто не оставлять мусор в проулке, как это делают все остальные?

Типичный вопрос этой зануды. Мириам просто не имеет права заявлять, что ей нужна дружба девчонки. Это уж слишком! Она ведь говорила: он будет с ней вечно!.. Единственное, что могло бы этому помешать,— несчастный случай. Он чуть не рассмеялся — забавная мысль вдруг пришла ему в голову. Что, если это неприятное маленькое существо — его замена на случай, если он погибнет?..

— Так почему же? — повторила она. Алиса всегда требовала ответа на свой вопрос.

— Не слишком часто его оттуда убирают.— Он бросил ей мешки.— Подержи их, пока я разожгу огонь.

Скоро рассветет. Надо спешить. В дневное время они никогда не сжигали «вещественные доказательства».

— Они такие легкие.

— Тебе что за дело? Мы были голодны, решили перекусить.— Он потянул рычаг подачи газа — сюда специально была подведена линия газа высокого давления. Раздался хлопок, рев, и топка заполнилась голубыми языками пламени.

— А что здесь такое, бумага?

Он вырвал мешки из ее рук.

— Считай это еще одной из наших тайн.

— Вы на машине везете мусор домой?

Джон уставился на нее, свирепо сверкая глазами.

— Мы устроили пикник. Как ты ухитрилась его пропустить, я и вообразить себе не могу.

Она улыбнулась — с нарочитой любезностью.

— Вы меня не приглашали. А я не такой человек, чтобы навязываться.

— Я что-то этого не заметил.

— Могу поспорить, что Мириам хотела меня взять. Ты, вероятно, не позволил ей.

— Мне жаль тебя разочаровывать, но она вообще не упоминала твоего имени.

— Она любит меня.

Это было сказано так просто и с такой убежденностью, что Джон не нашел слов для ответа. Делая вид, будто не замечает ее присутствия, он занялся топкой.

Мириам подошла к туалетному столику и стала готовиться ко *Сну*. Она работала по возможности быстро: сняла линзы, углублявшие цвет ее глаз, смыла косметику, скрывавшую ее бледно-белую кожу, сорвала парик. Распушив пальцами нежное облачко своих волос, она на несколько минут залезла под душ.

Голоса *Сна* звучали в ней все громче и громче.

Когда она вышла из душа, Джон уже сидел на кровати.

— Зачем ты разрешила ей сегодня остаться?

— Ее родители в отъезде.

— Она видела, как я сжигаю мешки.

— Скоро она будет тебе помогать. Ты готов ко *Сну*? — Она опустилась на кровать.

— Я никак не могу понять, что тебе от нее надо!

— Она смотрит за домом. Ты собираешься *Спать*?

— У меня нет никакого желания.

Страх охватил ее при этих словах, страх, который она постаралась скрыть. Он *должен Спать*! Она подняла руку, коснулась его, пытаясь сформулировать вопрос. Но было уже невозможно бороться со *Сном*. Последнее, что она запомнила, проваливаясь в *Сон*,— это его беспокойное шевеление. Затем ее захватило сновидение — столь же реальное и ощутимое, как жизнь, более яркое и живое, чем картинки, возникающие в памяти. Она *Спала*.

1

Рим: 71 год до Рождества Христова

Она ненавидела этот город и — более всего — в августе. Мерзкая, отвратительная жизнь кишела на грязных городских улицах: крысы, мухи и больные, заходящиеся в кашле бедняки Империи*. Тележки, груженные всем, чем угодно, от колбас до шелков, потоком лились из ворот, теснились в узких проулках и забивали форумы. Экзотические личности со всех концов света, толкотня, ссоры и воровство на каждом углу. Над всем этим висело синеватое облако дыма от бесчисленных прилавков с кровяными колбасами и пекарен. Рим был буквально затоплен

* В действительности Рим стал называться империей со времени правления Октавиана Августа (27 г. до н. э.).

людьми: голые рабы, высшие магистраты, пред которыми шествовали ликторы* и за которыми неслась возбужденная толпа назойливых просителей, солдаты, поскрипывающие кожей и звенящие медью, аристократические дамы, проплывающие на носилках над толпой, людские водовороты вокруг кричаще расписанных храмов правителей и богов.

Она управляла своей колесницей не хуже опытного возницы. Впереди шли два раба и хлыстами разгоняли толпу — ей было наплевать, что будут думать о ней, у нее не было времени, чтобы пользоваться услугами ликторов с их жалкими прутиками. Она спешила, а Рим еще едва шевелился, собираясь проснуться.

Близ Аппиевой дороги толпы несколько поредели; никто в эти дни не выходил через Капенские ворота**.

Остались позади роскошные дворцы Палатинского холма и ярко расписанный Храм Аполлона. Слуги перешли теперь на легкий бег. Скоро она уже сможет подстегнуть лошадь и пронестись мимо них. Ее нетерпение росло, до наступления жары времени оставалось все меньше и меньше.

Сегодня она найдет одного из самых сильных мужчин на земле и сделает его своей собственностью. Она проехала под Аппиевым акведуком, миновала Капенские ворота. Теперь уже ничто не задерживало ее. Настегивая лошадь кнутом, она с грохотом пронеслась мимо Храма Чести и Добродетели и взмыла на вершину невысокого холма. Пред ней, внизу, лежало царство Смерти.

---

* Ликторы — почетная стража высших римских сановников, носившая так называемые фасции (связка прутьев с топориком в середине) как знаки достоинства сопровождаемых ею лиц. В Риме (но не в римских провинциях) ликторы ходили без топориков, с одной лишь связкой прутьев.

** Капенские ворота находились в южной части Рима, между Авентинским и Целийским холмами; через них проходила Аппиева дорога в Капую.

Даже в этот жестокий век, когда жизнь человека ничего не стоила, страшное зрелище, внезапно открывшееся взору, наполнило сердце ее ужасом и болью.

Солнца не было видно из-за плотного, грозно гудящего облака мух. На многие мили вдоль Аппиевой дороги, бегущей то вверх, то вниз по пологим Кампанийским холмам, шел двойной ряд крестов. Здесь было распято войско раба-бунтовщика по имени Спартак. Уже третий день, как висели они на крестах. Большой вопрос, сможет ли она найти хоть одного живого?

Этот человек должен быть необычайно силен. Отец Мириам, рассуждая о их общих проблемах, говорил, что решить их можно, только если выбирать самых сильных. В прошлом они слишком часто ошибались, и трансформированные всегда умирали.

Мириам просто необходим был такой мужчина. Она мечтала о нем, бредила им. И, скрывшись от мух за тонкой тканью своих покрывал, она гнала лошадь, чтобы его найти. В утреннем солнце кресты отбрасывали длинные тени. Мириам наконец была одна на дороге; путешественники даже в Капую шли в обход по Ардейской дороге*, чтобы держаться подальше от этого зловещего места. За колесницей Мириам появились ее рабы, задыхавшиеся от бега и отмахивавшиеся от вьющихся вокруг них мух. Лошадь нервно фыркала, когда мухи облепляли ее морду.

— Конюх! — Она повелительно махнула рукой.

Ее рабы обмотали головы льняной тканью, пропитанной желчью. Конюх пошел впереди. На мгновение его наряд напомнил ей о прежних, лучших, временах; она вспомнила, как шли — в таких же тюрбанах — кочевники, палимые жарким солнцем пустыни. В те дни она принадлежала семье номадов; они бродили по пустыне, хватая случайных путников по краям плодородной долины Египта.

---

* Ардея — столица рутулов (к югу от Рима), древнего народа Лация.

Она терпеливо продвигалась вперед, от одного трупа к другому, стараясь унять отвращение к сладковатому запаху Смерти и раздражающей навязчивости мушиных полчищ. Тошнота подступала к горлу.

Рим! Безумие правит тобой.

А ведь будет много хуже. Превращение этого города в мировую державу теперь, после казни восставших рабов, неизбежно. Со временем и она канет в небытие, но это случится еще не скоро. Много будет тяжелых лет впереди.

Каждые несколько минут она останавливалась, откидывала покрывало и вглядывалась в кого-нибудь из распятых. Движением руки она посылала раба проверить его — ткнуть палкой в ребра. Лишь слабый стон слышался в ответ — да и то не всегда,— и она ехала дальше. Один из следовавших за колесницей рабов, чтоб облегчить тягостный путь, достал флейту и заиграл. Печальные звуки заунывного египетского напева как нельзя лучше отвечали ее настроению.

Еще издали заметила она одного мужчину и остановилась, внимательно всматриваясь в него. Чувствовалась в нем некая собранность, он явно пребывал в сознании. Человек, привязанный к кресту, должен держать ноги прямыми — иначе он задохнется. Все силы требуются ему для того, чтобы оставаться живым. Только неодолимый страх смерти заставляет человека бороться.

Этот мужчина провел на кресте почти семьдесят два часа. А ведь он должен был понимать, что милости ждать неоткуда.

Она тихо хлопнула в ладоши, поторапливая конюха. Это единственное, что она могла позволить себе,— она пустила бы лошадь в галоп, но тогда ее рабам опять пришлось бы бежать за ней. Она не была римлянкой и презирала бессмысленную жестокость. Медленно двинулись они вперед.

Это был грек, а может, азиат, грязный и жестоко израненный бичами; глаза закрыты, на лице — отрешенность, почти умиротворение: слишком долго боролся он с болью.

Он вдруг выпрямил ноги и страшный, тяжелый вздох донесся до ее ушей. Затем тело его опять обвисло. Один глаз слегка приоткрылся, уставившись сверху вниз на приближавшихся зрителей. Но они уже ничем не могли привлечь его внимание: все свои силы отдавал он борьбе.

Без крика, без стона он еще раз проделал то же самое — и опять сник. И тут она заметила, что ступни его ритмично шевелятся, еле видные из-под мерзкой, копошащейся массы,— мухи устроили кровавое пиршество на его ногах... Он пытался ослабить свои путы!

И мухи смели пить его кровь!..

— Деметрий, Брут, снимите его!

Рабы подбежали к кресту и стали расшатывать его, чтобы вытащить из земли. Лицо мужчины исказила гримаса.

— Осторожней, вы причиняете ему боль!

Они опустили крест на землю, и она, слетев с колесницы, подбежала к нему. А вдали уже слышался стук подков... Но не время было беспокоиться о солдатах. Она протерла ему лицо желчью и уксусом, пока рабы его отвязывали. Он был в ужасном состоянии, в ушах уже завелись личинки. Кожа почернела и потрескалась, тело распухло. Только слабое, хриплое дыхание говорило еще о том, что он жив,— дыхание и один открытый глаз.

Он пристально смотрел на нее. Она говорила с ним, успокаивала его, как сына. Глаз этот ее тревожил. Невероятно, как вообще смог человек сохранить сознание после столь тяжких испытаний.

— Госпожа...— шепнул один из рабов.

Она подняла голову. С обнаженными мечами, будто часовые Смерти, стояли посреди дороги три солдата — недвижные силуэты в зыбком облаке мух. Эти солдаты охраняли кресты, следя за тем, чтоб никто не снимал с них осужденных. Немало людей хотело бы это сделать. По многим мотивам: родственники, сочувствующие, работорговцы, гоняющиеся за легкой прибылью.

— В колесницу его — быстро!

Он застонал, когда его подняли. Рабы положили его в колесницу, прижав колени к животу. Нельзя было терять время — когда она взошла на колесницу и схватила поводья, солдаты были уже близко.

— Скажи им, что я жена Красса,— бросила она конюху.

Ложь, но она заставит их колебаться. Римский солдат никогда не станет вмешиваться в дела жены одного из консулов. Резко дернув поводья, она пустила лошадь вскачь. Она позволит нестись ей галопом до самого Рима; к этому времени Витрикс наверняка только и мечтала, как бы поскорей вернуться в свое стойло. А что до ее шести рабов, так они могут и не спешить. Пусть поговорят с солдатами — уж они-то смогут убедить их в своей невиновности; они — египтяне, искушенные в словесных сражениях, а солдаты — простые парни из Лация*.

Мужчина кричал от боли, когда колесницу встряхивало на ухабах, и Мириам кричала вместе с ним. Он был для нее такой невероятной находкой, что одна только мысль о возможности потерять его приводила ее в отчаяние.

Она объехала полмира в поисках такого мужчины, как этот,— мужчины, который цеплялся бы за жизнь всеми силами души.

У Храма Марса она свернула с Аппиевой дороги на разбитую ухабистую колею, которой обычно пользовались возчики. Не было смысла возвращаться через Капенские ворота — это могло возбудить подозрения стражников. Она объехала Храм, держась поближе к городской стене. Жалкие хибары ютились в тени стены, и воздух, казалось, был насквозь пропитан зловонием, поднимавшимся от сточных вод, которые стекали в колею,— грязь, нечистоты, полуразложившиеся трупы... Десятки людей всевозможных рас и народов встречались по обеим сторонам

---

* Лаций (Латий) — область между Тирренским морем, Этрурией и Кампанией; центром Лация был Рим.

колеи: бродяги, переселенцы, которые шли сюда, не зная, что надеяться им не на что. Для них Рим был закрыт. Лишь гражданам Рима, рабам и вольноотпущенникам закон давал право на вход в город. Какая-то женщина бросилась к колеснице, потрясая палкой. Мириам показала ей короткий меч, и та сникла. Люди эти большей частью были крайне слабы, обессилены голодом и болезнями — и не смогли бы справиться с ней, не говоря уже о том, чтобы остановить лошадь.

У Невиевых ворот* проезд был забит телегами и повозками. Мириам подхлестнула лошадь. Любая неразбериха ей на руку.

Не стесняясь в выражениях и не менее свободно пользуясь кнутом, она расчищала себе путь, отбрасывая с дороги возчиков и их лошадей. Солдаты, охранявшие ворота, тряслись от смеха. Пробиться она сумела довольно быстро — состояние ее спутника заставляло ее отчаянно спешить. Никто не остановил Мириам, никто не поинтересовался, что везет она в своей колеснице.

Проехав Большой Цирк, она направилась к Квадрате — району богатых домов и роскошных особняков. Мириам была владелицей дома на Яникуле**, где она занимала только нижний этаж, а верх сдавала внаем. Часть этих доходов шла на выплату налогов, а того, что оставалось, вполне хватало на содержание ее апартаментов, виллы в Геркулануме и пятидесяти рабов. Она жила достаточно скромно, но удобно, заботясь лишь о том, чтобы не привлекать к себе внимания.

Пробравшись сквозь лабиринт проулков за Цирком, она выехала на Эмилийский мост и оказалась наконец в тишине богатых кварталов. В это время года здесь было

---

* Невиевы ворота — в южной части Рима, между Авентинским и Целийским холмами.

** Яникул — холм на правом берегу Тибра.

безлюдно — жители уезжали на лето в Капую или Помпеи.

Вскоре она добралась до своего дома. Едва только колесница показалась из-за угла, к ней сразу же бросились рабы: мальчик-конюх схватил поводья ее тяжело дышавшей лошади, в то время как другой занялся колесницей. Ее египетские врачи внесли привезенного ею мужчину в дом. Она последовала за ними; нетерпение ее было столь велико, что служанке пришлось, идя рядом, мучиться с фибулой*, чтобы снять с хозяйки испачканный мухами плащ. Они пересекли атрий**, прошли перистиль*** с его цветами и лотосовым прудом и оказались в первом из банных залов, которые в ожидании гостя были переоборудованы в госпиталь.

По ее указанию воду в тепидарии**** посолили, а бассейн фригидария***** наполнили водой пополам с уксусом. В солярии****** разместили ложе со съемным пологом. Принесли лекарства, а также селитру и квасцы. Мириам собиралась призвать на помощь все свои медицинские познания — несомненно, более значительные, чем у так называемых «врачей» Греции и Рима,— ей просто необходимо было вернуть его в нормальное состояние. Она изучала медицину в Египте — и Древнее Знание ее собственного народа соединилось с Мудростью египетских жрецов.

Отмахнувшись от служанок, собиравшихся омыть ей лицо и руки, она приказала рабам перенести мужчину на ложе. Эти трое работали на нее достаточно долго, чтобы повиноваться ее приказам без возражений: они считали себя ее учениками в искусстве врачевания.

---

* Фибула — пряжка, застежка.

** Атрий — передняя или любое первое помещение от входа в дом.

*** Перистиль — внутренний дворик, окруженный колоннадой.

**** Тепидарий — теплая (прохладная) баня.

***** Фригидарий — прохладная комната в бане.

****** Солярий — терраса или плоская крыша.

Только теперь, когда солнечные лучи упали на его обнаженное тело, она смогла в должной мере оценить свою удачу. Несмотря на раны, на язвы, он был великолепен: полных шести футов ростом, мощные плечи и руки — и на удивление маленькие кисти рук. Лицо заросло щетиной... Лет двадцать на вид.

На нем живого места не было, но жестокость римлян не удивила ее, они были такими всегда. Внезапно у него в горле булькнуло, тело судорожно изогнулось... Она быстро приподняла его за плечи, ощутив под пальцами влажную от крови кожу, и наклонила ему голову к ногам. Поток темной рвоты хлынул у него изо рта.

— Дайте ему желчи,— взволнованно приказала она.— Он перестал дышать!

При помощи воронки желчь влили ему в рот. Его еще раз вырвало, но, когда она опустила его обратно на ложе, он уже дышал.

Она приказала омыть его горячей подсоленной водой и сидела, силой вливая ему в горло холодный фруктовый сок, в то время как рабы готовили воду. Затем ему втерли в раны мазь, приготовленную ею из грибка Fungus Aspergillus. Его вымыли во фригидарии и дали подогретого фалернского вина.

Он проспал двадцать часов.

Большую часть этого времени она провела у ложа мужчины, настороженно прислушиваясь к его дыханию. Проснувшись, он съел шесть фиников и осушил глиняную флягу с пивом.

И еще пятнадцать часов проспал он. И ранним утром проснулся с криком.

Она погладила его по лицу, бормоча что-то успокаивающее. Он спросил недоуменно: «Я мертв?» — и вновь провалился в забытье. Сон его, более глубокий, чем раньше, теперь длился до утра. Мириам не отходила от него; с тоской смотрела она, как тело его, охваченное жаром, опухает, раздувается — так раздувается, угрожая лопнуть, бур-

дюк, когда в него наливают слишком много вина. Сквозь едва затянувшиеся раны плоть его пылала ярким пламенем.

Дух Смерти витал над ним. Тело его стало горячим и сухим, и она решила устроить ему ложе во фригидарии. Он впал в бред, на изысканно-певучем греческом языке заговорив о холмах Аттики*. Она помнила эти холмы; с афинского Акрополя смотрела она, как заходящее солнце окрашивает их в пурпур. Помнила она и ветры, о которых он говорил,— ветры, благоухающие ароматами с Гиметта**, звучащие музыкой пастушьих свирелей.

Она гуляла там много лет назад — когда Афины были центром мира. В те дни товары со всех концов света появлялись у афинских ворот и корабли с голубыми парусами заходили во все порты Востока. В подобном месте — как, впрочем, и здесь — Мириам нетрудно было заниматься своим делом.

Вопреки всем ожиданиям, опухлость быстро спала и лихорадка прошла. Вскоре он уже мог поднимать голову и пить вино или целебный бульон, свежую свиную кровь или кровь цыплят. Из его бреда она узнала, как его зовут, и однажды, обратившись к нему по имени: «Эвмен»,— она увидела в ответ улыбку на его лице.

Она часами сидела, глядя на него. По мере того как заживали его раны, он становился все более и более красивым. Она научила свою рабыню брить его, а когда он уже мог сидеть, она пошла и купила ему слугу и мальчика для поручений.

Какое-то новое, удивительное чувство зрело в ее душе. Она позвала мастеров, велела им украсить мозаикой полы и расписать стены — ей так хотелось, чтобы дом выглядел свежим и нарядным. Она одевала Эвмена в тончайшие

---

* Аттика — область Эллады (Греция) с главным городом Афины.

** Гиметт — гора в Аттике, славившаяся мрамором, медом и тимьяном.

шелка, как вавилонского царевича. Она умащала его волосы и подводила охрой глаза. Когда же он достаточно окреп, она превратила перистиль в гимнасий* и наняла для него учителей-профессионалов.

И сама она расцвела — никогда еще не была столь красивой. Ее рабы-мужчины становились в ее присутствии неловкими и глупыми, а если ей приходило в голову наградить кого-нибудь из них поцелуем, они краснели.

Не было в Риме дома веселее, не было женщины счастливей. Скоро Эвмен окреп настолько, что мог уже выходить, и они стали совершать прогулки. Помпей приказал наполнить Фламиниев Цирк водой и устраивал там шуточные морские сражения для развлечения публики. Они провели там целый день, в отдельном помещении: пили вино, ели холодное мясо — фазанье, голубиное, свиное,— приготовленное по-эвбейски**. Был сентябрь, и в продаже стал появляться лед — по пятьдесят сестерциев за фунт. Она купила немного льда, и они пили потом холодное вино, смеясь над всей этой безумной роскошью.

Она наблюдала за тем, как Эвмен в нее влюбляется. С начала и до конца это было ее триумфом. Испытание, которому его подвергли, подтвердило его необычайную силу, а ум его в проверке не нуждался: он был третьим сыном афинского академика, и его продали в рабство, чтобы вернуть библиотеку отца, захваченную римлянами.

— Мне надо ехать в Вавилон,— сказала она однажды, желая испытать его.

Это заявление сразило его наповал.

— Я поеду с тобой,— вырвалось у него наконец.

— Мне надо ехать одной.

Целый день ее слова, подобно тяжелому камню, висели в воздухе между ними. Внешне ничего не изменилось,

---

* Гимнасий — помещение для физических упражнений.

** Эвбея — остров у побережья Аттики и Беотии.

но моменты напряжения, удлинившиеся паузы свидетельствовали о том, что он не забыл их.

И он попался в ловушку. В предутреннем сумраке, когда весь дом еще спал и лишь огоньки подрагивали в светильниках, он пришел к ней.

— Я брежу тобой,— сказал он хриплым от желания голосом. Она приняла его с воплем радости — вопль этот, ликующий и страстный, звучал в ней еще долгие годы спустя. Она навсегда запомнила эту любовь, даже когда время доказало, что отец ее ошибался.

А та первая, невообразимая ночь, его пыл, его ненасытность, не знающая удержу страсть,— та первая ночь была воистину незабываемой.

Можно прожить вечность — и не испытать мгновений лучше.

Она помнила его алчущие глаза, запах его кожи, кисловатый, влекущий аромат своих духов, его горячее дыхание и свое...

И вся трагедия, все отчаяние последующих лет не смогли стереть память о той чудесной ночи, о том блаженном времени, когда они были вместе.

Она помнила цветы, помнила вечера, помнила прозрачную красу ночного неба...

И еще она помнила его посвящение. Она наделила себя властью, которой не имела,— лишь бы увлечь его. Она придумала богиню — Теру — и объявила себя ее жрицей. Она раскинула пред ним сеть веры и отвлекающих внимание ритуалов. Они перерезали горло ребенку и пили соленое жертвенное вино. Она показала ему бесценную мозаику своей матери, Ламии, и посвятила в легенды и были своего народа.

Они лежали вместе, смешивая свою кровь. Это было самое трудное время: она начинала его любить. В прошлом смешение часто убивало. Только много позже узнала она — почему. А сейчас она считала себя счастливицей — ведь это не убило Эвмена.

Наоборот — он расцвел.

Хотя в конце концов и он был уничтожен — разрушен временем, как и все другие.

Нормальный *Сон* обычно продолжался шесть часов. Мириам *Спала*. С ней все было нормально... Джон лежал рядом, рассматривая тени на потолке. Там ползли, растекались первые рассветные лучи солнца. Дремота в машине встревожила его. Она явно была предвестником какого-то изменения в нем. Он дремал, но видел сновидения — как во *Сне*, хотя и не впадал при этом в транс.

Мириам рядом с ним задышала громче, начиная медленно выходить из транса. Джон пугался все больше и больше. На его памяти не было ни одного раза, когда бы *Сон* не пришел к нему в положенное время.

Необходимость насыщения возникала только раз в неделю, но *Сон* требовал шести из каждых двадцати четырех часов. Даже крайняя необходимость не могла заставить их отложить его. Мощный и неизбежный, как Смерть, он был ключом к обновлению жизни. Он был ключом к выживанию.

У него покалывало руки и ноги, шея болела, в висках стучало. Выскользнув из кровати, он пошел в ванную, мечтая о стакане воды. Когда он склонился над раковиной, в зеркале мелькнуло его отражение.

Горло перехватило. Он медленно опустил стакан. В ванной было темно... Возможно, это игра теней — то, что открылось ему в зеркале. Щелкнув выключателем, он впился взглядом в свое отражение.

Крошечные линии, разбегающиеся от уголков глаз, не привиделись ему. Прикоснувшись к щеке, он ощутил некоторую сухость, натянутость. И еще круги вокруг глаз... и морщины у рта?!

Он принял душ. Возможно, возвращение домой в машине с открытым люком подсушило его кожу. Он чув-

ствовал поток горячей воды, омывавшей, изглаживавшей его лицо, и заставил себя провести пятнадцать минут в ванне. Проведя руками по своему телу, он уверился, что оно по-прежнему сухощаво и подтянуто, как всегда,— хотя ощущал он себя иначе. Он казался себе выжатым — как лимон.

Обтеревшись полотенцем, он вернулся к зеркалу. Ему показалось, что молодость его вернулась. Он чуть было не рассмеялся от облегчения. Мысль о том, что время могло-таки взять свое — после того как он обманывал его в течение уже почти двух столетий,— пронеслась подобно порыву леденящего ветра в середине лета.

А затем он снова увидел их. Они углублялись прямо на его глазах. Это казалось какой-то отвратительной галлюцинацией. Он отшатнулся от зеркала, и страх, замеченный им в собственном взгляде, еще больше перепугал его. В следующее мгновение рука его ударила в зеркало, и оно рассыпалось осколками по ванной.

Содеянное так изумило его, что он застыл на месте. Какая злоба! Он посмотрел на осколки зеркала в раковине — в каждом отражалась частичка его лица. И тут раздался жуткий грохот — металлическая рама сорвалась со стены.

Он попытался успокоиться, закрыл глаза, заставил себя собраться с мыслями. Он изменился, но, в конце концов, что такое морщины? Чепуха! Да — но он не мог *Спать*. Он не мог *Спать*! Мириам всегда говорила, что *все* зависит от этого идеально глубокого, идеально совершенного *Сна*. Не важно, что тебе снилось. *Сон* этот не был похож на сны обычных людей: он очищал подвалы сознания. Он обновлял, возвращал молодость, он творил чудеса. Когда ты пробуждался после него, вся жизнь начиналась сначала. Ты чувствовал себя абсолютно, идеально совершенным — и ты жил!

Что же происходило с ним? Мириам уверяла его, что все это будет длиться вечно. Вечно...

Он посмотрел на нее — она лежала тихо, голова уютно покоилась на мягкой подушке. Только легко вздымающаяся грудь свидетельствовала о том, что она жива. Ничто сейчас не могло ее разбудить. Красота Мириам, умиротворение, написанное на ее лице, восхитили его. *Сон* ее был так сладок, так неуязвим... Джон не мог припомнить ни одного раза, чтобы Мириам лежала вот так, а он бы бодрствовал.

Он подошел к ней, поцеловал... В ее беспомощности было что-то ужасно притягательное, возбуждающее. От его поцелуя губы ее слегка раздвинулись. Стали видны кончики зубов. Джон упивался ее беззащитностью, ощущая в себе растущий голод. Он взмок при одной мысли о том, что она в полной его власти, что он волен сделать с ней все, что угодно,— даже убить ее.

Он коснулся рукой ее жемчужно-белой плоти и слегка надавил пальцами. Холодная и сухая. Губы его скользнули по ее шее, ощущая нежный аромат кожи. Она была гладкой, как мраморная статуя, и такой же неподвижной. Недоуменно бредя по мрачному лабиринту своей злобы, он медленно тряхнул ее за плечи, глядя, как откидывается назад ее голова, открывая горло.

И он дрогнул. Решение пришло мгновенно. Он ощущал огромное желание — но не просто голод плоти, нет,— то была насущная необходимость взять, украсть у нее то, чего он оказался лишен. И, трепеща от греховности своих мыслей, он приступил к самому страшному своему деянию. Он лег на нее и занялся любовью с ее безжизненным телом.

Тело ее было само совершенство. Упругое и нежное, всегда откликающееся на ласку. Но сейчас он ощущал его до отвращения податливым. Он провел пальцами по ее животу и вниз по бедру. И то, что она не чувствовала его, не могла ответить, лишь разожгло его желание. Он схватил ее голову и с силой протолкнул свой язык ей в рот. Ее язык был странно шероховатым, как у кошки.

Ему хотелось разорвать ее своей страстью, вывернуть наизнанку. Войдя в нее, он застонал вслух. Пальцы его сомкнулись на ее горле. Бедра его энергично двигались, он обливался потом — буквально плавал в нем. Охваченный неистовством, он едва замечал, что сдавливает ее горло все сильнее и сильнее; машинально пальцы подчинялись безумному ритму его тела. Удовольствие волнами накатывало на него, почти лишая сознания. И пальцы сжимались... Его возбуждение росло — и он умело сдерживал себя, чтобы продлить удовольствие. Рот ее открылся, острый кончик языка показался между зубов.

И наконец он словно взорвался, застыв в судорожном изгибе,— и все кончилось.

Он опустился и, задыхаясь, спрятал лицо у нее на груди. Тело ее дернулось; он услышал, как она со всхлипом вздохнула. На ее горле расплывались страшные багровые пятна, лицо посерело.

Откуда-то с улицы доносились голоса детей, в холле тихо пробили часы. Подчиняясь присущему ей чувству времени, Алиса внизу включила пылесос. Джон зарылся лицом в подушку. Жизнь внезапно стала пустой, абсолютно пустой.

Ему хотелось прильнуть к кому-нибудь — к женщине, живой...

Раздался резкий вздох, руки ее непроизвольно дернулись к горлу. Ах, если б она проснулась чуть раньше — или чуть позже!

Она произнесла что-то невнятное. И вновь воцарилась тишина. Он открыл глаза — и оцепенел, увидев ярость, написанную на ее лице. Лишь только глаза их встретились — лицо мгновенно разгладилось. Он постарался выбросить увиденное из головы. Слишком мало человеческого было в тот момент в ее лице.

— Я чувствую себя просто кошмарно. Я не *спал*,— мрачно произнес он.

Она встала, прошла в ванную и включила свет. Не сказав ни слова по поводу царившего там разгрома, она

осмотрела свою шею в зеркале на двери. Вернувшись, она села на край кровати, закинула ногу на ногу и улыбнулась.

— Ублюдок.

Он вздрогнул — ее нежная улыбка, и вдруг это слово! — и нервно рассмеялся.

Развернувшись, она схватила его. Пальцы вонзились ему в спину, воронье карканье будто бы вырвалось из ее горла. Он попытался отвернуть голову, но она была сильнее, гораздо сильнее любого человеческого существа. Единственное, что ему оставалось, это покориться ее рукам и ждать. Внезапно она отстранилась, держа его за плечи. На лице ее застыл, казалось, немой вопрос, мольба...

Руки ее расслабились, упали, и она вернулась в ванную, захлопнув за собой дверь. Вскоре он услышал хруст стекла. Всегда очень осторожная, она убирала осколки, чтобы случайно не порезаться.

Он поймал себя на том, что напряженно прислушивается; он ждал чего-то — злобных криков, угроз? — любого свидетельства их незримой связи. Но услышал он только, как она открыла кран. Она готовилась к грядущему дню, оставив свои эмоции при себе. Он встал, нетвердой походкой приблизился к шкафу и стал одеваться. Смачивая щеки одеколоном, он обнаружил, что лицо покрыто густой щетиной. Он даже не знал, есть ли в доме бритва. В каком-то удивлении он провел руками по щекам, ощущая жесткие кончики волос. Из ванной донесся знакомый мотив — Мириам напевала про себя, растираясь полотенцем.

Он поспешно оделся и выскочил из комнаты — слишком тяжело было там оставаться. На углу Пятьдесят седьмой улицы и Второй авеню он видел парикмахерскую. Он пойдет туда и побреется.

Бритье оказалось весьма приятной процедурой, а парикмахер — весельчаком. Чтоб продлить удовольствие, он решил также подстричься и почистить ботинки.

Выйдя из парикмахерской, он почувствовал себя несколько лучше. Яркое солнце, улицы, заполненные спеша-

щими куда-то людьми, упоительно свежий воздух. Впервые за многие годы Джон наслаждался, глядя на женщину — другую женщину, не Мириам. Напряжение постепенно отпускало его. Она была просто одной из толпы — девушка в дешевой юбке и свитере, спешившая к автобусной остановке с бумажным стаканчиком кофе в руке. Грязные волосы, слишком крупные черты лица... Но в очертаниях груди под свитером, в решительности ее походки — во всем ее облике, во всех движениях ощущалась удивительная чувственность... Он похолодел.

Такой могла быть и Кей.

Сердце гулко стучало в груди, он задыхался. Глаза ее встретились с его глазами, и в их глубине он увидел таинственную скорбь смертных — выражение, которое он научился различать на лицах других после того, как оно исчезло с его собственного лица.

— Это была двойка?

Она обращалась к нему.

— Эй, мистер, какой это был автобус — второй?

Она улыбнулась, продемонстрировав желтые, не знающие зубной щетки зубы. Проигнорировав ее вопрос, Джон поспешил домой. Там так безопасно...

Уже подходя к дому, через открытое окно гостиной он услышал голоса. Сразу же он ощутил безнадежное отчаяние ревности — Алиса с Мириам болтали, ожидая его, конечно, чтобы поупражняться в трио-сонате Генделя.

Он поднялся по лестнице, миновал холл, вдохнув аромат роз, стоявших на столике, и вошел в гостиную. Мириам, в ярко-синем платье, выглядела восхитительно свежей и красивой. Шею ее украшала синяя лента. Алиса лежала рядом на кушетке, в своей обычной одежде — джинсах и спортивном свитере. Он двинулся к своему месту, чувствуя на себе взгляд Мириам. Пока он не устроился, тело Мириам оставалось напряженным, будто бы готовым к прыжку.

— Джон,— сказала Алиса, откинув голову назад,— я даже не слышала, как ты вошел. Ты всегда подкрадываешь-

ся.— У него просто дыхание перехватило от ее улыбки — улыбки тринадцатилетней девочки. Чудесная игрушка, такая хрупкая, сочная...

Мириам сыграла на клавикордах громкое арпеджио.

— Давайте начнем,— сказала она.

— Я не хочу опять играть эту сонату. Она скучная.— Алиса пребывала в обычном для нее угрюмом настроении.

— А как насчет Скарлатти — мы играли его на прошлой неделе? — Мириам пробежала пальцами по клавишам.— Мы смогли бы его сыграть, если Джон не подкачает.

— Все, что он играет,— сплошная скука.

Пальцы Мириам порхали по клавишам.

— Я знаю Корелли, Абако, Баха.— Она бросила Алисе ноты.— Выбери что хочешь.

Наступило молчание.

— Генделя я едва знаю,— заметил Джон.— Он труден для виолончели.

Мириам с Алисой переглянулись.

— Тогда займемся Генделем,— решила Алиса.— Неинтересно играть то, что хорошо знаешь,— не так ли, Джон? — Она взяла свою скрипку и пристроила ее под подбородком.

— Мне все равно, что играть. Я управляюсь с виолончелью лучше, чем китайцы со своими палочками для еды, дорогуша.

— Ты всегда так говоришь.

Не успел он настроить инструмент, как они уже начали. Он вступил не в такт, попытался их догнать, затем вырвался вперед, но в конце концов подстроился.

Они играли около часа, три раза повторив трио-сонату. Джон постепенно вошел во вкус; игра стала согласованной, динамичной. И сама музыка была красивой. Она удивительным образом сочеталась с ярким солнечным светом, с красотой женщин.

— Ну вот,— сказала Алиса, когда они закончили,— вот и славно.— Она раскраснелась, и это лишь подчеркнуло ее расцветающую женственность.

Сердце Джона снова дернулось. Он прекрасно знал, что ожидает избранников Мириам. Трудно было сказать наверняка, какая участь готовилась Алисе. Мириам могла как осчастливить, так и уничтожить. Иногда их ждала смерть — как прикрытие ее собственных дел, иногда — невыразимое блаженство.

Мириам всегда была очень практична, и уж если она что-то делала, то неспроста. Алиса вполне могла заинтересовать ее, к примеру, значительным состоянием, которое она рано или поздно унаследует (так было некогда и с Джоном). Мириам ведь всегда не хватало денег, а те, кто ее любил, отдавали ей все.

— Давайте выпьем,— оживленно сказала Мириам. Она достала из бара портвейн — «Уорр» 1838 года, купленный еще в старой лавке братьев Берри, в Лондоне. Портвейн этот был замечателен тем, что с годами он приобретал сначала дивную крепость и свежесть, а потом — по прошествии еще некоторого времени — крепость растворялась в неповторимом разнообразии тончайших вкусовых оттенков. Сейчас крепость его уже едва ощущалась, но даже в аромате — изысканном и сложном — чувствовалось дыхание старины. Без всякого сомнения, это был лучший портвейн в мире, возможно — лучший во все времена.

— Считается, что мне нельзя употреблять алкоголь.

Мириам налила Алисе немного вина.

— Оно очень легкое. Только варвары отказывают своим детям в праве на бокал вина.

Алиса выпила одним глотком и потянулась за новой порцией.

— Это святотатство,— сказал Джон.— Ты пьешь его, как текилу.

— Мне нравится не вкус, а то, как я себя чувствую после этого.

Мириам налила ей еще.

— Не напивайся. Джон сам не свой до беспомощных людей, так и набрасывается.— Это замечание прозвучало столь неожиданно, что Джон похолодел.

Алиса рассмеялась, глаза ее рассматривали Джона насмешливо и оценивающе. Джон не терпел издевок и поспешно ретировался к окну, заставив себя сосредоточиться на открывавшемся ему виде. Через улицу располагалось здание с кооперативными квартирами. Так странно — ведь еще совсем недавно по обе стороны улицы стояли особняки, такие же, как и тот, в котором они жили, и трудно было поверить, что вьюнки уже могли оплести фасад одного из этих новых зданий. С улицы, как всегда, доносились крики детей. Джону казалось трогательным то извечное душераздирающее возбуждение, которое звучало в этих голосах,— звуки, принадлежавшие всем временам. Взросление — это ужасный процесс потери бессмертия. Джон ощупал свое лицо. Щетина уже прорастала. Каким-то необъяснимым образом оказался он в гибельных сумерках жизни, и отрицать это было бы просто смешно.

Незаметно подошла Алиса; она встала рядом, плечом почти касаясь его локтя. Она, несомненно, сказала себе, что должна его завоевать, включить в список своих побед. Хотя, впрочем, интерес ее мог объясняться проще и болезненней — она хотела видеть, как он страдает. Ведь по сути она была таким же хищником, как и сама Мириам,— или как он сам.

— Во что они играют, Алиса? В «Ринголевио»?

— Ринго — что?

— «Ринголевио». Такая игра.

— Они играют в «Чужака».

Мириам смотрела на мужчину, которого она привела к гибели. Этим утром он мог убить ее. Убить. Холод проснулся в ее взгляде, но исчез столь же внезапно, сколь и появился. Она немало поборолась за то, чтобы превратить его в совершенство. Так грустно было видеть, что он разрушается даже быстрее, чем его предшественники. Эвмен пробыл с ней более четырехсот лет, Луллия — и того дольше. До сих пор ни один из тех, кого она подвергала трансформации, не сдавал так быстро — еще и двухсот лет не прошло. Теряла ли она свое мастерство, или же это человеческая порода теряла свою силу?

Она отпила еще немного портвейна, подержала его во рту. Само время по вкусу должно быть таким. В вине время — пожизненный пленник, но в жизни его можно лишь замедлить, и то не навечно. А в случае Джона — даже и не слишком надолго.

Так много еще не сделано, а в запасе оставалось, вероятно, лишь несколько дней. Она подбиралась к Алисе медленно, осторожно, она захватывала ее по крупицам — теперь же медлить было нельзя. Нужно ждать грозы — она непременно разразится, когда Джон поймет, в каком положении он оказался,— и в то же время нельзя допустить, чтобы Алиса поняла суть происходящего. Так как девушке предстояло заменить его, было бы крайне нежелательно, если б она узнала о последствиях трансформации.

Особенно ввиду того, что для Алисы таких последствий могло и не быть. Мириам теперь необходимо было как можно быстрее добраться до Сары Робертс. Она имела уже достаточное представление о работе и привычках этой женщины, чтобы решиться на встречу с ней.

Если кто-нибудь на этой планете и мог догадаться, что было не так с трансформантами, то это, вероятно, только доктор Робертс. В ее книге «Сон и возраст» Мириам обнаружила ростки удивительно глубокого понимания проблемы, хотя вряд ли даже сам автор догадывался о всей значимости своих исследований. Робертс провела

превосходную работу по наблюдению за приматами. Она достигла необычайного роста продолжительности их жизни. Что, если, располагая соответствующей информацией, она сможет обеспечить трансформантам истинное бессмертие?

Мириам поставила бокал и вышла из комнаты. Она, конечно, рисковала, оставляя Алису и Джона вдвоем,— но ведь это вопрос всего нескольких минут. Его жестокость еще не приняла опасную форму. А ей нужно было заняться делом — грустным делом — там, наверху, среди печальных руин прошлого. В отличие от остальных пыльных и заброшенных чердачных помещений дверь в эту комнату была в идеальном состоянии. Она открылась бесшумно, лишь только ключ повернулся в последнем замке. Мириам шагнула в маленькое, душное помещение. И только когда тяжелая дверь захлопнулась за ней и никто уже не мог услышать Мириам, она дала волю раздиравшим ее чувствам. Прижав кулаки к вискам, она закрыла глаза и громко, протяжно застонала.

Затем наступила тишина, но тишина странная. Как будто этот тоскливый вопль пробудил дремавшую здесь, во мраке, силу, и мощный тяжелый вихрь пронесся по комнате.

Мириам безвольно сидела, оттягивая печальную минуту. «Я тебя люблю»,— тихо говорила она, вспоминая каждого из тех, кто покоился здесь, каждого из своих потерянных друзей. Она не сумела сохранить их — ее вина! — и осталась верна им навеки. С некоторыми из них — Эвменом, Луллией — она так и не рассталась, провезя их с собой через полмира. Сундуки их, обитые железом, обтянутые кожей, почернели от времени. Здесь же стояли и сундуки поновее — такие же прочные, а то и еще прочнее. Мириам вытащила самый новый из них на середину маленькой комнатки. Она купила его лет двадцать назад; он был сделан из высокопрочной стали и закрывал-

ся на болты. Мириам хранила его специально для Джона. Она сняла крышку и осмотрела сундук внутри, затем взяла лежавший в нем мешочек с болтами. Их было двенадцать, и она вставила их по периметру крышки. Теперь, чтобы сундук закрыть и запереть, понадобилось бы всего несколько секунд.

Она оставила его, однако, открытым. Когда она приведет сюда Джона, времени у нее может быть очень мало. Задержавшись на миг у двери, в ощутимой зыбкой тишине комнаты, она окинула взглядом сундуки и прошептала слова прощания.

Дверь закрылась, тихо, жалобно скрипнув, как будто соболезнуя ей в ее горе. Она тщательно проверила все замки: беда не должна попасть туда... как, впрочем, и выйти оттуда. Вниз Мириам спускалась, чувствуя облегчение от мысли, что она успела подготовиться к худшему, и легкую тревогу из-за того, что оставила Алису без защиты даже на столь краткий промежуток времени.

2

Глухие вопли обезумевшего от страха резуса заставили Сару Робертс вскочить на ноги. Шлепая туфлями по линолеуму, она пробежала через холл в зверинец.

При виде открывшегося ей зрелища она похолодела. Мафусаил* дико носился по клетке, вопя так, как может вопить только резус. На полу валялась голова Бетти — ее морда была оскалена в гримасе. Скача по клетке, Мафусаил крутил над головой руку Бетти; маленькая ладошка помахивала при этом, как бы прощаясь. Остальные части тела Бетти были раскиданы по всей клетке. Бросившись за помощью, Сара чуть не поскользнулась в луже крови, вытекавшей из-за прутьев решетки.

---

* В библейской мифологии Мафусаил — дед Ноя, проживший 969 лет.

Не успела она добраться до двери, как та широко распахнулась. Вопли Мафусаила подняли на ноги всю группу геронтологов.

— Что же ты, черт побери, наделал, Мафусаил! — завопила Филлис Роклер — она ухаживала за лабораторными животными.

Морда обезьяны была не менее сумасшедшей, чем лица людей, сошедших с ума,— а Сара повидала их немало, проработав интерном в Бельвю на отделении психиатрии.

Чарли Хэмфрис, гематолог, прижал лицо к клетке.

— Господи, какой урод! — Он отшатнулся, резиновые подошвы его туфель хлюпнули на липком полу.— Обезьяны — это просто ублюдки.

— Скажите Тому, чтобы спустился,— устало произнесла Сара. Он был необходим ей для поддержания душевного равновесия — случившееся потрясло ее. Через несколько секунд он ворвался в зверинец с побелевшим лицом.— Никто не пострадал,— сказала она.— Из людей, я имею в виду.

— Это Бетти?

— Мафусаил разорвал ее на куски. Он не спит уже двое суток и становится все более раздражительным. Но у нас и мысли не было, что такое может случиться.— В этот момент вошла Филлис с видеокамерой. Она собиралась записать на пленку поведение Мафусаила — для последующего анализа.

Сара наблюдала за реакцией Тома. На лице его ясно читалась озабоченность — он раздумывал, как эта катастрофа может повлиять на его карьеру. Быть первым — только это всегда и заботило Тома Хейвера. Когда же он наконец взглянул на нее — удивительное, совершенно искреннее участие сквозило в его взгляде.

— Тебе это очень повредит? Что показывают анализы крови — она меняется?

— Та же кривая, что и раньше. Никаких изменений.

— Значит, решение все еще не найдено. А Бетти мертва. О Господи, ну и в переплет же *ты* попала!

Она чуть не рассмеялась, услышав это его «ты». Ему не хотелось выглядеть в ее глазах таким, каким он был на самом деле,— и не мог он сказать ей прямо: моя чертова карьера тоже держится на этом. Она протянула ему руки, поняв вдруг, что он расстроился даже больше, чем она. Он благодарно взял ее за руки, шагнул к ней и, казалось, хотел что-то сказать, но она опередила его:

— Вероятно, завтра придется отнести эту мою погибшую звезду сцены в Бюджетную комиссию.

Он как-то враз осунулся.

— Ну, в любом случае Хатч собирался выступать против продолжения. А теперь, когда Бетти погибла...

— Это значит, что мы всё должны начать сначала. Ведь она была единственной, кто перестал стареть.

Сара взглянула на Мафусаила — он уставился на нее в ответ так, словно не прочь был повторить свой забавный номер. Красивая обезьяна. Серая шерсть, могучее тело...

Малышка Бетти была его супругой.

— Ты меня извини, я, кажется, сейчас не выдержу и разрыдаюсь.— Сара попыталась сказать это по возможности шутливо, как бы посмеиваясь над своей слабостью, но было это отнюдь не шуткой. Она с благодарностью встретила объятия Тома.

— Ну-ну, мы же в общественном месте.— Том, как всегда, был сдержан; он страшился проявления эмоций на людях.

— Мы все здесь как одна семья. Все вместе и станем безработными.

— Этого никогда не будет. Найдется какая-нибудь другая возможность.

— Через пару лет. А за это время мы потеряем всех своих обезьян, испортим все опыты и *потеряем время*!

Одна только эта мысль сводила Сару с ума. После того как ей удалось случайно обнаружить в крови крыс, кото-

рых лишали сна, фактор крови, обусловливавший продолжительность их жизни, она стала человеком, выполняющим работу первостепенной важности. В этой лаборатории они искали лекарство от самой распространенной болезни — старости. И Бетти была доказательством того, что такое лекарство существует. Препараты, температурный режим, диета повернули какой-то скрытый ключ в крови резуса — и сон обезьяны стал таким глубоким, что временами походил на смерть. А по мере того как углублялся сон, замедлялось старение. То же самое происходило и с Мафусаилом, но на прошлой неделе сон его внезапно прервался. Он лишь подремал немного, а затем превратился в чудовище.

Бетти вполне могла бы стать бессмертной... если бы не Мафусаил. Будь у нее пистолет, Сара бы застрелила его. Подойдя к окрашенной в серый цвет стене, она пару раз ударила по ней кулаком.

— Мы имеем дело с дегенерирующим набором генов,— тихо сказала она.

— Только не у обезьян,— мотнула головой Филлис.

— У людей! Господи, ведь мы почти у цели, почти нашли механизм управления старением, а нас собираются лишить ассигнований! И вот что я еще скажу! Я думаю, что Хатч и вся эта толпа слабоумных стариков в правлении просто завидуют. Чертовски завидуют! Они уже окончательно состарились и хотят, чтобы и с остальными произошло то же самое!

Злость, звучавшая в голосе Сары, вызвала у Тома знакомое чувство горечи. Она была и оставалась безучастной ко всем тем проблемам, с которыми он сталкивался как администратор. Конечно, у нее это профессиональное — ученые слепы и глухи ко всему, что не имеет прямого отношения к их работе,— но нельзя же так...

Тем не менее он поймал себя на мысли, что старается ее оправдать. Ее стремление к успеху заражало всех. В ее уверенности, в ее воле было что-то почти животное. Ее

вера в ценность проводимой ею работы отражала, без сомнения, веру всех тех, кто приближался к открытиям, которым суждено в будущем оказать огромное воздействие на окружающий мир. Но где-то глубоко в ее душе жила некая жестокая томительная жажда, заставлявшая ее забывать о себе и о других и придававшая ее научным устремлениям оттенок безумства.

Том смотрел на нее: коричневые волосы, лицо, которое часто бывало миловидным, интересная бледность, необыкновенная чувственность ее крепкого тела... Ему снова захотелось ее обнять — она давно высвободилась из его рук,— но теперь Сара уже пришла в себя, и маска холодности скрывала ее истинные чувства.

Том не понимал, почему ее удивительная женственность причиняет ей страдания, почему она все время чувствует себя жертвой. Лично он полагал, что ее пытливый, блестящий ум — вполне удовлетворительная компенсация за все то, что, по ее мнению, у нее не в порядке и что она называла сексуальной обусловленностью. Но Сара думала иначе.

С ней всегда было трудно. Том погрустнел. Гибель резуса перечеркивала многое из достигнутого. Вряд ли у нее будет возможность выбить в Бюджетной комиссии деньги для продолжения работы. Эта маленькая женщина, оказавшись под угрозой отмены эксперимента, которому она отдала пять лет жизни, может кипеть от злости и прелестно сверкать глазами, но что толку...

Том искренне соболезновал ей, но в душе он ликовал. Он прекрасно понимал, сколь это мерзко, сколь недостойно его, но ничего не мог с этим поделать. Уже давным-давно не принимал он свои поверхностные ощущения за чистую монету. Отмена проекта опять вернет ему Сару, заставит ее искать у него утешения — и что-то в нем жаждало той силы, которую придаст ему ее слабость.

— Я сейчас встречаюсь с Хатчем,— сказал он.— Мы собираемся пересматривать заявки на ассигнования.— Во

рту у него пересохло. Тошнотворный запах шел от клеток.— Сара, милая,— окликнул он и остановился, удивленный. Откуда взялись у него такие постельные интонации? Она резко обернулась. Поражение добавило ей злости. Ему хотелось бы приласкать ее, успокоить, но он знал, что сейчас это приведет ее в ярость. Ее наверняка раздражало даже то, что несколько минут назад она искала утешения в его объятиях.

— Ну и?

На мгновение буря в ее глазах утихла. Затем, дернув подбородком, она развернулась и понеслась к выходу, отдавая на ходу распоряжения,— надо было дать Мафусаилу транквилизатор, чтобы открыть клетку и забрать останки Бетти.

Том удалился, никем не замеченный. Он медленно прошел через заставленную приборами лабораторию — здесь каждый прибор, каждый дюйм пространства был выбит в Риверсайдском центре медицинских исследований благодаря силе и решительности Сары. Ее открытие было совершенно случайным — она тогда проводила какую-то договорную работу, исследуя поведение животных, лишаемых сна. Совершенно неожиданно оказалось, что во внутреннем ритме сна скрыт ключ к управлению процессом старения. Ее догадки были изложены в книге «Сон и возраст». Книга имела определенный резонанс; не подлежали сомнению ни строгость ее методов, ни ее мастерство экспериментатора. Выводы же из этого открытия настолько далеко выходили за рамки обычных представлений, что их даже никто и не оценил по достоинству, а ее предположение о том, что старение представляет собой просто болезнь, причем болезнь потенциально излечимую, было расценено как чересчур смелое. Книга принесла Саре большой успех, но поддержку ей никто не захотел оказать.

Том вышел в широкий, отделанный кафелем коридор лабораторного этажа и на служебном лифте поднялся в

Клинику терапии сна. У него была небольшая комнатка рядом с кабинетом доктора Хатчинсона. Старик основал клинику десять лет назад. Решением правления через восемь лет после этого был принят на работу Том Хейвер — его прочили на место директора, когда тот «решит, что пришла пора уйти на заслуженный отдых». Но все это не шло дальше разговоров: Хатч не собирался уходить. Да и клинике нужен был ученый-администратор с большими связями — для привлечения финансовых средств.

В последнее время Том все чаще ловил себя на том, что с надеждой пытается высмотреть в старике признаки старческого слабоумия.

Хатч сидел в кабинете Тома, устроив свою угловатую фигуру в одном из кресел. Как бы в порядке поощрения сотрудников он делал вид, что с пренебрежением относится к собственным роскошным апартаментам.

— Диметиламиноэтанол,— произнес он веселым пронзительным голосом.

— Вы же знаете, исследования ДМЭ — для нее пройденный этап. Фактор старения — это быстроразрушающийся клеточный белок. ДМЭ не более чем регулирующий агент.

— Ну просто философский камень!

Том уселся за стол, с трудом выдавив из себя тонкую улыбку.

— Более того,— тихо произнес он, сделав вид, что не заметил сарказма в словах собеседника.

Хатч бросил ему на стол отпечатанный на машинке листок с бюджетной сводкой. Трудно было не возмущаться его манерами. Том взял сводку.

— Что от меня требуется — согласиться с отменой ассигнований отделу геронтологии или, может, упасть на колени?

— Если хотите — пожалуйста, но это не поможет.

Том не терпел самодовольной ограниченности — для ученого это яд.

— Если вы закроете проект, она уйдет.

— Ну, мне, конечно, совсем бы этого не хотелось. Но у нее просто нет никаких результатов. Никакого продвижения за пять лет.

Том еле сдерживался. Если бы Мафусаил подождал хотя бы еще двадцать четыре часа!

— Они составили чертовски хорошую схему клеточного старения. Я бы счел это продвижением.

— Да, чисто ради исследовательских целей. В Рокфеллеровском институте придут от этого в восторг. Но нашему центру это не нужно. Том, нам необходимо отчитываться за каждый цент перед городской Корпорацией здравоохранения. Каким же образом больница может объяснить покупку тридцати пяти обезьян-резусов, даже если это и больница, где проводятся научные исследования? Семьдесят тысяч долларов на каких-то кривляющихся придурков! Что вы молчите?

— Хатч, вы же не вчера родились. Если мы закроем отделение геронтологии, нам срежут десять процентов от общих ассигнований. По одной только этой причине нельзя урезать бюджет.

Том сразу же пожалел о своих словах. Хатчу не нравился подобный образ мыслей. Если ему приказывали урезать бюджет, он делал это самым решительным образом — увольняя людей и продавая оборудование. Он плохо представлял себе все тонкости административной работы. Для него поддержание нормальной работы института в условиях снижения ассигнований являлось противоречием, которого просто не должно быть.

— Не хотите ли вы мне сказать, что я должен урезать бюджет, заказав бумажные стаканчики вместо обычных и сделав туалеты платными? — Он постучал своим потертым студенческим кольцом о край стола.— Я этого не понимаю. Все бюджетные суммы идут сверху. Из этих цифр я и должен исходить.— Он поднялся с кресла — этакий стареющий журавль — и вдруг вздохнул печально, выдав

таким образом и свои собственные сожаления.— Комиссия собирается в десять часов, в правлении.

Он ушел — грустный суровый старый воин среди руин своих надежд. Том провел рукой по волосам. Он понимал чувства Сары; сам он даже и помыслить не мог о том, чтобы попытаться пробить эту стену. Корпорация здравоохранения была воистину непробиваемой — сборище безнадежных бюрократов. Их беспокоило только одно: больничные помещения должны использоваться по назначению, а не для туманных научных исследований. Ирония судьбы: тайна самой смерти могла быть раскрыта — и, возможно, навеки утеряна — в бюрократической неразберихе.

Том взглянул на часы. Девять тридцать. Это был чертовски длинный день. Небо снаружи уже стало серо-черным, и звезд не видно. Скоро, наверное, пойдет дождь, предвестник весны. Взяв пиджак, Том выключил свет. Может, повезет и он окажется дома раньше Сары, тогда ее ждет роскошный обед. Это было единственное, что он мог сейчас для нее сделать,— ведь битву за ее карьеру он проиграл. Годы пройдут, прежде чем бюрократы из других институтов оценят важность ее работы и, подобрав жалкие крохи — результаты ее исследований,— задумаются, не пригласить ли ее поработать.

А пока остается лишь смотреть, как она ведет растительное существование в Клинике сна; она вернется к своей старой работе и будет осматривать поступающих в больницу пациентов на предмет состояния их здоровья — перед тем как они начнут курс лечения. Если, конечно, ее можно будет убедить вернуться к этому.

Тучи опускались все ниже, когда Том шел по Второй авеню к их дому. Порывы ветра расшвыривали вокруг него бумажки и пыль и приносили большие холодные капли дождя. Молния мелькнула среди туч. От Риверсайдского центра до их квартиры надо было пройти четырнадцать кварталов. Обычно прогулка его бодрила, но только не се-

годня. Он пожалел, что не взял такси, но оставалось уже недалеко, и брать такси не имело смысла. Дождь пошел сильнее, и Том обрадовался, увидев впереди залитый ярким светом вестибюль их дома.

Алекс — швейцар — приветственно кивнул ему. Поднимаясь на лифте до двадцать пятого этажа, Том продумывал меню обеда.

Квартира их напоминала холодильник. Утром погода была по-весеннему мягкой, и они оставили окна открытыми. К вечеру же все изменилось, поднялся ветер. Он носился по гостиной, полный таинственных запахов, принесенных откуда-то издалека. За окнами поблескивали городские огни, еле различимые сейчас из-за стремительно несущихся языков туч, в которых ярко вспыхивали молнии.

Закрыв окна, Том поставил обогреватель на 85°*, чтобы прогреть квартиру. Затем он занялся обедом. Эта работа оказалась неожиданно утомительной. Повар из него вышел бы неплохой — его отец об этом позаботился,— но из-за позднего времени и мучительной досады ему хотелось лечь в постель и забыть весь этот чертов день.

К десяти тридцати обед был готов, и выглядел он весьма живописно, несмотря на настроение Тома. Он закончил возиться с салатом и включил огонь под супом-пюре. Не готова была только телятина. Но это должно быть сделано в последний момент, когда Сара придет домой. Он сходил в гостиную и налил себе выпить.

В одиннадцать он позвонил в лабораторию. Ответили только после шестого гудка.

— Что ты делаешь?

— Наблюдаю, как Мафусаил не спит. Транквилизаторы на него не подействовали. Мы пытаемся подключить его к энцефалографу, но он срывает с себя электроды. Так

---

* По Фаренгейту (приблизительно 29,5 °С).

что у нас нет и половины его ЭЭГ.— Голос ее казался совершенно безжизненным.

— Кто тебе помогает?

— Филлис. Чарли внизу делает срезы с Бетти.

— Иди домой. Я тут кое-что приготовил для тебя.

— Сегодня не могу, дорогой.— Конечно, ей было грустно. Поэтому и голос такой. И опять он это ощутил — укол отвратительного ликования. Скоро, совсем скоро все ее ночи будут принадлежать только ему.

— Я имею в виду обед. Идет дождь, так что возьми такси.

— Я знаю, что идет дождь, Том.

— Ты могла и не заметить. И потом, послушай, ты же можешь вернуться обратно, когда мы поедим.

Выманить Сару из лаборатории всегда было непросто. Он мог только ждать и надеяться, что усталость и голод сломят ее решимость и смогут вытащить ее за стены лаборатории. Салат, суп, телятина. После этого фрукты и сыр. Много вина. К тому времени, как они отобедают, она, вероятно, будет настолько сонной, что не станет даже и пытаться вернуться в лабораторию. В жизни должно быть место не только для лаборатории, подумалось ему.

Том услышал знакомые шаги в коридоре — Сара пришла раньше, чем он ожидал. Вот хлопнула дверь — и она уже дома, с мокрыми от дождя волосами, размытой косметикой и все еще в своем лабораторном халате. Маленький рот сжат в прямую линию, в глазах — неестественный блеск. Несмотря на переполнявшее ее лихорадочное возбуждение, выглядела она как-то потерянно. Том двинулся к ней.

— Осторожно! Я с ног до головы в обезьяньем дерьме.— Она отшвырнула халат и только тогда разрешила ему обнять ее. Так приятно было ощутить ее в своих объятиях, хотя бы даже на мгновение.— Мне нужно принять душ.

— Обед будет на столе, когда ты выйдешь.

— Слава Богу, что существует административно-хозяйственный персонал, у которого к концу дня все еще остаются силы.— Сара поцеловала его в нос и отстранилась.— Этот чертов резус в очень плохой форме,— сказала она, направляясь в ванную.— У него стали выпадать волосы и не прекращается понос. Он перевозбужден — его *никак* не заставить заснуть. Он даже не подремал. Бедняга.— Том услышал скрип вешалки для одежды. Затем послышались еще какие-то слова, но шум воды их заглушил. Сару, как видно, не особо волновало, слышит он ее или нет. Ей нужно было выговориться: произнесение вслух сердитых слов уже само по себе успокаивало ее.

Том вдруг почувствовал себя одиноким. Считается, что те, кто влюблен, занимают центральное место в жизни друг друга. Но иногда, в такие моменты, как сейчас, он задавался вопросом: любит она его или ей просто нравится быть любимой?

Занимаясь телятиной, он слушал, как ревет за окном ветер, и размышлял о своей любви. Он любит — а значит, верит и в ее любовь. И тот факт, что ему придется видеть, как ее лишают возможности работать, заставлял его чувствовать себя подопытным кроликом в клетке — в клетке, откуда никак не выбраться.

— Спасибо, милый.— Сара неслышно подошла сзади. На ней был синий шелковый халат — его подарок на день рождения; кожа — розовая после душа, глаза мягко сияют в сумеречном свете. Странное очарование исходило от нее. Чудо Сары заключалось в ее удивительной женственности. Она не была красавицей в общепринятом смысле — глаза слишком большие, подбородок упрямо выдвинут вперед,— и тем не менее мужчины всегда обращали на нее внимание. Она могла быть и намеренно безразличной, и более женственной, чем все другие женщины, каких он когда-либо знал.

Они ели молча, только поглядывали друг на друга — Том и его волшебная дама. К тому времени, когда обед закончился, Том, сгорая от нетерпения, готов был на ру-

ках нести ее в спальню. К его облегчению, о Риверсайде больше не было сказано ни слова. Пусть Сара отложит на пару часов свои тревоги, пусть проблемы подождут.

Когда она встала из-за стола, он воспользовался удобным случаем. Том был достаточно высок, чтобы с легкостью поднять Сару на руки. Он, конечно, понимал — она могла это расценить как посягательство на свое достоинство, но ведь он делал это любя. Издав слабый горловой звук, она обвила руками его шею, наиграно похлопала длинными ресницами. Пусть игра — но приятнейшая, это свидетельствовало о ее любви и уважении к нему. Он нисколько не удивился бы, если б она послала его к черту, и ему было ужасно приятно, что она этого не сделала, как будто его физическая сила и его желание дали ему (на краткое время!) такие права на нее, какими он не обладал никогда.

Он уложил ее на кровать. Она не произнесла ни слова. Так и было у них заведено с самого начала, и они свято соблюдали эти правила.

Он разделся в дрожащем свете огненных сполохов, пронизывавших тучи. Затем подошел к Саре, стянул с нее мягкий халат и лег рядом.

За годы, проведенные вместе, у них выработалось мало привычек — оба они были страстными экспериментаторами. Но в этот вечер воображение могло и отдохнуть. Том искал утешения в простоте, и Сара сейчас стремилась к тому же, и они приняли друг друга с мягкой приязнью давних любовников. Она прижалась к нему, когда он в нее погрузился, и оба вздохнули от радости. Не слишком изощренный любовный акт, но он принес долгожданную свободу, оставив их уплывать в сон в объятиях друг друга. Ветер завывал за окнами, и это было последнее, о чем еще успел подумать Том. Весенняя гроза.

Френси Паркер проснулась внезапно. Она чувствовала себя как-то скованно — и вдруг что-то поползло у нее между ног. Слишком поздно сообразила она, что надо бы

дернуться. Веревки затянулись: она была привязана к кровати.

Волна ужаса прокатилась по телу. Вот оно, изнасилование посреди ночи. Об этом можно услышать в программах новостей, об этом шепотом говорят на работе. С трудом превозмогая страх, она попыталась собраться с мыслями. Вторгшийся к ней мужчина включил лампу у кровати и направил свет ей в глаза. Он не хотел, чтобы его видели.

В полосе света сверкнуло на мгновение лезвие хирургического скальпеля. Френси почувствовала, как слезы брызнули у нее из глаз. Странный низкий звук заполнил комнату.

— Заткнись!

Она и не знала, что способна издавать такие звуки. Отчаяние охватило ее, но голова продолжала лихорадочно работать, изыскивая пути к спасению.

В комнате почему-то пахло мертвечиной. Она ощущала какое-то движение, но свет бил в лицо, и ничего нельзя было разглядеть; затем она почувствовала, что он возится с ее ночной рубашкой. Опустив глаза, Френси увидела его руки, скальпелем разрезавшие материю. И она вдруг отчетливо поняла, что жить ей осталось недолго — это ужасное лезвие скоро убьет ее. Ощутив, как руки его откидывают клочья ночной рубашки, обнажая ее тело, она застонала от горечи — и тело ее вдруг затрепетало. Этот кошмар означал и другое... Она представила, как увидит его, как потное тело появится в островке света,— и пришла в ярость. Она никогда не думала, что испытает когда-либо такое унижение, такое бесчестье.

И когда он склонился над ней, она наконец увидела его. То, что представилось ее глазам — глазам двадцатидвухлетней девушки, часто являвшейся предметом мужских устремлений, способной печатать на IBM Selectric со скоростью восемьдесят слов в минуту, потрясло Френси до глубины души.

Сердце ее остановилось. От бившегося в горле дикого крика наружу вырвался только один булькающий вздох.

Увидев, что она умерла и хлороформ уже ни к чему, он зарычал от бешенства и яростно ткнул скальпелем, надеясь заполучить ее до того, как истечет последняя секунда. Их гораздо лучше было брать перед смертью, чем сразу после нее.

Ему это не удалось. Тогда он взял ее как мог, не отрываясь от нее, пока она не захрустела, как бумага.

Этим сырым утром, в четыре часа, на Саттон-Плейс не было ни души. За изящно очерченными оконными проемами скрывалась темнота. Нигде не было никакого движения, если не считать того, что иногда случайный порыв ветра — все, что осталось от ночной бури,— шевелил обрывком бумаги или упавшим листком. У окна одного из очаровательных небольших домиков, расположившихся в ряд вдоль восточной стороны улицы, неподвижно стоял человек. Мириам сосредоточенно прислушивалась к себе, ощущая зыбкое эхо отдаленного призыва, *прикосновения*. Этой способностью были наделены только существа, подобные ей самой, а также некоторые из высших приматов. Человек, хотя он и мог научиться *прикосновению* от посвященного, обычно бывал нем. Но это *прикосновение* было настоящим — оно просто пульсировало во мраке.

Один из ее рода?

Все ее братья и сестры исчезли — жертвы несчастных случаев, жертвы гонений. После морей крови, разливавшихся в средние века, одиночество стало уделом каждого из ее рода — каждого из оставшихся в живых; они жили, целиком погрузившись в свои собственные трагедии,— представители вымирающего рода, слишком боявшиеся расправы, чтобы собираться вместе.

«Мы не Зло,— думала она, в то время как странное *прикосновение* ощущалось все сильнее и сильнее,— мы лишь часть Справедливости, вершимой на этой земле».

Пятьдесят лет назад она видела одного из подобных ей — он стоял в одиночестве у поручней на палубе лайнера «Беренгария» и смотрел на нее, оставшуюся на пристани. На мгновение они *соприкоснулись*, поделившись своими личными разочарованиями и бесконечной жаждой — жаждой жизни, а затем все кончилось — прозвучал корабельный свисток, кильватер лайнера растворился в лунном свете... Путешествие, не имеющее конца.

Единственным ее утешением оставались спутники-люди. Они не могли осознать того одиночества, что заставляло ее трансформировать их, создавать в них свой собственный образ.

Она любила их — и уничтожала каждого из них.

Так не могло больше продолжаться. Она не сможет жить с Алисой, сознавая, что ту ждет такой же конец, как и всех других... Как и Джона.

Прикосновение перебило ее мысли — уже не эхо, но раскаты грома в горах; оно было тяжелым и пугающе чуждым, как ночь.

Животное. И в агонии. Полной агонии. Так может себя чувствовать только тот, кто лишен *Сна*. Но трансформированных животных не было.

Или были?..

Сара Робертс, экспериментируя вслепую, могла добиться грубого приближения к реальности — к трансформации. И может, один из ее зверей встречал свой конец в грязной клетке. В этом *прикосновении* ощутила она потерянные леса, необозримые зеленые пространства и железные прутья.

Глаза ее расширились, руки потянулись к прутьям решетки, защищавшей ее собственное окно, вцепились в холодное железо. Окно, оконная рама, стена — все затряслось вдруг, пробужденное к жизни ее неистовыми пальцами.

Светало. Том Хейвер нехотя открыл глаза. Он так старался удержать сон, но — бесполезно. Комната была залита утренним сумеречным светом. Он взглянул на часы. Семь десять. Давно пора вставать. Выбравшись из постели, он, пошатываясь, двинулся к ванной. Надо принять душ. Он почти не спал этой ночью, пытаясь найти тропинку в сплошном тумане — способ продлить финансирование работ Сары. Все пути вели обратно в Бюджетную комиссию и к Хатчу.

Задержавшись у двери в ванную, он обернулся и взглянул на Сару. Странное, удивительное чувство вдруг охватило его — как будто и не он вовсе, а кто-то другой стоял здесь и смотрел на нее. И он понял: совсем ему не хочется, чтобы она добилась успеха.

Испытывая чувство ярости, он встал под душ, намыливался, ополаскивался, вытирался — и разрывался от жалости к ней и злости, что он так страдает из-за нее.

Открыв дверь, Том ощутил слабые ароматы завтрака. Привычным пением, однако, они не сопровождались. Сегодня она встала не такой веселой, как обычно. Ему хотелось бы не чувствовать к ней жалости — это принижало ее. Врач должен относиться к боли пациента без эмоций.

— Счастливого расплавления,— приветствовала его Сара, когда он появился на кухне.

— Расплавления?

— То, что происходит с моей лабораторией, похоже на расплавление реактора. Достигает критической массы и погружается в землю. Сам себя хоронит. Исчезает.

Существовали сотни ободрительных слов — ни одно не пришло ему на ум.

— Я позвоню тебе, когда заседание закончится,— только и смог он сказать.

И снова он ее обманывал. Почему бы не рассказать ей о своих чувствах? Чего он боится? Эмоции служат подтверждением фактов — в этом все и дело. Смерть, напри-

мер, всегда кажется ложью, игрой в исчезновение, пока скорбь человека не превратит ее в истину.

Зазвонил телефон. Вздрогнув от неожиданности, Том схватил трубку. Странный шепчущий голос спросил Сару. Она уставилась на него с нетерпеливым ожиданием на лице, явно надеясь, что в лаборатории произошло какое-нибудь чудо.

— Удачи,— пожелал ей Том, передавая трубку.

Она жадно схватила ее. Последовала долгая пауза — она напряженно вслушивалась, затем пробормотала несколько слов, соглашаясь, и повесила трубку. Одним глотком допив кофе, она побежала в спальню.

— Опять проблемы с Мафусаилом,— бросила она, доставая плащ из стенного шкафа. Глаза ее холодно блестели.

— Он не умер?

Сара отвела глаза.

— Нет,— сказала она преувеличенно громко,— там кое-что другое.

— Кто это звонил?

— Филлис.

— У нее голос как у зомби.

— Тридцать часов на работе. Я не очень ясно себе представляю, что там происходит, но...

— Может, появилась какая-то надежда? В последнюю минуту...

Она рассмеялась, фыркнула, тряхнула головой и затем без дальнейших разговоров прошла мимо него. Хлопнула входная дверь. Он разыскал свой собственный плащ, небрежно валявшийся в стенном шкафу среди джинсов и пустых вешалок. К тому времени, когда он добрался до лифта, она уже успела уехать.

Мириам читала вслух отрывки из книги «Сон и возраст». Алиса особо не прислушивалась, но это не имело значения — девочка была на редкость восприимчива. Мириам взглянула на нее, и то, что она находится рядом с ней,

наполнило ее радостью. Мириам любила ее строгий ум, молодость и ослепительную красоту.

— «Ключ к взаимосвязи между сном и возрастом лежит, по-видимому, в образовании легкораспадающейся белковой группы, связанной с подавлением липофусцинов. На молекулярном уровне повышение содержания липофусцина вызывает снижение интенсивности обмена веществ, что ведет к замедлению темпа деления клеток. Таким образом, это является главным фактором, отвечающим за все явления, связанные с процессом старения,— начиная со снижения реакции органов на гормональные запросы и кончая столь серьезными явлениями, как старческое слабоумие».

— Как ты думаешь, зачем я тебе это читаю, Алиса?

— Хочешь выяснить пределы моего терпения?

— Ты только представь себе: что, если ты никогда не постареешь? У тебя никогда не будет седых волос. Ты вечно будешь молодой.

— Но не тринадцатилетней же!

— Нет. Это не нарушает процесса взросления, только старения. Хотелось бы тебе этого — оставаться двадцатипятилетней вечно?

— Всю жизнь? Конечно.

— И твоя жизнь будет длиться вечно. Тебе следует быть благодарной доктору Саре Робертс. Она приподняла завесу великой тайны.— Ей очень хотелось продолжить эту мысль, сказать Алисе правду — что она прямо сейчас могла бы избрать уделом бессмертие и что Мириам могла бы ей дать его.

Более того, если данные доктора Робертс верны, это был бы вечный дар, а отнюдь не временный (несколько сотен лет!), как во всех других случаях.

— Я не совсем уверена, что хотела бы жить вечно,— вздохнула Алиса.— Я имею в виду — не так уж это и ценно, не правда ли?

Мириам была так поражена, что ей чуть не стало плохо. Она никогда и мысли не допускала, что у Алисы может

быть такой взгляд на вещи. Жить — это стремление всеобщее. Ее собственный род, сколь бы древним он ни был, героически пытался выжить в средние века, боролся, несмотря на низкую рождаемость и неизбежное и очевидное уничтожение. Даже последний из оставшихся в живых стремился только к одному — выжить.

— Но ведь ты это в шутку сказала, так ведь, Алиса? — В голосе ее невольно прозвучала злость, которую ей совсем не хотелось бы обнаруживать.

И девочка отреагировала на это.

— Ты говоришь как-то странно, Мириам. Не как обычно.

Мириам не стала ей отвечать. Вместо этого она вернулась к книге.

— «Суть всей проблемы состоит в том, как и почему нарушается процесс подавления липофусцина по мере старения клеточной системы. Мы обнаружили, что продолжительность и глубина сна связаны с количеством вырабатываемого липофусцина, причем чем глубже сон, тем выше уровень подавления».

— Ладно, я думаю, что мне пора задать один вопрос. Почему ты такая странная?

Мириам даже рассмеялась от такой наглости; она почувствовала, что краснеет.

— Тебе еще многому предстоит учиться, Алиса. Многому. Просто не сомневайся во мне. Ты поймешь, что все, что я делаю, служит определенной цели.— Алиса улыбнулась, и лицо ее внезапно преисполнилось столь удивительной невинности, что Мириам невольно *прикоснулась* к ней.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Затем Алиса вдруг обняла руками колени и хихикнула.

— Вы с Джоном действительно странные. С вами я чувствую себя как-то не так.

Имя Джона, прозвучавшее столь внезапно, перебило настроение Мириам. Она встала и, отложив книгу, подошла к оконной нише. Оттуда был виден сад. Такая про-

хладная, влажная весна полезна для роз, привезенных ею из Северной Европы, но римские и византийские розы плохо переносят эту погоду. С ними придется немало повозиться, если вскорости не потеплеет.

Ей хотелось сейчас оказаться среди них, забыть на время о своих горестях. Если бы только Джон продержался еще несколько лет... Открытия, о которых говорилось в книге «Сон и возраст», вероятно, могли бы его спасти. Мириам все еще не оставляла надежду найти какое-нибудь средство, чтобы вернуть его к жизни, пока не стало слишком поздно. Она была уверена — все дело здесь в чем-нибудь типа липофусцина. Ее собственное тело обладало постоянным иммунитетом, но обычного человека *Сон* просто поддерживал некоторое время. Потом появлялись знакомые симптомы: *Сон* прекращался, а с его прекращением приходило быстрое старение, отчаянный голод и — разрушение.

Горло перехватило, вновь ощутила она боль и горечь — и некуда было деться. Она силой заставила себя думать о розах. Когда-то она соорудила перголу* от дома до самой реки. У них тогда была своя пристань и красивый красно-черный паровой катер с сердито бурчащим маленьким двигателем. Как приятно было кататься на этом шумном катере, стучавшем поршнями и выпускавшем клубы черного дыма...

В хорошую погоду они ездили на остров Блэкуелл и, когда наступал вечер, охотились за парочками в лесу.

Мириам слышала, как Алиса шевелится в кресле. Благодарение Богу, это идеальная замена. У нее натура настоящего хищника, что в людях встречается довольно редко. Непредвиденное начало губительного процесса, который вскоре уничтожит Джона, в невероятной степени повысило ценность Алисы в глазах Мириам. А так как всех их

---

* Пергола — увитая растениями проходная беседка или крытая галерея.

рано или поздно ожидала эта участь, не стоило сейчас давать Алисе слишком подробные объяснения. Пусть все идет своим чередом; в конце концов она неизбежно придет к сопоставлению себя с Джоном — а там надо только дождаться подходящего момента. Истина была для них в какой-то мере ужасна, безусловно,— но это лишь часть проблемы. Вместо того чтобы убеждать их не испытывать отвращения к происходящему, ей следовало учить их видеть его красоту.

Они должны были желать того, что Мириам могла им дать, стремиться к этому так, как никогда раньше они ни к чему не стремились,— сознательно, всей душой, каждой клеткой своего тела.

Мириам хорошо умела открывать в людях сокровенную жажду жизни. Слой за слоем снимала она условности и запреты, а человек вдруг обнаруживал, что единственное, к чему он стремится,— это просто свет и воздух. А потом начинали просыпаться древние инстинкты. Рядом с ними все другие стремления, все переживания, казалось, погружались во тьму, умирали сами собой, так что не стоило даже брать на себя труд их забывать. Прекрасная и неоспоримая истина... А если она хотела обладать одним из них, ей нужно было только *прикоснуться* к нему, приласкать и завлечь. В конце концов то дикое существо, что живет внутри каждого человека, ответит на поглаживание, и у Мириам появится кто-то новый.

— Чудесная погода, правда?

— Ничего.

Краткий равнодушный ответ. Алисе неведома была тайна времени — магия, столь хорошо известная Мириам. Девчонке доступно лишь преходящее — часы, мгновения... А ведь все чудо этой тайны содержалось во фразе Мириам: она воспринимала время в виде огромного каравана, везущего неисчислимые богатства всех мгновений, каравана, в котором чудесным образом соединились и мягкая прелесть прошлого, и великолепие будущего.

Было соблазнительно, очень соблазнительно начать прямо сейчас, но... надо соблюдать приличия. Джон был первым. И потом, непонятно еще, как обстоит дело с открытием доктора Робертс. Мириам должна подобраться к ней поближе, должна найти звено, которое замкнет наконец ее цепь. И кроме того, существовала также и проблема ответственности. Мириам чувствовала себя в ответе за своих спутников; она приманивала их, обещая бессмертие и скрывая истину до тех пор, когда они уже не могли остановиться. Все эти годы ложь звучала диссонансом в ее оркестре. Теперь же все можно будет изменить. Алиса станет первой, кто присоединится к Мириам полностью и навечно.

Первой. И в накатившем вдруг приступе мучительной любви она взглянула на мягкие, светлые черты девочки. Алиса подошла к ней; они стояли плечом к плечу у окна, выходившего в сад.

Мириам вспомнила, как Алиса подошла тогда к Джону, и разозлилась. Девочке не следовало разрешать такие вольности. Мириам с нетерпением ждала того времени, когда Алиса будет хотеть только ее, будет заботиться только о ней, жить только ради их совместной жизни.

Пока они стояли вместе с Алисой у окна, глаза Мириам исследовали сад. Ей казалось, она заметила там какое-то движение. Видела ли это Алиса? Девушка смотрела на нее вопросительно.

— Что там?

— Ничего.— Мириам с трудом улыбнулась. Ложь. Она была уверена: там, за живой изгородью, стоял Джон, повернув голову именно к этому окну. Мириам ощущала угрозу, исходившую от него. Мурашки побежали по коже.

— Нам нужно поработать над этими идеями, Алиса. Ты согласна?

— Мне кажется, там кто-то есть. А где Джон?

— Не там!.. Ты же видишь, сад пуст.

— Да...

— Не отвлекайся! Я задала тебе вопрос.

— А я его проигнорировала. Это и был ответ.

Мириам отвернулась от окна.

— Скоро ты поймешь, сколь важны наши занятия. Ты хорошо схватываешь. Позднее все это тебе очень пригодится.

— Эти идеи... Ты единственная из всех моих знакомых, кого интересует подобный бред.

— Так ты придешь завтра?

— Какая ты странная, Мириам. Конечно приду. Я прихожу каждый день. Мне даже нет необходимости сейчас уходить.

— Тебе лучше уйти. Я ожидаю гостя — и на кратчайшую долю секунды пальцы ее коснулись волос девушки.

Это было ошибкой. Она в ярости отдернула руку, подавляя взрыв невыносимого голода, вызванного этим контактом. Спустя несколько мгновений Алиса уже сбегала вниз по лестнице, пообещав напоследок вернуться завтра.

Она будет хорошей спутницей. Разнообразия ради Мириам выбирала себе в спутники то мужчин, то женщин. Пол их был ей безразличен. Она сжалась при мысли, что скоро увидит Джона. Так мало времени прошло — и уже так больно смотреть на него. Он опять возвратился с охоты. Его вылазки теперь участятся, принося ему с каждым разом все меньше и меньше удовлетворения.

Сад казался пустым, но она знала: он там. Она закрыла глаза — ей так не хотелось бояться своего возлюбленного. Хотя страх сейчас к месту... Она быстро прошлась по комнатам, готовясь к возвращению бедного своего охотника — разбитого, страшного в своей неутолимой жажде — после блужданий по тропам Ада.

В лаборатории было темно и тихо, если не считать мягкого уханья обезьяны, доносившегося с видеомонитора. Сара отложила все дела, чтобы целиком сосредоточиться на представлении, повторяемом сейчас в видеозаписи.

— На этот момент уровень старения — тридцать пять лет,— заметила Филлис Роклер. Голос ее охрип от усталости, она находилась на работе уже очень, очень долго.

— Кривая теперь пойдет круче,— добавил Чарли Хэмфрис.

На экране появился сам Чарли и взял кровь для анализа. Обезьяна протестовала весьма решительно, но она уже ослабела от старости.

— Уровень — сорок лет,— продолжала комментировать Филлис.— Прошло только семь минут.

— Скорость старения, значит, один и четыре десятых года в минуту.

Челюсти обезьяны пришли в движение. Сначала выпал один зуб, потом другой, затем они посыпались все разом. На морде застыло выражение черной ярости.

— Уровень — пятьдесят пять.

— Какой человеческий возраст соответствует пятидесяти пяти годам у резуса? — спросила Сара. Им были известны эти соответствия только до тридцати лет. Обезьяны этого вида дольше не жили.

— Я рассчитала, что где-то около девяноста двух лет, при линейной зависимости,— ответила Филлис.— Весь процесс займет примерно сто тридцать семь человеческих лет.

Длинные серые волосы подобно дождю сыпались с его головы и плеч. Медленно поднялась рука, чтобы коснуться провалившихся губ. По мере того как рука двигалась, пальцы обезображивались — на сгибах образовывались артритные вздутия. Обезьяна закачалась, тело ее стало склоняться вправо.

— Старческое искривление позвоночника,— заметила Филлис.

Раздался яростный, душераздирающий вой. Трое присутствовавших неловко пошевелились. «Испытывают ли остальные то же, что и я? — подумала Сара.— Что мы вторгаемся в запретную область?» Эта обезьяна была добрым и преданным другом всех сотрудников без исключе-

ния. Имели ли право те, кого Мафусаил любил, заставлять его так страдать? И все же... Сара думала, действительно ли смерть неизбежна, навечно ли закрыты ворота Эдема. Стоит им открыться — и бесконечное сражение человека со смертью будет выиграно. «*Мы не должны умирать*»,— билось у нее в голове. Сложив руки на груди, она с холодной решимостью наблюдала, как страшно умирал Мафусаил, расплачиваясь своей жизнью за жизнь человечества.

— Уровень — семьдесят. Скорость — один и девяносто пять сотых года в минуту. Сто двадцать один год в пересчете на человеческий возраст.

Морду его нерекосило, явный вызов читался в этой его последней гримасе...

Затем они увидели на экране то, что произошло в реальности два часа назад. Мафусаил упал на бок, ужас застыл в его глазах. Челюсти задвигались, руки рубили воздух.

По коже побежали морщины. Морда сморщилась, как сушеное яблоко. Мутные слои катаракты закрыли хрусталики, глаза сузились и превратились в щелки. Кисти рук и ног сжались в кулаки. Кожа обвисла на костях.

Весь его скелет был различим сейчас под дряблой кожей, и он двигался, медленно, еле заметно.

— Возраст — восемьдесят пять. Скорость — два и четыре в минуту. Соответствует ста двадцати девяти человеческим.

Послышался долгий хриплый вздох.

— Признаки жизни исчезли,— сказала Филлис.

Сила неизвестного вновь поразила Сару. Кожа теперь уже мертвой обезьяны трескалась вдоль костей и падала, подобно обрывкам ткани, на пол клетки. Вскоре один скелет, все еще державшийся на сухожилиях, лежал посреди рваных клочков плоти. Затем и он развалился, и то, что было живым существом еще несколько минут назад, представляло собой теперь лишь кучку праха, пыль. А скоро и ее не осталось: один порыв сквозняка — и все.

— Процесс посмертного распада ускорился приблизительно до двух лет в сухом воздухе за семьдесят одну и пятьдесят шесть сотых секунды.

Послышалось несколько ударов, затем короткий звонок сигнализации. Это Филлис запечатывала комнату, чтобы предотвратить распространение возможной заразы.

— Мафусаил бодрствовал в течение ста девятнадцати часов,— устало произнесла Филлис.— Я заметила первые признаки распада на семидесятом часу.

— Скорость накопления липофусцина у него начала заметно расти с образца две тысячи сто сорок один, взятого на семьдесят первом часу,— сказал Чарли.— Вследствие этого кровь его потеряла способность усваивать кислород.

Последовало длительное молчание.

— Не знаю, что и думать,— наконец проговорила Сара.

— Ты чересчур мягко выразилась.

— Давайте поразмыслим. Сейчас одиннадцать тридцать. Я думаю, заседание правления уже началось и они там как раз собираются одобрить бюджетный проект Хатча. Мы в него не включены. А что, если мы просто закроем клетки на карантин и разойдемся по домам?

— Как бы с тобой инфаркт не случился,— тихо заметил Чарли.— Что ж, теперь они найдут для нас деньги.

Фыркнув, Сара скрестила руки.

— Инфаркт мне не грозит. Я даже радуюсь при мысли о том, сколько беспокойства причинит им эта лента.

— Какой шум поднимется в кругах физиологов,— пробормотала Филлис.— В стареющем организме есть что-то такое, о чем мы и не подозревали.

— Хатча не удастся уговорить сразу же вернуться в комиссию и потребовать пересмотра.

— Будем надеяться на лучшее.

— Послушайте, я руковожу этой лабораторией, так что извольте выполнять мои приказы.— Сара улыбнулась.— Мне нужна тысяча килобайт памяти с блокировочным замком. Доступ — только для нас троих. Без боль-

шой памяти нам не обойтись — надо загнать туда все наши данные.

— А как мы сможем договориться насчет оплаты? — спросил Чарли.

— Это не наша забота. Об этом позаботится администратор.

— Ты имеешь в виду Хатча?

Ее голос смягчился.

— Я имею в виду Тома. Хатч это может не пережить.

Чарли энергично зааплодировал.

Они засмеялись. Сара смотрела на светящийся экран. Тайна, скрытая за решеткой пустой сейчас клетки, внушала благоговейный страх. Невероятно, но в живом организме действительно содержатся внутренние часы, и на эти часы можно воздействовать. Если старение могло ускоряться, то его также можно и замедлить. Его можно остановить.

Все трое продолжали смотреть на клетку, хотя там ничего больше не происходило. Сара поймала себя на том, что никак не может сосредоточиться — мысли ее лихорадочно прыгали с одного на другое. Это был знаменательный момент, такое открытие выпадает на долю лишь немногих ученых. Сара прекрасно понимала, что сейчас меняется ход истории. Про это мгновение будут читать дети в школе... если их еще будут заводить после наступления бессмертия. В каждом музее будет макет этой лаборатории.

Вздрогнув, она одернула себя.

Вредно думать о таких вещах. Мысли ее вернулись к более насущным проблемам, но холодок остался — осталось чувство тревоги, за которым, как она предполагала, скрывался болезненный страх.

— Потеря сна явилась механизмом, вызвавшим ускорение старения. Но, прежде всего, что заставило его лишиться сна?

— Вся система развалилась.

— Это не ответ.

Наступило молчание. Сара подозревала, что и другие испытывают ту же тревогу. Отбросив страх, она еще раз сказала себе, что повода для тревоги нет и бояться нечего. Ей захотелось вдруг спеть песенку — что-нибудь такое чертовски веселое.

Клетка на экране казалась мрачной, зловещей, как будто какой-то злой дух поселился там в предвкушении следующей добычи. Сара не верила в старомодные понятия о добре и зле — она говорила себе, что не верит. Но без крайней необходимости она не стала бы приближаться к этой клетке.

Послышался шум, и полумрак комнаты прорезала полоса холодного люминесцентного света, когда открылась дверь в коридор. В дверном проеме появилась угловатая фигура Тома. Он тихо вошел — как врач среди больных — и положил руку ей на плечо. По его подавленному виду она сразу поняла, чем все кончилось. Но он еще не знал о видеодиске и о том поразительном открытии, которое позволила им сделать смерть Мафусаила.

Страх, столь тщательно скрываемый до сих пор, выплеснулся наружу, когда Мириам поняла, что Джон проник в дом. Во все века, во все времена, где бы она ни находилась, нет и не было ничего ужасней, чем *их* конец. Он будет невыразимо зол из-за того, что стареет, и — умирая — он будет чрезвычайно опасен. Она шепотом прочитала заговор против него, взывая к древним богам своего народа, стремясь воспринять сердцем их поддержку.

Она ощущала его присутствие в своих любовно обставленных комнатах, каждая из которых напоминала ей о счастье, о том прекрасном времени, что они провели здесь вместе. Она легко провела рукой по спинке небольшого диванчика — палисандр! — коснулась элегантного столика-консоли из красного дерева. На нем стояли золотые подсвечники. Они с Джоном любили свечи, было в них что-то изысканно-древнее...

Легкий шорох прервал ее мысли — где-то открылась дверь, прошуршав по ковру.

В доме было так тихо, что она слышала даже шелест своего платья. Она встала в углу комнаты. Справа от нее были коридор и входная дверь. Прямо перед ней — арочный дверной проем, соединявший комнату со столовой. Она знала, что Джон поднялся по подвальной лестнице; в этот момент он стоял, должно быть, между буфетной и столовой. Затем она услышала голос — голос старика:

Беспечные песни
О горестных мыслях,
О годах ушедших,
О любви позабытой...

Пение постепенно перешло в бормотание и смолкло. Когда-то, во времена его молодости, эта песня была очень популярной. Она хорошо помнила, как они вместе ее пели.

А затем она увидела его. Голого.

— Пожалуйста,— тихо сказал он.— Пожалуйста, Мириам, помоги мне.

Куда исчезло крепкое молодое тело, приводившее ее в такой восторг?.. Перед ней стоял худой сутулый старик с провисшими веревками мышц.

— Посмотри на меня, Мириам! — Голос его звучал столь жалостливо, что она едва была в состоянии слышать его.

— Ты бы оделся...

— Одежда на мне висит! — огрызнулся он. Мириам не удивилась — внезапные приступы ярости всегда сопутствовали этой страшной «болезни». Приступ прошел так же внезапно, как и начался, оставив ему взамен лишь отчаяние. Его страдания как будто сковали Мириам, мысли ее замедлились, тело застыло. Колеблясь, не уверенный, что Мириам не оттолкнет его, он подошел к ней. Его дыхание было настолько отвратительным, что она невольно отвернула голову. Оскорбленная его уродством, Мириам попыталась вызвать в памяти яркий образ Алисы, ее лицо, ее свежую молодую кожу. И когда губы его коснулись ее губ, она погрузилась в этот образ.

— Я не нравлюсь тебе? Ну пожалуйста...— Его лицо, покрытое старческими пятнами и жесткой седой щетиной, маячило перед ней как олицетворение самой смерти. Он сжал ее плечи, провел руками по шее.— Ты так же молода, как и всегда. Ты-то выглядишь чудесно.— Внезапно он сделал шаг назад, загородив дверь в коридор.— Не-покидай меня,— сказал он. Глаза его были широко открыты.— Не покидай меня!

Она стояла, опустив голову. Ей хотелось — хотя бы один раз — набраться смелости и отдаться во власть другого существа. Но она сохраняла осторожность. Его в любой момент могла охватить ярость. Горло все еще слегка болело после вчерашнего. Подняв глаза, она встретилась с ним взглядом.

— Я никогда тебя не покину, Джон, никогда.

— Мириам...— Он испуганно всхлипнул, очевидно злясь на себя за столь открытое проявление эмоций. Она не могла больше противиться мольбе, звучавшей в его голосе. Против своей воли она подошла к нему и, обняв его рукой, повела к кожаному диванчику.

Он опустил голову ей на плечо.

— Я такой старый. Как это я так постарел?

— Время...

— Какое время? Прошло всего два дня!

— Огромное количество времени может быть сконцентрировано в небольшом пространстве.

Он смотрел на нее, пораженный.

— И чем же это кончится?

Это было самое трудное. Что делать, когда на твоих глазах семя смерти, скрытое в глубине организма, вдруг начинает прорастать? Она не могла вымолвить ни слова. Преодолевая отвращение, она гладила Джона по голове, держа его за руку. Ужасный низкий звук вырвался из его горла.

— Я любил тебя,— прошептал он.— Я так тебе верил.

И это было ужасней всего.

3

Джон быстро шел по Восьмой авеню к Сорок второй улице. Было четыре часа утра. Он шел, слепо глядя перед собой. На нем был плащ, широкополая шляпа, чтобы закрывать лицо; в руке он держал портфель. Жизнь уходила из него, подобно тому как свет исчезал с неба в преддверии Ночи. Он шел мимо темных подворотен, прикрывая лицо краем шляпы. Но некому было обращать на него внимание; лишь пару раз уловил он признаки интереса к своей особе — какой-то малыш вдруг проснулся и недоуменно ночмокал, да одна девчушка, безостановочно, как автомат, бормотавшая «хочу п... хочу п...», остановилась на мгновение, когда он проходил мимо ее двери.

Отчаяние гнало его вперед — Джон был голоден, зверски голоден. Редкие прохожие здесь, на улицах, казались даже еще более дряхлыми, чем он, слишком слабыми в сравнении с компаниями ночных гуляк, грязных полуночников.

А затем он увидел то, что искал,— она сидела у окна «Мэйфейр-Хауса». «Мэйфейр» пользовался определенной известностью среди обитателей этой части города, и Джон знал об этом. Когда-то здесь было просто кафе с музыкальным автоматом. Мужчина покупал бумажный цветок и держал его на коленях, тупо глядя, как на экране мелькали кадры новинок из Юнион-Сити. Когда цветок брала девица, он обзаводился подругой на ночь.

Его жертва вышла, отозвавшись на стук в стекло. Она встала к нему боком — как собака, держа голову вверх и вправо.

— Ну как я тебе? Мечта, правда? — Она говорила, не поворачивая головы.— Двадцать долларов. Плохая сторона тебе не видна.— В профиль она смотрелась неплохо. Но это было лишь полмечты — кислота разъела оставшуюся половину.

— Пять долларов за все,— сказал Джон.

— Это только на ручную обработку, если ты быстро.

— Десять, и хватит с тебя.

— Мистер, вы не смотрите на этот чертов шрам. У меня все дела пониже. А его вы и не увидите.

— Десять.— С ними нужно было поторговаться, иначе его могли счесть потенциальной жертвой, а там недалеко и до расправы в темном коридоре.

Она схватила его между ног.

— Пятнадцать.

Он отстранился.

— Все, что угодно, за пятнадцать,— прошипела она.— Ты можешь делать все, что захочешь.

Он поколебался. Они стояли тихо, как кошки.

— А как насчет мазохизма? — предложила она.— Вышиби из меня все, что можешь.

— Меня это не интересует.

— Приятель, так тебе не нужно ничего особенного? — Она снова к нему приблизилась, улыбаясь половиной рта.— Я думала, тебе надо что-то особое. Согласна на десять, если просто перепихнуться.

Она жила на Сорок третьей улице. Пройдя по грязному серому коридору с исписанными стенами, они поднялись по ступенькам и оказались в пахнувшем сыростью вестибюле. Там на сломанном стуле, ссутулившись, сидел негр. Джон положил десять долларов в его открытую ладонь.

Поднявшись по крутой лестнице, они остановились у высокой деревянной двери. Комнатка оказалась совсем маленькой: туалетный столик, складной стул и торшер с проплавленным пластмассовым абажуром. Брошенный на пол матрас и желтое ватное одеяло сверху заменяли кровать.

— Белье из стирки так рано не приносят,— пробормотала девица.— Раздевайся, за десять долларов у нас есть десять минут — так уж здесь заведено.

Блейлок снял шляпу. Несмотря на то что в комнате было почти темно — окно выходило в вентиляционный

колодец,— девица увидела достаточно, чтобы перепугаться.

— С тобой что-то не в порядке, приятель?

— Все хорошо. Я просто худой.

Она медленно отстранилась.

— Да что с тобой такое?

Он достал из кармана скальпель. Она попятилась к окну; лицо ее скривилось, будто от боли.

— Иди сюда, милашка,— сказал Джон.— Ты принадлежишь мне.

Ее здоровый глаз расширился, рот искривился в страшной гримасе. Она подняла к груди трясущиеся руки. Из горла у нее вырвался не то кашель, не то хриплый лай — и безумный ужас слышался в этих странных звуках. Коснувшись спиной стены, она медленно сползла по ней вниз... она была похожа на собаку, лающую шепотом. Глаз бессмысленно бегал из стороны в сторону, не в силах сфокусироваться на приближавшейся фигуре.

Джон понял, что времени для хлороформа нет. Быстро и умело взмахнув скальпелем, он погрузил его в шею над ключицей. Пройдя мышечную ткань, скальпель вошел в артерию. В мгновение ока Джон припал к ней губами.

Наконец-то. Вот оно.

Он почувствовал, как вновь наполняет его жизнь, пурпурная, густая. Он знал, что может теперь ходить по улицам, не привлекая ничьего внимания, постаревший не более, чем любой другой пожилой человек. Раньше он чувствовал голод примерно раз в неделю. Когда же началось *это*, запросы его возросли. Когда он снова выйдет на охоту? Через шесть часов? Через час?

Теперь пригодился и портфель. В нем было полгаллона керосина и необходимые химикаты. Он положил девушку — уже такую легкую — на матрас и облил ее керосином. Затем поставил рядом пепельницу, полную окурков. Насыпав в коробок кристаллики перманганата калия, он промочил их глицерином. Через три-четыре минуты про-

изойдет самопроизвольное возгорание, и калий подожжет керосин. Положив коробок в пепельницу, он быстро ушел.

Пожар будет сильным. Через десять минут останутся только кости. Если огню удастся разрастись, то будут уничтожены вообще все следы.

Выйдя на улицу, Джон обнаружил, что уже рассвело. Появились редкие прохожие — простучала каблучками девушка в белом плаще из кожзаменителя, молодой человек с едва пробившимися усами вышел из такси. Пачки утреннего выпуска «Таймс» сбрасывали с грузовика у газетного киоска на углу.

На него никто не обращал внимания. Пока. Тело его как будто освободилось от тяжести. Позже, когда новая кровь умрет, придет отчаяние, но сейчас он чувствовал себя так легко, что, казалось, мог бы взлететь в разливающийся вокруг солнечный свет. Никого из ночных бродяг уже не было на Сорок третьей улице — все расползлись по своим норам. Они несли в себе усталость, совершенно не соответствовавшую весеннему рассвету, катившемуся с башен зданий. Они прятались, а розовые облака скользили по ясному небу на запад.

Мимо пронеслась пожарная машина с уцепившимися за нее пожарными. Лица у них были усталыми и решительными — такое выражение бывает у людей, которые говорят со смертью на «ты».

Манхэттен стал просыпаться быстрее. Поток людей вылился со станции метро «Седьмая авеню», кофейни наполнялись посетителями, проносились мимо автобусы, набитые людьми.

Джон чувствовал ее внутри себя. Ее прошлое, казалось, шептало в его венах, голос ее невнятно бормотал у него в ушах. Она в каком-то смысле преследовала его, как привидение,— все они так делали. Что удовлетворяло его голод — человеческое существо, вливавшееся в него вместе с кровью, или просто сама кровь? Джон часто думал с

интересом, понимали ли они, в чем дело, ощущали ли они себя в нем? Исходя из своей способности слышать их в своем сознании, он подозревал, что ощущали. Мириам решительно отвергала подобные идеи. Она обычно вскидывала голову и отказывалась слушать, когда он рассуждал об этом. Она и мысли не могла допустить, что можно совершить *прикосновение* к мертвому.

Идя по улице, Джон прикинул, сколько уже часов не смыкал он глаз. Тридцать шесть по меньшей мере. И за такой короткий промежуток времени ему потребовались три жертвы. Их энергия, похоже, компенсировала отсутствие *Сна*, но так не могло продолжаться вечно: с каждым разом он насыщался все меньше и меньше.

Он обнаружил, что при желании он с легкостью мог бы возненавидеть Мириам — ту, которая его создала. И не потому, что она обманула его насчет продолжительности жизни, нет,— просто он оказался в ловушке, в изоляции еще более ужасной, чем ее собственная. Он свыкся с жизнью «каннибала», приняв ее как плату за бессмертие, хотя даже и в этом случае цена была высока. Но платить за *это*? Голод сыграл с ним злую шутку.

Пешком он дошел до Саттон-Плейс, не было смысла рисковать и брать такси. Он свернул на свою улицу и замер на мгновение: столбы солнечного света выстроились между зданиями, хорошо одетые люди спешили на работу, автомобили останавливались у роскошных подъездов, швейцары свистом подзывали такси. Ясная невинность этого мира вдруг отозвалась в нем болью, заставив испытать мучительное раскаяние. Их дом — с зелеными ставнями и мраморными подоконниками, с фасадом из красного кирпича и ящиками под окнами, где буйно разрослись петунии,— излучал, казалось, теплоту и радость. Отвратительная ложь!.. Так подрагивают, ни о чем не подозревая, листья только что срубленного дерева, ибо весть о смерти еще не поднялась по стволу.

— Доброе утро,— сказал ему Боб Кавендер, человек всегда полный энтузиазма, сосед Блейлоков и отец Алисы.

— Доброе утро,— ответил Джон, придав своему голосу легкий акцент.

— Новенький в нашем квартале? — Кавендер не узнал своего внезапно постаревшего соседа.

— Я приехал в гости. К Блейлокам.

— О, да? Отличные люди. Любят музыку.

— И я музыкант.— Джон улыбнулся.— Из Венского филармонического.

— Моя дочь будет без ума от вас. Она половину времени проводит у Блейлоков. Тоже музыкант.

Джон опять улыбнулся и изобразил изысканный венский поклон.

— Мы еще увидимся, полагаю,— сказал он.

Кавендер, сердечно попрощавшись, пошел дальше. Для Джона всегда оставалось загадкой — каким образом обычные люди ухитрялись сохранять уверенность в себе и жизнерадостность в этом хаосе жизни? Всякие там Кавендеры даже не сознавали, не понимали, сколь кратко отпущенное им время, сколь недолог их путь.

В доме стояла тишина. Мириам открыла сосуд с благовониями, холл был наполнен их ароматом. Джон двинулся наверх. Ему хотелось посмотреть на себя в зеркало. Но добравшись до спальни, он заколебался. Ему вдруг стало зябко. Он стоял в лучах солнечного света рядом с окном, закрытым розовыми занавесками, и, не решаясь сделать последний шаг, с ужасом думал о зеркале по ту сторону двери в ванную.

Он так долго балансировал на грани тридцати двух лет. Теперь же вместе с резким старением всего тела словно черная паутина опутала его мозг. Самоуверенный молодой человек испарился, будто его и не было, и место его занял угрюмый незнакомец, поглощенный лишь мыслями о предательстве своей плоти. Он обнаружил, что из памяти у него вылетают даты, имена, события. Вещи были обозначены какой-то тревожной новизной, даже те, что он неоднократно видел раньше.

Легкий звук нарушил тишину дома — слеза капнула на пол.

— Гроб,— сказал он. Как сильно изменился его голос... За все сразу мстили ему теперь обманутые им годы.

В конце прошлого столетия он посетил женщину-медиума, рассчитывая схватить ее, когда погаснет свет. Но стоило ее пальцам пригасить газовый рожок, случилось нечто ужасное. Раздался звук — как будто разорвали занавес,— и десятки, сотни разных лиц вдруг проступили в ее лице, подобно тому как люди толпятся у окна горящего дома. Все они были ему известны — его жертвы. Женщина вскрикнула, глаза ее закатились, голова безвольно упала.

Он бежал из этого ужасного места, чуть не падая от страха. Через день он прочел в «Нью-Йорк ивнинг мейл», что тело миссис Ренни Хупер было найдено в ее гостиной. Ее пальцы сжимали краник газового рожка. Вероятно, сердечный приступ... Мириам утверждала, что нельзя *прикасаться* к мертвым — это просто невозможно. Но она ведь не человек, что может она понимать в отношениях между человеком и его мертвецами?!

Мир мертвых угрожающе навис над ним. Вдруг яркий образ возник в его мозгу: та шлюха — и как плоть ее чернеет от пламени.

Желудок стал выворачиваться наизнанку, словно пытаясь вырваться из его тела, и он прижал кулаки к глазам, мучительно, всеми силами стараясь уничтожить стоявший перед ним образ смерти, образ того, как он окажется в руках своих жертв. Но образ не исчезал, более того, он становился все отчетливей. И Джон понял внезапно, что демоны Ада — вовсе не демоны, это просто люди, сбросившие земное обличье.

Чтобы *Спать* в безопасности, Мириам пошла в свою комнату на чердаке. Она боялась оставаться в спальне — Джон мог проникнуть сквозь охранную систему вокруг кровати. Она свернулась на жестком полу, борясь с кош-

маром. Но он безжалостно возвращался, и подобно огню, пробивающемуся сквозь солому, он пробивался сквозь *Сон*, захватывая ее мозг, заставляя ее видеть.

Туманное утро недалеко от Равенны. Она прибыла сюда вместе с другими именитыми римлянами семьдесят лет назад, когда император бежал из Рима*. Роса лежит на мраморном подоконнике окна ее спальни. Из глубин памяти, из туманной дали доносится до нее грубое пение остготов и их тяжелая поступь — они идут на императорский дворец. Они медленно продвигаются сквозь туман где-то за садом; в своих рогатых шлемах они кажутся огромными и страшными. И сколь бы ни велика была добыча, ожидающая их во дворце Юлия Непота, они не смогут пройти мимо ее огромного дома, не ограбив его.

Пытаясь не выдать голосом тревогу, она зовет Луллию. Девушка быстро приходит, шурша тапочками по мраморному полу. Мириам нет необходимости что-либо говорить.

— Все кончено,— кивает Луллия.— Уже много часов оттуда — ни звука.

Мириам нежно охватывает ладонями прекрасное белое лицо Луллии и целует ее в губы, ощущая трепет ответного поцелуя.

— Любовь моя,— тихо произносит Луллия,— варвары...

— Я знаю.

Мириам сбрасывает на пол свою ночную тунику и — обнаженная — идет по комнате. Запах фитиля, трепещущего в масляном светильнике на столе, смешивается с резким запахом кожаного плаща, который она достает из сундука. Ее возлюбленная Луллия помогает Мириам одеться — их ждет дорога — и радуется тому, что заменяет ей умерших слуг.

Затем Луллия уходит к себе, ей тоже нужно собраться. Они спрятали лошадей и повозку в перистиле. Вдалеке

---

* 474 г. н. э.— время правления Юлия Непота.

раздается какой-то грохот и веселый смех; оттоты уже у конюшен. Мириам бежит по шелковым коврам — плащ развевается за ней — и спускается по каменным ступенькам в подвал, где в прежние времена рабы топили искусно сложенную печь. Когда все вздорожало, этих рабов пришлось продать, а уголь доставать стало трудно — тяжелые времена, Империя агонизировала. Что же до оставшихся рабов, то о них позаботился Эвмен.

Мириам оставила Луллию у огромной дубовой двери на всю ночь. И только час назад та доложила ей, что все тихо. Теперь Мириам чувствует себя в безопасности, открывая дверь. Она отодвигает три засова и тянет тяжелую дверь на себя. Дверь медленно открывается.

Она кричит.

В сморщенном *существе*, привязанном к двери за пальцы рук и ног, трудно узнать Эвмена. В комнате стоит отвратительный запах крови. На полу валяются оболочки его последних пяти жертв. Под ним — лужа крови, прорвавшей его истлевающий желудок. Он худ до невозможности — обтянутый кожей скелет. В последние часы он так ослаб, что едва мог справиться со своими жертвами.

Мириам нервно сглатывает; усилием воли взяв себя в руки, она мягко берет *существо* за плечи и снимает с двери.

Ее давний и любимый спутник, ее Эвмен. Ни живой, ни мертвый — Одиссей, все возвращающийся домой,— дух, отвергнутый миром духов, вынужденный оставаться в жалкой обители мертвого тела.

Подтянув его колени к подбородку, она с трудом помещает его в сундук, сделанный из самого твердого дерева, ощущая пульсирующую дрожь его тела. Сундук обит бронзой и укреплен железом. Подняв драгоценный груз на плечи, она выходит с ним на лестницу. Никогда, бормочет она, она никогда его не оставит. В коридоре Луллия пританцовывает от нетерпения. Она — простая девушка, она без вопросов приняла «болезнь» Эвмена и представить себе не может, что когда-нибудь и ее ждет подобная

участь. Изысканно отделанные комнаты наполняются дымом. Взгляд девушки метнулся в сторону приближавшихся криков готов. Несмотря на свой ужас, она помогает Мириам; они вместе несут сундук к повозке. Распахиваются ворота, и Мириам встряхивает вожжами.

Очертания виллы постепенно расплываются, исчезая в тумане, исчезая в прошлом.

Повозка медленно движется по ухабистым дорогам. Им ни в коем случае нельзя приближаться к Равенне. Две женщины в повозке, груженной золотом и драгоценностями, представляют собой заманчивую добычу.

— Константинополь,— говорит Мириам, думая об ожидающем их в Римини корабле и об ужасах морского путешествия. Луллия прижимается к ней.

Она видит перед собой потемневшую деревянную стену. Она на корабле, она слышит, как ветер воет в оснастке, слышит...

Голубиное воркование.

Глаза ее открылись. Поначалу она оставалась неподвижной. Затем вспомнила, что она на чердаке. Во рту пересохло, сновидение цеплялось за нее, как запах гнили. Она села. Рядом с ней стоял новый стальной сундук.

Она ненавидела эти сны. Они не мешали ее омоложению, они могли быть его частью. Но они так ей досаждали.

Сейчас надо выбросить это из головы. Перед ней стояла важная задача. Она долго и тщательно готовилась к трансформации Алисы. Целый год посвятила она просмотру литературы по нарушениям сна и исследованиям процесса старения, пока не выявила самого осведомленного в этой области человека.

К Саре Робертс она подбиралась медленно, осторожно. Со временем она подружится с ней, выяснит все, что та знает, а затем исчезнет из ее жизни столь же легко, как и появилась в ней.

Она никогда не думала, что Джон умрет так скоро. Алисе даже после трансформации предстоит еще повзрослеть. И эти годы им придется провести вместе.

Но не более того. Алиса *должна* жить вечно, Мириам на меньшее не согласится. Она провела рукой по волосам. С восходом солнца эта комнатка под крышей превращалась в печку.

Мириам вышла, стараясь ступать по несущим балкам, чтобы пол не скрипел под ее ногами. Пока Джон еще достаточно силен, нельзя допустить, чтобы он знал, где она *Спит*. Он чувствовал себя обманутым, преданным — они все так себя чувствуют. В следующий раз пальцы его могут сомкнуться вокруг ее горла в смертельной хватке.

Едва она открыла чердачную дверь, как сразу поняла, что он дома, вернулся после очередной охоты. Из их спальни доносился скрежещущий, разрывающий ее сердце звук. Он рыдал. Его ум, его обаяние, его энергия — и прежде всего вся истинность его любви — оставались для нее живыми, как будто Джон все еще оставался прежним. Когда она вошла в комнату, он, ударившись о стену, тяжело упал.

Он стал подниматься, цепляясь за стул. Она в ужасе смотрела, как он, хрипло дыша, старается встать,— он сильно ослаб, а прошло всего несколько часов. Посеревшая кожа растрескалась, руки его напоминали ей когтистые лапы животного.

Его глаза, пожелтевшие, водянистые, искали ее. И вот наконец они встретились взглядом. Она едва могла смотреть на него, не отводя глаз.

— Я голоден,— произнес он скрипучим, незнакомым голосом.

Она не в состоянии была ему ответить.

Ему удалось выпрямиться в полный рост; он стоял с трудом, как подбитая птица. Рот его приоткрылся, он шумно, с усилием дышал.

— Пожалуйста,— прохрипел он.— Мне необходимо поесть!

Без *Сна* их голод становился невыносимым. Безупречный ход жизни нарушался, исчезало тонкое равновесие.

— Джон, я этого не понимаю, и никогда не понимала.

Он наклонился в ее сторону, крепко ухватившись за стул. Она испытала облегчение, поняв, что он не посмеет броситься к ней. Вряд ли он мог нанести ей вред, но все же... Она предпочитала сохранять дистанцию.

— Но ты же знала! Знала, что это неизбежно!

Лгать не имело смысла, истина была слишком очевидна.

— Ты должна мне помочь. Должна!

Она не могла смотреть в эти обвиняющие глаза. Пред лицом истины, пред лицом того, что она совершила, ей оставалось лишь безмолвствовать, ибо никакие слова — будь то слова успокоения или сожаления — уже не спасут его. Она была одинока, а человеческие существа давали ей любовь, такую, какую дают домашние животные. Она искала товарищества, некоторой теплоты, некоего подобия дома. К чему плакать, к чему стыдиться содеянного? В конце концов, разве сама она не заслуживала хоть какой-то любви?

Джон слышал ее — с первого же мгновения, едва она шевельнулась, просыпаясь. Тот факт, что она *спала* на чердаке, запершись от него, стал решающим. Он пришел к окончательному решению с поразительным хладнокровием, не оставив себе даже возможности передумать. Он собирался напасть на нее. Он хотел схватить ее за горло и давить, давить его руками до тех пор, пока она не признает, что причинила ему зло.

Он смотрел, как она опасливо входит в комнату, и, притворившись ослабевшим, упал. Он был уверен: почувствуй она хоть малейшую опасность — и все кончено, она не станет приближаться к нему. Мириам просто помешана на осторожности.

Мучительный голод терзал его. Мириам была такой здоровой, такой красивой, напоенной жизнью — а что бы произошло, если бы он взял ее? Вдруг бы он излечился? От нее пахло сухо и безжизненно, как от накрахмаленного

платья. Она не обладала тем чудесным, богатым ароматом, который Джон привык связывать с едой.

Может, она ядовита?

Во всех его словах звучала злость, он ничего не мог с собой поделать. Она сама не понимает, что с ним происходит,— по крайней мере, так она говорит. Ему хотелось уверить себя в том, что она безжалостное чудовище. Он старался не думать о ней как о человеческом существе. Но он любил ее, и сейчас она была ему нужна. Почему она не хотела этого понять?

Он протянул к ней руки, взывая о помощи.

Гибким кошачьим движением она отступила к двери. Глаза ее смотрели на него так, будто она хотела что-то сказать. Он вдруг понял, какое огромное расстояние сохранялось между ними все эти годы.

— Я умираю, Мириам. *Умираю!* А ты продолжаешь жить, совершенная, неуязвимая. Я знаю, ты гораздо старше меня. Почему ты другая?

Теперь лицо ее затуманилось, она, казалось, чуть не плакала.

— Джон, это ведь ты пригласил меня в свою жизнь. Разве ты не помнишь?

Ну это уж чересчур. Он рванулся к ней, рыча от ярости, стремясь дотянуться до ее шеи. Мириам всегда была быстрой, и она легко ускользнула от него, отступив на лестничную площадку. Грустная улыбка играла на ее губах. Единственное, что еще оставляло ему надежду,— это ее глаза. Они застыли от страха, но за этим страхом — он чувствовал — скрывалось страдание. Когда он приблизился к ней, она — быстрая, как птица,— повернулась, сбежала по лестнице, и он услышал, как хлопнула входная дверь.

Покинут. Она бросила его. Теперь он сожалел о том, что решил напасть на нее. Но он просто не в силах был сдержать себя — слишком внезапно пришло это решение. Рано или поздно она все равно вернется. Она не в состоянии была *Спать* в отеле, она всего боялась — грабителей,

пожара. А здесь все так здорово оборудовано, что даже тлеющая спичка будет замечена, а грабитель даже не успеет прикоснуться к окну. Нет, это ее пристанище, она обязательно вернется.

Джон будет ждать ее.

Пятнадцать минут пролежал он в спальне, тщетно пытаясь обрести *Сон*. Голод не проходил, он пробирался в его вены, будоража кровь, заставляя его дрожать от желания.

Он нехотя встал и пошел вниз, задержавшись у двери в библиотеку. Везде были разбросаны книги и бумаги. Не похоже на Мириам — она помешана на порядке. Он тяжело уселся за ее стол, подумав, что сбережет силы, если будет поменьше двигаться. Идти на охоту среди бела дня и в таком состоянии — чертовски трудная задача.

На столе лежал раскрытый журнал. «Исследования нарушений сна». Очередное увлечение Мириам. Ее глупая вера в науку просто смешна. Журнал был открыт на статье с весьма интригующим заголовком: «Психомоторные нарушения при аномальных реакциях на сон: этиология ночных кошмаров у взрослых», автор — С. Робертс, доктор медицины. Статья представляла собой на редкость бессмысленное собрание статистических данных и таблиц вперемешку с сентенциями, написанными заумным научным языком. Как Мириам могла находить что-то полезное в таком материале, было для Джона загадкой — равно как и то, что она собиралась с этим делать. Джон с опаской относился к науке, которая так влекла и возбуждала ее,— наука казалась ему занятием сумасшедших.

Джон оттолкнул журнал, тупо уставившись в пространство. Он услышал какой-то звук, как будто тонко и пронзительно завыла сирена. Затем он понял, что звук идет из его правого уха. Достигнув максимума, звук исчез. Ничего хорошего в этом не было: ухо стало глохнуть. Надо срочно что-то делать, распад теперь шел очень быстро.

Он вернулся к кровати, на которой *Спал* множество раз, и лег. Закрыл глаза. Сначала его усталое тело испыты-

вало облегчение. Но *Спать* он не мог. Вместо этого перед его глазами стали появляться яркие геометрические формы. Затем они превратились в пылающие образы лица Мириам — Мириам, стоявшей над ним во время мучительного процесса трансформации.

Его глаза открылись сами собой. Другие лица чуть было не появились вместо лица Мириам.

Шум ревущей толпы растворился в тихом утреннем воздухе. Куда же в конце концов попадают мертвые? Никуда, как говорила Мириам,— или же за этой жизнью есть мир, мир возмездия?

— Вы не можете меня винить,— прорычал он.

С удивлением услышал он ответивший ему голос.

— Но я вас не виню! Вы тут ни при чем, это они забыли!

Алиса.

Джон повернул голову. Она стояла нахмурившись, со скрипичным футляром в руке. Она пришла заниматься музыкой. Ее запах, до умопомрачения сильный, наполнил комнату.

— Доброе утро,— сказал Джон, переходя в сидячее положение.

— В десять часов я должна заниматься музыкой с Блейлоками. Но их нет.

Она его не узнавала.

— Да, да... у них какое-то собрание акционеров. Они просили... просили меня вам это передать.

— Вы, должно быть, музыкант из Венского филармонического оркестра. Отец говорил мне о вас.

Он поднялся на ноги, подошел к ней, поклонился. Он не смел к ней прикасаться, не смел даже случайно задеть ее рукой. Едва только он уловил ее аромат, муки голода стали почти нестерпимыми. Он никогда еще не испытывал столь дьявольского желания — желания, отчаянного до безумия.

— Вы — штатный музыкант Венского филармонического?

— Да.— Руки его тряслись, и он соединил их вместе, чтобы не вцепиться в нее.

— У вас какой инструмент?

Здесь осторожнее. Он не мог сказать — виолончель, с нее станется попросить его сыграть. В таком состоянии он был совершенно на это не способен.

— Я играю... на французском рожке.

Ага, так хорошо.

— Черт, я надеялась, у вас струнный...— Она глядела на него мягким, напряженным взглядом.— Струнные гораздо интереснее. Хотя на них нелегко играть. У вас с собой ваш рожок?

— Нет... нет. Я предпочитаю его не возить с собой. Инструменты плохо переносят поездки, вы же понимаете.

Она отвела взгляд.

— С вами все в порядке? — спросила она тонким голосом.

— Конечно,— ответил он. Но с ним не все было в порядке, ему хотелось разорвать ее надвое.

— Вы выглядите таким старым.— Голос ее звучал тихо, чуть дрожа. Костяшки пальцев, державших футляр со скрипкой, побелели от напряжения.

Джон попытался облизнуть губы, обнаружив, что они чуть не лопаются от сухости. В его памяти возникли лица других детей. Когда он еще только начинал, Мириам настаивала, чтобы он брал их, потому что с ними легче справляться. В те дни где угодно можно было найти бездомных, никому не известных детей.

Лишение человека жизни постепенно потеряло для него свое значение. Он больше не помнил, сколько убийств у него за спиной. Она высосала из него последнюю каплю человечности и бросила его — на пороге смерти, пред лицом того, что он совершил.

— Присядьте,— услышал он свой голос,— мы побеседуем о музыке, пока они не вернутся.

Его рука коснулась скальпеля в кармане в то мгновение, когда она приняла приглашение и переступила порог.

Это ему и было нужно; он бросился на нее. Отчаянный вопль вырвался из ее горла, глухим эхом прокатившись по всему дому. Гибкое тело извивалось, она царапалась и била его морщинистое лицо.

Он вытаскивал скальпель, одной рукой скручивая ее волосы, не давая ей подняться с пола. Она молотила руками, царапая пол, стучала ногами — и чрезвычайно громко визжала.

Чертов скальпель застрял в кармане.

Она вцепилась зубами ему в руку, с легкостью прокусив иссохшую кожу.

Глаза ее закатились, когда она увидела рану. Черный поток хлынул из ее рта. Джон отпрянул, и, воспользовавшись моментом, она проворно поползла, стараясь добраться до двери. Он прыгнул на нее, выдрав наконец скальпель из кармана. Только одно чувство жило в нем сейчас и управляло всеми его действиями — голод. Рот его раскрылся, он уже ощущал ее вкус. Он еле сдерживал себя сейчас, чтобы не заскрипеть зубами, как изголодавшийся пес. Она лежала на спине и, отталкиваясь ногами, пыталась отодвинуться от него. Он схватил ее за лодыжку, стремясь удержать. Она резко стала молотить его по руке.

Он вонзил ей скальпель над ключицей. От боли она откинула голову назад и дико завизжала, но он уже лежал на ней. Воздух с шумом вырвался из ее легких. Тело ее корчилось в агонии, язык высунулся наружу, глаза затуманились.

Широко открыв рот, он накрыл им рану. Стал работать языком. Это было больно, как и всегда. Мягкий человеческий язык в отличие от языка Мириам не приспособлен для этого.

После, казалось, бесконечных его стараний брызнула наконец кровь, наполняя его огненным пламенем обновления. Он втягивал ее в себя изо всех сил, до последней капли. И лишь тогда, когда не осталось ничего, кроме хрустящей на губах корки, он остановился. Тело его обрело

долгожданную расслабленность и легкость, мозг прояснялся. Это было подобно пробуждению от кошмара; в памяти всплыло, как он, будучи еще мальчиком и затерявшись однажды в темных болотах Северного Йоркшира, нашел наконец знакомую тропу,— так и сейчас. Он глубоко вздохнул, затем прополоскал рот мадерой из библиотечного бара. Вино, казалось, содержало миллион изысканнейших ароматов, и каждый из них он ощущал по отдельности. Это было так прекрасно, что он разрыдался. Он закрыл лицо руками, ощущая мягкость и теплоту кожи. Улегшись на диван, закрыл глаза. Вино оказалось прекрасным дополнением. В отличие от еды, вино сохранило для него свою изысканность. Он постарался расслабиться, наслаждаясь своей сытостью.

Перед его мысленным взором возникла Алиса, безмятежная, как богиня.

Она была такой реальной, что он вскрикнул и вскочил с дивана. Сладкий запах наполнял комнату. Он воскресил в памяти все прежние дивные запахи, каждый ласковый голос, каждое нежное прикосновение.

Ему четырнадцать лет... летнее утро в поместье Хэдли... Присцилла скоро подаст ему и родителям утренний чай и побежит к озеру — там он должен с ней встретиться...

Ему вспомнился влажный лес, лебеди на озере и полевые цветы. С болью в сердце вспомнил он ее прикосновение, и его чуть не вытошнило — к этому времени от нее, наверное, и праха не осталось.

Он сел рядом с кучкой мятой одежды, в которой скрывались останки Алисы Кавендер. Здесь ее духи ощущались сильнее всего; запах, вероятно, шел от одежды. Он осторожно прикоснулся к ее футболке с надписью «Бетховен»...

Аромат духов вскоре поблек, растворился — так растворяется во времени любовь,— и Джон вдруг ощутил, что он тоже растворяется, еще немного — и он исчезнет. Он вздохнул. Ему предстояло неприятное дело, и отклады-

жать его было нельзя. Если Мириам поймет, что он содеял... нет, упаси Бог!

Он заставил себя поднять этот тряпичный ком и понес его в подвал.

Мириам шла по улице, мысли ее крутились вокруг Джона. Каким страшным он стал! И несмотря на ее предусмотрительность, он ее чуть было не... она даже и думать об этом не хотела. Ничего, она скоро его поймает. Как только настанет время. Он, конечно, здорово ослаб, но все еще слишком силен для нее.

Она вернулась домой через час, не желая лишний раз подвергать себя опасностям уличных происшествий. Повернув на Саттон-Плейс, она остановилась в удивлении. Из трубы ее дома тонкой струйкой шел дым. Джон сжигал вещественные доказательства — средь бела дня! Он, должно быть, охотился где-нибудь по соседству. Без сомнения, этот дурак схватил какого-то ребенка из местных. Ему не хватило бы времени уйти далеко.

Все они теряли всякую осторожность с приближением конца. Ей хотелось бы на него рассердиться, но она слишком сочувствовала его отчаянному положению. Ей следует считать удачей уже одно то, что он вообще побеспокоился о сожжении каких-то там вещественных доказательств.

У нее не было никакого желания вновь с ним препираться, но ей все равно нужно войти в дом. Он ведь принадлежал ей, в конце концов. И в нем можно *Спать* в безопасности. Как бы утихомирить Джона? Она не могла больше допустить, чтобы он свободно болтался по дому и по улицам.

Поднявшись по ступенькам крыльца, она вошла. Грохот печи был слышен и отсюда. Бедняга. По крайней мере, теперь она знала, где он находится. Трубы с газом высокого давления не оставишь без присмотра.

Она задержалась в холле, наслаждаясь мгновением покоя, умиротворения. Дом живет. Он чем-то напоминает

ей хорошо укоренившийся розовый куст, жизнеспособный и выносливый. Скоро в нем зазвучит новый голос, голос Алисы, золотистый и легкий. Крошечный лазарет Мириам был готов к переливанию крови. Она уже начала *приближаться* к доктору Робертс. Сама по себе хороший врач, та в конце концов станет помощницей Мириам. На мгновение она вспомнила о Джоне, каким он был тогда, и сердце ее сжалось. Но она заставила себя прогнать эти мысли.

Она двинулась к библиотеке. Аромат ее благовоний стал каким-то приторно сладким, это уже никуда не годилось. И потолок надо подновить, дом недавно слегка осел. И розы... Розы нужно подрезать. Скоро это станет для нее не только необходимостью, но и удовольствием. И слезы хлынули потоком. Не было смысла сдерживать эмоции. Отчаяние прорвалось ливнем слез.

Джон, ты любил меня!

Ты любил даже звук моего имени.

Он был так счастлив с ней — всегда веселый, всегда восторженный. Она упала в кресло у стены и, подперев руками подбородок, крепко зажмурила глаза, чтобы сдержать слезы. Ей так хотелось, чтобы он хоть один только раз еще обнял ее. Она была для него драгоценнейшей находкой, он боготворил ее. В конце концов, это единственное, в чем еще оставался смысл, это сама жизнь, а больше ничего и не нужно.

Как отвратительно его старение! Она не помнила, чтобы другие становились такими уродами.

А ведь какие славные времена были!

Ночь, когда она впервые увидела его... После Марии-Изабеллы она решила уехать в Англию. Двадцать пять лет уже не встречала она никого из своего рода. В те дни она еще надеялась, что они мигрировали в Америку в поисках наименее организованного сообщества. Она чувствовала себя несчастной и страдала от одиночества — непрошеный гость в мире, любить который она не могла.

Та ночь была холодной, стучал дождь и выл ветер. Она играла с лордом Хэдли, этим глупым стариком. Он владел огромными поместьями, где работало много сезонных рабочих, много людей, лишенных крова и вынужденных податься на заработки. Она мечтала о том, чтобы без помех пространствовать по таким местам, и с радостью приняла его приглашение. А к обеду явился этот великолепный молодой человек. Он обладал всеми необходимыми признаками: высокомерие, решительность, ум. Хищник.

Она притянула его к себе в ту же ночь, дабы открыть бедному неопытному юноше секреты любовной игры. Богатая охота здесь могла подождать, у нее появилась возможность получить наследника.

Она сняла комнаты неподалеку и посещала его каждую ночь. Через две недели она начала вливания. Если бы она только знала, сколь слаб он на самом деле; она думала, он протянет гораздо дольше. А теперь — посмотрите на него!

В те дни она пользовалась резиновыми трубками и полыми иглами, с которыми работали стеклодувы. Это было большим прогрессом по сравнению с предыдущим способом, когда они действовали просто своими ртами, надеясь на лучшее. Несмотря на то что она ничего не смыслила в иммунологии и в голову ей не приходило задуматься о такой вещи, как несовместимость крови, Джон не умер. Его рана загноилась, но это происходило всегда. Он побледнел, но так тоже бывало. В отличие от многих других он выжил. Вдвоем они лишили Хэдли всех его обитателей. Старый лорд повесился. Поместье пришло в запустение.

В те дни он был восторженным ребенком. Они поехали в Лондон, чтобы влиться в сверкающий водоворот приходившего в упадок Регентства. Господи, как времена меняются!

Джон. Она вспомнила, как однажды он ворвался к ней, одевшись полицейским. А в другой раз он сам выбирал жертвы в Глазго, и на следующее утро она узнала, что это были лорд-мэр и его жена.

Они охотились с гончими. Он учил ее находить удовольствие, бросая вызов страху, и она с восторгом внимала ему. Как прекрасно смотрелся он на лошади, в сапогах, сиявших в лучах утреннего солнца. Она помнила, как неслись лошади, помнила запахи, шумы и даже непривычную сладость опасности. Однажды на полном скаку он прыгнул на ее коня и свалил их обоих в канаву — и предался любви с нею, и папоротники качались вокруг их бедер, и рог загонщика звучал вдалеке.

Она вздохнула и вновь погнала эти мысли прочь. Погружаться в ностальгию — дело бесполезное; ей нужно было спуститься в подвал и заняться этим бедолагой.

4

Том сидел в своем кабинете. Тьма за окном сгущалась. Несмотря на поздний час, энергия била из него ключом. Хатч только что отверг просьбу Сары о пересмотре бюджетных ассигнований. Более того, он приказал закрыть работы и опечатать все бумаги.

Завязалась борьба. Том не мог бросить Хатчу прямой вызов, потребовав созвать Совет директоров. Если решение Хатча отменят, это подорвет его авторитет. Том тогда мог бы на него насесть, отодвинуть в сторону — и добро пожаловать, новый директор Клиники исследований сна.

Он достал сигару и, подержав ее в зубах, отложил в сторону. Его норма — одна сигара в день. Стоит ему выкурить эту, и его ждет весьма неприятная перспектива: у него было железное правило — если он выкуривает две сигары, то целую неделю не курит вообще.

За фигурным стеклом двери он увидел тень. Звякнула ручка.

— Когда пересмотр? — войдя, спросила Сара.— Мы готовы.

— Не сегодня. Совет сегодня рано разошелся по домам.

— Совет? Совет директоров?! Я думала, мы имеем дело с Бюджетной комиссией.

— Нет. Хатч отказался выносить дело на комиссию. Мне ничего не остается, как самому идти на Совет.

— Я к этому не готова.

— Перестань трястись от страха. Ты готова, и — зная тебя — я утверждаю, что ты абсолютно готова. И ты можешь подготовить и меня.

— Но я даже не представляю, кто там сидит.

— А я их видел. Въедливы как черти. Они именно такие, какими ты можешь представить себе трех магнатов мирового масштаба, губернатора в отставке и двух нобелевских лауреатов.— Он улыбнулся.— Извини, что я тебя запугиваю. Я просто побуждаю тебя быть лучше, чем ты есть на самом деле. Скажи, что мне надо говорить, чтобы произвести на них впечатление.

— Есть, сэр.— Она небрежно отдала ему честь.— Мне надо надеть новое платье? Сделать прическу?

— Ты только представь материалы. Я сам буду иметь с ними дело.

— Слава Богу!

— Ты вполне можешь положиться на меня.— Он откинулся назад, следя за тем, чтобы эта старая развалюха — его стул — не упала. Он будет рад — и он это заслужил — завести себе приличную мебель. Очень характерно для Хатча: ему нравилось демонстрировать, сколь нетребовательны его сотрудники — тесные кабинеты, самая скверная мебель во всей клинике. Даже у временно проходивших курс интернов рабочие места и то лучше.

— Ты кажешься до смешного счастливым.

— Так оно и есть. Это даст мне прекрасную возможность стать главой клиники. Если Совет начнет диктовать Хатчу свои условия, ему придется уйти. Подозреваю, что на Совете об этом уже поговаривают.

— Том, ты опять мною пользуешься.

— Потому что ты очень полезна, любимая.

Она рассмеялась, покачав головой. Тому не понравилось, что она так ставит вопрос. Действовать в целях достижения взаимной выгоды отнюдь не значит использовать кого-то в своих интересах, что бы там она ни имела в виду.

— Я спасаю твою карьеру.

— Чтобы подстегнуть свою собственную.

Это было нечестно. Он почувствовал себя задетым.

— Я стремлюсь к тому, что нужно нам обоим, Сара. Важно это — и только это.

Глаза ее были закрыты, словно она испытывала боль.

— Просто мне не нравится в тебе эта черта. Она меня пугает. Мне не хочется думать, что ты идешь по головам других людей.

— Тогда обманывай себя. Я ничего не имею против.

— Том, я думаю, меня пугает то, что я тебя так люблю. Я чувствую себя такой уязвимой.

Ему захотелось обнять ее, как-то успокоить, но их разделял стол. Они сидели молча, не двигаясь.

— А что, если тебе это не удастся? — спросила она внезапно осевшим голосом.

— А что, если ты возьмешь себя в руки?

Она потянулась рукой к столу между ними. Она наверняка хотела, чтобы он ее обнял, он видел блеск слез в ее глазах.

— Нам обоим есть что терять. Ты превращаешь это в вопрос жизни и смерти.

— Так было всегда. Я просто пытаюсь использовать ситуацию к общей нашей выгоде.

— Именно эту черту я в тебе и не выношу! Ты используешь все подряд. Меня. Даже себя. Иногда я вижу тебя таким... таким чужим, страшным. Ты становишься другим — человеком, которого я не знаю, который сделает все — и даже больше,— чтобы добиться цели.

У них часто бывали подобные разговоры. Поначалу Том не принимал их во внимание, считая это лицедей-

ством, свойственным женщинам с непрочным положением, но в последнее время стал подозревать, что все гораздо глубже. Неуверенность Сары относилась не к ее карьере — хотя там было о чем беспокоиться. Он думал, сколько они еще протянут вместе. Разве сможет она бросить его из-за такой мелочи? Он нагнулся и взял ее за руку. Он понимал, что она чего-то ждет, но чего — он не представлял. Возможно, она хотела, чтобы он возразил ей, чтобы стал оспаривать истину, которую она высказала. Это было похоже на Сару — добраться до истины, весьма неприглядной, и постараться придать ей более удобоваримый вид.

— Я такой, какой есть,— негромко произнес наконец Том.— Я не буду с тобой спорить. Все очень просто. Мне нужна эта должность. Я лучше подготовлен. И я ее добьюсь. Он не сможет меня остановить.— Эти слова словно добавляли ему уверенности в себе. Вернее, иллюзию уверенности. На самом деле он чувствовал страх. Его могли выгнать с работы или, что еще хуже, могли лишить возможности самостоятельно работать, так что до самой смерти Хатча он будет у него мальчиком на побегушках.

— Давай сходим куда-нибудь и выпьем. Пора уходить.

— И это говоришь ты? Уходить из лаборатории в семь часов вечера? Ты, должно быть, действительно решила на все махнуть рукой.

— Они приводят в порядок статистические данные по изменению состава крови Мафусаила. Мне там нечего делать.

— У тебя есть доступ к компьютеру? Я думал, тебе в этом теперь будет отказано.

— Чарли снял блокировочные замки. Мы теперь подключились через его домашний компьютер.

Том улыбнулся. Можно только гордиться тем, что работаешь с такими людьми, как Сара и ее группа. Ее не остановит такая мелочь, как прекращение ассигнований, как не остановит и дверь, захлопнутая перед самым носом.

— Откуда вы берете память? Разве это не может встревожить Группу программирования?

— Из разных файлов. Немного в одном месте, немного в другом. Не так много, чтобы это можно было заметить.

— И общая емкость?..

— Тысяча мегабайт.

Он расхохотался. Чтобы получить память емкостью больше 500 мегабайт, необходим был специальный запрос в Группу программирования, шестимесячное ожидание и специальные бюджетные ассигнования*. Так им и надо!

— Как же это оплачивается, Бога ради?

— Снимается с личного счета Хатча. Оплата в размере тысячи восьмисот долларов в час.

— Я надеюсь, ты шутишь? Он окажется в тюрьме за то, что ворует компьютерное время.

— Это было бы весьма кстати. К сожалению, истина более прозаична.

— Можешь рассказать?

— Нет.

Он вполне мог это понять. Она ухитрилась найти доступ к огромным вычислительным мощностям компьютера клиники. Чем меньше людей об этом будут знать, тем лучше. Не говоря уже о том, что незнание безопаснее.

К лифту они шли молча. В молчании пересекли вестибюль и вышли из здания. На Йорк-авеню он остановил такси.

— Как насчет уютного обеда у нас дома? Гарантирую первоклассное обслуживание.

— Китайская кухня?

— Договорились.— Они, конечно, могли бы посидеть в каком-нибудь баре, но там сейчас слишком уныло. Он страстно хотел Сару. Мысль о том, что он может ее поте-

---

* Роман написан в 1980 году. *(Примечание редактора.)*

рять, заставила его похолодеть. Он так ее любил. Ему хотелось придвинуться к ней, обнять ее, расплавить барьер между ними. Весь день она выглядела такой жесткой, профессиональной, холодной. Ночью ему нужна была другая Сара — та, в которой он мог бы найти убежище. Он смотрел на ее нежное, напряженное лицо, на мягкий изгиб ее груди, ощущал слабый запах ее духов — и жаждал ее.

Ему вспомнились резкие слова, которые она бросила ему в кабинете: «Ты используешь все подряд. Меня. Даже себя». Неужели это правда? И он на самом деле такой? Если все так и есть, то с этим уже ничего не поделаешь.

— Я люблю тебя,— сказал он тихо, чтобы не слышал водитель. Сара не терпела интимности в общественных местах.

Она коротко улыбнулась, позволив ему накрыть ее руку своей.

— Любовь решает все проблемы,— сказал он.

Она довольно долго молчала.

— Она их переживает.

Он так желал ей счастья и успеха. Она сделала необычайное открытие, это несомненно. Ему хотелось, чтобы она ощутила сладость признания, испытала бы все радости, которые оно могло принести.

— Я хочу тебе помочь, Сара,— сказал он.— Я так хочу этого!

Широкая улыбка появилась на ее лице.

— Если бы только Хатч тебя слышал. Он пришел бы в ужас.

— Слева или справа? — спросил шофер.

— Здание слева, высотное.

В сгущавшейся темноте сияла большая синяя вывеска здания Эксельсиор-Тауэрс. Вышла пожилая женщина с собачкой; похожее на паука существо неуклюже топало рядом с ней. Алекс на своем посту у двери мял сигару. Он зажег ее, глубоко затянулся. Том смотрел на него с заинтересованностью человека, лишенного возможности сде-

лать то же самое, он завидовал безразличному отношению Алекса к своему здоровью. Они вышли из такси.

— Добрый вечер, доктора,— сказал Алекс сквозь дым сигары. Том чуть с ума не сошел, вдохнув ее запах. Единственное утешение — это хоть дешевая сигара, ей не хватало захватывающего аромата хорошей «Монтекристо». Слава Богу.

— Привычка — мучительная штука,— заметил Том, когда двери лифта закрылись за ними.

— Поражаюсь, как ты это перенес.

— С трудом.

— Сколько ты сегодня выкурил?

Он поднял один палец. Она взяла его руку и с чувством пожала.

— Это удивительно трудно выдержать,— сказал он.— Организм требует свою дозу.

— Я знаю. Мне потребовалось два года, чтобы отказаться от сигарет. Два года и мой отец.

Том никогда не встречался с Томасом Робертсом. Он умер до того, как они с Сарой близко познакомились. Рак легких, сказала она.

Сара вошла за ним в квартиру, задержавшись, чтобы повесить плащ в стенной шкаф. Он включил свет в гостиной. Сара подошла к нему и встала рядом.

— Мне нравится наша квартира,— заметил он. Она кивнула.— Можно... я тебя поцелую?

Повернувшись, она положила руки ему на плечи. Он наклонился к ней, несколько долгих секунд смотрел ей в глаза, затем нашел ее губы. Его всегда оживляла теплая сладость ее поцелуев. Тело его словно хотело сделать то, что неспособно было сделать сердце,— раз и навсегда удержать их любовь.

— Ты действительно веришь, что я тебя люблю? — необдуманно спросил он. Вопрос вырвался как-то сам по себе — ах, если б его можно было вернуть! По зрелом размышлении ему и в голову бы не пришло задавать подобный вопрос — можно нарваться на неприятный ответ.

— Я знаю, что любишь.

Он снова попытался ее поцеловать, но она отвернулась. Его первым импульсом было силой вырвать у нее поцелуй, но сразу же, опомнившись, он подавил в себе это желание и рассердился. Ощутив его злость, она замерла, тихая, маленькая, упрямо выставив подбородок и скрестив руки.

— Не сейчас,— сказала она.

— Я же тебя не обижу.

Она рассмеялась, как бы заверяя его в том, что она ему верит.

— Том, если бы наши карьеры не переплетались так, как сейчас... если бы моя стояла на пути твоей — что бы ты сделал?

Он взял ее за руку.

— Они же переплетаются, так зачем об этом беспокоиться? Мы находимся в идеальном положении. Спасая твою карьеру, я делаю свою.

— Но что, если бы было наоборот? Ты так и не ответил.

— У меня и так достаточно забот.

Она покачала головой.

— Я люблю тебя, Том. Господи, помоги мне, но я люблю.— Она приблизилась к нему; лоб ее был на уровне его глаз, и он коснулся его губами, затем притянул ее к себе, ощущая какое-то смутное удовольствие, тронутый ее хрупкостью и беззащитностью.

Она подняла лицо, позволила ему приподнять себя — и он припал к ней губами в неистовом желании уничтожить пространство между ними, мечтая о том, чтобы ему удалось это сделать, чтобы его любовь отмела все ее сомнения и привлекла ее к нему навсегда.

— О Сара! Ты так красива. Мне трудно поверить, что мною могла заинтересоваться такая красивая женщина.

— Опусти меня... и перестань принижать себя. Ты не так уж и уродлив.

— Неужели?..— Он улыбнулся. Она мягко, увещевающе провела рукой по его щеке.— Я не имел в виду свою внешность. Мне трудно...— Он остановился. Он не властен над ее любовью, он не может управлять ею — но говорить ей об этом незачем.

— Я действительно тебя люблю. Я это говорю не просто так.

Он кивнул и поцеловал ее.

— Пошли в кровать,— пробормотал он, уткнувшись в ее теплые волосы.

— Я хочу заказать китайские блюда. Потом мы можем этим заняться.

— Сейчас.

Она, смеясь, оттолкнула его.

— Давай продлим удовольствие. Приятное ведь можно отложить на потом — с тем чтобы предвкушать его.

Он вдруг почувствовал себя отвергнутым и насупился.

— Я пойду в душ,— сказал он, скрыв обиду. Если бы она действительно его хотела, она не стала бы противиться. Оставив ее размышлять над меню их китайского обеда, он ушел в спальню и разделся.

Стоя в облаке пара под теплыми струями воды, покалывавшей его кожу, он почувствовал себя лучше. Вода как будто смывала разочарования, проблемы, страхи... Хотя мысли его все время возвращались к клинике. Он отлично понимал, сколь важно это открытие. Но вот что будет дальше? Предстоит огромная работа, и Сара уйдет в нее с головой... Никогда еще любовь их не казалась ему такой хрупкой — и такой невыразимо важной. Для него.

Какая-то тень появилась за занавеской. Мгновение — и вот уже Сара скользнула к нему под душ, и снова он почувствовал себя счастливым. Вода зашумела, заскользила по ее дивной фигуре, побежала по изгибам, струясь между изящных выпуклостей, капая с сосков.

— Мне показалось, что тебе потребуется некоторая помощь,— сказала она, скромно потупившись, и взяла мыло и мочалку.

Она все же пришла к нему. Он чуть не рассмеялся вслух, но вовремя спохватился и радостно позволил втянуть себя в знакомую игру, которой они любили развлекаться в душе.

— У меня только одна часть грязная.

— Какая? — Она произнесла это чопорно, подняв брови, с пылающим лицом.

Он прикрывал себя руками, как фиговым листком. Теперь он их убрал.

— О! Похоже на колбасу.

— Не хочешь отведать?

— И замочить волосы? Ни за что в жизни. Я, впрочем, ее помою, поскольку ты говоришь, что она грязная.

Оба наслаждались необыкновенно. Она мыла его медленно, уделяя особое внимание самым чувствительным местам и сохраняя при этом на лице выражение полнейшей непричастности к происходящему. Когда же он стал мыть ее, касаясь всего тела, ощущая под руками жизнь ее плоти, ему показалось, что он перенесся в сказку.

Лицо ее раскраснелось, глаза искрились. Он знал, что она отчаянно возбуждена, и решил ее подразнить.

— Ты заказала китайские блюда?

— Конечно. О черт! Полагаю, нам придется подождать.

— Серьезно? — Подойдя к ней, он поднял ее и, прижав к себе, откинулся назад.

— Том, не надо...— Но она не сопротивлялась. Ей наверняка было страшно — вдруг он потеряет равновесие, если она станет бороться.— То-о-м...— Он вонзился в нее стоя, широко расставив ноги, обхватив ее за талию. Ее ноги болтались в нескольких дюймах от пола.— Том, сумасшедший, опусти меня!

— Сейчас принесут китайскую пищу...

— О Том!..

Он больше не мог терпеть. Он поставил ее на ноги, но лишь потому, что невозможно удерживать эту позу достаточно долго, чтобы довести акт до конца.

— Марш в постель,— хрипло выдохнул он. Она побежала к кровати.

— Том...— Она коснулась ладонями его щек.— Никогда не думай, что я тебя не люблю.— Она жадно его поцеловала и притянула к себе. Вначале медленно, затем все ускоряясь, все более яростно и нетерпеливо, они неслись вперед, к одной им видной цели, неслись упрямо, неумолимо, пока Сара наконец не закричала, широко распахнув глаза и вонзив ногти ему в спину. Он растворялся в ее горячей влажной плоти, в мерно вздымавшихся волнах прилива, бездумно выкрикивая ее имя и... страстно стремясь к ней.

Ибо барьер оставался.

Лежа теперь рядом, он взглянул на нее:

— Сара...

— Ш-ш! — Раздался короткий смешок, и она чмокнула его в нос. Но и она ощущала этот барьер, об этом говорили слезы в ее глазах.— Том, я люблю тебя.

Что толку в бесконечном повторении одного и того же! Так бездарные колдуны бормочут свои магические заклинания, надеясь на чудо. Он хотел спросить, потребовать, чтобы она сказала ему в конце концов, чего же им не хватает. Ужасно больно думать о том, сколь много отдают они друг другу, взамен получая... что? Радость общения — как *в* постели, так и *вне*. И все это прекрасно, но, раз уж они любят друг друга, почему ни один из них по-настоящему в это не верит?

Том почувствовал облегчение, услышав звонок в дверь.

— Мы вовремя закончили,— сказал он.— Вот и еду принесли.

— Нам следовало бы подождать...

— Мы не могли.

Рассмеявшись, она встала и накинула халат.

— Где твой бумажник? У меня нет ни цента.

— В брюках.— Он смотрел, как она роется в одежде на полу, берет деньги. Взяв у посыльного коробки, она все

расставила на столе в их небольшой столовой. Он последовал за ней, решив пренебречь одеждой. Они проголодались и съели все до крошки, несмотря на то что она, как обычно, заказала чересчур много.

Том замерз, надел халат. После обеда они безуспешно старались занять себя телевизором.

— Ты что-то притихла,— сказал он наконец. Он ощущал какой-то неясный страх — боялся нарушить молчание. Но еще больше боялся он продлить его.

— Я думаю о лаборатории,— ответила она, подняв колени к подбородку и обхватив их руками.— Думаю о том, что же, Бога ради, могло случиться с этим резусом.

— Даже сейчас?

Она взглянула на него изумленно.

— А почему бы и нет? Мы же закончили заниматься любовью, разве не так?

— Как скажешь.

— Том, ты же знаешь, я всегда... готова. Даже и не думай, что это не так.

— Я знаю, я слишком приземлен.

— Да, но это не значит, что я не рада твоей любви. Мы просто уже закончили. Естественно, мне бы хотелось поговорить о лаборатории. Это ведь моя другая жизнь. И если Хатч...

— Да что Хатч! Он у меня в руках. И потом, твоя работа имеет такое невероятное значение, что он уже ничем не сможет помешать. Ты получишь свои ассигнования.

— Надеюсь.

— Поверь мне. Все будет так, как раньше, я все сделаю.

— Я верю тебе.— Она скользнула к нему — он сидел, облокотившись о спинку дивана,— и пристроилась рядом, склонив голову ему на плечо.— Верю во всем и всегда.

В ее словах звучала такая искренность, что страхи его почти исчезли.

— У тебя есть все основания мне верить,— сказал он.— Я бы скорее умер, но не допустил бы твоего провала.

Она поцеловала его руку.

— Это самое прекрасное, что в тебе есть. Ведь каждое твое слово — правда.

И в тот момент он в этом не сомневался.

— Это так,— сказал он.

Они сидели молча, тесно прижавшись друг к другу. Было тихо, лишь с улицы время от времени доносились отдаленные звуки сирен, автомобильные гудки да вздохи ветра.

— Мне кажется, в последнее время мы как-то избегали говорить о лаборатории,— наконец сказала Сара.— По крайней мере я.

Том совершенно четко понимал, что она имеет в виду. Лаборатория была местом смерти. Он молча кивнул.

— Я все еще не могу в это поверить. Что могло стать причиной столь внезапного разложения? И оно произошло так быстро! Даже смотреть было страшно.

— Это будет великое открытие, Сара. Огромный рывок вперед.

— Вперед — но куда? Ведь под конец — перед смертью, я имею в виду,— эта обезьяна превратилась в совершенного зверя, я таких никогда и не видела. Том, та ненависть, что горела в его глазах,— это ведь ненависть даже и не зверя... Но и не человека. Это было что-то чуждое, что-то такое, что выходит за пределы наших знаний, наших переживаний. Это ненависть, которую испытывает чудовище ко всему нормальному.

— Тебе не кажется, что ты фантазируешь?

Она мотнула головой.

— Я превратила эту обезьяну-резуса во что-то совершенно дикое. И вряд ли это только мои фантазии.

Сон отпустил Мириам в три часа утра. Она снова *спала* в комнате на чердаке, заперев дверь. Она открыла глаза. Полнейшая темнота окружала ее — чего нельзя было сказать о тишине. Со всех сторон доносилось поскребывание, шепот, неустанное шевеление. Страшно даже пред-

ставить, как они сидят в своих сундуках, так близко от нее... А она здесь *спала*! Она поскорее включила свет.

Но ни свет, ни крепость сундуков — ничто сейчас не могло успокоить ее. Она поспешила выбраться из комнаты, прошла чердак, ступила на лестницу... И остановилась, чтобы прислушаться. Прежде чем идти, надо определить, где Джон.

Мириам обладала тонким слухом. Вне всяких сомнений, в доме его нет. Печь в подвале еще не остыла, а он снова пошел на охоту. Она взглянула на часы. И восемнадцати часов не прошло, как он схватил этого ребенка из местных. Скоро он иссохнет, станет легким, хрупким — как бумага,— и она сможет легко справиться с ним.

Мириам надеялась, что он будет осторожен. Это первое правило выживания — хватать лишь тех, кого не разыскивает полиция, иначе полиция никогда не прекратит поиски. И более чем глупо в эти времена хватать детей.

Она спустилась в библиотеку и открыла панель в стене, за которой находилось управление ее охранной системой. Датчики по периметру функционировали, но электростатические щиты были выключены. Она их включила. Он сделает ошибку, если попытается войти в дверь,— удар тока на некоторое время лишит его сознания, и она сможет наконец сделать то, что должно быть сделано.

Затем она достала бумаги, полученные от агента по найму, информацию о здании Эксельсиор-Тауэрс. Она тщательно рассмотрела план квартиры — такой же, как у Сары Робертс,— запоминая расположение комнат.

Следующим шагом проникновения в жизнь Сары должно было стать *прикосновение*. У людей чувство *прикосновения* атрофировалось. Они называли это экстрасенсорным восприятием, ошибочно полагая, что это способность читать чужие мысли. Но это скорее было способностью *со*чувствовать, делиться эмоциями. *Прикосновением* можно передать любовь и можно — если контролирующий партнер этого хотел — пробудить ужас.

Чтобы пробудить чувствительность Сары к *прикосновению*, необходим был близкий физический контакт, такой, который возбудил бы ее. Мириам сложила чертеж и еще раз прокрутила в уме план проникновения в здание. Трудно будет только в квартире, но это вопрос всего лишь нескольких минут, а так — все довольно просто.

Мириам пошла пешком, не желая подвергаться риску, который неизбежно влечет за собой поездка на такси или в автобусе: водитель мог ее запомнить. Несчастный случай в это время дня маловероятен, а что касалось грабителей, то они ее не волновали. Иногда она даже пользовалась ими, дабы утолить голод. Человек редко представлял для нее угрозу — по крайней мере физическую.

До восхода оставалось ровно два часа и четырнадцать минут, но светать начнет минут на двадцать раньше. Она шла быстро — черная шляпа, черный плащ,— нужно успеть вернуться домой до рассвета. Она шагала по темным лужам. Дорога займет полчаса. Пятнадцать минут — на то, чтобы пробраться в здание. Еще минут пятнадцать останется на пребывание в квартире. Время слегка поджимало; на обратном пути ее мог застать рассвет. Она прошла под мостом Квинсборо, свернув с Саттон-Плейс, и двинулась по Йорк-авеню на север. Дома словно проносились мимо нее. Мелькнул вдалеке чей-то расплывчатый силуэт и исчез. Она шла мимо темных магазинов, запертых дверей, припаркованных машин. Хотя воздух был неподвижен, облака быстро неслись на север, задевая городские шпили. Надвигалась еще одна гроза, на сей раз с юга.

В эти «надежные» здания на самом деле проникнуть было очень легко — ей не пришлось долго раздумывать над этой проблемой. В конце узкой аллеи располагался служебный вход. Дверь, естественно, была заперта, но Мириам уже имела дело с такими замками.

Ступив в круг света перед дверью, она склонилась к замку, и вскоре послышался щелчок. Она вошла в котельную. Там было темно. Держа руки перед собой на уровне

глаз, чтобы не наткнуться на низко расположенные трубы, она осторожно двинулась вперед, прошла зал и оказалась в самом подвале. Здесь горел яркий и резкий свет. Она поднялась вверх на несколько этажей — вызов лифта из подвала в этот час, несомненно, возбудил бы подозрения охранников. Она решила, что четвертый этаж расположен достаточно высоко, чтобы не возбудить подозрения, и вызвала лифт оттуда.

Поднявшись на этаж, где находилась квартира Сары, она сразу открыла дверь на пожарную лестницу, чтобы не шуметь потом, если придется ею воспользоваться. В коридоре стояла тишина. Ее шаги были чуть слышны — она шла по ковру,— и тень ее то двигалась впереди, то за ней, когда она проходила под лампами на потолке.

Прижавшись к двери квартиры, она достала свою отмычку для цилиндровых замков — трехдюймовый отрезок струны номер два от пианино. Закрыв глаза, она вставила струну в замок, подняв ключевую заслонку и крутя цилиндры. Этот замок был посложнее, чем грубый механизм на двери служебного входа. Она могла вспомнить по памяти какую угодно модель любого типа замков, используемых в Соединенных Штатах. С некоторыми из них ей пришлось бы повозиться, но лишь немногие могли ее остановить. С этим она справится достаточно быстро.

Она сунула кредитную карточку в щель между дверью и косяком и отодвинула язычок замка. Дверь чуть приоткрылась, и она закрепила кредитную карточку с помощью липкой ленты. Еще один кусок струны — на этот раз номер шесть, потолще,— потребовался для того, чтобы зацепить им задвижку и оттянуть ее.

Она сразу же исчезла из коридора, не забыв убрать липкую ленту, чтобы ее не мог заметить никто из проходивших мимо. Она следовала своей давно уже установившейся процедуре проникновения в жилое помещение. Сначала она крепко зажмурилась и прислушалась. Услышала дыхание слева. Это, должно быть, Сара и Том в своей

спальне, находившиеся, судя по дыханию, в третьей стадии сна. Она научилась это определять по книге Сары. Затем она осмотрелась. Пока глаза ее были закрыты, они привыкли к темноте. Она заметила стул на пути возможного быстрого отступления через гостиную, заметила лежавший на полу в коридоре лабораторный халат. Это была простая квартира с одной спальней, гостиной и изолированной столовой. Сара и Том здесь одни, в чем Мириам убедилась еще раньше.

Затем последовала последняя проверка: на запах. Она сделала глубокий вдох, ощутила слабые запахи китайской кухни, вина и потных тел. Они пировали и занимались любовью.

Она двинулась к спальне, задерживаясь через каждые несколько шагов. Необходима была абсолютная осторожность. Ошибку будет уже невозможно исправить. Она знала о Саре Робертс почти все, вплоть до ее роста и веса. Но у нее не было времени изучить привычки Сары. Тома Хейвера она представляла себе еще более туманно. Она надеялась, что имеющейся у нее информации хватит для выполнения намеченной цели. Том ей ни к чему, в нем не было тех глубоких инстинктов, которыми должен обладать истинный хищник, но с ним все равно придется иметь дело. Подобно многим другим, он агрессивностью лишь прикрывал свою внутреннюю мягкость. Достигнув двери, она ощутила мощный мускусный запах человеческого секса. Их любовь была энергичной, полной страсти. Она чертыхнулась. Сара нужна ей для другой любви; присутствие Хейвера представляло собой несомненную помеху.

Мириам подошла к кровати, села рядом и стала задумчиво рассматривать свою жертву. Та напоминала ей спелое яблоко. Очень осторожно Мириам отодвинула одеяло, открыв соблазнительные женские формы. Ей страстно хотелось высосать из этого тела всю жизнь, и, еле сдерживаясь, она пригнулась, вдыхая его острый, влажный запах,

прислушиваясь к его легким звукам: дыханию — вдох, выдох,— медленному биению сердца, легкому движению грудной клетки. Том Хейвер, лежавший рядом с Сарой, пошевелился, но это ничего не значило. Сон его оставался непотревоженным, как и раньше.

Чтобы начать *прикосновение*, которое должно было войти в сны Сары, она взяла ее руку, свисавшую с кровати, и пробежала губами по тыльной стороне ладони, слегка целуя ее и проводя по ней языком. Сара сделала долгий вдох. Мириам остановилась на некоторое время, затем приблизила свое лицо к лицу Сары и стала дышать ее дыханием, ощущая его острое тепло, мешая его со своим собственным дыханием. Сара шевельнула головой и застонала. Мириам положила руку на ее правую грудь, подвигала ладонью по соску, пока он не напрягся. Она сжала сосок двумя длинными пальцами, и Сара изогнулась, откинув голову назад. Рот девушки безвольно приоткрылся. Мириам накрыла его своим ртом, с крайней осторожностью коснувшись своим языком языка Сары. В таком положении она провела целых полминуты, ощущая слабые движения языка девушки, говорившие о ее бессознательном возбуждении. Мириам отстранилась и снова прислушалась. Том все еще находился в третьей стадии сна. Сара же была на грани пробуждения, ей что-то снилось, слабые звуки срывались с ее губ. Мириам безумно тянуло к ней, своим мысленным взором она почти что видела ее пылающие страстью сны.

Вскоре сон Сары вновь стал глубже. Медленно, мягко Мириам скользнула руками по ее бедрам и раздвинула ей ноги. Быстро, готовая к немедленному отступлению, она наклонилась и поцеловала горячую, благоухающую плоть, нажав языком один раз посильнее в том месте, где Саре это должно было быть приятнее всего. Сара выгнула спину и вскрикнула, и Мириам сразу же отступила в гостиную.

Сердце ее стучало. Она бросила быстрый взгляд на входную дверь. Спустя некоторое время они успокоятся,

и она сможет уйти. Но не сейчас. Малейший звук насторожит их обоих.

— Том? О...

— Да?

— О, я люблю тебя...

— М-м-м.

Раздался скрип, кто-то из них изменил положение тела. Мириам *прикоснулась* теперь к мозгу Сары, очень чувствительному из-за недавнего контакта их тел. Она ощутила вспышку искрометной страсти, которую она в ней пробудила, и... некоторую озадаченность.

— Том? Ты не спишь?

— Если ты так считаешь.

Внезапно в гостиную ворвался луч света, ударил Мириам в лицо. Она мгновенно шагнула в тень. Эта дурочка включила лампу у кровати. Мириам отшлепала бы ее, если б могла.

— Я как-то ненормально себя чувствую. Мне приснился странный сон.

— Сейчас четыре часа утра...

— Мне что-то нездоровится.

Сара встала и прошла по коридору, включив еще свет в ванной. У нее оказалась красивая фигура. Мириам не думала, что ее тело так ей понравится. Она чувствовала ее голод — голод плоти, жадной до телесных удовольствий,— и это ее весьма устраивало. Приятнее находиться с людьми, которые не могут контролировать свои страсти,— их легче держать в руках.

Она смотрела, как Сара сидит на унитазе, опершись локтями о колени и подпирая ладонями подбородок, хмурый взгляд устремлен в стену. В люминесцентном свете Мириам ясно видела краску возбуждения на ее лице.

Спустя какое-то время Сара расставила ноги и провела рукой по животу вниз... Колени ее то судорожно сдвигались, то раздвигались, пока одна рука с силой терла влагалище, а другая поглаживала грудь.

Из темноты, в шести футах от нее, Мириам неутомимо *прикасалась* к ней, с силой посылая в сознание Сары образы женской плоти, гладкой, манящей плоти, заставляя ее корчиться от жажды, пока наконец Сара не откинула голову назад, шепнув: «Поцелуй меня». Затем она сгорбилась и в халате, накинутом на плечи, поспешила обратно в кровать, к Тому.

Так вот что скрывалось под блестящим умом и независимостью! Голод — дикий, неудовлетворенный голод: ей нужен был поистине страстный любовник. Мириам гордилась собой — весьма удачное начало. Теперь, когда пробудилась ее истинная натура, голод Сары будет расти — прекрасный, как цветок, неотвратимый, как рак,— пока вся жизнь ее не покажется ей бессмысленной.

Тогда Мириам придет к ней, и Сара ощутит то же, что чувствовали они все: что она встретила самого чудесного, самого лучшего друга в своей жизни. Джон говорил это много-много лет назад, стоя голым в пустом бальном зале своего родового замка, среди истлевших шелков, дрожа от налетавших сквозь оконные проемы порывов ветра с болот: «Мириам, с тобой я чувствую себя так, словно наконец вернулся домой».

Сара проснулась как раз перед звонком будильника. Зная Тома, она не притронулась к часам. Он закрыл голову подушками. Сбросив одеяло с них обоих, она встала и начала одеваться, оставив его одного сражаться с будильником.

Примерно секунд через тридцать он, не глядя, протянул руку и выключил его. Затем, издав горестный стон, сел на кровати. Они пили вино, и была еще острая китайская еда... И беспокойная ночь.

Накинув кое-что из одежды, Сара прошла на кухню и поставила на плиту кофейник. Все так обыденно: шипящий старый кофейник с почерневшей ручкой, коробочки от китайских блюд, сваленные в раковину, гудит холо-

дильник, и в кухонном окне воет ветер. Мысли ее внезапно перескочили на бередящее душу воспоминание, яркий образ — все, что осталось от сновидения.

Ее встревожило то, что во сне она испытывала такую тягу к женщине. Она ничего не помнила, кроме этого образа: гладкое гибкое тело, страстные глаза и влажные губы и еще ее дивный, сладостный запах. Сару передернуло. Она налила себе экспериментальные полчашки кофе. Он все еще был слабым, но ей не хотелось ждать. С чашкой в руке она снова пошла в ванную, чтобы заняться подготовкой к наступающему дню. Это сновидение дало ей, по крайней мере, желание с большей, чем обычно, энергией погрузиться в работу хотя бы только ради того, чтобы забыть эту чертовщину.

— Поспешите, доктор! — крикнула она в закрытую дверь ванной.

— Я хочу сигару,— сказал он, выходя.

— Ну так съешь штучку.

Он обнял ее. Она не совсем поняла его: глаза Тома были одновременно и сердитыми, и любящими. Она отстранилась с наигранным безразличием и пошла причесываться.

— Но я действительно хочу сигару.

— А опухоль во рту ты не хочешь? Хотя сигара, по крайней мере, тебя окончательно разбудит.

— Я люблю тебя, черт тебя побери!

Он всегда говорил это, когда нужно было снять злость добродушным подшучиванием. Любовь все больше казалась Саре лишь средством заполнить внутреннюю пустоту, а для этого надо впустить в себя другого человека. Раздирая щеткой волосы, она думала, может ли быть в этом что-то большее. Она моргнула: проведя щеткой слишком сильно, выдрала несколько волосков.

— Я тоже тебя люблю,— сказала она быстро, как бы по обязанности. Она вспомнила, как в школе она читала наизусть молитвы, в которые не верила.

Вошел Том, стараясь казаться мягко настойчивым, сексуальным. Он появился в зеркале, приподнял ее волосы и

поцеловал сзади в шею. До чего бесчувственным может быть мужчина! Впрочем, она была ему нужна, и уже одно это восхитительно. Они поцеловались, губы его сжимали ее губы. Она ощутила в себе глубокие ответные импульсы, какую-то тайную радость удачливого вора. Он дрожал, руки его лихорадочно ласкали ее спину. Затем он поднял ее с пола, и она ощутила дикое возбуждение от своей беспомощности, неодолимое стремление позволить кому-нибудь делать с ней все, что угодно. Кому-нибудь... красивому.

Отдаваясь ему, она замкнулась в себе. Он отнес ее, легко, как ребенка, на их измятую постель. Когда он опустил ее, она послушно выскользнула из одежды.

— Я быстро,— сказал он с самоуверенностью мужчины, который знает, что его любят.

Кровать ритмично поскрипывала в такт их движениям, но Сара словно отрешилась от происходящего; мысли ее вновь вернулись к тому пылавшему страстью телу из сновидения. И когда воображение ее было вконец захвачено этим сладостным видением, когда она ощутила вкус кожи и мускусный запах этого таинственного существа, привидевшегося ей во сне, она испытала удивительное, редкостное наслаждение. Том поцеловал ее, решив, что взгляд ее широко открытых в удивлении глаз предназначался ему.

Любовь буквально переполняла Тома. Они уже оделись и сидели на кухне, и все казалось таким простым, таким естественным. Прошлый вечер и это утро уничтожили все его страхи и злость; он пребывал в каком-то экстатическом состоянии. Если *ей* что-то нужно, *он* ей это даст. Он чувствовал, что они принадлежат друг другу. Ему невообразимо приятно было думать: «Я принадлежу ей». Он смотрел, как она наливает ему кофе, намазывает маслом тост. Он все готов был бросить ради нее — лишь бы представился случай. Собственное благородство приводило его

в восхищение. Умопомрачительное доказательство любви. Эта мысль заставила его переключиться на проблемы, с которыми придется столкнуться в клинике. Пора было поговорить с Сарой о Совете директоров. Хотя и с некоторым опозданием.

— Неплохо, если б ты дала мне что-нибудь такое,— начал он,— чем бы я мог оперировать на Совете. Например, твое официальное заключение о том, что случилось с Мафусаилом.

— Это ни к чему. Просто прокрути им ленту.

— Ну дай мне хоть что-нибудь — хотя бы предварительные компьютерные распечатки. Покажи им, что ты напала на какой-то след.

— Ты ведь знаешь, что у меня есть.

— Сара, твоя работа имеет слишком большую ценность, и нам нельзя рисковать... Надо исключить всякую возможность поражения.

— Другими словами, ты не хочешь бороться. Если Совет тебя не поддержит, если им не удастся переубедить Хатча, ты не вынесешь унижения. Тебе придется подать в отставку, и ты боишься. А я-то думала, ты уверен в своей победе.

— Я делаю это для тебя,— с несчастным видом сказал он. Лучшего объяснения он не мог ей предложить.

— Доедай свой тост, нам пора двигаться. Кто знает, может, случится чудо и статистический анализ что-нибудь выявит. Лучше всего сходить в лабораторию и посмотреть.

Безразличие, прозвучавшее в ее словах, отозвалось в нем болью. Она все еще наказывала его за желание сделать карьеру. И любовь его для нее, очевидно, мало что значила. Она совершенно не понимала ситуацию. Хотя, быть может, это было выше ее понимания. В каждом ее жесте, каждом взгляде и движении он видел сейчас предательство. Она не понимает — или ей все равно? — в сколь рискованное положение он себя поставил, обратившись в Совет через голову Хатча.

Проведя рукой по столу, он сжал ее в кулак.

— Мне давно уже следовало заняться Хатчем. До того, как я встретил тебя.

Она кивнула, даже не взглянув на него.

— Тебе нужно быть осторожным, дорогой.— В ее тоне явно чувствовалась какая-то фальшь.

Его охватило неудержимое стремление объясниться.

— Если Хатч возьмет верх, мне конец. Других возможностей я не вижу.

— И не увидишь.— Она быстро поцеловала его в щеку, радостно улыбаясь. Слишком радостно. В конце концов, он мог и ошибаться, и ей вовсе не безразлична его жертва, скорее она просто чувствовала себя настолько виноватой, что не могла этого признать. Вероятно, она сама себя обманывала, но ему легче было поверить в это, чем в ее безразличие.

— Давай собираться,— сказал он.— У нас еще куча дел.— В памяти вдруг всплыло прошлое: школьная пьеса, восьмой класс. Выйдя на сцену, он забыл слова. Он помнил свое молчание, помнил, как просветлели лица его завистливых, злопамятных слушателей, когда они поняли, что всеобщий любимчик потерпел провал, помнил восторженный рев и смех — а он все молчал, не в силах вымолвить ни слова.

Визит Мириам к Саре Робертс сработал великолепно. Отклик Сары все еще звучал в сердце Мириам. Это было сильное *прикосновение*. Следующая стадия представлялась гораздо более проблематичной.

Ей нужно встретиться с Сарой, и единственный быстрый способ добиться этого — стать пациенткой Клиники исследований сна. Это будет опасное мероприятие, на такие она не отваживалась уже очень долгое время. Впервые за всю историю человеческой науки ученые получат возможность изучить представителя ее рода. Ведь до сих пор подобные ей существовали только в мифах, в научной же

литературе о них не писали ни слова. Что будут делать ученые, пытаясь разгадать ее тайну?

Больше всего она боялась, что ее посадят под замок.

Ее приводили в ужас решетки — даже те, которые окружали обезьяну Сары, ту самую обезьяну, что, умирая, была способна на столь мощное *прикосновение*.

Мириам не нравилось ощущение угрозы со стороны людей, а мысль о том, что они будут ее изучать, тревожила ее еще больше. Они могут счесть, что она не имеет человеческих прав, и посадят ее в клетку, как обезьяну.

Огромный риск.

Но только Сара могла решить проблему трансформации, и значит — любой риск был оправдан. Если б только Мириам знала, что произойдет с Джоном! Она не стала бы так медлить с Сарой. Тогда бы мог появиться хоть какой-то шанс...

И при этой мысли печаль объяла ее вновь. И вновь она встряхнулась — ей нельзя предаваться скорби. Ей нужно перестроить свою жизнь. Она будет успокаивать Джона, защищать его, если сможет,— но сходить с ума из-за его страданий?.. Никогда! Жизнь полна трагедий, мертвым же — их могилы.

Прикосновение подопытной обезьяны Сары, подобно мощной широковещательной радиопередаче перекрывшее эмоциональный лепет города, стало для Мириам маяком. Оно сообщило ей, насколько близко подошла Сара к возможности трансформации и, следовательно, к пониманию ее сути.

Следующий шаг Мириам должен быть тщательно спланирован. Сразу же после успешного *прикосновения* к Саре она пошла домой и записалась на прием в Клинику исследований сна. И поскольку сердце Сары уже попалось в ловушку, теперь надо было заняться ее мозгом.

Чувство опасности доставляло Мириам даже какое-то удовольствие, как бывало раньше, когда, например, она охотилась с Джоном на лис. В риске было что-то вооду-

шевляющее. Воздух безопасности отдает затхлостью — опасность же всегда *очищает*. Возлюби врага своего, говорил ее отец,— без него никогда не ощутишь ты вкуса победы.

Да, сентиментальное благородство прошлого...

Забудь о прошлом. Иди наверх, переоденься, не то опоздаешь на прием к десяти часам. Она ведь сама настояла, что это очень срочно. «Мы вас запишем на прием, но, возможно, придется подождать».

Для этого случая она надела свой голубой шелковый костюм от Ланвена. Одеваясь, Мириам еще раз продумала свое поведение. Она придет как пациентка, страдающая от ночных кошмаров. Перед тем как заняться геронтологией, Сара специализировалась именно на этом редком заболевании. Даже сейчас она была единственным специалистом клиники в этом вопросе. Три-четыре таких случая в год — недостаточное основание для того, чтобы кто-нибудь занимался только этой темой, и отдельной ставки наверняка нет. К ней непременно пригласят Сару.

Сара... Мириам думала о ней: в мятом халате, небрежно накинутом на плечи, дрожащая от страсти, которую она даже и понять-то не могла. Это будет крайне интересно — посостязаться с таким умным и энергичным человеком, как Сара.

Мириам отнюдь не испытывала пренебрежения к интеллектуальным достижениям человечества. У нее развился живой интерес к науке, и она с немалым любопытством попыталась проследить историю своего рода. Она принадлежала человечеству, а человечество принадлежало ей — как некогда принадлежали друг другу саблезубый тигр и буйвол.

Придав завершающие штрихи своей внешности, Мириам удовлетворенно улыбнулась — она выглядела достаточно красивой, слегка усталой, а глаза казались очень грустными.

Чрезвычайно грустными.

Время шло, его невозможно было остановить. Если бы только... но нет смысла думать об этом. Джон — конченый человек. *Конченый...* Какая издевка звучала в этом слове!

В дверь позвонили. Посмотрев в глазок, Мириам увидела мужчину в униформе. Шофер появился, как и было ему указано, в 9.35. Когда она хотела проехаться по городу, она пользовалась обычно лимузином. Ее собственный автомобиль был для этого не слишком удобен, а брать такси небезопасно — она ездила на такси только в случае крайней необходимости.

Выйдя из дома, она с одобрением взглянула на темно-синий «олдсмобиль». Чертовски глупо было пользоваться более претенциозными моделями — они привлекали излишнее внимание. Водитель — молодой, ясноглазый и трезвый — открыл для нее дверь. Она застегнула ремень и откинулась на сиденье; дверь она, естественно, захлопнула, но пальцами слегка касалась ручки — вдруг придется быстро выходить из машины. Осмотревшись, она пришла к выводу, что эта модель гораздо безопаснее других и здесь меньше вероятность взрыва при ударе сзади. Водитель завел мотор. Она сидела расслабившись, готовая, однако, к любым неожиданностям. Поездка оказалась очень приятной; она поймала себя на мысли, что завидует тем, кто может позволить себе все время передвигаться таким образом.

В Медицинском центре было полно народу. Мириам поднялась в набитом лифте на двенадцатый этаж, стараясь удерживать дыхание, чтобы не чувствовать человеческий запах. К несчастью, комната ожидания Клиники исследований сна тоже была заполнена людьми. Такое количество человеческой плоти и ее запах — все это страшно нервировало Мириам.

Тем не менее она стала ждать вместе с другими, перелистывая весьма потрепанный номер журнала «Книжный дайджест». Десять часов. Одиннадцать... Вот уже одиннадцать тридцать.

— Блейлок.— нараспев произнес наконец дежурный.— Стол три, пожалуйста.— Это было единственное подобное заведение в городе. Его перегруженность и безликость говорили о том, что таких клиник должно быть явно больше. Мириам попала к приятному молодому человеку в рубашке, без пиджака, который записал ее фамилию и попросил рассказать о своих проблемах.

Она знала, какое волшебное действие произведет ее упоминание о «кошмарах». С внезапно проснувшимся интересом он внимательно смотрел на пациентку. В большинстве случаев они имели дело с обычной бессонницей и лечили ее, находя способы избавлять пациента от стресса.

Врачи знают, что ночные ужасы в зрелом возрасте — это одна из самых страшных проблем человечества. Мириам могла бы процитировать Сару Робертс: «Ужасы эти всплывают из первобытных глубин памяти, ввергая человека в состояние сильнейшего, не изведанного дотоле страха. По своей яркости и силе воздействия эти ужасы настолько же превосходят обычные ночные кошмары, насколько тайфун превосходит весенний дождик».

— И как часто вас это... беспокоит, миссис Блейлок? — Голос его звучал спокойно, но глаза не отрывались от ее лица.

— Всю жизнь.— Как жаль, что каждое ее слово было правдой! Ее жизнь во время *Сна* была, вероятно, еще хуже ночных ужасов. Но она уже давно смирилась с этими переживаниями. Они приходили вместе со *Сном* и потому должны были служить очищению души.

— Когда это было в последний раз?

— Сегодня ночью.— Она заметила, как лицо его дрогнуло. Ее план работал отлично. Она чувствовала, что миссис Блейлок — Ночные Ужасы станет крайне важной пациенткой.

Затем, чуть подавшись вперед и понизив голос, он спросил:

— Вы можете это описать?

— За мною гнался океан,— сказала она первое, что пришло ей в голову. Пожалуй, этот чудесный ночной ужас здесь будет вполне к месту. Он гораздо приятнее того, который она приготовила заранее,— о том, как ее душат чьи-то руки.

— Океан?

— Огромные, нависающие черные волны. Они все нарастают надо мной, ревут, сталкиваются, а я бегу, бегу по песку, слышу их позади, они катятся через дюны, и ничто их не может остановить. И в этих волнах плавает акула. Стоит ужасный запах, будто все протухло...— Она почувствовала, как по всему ее телу забегали муравьи, и вцепилась руками в край стола. Она сама удивилась силе своих ощущений. Это перестало быть игрой. Снилось ли ей когда-нибудь такое? Быть может, это скрывалось *за* ее сновидениями?.. Быть может, таилось в ней что-то такое — свернувшееся кольцами, как змея, которая вдруг распрямилась подобно сжатой пружине, выталкивая воспоминания столь ужасные, что страшно было даже помыслить о них?

Она и в самом деле женщина, бегущая от океана... Но также и акула.

5

Было раннее утро. Джон бежал — бежал, как в замедленном фильме, мимо цветущих клумб, мимо тюльпанных деревьев* с их бутонами, мимо свежепробившейся травы. Голод — словно живое существо — ворочался в желудке, разрывая его на части. Джон бежал, вытаращив глаза и широко раскрыв рот. Он, должно быть, выглядел отвратительно — развевающийся плащ, грязный синий

* Liriodendron tulipifera, произрастает на востоке США. Характерен крупными зеленовато-оранжевыми цветками, напоминающими тюльпаны.

костюм, вместо ногтей — когти, лицо как у трупа. Люди шарахались от него, дети кричали от страха. Он чувствовал себя отшельником, которого выгнал из укрытия стальной шар подъемного крана, разрушавшего его дом.

Сердце прыгало, стучало глухо, с перебоями. Плечо схватило резкой болью. Он зашатался — и все началось снова: еды, еды-еды, ЕДЫ-ЕДЫ-ЕДЫ... Кашель душил его; он пронесся по Брайдл-Пат, мимо Иглы Клеопатры и бросился наконец в придорожные кусты.

Он больше не мог идти, легкие горели, сердце выбивало путаную дробь. Это место благоухало горячей, сильной плотью. Каждые несколько минут мимо проносился очередной бегун. Он прислушался к одному из них — легко дышавшему здоровяку. Слишком силен. Затем к другому — этот полегче, но он еще недостаточно устал. Его жертва должна быть совершенно измотана долгим бегом. Вчера маленькая Алиса чуть не одержала над ним верх. А сегодня он еще слабее. Отчаянно цепляясь за жизнь, он стал выуживать крохи прошлого из разрушавшейся памяти — того прошлого, которое казалось ему сейчас лучшим временем всей его жизни, ибо тогда он еще не знал Мириам. Он вспоминал покрытый травой склон в Хэдли, где они с Присциллой лежали ветреным весенним днем, опьяненные медовым ароматом вереска. Облака гонялись друг за другом по небу. Господи, какие чудесные были времена! Этот век утомил его своими скоростями, своими бесконечными драмами — как тихо, как славно было раньше! Давно уже нет старого поместья Хэдли — детский приют построило на его развалинах это странное популистское государство, пришедшее на смену Империи.

Кашель вновь скрутил его. Он почувствовал, что падает, падает назад, почти теряя сознание. Сквозь ветви тюльпанного дерева он вдруг увидел небо. И облака — те же самые облака, как в тот день в Хэдли! «О Джонни, моя юбка улетела,— крикнула Присцилла,— ветер ее уносит!» И летела над вереском ее пышная юбка из шотландки.

Как он тогда бежал! Он бежал наперегонки с ветром по славной, доброй земле, бежал за этой юбкой во всю силу своих юных лет.

Снова кашель... но не его. С трудом поднявшись, он прислушался. На дорожке появилась девушка в пурпурном вязаном костюме; набрав за зиму килограммы, она кашляла и задыхалась, как выскочивший в положение «вне игры» нападающий, когда его останавливает судья.

Он подскочил к ней справа. Она издала на удивление пронзительный для такой тяжелой особы визг.

С деревьев взмыла ввысь стая ворон, их крики эхом отдавались в небесах. Ветер шумел в ветвях, облака проносились мимо. Схватив ее за волосы, Джон откинул ее голову назад и, вонзив скальпель, услышал тихое «чпок», когда тот проткнул грудную мышцу. Он бросился на нее, с отчаянной силой вцепившись ей в шею. Она покачнулась, забилась в его руках и стала звать на помощь. Боль пронизывала все его суставы, но он не разжимал пальцев. Прижавшись ртом к ране, он сосал из последних сил. И жизнь медленно стала наполнять его. По мере того как она слабела, он становился все сильнее, все увереннее. Тело его разрасталось, заполняя обвисшую одежду, на щеках проступал румянец, глазам возвращалась ясность. Крики ее перешли в хрипы, а затем и они стихли; слышен был только легкий шорох сухого, сморщившегося языка и губ — нет, уже не губ, а просто полосок кожи. Тело усохло до костей, с хрустом резко раскрылись челюсти. Руки ее превратились в черные когтистые лапы, кожа натянулась, трескаясь на сгибах, провалились глаза...

Джон отскочил от нее. Легкая, негнущаяся, она упала на землю, как кукла из папье-маше. Он же раздулся, раскраснелся, глаза полыхали победным огнем. В приступе дикой радости он скакал, хлопая себя по вискам, пока наконец не схватил эти бренные останки и не зашвырнул их высоко на дерево, где они, повиснув на ветвях, затрепетали на ветру.

Он заскрипел зубами — голод утих, но не исчез. Без *Сна* его телу требовалось все больше энергии. Чем дольше он бодрствовал, тем выше становились запросы.

— Мне никогда не потребуется больше, чем я смогу раздобыть,— сказал он вслух, желая проверить, вернулась ли его голосу юношеская звонкость.

Какой чудесный сюрприз! Его голос уже много дней так не звучал:

— О моя госпожа,— запел он, прислушиваясь к нежным, мягким тонам.

О моя госпожа,
куда же ты ушла?
Постой, оглянись —
здесь любовь твоя!..

И он рассмеялся — смех его звучал глубоко, радостно — и уверенно понесся по дорожке в поисках новой — сильной, лучшей, более насыщающей — добычи.

Позади слышались крики и топот вокруг Иглы Клеопатры. (Мириам всегда смеялась над этой штукой, занимавшей здесь столь почетное место. Она говорила, что египтяне считали его худшим обелиском во всем Гелиополисе.) Его догоняла толпа молодых людей. Справа от него на дороге остановился полицейский на мотороллере; он слез с сиденья и, нахмурившись, стал смотреть туда, откуда неслись крики. Он рысцой побежал вверх по пологому склону к месту преступления. Джон рванул вниз по склону, к нему.

С той силой, что он обрел пару минут назад, он вполне мог сцапать этого рослого молодого полицейского. Едва они поравнялись, Джон грохнул его кулаком в висок, так что полицейский покатился по земле; сигарета вылетела у него изо рта, а фуражка залетела в клумбу с бегониями. Он быстро справился с сопротивлявшимся, чертыхавшимся мужчиной. Через двадцать секунд он уже укладывал останки на мотороллер. К дьяволу осторожность, пусть поломают голову, что с ним произошло. Он уже видел заго-

ловки газет: «ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В МУМИЮ. КОГО ВИНИТЬ — ЧАСЫ С РАДИОАКТИВНЫМ ЦИФЕРБЛАТОМ?»

Теперь он чувствовал себя действительно чудесно. Ему казалось, что он мог бы взлететь над дорогой, над газонами, над деревьями — взлететь и быть свободным.

Другие только думали, что они живые. Но они никогда не знали его жизни! Сердце билось сейчас в идеальном ритме. Слух обострился — ему достаточно было взглянуть на здание, и он слышал звуки, раздающиеся за его окнами. Разговоры, передачи по телевизору, рев пылесосов. И еще он слышал, как поют облака,— а их песня недоступна слуху обычного человека.

С севера и с юга приближались сирены. По дороге пронеслась патрульная машина с мигалкой.

Остаток утра Джон провел в Метрополитен-музее, слоняясь по залу, где была выставлена одежда, рассматривая старинные платья с турнюрами и сюртуки и вспоминая свою собственную эпоху — эпоху безнадежно потерянную и такую далекую.

Когда беседа с врачом закончилась, Мириам испытала облегчение. Она уже начинала ощущать необходимость в *Сне.* Она вернулась домой в том же наемном лимузине. Вечером ей надо будет пройти тест в клинике — они называли его «полисомнограмма». И Сара Робертс, конечно, там будет. *Должна* быть. Еще бы — ночные ужасы. Если б им были известны истинные глубины ее страха, они не смогли бы дальше жить. Человечество находилось в пустой середине эмоционального спектра. Мириам жила на его краях.

Шофер открыл ей дверь.

— Вы мне потребуетесь снова в шесть тридцать,— сказала она и стала подниматься по ступенькам. На нее наваливался *Сон,* строго по графику. Она услышала за дверью слабое звяканье. Телефон. Повозившись с ключами,

ворвалась внутрь. Неудобное время для телефонного разговора. Бодрствовать ей осталось совсем немного.

— Мириам?

— Да. С кем я говорю?

— Это Боб.

Мгновение растерянности — затем ее осенило. Они уже несколько месяцев не встречались с Кавендерами.

— А, привет! Давно не виделись. Я едва вас узнала.

— Мириам, Алиса потерялась.

Она согнулась пополам, будто ее ударили в живот.

— Давно?

— Мы не видели ее со вчерашнего дня, когда она ушла к вам.

— Она сюда не приходила, насколько я знаю.

— Эми видела, как она входила.

— Она входила сюда? — Мириам подумала о Джоне. Он... нет. Независимо от того, в каком он был состоянии, он бы этого никогда не сделал.

— От вас она обычно возвращалась домой к ленчу. А вчера она не пришла.

Мириам задрожала.

— Ее здесь нет.

Ее не было ни в гостиной, ни в музыкальной комнате. О, только не это — только не в печи.

«Не доставляй мне столько горя, Джон, пожалуйста!»

— Я знаю. Я просто хотел вас предупредить.— Он сделал паузу. Раздался какой-то придушенный всхлип — мужчины ведь не умеют плакать.— Только предупредить,— повторил он.— Я позвоню, если будут новости.— Щелчок положил конец разговору. Трубка, выскользнув из руки Мириам, грохнулась о дубовый пол. Она закрыла глаза. Виски взорвались болью. Холод, какой холод!.. Она выгнула шею, словно пытаясь всплыть со дна моря.

Пальцы теребили платье, Мириам склонила голову. Пробило час. Она испуганно посмотрела на старый циферблат.

В голове стучало: убить Джона, убить себя... Она мотнула головой — она выше этого. Джон беспомощен, его ведут силы, ему неподвластные. Да и у нее не было намерения добровольно расстаться с жизнью.

Постепенно она успокоилась. Новое чувство рождалось в ее сердце. Исчезала жалость — что ей до его страданий, когда он так опасен, так страшен!

Как посмел он схватить Алису! Она принадлежала Мириам, а не ему. И с новой силой в ней вспыхнула ярость. Джону повезло, что его не оказалось дома. Ее не остановили бы сейчас ни ножи, ни пистолеты, ни рвущие плоть когти — она добралась бы до него.

Но ведь он отдал ей всего себя. За ее любовь заплатил он безумную цену. А терял он больше, чем жизнь, и конец его ждал еще более ужасный, чем даже самая страшная смерть. Она не могла себе позволить ненавидеть это... чертово отродье!

Она опять одна.

Во всем мире не было ни одной близкой ей души, ни одного существа, с которым она могла поделиться горем или радостью.

Она устало двинулась к библиотеке — она любила там размышлять в тишине. *АЛИСА!* Со стоном задернув тяжелые занавеси, она опустилась в кресло за столом. Ровный капельный перестук клепсидры, древних римских водяных часов, был единственным звуком в комнате.

Все свое будущее она связывала с Алисой. Мысль о том, что она может потерять ее, просто никогда не приходила ей в голову. А какие планы она строила!

Она всегда любила свою жизнь, любила с какой-то жадной радостью. За многие годы она беспощадно стерла из памяти все, что было связано с ее семьей, стряхнула с себя все трагедии и напряженно двигалась вперед. Она видела, как человечество встает из грязи, научилась уважать его, как не смог бы это сделать никто из ее рода, привыкла с интересом предвкушать будущее, особенно сей-

час, когда элементы варварства снова входили в человеческую культуру.

В мгновение — дьявольское мгновение! — Джон лишил ее будущего.

Она не могла позволить себе лить слезы даже по ушедшей любви. Они с Алисой были созданы друг для друга. А теперь вместо этого — дыра. Черная дыра. Холод стоял в комнате. Потемневшие от времени деревянные панели, казалось, зловеще хмурились, сгущая царивший в комнате полумрак.

Она раздвинула портьеры, и свет брызнул ей в лицо; за окном был ясный день — гроза давно прошла,— и ее петунии радостно устремляли головки к солнцу.

Мириам поймала себя на мысли, что видеть не может эту улицу, никогда еще она не казалась ей такой пустой. Она тряхнула головой — *Сон* вступал в свои права.

Ей не хотелось *Спать*, по крайней мере не сейчас. Опять будут ужасные сновидения, и никуда от них не деться. Как сможет она это выдержать! Застонав от бессилия, она вышла из комнаты. Тело ее двигалось все медленнее, веки тяжелели. Куда ей пойти? На чердак? Но она уже не успеет...

Пол качался у нее под ногами. Она не могла *Спать* здесь! Нельзя! Но ей трудно было даже поднять руку... Она вспомнила о подвале. Может быть, у нее хватит сил спуститься.

Медленно, спотыкаясь, пошла она к двери. Было там одно место, неудобное, но безопасное,— только бы Джон забыл о нем; оттуда шел тайный ход к Ист-Ривер, который они сами построили. Много лет назад при прокладке Федеральной автострады его разрушили, сохранился лишь небольшой участок под садом, и туда можно было попасть из подвала. Она надеялась, что найдет нужный камень в полу.

К тому времени, как она туда добралась, мир вокруг сузился, словно она шла по длинному коридору. Она зна-

ла, что продолжает двигаться, но тело уже не повиновалось ей.

Она упала на колени, ощупывая пол подвала. Та плита должна качнуться под рукой.

Качнуться... где-то... Вдруг что-то твердое и холодное ударило ее в спину. Твердое, холодное и сырое... Она упала на пол.

Лампа прыгала, отбрасывая свет ей в глаза,— корабль качало. Он скрипел, вода фонтаном била между досками обшивки. «Отец?» Лампа упала; маленькая каюта погрузилась в зеленый полумрак. Что происходит? Когда она ложилась, небо было чистым, а ветер лишь изредка хлопал парусом.

Что за ужасные вопли?

Она набросила накидку на свою шелковую тунику. «Оте-е-ец!» Корабль качало из стороны в сторону, словно огромное морское чудовище забавлялось, играя с ним. Мириам с трудом добралась до двери каюты и толкнула ее.

Просыпайся! Ты в опасности!

Дверь... она никак не хотела открываться — но Мириам уперлась в нее всем телом и заставила открыться, и зеленый ад шторма ударил ей в лицо.

Вой ветра царил над грохотом волн. Футах в двадцати над головой нависли тяжелые облака. Не было ни мачты, ни паруса, только всю палубу покрывали перепутанные канаты оснастки и обрывки красной ткани паруса. Обнаженные матросы метались в суматохе по палубе. «ОТЕ-Е-ЕЦ!»

Сильные руки схватили ее сзади. Он прижал ее к груди и прокричал ей в ухо:

— Корабль обречен! Нам надо спасаться, дочь моя!

— Другие...

— Другие корабли выбросило на Крит. Вулканический взрыв!.. Я не мог предвидеть этого. Взорвался один из островов — должно быть, Тера. Тебе теперь дорога в Рим, о востоке и думать забудь. Греция превратится в руины...

— Отец, пожалуйста, помоги мне, спаси меня! — Она всем телом прижалась к нему, всхлипывая на сбивающем с ног ветру. Он повернул голову.

— Приближается,— сказал он.

Она скорее не услышала, а ощутила это — глубокое биение сердца гиганта. Сначала в черном вихрящемся тумане ничего не было видно, затем высоко в небе появилась белая линия. Отец сжал ее так, что она едва могла дышать. Выражение его лица привело ее в ужас — губы скривились, глаза сверкали от ярости.

— Отец, что это — *волна?*

Он только сильнее прижал ее к груди.

Корабль начал подниматься, нос задирался все выше и выше. Словно пушечная канонада прозвучала, когда пеньковые веревки, удерживавшие доски, стали рваться; бортовая обшивка с треском расползалась. Из трюма донесся пронзительный свист прорвавшейся воды — и жуткие вопли рабов-гребцов. Матросы вповалку бросились на палубу. За ними, едва удерживаясь на низкой надстройке, капитан тщетно пытался принести еще одну жертву Нерею, богу штормов.

Корабль поднялся еще выше, он словно взлетал над вздрагивающей, кипящей поверхностью моря. А огромный черный левиафан надвигался на них.

— Нам надо прыгать! Придется плыть!

Он подтащил ее к борту. До этого она плавала только в Ниле, в море — никогда. Но как же это — оно ж их проглотит!

Отец не обращал внимания на ее отчаянные протесты.

Джон придет! Просыпайся!

Сон держал ее так же крепко, как если бы она была привязана к дыбе.

Бурлящая чернильная вода сомкнулась над их головами. Но даже под водой были слышны звуки — яростные удары разбушевавшегося бога морской стихии.

Ее голова показалась над поверхностью. Она почувствовала, как снова обхватили ее руки отца. Не далее как в

десяти футах от них корабль медленно запрокинулся на корму и перевернулся, подняв кучу пены. Еще на несколько мгновений показалось черное днище — и он исчез.

Они плыли вдоль гигантской волны, поднявшейся из моря. И их поднимало все выше. Белая линия превратилась в ревущий водоворот бурунов.

Они быстро приближались. Она видела там рыб, ветви деревьев, деревянные обломки. Она изо всех сил работала ногами, но течение упорно тащило ее вниз. Голову ее словно зажало в тисках, руки беспомощно хватались за воду. Ее вырвало из рук отца. Стало темно и холодно. Какие-то огромные существа шевелились в глубине, задевая ее своей холодной плотью. Она отчаянно забилась в воде, но мощный поток все тянул ее вниз. Сил уже не было, все тело ее ныло от боли, и ей вдруг вспомнилось, как финикийцы забрасывали камнями ее братьев.

Что-то дернуло ее за волосы так, что из глаз от боли посыпались искры. Течение больше не властно было над ней — ее поднимало, становилось теплее, светлее,— но рот ее мог открыться в любую секунду, и она вдохнула бы воду. Она бы умерла!..

Она стиснула челюсти, зажала рот и нос руками. Возможно, то чудовище, что тащило ее вверх, доберется наконец до поверхности.

И вот она уже барахтается в белой пене, и влажный воздух разрывает легкие. Она слышит рядом неровное дыхание отца.

Это он ее спас.

Буруны были позади. Перед ней расстилалась бесконечная равнина мягко волнующейся воды, а на горизонте, подобно огромной колонне, вздымалось черное облако, разрываемое багровыми трещинами молний. Оно медленно росло — гигантский, указующий в небо перст.

— Отец! — ужаснулась она, стараясь указать ему на облако.

Она сделала круг по воде.

Пустынные воды не возвратили ей его взгляда.

— Отец! Отец!

«Пожалуйста, о боги, пожалуйста, он нам нужен! Смилуйтесь, боги, мы — последние, как нам жить без него! Вы не смеете нас убить — ну не всех же!»

Она крутилась в воде и все звала и звала его.

В низкой волне неподалеку мелькнула какая-то тень. Она нырнула за голубым отблеском, вне себя от ужаса и горя.

То, что открылось ее глазам, навечно останется в ее памяти — его лицо, разверстый рот, вылезшие глаза... он медленно исчезал в бездне.

«Пожалуйста! Пожалуйста...»

Откуда-то налетел ветер, подобный дыханию Титана, и море заволновалось.

Соленая вода заставляла ее вновь и вновь рваться к поверхности, к воздуху. Ее отец, ее прекрасный отец — воплощение мудрости, силы — умирал! И она ныряла, искала его так же, как он искал ее, погружалась все глубже и глубже, пока не ощутила ледяное течение, которому отдал *он* свою жизнь взамен жизни дочери.

Она была самой старшей, она была нужна сейчас остальным. Оказавшись на Крите — одни, без поддержки отца, едва ли в состоянии объясниться на аккадском,— они будут беззащитны, их уничтожат. Ее жизнь сейчас слишком драгоценна. Она должна сохранить ее — отец, без сомнения, потребовал бы этого. Как ни трудно ей это далось, но она заставила себя забыть о нем тогда.

Обратившись к туманному серому свету поверхности, она поплыла. И сразу же стала обдумывать планы своего спасения. Она была сыта, она *Спала* — в то утро, когда они отправились в плавание,— ей удастся продержаться еще три-четыре дня.

Мириам открыла глаза — подземелье, промозглый воздух. Во рту отвратительный привкус — ее вырвало во время *Сна*.

Как и всегда, после этого сновидения ее охватила безысходная горечь утраты.

— Я не могла его спасти,— произнесла она в темноту.

— Но теперь уже слишком поздно, не так ли? — ответил ей скрипучий голос.

Джон!

Что-то заблестело у нее перед глазами, а затем она ощутила на горле холодное лезвие.

— Я ждал тебя, дорогая. Мне хотелось, чтобы ты бодрствовала при этом.

Том взглянул на рекомендацию к обследованию, лежавшую на верху стопки. Доктор Эдвардс особо отметил этот случай. От Тома по обязанности требовалось рассматривать все допуски на внеочередное обследование. Клиника записывала только на три месяца вперед.

Он позвонил Саре.

— Не хотелось бы тебе заняться одной пациенткой? Дама с ночными ужасами. Она желает пройти обследование.

— Ты с ума сошел? — рявкнула она в трубку.

— У тебя это займет пару часов. Зато подумай, как это будет смотреться на Совете. Блестящий исследователь, настолько преданный своему делу, что не пренебрегает и прежней работой и занимается обследованием пациентов, поступающих в клинику. Тебя можно будет назвать героиней.

— Брось, ради Бога!

— И если вы не нарушите своей клятвы, да будет процветание и хорошая репута...

— Гиппократ здесь ни при чем. Ночные ужасы, говоришь?

— Вот что я в тебе люблю. Ты так чертовски любопытна. В ученом мне такое качество очень нравится.

Последовало мгновение тишины.

— Когда начинать?

— Сегодня в семь тридцать. Она идет вне очереди.

— Да уж не сомневаюсь.

Они повесили трубки. Том чуть не рассмеялся вслух. Сара была такой предсказуемой, он и не ждал ничего иного. Постоянно жалуясь и протестуя, она шла по жизни, работая за троих. Будет неплохо, если она снова пообщается с пациентом — настоящим озлобленным человеческим существом. Ей это просто необходимо.

Он фыркнул, подумав об этом. Откуда, черт побери, мог он знать, что нужно Саре? Она натура сложная, переменчивая — казалось бы, вся как на ладони, а в действительности... Одному Богу известно, что таится в глубинах ее души. Даже Том не ведал этого, хотя и был ее возлюбленным. Единственное, что он мог себе позволить,— это оказывать посильную помощь в работе. Как, например, сейчас.

Ему потребовался еще час на просмотр бумаг: одни он пропускал, какие-то отсылал обратно, требуя дополнительной информации, а несколько рекомендаций — решил он — могут заинтересовать Хатча. Но только не случай Блейлок. Он чувствовал — это для Сары, ей он пригодится. Этот случай был ее по праву. Она написала блестящую работу о ночных кошмарах во взрослом возрасте и создала пару лекарств, которые действовали гораздо лучше обычных снотворных или транквилизаторов. Эта пациентка принадлежала ей по праву. Не было смысла отдавать информацию в лапы Хатча, который просто нашел бы кого-нибудь другого, лишь бы не дать Саре заработать лишние очки перед Советом.

Когда Сара появилась у него в семь часов, настроение ее было уже гораздо лучше. Обойдя стол, она поцеловала его в лоб.

— Уровни бета-продорфина у Мафусаила под конец падали как сумасшедшие,— сказала она возбужденным голосом.— Мы на правильном пути.

Он крепко ее поцеловал. Всем телом он прочувствовал приятность этого поцелуя.

— Ты великолепна,— сказал он.

— Пожалуй, я смогу сделать то, чего ты добиваешься,— сказала она, очевидно даже не осознав, что он поцеловал ее.— Мне кажется, можно установить контроль за производством бета-продорфина. Процесс старения мы не остановим, но это даст нам возможность замедлять его или даже поворачивать назад.

Он во все глаза смотрел на нее. Он был совершенно поражен.

— Что? Что ты говоришь?

— Я на пороге открытия. Я найду к этому ключ.— Мотнув головой, она продолжала: — Проблема здесь совсем не в медикаментах. Мы можем достичь нужных результатов, контролируя глубину сна и температуру тела во время сна. Уже сейчас мы могли бы продлить жизнь среднего индивидуума на десять—пятнадцать процентов. Без всяких там лекарств.

— Бог ты мой...

— Картина начинает вырисовываться. Ты беспокоился насчет Совета — пусть тебя это не тревожит. Я тебе гарантирую, ты победишь в два счета.

Том почувствовал не воодушевление, нет,— облегчение. Он нежно коснулся ладонями ее щек и еще раз поцеловал. И на этот раз она ответила, чуть застонав от удовольствия, и обняла его. Дела никогда не отнимут у него Сару, ведь за всеми делами этого мира — словно за занавесом — всегда стояла любовь, любовь и забота друг о друге. Как близка она была ему в этот момент! Он бы помолился, если б помнил, как это делается.

Он оторвался от нее, вспомнив о пациентке, которую на нее повесил.

— Я действительно сожалею насчет этой пациентки,— сказал он.— Если б я знал об этих твоих планах, я бы никогда...— Она, улыбаясь, коснулась его губ.

— Пациентка нуждается во мне. И лучше врача, чем я, тебе не найти.— Теперь уже он улыбнулся. Что ж, по край-

ней мере, она не держала на него обиды по этому поводу, как бывало уже неоднократно за последнее время,— а упрямство, с которым она держалась за свои обиды, он переносил с трудом.

Он без слов вручил ей компьютерную распечатку Блейлок.

Рука Мириам, скользнув с поразительной быстротой к Джону, вышибла нож из его руки. Он сразу же понял, какой ошибкой было ждать ее пробуждения. Ведь все это время он стоял, тупо ликуя, пока она спокойно *спала*, и очертания ее тела в шелковом костюме мягко угадывались в темноте. Большой мясницкий нож удобно лежал в его руке, лезвие отточено так, что могло резать глубоко при малейшем прикосновении. Он уже слышал, как нож поет в воздухе, уже чувствовал мягкое «чоп!» от соприкосновения с ее шеей, видел то ужасающее понимание, которое мелькнет в ее глазах — и погаснет.

Рука сомкнулась на его запястье подобно кольцу наручников. Он попытался вытащить руку, выкрутить пальцы. Мириам встала на ноги, схватила его за другую руку и держала их перед собой. Он выворачивался, но она приподняла его над полом. Он видел ее лицо в нескольких дюймах от своего — зубы поблескивали, глаза сверкали...

Откинув голову назад, он попытался оттолкнуться ногами от ее живота — но безуспешно, с тем же успехом он мог бы бороться и с каменной статуей. Сердце стучало у него в груди, руки ломило от боли.

— Ты убиваешь меня!

Ее ответ поразил его — так расходился он с ее действиями. Но он был уверен, что правильно расслышал ее слова:

— Я люблю тебя.— Она просила его простить ее и прошипела молитву. Всегда, если предстояло ей встретиться с опасностью, она обращалась к древним богам своего народа.

Она потащила его к дальнему углу подвала. Раздался скрежет — она вывернула рукой одну из плит.

Он все еще пытался понять — но тщетно! — что она задумала, как вдруг она швырнула его, словно ненужную тряпку, в пространство под плитой. Он упал, сильно ударившись, в ледяную воду шести дюймов глубиной. С грохотом, отдавшимся звоном у него в ушах, каменная плита вернулась на свое место.

Полная темнота. Стук капель.

Джона охватило отчаяние. Отсюда ему не выбраться. Она похоронила его заживо!

Он кричал, молотил по плите, снова и снова выкрикивая ее имя. Он царапал холодный камень, пока не сорвал ногти. Смерть ждет его здесь, в этом каменном гробу...

— Пожалуйста!

Стук капель.

Паника. Образы прошлого... Дом. Ясное небо. Весенние лужайки... И с запада — рог охотника.

Руки, вцепившиеся в него, раздирающие его, пытающиеся опустить его лицом в грязную, вонючую воду. Невыносимый, давящий груз. Камни. Камни и крайняя беспомощность.

Сознание покинуло его — но тщетно ждал он блаженного забытья.

Он застыл — холоден, недвижим,— прижав колени к подбородку, носом касаясь поверхности воды. Спина его ныла — тесно давили камни,— и мысли метались, преследуемые мраком Преисподней.

Сара встретила миссис Блейлок в приемной. До недавнего времени это была обычная для таких учреждений комната ожидания, наводившая уныние на посетителей своими коричневыми стенами и пластмассовыми стульями. Но по настоянию Тома ее отделали по-другому — так, чтобы пациенты чувствовали себя здесь уютно. Теперь у нее был почти жилой вид — обои пастельно-зеленого цвета, удобные кресла и даже большой диван.

Сара сразу же выделила Мириам Блейлок. Блондинка шести футов ростом, а глаза... глаза бледно-серые, почти

белые. Взгляд их был так странно, так настойчиво пытлив, что сразу хотелось отвернуться. Она сидела на одном из жестких кресел. Другие пациенты, приглашенные на этот вечер, сбились в кучу у двери, как испуганные мыши.

— Миссис Блейлок,— громко произнесла Сара.

Женщина уставила на нее этот свой взгляд и двинулась к ней. Тело ее было великолепно, но такое безмятежное спокойствие сквозило в каждом ее движении, что Сара ощутила не просто физическую красоту, но нечто гораздо большее; этой женщине присуща была какая-то осторожная грация, она передвигалась не совсем обычно, с абсолютной — и поэтому странной — уверенностью в себе.

— Я доктор Робертс,— сказала Сара, надеясь, что удивление не отразилось на ее лице.— Я буду заниматься вашим лечением.

Теперь Мириам Блейлок улыбнулась. Сара чуть не рассмеялась — так не к месту была эта горячая улыбка. В ней чувствовалась какая-то безудержная радость, триумф — незнакомые люди так не улыбаются. Сару подмывало сделать профессиональное заключение по поводу такого неуместного поведения, но она одернула себя: нужно побольше данных. Она постаралась сохранить в голосе профессиональное безразличие.

— Прежде всего мы с вами совершим небольшую экскурсию — я покажу вам нашу систему и расскажу о процедурах. Пожалуйста, следуйте за мной.— Она провела ее в аппаратную. Из чувства товарищества Том собирался остаться и помочь ей с аппаратурой. Он сидел развалясь в кресле у одного из операторских пультов.

— Это доктор Хейвер,— сказала Сара.

Том повернулся; очевидное изумление отразилось на его лице, когда он увидел миссис Блейлок.

— Привет,— ошарашенно сказал он, не в силах отвести взгляда от нее, и Сару слегка кольнуло: ему не следовало так открыто выказывать свое восхищение.

— Доктор Хейвер объяснит вам нашу систему мониторинга.

— А это не больно?

— Больно?

— Ну, могут быть какие-либо неприятные ощущения?

Ее голос, казалось, заполнил всю комнату своим страстным, глубоким тембром, хотя была в нем и какая-то бесхитростная, почти детская, интонация.

— Нет, миссис Блейлок, это не больно,— заверил ее Том.— Вы не почувствуете ни малейшего неудобства. Это устройство создано для того, чтобы обеспечить вам хороший сон ночью.— Том прокашлялся, провел рукой по волосам.— Система считывает и анализирует электрические импульсы, производимые вашим мозгом во время сна. Она называется «Omnex» и является самой современной компьютерной системой подобного типа в мире. По мере углубления вашего сна мы сможем наблюдать за различными его стадиями, а также сможем сравнить ваш сон с теми моделями, что мы разработали здесь, в Риверсайде.

— Да, у нас действительно замечательная система,— с улыбкой заметила Сара.

— И когда компьютер проанализирует полисомнограмму, что вы обычно делаете?

Странно было услышать такой ученый вопрос от пациента. Сару подмывало ответить правду: они сидят и пьют кофе.

— Мы смотрим на графики и пытаемся представить общую картину вашей персональной модели сна. И конечно, мы ищем признаки того, что вас беспокоит.

— То, что меня беспокоит, доктор Робертс, называется ночными ужасами. Вы меня разбудите, когда они придут.— В ее голосе вдруг прозвучали такие просительные нотки, что Саре захотелось ее утешить.

— Я не могу вам этого обещать, но мы будем рядом, если вы все же проснетесь. Давайте спустимся в смотровой кабинет, а затем вы можете провести вечер в гостиной для пациентов или в своей палате, как пожелаете.

В смотровом кабинете Сара с первого же взгляда поняла, что там все приготовлено как надо.

— Снимите блузку, миссис Блейлок. Это займет всего несколько минут.— Сара взяла стетоскоп: предварительный осмотр, конечно, необходим — так можно сразу же выявить возможные отклонения, тревожный признак каких-либо болезненных явлений.

Повернувшись, Сара была поражена, увидев миссис Блейлок обнаженной.

— О, извините, я не совсем ясно выразилась. Я просила вас снять только блузку.

Мириам Блейлок смотрела ей прямо в глаза. Это был момент, полный напряжения. Миссис Блейлок приоткрыла рот, словно собираясь заговорить. Саре вдруг невероятно захотелось вырваться отсюда.

Не успев даже осознать, что она делает, Сара заговорила сама:

— Что вы хотите?

— Хочу? — Губы Мириам Блейлок слегка раздвинулись в улыбке.— Излечиться, доктор.— Какая-то недоговорсиность чувствовалась в ее тоне, скрытый намек... И эта улыбка... Уж не издевается ли она?..

Сара смутилась.

— Прошу вас, сядьте сюда,— она указала рукой на стол для обследования. Мириам скользнула к нему и села, опершись сзади на руки. Ноги ее были широко раздвинуты. Веди она себя иначе, это выглядело бы просто непристойным, но женщина, казалось, совершенно отключилась от происходящего.

Готовя пробирки для анализа крови, Сара вдруг поймала себя на том, что ощущает слабый мускусный запах, исходящий от лона женщины. Она повернулась со шприцем в руке. Мириам издала слабый горловой звук и двинула ногой. Шорох кожи по простыне неожиданно взволновал Сару.

— Я возьму у вас кровь на анализ, миссис Блейлок.— Сара надеялась, что голос ее звучал достаточно сухо и корректно. Мириам вытянула правую руку.

Рука была красивой формы, кисть тонкая и тем не менее сильная. Пугающий, чувственный образ мелькнул в голове Сары — образ такой волнующий, что она тряхнула головой, отгоняя видение.

Но когда она стала гладить кожу Мириам, мурашки побежали у нее по телу.

— Я стараюсь поднять вену,— пояснила она, пытаясь взять себя в руки.— Сожмите кулак, пожалуйста.— Она воткнула иглу.

Мириам вдруг издала еще один звук — Сара сразу узнала его. Этот тихий горловой смешок — он всегда вырывался у нее, когда она отдавалась Тому. Услышать его в подобной ситуации, да еще из горла другой женщины — это... это было просто возмутительно! Сара вновь тряхнула головой — ей надо сосредоточить свое внимание на работе. Хотя бы для того, чтобы не проткнуть дыру в руке женщины. Рука миссис Блейлок лежала ладонью вверх в руке Сары. Пот заливал глаза Сары, когда шприц наполнялся. Она стремилась скорее покончить с этим, избавиться от прикосновения миссис Блейлок, хотя оно, бесспорно, было приятным, более того, она испытывала какое-то странное удовольствие, дотрагиваясь до нее... Но это же ужасно! Опустив глаза, она взглянула на ладонь женщины, машинально обратив внимание на преобладание вертикальных линий.

Наконец шприц наполнился, и Сара смогла его вытащить.

— Не уроните,— заметила миссис Блейлок.

Она сказала это как бы между прочим, легко, любезно — но голос ее звучал весьма вызывающе.

Спокойно и уверенно — хотя это давалось ей сейчас с трудом — Сара начала разливать кровь по пробиркам — шесть пробирок для анализа.

— Мне надо вас осмотреть,— сказала она дрожащим, как ей показалось, голосом.— Пожалуйста, лягте.— Она взялась за стетоскоп.

Миссис Блейлок лежала, согнув ноги в коленях и сложив руки на животе. Ее соски напряглись.

Сара застыла на месте — никогда еще не видела она сосков такой идеальной формы. Кожа ее отливала мягким золотистым блеском. Повернув к Саре лицо, она улыбнулась — удивительно нежно — и пробормотала, что готова.

Сара приложила стетоскоп к середине груди.

— Дышите глубже, пожалуйста.— По звуку легкие ее напоминали легкие ребенка.— Вы не курите?

— Нет.

— Правильно делаете.

Продолжая исследование, она прослушала сердце спереди, затем, попросив миссис Блейлок перевернуться, прослушала сердце и легкие со спины. В процессе работы к ней вернулось некоторое самообладание. В конце концов, она врач, а это пациент. Женщины не обладают для нее сексуальной привлекательностью.

— Перевернитесь обратно, пожалуйста.— Она положила руки на левую грудь женщины и мягко прощупала ее до основания.

— У вас не было боли или выделения из сосков в последние три месяца?

Язык миссис Блейлок чуть поблескивал за зубами. И Сара вдруг увидела, как руки Мириам поднимаются и охватывают ее голову. Она не могла даже пошевелиться — изумление приковало ее к месту. Она только беспомощно стояла и думала, что никогда раньше не видела таких светлых глаз. Руки наклонили ее голову вниз, к груди, и губы ее коснулись соска.

Восторг, охвативший ее при этом, был таким сильным, что она чуть не упала на грудь миссис Блейлок. Внутри ее с радостью и благодарностью пробудилось что-то такое, о

чем она раньше не имела ни малейшего представления. Мысленно она кричала себе: доктор, доктор, ДОКТОР! Бога ради, ты не в себе!

Но она поцеловала эту грудь, ощущая ее соленую сладость, наслаждаясь трепетанием соска под ее губами. Миссис Блейлок провела пальцами по ее щеке.

Сердце Сары упало. Это было ужасно. Миссис Блейлок с почти полным безразличием лежала на столе для осмотра.

— Вы бы вытерли лицо,— негромко сказала она.— Вы вспотели,— и лукаво взглянула на Сару.

Сара сполоснула лицо водой и стала вытираться, в то время как миссис Блейлок одевалась.

— Исследование груди — это часть осмотра?

Сара будто приросла к полу. Эта мысль как-то не пришла ей в голову. Конечно, это не относилось к осмотру. Только анализ крови, легкие и сердце. Щеки ее запылали, она спиной ощущала на себе взгляд женщины.

— Мне казалось, что нет,— заметила Мириам.

От Сары ответа и не требовалось, ее молчание было достаточно красноречивым.

Руки миссис Блейлок коснулись плеч Сары и развернули ее. Она притянула Сару к себе и крепко обняла. Сара никогда не испытывала ничего подобного. Властность рук миссис Блейлок привела ее в трепет; волна наслаждения захлестнула ее, и, не в силах сделать хоть малейшее движение, она — в каком-то туманном забытьи — отдалась на милость этих сильных рук. Женщина легко подняла Сару с пола и посадила верхом себе на колено. Руки ее стали ритмично двигаться, и тело Сары затрепетало в экстазе, скользя по ее ноге.

— Откройте глаза,— сказала вдруг Мириам.

Но Сара не в силах была смотреть на эту женщину — стыд переполнял ее.

— Нам придется остановиться,— сказала миссис Блейлок,— не то мое платье промокнет,— и она мягко отстранила Сару. Та скользнула по ее ноге вниз и спустя мгновение уже стояла на полу.

Сердце ее парило в небесах, мысли же были преисполнены стыда.

— Вы покажете мне мою комнату, доктор Робертс?

Пусть бы даже презрение прозвучало в ее голосе — но нет, голос был нейтрально любезен. Ни малейшего намека на ответное чувство, как будто она не заметила того эмоционального взрыва, который испытала Сара.

— Вы будете жить в Секторе «пять-б»,— прокричал Том из вестибюля, когда они появились в коридоре.— Это новые палаты.

— Мне все больше начинает казаться, что это отель, а не больница,— рассмеялась миссис Блейлок. Они дошли до палаты, и Мириам снова начала смеяться.— Так и напрашиваются сравнения! Это скорее похоже на койку в купе поезда.

— Вы можете провести вечер в гостиной для пациентов,— заметил Том.

Сара чувствовала себя очень несчастной.

6

Мириам сидела в гостиной вместе с другими; нарочитый уют комнаты производил тягостное впечатление. Она смотрела на экран телевизора, но голова ее была занята другим. После смерти Алисы цель ее визита сюда стала совершенно иной.

Ей казалось, что ее несправедливо обидели, предали. Никогда еще не чувствовала она себя такой обездоленной, если не считать того дня, когда она выбралась, измученная, без сил, на берег Илиона*. Но даже после смерти отца, скитаясь по неведомым землям, она нашла в себе силы перестроить свою жизнь. И намеревалась сделать это снова. Маленькая докторша — вот теперь ее цель. До этого она собиралась лишь использовать Сару Робертс в

* Илион (Троя) — древний город на северо-западе Малой Азии.

своих интересах, а затем избавиться от нее. Теперь же планы Мириам изменились.

В какой-то мере это было неплохо — жаль уничтожать такого человека. Сара умна, добра и — главное — обладает редкостной жаждой жизни, прекрасной основой для развития голода.

Все это еще предстояло хорошенько обдумать, но, как бы то ни было, Мириам была полна решимости трансформировать Сару. Пусть даже этот выбор и грешит недостатками, в любом случае с ними придется иметь дело потом. По крайней мере, для Сары это будет прекрасным стимулом — чтобы решить проблему трансформации. Ее собственная жизнь будет поставлена на карту.

Внезапно раздавшийся за спиной звук заставил Мириам подскочить на месте. Так, должно быть, чувствует себя зверь в клетке с распахнутой дверцей, которая в любой момент может захлопнуться. Стоит Мириам открыться докторше, доверить свою тайну, и все внимание Сары будет безраздельно поглощено ею. Но это опасно. Она уже представляла себя привязанной к какому-нибудь столу — жертвой безудержного научного любопытства и того факта, что человеческие законы уже не способны будут защитить ее, ведь она — *другая*. Сара обладала всеми качествами безжалостного хищника. Она — принесшая в жертву науке Мафусаила и, без сомнения, десятки других приматов,— не задумываясь, пожертвует и Мириам. Разумно существо или нет — это, конечно, могло иметь какое-либо значение для Сары... Но могло и не иметь. Если любопытство Сары и ее коллег будет достаточно сильно возбуждено, то — Мириам была уверена — они не станут колебаться в том, чтобы заняться ею, а то и просто посадят в клетку в качестве подопытного животного для экспериментов «ради блага человечества и научного прогресса».

Мириам приводила в ужас мысль о том, что ее могут посадить под арест и она не в состоянии будет утолить свой голод. Она знала — прекрасно знала! — какие стра-

дания ожидают ее в этом случае. Именно такие страдания скрывались под крышками сундуков у нее на чердаке.

Чем больше думала она о Саре, тем больше убеждалась, что может найти в ней друга — если только не тюремщика. Вся штука заключалась в том, чтобы возбудить в Саре голод до того, как она полностью осознает, что с ней происходит. И тогда голод, подобно красной луне, будет висеть над бескрайними полями ее мозга... Мириам останется лишь собирать урожай.

Слабостью Сары была жажда любви, голос плоти не давал ей покоя. Любая эпоха, любая цивилизация, любое человеческое существо всегда обладали какой-либо присущей только им предательской чертой: в Древнем Риме — эпоха упадка, в средние века — религия, в Викторианскую эпоху — мораль. Этот же век, полный двусмысленностей, греховный, был гораздо сложнее других. Это был век лжи. Его государства строились на лжи, души людей были воспитаны на ней. Мириам могла заполнить пустоту, которую ложь создает в человеческом существе. Она могла заполнить эту пустоту и в Саре.

Мириам вспомнила дрожание плеч, влажное прикосновение губ к ее груди... Она глубоко вздохнула, закрыла глаза и постаралась *прикоснуться* к сердцу Сары.

В голове у нее возник образ безлюдного леса. Это и была Сара, отчаянно одинокая, с яростью набрасывавшаяся на работу, лишь бы уйти от скрытой внутри пустоты.

Мириам могла бы подарить Саре то, к чему та так стремилась: возможность заполнить эту пустоту — пустоту, лишенную фактически всякой цели, затянутую, как паутиной, ужасом в ожидании бессмысленной смерти. Этот лес можно было населить смыслом, любовью, целью. Мириам сидела, сузив глаза, глядя внутрь себя. Сара уже отчаялась найти настоящую любовь. Она стремилась к Тому, пытаясь забыться в его объятиях, но прежняя пустота утверждала себя, истина все равно всплывала на поверх-

ность. Мириам могла бы поработать с лесом эмоций Сары. Она хорошо знала свою роль в этом веке: Мириам, Несущая Истинную Любовь.

Помешивая кофе, Том позвякивал ложкой о кружку. Сара едва могла усидеть на месте — этот незначительный звук ужасно действовал на нервы. То невообразимое (чудовищное!) удовольствие, что испытала она в смотровом кабинете, побуждало ее избегать сейчас любого вида интимности. Том, повернувшись к ней, поцеловал ее в щеку. Она, отпрянув, зашуршала компьютерной распечаткой миссис Блейлок.

— Давай еще раз проверим, как там дела в палате.— Его поцелуи сейчас были ей в тягость, она не могла даже смотреть на него.

— Тебе это так нравится? Мы уже два раза это делали.

— Давай сделаем еще. Мне не нужны никакие проблемы. Я не могу себе позволить провести здесь еще одну ночь.

— Тебя никто не заставлял приходить, Сара.

— Я должна была прийти. Эта женщина страдает ночными кошмарами.

— Ты не единственный врач, который может этим заниматься.

— Я — единственный...— Она остановилась. Сара хотела сказать, что она — единственный человек, который может лечить *ее*. Но почему? Что в ней такого особенного? Почему, общаясь с этой женщиной, она вела себя как сконфуженный подросток? Она набрала код проверки на пульте оператора. Компьютер мгновенно вывел на экран дисплея результаты работы подпрограмм — электроэнцефалограмма, электрокардиограмма, гальваника поверхности кожи, электрокулограмма, респираторный анализ. Все было в норме. Затем она включила систему внутренней связи и уставилась на экран монитора.

— Все идеально,— заметил Том.— Как и десять минут назад.— В голосе его явно чувствовалась легкая ирония —

Тома забавляла эта чрезмерная заботливость. Он положил ей на руку свою большую лапу — обычный для него жест. Сара мрачно посмотрела на нее, ощутила ее вес. С таким же успехом это могла быть и рука статуи. До этого Сара сама хотела, чтобы Том составил ей вечером компанию. Теперь же она пожалела об этом — надо было оставить одного из операторов.

— Мне действительно хочется с этим разделаться,— заметила она.

— Ну что ж, надеюсь — сегодня ей приснится ужас. Ради тебя.

— Том, ты не мог бы сделать мне одолжение?

— Конечно.

— Пожалуйста, не прикасайся ко мне.

Он отдернул руку, в глазах сверкнула ярость — и обида.

— Хорошо. А что я такого сделал?

Она сразу же пожалела о своих словах. Зачем, зачем так мерзко с ним обращаться? Но она не могла иначе. Образ Мириам Блейлок пылал в ее голове, затмевая все вокруг. Она пыталась убедить себя, что происшедшее между ними — простая случайность. Она подверглась давлению с ее стороны; она была измотана. И тем не менее, заметь она, что кто-то другой так себя ведет, она сочла бы это недопустимым. Она старалась с такой же суровостью отнестись и к себе, но как объяснить случившееся? Ведь она прекрасно сознавала, что делает. И ненавидела себя за это.

А он все требовал ответа.

— Дорогая, но что я такого сделал? — с оскорбленным видом вопрошал он.

И ее вдруг потянуло к нему — к слабому запаху «Олд Спайс» от небритого лица, к исцарапанным очкам, сквозь которые никто ничего не смог бы увидеть, и больше всего — к его искреннему желанию любить ее, желанию, давшему трещину.

Она прижалась к Тому, и он обнял ее в ответ, явно не понимая, что происходит, но преисполненный желания

принять любое ее объяснение, какое бы она ни предложила ему. Да, она презирала его, презирала ту легкость, с какой различные стороны его натуры использовали друг друга в честолюбивых целях,— но все это отошло на второй план. Этот человек старался любить. Он не очень-то умел это делать, да и вряд ли когда-нибудь научится. Он не был достаточно свободен для этого, тщеславная самонадеянность разъедала его доброе сердце. Что ж, пусть будет так. Он, конечно, не сказочный принц, но он — реален. Стоит задеть его, и он обижается. Если ты испытываешь к нему жалость, то этим ты унижаешь его. Но если ты его любишь, что-нибудь из этого, может, и получится... А может, и нет.

— Пол-одиннадцатого, и я устала,— сказала она наконец. Ей хотелось опустить занавес и перейти к следующему действию, тем более что из гостиной для пациентов раздалась мелодия звонка. Страдавшим от бессонницы настало время попытаться отдохнуть. Послышались звуки шагов, пациенты расходились по палатам. Сотрудники, дежурившие этой ночью, последовали за ними, чтобы выполнить свои обязанности.

— Мне лучше сейчас установить электроды,— сказала Сара.— Я скоро вернусь.— Она ушла, отведя глаза в сторону, не желая встречаться с ним взглядом.

Мириам Блейлок лежала в своей микроскопической палате в великолепном шелковом пеньюаре, казавшемся здесь совершенно не к месту. Он был розово-белым, с удивительной вышивкой: цветы, украшавшие его, принадлежали, казалось, далекому прошлому. В этой простой маленькой комнатке он скорее смахивал на музейный экспонат. Как и сама Мириам Блейлок, если уж на то пошло. Тайна сквозила в чертах ее лица; была в нем какая-то закрытость, непроницаемость, как на лицах со старых фотографий. Это было лицо из другого времени, далекого времени, когда в силу социальной необходимости людям приходилось скрывать то, что лежало у них на сердце.

— Мне снова для вас раздеться? — Едва заметная ирония прозвучала в ее голосе.

— В этом нет необходимости, миссис Блейлок.

Та села на кровати, широко открыв глаза. Сара, совершенно не к месту, вдруг вспомнила черную статую Изиды в отделе Древнего Египта Метрополитен-музея.

— Вам... нет необходимости говорить со мной таким ледяным тоном,— заметила миссис Блейлок.

Сара покраснела: она так надеялась, что принятый ею профессиональный тон создаст необходимую дистанцию между ними, но Мириам воспользовалась им, чтобы достичь совершенно противоположного эффекта,— для создания доверительной атмосферы. Сара с трудом перевела дух и в довершение своих бед неожиданно почувствовала запах — в комнате стоял тяжелый, резкий, сладковатый аромат; было в нем что-то на редкость вульгарное... и притягательное.

— Я прикреплю электроды вам ко лбу, к вискам и вокруг сердца. Это не больно, и электрическим током вас дергать не будет.— Повторяя слова, заученные еще со времен работы в клинике, она находила в этом даже некоторое удовольствие. Она смазала кожу на лице Мириам специальной мазью, установила электроды и зафиксировала их положение липкой лентой.

— Мне придется попросить вас расстегнуть одежду.

Мириам сняла пеньюар, лукаво заметив:

— А рубашку не расстегнуть, она снимается через голову.

— Поднимите ее, пожалуйста.

Миссис Блейлок рассмеялась, коснулась запястья Сары.

— Вам не следует так пугаться, дорогая. Это было простой случайностью. Нам и думать-то об этом больше не стоит.— В глазах ее мелькнул огонек.— Все это совершенно ничего не значит.

Сара вспыхнула, ощутив вдруг какую-то абсурдную, нелепую благодарность, и едва смогла взять себя в руки, чтобы заняться делом.

— Позвольте я прикреплю оставшиеся электроды, и вы попробуете заснуть.

Миссис Блейлок сняла ночную рубашку. Электроды быстро оказались на своих местах. Сара говорила себе, что это всего-навсего еще одно женское тело, ничем не отличавшееся от всех других, которые она видела и которых касалась за все время своей работы в клинике. И, закончив, она быстро повернулась, чтобы уйти. Однако миссис Блейлок, подняв руку, схватила ее за запястье. Сара остановилась как вкопанная.

— Подождите.— Это была команда, которой невозможно было не подчиниться, хотя и звучала она мягко, как просьба. Сара повернулась. Несмотря на путаницу электродов, несмотря на свою наготу, миссис Блейлок выглядела по-прежнему величественной. Она чуть приподнялась на постели.— Ваше поколение не имеет никакого уважения к тому, что священно.— Сара озадаченно взглянула на нее. Чье поколение? Мириам Блейлок была лет на пять моложе Сары.— Я говорю о любви, доктор. Как ни сажай ее в клетку, она все равно вырвется оттуда.

— Да, разумеется...

Очень медленно, с преувеличенным, как у скверной актрисы, смирением на лице, миссис Блейлок наклонила голову. Все это напоминало сцену из дешевой мелодрамы, это выглядело просто смешно — *должно* было так выглядеть! — но Сара почему-то была глубоко тронута, ощутив вдруг всю свою жестокость и холодность перед этим чутким человеческим сердцем.

Как смела эта женщина будить в ней такие ужасные чувства по отношению к себе?!

Сара вырвала руку и вернулась в аппаратную. Лишь войдя туда, она поняла, сколь чужда ей эта Мириам Блейлок. Здесь все казалось таким приветливым, знакомым, уютным. В палате же было что-то... неуловимое, что-то, странным образом напомнившее ей зловещую атмосферу клетки Мафусаила. Как и там, в палате присутствовал

какой-то мерзкий запах, правда немного другой, сладковатый,— и грубое вожделение, прикрытое мантией величия, но на деле столь же необузданное, как и ярость Мафусаила... Дьявол — если он вообще существует — наверное, безумно красив. Как Мириам... В Мафусаиле же проявилось другое дьявольское начало — Зло. Он вопил от ненависти даже тогда, когда умирал. Но Сара не верила в такое Зло. Единственное Зло, в которое она еще могла бы поверить, таилось в мрачных закоулках человеческой души, где поражение оборачивалось победой, а победа заключалась в том, чтобы закрыть глаза на истину.

— Сегодня ночью ее будут мучить кошмары, это уж точно,— сказала Сара. Она была в этом совершенно уверена. Человек, подобный Мириам Блейлок, ни одной ночи не смог бы провести без кошмара.

Том пораженно смотрел на экран монитора. Между Сарой и Мириам явно что-то происходило. Его собственное отношение к Мириам Блейлок уже определилось — ему не хотелось бы иметь такую пациентку. И ему хотелось, чтобы и Сара не ввязывалась в это дело. Не надо ей всяких там психологических сражений, которыми вечно занимаются все эти Мириам во всем мире.

— Просто богатая сучка. Мне она не нравится.

Сара кивнула. Том видел, что она расстроена и огорчена. И она стала такой после встречи с миссис Блейлок. Бедная девочка была, по сути дела, совершенно беззащитна. Стоило только надавить на нее, и она теряла всякую способность сопротивляться.

— Ну что, поехали дальше,— сказал Том. Он решил вести себя так, будто ничего не произошло,— тогда, возможно, холодность, которую Сара выказала по отношению к нему, рассеется сама по себе. В конце концов, он заслужил это. Он прекрасно понимал, что удержать ее будет трудно и ему часто придется идти на уступки,— ведь любовник из него скверный, да и другом он был ей от-

нюдь не всегда,— но ему так хотелось доставить ей радость, и он готов был отдать Саре все, что имел.

Сара прислонилась головой к его плечу.

— Ты стал ужасно лаконичен...

Благоприятный случай — Том чуть было не дал волю рукам.

— Я тревожусь о тебе, дорогая. Ты, кажется, расстроена.

Сара кивнула на экран монитора. Мириам лежала, читая журнал.

— Да.

— Что тебе в ней не нравится? — Он вспомнил о приглушенном разговоре между ними, о том, как они держались за руки.

— Она... просто какое-то чудовище,— даже не знаю, как сказать. Есть в ней что-то ужасно странное, чуждое... Помнишь, какой смысл вкладывали древние в слово *monstrum*?

Том улыбнулся.

— Монстр. Чудовище.

— Не только. Это еще и нечто необыкновенное, чудесное. Божественное создание. Неотразимое и роковое.

Том снова взглянул на монитор. Расстояние между богами и женщиной с журналом в руках казалось слишком большим.

— Мне она просто не нравится,— заметил он.— Скучающая, эгоистичная, богатая... слегка сдвинутая, судя по ее одежде. Может быть, коллекционирует какие-нибудь штучки типа высушенных голов.

Он был в восторге от того, что вызвал смех Сары. Он всегда в таких случаях испытывал облегчение: преподносишь скромный подарок — а он вдруг воспринимается как бесценный дар.

— Иногда,— заметила она,— у тебя бывают удивительные моменты прозрения.

— Благодарю вас, сударыня. Теперь, надеюсь, вместо того, чтобы волноваться, ты обратишь свое внимание на

меня и подаришь мне поцелуй.— В ее взгляде наконец-то промелькнула искорка радости. Сжав ладонями ее щеки, он поцеловал подставленные ему губы.

Неожиданно с легкой обидой он осознал, что она смотрит мимо него, на этот чертов монитор.

— Господи, Том, что это она сейчас взяла?

Это была книга, которую Том прекрасно знал.

— Разве ее не было в гостиной для пациентов?

— Ну откуда там взяться *моей книге*? Конечно нет, она не для пациентов.— Сара в ошеломлении смотрела на экран.— Бред какой-то! Что за странную игру она придумала?!

Мириам читала лежа, соблазнительно закусив зубами нижнюю губу, в глазах светился живой интерес. Уронив голову на руки, Сара тяжело вздохнула — словно всхлипнула. Том склонился к ней.

— Я слишком устала для игр,— сказала она.— Глупая женщина с ее глупыми играми.

— Милая, почему бы тебе не бросить это дело? Поезжай домой или возвращайся в лабораторию. Я сам разберусь с миссис Блейлок.

— Я должна быть здесь. Я же специалист.

— Здесь много хороших врачей. Я, например.

Сара, выпрямившись, покачала головой.

— Я взялась за это дело,— ответила она,— и не вижу ни одной разумной причины, чтобы его бросать.

Мириам закрыла книгу «Сон и возраст» и откинулась назад. Кровать оказалась вполне сносной, но еще больше порадовало ее это чудесное ощущение безопасности. Ее собственный дом представлял собой великолепно оборудованное убежище, но круглосуточно работающая больница с большим штатом сотрудников была ничуть не хуже. Не было ни вахтеров, клюющих носом в то время, когда огонь поднимается вверх по лестницам отеля, ни грабителей, болтающихся по коридорам, ни возможности

оказаться вдруг словно на электрическом стуле, забравшись в ванну при неисправной электропроводке. Больницы достаточно безопасны для *Сна*. Даже задвинув плиту над Джоном в подвале, она не чувствовала себя дома достаточно комфортно. Ему еще нужно будет умереть *совсем*, слишком хорошо разбирался он в охранной системе дома. Она умиротворенно расслабилась. Может быть, она помечтает, как когда-то, о благословенных лесах прошлых времен — или о бесконечном, многообещающем будущем. Неспокойные сновидения чаще всего приходили в тяжелые времена, когда она была напряжена, измотана. В кризисных ситуациях *Сон* требовался ей каждые двенадцать часов, вместо двадцати четырех. Чем сложнее были проблемы, тем чаще ее отвлекал от них *Сон*.

Она забралась под одеяло, ощущая запах накрахмаленного белья, дрожа от восторга при мысли о том, как здесь безопасно, и думая о бедняжке Саре, даже и не подозревающей, что ждет ее. Так глупый мотылек летит прямо в огонь.

Беседа прервалась — пора было заняться делом. Электроэнцефалограф, регистрировавший биотоки мозга, выдавал кривую, которая свидетельствовала о том, что наступил сон.

— Закатывание,— заметила Сара, когда качнулась стрелка электроокулографа. У миссис Блейлок закатывались глаза — признак сна первой стадии. Нервно прокашлявшись, Сара отхлебнула кофе. Том не мог ею не восхищаться. Внутри она сейчас просто разрывалась на части, и он чертовски хорошо это знал, но лицо оставалось невозмутимым. Вот это профессионал! Появились сбои альфа-ритма — наступило дремотное состояние. Затем прыгнула стрелка кожного гальванометра и участилось биение сердца.

— Оп! Должно быть, укололась булавкой. На ней есть булавки?

— Может, ее электроды тревожат?

Через мгновение окулограф отметил движение глаз слева направо.

— Ну вот, она опять читает.

Сара качнула головой. Тому хотелось хоть как-то поднять ее настроение.

— По крайней мере, она ценит твою работу. Читает твою книгу.

— Мне бы хотелось побольше о ней узнать, Том.

Незаметно подошедший к ним Джефф Уильямс из лаборатории анализа крови кашлянул и сказал:

— Мне не хотелось бы прерывать любовную сцену, дорогуши, но у меня для вас проблема. Вы перепутали кровь.

— Как это перепутали? Что ты несешь?

— Кровь, которую вы дали мне, маркировка 00265 А — Блейлок М. Это не человеческая кровь.

— Именно человеческая. Я ее взяла у этой вот пациентки.— Сара указала на монитор.

Джефф достал компьютерную распечатку.

— Посмотрите, что вышло. Машина очень старалась провести анализ, но здесь кое-чего не хватает.— После идентификации крови дальше на листе шли нули там, где должны были быть значения составных компонентов.

— Машина сломалась,— заметил Том, возвращаясь к монитору.— Снова засыпает. Еще одна попытка. Приятных сновидений, дорогуша.

— Проблема не в компьютере, доктор. Я прогнал тестовую программу и другие образцы крови вместе с вашим. Вы дали мне не человеческую кровь. Что бы это ни было, машина ее не может проанализировать.

Сара подняла на него глаза.

— Вы знаете, насколько мне помнится, бывали времена, когда анализ крови делали вручную, при помощи одной лишь центрифуги.

— Я сделал это и вручную. Вот что я обнаружил.— Он бросил им листочки с цифрами.— Это не человеческий

тип крови, насколько я понимаю. Прежде всего, здесь гораздо больше лейкоцитов.

— Человеческое существо могло бы жить с этим?

— Эта кровь лучше, чем наша. Она очень похожа, но более болезнестойка. Клеточный материал плотнее, в ней меньше плазмы. Для того чтобы перекачивать подобную массу, требуется сильное сердце, и могут, конечно, происходить незначительные засорения капилляров, но тот, у кого в венах течет такая кровь, может забыть о болезнях, если сердце у него достаточно сильное, чтобы ее перекачивать.

Том указал на экран.

— Вот пациентка, которая прекрасно себя чувствует с этой кровью в своих венах. Перед тем как делать дальнейшие выводы, я думаю, нам лучше еще раз взять у нее кровь на анализ.

— Конечно.

— Это ее кровь,— резко бросила Сара.— Я не могла ошибиться.— Том моргнул, поразившись свирепости ее тона.

Джефф, должно быть, тоже это заметил, потому что, помолчав, он мягко заметил:

— Это не может быть ее кровь, Сара. А если это все же так, то она не человек. А я в это поверить не могу.

— Может, это врожденный дефект, или она... мутант?

Джефф покачал головой.

— Во-первых, мы имеем дело с очень густой кровью. Человеческое сердце могло бы ее перекачивать, но с трудом. Состав совсем другой. Количественные соотношения не имеют смысла. Сара, эта кровь не может быть человеческой. Ближе всего к ней, возможно, кровь одной из больших обезьян...

— Это не от моих обезьян,— сказала она безжизненным голосом.— Я не могла сделать такую ошибку.— Голос ее стал тише.— А лучше бы сделала.

Вместе с Джеффом Сара сходила в палату и взяла еще один образец крови. Миссис Блейлок заснула всего за не-

сколько минут до этого. Когда игла вошла в руку, губы ее приоткрылись, но веки даже не дернулись. Том смотрел на кривые, ожидая признаков того, что сон был потревожен. Но, натренировавшись брать кровь у резусов, Сара все сделала безупречно. Миссис Блейлок не проснулась.

Том собирался уже отвернуться от экрана, но что-то остановило его. Его вдруг охватило волнение, словно в предчувствии опасности. Ему захотелось, чтобы Сара поскорее ушла оттуда. Когда же она наконец вернулась, он кивнул на кривые.

— Какая-то ненормальная модель сна...— неуверенно сказала она.

— Я бы сказал, что она находится в коматозном состоянии, если бы не эти выбросы в дельта-ритме.— Дельта-ритм свидетельствовал об умственной деятельности на сознательном уровне.— Она похожа на мертвеца, который каким-то образом сохраняет сознание.

— По альфа-ритму не слишком ли глубокий это сон? Кривая сильно вытянулась.

— Это могут быть посторонние шумы. Например, мимо проехала машина, а там было включено радио. Такие проблемы у нас бывали и раньше. Слишком низкий уровень сигнала.

— Дыхание почти дошло до нуля. Том, в той комнате так тихо. Очень тихо. Просто мурашки по коже.

— Ну так не ходи туда больше.

Он ощутил на себе ее взгляд.

— Хорошо,— тихо сказала она. На этот раз она сама вложила свою руку ему в ладонь, и они пристально посмотрели друг на друга. Слова им были не нужны.

Лондон: 1430 год

Желтый свет просачивается сквозь тяжелые занавеси. Она задернула их, чтобы оттородиться от уличного шума и вони. Несмотря на то что сейчас май, с неба капает уг-

рюмый холодный дождь. Напротив, через Ломбардскую улицу, отбивают время колокола церкви Святого Эдмунда, короля-мученика. Мириам просто готова лезть на стену от сырости, грязи, бесконечно звонящих колоколов — Луллию приговорили к пыткам!..

Она спускается в садик за домом, лишь бы избавиться от звона. Но все напрасно — здесь тяжело отдается в ушах колокольный звон Святого Свизина, что высится за вонючими водами Уолбрука. Крысы разбегаются в стороны при ее появлении. Она тоскливо смотрит на свои любимые розы — шесть кустов уже погружены на корабль, а эти придется оставить. Она всхлипывает на ходу, представляя себе ужасные картины пыток: эта несчастная лежит на дыбе, руки ее становятся пурпурными, наливаясь кровью в железных тисках!

Они слишком задержались здесь, давным-давно следовало им покинуть Лондон, уехать из Англии. Ведь есть еще места в Европе — на диком востоке,— где такие, как Мириам, и горя бы не знали. Они с Луллией строили планы, мечтали — и все пошло прахом! Луллию схватили и обвинили в колдовстве.

Ведьма — что за суеверный вздор!

— Леди, фартинг, пожалуйте фартинг!

Она бросает несколько медных монет крысоловам, которые начали вылезать из Уолбрука. Целые толпы их живут, питаясь крысами, у этой сточной канавы. Она видела, как они пожирают крыс сырыми. Она видела, как они выжимают кровь из крыс в глотки своих детей. Она слышала их песни.

Время от времени приходили люди короля и убивали некоторых из них. Но крысоловов не становилось меньше; как крысы, плодились они в погруженных во мрак невежества руинах, называвшихся Лондоном. Все здесь не так. Смерть и болезни свободно разгуливают среди людей. Ночами горят дома, и в шуме дождя слышен грохот рушащихся зданий. Грязь здесь всегда по щиколотку, ули-

цы — сточные канавы, забитые протухшими объедками и рванью. Рынки полны карманников и воров. Ночью появляются убийцы и надрывают глотки психи. И над всем этим висит бесконечная коричневая пелена торфяного дыма. Этот город не грохочет, как Рим, не постукивает, отдаваясь эхом, как мраморные улицы Константинополя,— он громко стонет, подобно зимнему ветру, пришедшему с болот. И время от времени весело цокают копыта лошадей, впряженных в ярко размалеванный экипаж, где покачивается на подушках аристократка в шелках.

Мириам смотрит на солнечные часы: четыре часа прошло уже с тех пор, как забрали Луллию; эти палачи скоро появятся на Ломбардской улице с ужасным грузом в черном муслиновом саване. И Мириам должна быть готова, ибо Луллия «сознается». Да, уж Мириам-то повидала *их*, она знала, сколь искусны *они* в своем деле — в пытках. В сравнении с ним бледнели все другие искусства этого века — с людей сдирали кожу среди радостных толп, а куски плоти разбрасывали вопящим детям в качестве сувениров; жертвы выли, признаваясь в колдовстве или в чем угодно — что бы от них ни потребовали.

Мириам даже представить себе не может глубины своего отвращения. Ночью она с истинным удовольствием ходит по улицам, в тысячу раз более опасная, чем самый шустрый убийца,— более сильная, более быстрая... и умная.

Ее желудок всегда полон. Вернее, был, пока солдаты короля Генриха не стали прочесывать по ночам город.

Они поймали Луллию у обители Святого Братства Крестоносцев, неподалеку от церкви Святого Олафа; теперь она в тюрьме. Уличный ребенок, гречанка из Византии — Мириам нашла ее в Равенне, на Портновском рынке близ Императорского дворца, она ткала полотно. Как давно это было! Целую вечность назад. Ее красота поразила Мириам и помогла ей примириться с утратой Эвмена. Когда Рим пал, они переехали в Константинополь, но уехали и

оттуда, когда там стали появляться старые, хорошо знакомые Мириам признаки упадка: покинутые кварталы, брошенные дворцы, пожары, продажность власть имущих и дико растущие цены.

Они обосновались в Лондоне — неплохой выбор: много людей, хаос... Когда они приехали, у них не было ничего, кроме одного венецианского золотого дуката и шести бургундских пенсов.

Дукат обеспечил им проживание в течение года. В дальнейшем, чтобы раздобыть денег, они обшаривали дворцы аристократов.

Сотня лет любви и благоденствия промелькнула как сон, в мгновение ока.

Затем Луллия изменилась. Исчезла, испарилась ее молодость. Раньше она утоляла голод раз в неделю, затем — раз в день, а в последнее время — каждые несколько часов. Она неистовствовала ночи напролет, платя дань своему голоду, и тело ее раздувалось от выпитой крови. И ее необыкновенная красота, перед которой мужчины когда-то склоняли головы, осталась лишь в воспоминаниях. Теперь вид ее наводил ужас, визгливый голос разносился по всему дому, в глазах горела жажда крови. И вот — все кончено; она схвачена, она скрипит зубами и рычит на судей. Мириам буквально неслась той ночью по Истчип к Тауэру — но слишком поздно.

Теперь остается лишь ждать. Она сидит дома, и всюду разбросаны вещи Луллии — Мириам уже просто видеть их не может: ее платья, изношенные туфли, обручи, которые Луллия покупала для волос, они лежат сейчас в маленькой бумажной коробке. Мириам горстями достает из тайника монеты, сыплет их в кожаный мешочек и прячет его за пазухой. От Эбгейта до доков она наймет лодку. Надо бежать, ведь Луллия неизбежно «признается», и Мириам тоже могут схватить, если она здесь задержится. Три дня назад она погрузила свои сундуки на генуэзскую галеру, все — кроме сундука Луллии. Корабль отходит

завтра или послезавтра, и она будет на его борту. Но она не уедет без Луллии. *Всем им* — и себе самой — она обещала надежное убежище, как обещала и хранить им верность.

Место упокоения девушки готово — приземистый дубовый сундук, обитый железом, он стоит сейчас посреди комнаты; свеженатертое дерево слабо пахнет рыбьим жиром.

Если Мириам не сможет убежать, ее сожгут на костре.

Теперь она считает свои монеты — пятьдесят золотых дукатов, три золотых фунта, одиннадцать золотых экю. Этого достаточно, чтобы целый год кормить Чипсайд или на неделю обеспечить кардинала Бофора.

Они идут.

Она прикусывает язык, услышав рев крумгорнов*, возвещающий о приближении кортежа. Это должно сработать, *должно!*

Если бы только она могла оставить Луллию!.. Но она себе этого не простит. Клянясь своим возлюбленным никогда не оставлять их, она получала право их обманывать. Она выбегает на Ломбардскую улицу и, расталкивая толпу, бросается к коренастым фигурам с телом в черном саване на плечах.

В кулаке у нее зажата горсть серебра. Потребуется по меньшей мере три серебряных пенса, чтобы заполучить тело Луллии, и еще пять-шесть, чтобы спастись самой. В руке одного из мужчин она видит свиток с развевающимися на нитях печатями — письменный приказ о том, чтобы женщина по имени Мириам, обвиняемая в колдовстве, была со всей поспешностью...

— У меня есть серебро! — кричит она, перекрывая рев труб.— Серебряные пенсы за мою бедную дочь!

— Ого, красавица, нам придется взять и тебя!

---

* Крумгорн — средневековый духовой язычковый инструмент, ствол которого изогнут в виде крюка.

— У меня есть серебро!

Здоровяк со свитком подходит и кладет руку ей на плечо.

— Короля не купишь кучкой монет.

Стражники остановились. Наступила тишина. Зеваки, затаив дыхание, наблюдают за мольбами Мириам сохранить ей жизнь. Она показывает на ладони два серебряных пенса.

— Это все, что у тебя есть?

— Это все, что у меня есть на свете!

— Тогда пусть будет три! — И он хрипло смеется ей в лицо.

— Это все мои деньги, все, что у меня есть! — воет Мириам. Она достает еще монетку и держит все три в дрожащих ладонях.

Их вырывают у нее и сбрасывают Луллию на каменные ступени у дома. Исчезают в толпе глашатаи, уходят стражники, свиток падает в грязь.

Мириам с трудом разворачивает саван. Луллия — ярко-красного цвета, язык похож на пурпурный, покрытый волдырями цветок, глаза едва не выскочили из орбит.

Они пытали ее кипящим маслом. Эта вонючая грязь покрывает все ее распухшее тело.

И слышится слабый звук, звук рвущейся кожи — когда разжимаются ее кулаки.

— Это кошмар,— пробормотал Том.

Сара как зачарованная смотрела на взлетающие ввысь кривые.

— Я знаю,— ответила Сара с отсутствующим видом. Кровь ее поразила. Том, несомненно, ожидал, что обнаружится какая-то ошибка, но Сара-то знала, что тот образец, который сейчас анализировал Джефф, только подтвердит невероятное. В мозгу с мучительной навязчивостью звенел вопрос: кто она, *кто она*? Голова у нее шла кругом, а замешательство грозило перерасти в панику.

— Я ее разбужу.— Том сделал движение, чтобы встать.

— Не надо! Ты... нарушишь запись.

Он смотрел на нее.

— Но она же, очевидно, страдает...

— Посмотри на графики! Ты же не хочешь разрушить уникальную запись. Мы даже не знаем, кошмар ли это. Ей, может, снится что-то удивительно приятное.

— РЭМ* соответствует кошмару высокой интенсивности.

— Но посмотри на дыхание и проводимость кожи. Она же практически находится в состоянии комы.

Сара испытала облегчение, когда Том вновь уставился на мониторы. Им надо быть сейчас здесь, надо сделать эту уникальную запись. Приборы продолжали работать, регистрируя необычную модель сна миссис Блейлок. Сара попыталась собрать данные воедино — дельта-ритм низкой интенсивности, альфа-ритм как в состоянии транса. Подобная модель внутримозговой деятельности могла быть только у человека, перенесшего мозговую травму или, возможно, мастерски владеющего техникой медитации.

— Давай проведем зонное сканирование,— медленно проговорила она.

— Ты думаешь, мы что-то упускаем?

— У нас слишком много нулевых считываний. Тем не менее глаза ее двигаются, словно ей снится сон, и весьма впечатляющий.

— Может быть, это гиппокамп. Если его стимулировать, можно достичь интенсивных галлюцинаторных эффектов. Это и влияет на РЭМ.

— Прекрасная идея, доктор. Но чтобы снять электрические сигналы с такой глубины, нам нужно переместить электроды.

— Давай так и сделаем.

---

* РЭМ — растровая (сканирующая) электронная микроскопия.

— Тогда это предстоит тебе, Томас. Ты же сам хотел, чтобы я не ходила туда одна, помнишь?

— Хорошо.— Он двинулся было к двери, но задержался.— Ты делаешь это лучше меня, дорогая.

— По одному на каждую височную кость и два рядом прямо над ламбдоидным швом. Если не сможем считать данные с такой позиции, потребуется сканирование.

— Каким же образом я доберусь до ламбдоидного шва? Мне придется поднять ей голову.

— Том, она и пальцем пошевелить не сможет, она поглощена своим сном. Она и не заметит, что ты поднимаешь ей голову.— Сара вдруг ощутила неприятную тяжесть в желудке. Одна мысль о том, чтобы снова оказаться рядом с этим существом, вызывала у нее тошноту. У человека мозг не может так работать... и не может быть такой крови.

Том ушел, но на экране монитора он появился нескоро. Он не спешил. Сара смотрела, как он перемещает электроды. Сначала графики шли ровно, без подскоков. Сара подстраивала чувствительность, когда начался весь этот ад. Четыре электрода были подключены к двум разным самописцам, на случай если сигнал от одной области будет лучше, чем от другой. Но это не имело значения: обе иглы вдруг рванулись с места и начали выписывать гигантские волны.

— Господи, помилуй,— поразился Том, вернувшись.

— Повреждение мозга.— сказала Сара.— Определенно оно.

— Если так, то нет никаких серьезных последствий.

Рука опустилась на ее плечо. Откинув голову назад, она увидела Джеффа; оправа его очков блестела в люминесцентном свете.

— Ты была права,— сказал он.— Это причуда природы.

Сара смотрела на женщину в палате, поразительно красивую женщину. Но она также представляла собой и нечто иное, что Джефф назвал причудой.

Иглы самописцев, словно обезумев, прыгали по лентам. Сара вспоминала, что она знает о гиппокампе. Это одна из самых глубоких областей мозга. Если ее подвергнуть электростимуляции, то пациенты подчас в мельчайших деталях заново переживают какие-либо моменты своего прошлого. Здесь скрыты тайны мышления, здесь таится древняя память — и именно здесь разгуливают драконы и ползают в мрачных глубинах порождения Тьмы. Если из-за травмы или болезни гиппокамп разрушается, то прошлое человека исчезает и он обречен жить в состоянии дезориентации, как в случае пробуждения после особенно ужасного кошмара.

Самописцы шуршали в тишине комнаты. Джефф бросил на пульт листок желтой бумаги — результаты повторного анализа крови.

— Эта женщина, должно быть, в буквальном смысле заново переживает свою жизнь,— заметил Том.— Это у нее в тысячу раз сильнее обычного сна.

— Надеюсь, жизнь у нее была вполне приятной,— заметил Джефф, теребя свой листок.

— Нет, отнюдь,— отрезала Сара. И она не сомневалась в этом.

7

Туманные образы проплывали перед закрытыми веками Джона. Он не мог сказать точно, когда к нему вернулось сознание, но вероятно — лишь несколько минут назад, ибо тело его напомнило о себе мучительной болью.

Какой же он дурак — стоять над ней, наслаждаясь своей победой, ожидая, когда она проснется. Но он хотел, чтобы она *знала*.

Он все еще слышал звон ножа с прекрасным лезвием из углеродистой стали, ударившегося о каменные плиты.

Ему нельзя было так медлить!

Он мечтал о том, чтобы распрямиться, ощутить в суставах свежесть движения. Вновь стала охватывать его на-

ника, но он подавил ее. Он ощупал стены и низкий потолок своей могилы, потрогал грязь на дне лужи, в которой он находился. И услышал звук падающих капель, отдававшийся эхом, словно вода капала где-то в большой пещере.

Он крикнул. Снова откликнулось эхо. Он сделал глубокий вдох. Воздух был свежим и прохладным. А ведь в таком склепе можно было бы задохнуться всего за несколько минут...

Отдушина. Должна быть отдушина.

Он не мог повернуться, места для этого было недостаточно. Его ноги, однако, ощущали твердость камня. Он опустил пальцы глубоко в грязь — это не давало никакого результата, пока он не ощупал место, где стена уходила в воду, прямо перед ним. Здесь грязи не было.

Течение уходило под камень, через отверстие дюймов восемь шириной. Если бы только удалось пролезть туда! Наклонившись как можно дальше и стараясь держать лицо над водой, он поболтал рукой в отверстии. Рука осталась под водой, но это не важно — ибо он четко ощутил течение. Если он вытянет руки и оттолкнется ногами, то плечи и голова пройдут в отверстие. Гарантии, что он достигнет воздуха, не было, но даже утонуть казалось ему счастьем по сравнению с настоящим его положением.

Он опустил лицо в воду, вжался в грязь, нашел ногами опору и стал отталкиваться. Чтобы пролезть, ему пришлось повернуть голову вбок. Вода ворвалась в нос, стала жечь горло и легкие. Он зажмурился, борясь с рвотой, и все отталкивался, лягался, извивался... В висках стучало, голова была зажата между грязным дном и камнем. Ухо, тершееся о камень, горело. Он понял, что оно может оторваться, настолько узким был лаз.

Грязь проскальзывала между его губ, проникала в рот. Воздух! Ему нужен воздух! Он беспомощно извивался, чувствуя, как из носа и рта идут пузыри. Его стало рвать. Где-то далеко позади ноги судорожно бились о воду, поднимая со дна грязь, а впереди бессильно за ту же воду хватались руки.

Затем вдруг боль в ухе прошла. Он мог поднять голову! Несколько отчаянных рывков, и глаза его оказались над водой. Он оттолкнулся от грязи, услышал, как хрустнули его кости, когда он подтянул под себя ноги...

Ярко-красные вспышки мелькали у него в глазах, сознание мутилось. Ему отчаянно хотелось вдохнуть глоток свежего воздуха. Он почувствовал, что мочится,— горячий поток в ледяной воде. Нельзя же утонуть в луже глубиной в несколько дюймов!

Однако он тонул. Силы уходили, боль уступала место какому-то облегчению, расслабленной дремоте. Он жаждал умиротворения, покоя, который, казалось, еще один рывок — и наступит.

Он вспомнил Мириам, увидел перед собой ее белеющее в темноте лицо: губы ее были приоткрыты, поддразнивая его и призывно маня.

Издевка над его любовью!

Он не мог допустить, чтобы она победила! Она лгала ему с самого начала. Несколько недель со дня первой их встречи она приходила к нему каждую ночь со своими зловещими инструментами и сидела рядом, гладя его по голове, в то время как кровь ее текла в его вены и усиливалась его лихорадка. Это чуть не убило его, однако он выжил, а выжив — он стал другим человеком, невосприимчивым к болезням, человеком без возраста, с новыми потребностями — и необыкновенной новой возлюбленной, с которой их можно было удовлетворять.

И вместе со всем этим пришел к нему Голод. Годы потребовались ему, чтобы привыкнуть, чтобы достичь той точки, где моральное неприятие уравновешивалось радостью насыщения. Вначале голод носил его, одичавшего, жаждущего, по улицам Лондона...

Это сделала она.

...Пока наконец с горечью, с отчаянием не научился он удовлетворять свой голод.

Она научила его, как это делать.

Ему необходимо до нее добраться!

И последним отчаянным выдохом он выгнал из легких воду. Вдохнул наконец воздух. Он слышал, как трепещет его сердце, ощущал изможденность каждой мышцы, каждой кости. Он не знал, сколько времени пролежал он там, где упал, головой и руками запутавшись в густой массе корней, не в силах вытащить ноги из грязной воды.

Но он освободился из могилы, уготованной Мириам.

Освободился.

Теперь, когда он узнал истину, его приводила в ужас полнейшая холодность этого существа, глубина его безразличия, размах его власти. Само это существо должно быть очень древним — какое-то жуткое воплощение Дьявола. Он больше не считал его ни мужчиной, ни женщиной. Он все еще называл его «Мириам» — по лишь по привычке.

Руки Джона цеплялись за корни, пытаясь найти какую-нибудь лазейку. Все, во что он верил, оказалось ложью. Как и все то, что она ему говорила.

Уже тысячи раз его должно было настичь возмездие. Сама земля вокруг него, казалось, трепетала от присутствия безутешных душ тех, кого убил он ради собственного бессмертия.

Еще бы. Те 180 лет, которые он прожил, казались мгновением теперь, в преддверии конца. Конечно, бессмертия не существует. Если бы он только знал, что лишь отдаляет неотвратимое, он никогда бы не лишал жизни других. «Или я хочу себя в этом убедить?» — подумал он вслух.

Он чуть не взвизгнул. Что-то пронеслось мимо, задев его. Отчаянно вцепившись в окружавшие его корни, он закричал. Он находился во влажной, вонючей могиле. Здесь было не так безнадежно, как в каменном мешке, но если он промедлит, смерть подстережет его и здесь. Он стал протискиваться меж корней, стараясь приблизиться к поверхности. Мириам... Все мысли его свелись к одной — причинить ей боль, отомстить. Если возможно — уничтожить. Если нет — то умереть, стараясь это сделать.

В этом последнем его усилии будет, по крайней мере, хоть какой-то смысл. Благородный поступок. В конце концов, он — последний представитель древнего рода, и его храбрые предки участвовали во многих благородных сражениях. Он должен помнить о них. Рука его коснулась холодного влажного кирпича — так вот где он оказался! Это свод их старого тоннеля, прорытого до Ист-Ривер. Он стал вытаскивать кирпичи; они поддавались легко — цемент разъела вода, да и сами кирпичи рассыпались в руках.

Внезапно он обнаружил, что может встать во весь рост и даже вытянуть руки над головой.

Несколько секунд потребовалось ему на то, чтобы понять, где он находится: он пробрался внутрь тоннеля, а не наружу. Эхо от плеска воды было здесь гораздо громче, настолько громче, что он мог слышать его даже своим поврежденным ухом. Скользкая паутина корней свисала со сводчатого кирпичного потолка в нескольких футах над ним. Вытянув перед собой руки, в полной темноте, он двинулся вперед.

Через десять шагов тоннель кончился завалом из кирпичей и кусков засохшего цемента. Кроме звука падающих капель он услышал внезапно и другой звук.

Прилив? Их дом находился неподалеку от Ист-Ривер. Затем до него дошло — он слышал движение на федеральной автостраде.

Этот тоннель они построили, когда в Нью-Йорке был учрежден Департамент полиции. Тридцать лет назад из-за прокладки автострады тоннель пришлось забить. Та плита, которую подняла Мириам, представляла собой вход в тоннель.

Он стал разрывать землю руками. Наверху, над ним, должен быть садик. Может, не все еще кончено, может, у него в конце концов будет шанс спастись. Корни царапали его пальцы, обдирая их до крови. Он мог продвигаться, только обкапывая их по кругу и проталкиваясь меж ними.

Отчаяние придавало ему силы. На этот раз он не должен дать маху. Когда он ощущал такой же прилив силы в телах своих жертв, он знал, что они на грани помешательства. Он не должен допустить этого в себе.

Яркая вспышка света!.. Джон дернулся — не закоротил ли он какой-нибудь подземный кабель? Когда глаза его привыкли к сиянию, он обнаружил, что голова и плечи его усыпаны какими-то розовыми клочками. Он помедлил в замешательстве, затем ощутил запах цветов.

Он добрался до садика Мириам — голова его торчала прямо посреди ее драгоценных роз. Это были ее собственные особые гибридные формы, созданные за Бог знает сколько лет терпеливого отбора. Некоторые из цветков поражали своей величиной, а какие-то были совсем крошечными. На одних кустах росли колючки, на других нет. Цветовая гамма — от нежно-розового до темно-красного. Большая часть шипов предназначалась чисто для украшения, они были мягкими на ощупь. К концу лета пять самых больших цветков займут место в огромной вазе, и весь дом наполнится их ароматом...

Дом был позади него, он чувствовал его угрожающее присутствие. Он надеялся, что Мириам не станет выглядывать из окна — глаза у нее были как у сокола.

Корни цеплялись за него, мешая каждому движению. Он быстро уставал, так как приступ паники уже прошел. Сердце его яростно стучало, легкие хрипели, будто всхлипывали.

Когда обе его руки уже лежали среди розовых кустов, он счел это достижением. Теперь он мог опереться о землю. Дюйм за дюймом он стал высвобождаться из корней и вскоре уже лежал под утренним небом, ощущая, как вновь начинает грызть его голод, но сил ему хватало только на то, чтобы обрывать цветки с розовых кустов. К тому времени, когда он пришел в себя и смог встать, вся земля вокруг была усыпана розовыми лепестками.

Он повернулся к дому (Джону тот всегда казался слишком мрачным) и впился взглядом в крошечное оконце на-

верху, у самой крыши. В той комнате Мириам держала своих мертвецов.

Уж он бы там поразвлекался — если б посмел, если б смог. Дом молчал. Насмехался. Приглашал его войти. Он и войдет, когда время будет подходящее. Если она схватит его первой, он навечно потеряет возможность отомстить. А если нет? Не стоит думать об этом.

Вся клиника была наэлектризована новостями о Мириам Блейлок. К 6.30 утра толпа потрясенных, с ввалившимися глазами людей собралась вокруг Тома и Сары, наблюдая за мониторами. В семь часов Сара нажала на кнопку: в палате Мириам прозвучала мелодия звонка. Она не спала уже два часа, но не показывала этого, оставаясь неподвижной; сон ее длился ровно шесть часов. Лишь после звонка она пошевелилась, лениво потянулась и открыла глаза. Она смотрела прямо в монитор. Сара была удивлена: она и представить себе не могла, что лицо может выражать столь удивительную безмятежность.

— Я не сплю,— сказала Мириам глубоким голосом.

Вся группа заволновалась. Сара понимала, что другие чувствуют то же, что и она.

— Пожалуй, пора поднимать специалистов,— сказал Том, вставая. Он направился в свой кабинет, чтобы вызвать генетика, физиолога, биолога — специалиста по клеточному анализу, психиатра и еще полдюжины других.

Не много времени потребовалось им на то, чтобы понять: они на пороге удивительного открытия. Сильные отклонения в составе крови и совершенно иная работа мозга не оставляли никаких сомнений — Мириам Блейлок не принадлежала к *homo sapiens*.

Это отчасти объясняло странное поведение Сары. Должно быть, она что-то почувствовала на подсознательном уровне, а мозг ее, не понимая происходящего, пребывал в бездействии, и Сара оказалась во власти инстинктов. Подсознательная реакция на живое, разумное существо неиз-

вестного вида никогда еще не изучалась; теперь же, когда чужеродность этой женщины — существа женского пола — была установлена со всей очевидностью, Мириам уже не так пугала Сару. В конце концов, изучение других видов — это работа, хорошо знакомая Саре, а Мириам — не более чем редкостный экземпляр. И хотя нельзя было исключать и внеземного происхождения, это — ввиду физического сходства между Мириам и человеческими существами — представлялось сомнительным.

И все же Сара не могла отделаться от ощущения, что она оказалась захваченной каким-то огромным водоворотом, словно что-то толкало ее вперед — и толкало не слепо, а весьма целенаправленно, чутко подмечая малейшие ее реакции.

— Доброе утро, миссис Блейлок,— сказала она по интеркому,— не хотели бы вы позавтракать?

— Нет, спасибо. Я поем позже.

— Тогда кофе?

Сев на кровати, та отрицательно качнула головой.

— Скажите мне, доктор, что вы узнали? Вы сможете мне помочь? — и на мгновение в глазах ее вдруг мелькнула угроза. Сара почувствовала ее даже сквозь экран монитора.

Однако неловкости она больше не испытывала. Она направилась прямиком в палату. Там было тепло и стоял сладкий запах Мириам.

— Могу я называть вас Мириам? — Сара села на край кровати, помолчала, собираясь с мыслями.— Мы очень много узнали. Вы — уникальная личность.

Мириам ничего не ответила. В душу Сары закралось некоторое сомнение. Зачем она это говорит? Как будто Мириам и сама не знает, кто она. Она должна знать. По крайней мере, так они предполагали.

— Вы хорошо спали?

— Разве вы не знаете? — Она казалась удивленной.

Обе они рассмеялись.

— Извините. Я уверена, что вы помните свой сон. Он был очень... оживленным.

Лицо Мириам приняло серьезное выражение. Она села, свесив ноги с кровати. Они были прекрасны.

— Да. У меня было оживленное сновидение.

— Мне бы хотелось узнать, что вам снилось. Эта информация будет крайне полезна.

Мириам, взглянув на нее, ничего не ответила, но взгляд ее глубоко тронул Сару. Всем сердцем ощутила она вдруг боль Мириам. Саре захотелось обнять ее, успокоить, показать ей, что она не одинока. Это был бы благородный жест — мост между мирами.

И, раскрыв руки для объятий, Сара повернулась к Мириам, забыв о блестящей линзе видеокамеры, размещенной в углу у потолка. Мириам прижалась к ней — это ее поразило — как ребенок.

— Ну, ну,— бормотала Сара, ощущая некоторую неловкость. Она не очень-то умела успокаивать других.

Мириам всхлипнула. Сара гладила ее мягкие светлые волосы, шепча на ухо что-то успокаивающее.

Одиночество было ощутимым, реальным — как запах. Когда Сара почувствовала, что та пошевелилась, она разжала руки. Мириам откинулась к стенке, взяла руку Сары и поцеловала ее пальцы.

Только теперь Сара вспомнила о мониторе. В замешательстве она отдернула руку.

— Может быть, мы поговорим после того, как вы оденетесь,— сказала она по возможности спокойно.— Я вам позвоню, когда отключу видеомонитор,— и Сара попыталась улыбнуться.— Одеваться вам позволяется без присмотра.

Мириам, казалось, хотела сказать ей что-то, но Сара не стала ждать. Она не имела ни малейшего понятия, почему эта женщина так притягивала ее, но сейчас не время было разбираться в этом. Она пошла в аппаратную, решив в будущем быть более осторожной. Уже будили других наци-

ентов, и группа вокруг монитора Мириам стала меньше. Появились, однако, Филлис Роклер и Чарли Хэмфрис. Они вели оживленную беседу с Джеффом Уильямсом, который при разговоре размахивал своим — теперь уже измятым — листком с анализом крови. Когда появилась Сара, Джефф сообщил ей, что Том собрал свою ударную группу и что в конференц-зале состоится совещание.

Сара провела стандартную процедуру отключения монитора Мириам на время одевания. Потом ею займется один из штатных сотрудников. Саре и Тому нужно было присутствовать на совещании.

— Главное — не выпускайте ее отсюда,— сказала Сара энергичному парню, которому поручили эту работу.— Она для нас просто клад. *Клад!* Мне нужен стандартный послесмотровой опрос прямо по форме. Затем задержите ее. Скажите, что она нам нужна еще на двадцать четыре часа.— Она пошла на совещание, в то время как сотрудник записывал указания в книжке с отрывными листами. Она улыбалась про себя, испытывая детское удовольствие от того факта, что он явно был года на два старше ее. Есть свои преимущества в том, чтобы жить на большой скорости.

Сара вошла в набитую людьми комнату. Вид у всех был несколько ошалелый со сна. «Интересно,— подумала она,— как это Тому удалось в такую рань сорвать с постели столько важных персон? Что же он им сказал?» Том сидел, крутя в пальцах незажженную сигару, которая исчезла при появлении Сары. Она села на стул, занятый для нее Чарли и Филлис. Вокруг стола расположились двенадцать человек от тридцати до семидесяти лет. Хатч сидел прямо, губы сжаты в прямую линию, лицо застыло в гримасе, выражавшей любопытство. Но под этой маской Сара ощутила нечто совсем иное. Их взгляды встретились, и она поразилась мелькнувшей в его глазах грусти. Дела Тома явно шли в гору. Это совещание было созвано не Хатчем, он здесь присутствовал только по приглашению.

— Ну что ж,— начал Том,— прежде всего большое спасибо за то, что вы согласились уделить нам свое время, коллеги. Я прошу прощения — я нагло вытащил вас из постелей. Однако, мне кажется, узнав о случившемся, вы даже обрадуетесь тому, что я так сделал. Короче: дело в пациентке по имени Мириам Блейлок. Она пребывает в прекрасном физическом состоянии, ей тридцать лет, рабочий диагноз: ночные ужасы зрелого возраста. Диагноз этот потом был пересмотрен — с учетом обнаруженных нами значительных аномалий в работе мозга.

— Доктор...— начал Хатч.

Том поднял руку.

— К сожалению, доктора Хатчинсона не проинформировали раньше по причине спешки,— сказал он. Сара моргнула. Удар был смертельным. Теперь Хатчу придется молчать. Его аккуратно включили в число тех, кого не обязательно информировать персонально. Главу клиники. Том по каплям сосал из него кровь, но каждая капля была на вес золота.

— Первое сообщение сделает доктор Джеффри Уильямс, производивший анализ крови пациентки.

Джефф зашуршал бумажками, поправил очки на носу.

— Вкратце дело обстоит следующим образом: состав крови у этой женщины совершенно иной, не человеческий. Более того, она вполне может быть представительницей другого вида, но только не *genus homo**.— При этих словах отсутствующее выражение на лицах слушателей мгновенно исчезло, уступив место напряженному вниманию.

— Это может быть генетическим дефектом,— заметил Хатч. Он наклонился вперед на стуле, с выражением интереса и озабоченности на лице. И Сара вдруг поняла, в чем состояла истина,— он вовсе не считал клинику своей собственностью, он *себя* рассматривал как собственность

---

* Человеческий род (*лат.*).

клиники. Конечно, он будет продолжать разговор, он не видел унижения в том, что потерял бразды правления, поскольку все равно оставался в этой группе.

— Это не дефект, ее кровь...

— У вас еще нет хромосомной карты, вы не могли успеть ее составить. Мне кажется, вы делаете поспешные выводы...

— Уймись, Уолтер,— послышался глубокий голос откуда-то сзади. Все повернули головы. Сэм Раш, глава Отдела научных исследований в Риверсайдском медицинском центре, стоял, прислонившись к двери и сложив руки на груди. Сара подняла брови. Он обладал большим влиянием, чем весь Совет. Гораздо большим.

Джефф прочистил горло.

— Наиболее подходящие объяснения — это мутация или параллельная эволюция. Вся штука в клеточном строении. Прежде всего, эритроциты не того цвета, они практически пурпурные. Тем не менее нет указаний на то, что пациентка страдает от проблем недопереноса кислорода. Эти клетки, кроме того, вполовину меньше обычных. Второе, и, возможно, самое важное, это то, что мы наблюдали семь разновидностей лейкоцитов вместо пяти, как в крови человека. Две новых разновидности — это самые необычайные клеточные структуры, которые я вообще когда-либо имел удовольствие наблюдать. Насколько я понимаю, назначение шестой разновидности — обеспечивать более чем надежную защиту от болезнетворных инородных частиц. Эти лейкоциты запросто поглощают все контрольные культуры, включая сальмонеллу. И кстати, шестая разновидность обладает общим с седьмой свойством — выживать даже в соляном растворе.

Теперь — седьмая. Из-за нее я и упомянул о возможности параллельного развития. Это буквально фабрика, поглощающая все отмирающие клеточные элементы крови и вырабатывающая новые, включая и самих себя.

Некоторое время все молчали. Наконец заговорил доктор Вайнтрауб, биолог, специалист по клеточному анализу.

— Но ведь должен происходить какой-то процесс распада?..

— Эта кровь обладает исключительной сопротивляемостью к заболеваниям. И я подозреваю, что даже такие болезни, как вызываемый вирусом рак, будут не более чем преходящими явлениями в процессе жизнедеятельности подобного организма. Если бы эта кровь не текла в жилах существа смертного, подвластного ходу времени, подверженного несчастным случаям, она сама по себе могла бы быть бессмертной.

— Структурные особенности седьмой группы лейкоцитов? — Глаза Вайнграуба были закрыты, он пребывал в глубокой задумчивости.

— Сложное трехчастное ядро. Структура, по-видимому, может меняться в зависимости от типа поглощаемых или воспроизводимых клеточных элементов. Они образуют живые формы других типов с той же скоростью, с какой гибнут первоначальные элементы. Кровь, находящаяся в лаборатории, взятая шесть часов назад, сейчас такая же свежая, как и в тот момент, когда ее брали.

— Доктор, это, несомненно, побочный эффект хранения...

— Доктор Хатчинсон, образец, о котором я говорю, содержался при температуре пятнадцать градусов по Цельсию. К настоящему времени эта кровь уже должна была бы разлагаться, а мы и сейчас можем ввести ее в вены донора, стоит нам только захотеть. Это самосохраняющаяся система.

Все приглушенно зашевелились. Взглянув на сидевших за столом, Сара поразилась: застывшие, непроницаемые лица, словно ничего и не случилось; но спустя мгновение она поняла, что все просто сдерживают себя, не желая показывать переполнявшее их возбуждение. Все, кроме Хатча, который сейчас выглядел как маленький мальчик на карнавале. Борьба Тома за власть вдруг показалась Саре нелепой и смешной — не более чем детская забава. Сара

подумала, что такие, как Хатч,— самые опасные противники для Томов Хейверов всего мира: они всецело преданы своему делу — или просто умны,— а может, и то и другое.

В дверном проеме за доктором Рашем появилось чьето лицо. Сара извинилась и поспешно встала; сотрудник, которому она дала указание задержать миссис Блейлок, выглядел расстроенным.

— Она ушла,— пробормотал он.— Я подождал несколько минут, пока она оденется, а когда пришел в палату, ее уже не было.

Сара с трудом подавила страстное желание как следует встряхнуть его.

— В приемной видели, как она выходит? Пытались ее остановить?

— Она не проходила через приемную.

— Как же тогда она вышла? — Он молчал. Риверсайд представлял собой каменный лабиринт: здания лепились друг к другу, связанные общими переходами,— она могла пойти в любом направлении.— Может быть, она заблудилась? — Сара цеплялась за малейшую возможность.

— Ее вещи исчезли. Она захотела уйти.

Сара закрыла глаза. Тому это совсем не понравится. Вспомнив о Хатче, она подумала, что ее-то это не очень огорчит.

— Сообщите мне, если будут какие-то новости.— Интерн, повернувшись, поспешно ушел. Возвращаясь на свое место, Сара размышляла, стоит ли прерывать ход совещания плохими новостями.

— С моей точки зрения, первоочередная задача — это анализ образцов тканей,— говорил Вайнтрауб.— Я ничего не смогу сделать без клеточного материала, да и генетикам он необходим.— Внезапно он широко открыл глаза.— А кстати... Я думаю, мы сможем достаточно тщательно исследовать и более обширные области.

Заговорил Боб Ходдер, генетик, один из двух молодых турков в Риверсайде.

— Очевидно, хромосомный анализ даст нам определенный ответ на вопрос, имеем мы дело с человеческим организмом или же нет.— Он был почти красив, этот Боб. Сара помнила его большое загорелое тело, бугры мышц... Одна из ее неудачных любовных попыток, еще до Тома. Хорош и в постели, и на людях, разбирался и в генетике, и в сексе и мог сделать хороший заказ в ресторане. Но он был холоден, как сама смерть. Куда ему до старого доктора Хотта! Тот сидел сейчас, напряженно подавшись вперед, со съехавшими на нос очками и зажатой в зубах незажженной сигарой.

Она сделала глубокий вдох и выдала свои новости.

— Пациентка ушла.

Хатч откинулся назад, быстро ухватившись за внезапно представившуюся ему возможность.

— Это было глупо!

— Никто здесь не виноват,— заныл Том.— Мы не имеем права, да и возможности, задерживать людей. Это не исправительное заведение.

— Кто дежурил, черт побери? — резко спросил Хатч. Он явно намеревался воспользоваться этой оплошностью, чтобы в присутствии Раша привести Тома в замешательство. Он знал, как действовать, когда есть возможность. Ни он, ни Том так и не взглянули на непроницаемое лицо Сэма Раша. А ведь если бы его здесь не было, думала Сара, Хатч не стал бы выступать, они с Томом просто обменялись бы злобными взглядами.

— Да какая разница! Они выполняли инструкции — и даже более того, к слову сказать. Но она ускользнула. Вы же знаете это заведение. Из клиники есть десяток разных выходов. Кто угодно смог бы уйти — независимо от того, следим мы за ним или нет.

Заговорил Сэм Раш:

— Доктор Хейвер, необходимо как можно скорее найти вашу пациентку. Я серьезно склоняюсь к тому, что в наших же интересах будет ограничить свободу передвижений этой особы.

Том старался поймать взгляд Сары. Его мысль была ясна: *ты* ее проворонила, *ты* ее и возвращай обратно.

Сара покачала головой. Она не могла взять на себя такую ответственность. Ее собственное отношение к Мириам Блейлок было вполне определенным: эта женщина — это существо — обладает пугающей и опасной силой. Она умеет пробуждать в человеке такие желания, которые лучше было бы не будить. Сара не хотела с ней больше встречаться.

— Мне придется попросить тебя, Сара. Ты знаешь ее лучше всех.

Она пристально разглядывала поверхность стола. Возможности отказаться от прямой просьбы у нее не было.

— Я не знаю, что и делать.

— Позвони ей,— посоветовал Том.

— Съездите к ней. Не надо рисковать. Привезите ее обратно.— В голосе Хатча чувствовалась искренняя озабоченность.

— Ваш заведующий прав,— сказал Сэм Раш. Том опустил взгляд на свои бумаги.

— Я не знаю, где она живет,— в отчаянии пробормотала Сара.

— У нас же есть ее адрес — не так ли, Том? — Хатч, казалось, надеялся, что ответ будет отрицательным.

— Конечно,— бросил Том.

Сара старалась успокоиться, но тщетно. Руки ее нервно сжимались и разжимались, пока она резким движением не убрала их со стола. Все теперь смотрели на нее.

— Да,— услышала она словно издалека свой голос, показавшийся ей слабым и незнакомым.— Мы должны ее вернуть. Я сейчас же поеду.

К ее удивлению, дом Мириам Блейлок оказался просто очаровательным. Сара вышла из такси у небольшого домика из красного кирпича, отделанного белым мрамором; в ящиках на наружных подоконниках в изобилии росли

цветы. Он весь был таким чистым, таким светлым. За раскрытыми окнами виднелись комнаты, оклеенные обоями веселых расцветок. Частный дом на Саттон-Плейс, наряды от Ланвена — *genus** Мириам Блейлок, без сомнения, не имел проблем в общении с человеческой средой.

Поднявшись по ступенькам, Сара позвонила. Из-за двери послышалась приглушенная мелодия звонка. Мимо, посвистывая, прошел полицейский. На другой стороне улицы, сбившись в кучу, о чем-то беседовали дети.

Дверь распахнулась — и Сара увидела Мириам Блейлок. На ней было бело-розовое платье. А при виде ее улыбки Сара мгновенно позабыла все свои опасения; осталась только одна мысль — будто она приглашена в этот прекрасный дом его очаровательной владелицей.

— Могу я войти?

Мириам шагнула в сторону.

— О, я обожаю амбру,— услышала Сара свой голос.— Это напоминает мне детство.— Странный, неповторимый аромат пробудил в ней воспоминания о прихожей в доме ее бабушки, когда солнце вот так же, под углом, заглядывало в окна, в точно такой же день, как сейчас. Она сделала глубокий вдох.— Это действительно уносит меня в прошлое.

— Не желаете ли присесть?

Сара прошла за ней в чудесно обставленную гостиную: редкая мебель времен Регентства, легкие изящные стулья и козетки. Утренний свет лился в окна, выходившие в садик. На полу лежал шелковый китайский ковер, на котором были вытканы многие из тех цветов, что росли в саду. На окнах висели голубые шелковые занавески, роспись на потолке создавала иллюзию летнего неба. И так хорошо было в этой комнате, что просто хотелось засмеяться от восторга. Сара стояла в дверях, сложив руки под подбородком. Она сознавала, что улыбается, как маленькая де-

---

* Биологический вид (*лат.*)

вочка. Повернувшись, Мириам встретилась с ней взглядом и рассмеялась. Глаза ее излучали удивительную теплоту.

Сара вошла в комнату и села на одну из козеток.

— Могу я предложить вам кофе? Я только что его приготовила.

— Это было бы прекрасно.

Голос Мириам донесся из кухни:

— Готова поспорить, вы и секунды не спали. Удачно получилось, я как раз готовила кофе.

Она принесла Саре чашку кофе. Он был крепким и густым, и совершенно необычным на вкус — словно в нем соединились все мыслимые и немыслимые ароматы.

— Потрясающий кофе! — вырвалось у Сары.

Мириам села рядом, поставив свою чашку на кофейный столик с мозаичной столешницей. Хрупкая красота мозаики привлекла внимание Сары. Там была изображена богиня, стоящая на радуге, с лунным серпом над головой.

— Ламия,— заметила Мириам, когда Сара зачарованно коснулась кончиками пальцев крошечных камушков.— Ее пищей является молодость. Радуга — символ Ламии, из-за ее красоты и неуловимости. Она — одна из бессмертных. Это мозаика из погибшей Пальмиры.

— Погибшей? Что там произошло?

— Алчность. Она сгубила римлян. Это была их колония.

— Это, должно быть, стоит...— Она смущенно замолчала. И что на нее нашло? Совершенно не умеет себя вести. Ведь это неприлично — распространяться о ценности предметов искусства, принадлежащих другому человеку.

— Я никогда не стану его продавать. Вы видите почему? — Мириам с любовью обвела пальцем овал лица.

Сходство было поразительным.

— Конечно вижу! Вы словно близнецы.

Мириам внезапно подняла глаза — что-то за окнами привлекло ее внимание. Прервав разговор, она встала и

подошла к окну. Сара не знала, что и думать: вначале Мириам вроде бы рада была ее видеть, теперь же утратила к ней всякий интерес. Саре захотелось побыстрее с этим разделаться. Мириам словно ждала кого-то. И этот дом, такой до боли прекрасный, казалось, вдруг замер в зловещем молчании, и отвратительные тени стали вылезать из углов... Сару передернуло.

— Ваш кофе остынет,— сказала она нарочито бодро, желая рассеять гнетущее впечатление.

— Выпейте его вы. Я уже пила перед вашим приходом.

— Не откажусь. Он невероятно хорош. Конечно, это всего лишь кофе, но...— Она снова начала говорить чересчур много. Успокойся. Вспомни о Риверсайде и сматывай отсюда.— Послушайте, я вижу — вы заняты... Давайте, я перейду прямо к делу. У меня была веская причина прийти сюда. Риверсайд...

— Сегодня такой прекрасный день. Когда ветер дует с реки, у нас здесь просто великолепно.

— Ваш сад чудесен. Мы в Риверсайде...

— У меня более десяти тысяч растений. Эти розы — моя гордость.

Сара подошла и встала рядом. Не видно было ни одной розы.

— Где они? — Очевидно, Риверсайду придется подождать, пока она не похвалит этот чертов садик.

— За львиным зевом...— Внезапно она притихла.— Всемогущие боги! Почему мы их не видим?!

Сара обратила внимание на ее взгляд: она смотрела пристально, как резус, если его удивить. Мириам выскочила сквозь стеклянные двери на террасу. Сара поспешила за ней. Сад благоухал цветами. Запах невидимых роз, несомненно, ощущался. За садиком виднелись искрящиеся на солнце воды Ист-Ривер. По реке проплыла лодка, ее белый парус слегка колыхался на ветру. Слышался монотонный гул федеральной автострады. Мириам понеслась по извилистой дорожке, мимо львиного зева. Когда

Сара ее догнала, она сидела на корточках, сжимая в руках оборванные лепестки.

— Мои РОЗЫ! — вскрикнула она. Жуткая картина подвергшейся набегу клумбы потрясла Сару: даже лепестки изуродованных растений были втоптаны в землю; листья ободраны, стволики расщеплены, а небольшие растения выдрали с корнем. И надо всем этим стоял сильный запах розового масла — крови цветов.

Мириам, вся напрягшись, медленно поднималась с земли. Зловещее выражение ее лица заставило Сару отступить на шаг. Пронесшись мимо нее, Мириам снова опустилась на корточки, протягивая руки к провалу в земле. Когда она крикнула, Сара услышала, как там, в глубине, отозвалось глухое эхо. Мириам поднялась на ноги. Губы ее двигались, и Сара напрягла слух.

— *Он выбрался!* — шептали губы Мириам. Она заметалась, словно тигр в клетке, затем резко остановилась, повернула голову в сторону дома и вдруг понеслась по дорожке к открытым дверям.

— Скорее! — крикнула она на бегу.— *Спешите!*

Ее очевидный страх заразил и Сару. Как в кошмарном сне, бежала она к дому, а он казался все более и более далеким, и цветы раскинулись на акры, на мили.

В глазах Мириам застыл неприкрытый страх. Она протянула к Саре руки, сжимая и разжимая ладони, как ребенок, ищущий помощи.

— *Сара, ну скорей же!*

Сара двигалась как во сне. Тяжесть давила на каждый миллиметр тела, безумно хотелось спать. Глаза машинально выхватывали отдельные детали: вон там качаются маргаритки, тянут головки к солнцу циннии, вон львиный зев и еще какие-то другие — множество других — экзотические цветы. Она заметила пчелу на анютиных глазках, словно запорошенную золотой пыльцой. Где-то за спиной неожиданно раздался сильный треск, будто медведь ломился сквозь кусты.

Мириам, обхватив ее руками, с грохотом захлопнула двери. Ударом запястья она защелкнула задвижку, быстро задернула занавески. Открыв ящичек на кофейном столике, она стала нажимать на кнопки. Зажглись красные огоньки — охранная сигнализация.

Несмотря на весь этот кошмар, Сару все равно клонило в сон. Сказывалась бессонная ночь, даже кофе не помог.

Она позволила Мириам обнять себя, зачарованно глядя на то, как меняется ее лицо. Мириам умела держать себя в руках: от недавнего страха не осталось и следа.

— Вы его видели?

— Кого?

Мириам отвела взгляд в сторону, мгновенно заговорив о другом.

— Мои розы были лучшими в мире. Можете вы это понять? Вы разбираетесь в розах?

— Мне так жаль, Мириам. Они, наверное, были красивыми.— Ей хотелось успокоить эту женщину... и еще ей хотелось сесть. Она действительно очень устала.

— В этом языке нет слов, чтоб описать их. Они были — *atoepae*. Это латынь. В этом слове заключена щемящая сердце боль при виде красоты мира. Вергилий использовал его, описывая, как Эней прощался с Илионом. Он видел его в последний раз. Так и эти цветы — последнее видение, щемящая красота радуги.

— Я понимаю...— Сара немного знала латынь, в пределах своей профессии.— Почему бы нам не присесть? Я немного не в себе,— и, улыбнувшись, добавила: — Слишком много всего было.— Она коснулась плеча Мириам — и удивленно отдернула руку. Кожа была твердой, как камень. Искусственная рука? Нет, вряд ли...

— Выпейте еще кофе,— посоветовала Мириам.— Он на кухне.

Сара предпочла бы, чтобы Мириам сходила сама, но ей очень хотелось кофе, и, устало вздохнув, она вышла из комнаты. Пройдя столовую — вид у нее был какой-то запус-

телый, словно ею никогда не пользовались,— она оказалась на кухне. Не удивительно, что столовая имела такой вид: кухня блистала чистотой — и пустотой. В этом доме никто никогда не ел. Сара проверила пару шкафчиков — они были совершенно пустыми. Печь — старая, но идеально чистая. Единственный «мусор» располагался на буфетном столике — открытая полуфунтовая пачка кофе в зернах, кофемолка и кофейник с остывающим напитком.

Это место едва ли можно было назвать домашним очагом...

Внезапно какая-то тень мелькнула за оконными занавесками. Мелькнула и пропала, чтобы спустя мгновение появиться перед дверью, четко выделяясь на белом ситце, закрывавшем стекло. Послышался шепот, но Сара была слишком перепугана, чтобы ответить. Когда же зашевелилась ручка, голос вернулся к ней и она закричала.

Мириам в мгновение ока оказалась рядом.

— Заперто! — крикнула она.— Заперто и поставлено на охрану!

Тень исчезла.

Саре захотелось как можно скорее выбраться отсюда. Но не могла же она просто так бросить эту женщину!

— Вызовите полицию,— сказала она. Язык у нее заплетался, хотя, несмотря на очевидную опасность, чувствовала она себя до странности спокойно.

— Нет! — Мириам схватила ее за плечи и встряхнула так, что зубы у Сары клацнули.

Помни, она не человек. *Не человек!* Что бы здесь ни происходило, это может быть совсем не тем, чем кажется на первый взгляд. Нельзя забывать об этом. И — о Господи! — нельзя засыпать! Что с ней такое происходит?

— Мне... я сожалею,— сказала Мириам. Она отыскала в ящике стола бумажные носовые платки и высморкалась.— Пойдемте отсюда. Он не будет нас больше беспокоить.

Она провела Сару в библиотеку, где было немного темнее, чем в других комнатах.

— История,— произнесла Мириам, махнув рукой на бесчисленные полки с книгами.— Что думаете вы об истории?

Сара не в состоянии была отвечать на сложные вопросы. Она так устала, что любой звук воспринимался ею с удивительной отчетливостью. Она услышала далекий гудок автомобиля. Глаза скользили по комнате — древние тома, шкафчики с застекленными дверцами, за которыми виднелись сваленные в кучу свитки... Как темно здесь! Эта комната не вызывала приятных ассоциаций. Более того, она казалась просто ужасной — из-за запаха плесени, из-за этих черных старых книг. Сара тряхнула головой. Надо выбираться отсюда.

— Нам бы хотелось, чтобы вы вернулись в клинику.

Мириам смотрела на нее чуть ли не смущенно.

— Почему я должна возвращаться? Чтоб меня показывали как диковинку?

— Чтобы мы смогли облегчить ваши страдания.

Мириам, подойдя к ней, взяла ее за руки. Вблизи эта женщина казалась еще выше. Саре отчаянно хотелось вырваться, отступить, но она и шага не могла сделать — она слишком устала.

Речь Мириам была размеренной, глаза внимательно смотрели на Сару.

— Сара, нам с вами предстоит еще многому научиться, но я сейчас слишком взбудоражена и мне нужно некоторое время, чтобы прийти в себя. Простите меня — вероятно, мое поведение кажется вам странным.

— Я все же не понимаю, почему вы не вызовете полицию. Они обеспечили бы вам защиту...

— На некоторое время. А что будет, когда они уйдут? А ведь они уйдут, рано или поздно.

— Ладно, это не мое дело. Хотя на вашем месте я все же обратилась бы в полицию. Вам угрожает опасность. Кто бы это ни был, он может появиться здесь в любой момент.

Эти слова заставили Мириам бросить взгляд в сторону коридора, ведущего в заднюю часть дома.

— Если он войдет, зазвучит сигнал тревоги. У меня прекрасная сигнализация.

— А если он сделает что-нибудь другое? Подожжет дом, например, пока вы спите,— ведь никогда нельзя сказать заранее, что может вытворить такой человек.

— Он не станет, это несомненно.— Мириам затравленно огляделась, вдруг почувствовав себя запертой в четырех стенах, словно в клетке.— Нет...— Она, по-видимому, была очень напугана.

Сара постаралась воспользоваться своим преимуществом:

— Извините, что я все время возвращаюсь к этой теме, но полагаю, это было бы весьма кстати.

— Я не буду возвращаться сейчас в Риверсайд, Сара. Нам с вами нужно многое обсудить, и мы можем сделать это прямо здесь.

— И оборудование, и специалисты — в Риверсайде, и сейчас еще слишком рано что-либо обсуждать. Этим можно будет заняться позже, когда начнется курс лечения.

— А кто же будет меня лечить? Вы? — Мириам шагнула к Саре, и на сей раз угроза ощущалась не снаружи.— Нам очень многое надо обсудить.

— Пожалуйста, Мириам...— Да что же это такое! Она как будто молит ее о пощаде. Соберись, возьми себя в руки! Она закрыла глаза, затем удивленно открыла их. Она умудрилась на мгновение заснуть — стоя.

Мириам схватила ее за запястье.

— Вы, несомненно, уделите мне немного своего времени.

Этого уже Сара не могла вынести — все ее тщательно оберегаемые эмоции вдруг хлынули потоком, побуждаемые силой этой стальной хватки.

— Отпустите меня,— взмолилась она, слабо пытаясь вывернуться, ощущая в запястье острую боль.

Мириам рассмеялась ломким, звонким смехом. И на мгновение истина мелькнула в ее глазах. Сара увидела в них непреодолимый, душераздирающий ужас, малодушный страх загнанного в угол животного.

Мириам, обхватив Сару своими сильными руками, прижала ее к себе. Надо отбиваться, мелькнуло в голове, кричать в панике, но она так устала... Она едва сознавала, что происходит. Мириам подняла ее с пола.

Последнее, что она почувствовала,— это приятное покачивание, когда Мириам, выйдя из комнаты, быстро понесла ее вверх по лестнице.

8

Где-то вдали слышалось пение. Проникновенная чистота голоса вывела Сару из забытья. Так не хотелось покидать уютное, теплое место, где она скрывалась, но этот голос... Она вскочила, и красный туман был вокруг, а пение — пение доносилось откуда-то издалека, сквозь туман. Сара чуть не плакала — она не видела своей матери с пятнадцати лет.

— Своей матери, которая пела, заплетая ей волосы...

— Пела в машине во время поездки в Йеллоустоун...

— Пела в церковном хоре, и голос ее звучал чисто и проникновенно...

— Матери, которая умерла... И голос ее растворился во времени.

— Сара... Открой глаза, Сара.

Гул стихает, превращаясь в головную боль, красный туман рассеивается...

Сара лежала на высокой старинной кровати с атласным постельным бельем. Между ней и потолком — голубой кружевной балдахин.

Раздалось шипение сифона. Мириам протянула ей стакан воды.

— От этого вы почувствуете себя лучше.

Сара взяла его. Когда холодная вода коснулась ее губ, память вернулась к ней.

— Мне надо идти,— сказала она.

— Да. Уже почти полдень.

Сара взглянула на часы, поморщившись от тупой боли в правой руке.

— Почему я в постели?

Мириам расхохоталась, откинув голову назад. Ее смех был таким бодрящим, таким открытым и невинным, что Саре и самой захотелось рассмеяться. Мириам, приблизившись, взяла ее за плечи, улыбнулась.

— Вы заснули, доктор. Вы же не спали всю ночь. И кстати — ничего хорошего в этом нет.

Порывшись в памяти, Сара пришла к выводу, что так оно и есть.

— Заснула...

— Вы хотели испытать эту кровать. Ну, что еще мне сказать вам? Вы здесь уже полтора часа.

Ветерок шевелил занавесками, принося с собой ароматы сада.

— Как жарко,— заметила Сара. Ей казалось, что кожа ее просто горит.

— Примите душ, перед тем как идти.

Сначала Сара хотела было отказаться, но затем подумала о предстоящем ей долгом дне в Риверсайде, о водовороте дел, ожидавших ее в лаборатории, обо всех других проблемах. Другого такого шанса ей, вероятно, не представится до полуночи. Мириам двинулась к ванной.

— Я включу воду. Вы можете оставить одежду там.

Сара встала и, ощутив легкое головокружение, схватилась за столбик, поддерживавший балдахин. Постояла, затем расстегнула юбку и бросила ее на кровать. Через несколько мгновений она — уже обнаженная — шла к

душу. Мириам казалась очень довольной. Рукава у нее были закатаны, с руки свисала старомодная мочалка. Комната наполнялась каким-то восхитительным, сладостным ароматом. Сара заколебалась, внезапно осознав, что она делает, и поразившись этому. Но аромат был столь притягателен, что, отбросив сомнения, она поспешила в ванную.

— Это ваше мыло? Я просто без ума от него!

— Его делают для меня «Бремер и Кросс». Я посылаю им свои собственные цветы для ароматизации.

Сара шагнула в ванну, слегка отодвинув душевую сетку, чтобы не замочить волосы.

— Температура воды нормальная?

— Пожалуй, чуть горячевата.

Мириам слегка прикрутила кран горячей воды.

— Идеально.

— Откройте окно, вы сможете смотреть в сад, пока я мою вам спину.— Заметив, что Сара колеблется, Мириам рассмеялась.— Не бойтесь, вас никто не увидит.— Сара подняла раму. Легкий ветерок дул из сада, приятно дополняя душ, а увидеть ее можно было бы только при помощи подзорной трубы с лодки на Ист-Ривер. Она оперлась о подоконник и стала смотреть вниз, в садик, пока Мириам массировала ей шею и плечи. Потом она вымыла ей спину, подняв горы мыльной пены. Чуть шероховатая мочалка приятно ее щекотала. Сара совершенно расслабилась. Мириам помыла ей бедра и икры и сполоснула ее водой. Ощутив мягкий рывок за плечо, Сара повернулась. Она спокойно позволяла Мириам мыть себя; она была слегка смущена и — тронута. Было очень, очень приятно ощущать, как мочалка гладит живот, скользит вниз по ногам... И эта чудесная желтовато-зеленая пена!

— Закройте глаза.— Мириам вымыла ей более мягкой мочалкой лицо, потом — нежными, легкими прикосновениями — грудь. Сара не шевелилась, пока не услышала голос Мириам и не поняла, что уже пора вытираться.

Мириам вытерла ее сначала грубым полотенцем, затем очень мягким.

— Если хотите, можете воспользоваться моей пудрой.

— Я и так пахну, как ваши цветы.

— Так же пахнет и моя пудра.

— Мне придется обратиться в «Бремер и Кросс». Где это?

— Они не торгуют в розницу. Но если вы хотели бы что-нибудь заказать, я дам вам адрес.

— Вероятно, это ужасно дорого.— Сара слегка напудрилась и взялась за тени и губную помаду.

— Вы пользуетесь косметикой? Не думаю, что она вам нужна.

— Просто привычка,— улыбнулась Сара.— Я использую совсем немного косметики.

— Раньше женщины красились свинцовыми белилами. Их лица цветом напоминали китайский фарфор. Вы можете себе такое вообразить?

— Вероятно, это было очень давно. Сейчас все знают, что свинец ядовит.

Мириам улыбнулась.

— Как Том, должно быть, любит вас! — Она сказала это с таким чувством, что Сара удивленно обернулась. Встретивший ее поцелуй был легким и небрежным — но в губы. Сара предпочла принять его за выражение дружбы и улыбнулась.

— Вы смажете мне помаду.

Мириам сидела, глядя, как Сара одевается. Саре приятно было, что ею так открыто восхищаются, и она поймала себя на том, что каждому своему движению старается придать некоторое изящество. Мириам заставляла ее чувствовать себя красивой и — как подумала она, стоя перед затуманенным зеркалом, висевшим над столиком с безделушками,— гордой своей красотой. Ее мысли все время возвращались к матери. С тех пор как та умерла, ни одна женщина не относилась к ней так по-дружески.

Мириам проводила ее вниз по лестнице.

— Когда вы вернетесь в Риверсайд, им захочется узнать, чего вы добились. Скажите им, что я все еще не решилась.

— Вы? — Мгновение Сара была в полном замешательстве, затем вспомнила о цели своего визита.— Ах, да. Я им так и скажу.

Они были уже у двери. Мириам взяла руки Сары в свои.

— Я вызвала такси. Оно вот-вот подойдет.

«Как она заботлива»,— подумала Сара.

Мириам, улыбаясь, склонилась к ней.

— Вы пахнете, как...

— Роза? — предположила Сара.

По лицу Мириам пробежала тень.

— Я никогда не использую их для ароматизации,— сказала она довольно холодно, хотя, впрочем, тут же улыбнулась.

На пути в Риверсайд Сара, откинувшись на сиденье, думала о том, как долго лишена она была дружеской женской заботы, теплого участия. Очень долго.

Том поднял глаза, услышав звук открывающейся двери. Сара медленно вошла в его кабинет. Он раздумывал над «Проектом Блейлок» — только бы удалось найти способ вывести его из-под контроля Хатча. Он собирался было поприветствовать Сару, но остановился, увидев, в каком она состоянии. Одежда сидела на ней криво, волосы были растрепаны, и духами от нее разило, как от шлюхи из борделя. Заметив выражение его лица, она виновато посмотрела ему в глаза.

— Я приняла душ,— сказала она. Он уловил в ее голосе некоторую напряженность.

— Ты больна?

Она покачала головой и тяжело опустилась на диван.

— Мне жарко. Здесь вообще как, жарко или нет?

Том не чувствовал особой жары, однако приоткрыл окно — на тот дюйм, дальше которого оно не открывалось.

— Ты видела миссис Блейлок? Или... ты ездила домой?

Он опешил, услышав ее смех,— хриплый и горький.

— Я мылась в ее доме.— Она невесело улыбнулась, лицо ее вдруг исказилось.

Он знал, как не любит она плакать, и невыносимо было видеть, как старается она удержаться от слез. Лучше бы она заплакала!.. Том подошел к ней, сел рядом. Вблизи запах показался ему еще более омерзительным. Так пахло, должно быть, от людей в те далекие времена, когда они еще не имели привычки мыться и пользовались духами, чтобы заглушить запах грязи.

— Мне очень жаль. Я не должна была так себя вести,— проговорила она, опустив голову, затем схватила его за плечи и спрятала лицо у него на груди.

С усилием изогнувшись, он ударом ноги захлопнул дверь. Он не совсем представлял себе, почему она была так возбуждена, но не стал пытаться выяснять это. Это все потом, сейчас же она нуждалась в его поддержке — и он обнимал ее, гладил волосы. Он поцеловал бы ее, если б не отталкивающий запах. Он просто не мог пересилить себя и невольно отворачивался, задерживая дыхание.

Самое странное, что он уже встречал когда-то этот запах. Когда-то давно. Может, так пахли любимые духи одной из подруг бабушки?

Несмотря на запах, ему все же приятно было обнимать Сару.

— Я рад, что ты наконец вернулась,— тихо заметил он. Она еще крепче к нему прижалась. Ему пришло в голову, что зря он заставил ее ехать к Мириам Блейлок. Очевидно, это было выше ее возможностей. Но кто бы тогда поехал?

— Может, дать тебе успокоительного?

— Не хочу!

— Сара, у тебя явный стрессовый синдром.— Он слегка отодвинул ее, держа за плечи. Ей это не понравилось —

лицо ее было красным от слез,— и она обхватила его руками за шею, притягивая к себе.

— Я люблю тебя...— только и смог он сказать, морщась от боли в шее.

— О Том, я так рада!

Он сжал ее в ответ, мечтая, чтобы она повторила его слова, и удивляясь ее молчанию.

— Я все же схожу за валиумом. Положи ноги сюда, дорогая.— На сей раз она безропотно ему подчинилась, и он уложил ее на диван, а сам поспешил по коридору в амбулаторию, чтобы взять таблетки. Ему ни в коем случае не следовало посылать ее на такое опасное дело. Это было жестоко, но он тогда ни о чем не мог думать, кроме угрозы со стороны Хатча. А теперь Сара находится в очень плохом состоянии. Перед его мысленным взором возник образ Мириам Блейлок, этого странного, бесполого существа, прекрасного — и лишенного всякой привлекательности.

Но вопрос, как относилась к ней Сара... Том вспомнил ее необычное поведение в палате Мириам, тот любопытный момент близости. Нет, конечно, ничего сексуального в этом не было... Но какая-то связь между ними определенно ощущалась. Тома передернуло, когда он представил себе, как прикасается к этому... существу.

А одежда Сары — только ли о душе шла речь? А что если они с Мириам были вместе? И та гладила ее своими прекрасными руками... Да, что если она так делала?

Бедная Сара! Превыше всего ценила она свой профессионализм. Если они с Мириам развлекались в постели, то это значило, что Сара нарушила все свои принципы, да еще в самом начале обследования. А ведь какой потрясающий клинический случай!

Ничего удивительного, что она в таком смятении. У нее на то была веская причина.

Вернувшись в свой кабинет, он увидел, что она лежит, совершенно расслабившись, с закрытыми глазами, положив руку на лоб.

— Я принес валиум.

— Нет.

— Почему?

— Я не люблю слабость, ты это знаешь.— Сара резко поднялась.— Том, она очень красива. Это просто чудо. Волшебная красота.— Она улыбнулась.— Ты можешь в это поверить? — Слезы, пролитые несколько минут назад, все еще блестели на ее лице, но она уже весело улыбалась.

— Нет. Но у меня нет выбора. У меня есть данные.— Том едва верил глазам — столь велика была происшедшая в ней перемена. Несколько минут назад — слезы, сейчас — смех, но реальны ли были те противоречивые эмоции, что она выказывала? Не поэтому ли наступали у нее нервные срывы — оттого, что она мечется от одной крайности к другой?

— Ну и недельку выдалась,— с энтузиазмом заметила она.— Сначала Мафусаил, потом это. Меня преследует мысль, что здесь должна быть какая-то связь.

Он и сам об этом думал, но отбросил эту мысль как совершенно бездоказательную.

— Нет, Сара. Тебе не следует так думать.

— Вероятно, в том, что произошло с Мафусаилом, было что-то такое, что... привлекло ее.

— Как мотылька к огню. И каков же был способ привлечения? Запах?

— Способ, о котором мы ничего не знаем. Мы же ничего о ней не знаем, совершенно ничего!

Она выражалась слишком загадочно. Том уже устал, ему все время казалось, что он с нею препирается.

— Значит, телепатия. Но почему? Мафусаил ей что — родственник? — Сарказм. Заслужила ли она его? Возможно.

— Брось, будь посерьезнее. Помоги мне.

— Ты не примешь моей помощи.— Он протянул ей валиум. Она была в состоянии сильного стресса. Недавняя

перемена настроения лишь подтверждала это, а может, ему только хотелось так думать.

— Мне не нравятся полумеры. Я лучше встану лицом к лицу со своими проблемами.

— Весьма благородно. Только не принимай душ где попало. Положительно это на твоей репутации не скажется. Не говоря уже о том, что ты будто надушилась в подвалах Клейнса.

— О Клейнсе и речи нет.

— Именно это я и имею в виду.

Она схватила его за руки и напряженно, с затаенным страхом спросила:

— Мне угрожает опасность?

Том поморщился. Ему даже и думать не хотелось, что могло скрываться за этими словами, но вопрос словно висел в воздухе, требуя ответа.

— Конечно нет,— сказал он и мгновенно обругал себя за эту ложь. Откуда у него могла взяться такая уверенность? Как это ни парадоксально, он был сердит на нее. Она привела его в замешательство, расстроила. Ему хотелось снова увидеть жесткого профессионала, а не это вялое, мечтательное существо, принимающее ванны в домах своих пациентов и неспособное служить жизненно важным интересам Риверсайда. Особенно когда Сэм Раш интересуется их работой.

— Я чувствую себя так, будто я в опасности. Я ощущаю угрозу. Этот инцидент в доме Мириам очень странен, Том. Я тебе еще и половины не рассказала.

— Я весь внимание.

И она рассказала ему обо всем, что произошло,— ровным, невыразительным голосом, словно зритель, а не участник.

— Думаю, твое предположение верно,— заметил Том, когда она закончила.— Мы имеем дело с неведомым. И абсолютно непонятно, с каких позиций надо расценивать поведение Мириам Блейлок.

— Но все, что она делает, имеет отношение ко мне.

— Откуда ты знаешь?!

Зачем ему нужно было ее разубеждать? Чтобы успокоить или... чтобы обманом заставить ее с этим смириться? Да, именно так. Сара нужна ему для того, чтобы поддерживать связь с Мириам, она — их единственное связующее звено. Значит, вот почему он солгал... Он просто грубое, грязное животное! Но изменить что-либо он был уже не в силах.

Она молчала. С минуту он ждал ее ответа, но она просто сидела, понурая и задумчивая. Ему хотелось выжать из нее побольше информации, но он колебался. Устраивая Саре допрос, он наверняка ничего не добьется — он давно в этом убедился.

— Поверь,— сказала она наконец,— *я знаю*. Мириам Блейлок интересуется именно мной.

— Да,— ответил он в надежде вытянуть из нее еще что-нибудь и смолк. Его вдруг бросило в пот. Что-то непонятное творилось в комнате, воздух наэлектризовался — как перед грозой. Мысленным взором он увидел плотные зеленые облака, пробитые молнией. Брови защекотало от пота, и он нетерпеливо их вытер. Сара наклонилась вперед, обняв руками колени.

— Как странно! Ко мне словно прикоснулось какое-то щупальце. Об этом даже и говорить-то смешно. Том, но... но я и правда это почувствовала.

— Мириам Блейлок к тебе враждебно настроена?

Ее глаза широко раскрылись от удивления.

— Нет, совсем нет. Она — часть всего этого, как и Мафусаил. Это не совпадение. Мне кажется, что Мириам — я понимаю, все это очень субъективно — Мириам в каком-то смысле стремилась отыскать меня после смерти Мафусаила. Как будто для нее это было очень важно.

— Мы, кажется, решили не говорить больше о телепатии. На настоящий момент очень немногие люди знают о Мафусаиле. Мириам Блейлок не входит в их число.

— Том, кто она?

Теперь уже он улыбнулся.

— Ты же гений в нашей семье. Ты мне и скажи.

— Вряд ли она с другой планеты. Слишком похожа на человека. Возможно, другой вид, все время живший рядом с нами. Параллельное развитие.

— Это мнение не выдерживает критики. Как могло случиться, что за пять тысяч лет цивилизации их никто не заметил?

— А может, и заметил. Как насчет амазонок? Кто они были?

Он поднял брови, представив себе крупных, властных блондинок.

— Царице амазонок следовало бы держать в узде своих соотечественниц.

— Ты замечательный специалист по не относящимся к делу комментариям! Пойми же, родственный вид вполне мог остаться незамеченным. Может, они просто не хотят, чтобы их заметили. Если бы я скрывалась, а ты бы и не знал о том, что меня следует искать, ты бы никогда меня и не нашел — если бы я этого не захотела.

Он поцеловал ее в голову, опустился рядом с диваном на колени. Запах уже не так чувствовался, а может, просто его тянуло к ней.

— Я люблю тебя,— вновь сказал он. Его охватило какое-то удивительное чувство — будто он посвящал себя ей. С отсутствующим видом она гладила его по голове, склоненной к ее коленям. Он скрючился у ее ног, пылая невообразимой страстью, заставлявшей его ощущать себя совершенно одиноким.

— Том, я боюсь.

— Эта ситуация пугает сама по себе.

— Что-то заставило ее выйти из укрытия. Что-то, касающееся меня,— она остановилась. Он схватил ее за руку, затем, поднявшись, скользнул рядом с ней на диван. Она прильнула к его плечу.

— Я не позволю, чтобы это произошло.

— Что?

— То, что, по твоему мнению, может произойти. Я, конечно, не так хорошо соображаю, как ты, но я тоже это чувствую.

— Давай не будем паниковать!

— Да я не боюсь. Я всего лишь озабочен и хочу тебя защитить. Я весь просто переполнен желанием... м-м-м... тебя защитить.

— Но не здесь же, не в кабинете,— и, выгнув спину, она провела рукой по его бедру.

Он поцеловал ее. Наступила тишина, уличный шум был еле слышен. За окнами, высоко в небе, плыли небольшие белые облака. Том все не мог оторваться от ее губ, ощущая в себе желание, какого никогда раньше не чувствовал. Ему хотелось схватить ее, сжать в объятиях так, чтоб она вскрикнула... Жаль, что диван такой маленький. Ее лицо в обрамлении темных волнистых волос оказалось на сгибе его локтя. Она смотрела на него счастливым взглядом.

— Не здесь,— снова сказала она.— Кто угодно может войти.

— Ты не любишь опасность?

— Я не тот человек.

— А меня так это возбуждает — и в подтверждение своих слов он резким движением расстегнул брюки.

— Том, в самом деле, это же сумасшествие!

— Нам это нужно.

— А что, если войдет Хатч? Ты будешь выглядеть как последний дурак.

Ее сопротивление только еще больше возбуждало его.

— Пусть входит. Ему будет полезно немного посмотреть на человеческую любовь; он залез к ней под юбку и стянул с нее трусы.

— Том, это сумасшествие!

— Ты похожа на испорченную пластинку.

— Ну, это же... ох...

На сей раз он не церемонился с ней. Лицо ее порозовело, шея изогнулась, она в изнеможении водила головой из стороны в сторону.

— Я люблю тебя,— выдохнул он и все шептал ее имя в такт движению их тел. За дверью раздались голоса, но он предпочел их проигнорировать. Когда же в глазах ее мелькнула озабоченность, он стал осыпать ее поцелуями. Затем, приблизив губы к ее уху, он принялся нашептывать ей слова, которые — он знал — ей нравилось слышать. Непристойности только еще больше возбуждали ее.

Бедра ее ритмично вздымались и опускались, лицо покрылось бисеринками пота, на нем застыло удивленное выражение. Оргазм был уже близок, и Том едва сознавал, что голоса в коридоре не исчезли.

— Бога ради, это Чарли и Филлис за дверью! Поспеши!

Раздался стук в дверь. Сара прочистила горло.

— Один момент, пожалуйста,— пропела она,— он говорит по телефону.

— Ты не телефон.

— Спеши! Ты мужчина, ты ведь можешь быть быстрым!

— Не шепчи так громко, тебя услышат.

Никогда еще не занимался он любовью в таких обстоятельствах. Каждое движение, каким бы незначительным оно ни было, несло с собой ощущение украденного счастья. Какое утонченное наслаждение — обладать Сарой здесь, на диване, когда дверь могла открыться в любой момент. «Во мне явно скрывается эксгибиционист»,— думал он.

В дверь снова постучали.

— Господи, с кем это он там беседует? У нас важное дело.

— Я знаю, Филлис,— сказала Сара задыхающимся прерывистым голосом. Диван содрогался от толчков, да и все в кабинете, казалось, ходило ходуном.

— Скорее, дорогой, скорее,— выдыхала Сара в ритм с движениями,— ну, давай же...

И он взорвался в ней — как звезда — миллионами жгучих, разбегающихся по телу искр. Мгновение лежали они тихо, пытаясь успокоиться, и лишь тяжелое дыхание нарушало тишину комнаты. Затем Том встал, застегнул брюки, спрятав свой все еще огромный орган.

— Я лучше укроюсь за столом, любовь моя,— заметил он, в то время как она, разгладив юбку, шла к двери.

— Извините,— сказала она, широко ее распахивая,— входите, пожалуйста.

Чарли и Филлис переглянулись. Том с трудом сохранял спокойствие. Лицо Сары было потным, порозовевшим, и она все никак не могла отдышаться.

— Ну и телефонный звонок,— нервно заметил Чарли.

— Давайте перейдем к делу,— прорычал Том.— Я не могу тратить на вас весь день.

— Нет,— пробормотала Филлис,— конечно нет.

— Давайте, давайте.— Он рад был видеть, как Сара послала ему воздушный поцелуй, в преувеличенном экстазе закатив глаза. Он даже загордился собой.

— Короче,— заговорил Чарли,— мы провели сравнительный анализ крови Мафусаила и Мириам Блейлок.

— Зачем? — резко спросила Сара. Она вскочила с дивана, на который только что опустилась в изнеможении, и подошла к столу. Чарли раскладывал на нем глянцевые цветные фотографии различных клеточных элементов крови.

— Мы заметили, что эритроциты в крови миссис Блейлок были того же цвета, что и у Мафусаила, когда он находился на завершающей стадии.

— И этот цвет?..

— Цвет его клеток под конец стал более интенсивным — уменьшилось потребление кислорода.

От Сары буквально искры летели. Тому пришло в голову, что в следующий раз неплохо было бы оформить ее под

столиком в ресторане. На нее хорошо подействовала атмосфера опасности — ведь в любой момент кто-нибудь мог войти в кабинет.

— К чему вы ведете? В обоих образцах присутствует один и тот же фактор пигментации? — На месте Сары был уже блестящий ученый, которого Том знал и любил.

— Несомненно, это так и выглядит. Но это не все.— Чарли достал еще несколько глянцевых фотографий.— Здесь вы видите эритроциты Мафусаила в разные временные интервалы. Они становятся все темнее и темнее.— На последней из фотографий они были темно-пурпурного цвета и искаженной формы.— Помните, Джефф взял еще один образец крови у миссис Блейлок, после того как она уже проспала пару часов? Так вот, взгляните.— Пурпурный цвет сменился здоровым светло-розовым оттенком.

— Вывод,— добавила Филлис,— состоит в следующем: миссис Блейлок во время сна избавилась от чего-то такого, что убило Мафусаила.

Заметив панику в глазах Сары, Том быстро заговорил:

— Что ж, по крайней мере, вопрос об урезании бюджетных ассигнований отделению геронтологии отпадает. Сомневаюсь, что нам вообще потребуется собирать Совет.— Никто не улыбнулся.— А я-то думал, вы будете в восторге.

— Мы уже ничему не удивляемся,— устало проговорил Чарли.— После того как мы сравнили образцы крови.

— А скажите-ка мне, что все это значит?

— Откуда мы знаем, Том? — Тонкий голос Сары звучал нервно.— Объяснений может быть сколько угодно.

— Но все они не дадут ответа на вопрос, почему она пришла в клинику,— добавила Филлис.

— Ловкая особа,— задумчиво сказал Том.— Мы с Сарой как раз говорили об этом. Она каким-то образом раздобыла книгу Сары, и вроде бы именно это ее сюда и привлекло.

Лицо Сары стало восковым.

— Ваше мнение, доктор Робертс?

— Это нечестный вопрос, Том.

— Твое будущее строится на этих нечестных вопросах.

Откинув голову, она упрямо выставила вперед подбородок. Губы ее были сжаты в прямую линию, глаза вызывающе сверкали. Но Том-то знал, что скрывается за всем этим,— страх.

— Ну что ж, подведем итоги,— произнес Том.— Я собираюсь объявить «Проект Мириам Блейлок» проектом особой важности и стану его руководителем. Мы выбьем ассигнования из генерального фонда, обойдем Хатча.

— Разве это необходимо? Почему Хатч не может сотрудничать с нами? Пусть он и не соглашается со всем, что мы говорим или делаем, но он ученый, он понимает важность этой работы.

— Спасибо, Сара. Можно я тебе напомню, кто только что чуть не уничтожил твою лабораторию геронтологии? Я могу все устроить с помощью одного только телефонного звонка Сэму Рашу. Он поддержит нашу просьбу, даже и не вспомнив о Хатче.

— Хатч основал эту лабораторию!

— Сейчас толку от него не больше, чем от покойника. Мне очень жаль, но такое случается.

— Я расскажу ему...

— Нет уж, сударыня. У вас своя работа, а у меня своя. Давай не будем ссориться из-за различий во мнениях.— Он поднял руку, предупреждая ее возражения.— Тем более что во «внешней политике» ты абсолютно не разбираешься.

Наступило молчание.

— Кажется, наше собрание закончилось,— проговорил Чарли. Он нервно рассмеялся.— На меня вы можете рассчитывать, босс.

— Не буду я говорить с Хатчем,— пробормотала Сара.— Мне некогда.

Чарли и Филлис собрали свои материалы и ушли. Том сидел, напустив на себя безразличный вид. Он ожидал нагоняя со стороны Сары, но она вместо этого подошла к дивану и плюхнулась на него, прикрыв рукой глаза.

Покрутив в пальцах сигару, Том закурил ее. Сейчас был самое время выкурить свою дневную норму. Потянувшись, он открыл окно, чтобы Сара не слишком жаловалась.

Но она совсем не жаловалась. Том с изумлением обнаружил, что она заснула. Так внезапно — бедная малышка. Сняв с крючка на двери свой плащ, он ее укрыл. Пусть поспит, а Рашу можно позвонить попозже, через час. Спешить теперь незачем. Это последнее открытие значительно укрепило его положение. Естественно, «Проекту Блейлок» потребуется специальный руководитель. Он не питал никаких иллюзий насчет того, что ему удастся заставить Хатча уйти на пенсию, но в одном он был уверен: захватить руководство над этим проектом он сможет, как сможет, кстати, и прибрать к рукам отделение геронтологии. Хатч, таким образом, окажется у него чуть ли не в подчинении, ибо в его ведении останутся самые банальные отделения клиники — отделения, не представляющие никакого интереса для всех Рашей этого мира.

Том посасывал свою сигару, время от времени глубоко затягиваясь, ощущая в легких теплоту дыма. Он с сожалением выпустил струю дыма. Все запрещено, все опасно. Как это типично для людей — все приятное, как, например, эта сигара, обязательно должно быть чертовски вредным.

Скорее для того, чтобы отвлечься от чувства вины, испытываемого им в отношении курения, он обратил свои мысли к более насущным проблемам, связанным с Мириам Блейлок. Она, несомненно, оказывала на Сару какое-то странное воздействие.

Было в ней нечто такое, что напоминало ему его бабушку Хейвер, какой она стала после смерти мужа. Все ее друзья к тому времени уже умерли, но она не унывала, оставаясь по-прежнему жизнерадостной, хлопотала по хозяйству, выращивала свои цветы, пекла один пирог за другим. Однако, бывало, взглянешь на нее повнимательней — и вдруг словно поднимается завеса, наброшенная безжалостной рукой времени,— и мурашки бегут по коже...

Однажды поздним вечером она ужасно закричала. Проснувшись, Том сначала подумал о пожаре. К тому времени, когда они поднялись наверх, она была уже мертва, но не от огня, а от чего-то другого. Глаза ее были широко открыты, сведенные в судороге пальцы напоминали когти. Может быть, ей приснился кошмар и она умерла от испуга?

Том помог отцу перенести ее в гостиную. За окнами завывал ветер, и он впервые тогда ощутил чье-то незримое присутствие. Ночной кошмар — или ночной *гость*?

Потом он всегда считал, что бабушка Хейвер умерла с какой-то ужасной тайной на совести, и тот крик был ее последним криком на земле — но первым в аду.

— Кто ты, Мириам? — тихо спросил он, улыбнувшись про себя. «Хорош ученый,— подумал он.— Вот ты и готов поверить, что она слышит тебя, читает твои мысли».

А почему бы и нет?

Что такое *этот мир*? Клиника? Этот кабинет? Аромат его сигары? Что же, в самом деле?

Том пытался ободрить себя тем, что он в своих рассуждениях отталкивается от реальной действительности. На этой планете и правда могли жить два внешне сходных вида. Идеальный хищник был бы неотличим от своей жертвы. Все это прекрасно. И тут он вспомнил, как однажды в колледже кто-то задал вопрос: что, если сущность реальности — это вера? То, во что верят, и есть реальность.

Что, если реальные ведьмы летали на крыльях поверий над ночной Европой четырнадцатого века и совокуплялись с реальными демонами в реальном аду? Что, если боги действительно разгуливали среди древних греков?

Как Мириам Блейлок — среди нас?..

Сара верила в Мириам, и это было источником ее страха. Все зависит от нас. Возможно, Мириам — это именно то, что нам хочется видеть,— что бы мы ни видели... Возможно, именно такой смысл вкладывали древние в слово *monstrum*.

Швабия: 1724 год

Невыносимо холодно. Единственный свет — тусклый огонек оплывающей свечи. Плотный туман вокруг, дороги не видно. Деревья проплывают мимо, словно призрачные башни, ветви их шуршат, задевая стенки рессорной повозки.

Напротив Мириам сидят три ее сестры. Брата она держит на руках. Она нашла их в Париже, измученных, истощенных; они жили, питаясь скверной кровью больных бродяг. Девочки кутаются в свои суконные накидки — больно видеть их серые лица. Брат у нее на коленях совсем продрог — он весь одеревенел, привалился бессильно к ее груди. Она касается холодной щеки, стирая с нее влагу,— все вокруг пропитано туманом...

...И рука ее непроизвольно отдергивается, она сразу приходит в себя. Вся дрожа, она вновь дотрагивается до его — ледяной! — щеки.

Кожа — словно маска, натянутая на череп. Рывок повозки — и рот его раскрывается.

Она кричит, но голос ее теряется в скрипе рессор — возница подстегнул лошадей. Вдоль дороги стоят волки — дюжины и дюжины волков. Лошади несут, повозка кренится.

Без единого слова, с искаженными от горя лицами сестры Мириам открывают дверцу и выбрасывают на дорогу тело своего брата.

Гнев охватывает Мириам. Они же не звери! Мириам распахивает дверцу с другой стороны и выпрыгивает из повозки — прямо в грязь. Возница, ничего не заметив, настегивает лошадей.

Внезапно наступает тишина. В десяти футах от нее жалкой кучкой лежит скрюченное тело. Она видит пар от дыхания волков. Какое безмятежное спокойствие на их мордах! Спокойствие — и смерть. Она ощущает их дыхание — дыхание демонов — во влажном воздухе. Один из волков бросается вперед и начинает трепать суконный плащ брата.

Она отгоняет его, вытаскивает брата из мерзкой засасывающей грязи и, взяв его на руки, идет по дороге. Сердце ее разрывается от безутешной скорби. Впереди появляется повозка, в тумане она кажется огромной. Мириам слышит, как возница поет какую-то жалобную песню — печальный напев дикого карпатского народа.

Без единого слова возвращается она на свое место, прижимая к себе ссохшееся тело брата. Сестры сидят, склонив головы от стыда, не в состоянии смотреть на нее.

Незадолго до полудня они прибывают в деревню. Возница спрыгивает на землю и взмахивает своей грязной шапкой. «Зэрнешти»,— говорит он. Мириам дает ему серебряный флорин, держа его между пальцами так, чтобы он мог взять монету, не коснувшись ее руки.

Зэрнешти — это бедная деревенька в швабской глуши. Они приехали сюда, привлеченные слухами о том, что в этих диких местах их сородичи живут в относительной безопасности. В деревне стоит невыносимый смрад, здесь властвуют болезни и голодная смерть. Видны убогие лачуги — плетенные из веток и обмазанные глиной; бревенчатая церковь; за церковью — длинная приземистая постройка — постоялый двор. И со всех сторон лес — лес,

таящий в себе угрозу; деревья мрачно нависают над разрушенными строениями. Сестры Мириам устремились к трактиру, края их длинных накидок волочатся по грязи. За ними бегут голодные свиньи.

Мириам оставляет брата в повозке и спешит за сестрами. Они так отчаялись, так голодны, что могут все испортить, могут расстроить ее тщательно разработанный план.

Они торгуются с хозяином постоялого двора, их высокие голоса сливаются с криками птиц в лесу. При виде золотого пенса хозяин подобострастно склоняется перед ними. Жадно схватив монету, он отводит грязную ткань, закрывающую вход, и они вчетвером, пригнув головы, входят. От вони у Мириам перехватывает дыхание. Она видит, как раздуваются ноздри ее сестер; они впились взглядом в молодую женщину, помешивающую что-то в горшке. Подрагивают в масле фитили, освещая два стола в комнате; стены скользкие от грязи. Заметив вошедших, женщина бросает ложку и подходит. Кожа ее покрыта нарывами, рот полуоткрыт. Она становится перед ними на колени и протягивает руки, будто моля их о чем-то. Она всего лишь просит их снять накидки.

Одна из сестер наклоняет голову, глаза ее алчно поблескивают. Мириам свирепо хмурится. Что толку от этой грязной больной твари? Сестры стали неразборчивы.

Но сестры не обращают на нее внимания. Они двигаются, как тени, в дымном сумраке помещения. Мириам мысленно умоляет их взять себя в руки, но сердца их не чувствуют *прикосновения*. Они продолжают искать сокрытые в темноте сокровища. Ножи, глаза и зубы сверкают в трепещущем свете.

Как в танце, Мириам движется от одной из них к другой. Все они отворачиваются.

Вопль яростной боли пронзает уши и переходит в сдавленный хрип. Хозяин постоялого двора схвачен. Затем возница, слишком поздно бросившийся к двери. Затем приходит очередь девушки: они набрасываются на нее в углу,

но что-то не получается — следует борьба, девушка визжит, вырывается, сбивая один из фитилей на пол, и швыряет под ноги нападающим угли из очага.

Когда они отпрыгивают, спасая свои юбки, она пробивает плечом плетеную стену и выбирается наружу. Серой тенью мелькает она среди папоротников и скрывается в лесу за постоялым двором.

Теперь им надо спешить — она поднимет тревогу. Вся эта страна охвачена ужасом перед их народом. Целыми группами ходили они по Швабии, Трансильвании, Венгрии, Словакии, нападая на деревни и уничтожая все население. Они *Спят* в могилах — ведь никто не осмелится приблизиться ночью к кладбищу. Когда в деревне никого не остается, они бросают обескровленные останки в реку и идут дальше — к следующей деревне, к следующему городу.

Странные слухи ползут, опережая их. Все население охвачено суеверным ужасом.

Плохие времена. Столетия после падения Рима царила анархия. Теперь же, когда в Западной Европе стал устанавливаться порядок, они вынуждены уходить вглубь материка.

И дня не проходит без того, чтобы они не услышали о какой-нибудь катастрофе. Уходят в забвение древние имена — имена, которым учил Мириам ее отец: Ранфтий, Харенберг, Туллий. Вся Европа восстала против них. Безумцы ползают вокруг с крестами и чесноком, разглагольствуя на скверной латыни.

Но — безумные — они сильны. Суеверия побеждают. К западу от Одры нет ни одного города, где не сожгли бы хоть одного из них.

Звон церковного колокола.

Ужасный вопль у двери. Это сестры Мириам, теперь отчаянно стремящиеся убежать, откинули грязную ткань, занавешивавшую вход. Снаружи — толпа из тридцати—

сорока человек, стоящих вокруг перевернутой повозки. Ее брата передают по рукам, срывая с него одежду.

Внезапный поток света — остальные жители деревни вломились сзади, проломив стену. Медлить нельзя. Мириам бросается к куче сена в углу и закапывается в нее. Рев возбужденных голосов заполняет комнату.

С тяжелым сердцем, содрогаясь от ужаса, Мириам лежит неподвижно, свернувшись в клубок. Отчаянные крики ее сестер тонут в ликующем реве толпы.

Защищай их, говорил отец.

Как может она противиться его воле? А мать — мать, которая умерла при рождении этих тройняшек? Ужель бессмысленной была ее смерть?

Мириам сильнее их троих, вместе взятых,— она хорошо жила все это время и неплохо питалась. Но хватит ли у нее сил, чтобы освободить их?

Голоса становятся все радостнее: жители грабят повозку и захваченных сестер. Они находят всего несколько жалких золотых пенсов, но для них это королевское сокровище.

Внезапно несколько человек бросаются к куче сена — что ж, она готова к встрече! — но, схватив часть прикрывающей Мириам соломы, они убегают. Солома нужна для того, чтобы разжечь костер. Мириам они не заметили.

У одной из стен стоит огромный железный вертел для кончения свиных туш. Раздается треск — солома вспыхивает вокруг бревен.

Поняв, что должно произойти, сестры Мириам начинают выкрикивать ее имя: «МИРИАМ! МИРИАМ!». Она рада, что они не знают, где она прячется. Она вновь и вновь повторяет себе, что не может их спасти, что не может она одна противостоять пятидесяти жителям деревни. Она лежит в грязной соломе, и крысы время от времени пробегают по ее телу, и она слышит, как сестры призывают ее на помощь.

Никогда еще в ней так не нуждались. И снова вспоминает она отца. Он был героем.

Она начинает раскидывать солому, хочет сесть, но застывает, прикованная к месту ужасным зрелищем. Ее младшая сестра раздета. Ее привязывают к вертелу. Ее кладут на огонь!

Раздается потрескивание, словно горит пергамент. Она кричит не переставая, голова ее дергается из стороны в сторону, волосы дымятся и кажутся красными от огня.

Они уменьшают жар и начинают медленно вращать вертел.

Кажется, уже целую вечность звучат ее крики!.. Но вот голос у нее пропадает, и слышится один только хрип.

Две другие сестры Мириам сгорбились в углу, крепко связанные вместе, как два гуся в базарный день.

Ночь наступает раньше, чем они успевают поджарить всех троих.

Мириам искусала себе губы до крови, стремясь удержаться от крика. Все тело ее горит от тысяч укусов насекомых. До поздней ночи комнату наполняют запах жареного мяса и веселые вопли толпы. Конечно, они веселятся: они захватили золото и насытились мясом ее сестер — столько мяса они не ели уже много лет. С наступлением зари они принимаются за свое отвратительное черное пиво и совокупляются. Потом засыпают.

Мириам выскакивает из укрытия и бежит. Она поднимает тело брата из грязи, куда его бросили, и несется с ним в лес, спеша изо всех сил, стремясь скорее уйти от этого ужасного места. В ее сердце — боль по потерянным сестрам: она не осмелилась даже приблизиться к их костям!..

Внезапно она оказывается на залитой утренним светом прогалине. Цветы колышутся у нее под ногами, величественный Карпатский массив возвышается в ясном небе, и пред этим величием скорбный вопль вырывается из ее груди. Но ни звука в ответ. Все тихо.

Одиночество гложет ее. Может, зря она сбежала? Пусть бы схватил ее этот сброд, пусть бы предали ее огню! Но жизнь так прекрасна... Быть героями — удел мертвецов, а она должна жить.

С братом на руках она пускается в путь, к перевалу, в надежде отыскать за ним лучшие земли.

9

Джон не стал возвращаться в дом при Мириам, он решил дождаться ее ухода. Так безопасней, а уж обмануть-то электростатический барьер он всегда сможет. Он попал в дом через заброшенный тоннель, которым до этого воспользовался для побега. Он не просто так стремился в дом — у него было здесь дело. Он шел по комнатам в абсолютной тишине. Заметил в библиотеке разбросанные газеты — во всех содержались сенсационные материалы о его преступлениях. Он усмехнулся, вспомнив о ее осторожности. Это большой город. Полиции придется повозиться.

Он задержался на мгновение, закрыл глаза. Начиналась очередная галлюцинация. На этот раз пышущая здоровьем девушка лет четырнадцати вплыла в поле его зрения. Джон изо всех сил пытался не обращать на нее внимания; он был крайне недоволен этими недавно возникшими побочными эффектами его отчаянного голода. Она сделала шаг вперед; запах ее заполнил его ноздри, заставив их трепетать от возбуждения. Это просто сводило с ума! Он сердито помахал руками перед собой. Пусто. Голод опять заворочался внутри. Скоро снова придется идти на охоту.

Он стал подниматься по лестнице, задержался у двери в их спальню. Хоть он и шел на чердак, причин для спешки не было. Уж он-то сумеет отомстить ей, он ранит ее в самое сердце — времени еще достаточно, так приятно стоять и наслаждаться мыслями о том, что скоро здесь произойдет.

После разговора с Сэмом Рашем Том так воодушевился, что решил отпраздновать это дело. Сара хотела остаться со своей группой в лаборатории, но он сумел убедить ее, что на данном этапе проект может обойтись и без нее. Да и в любом случае — как работать, если ей не удалось привезти Мириам Блейлок обратно в Риверсайд? Без объекта наблюдения им не за чем было наблюдать.

— Ты уничтожил человека и празднуешь это,— заметила Сара, когда они сидели за столиком в «Лас-Пальмас», мексиканской закусочной на Восемьдесят шестой улице.

— Ничего такого я не праздную, Хатч по-прежнему занимает свою должность.

— Величайшее открытие в истории — а ты вырвал его у Хатча прямо из рук. Да-да, ты.

Он подмигнул ей.

— Ладно. Я — людоед.

— Сукин ты сын.— Она улыбнулась.— Одни амбиции. Ужасно хочется тебя наказать, Том. Бог свидетель, как тебе это необходимо. Но все дело в том, что мне сейчас чертовски хорошо — будто гора с плеч упала — и я просто не в состоянии рассуждать непредвзято. Знать, что мы выбрались из-под пяты Хатча, это... ну, в общем, дело стоит того, чтобы отпраздновать.

— Я людоедствую, только когда речь идет о защите твоей темы.

— Перестань ухмыляться. Ты становишься похож на заядлого шулера.

— Кажется, меня оскорбляют?

— А ты и рад.— Она подняла свой стакан с пивом.— За тебя, сукин сын.

— И за тебя, сучья лапа.

— Не смей называть меня всякими нехорошими словами! Я этого не заслуживаю.

Он понимал, что еще немного — и может разгореться настоящий спор, поэтому ничего больше не сказал. Подошел официант, и они сделали заказы. Том удивился, услы-

шав, что Сара заказывает самый большой в меню обед: обычно ей хватало закусок. Иногда ему казалось, что ей ничего не нужно, кроме горстки птичьего корма на день.

— По крайней мере, ты хоть действительно проголодалась. Это хороший знак.

— Прогрессирующий невроз. Через несколько лет я буду жирной, как голубь.

— И тебе это безразлично?

Ее глаза блеснули.

— Сегодня мне хотелось бы поесть. И ничего особенного в этом нет.— Она сделала паузу.— Просто какой-то волчий голод. Секунду назад я чуть не схватила салат прямо с подноса,— и она кивнула на официанта, лавировавшего между столиками.

Заказы принесли быстро. В течение пяти минут Сара молчала, целиком поглощенная едой.

— Хочешь еще? — спросил Том.

— Да!

Он сделал знак официанту и повторил заказ. Ее аппетит был просто великолепен, но если она будет продолжать в том же духе, то скоро превратится в сардельку.

— У тебя есть карандаш и бумага? — спросила она.— У меня появились кое-какие глубокие мысли.

— Я их запомню. Говори.

— Первое. Мы, несомненно, правы, предполагая, что Мириам эволюционировала от предка-примата. Она слишком близка к нам, чтобы это было не так. Второе. Вывод. Мы должны провести тщательное рентгеновское обследование скелета, чтобы определить, о какой ветви приматов идет речь. Третье. Она и ей подобные живут... как бы это выразиться... в симбиозе с нами — иначе зачем им нужно было бы скрываться? Они берут от нас что-то такое, что мы бы им иначе не отдали.

— Из чего это следует?

— А какой еще у них может быть мотив, чтобы скрываться? Этот вопрос нельзя упускать из виду. Они делают

это специально. И, должно быть, это довольно трудно. Ведь совсем непросто так долго оставаться необнаруженными.— Она сделала паузу и, как цапля, проглотила пару кусков.— Интересно, что они от нас берут. Интересно, узнаем ли мы это когда-нибудь.

Том позавидовал ясности ее мышления. Все это дело она свела к двум важным вопросам.

Внезапно она перестала есть. Уронив вилку на блюдо, она взглянула на него; лицо ее было мертвенно-бледным.

— Давай выбираться отсюда.

Том послушно оплатил счет, и они вышли в толпу, заполнявшую Восемьдесят шестую улицу. Дым вился над лотками с жареными каштанами, из радиоприемников под мышками гуляк неслась музыка диско. Они прошли мимо китайского ресторана, мимо немецкого ресторана, мимо греческого ресторана. Толпа поредела только тогда, когда они свернули за угол, на Вторую авеню.

— Боюсь, мне придется расстаться с обедом.

— Ну и Бог с ним,— он не удивился: она съела столько острой пищи.— Ты сможешь это сделать...

Она подскочила к сточной канавке у тротуара. К счастью, их дом находился рядом, и Херб, швейцар второй смены, видел, как это произошло. Он рысцой подбежал к ним с салфеткой в руке.

— Доктор Робертс! — Его низкий голос был полон удивления.— Господи, вы, должно быть, подхватили желудочный грипп, мадам.

Том держал ее голову. Она вытерла полотенцем вспотевшее лицо. Машины проносились в трех футах от них. Прохожие сновали по тротуару. С ревом промчалась пожарная машина. Сара сильно закашлялась.

— О, я чувствую себя просто ужасно,— простонала она.— Том, я так замерзла!

— Пошли, уложим тебя в постель!

— Вы сможете это сделать, доктор? Хотите, я ее понесу?

Сара с трудом сделала шаг.

— Нет, спасибо, Херб.

Она прошла в холл, буквально вися на руке Тома. В уме он перебирал различные виды пищевого отравления. Для ботулизма это слишком внезапно. Они не заказывали грибов, значит, ими отравиться она не могла. Вероятно, старая знакомая — сальмонелла, а может, просто переедание. Ей надо полежать в тепле, и в три секунды она будет на ногах.

— Гонсало,— сказал Херб по местному телефону,— иди присмотри за дверью. Я поеду наверх с врачами.

Они тихо ехали в лифте, слышалось только дыхание Сары.

— Том, сейчас начнется снова! — голос ее дрожал.

Они проезжали девятнадцатый этаж.

— Еще секунду, золотце...

Херб выглядел несчастным — опять убирать лифт. Но до этого не дошло, она смогла добраться до прихожей. Том наполовину сердился на нее, наполовину жалел. Ей не следовало есть как бегемот, в конце концов. Она от этого пострадала, и он страдал вместе с ней.

— Пошли, малышка,— сказал Том.— Пора в кровать.— В ответ он услышал только стон.

Сара совершенно без сил упала на кровать; Том поставил рядом с ней на пол ведро и снабдил строгими инструкциями по его использованию. Затем без лишних слов он убрал прихожую, не испытывая при этом никакой брезгливости. Херб исчез, пока он укладывал ее в постель. Винить его было не в чем.

Вернувшись, он с изумлением увидел, что Сара сидит на кровати.

— Мне лучше,— заявила она, сверкнув глазами,— словно бросая ему вызов, если он будет противоречить.

В это мгновение зазвенел дверной звонок.

— Черт побери, им никак не оставить тебя в покое!.. Кто это?

— Снова Херб. Вам пакет, доктор.

Том открыл дверь.

— Посыльный принес это, когда Гонсало заменял меня, доктор Хейвер.— Это была небольшая коробочка, обернутая красивой синей бумагой и обвязанная ленточкой. Она была адресована Саре. Пожав плечами, Том понес ее в спальню.

— Кто мог послать мне подарок?

— Открой, может быть, внутри есть карточка.

Она встряхнула коробку и прислушалась.

— Боишься бомбы, дорогая?

С легкой улыбкой на лице она разорвала обертку. Сразу же комната наполнилась сильным запахом духов. Там было шесть кусков желто-зеленого мыла.

— Господи помилуй, выброси это — и чем скорее, тем лучше!

— Это прислала Мириам.

— Тебе не кажется, что запах у него... какой-то чрезмерный?..

— Брось, дорогой, запах восхитительный! — Она поднесла кусок мыла к носу и втянула воздух.— Чудесно. Я говорила ей, как оно мне понравилось, когда была у нее. Она просто проявляет внимание.

— Ладно, хватит об этом. Только, Бога ради, заверни его во что-нибудь. Мне надо к нему привыкнуть.— Затем его вдруг осенило.— Бог ты мой, я же знаю, что это за мыло! — Он схватил кусок. Да, именно так, на нем было напечатано: «Бремер и Кросс, торговый дом». Том расхохотался, бросив мыло на кровать.

— Ну и какого черта ты смеешься? Это мыло специально для нее делают.

— О да! Несомненно! Ты знаешь, что это такое? Мыло гробовщиков. Его используют, чтобы обмывать трупы. Вот откуда я помню этот чертов запах и почему меня от него начинает тошнить. Им мыли бабушку Хейвер, когда я был маленький. Чтобы не воняло в гостиной.

Прикоснувшись к куску мыла, Сара отдернула руку. Том приблизился к ней.

— Ее мыслительные процессы отличаются от наших.

— Но она говорила...

— Кто знает, что она говорила? Ты не можешь утверждать, что понимаешь ее. Может, это какая-то шутка.

После длительного молчания Сара согласилась, что, вероятно, так оно и есть. Она не стала возражать, когда Том выбросил мыло. Тошнота вроде бы прошла, да и лихорадить Сару перестало, так что они не стали выяснять причины ее недомогания.

— Тебе, вероятно, даже не нужно менять электролит,— прокомментировал Том,— или что там у тебя внутри?..

— Отлично. Тем более я даже пить не хочу.

— Подожди, скоро захочешь. О, смотри-ка,— он просматривал телепрограмму,— на тринадцатом в девять «Великие представления». Сейчас ровно девять.

Когда они смотрели телевизор, Том заметил, что Сара потирает правую руку.

— С тобой все в порядке?

— Да...

— Может быть, ты растянула мышцу на улице.

— Она болит у меня весь день.— Сара включила лампу у кровати.— Том, посмотри! — На предплечье у нее была крошечная красная точка.

— Ты сдавала кровь?

— Когда я могла ее сдавать? Может быть, меня кто-то укусил. Могу поспорить, что именно из-за этого я и приболела.

Том внимательно осмотрел ранку. Синяк вдоль вены, краснота самой ранки — все говорило о том, что Саре сделали переливание крови.

— Паук меня, что ли, укусил?! — в сердцах сказала она.

Том подметил раздражение в ее голосе. Она была испугана. Он коснулся ее плеча.

— Если так, то беспокоиться не о чем. Укус незначительный.

— Да. Незначительный...

— Именно так, дорогая. Нет ни сужения зрачков, ни судорог. В случае серьезного укуса паука все эти симптомы обычно налицо.

Она вздохнула.

— Это отвратительно, но я снова невообразимо голодна.

Том не знал, что и сказать. Он перебрал в уме симптомы. Подумал, не сходить ли ей в амбулаторию, но сразу же отбросил эту идею. Симптомы были слишком незначительными. Тысячи людей проходят через пищевое отравление и укусы насекомых — в легкой форме — и в больницы не обращаются. Тем не менее Том беспокоился. Он посмотрел на ее лицо. Цвет довольно бледный, а его непривычная округлость говорила о легкой отечности. Кожа была холодной и сухой на ощупь.

— Голодна или не голодна,— сказал он наконец,— я думаю, что прежде всего тебе следует поспать. А утром мы плотно позавтракаем.

Она не стала спорить, но в глазах ее появилась тоска. Раздевшись, они устроились в постели. Полистав в течение пяти минут «Тайм», Том выключил свет. Он лежал, слушая, как она ворочается — а ворочалась она довольно долго,— и расслабился только тогда, когда ее дыхание стало глубоким и размеренным. Прикоснувшись к ней, он убедился, что лихорадки у нее нет. Наконец сон охватил и его.

Раскатисто загремел гром, и голубая молния осветила потолок. Сара уставилась в темноту, последовавшую за вспышкой. Ей померещилось или на самом деле чей-то силуэт мелькнул в коридоре? Послышался шум дождя. Ветер завывал, огибая здание. Она лежала совершенно тихо, едва дыша, и ждала следующей молнии.

Когда молния блеснула, Сара убедилась — в коридоре пусто. Сердце стало стучать спокойнее. Хорошо, что она не стала будить Тома. Она закрыла рукой глаза. По коже у нее бегали мурашки, все тело ныло, ей было холодно. Она вдруг увидела как наяву: гамбургер «Биг-Мак», бутерброды с жареным мясом и огромный бокал холодной кока-колы. Она всегда с отвращением относилась к таким вещам. Однако видение не исчезало. Глаза ее обратились к часам на шкафчике. С кровати трудно было определить время, но ей показалось, что на часах примерно полтретьего.

Неподходящее время для прогулок по Нью-Йорку. Она мысленно представила себе закусочную «Макдональдс» на Восемьдесят шестой улице: несколько посетителей склонились над кофе — наверное, пара полицейских, устроивших себе перерыв. Она даже ощутила запах этого заведения, райский запах.

Медленно и очень осторожно Сара выскользнула из постели. Одно неловкое движение, Том проснется — и она может распроститься с мыслью о еде. «Макдональдс» недалеко; с ней, вероятно, все будет в порядке. Она натянула джинсы и свитер, завязала шнурки туфель. Выходя из квартиры, она заметила, что Том — как обычно — забыл запереть дверь. Она задержалась, закрывая своими ключами оба замка, и пошла к лифту. Для якобы безжалостного карьериста Том был на удивление рассеян.

Двери лифта открылись в пустой холл. Раздавался громоподобный храп — Херб спал на посту. Двери на улицу были заперты, так что Саре придется стучаться, когда она вернется.

Воздух после грозы был свежим, пахло влагой и зеленью. Лишь шелест ветра слышался в ночи. Сара пошла вперед с ощущением, что, решившись выйти на улицу в такой час, она обрела какую-то тайную силу. Пройдя два дома, она свернула на Восемьдесят шестую. Как она и ожидала, «Макдональдс» был открыт, но вопреки ожида-

ниям — переполнен. Ей пришлось минут пять простоять в очереди, нетерпеливо переступая с ноги на ногу от голода.

Сара заказала два «Биг-Мака», бутерброды с жареным мясом, сладкий пирожок и кока-колу. Схватив еду, она нашла место напротив неуклюжего молодого человека, который не пожелал даже взглянуть на нее. Оскорбленно щелкнув пару раз языком, он встал и скользнул к другому столику. Сара внимательно посмотрела по сторонам — и чуть не рассмеялась: кроме нее, здесь все были «голубыми» — трансвеститы, уткнувшиеся носом в молочные коктейли, мальчики в коже, пожирающие бутерброды с говядиной, мужчины в откровенных платьях до полу, медленно танцующие между столиками.

Сару оставили в покое, чему она была рада. «Биг-Маки» показались ей необычайно хорошими — ароматными и идеально приготовленными. Они даже лучше, чем обычно, гораздо лучше. А кока-кола и бутерброды просто превосходны. Ничего себе заведение — пища для гурманов после захода луны.

Единственное, что помешало ей взять еще пару «Биг-Маков»,— это воспоминание о том, что произошло раньше. Она не чувствовала сытости, но здравый смысл советовал ей не переедать. По крайней мере, Том пообещал обильный завтрак. Она представила себе яйца и горячие, с приправами, сосиски, и гору намазанных маслом тостов, и, может быть, оладьи. У нее просто слюнки потекли. На больших часах над прилавком было три часа. Оставалось по меньшей мере четыре часа до того, как она сможет попробовать этот завтрак. Она заставила себя встать и уйти из ресторанчика. Она проведет эти часы, прогуливаясь; ей не хотелось возвращаться в спальню.

Ее недавнее недомогание, казалось, прошло. Снова накрапывал дождь, однако Сара была этому только рада. Так приятно ощущать его всеобъемлющую прохладу. Голод все не проходил, но он лишь добавлял пикантности воз-

никшему у нее чудесному ощущению. Она медленно двинулась в восточном направлении мимо пустых магазинов и темных зданий; более быстрым шагом прошла тихий участок между авеню Йорк и Ист-Энд. Дома здесь были более старые, а огней гораздо меньше. Поперек Ист-Энд-авеню отбрасывал мрачную тень парк Карла Шурца. Своими старыми фонарями, освещавшими дорожки, и туманом, висевшим под высокими деревьями, этот парк воскресил в ее памяти детство — она жила тогда в Саванне. Она вспомнила Бобби Дьюарта, сладкий запах его кожи, прекрасные, долгие часы, которые они проводили вместе, робко касаясь друг друга, среди надгробий старого городского кладбища Саванны. А потом они ходили вдоль доков, дышали соленым ветерком, дувшим вечером от реки, смотрели, как последние туристы выходят из ресторанчика «Дом пирата», и клялись в вечной любви.

В четырнадцать лет она и не думала о том, сколь изменчиво время. Ее отца вскоре перевели в другое место, недалеко от Де-Мойна. А Бобби Дьюарт? Она не имела ни малейшего представления о его судьбе.

И в те мгновения, когда она пересекала Ист-Энд-авеню, ощущая всей кожей чувственность ночного парка, она вспомнила свою юношескую любовь во всей ее робкой и страстной полноте. Любовь, с самого начала обреченная на смерть,— тем не менее не была ли она в каком-то смысле вечной?

Сердце болезненно защемило — она затосковала о всех своих потерянных укромных уголках — местах тайных встреч, о ночных скамейках и заросших тропинках. Она медленно шла по тротуару, с той же сладкой, щемящей болью вспоминая все свои великие любови — и Бобби, и других, и... да, Тома тоже. Он тоже был великой любовью, она этого не отрицала. Она прошла через парк; за ним простиралась эспланада, ограниченная с одной стороны зданиями, а с другой — Ист-Ривер. Течение, всегда такое быстрое, шумело в темноте внизу. Далеко от берега

по прыгающим огонькам можно было различить небольшой катер. На эспланаде блестели еще мокрые от дождя скамейки. Сразу за скамейками высились жилые дома. Террасы нижних этажей выступали, вероятно, футах в десяти над дорожкой. В темноте здания приобретали какое-то особое качество, которого у них не было днем. Сара не могла точно определить, что это такое. Конечно, не угроза, нет. Скорее ощущение тайны.

Их пустые окна были... м-м... интересными. В том состоянии, в каком она сейчас находилась, мысль забраться на одну из этих террас не показалась ей такой уж дикой.

И что бы она тогда стала делать?

Она ощутила во рту вкус персика и как его сладостный сок наполняет ее восторгом...

В этих домах спали люди — тысячи людей, каждый погружен в свои собственные сновидения, каждый уязвим и тих.

Сара медленно шла, полная неясной, едва уловимой тоски. Она ощущала стремление ко всему красивому, думала, что не существует на свете ничего уродливого.

Ей захотелось забраться в одну из квартир, потрогать вещи, людей, погруженных в сон, услышать тихое дыхание спящих.

Она вдруг обнаружила, что стоит на одной из скамеек. Если она вытянет руки над головой, то нижний балкон окажется в трех футах от нее. Сара припала к скамейке. Подпрыгнув, она, быть может, смогла бы схватиться за край балкона.

Что? Это же абсурд. Ее поведение не укладывается ни в какие рамки. Психопатия. И все же — мышцы ее напрягались, руки вытягивались, чтобы хватать, глаза измеряли расстояние. В ее личности не было и следа психопатического поведения. Она даже чересчур цивилизованна, если уж на то пошло.

Мгновение — и она уже висела, цепляясь пальцами за край балкона, болтая в воздухе ногами. Это было невозможно — и тем не менее она это сделала.

Ее руки и пальцы не болели, а должны были бы. Более того, они казались стальными. Подтянувшись, она оглядела террасу. Там были рама с вертелом для барбекю, пара шезлонгов и трехколесный велосипед. Правой рукой она схватилась за железный стержень решетки, ограждавшей террасу.

Она начинала ощущать странную, все увеличивавшуюся злость, стремление забраться туда и...

Она спрыгнула на землю, грохот удара разнесся по эспланаде. Тот образ, который заставил ее разжать руки, теперь заставил втянуть голову в плечи и обхватить себя руками, чтобы оградиться от этого кошмарного видения.

Как могло только прийти ей это в голову?! Она любила людей, это было основой ее жизни. Как могла она, даже на мгновение, пожелать убить невинное человеческое существо, разодрать его, как... ну, так, как она себе это представила.

Как будто бы кто-то другой жил в ее теле, какое-то дикое существо, подчинявшееся нуждам, о которых она не имела ни малейшего понятия.

«Всегда ли это было во мне, далеко за пределами той *меня*, которую я знаю?»

Да. В скрытом виде, но было.

Теперь оно ожило. Она чувствовала, что в ней шевелится и пробуждается что-то исполинское. Оно было старо, как мир,— но также и ново. Оно привело ее сюда среди ночи, превратило такую простую вещь, как голод, в ненасытное вожделение, вызвало в ней такой ненормальный интерес к людям в квартирах.

Она быстро пошла по эспланаде, стараясь найти более открытое место, где бы она испытывала меньше соблазна так себя вести.

Когда она шла, у нее возникло жуткое ощущение, что кто-то — или что-то — движется вместе с ней, идет вместе с ней... дышит вместе с ней.

Что-то не совсем от мира сего.

Оно было высоким, бледным и быстрым, как ястреб.

Она побежала почти неслышно, туфли на резиновой подошве тихо шлепали по тротуару. Резина поглощала звук — но не страх. Сара вдруг пригнулась, обхватив голову руками.

Казалось, огромные крылья взнеслись к небу.

Галлюцинация.

Внезапно ей вспомнился след от укола. Конечно, вот что это было. Не укус насекомого и не какая-нибудь другая невинная рана. Мириам что-то впрыснула ей с помощью шприца.

Бледное существо движется, резиновые трубки, сосуды с кровью, красная кровь...

Темно-красная кровь, как у рептилии.

Сара, обезумев от страха, бежала по парку — мимо недвижных качелей, мимо площадок для игры в мяч, мимо каталки, песочницы, мимо высоких деревьев, с которых капала вода.

«В меня что-то влили. Она дала мне кровь. Свою кровь?» Воспоминание: Мириам берет кровь из собственной вены с помощью примитивного катетера.

Сара словно вросла в землю. Голос, голос Мириам, она снова и снова повторяет: «Ты не можешь двинуться, ты все забудешь, не можешь, забудешь...»

Но голос шел не от Мириам. Он шел от того странного, нечеловеческого существа, статуи с катетером в руке, катетером, ведущим к сосуду с кровью.

Когда он раздулся от черной крови, его подсоединили к руке Сары. Она смотрела, как кровь входит в нее — восхитительное ощущение, лишавшее ее возможности прекратить это, вытащить иглу.

На помощь!

Она выскочила из парка, она бежала по улицам, она проносилась мимо знакомых перекрестков, мимо магазинов, которые она хорошо знала,— но также бежала она и сквозь странный, незнакомый мир, по планете смерти, являвшейся одновременно и этой планетой.

Она остановилась, запыхавшись. Сердце прыгало у нее в груди. «Предполагается, что я не должна этого знать,— думала она.— Это невероятно. Но это правда, это должно быть правдой». Она потрогала руку, нашла затвердение в том месте, куда была воткнута игла. При нажатии оно болело.

Это было реальностью.

Прямо сейчас, в это мгновение, кровь Мириам текла в ее венах и смешивалась с ее собственной кровью.

Черная кровь? Отвратительное существо с голосом Мириам? Кошмар? Какая-то шутка?

У нее была сотня отчаянных вопросов — и ни одного ответа.

Например, мозг ее мог прорвать гипнотическую блокировку. Правда, могло быть и так, что блокировка должна была исчезнуть сама по себе спустя какое-то время.

Она попыталась успокоиться: «Дыши глубже, вспомни о своих преимуществах». Она была способна думать, она могла применить разум и научные познания при рассмотрении данной ситуации. С помощью своего знания она могла спастись.

Первой ее мыслью было как можно скорее идти домой, взять Тома и поехать в Риверсайд для анализов. Но вместо этого она села у обочины. Чтобы все прошло хорошо, ей нужно собраться, настроить себя должным образом. Одно неосторожное слово — и ее сочтут сумасшедшей.

Пустая улица выглядела вполне мирно. Жители ближайшего дома посадили тюльпаны, и они мягко поблескивали в свете фонарей. Деревья выпустили новые листья. Этот уголок Нью-Йорка и сам по себе мог бы быть маленьким городком — так тихо он спал, так сладко пах.

Сара подняла глаза вверх. Быстро двигались облака, отсвечивая желто-красным светом городских огней. То там, то здесь сквозь них проблескивала звезда. На западе в облаках плыла луна.

Воздух вокруг Сары внезапно пришел в движение — словно от взмахов гигантских крыльев.

Снова галлюцинаторные явления.

Казалось, огромная птица беспокойно летала прямо у нее над головой. И внезапно перед Сарой возник удивительно живой образ Мириам, выражение лица ее было совершенно безмятежным...

Она вскочила, подавив крик. Это лицо было *реальным*. Но Мириам нет поблизости. Сара здесь одна! Просто очередной болезненный симптом, именно так это и надо рассматривать.

Вопль умирающего Мафусаила пронзил воздух.

Сара прижала ладони к ушам, ощутив в правой руке резкую боль в месте укола. Еще один симптом. Все переживания этого вечера — не что иное, как симптомы, начиная со рвоты и кончая галлюцинациями и неутолимым голодом. И со всем этим можно будет справиться, надо лишь набрать побольше данных.

Она двинулась вперед, на сей раз решительно и целеустремленно. Она не станет жертвой рецидивирующего психоза. Она подойдет к этому как профессионал и преодолеет его с помощью одного из лучших исследовательских институтов мира.

Мотивы Мириам, какими бы они ни были, могут и подождать своего часа.

Ее придется взять под опеку. Она опасна, за ней необходимо тщательное наблюдение. Что ж, прекрасно, у них специально для таких случаев существовали определенные процедуры, принудительное лечение.

Дойдя до Эксельсиор-Тауэрс, она более или менее взяла себя в руки. Она стала искать свои ключи, чтобы не будить бедного Херба в такой час. Он растянулся — храпящая куча тряпок — на одном из диванчиков в холле. Бедняга работал, вероятно, на двух или трех работах.

Несмотря на то что она спешила, Херб ее чем-то странно заинтересовал. Он выглядел таким беспомощным...

Сара подошла поближе и поморщилась: слишком сильный запах, как у тухлого мяса. Она прошла к лифту и поехала на свой этаж.

В квартире было тихо. Из спальни доносилось чуть слышное размеренное дыхание. Том, очевидно, не скучал по ней. Сара прошла в ванную и включила свет.

Это определенно была отметка от укола, слегка инфицированная. Первым делом надо будет проверить кровь на совместимость. Если кровь Мириам не будет нормально взаимодействовать с ее собственной, то Сару ждет необратимый шок.

Им нужно действовать быстро. Тот факт, что ничего не произошло за прошедшие восемь—десять часов, конечно, давал повод для надежды, но сам по себе ничего не доказывал. Она в любой момент могла потерять сознание.

— Том!

Он зашевелился в постели, застонал. Она схватила его за плечо, встряхнула.

Это было похоже на электрический удар. Огоньки замелькали у нее перед глазами, тело мучительно содрогнулось. Качаясь, она отступила, пораженная яростным потоком ощущений.

Так приятно было прикасаться к его коже!.. Так возбуждающе-щекотно... Мурашки побежали у нее по коже. Соски напряглись под свитером. У нее вновь возникло то самое чувство, какое она испытала, вися на террасе,— какое-то агрессивное стремление, злость, нечто, связанное с ее новым, безудержным аппетитом.

Она ощутила сильный — крайне приятный — запах. Это был запах не пищи, но в то же время и... он. Неужели Том вставал и брал еду с собой в постель? Хотя это похоже на него — встать для того, чтобы перекусить, и даже не заметить, что ее нет.

Том проснулся от звука возбужденного дыхания. Он резко сел на кровати. Сначала испугался — он ничего не мог различить в темноте.

— Сара?

— Да.

Что за чертовщица происходит с ней?

— Ты встала?

Она включила свет в ванной. Она не только встала, но была еще и полностью одета. Он не видел ее лица — она стояла спиной к свету,— но волосы ее были в беспорядке.

— Сара, с тобой все нормально?

Она не ответила. Он выбрался из постели и потянулся к ней. Она — как ему показалось, очень быстро — двинулась обратно в ванную.

— Дай мне секунду,— хрипло сказала она.

— Ты как-то странно говоришь.— Он не стал добавлять, что и выглядит она очень странно: широко открытые блестящие глаза, лицо измазано, свитер в пятнах, туфли в грязи.

— Чем ты занималась, Бога ради?

Она, казалось, готова была убежать, когда он двинулся к ней. Он вошел в ванную, протянул к ней руки, чувствуя себя крайне неудобно, только его рост придавал ему толику уверенности.

Внезапно она сползла на пол и отвернулась, закрыв лицо руками. Раздались приглушенные рыдания. Он присел рядом.

— Дорогая, тебе больно?

Рыдания перешли в стон, дикий и заунывный. Том коснулся протянутой руки, посмотрел на уродливую отметку немного ниже сгиба локтя. След от укола. Сара с надеждой смотрела на него.

— Она ввела мне свою кровь. А теперь у меня галлюцинации.

— Лихорадка. Реакция на переливание.

Она кивнула, из-под плотно закрытых век показались слезы. Он взял ее за плечи, ощущая тяжелые удары своего сердца. Реакция на кровь несовместимого типа могла

быть какой угодно — от легкого недомогания до коллапса и смерти.

— Едем в Риверсайд.— Он пошел к телефону и набрал домашний номер Джеффа. Им потребуется лучший специалист-гематолог. Сонный и слегка смущенный голос Джеффа изменился, когда Том рассказал ему, что произошло. Они договорились встретиться в лаборатории через десять минут.

Том позвонил вниз и послал Херба искать такси. К тому времени, когда он успел набросить на себя кое-какую одежду и пальто на Сару, у двери их ждала машина.

Они быстро прошли по главному холлу Риверсайда, в это время пустому и тихому. Махнув ночному вахтеру, Том потащил Сару к лифтам и хлопнул по кнопке одиннадцатого этажа.

Джефф ждал их с усталым и болезненным выражением на лице. Когда они вошли в лабораторию, Филлис Роклер встала из-за рабочего стола, за которым она готовила необходимую стеклянную посуду. Она взяла Сару за руки.

— Давай надевать манжету,— поспешно сказала она.

— Ты живешь здесь? — спросила Сара. Том рад был услышать в ее голосе прежнюю силу, пусть даже и с оттенком мрачного юмора.

— Джефф и я...

Сара мягко улыбнулась, задержав взгляд на Томе. Филлис подняла у Сары рукав свитера, стянула плечо манжетой и взялась за манометр, в то время как Джефф осматривал другую руку. Все четверо ждали, пока Филлис измерит давление.

— Сто двадцать на восемьдесят. Всем бы нам так.

— У меня всегда было нормальное давление.

Том закрыл глаза, ощущая, как напряжение понемногу уходит из мышц шеи. Если б ей угрожал коллапс, давление было бы пониженным. Затем Филлис сосчитала у Сары пульс и измерила температуру термометром с цифровым табло.

— А вот здесь есть кое-что. Сто один градус*.

— Легкая подкожная инфекция, связанная с повреждением,— заметил Джефф.— От этого, может быть, и лихорадка.

Сара закрыла глаза.

— Это не самое страшное. Гораздо важнее симптомы психологические. Крайнее беспокойство. Голод. Странные галлюцинации.

— Затруднения с ориентацией в пространстве?

Она покачала головой.

— Это связано с лихорадочным состоянием и потерей сна. Я всю ночь не спала.

Том задал вопрос, который весьма его интересовал:

— Как же ей это удалось? — Он совершенно не представлял себе, как Сара могла позволить сотворить с собой такую штуку.

— Когда мы вошли в дом, мы выпили кофе, а затем я проснулась на ее кровати... в замешательстве. Я приняла душ и ушла. Но вечером я вспомнила еще кое-что... как будто кто-то стоит надо мной с сосудом, наполненным кровью... очень странно.

— Гипноз и наркотики.

— Возможно. Подходит по симптоматике.

— Филлис, почему бы тебе не взять кубиков двести крови, чтоб мы могли заняться делом?

Филлис приготовила шприц и взяла кровь из неповрежденной руки Сары.

— Выглядит неплохо.— При серьезном заболевании крови могли измениться цвет или консистенция. Кровь Сары была интенсивного пурпурно-красного цвета, на вид совершенно нормальная. Том впервые за это время почувствовал облегчение: может, ничего серьезного и не произошло. Если не считать галлюцинаций, симптомати-

---

* По Фаренгейту (приблизительно 38,5 °С).

ка была обнадеживающей. Но было в голосе Сары нечто такое, что ему не нравилось. Он не мог избавиться от ощущения, что она что-то недоговаривает.

— А какие у тебя галлюцинации?

— Зрительные в основном. Я ведь вышла, потому что жутко есть хотелось. Вы можете не верить, но я отправилась в «Макдональдс» на Восемьдесят шестую.— Сара подняла глаза.— И, черт возьми, я опять хочу есть.

— Что за галлюцинации?

Она сердито уставилась на Тома.

— Я тебе говорила! То существо с сосудом крови. Господи, Том, как ты навязчив! Давай поговорим об этом позже, мне неохота сейчас этим заниматься.

Филлис разлила кровь Сары по десяти пробиркам.

— Пробирки с первой по восьмую обработаны антикоагулянтом,— сообщила она.— Девятая и десятая чистые.

— Мне бы тоже хотелось поработать. Я не могу сидеть и ждать, меня просто трясет от нетерпения. Давайте я займусь центрифугой.

Филлис вручила Саре две пробирки. Сара поместила их в центрифугу, установила скорость вращения, закрыла ее и щелкнула переключателем.

— Смотрите-ка,— заметил Джефф,— она вертится в такт с Моцартом.— За несколько мгновений до этого он включил радио. Том чуть не заорал на него за это, но вовремя спохватился: Джефф прав, если он так относится к ситуации. Паника и профессионализм в работе — вещи несовместимые. Он посмотрел на свою Сару, склонившуюся над центрифугой: лицо ее все еще было немного бледным и слегка опухшим, она сосредоточенно работала.

Филлис готовила предметные стекла, помещая по капле крови на каждое и прижимая их тонкой покровной пленкой. Каждый образец получал свой номер и ставился в штатив рядом с микроскопом Джеффа.

— Сначала я произведу подсчет ретикулоцитов,— сказал Джефф. Тому это показалось разумным: они сразу же

смогут определить, нет ли внутреннего кровотечения. Если кровь была несовместимой, вполне могло произойти кровоизлияние.

— Подготовьте трубку Уэстергрена,— сказала Сара.— Нам надо определить скорость осаждения.

Пока Филлис готовила трубку, Том перебирал в уме причины, по которым бы следовало определять скорость, и никак не мог понять, зачем Саре это нужно. Она беспокоится о возможности заражения?

— На это потребуется час,— заметил Том,— двести кубиков крови. Я думаю, мы и так увидим явные признаки патологии, если инфекция пройдет дальше по руке.— «По этой прекрасной руке»,— подумал он.

— У Мафусаила под конец скорость осаждения была повышена.

Вот так так! Она не забыла о связи между Мириам Блейлок и мертвой обезьяной. Она, должно быть, думала, что пойдет по стопам Мафусаила, бедняжка. Он молил Бога дать ему возможность хоть как-то ее успокоить. Но с Сарой это было бы пустой тратой сил. Как только ей в голову втемяшивалась какая-то идея, требовалось нечто большее, чем обычные слова, а хуже всего то, что он и сам ни в чем не уверен. Физики давно уже разделались с общепринятыми концепциями о случайном стечении обстоятельств, заменив их более элегантными — и, разумеется, более точными — идеями о пространстве-времени как о целостном явлении, сложном континууме. В свете подобных концепций связь между появлением Мириам и смертью Мафусаила не только не была случайной, она даже не была совпадением. Одно следовало из другого, как один кирпич следует за другим в стене, и не более того.

Шум центрифуги сошел на нет, и Сара достала из нее пробирки с отсепарированной кровью.

— Не найдется где-нибудь места, чтобы она легла? — спросил Том.

Ее лицо бледнело просто на глазах.

— Я тебе сообщу, если мне потребуется разрешение на госпитализацию,— резко ответила она.— Я сама знаю, какие удобства есть в этом заведении.— Она поставила пробирки в штатив и стала с помощью пипетки отбирать отдельные компоненты крови.

— Дайте мне предметное стекло с белыми кровяными тельцами,— сказал Джефф, не отрываясь от микроскопа. Сара быстро приготовила образец и поместила его на предметный столик микроскопа.

Том восхищался совершенством и отточенностью приемов их работы. Особенно он восхищался Сарой. Все его заботы и любовь бледнели в сравнении с ее профессиональными качествами.

— Мне нужен еще один образец,— пробормотал Джефф.— На реакцию Райта.

Все молчали, пока он его исследовал.

— Наблюдается присутствие посторонних лейкоцитов.— Том ощутил новую волну тревоги, теперь уже сомневаться не приходилось: кровь Мириам и в самом деле текла в венах Сары.— Содержание эозинофилоподобных клеток в крови примерно три процента. Высокая псевдоподическая активность. Клетки развиваются.

— Какова их концентрация в крови самой Мириам? — спросила Сара упавшим голосом. Ей с трудом удавалось сохранять спокойствие.

— Восемнадцать процентов.

— Ты упоминал о псевдоподической активности. Что происходит?

Джефф оторвался от микроскопа. В люминесцентном свете лицо его трудно было рассмотреть, но лоб у него блестел.

— По-видимому, они поглощают твою кровь,— осторожно проговорил он,— и воспроизводят клетки своего собственного вида.

10

Мириам проснулась после первого за многие дни спокойного *Сна*. Было девять часов утра. Она сразу же попробовала *прикоснуться* к Джону. Она быстро ощутила присутствие, и сила ощущения заставила ее дернуться всем телом. Он был где-то здесь, неподалеку, и настроен был чрезвычайно эмоционально.

Он ликовал.

В замешательстве она нахмурилась. *Прикосновение* совершенно четко свидетельствовало о том, что он поблизости, вероятно внутри дома. Она прижалась к спинке кровати, испуганно оглядывая комнату. Но та была пуста. Его радость, очевидно, не имела отношения к тому, что он ухитрился обвести вокруг пальца ее охранные системы и проникнуть в дом. Она проверила контрольную панель, расположенную напротив, в изножье. Все датчики тревоги светились ровным зеленым светом. Он вошел не обычным способом. И электростатический барьер не сработал. А вот датчики, регистрирующие движение, сообщили ей интересные новости. В 3.52 утра было зарегистрировано движение в подвале, через две минуты — в вестибюле у входа и в 4.00 — на чердаке. Они говорили о том, как медленно передвигался он от подвала до чердака. И с 3.59 до 5.59 остальные пластины, защищавшие ее кровать, были автоматически закрыты, отреагировав на необъяснимое движение в доме.

Итак, он был на чердаке. Подходящее место. Когда придет время, ей не нужно будет за ним охотиться. Но почему он так ликовал?

Она решила *прикоснуться* снова, надеясь отыскать какой-либо эмоциональный ключ к тому, что он делал. Конечно, нужно быть осторожной. Джон чувствует *прикосновения*. Ей не хотелось, чтобы он узнал о ее пробуждении. Это насторожит его.

Освободив свой мозг от мыслей, она закрыла глаза и широко открыла свой внутренний глаз. Затем отыскала в своем сердце место Джона. Быстро *прикоснулась* к нему, войдя в контакт с мощными и сложными эмоциями. Джон испытывал невыразимую грусть... он был исполнен злобы... Но более всего ощущалось какое-то дикое ликование.

Он наслаждался плодами своей победы.

— Почему?

Она перебирала в уме возможные причины его радостного настроения. Он успешно, против ее воли, проник в дом. Этого недостаточно. Он забрался на чердак, возможно — в ту комнату, где хранились сундуки.

Она чуть не рассмеялась, внезапно догадавшись о его намерениях. Что ж, пусть работает. Ирония судьбы: то, что он считает самым худшим для нее, то, что — по его мнению — несет в себе угрозу, на самом деле будет очень даже полезно. Про Джона, ожидавшего сейчас на чердаке своего звездного часа, можно было спокойно забыть. И это хорошо. Ее ждут более срочные дела.

Этот день будет трудным.

Она принялась отключать различные устройства, которые охраняли ее *Сон*. В прошлом найти безопасное место для *Сна* было навязчивой идеей всех ее сородичей. Во времена великих гонений, когда за ними охотились специалисты, когда их сжигали, душили, замуровывали в склепах, они научились скрываться в могилах, лежа среди трупов, чтобы избежать обнаружения. Но нередко их все же находили и, вытаскивая из укрытий, уничтожали, вбивая деревянные колья в их сердца.

Мириам отключила электростатический барьер и сигнализацию, затем стальные щиты, окружавшие ее кровать на случай опасности. Она в отличие от своих сородичей считала, что прятаться гораздо менее эффективно, чем укреплять свои позиции. До того как было изобретено электричество, Мириам держала свору собак-убийц.

Быстро одевшись, она отперла дверь спальни и выглянула. Заря заливала верхние этажи золотым светом. Мириам снова начинала ощущать голод, но на это сейчас не было времени. Ей хотелось быть с Сарой. Без помощи Мириам эта женщина могла сойти с ума, будучи не в состоянии удовлетворить собственный голод, не в состоянии вынести эту агонию.

Как только совершалось переливание крови, тело реагировало вполне предсказуемым образом. До развития медицины переливание крови было медленным процессом, который мог привести к коллапсу и заражению крови из-за несовершенства имевшихся в наличии средств. Теперь это можно было сделать мгновенно.

В физическом плане тело Сары будет как бы опустошаться — и требовать соответствующей пищи, но психологический удар может привести к катастрофе, когда ее установившиеся человеческие привычки будут замещаться новыми потребностями и инстинктами.

Мириам нянчилась со многими из них, когда они проходили через барьер, и намеревалась сделать то же самое для Сары.

Это означало, что ей придется вернуться в больницу. Опасность будет подстерегать ее. Они могут попытаться удержать ее против воли, могут даже убить. Стоит ей ослабить бдительность, и, вернувшись в Риверсайд, она может оказаться их пленницей. У них будет достаточно доказательств необходимости ее изоляции, а юридические основания для этого наверняка найдутся.

Идея о пленении приводила ее в ужас. Она представляла себя умирающей от голода, в то время как они изучают ее, берут образцы, проводят анализы. Вся проблема в том, что она бы не умерла. Она бы просто слабела все больше и больше, и кончилось бы все так же, как и с теми, кто находится сейчас в сундуках.

Требовались месяцы для того, чтобы дойти до крайнего истощения. Король Франции Карл IV замуровал два-

дцать ее сородичей в канализационной трубе, где они скрывались, в мае 1325 года, превратив ее в настоящую подземную темницу. В ноябре на улицах наверху все еще слышались их приглушенные вопли. Но страдать им суждено было еще очень долго.

У нее выступил холодный пот, она задрожала. Впервые за многие годы испытывала она настоящий ужас. Делать это всегда было трудно, и с Сарой Робертс, по-видимому, ей придется особенно тяжко.

Но дело того стоит. Очень даже стоит.

Она сошла по ступенькам. Вызывать лимузин было уже некогда. Ей придется нарушить одно из своих правил безопасности и взять такси. Пройдя по дому, она проверила, нет ли где-нибудь повреждений. Джон, по-видимому, оставил вещи в покое.

Она внимательнее рассмотрела мозаичный портрет Ламии. Портрет всегда был с ней — она смотрела в эти решительные глаза и вспоминала. Ее мать была сильной. Она посвятила себя невообразимо опасному процессу деторождения ради блага своего рода. Мириам все еще помнила ее последнюю беременность, когда она захлебывалась от крови, а отец старался прижечь рану. Мать умерла в палатке, шитой из кусков кожи, ночью, в пустыне, во времена расцвета египетской цивилизации.

Мириам открыла входную дверь, впустив аромат весеннего утра. Она поспешила на Пятьдесят седьмую улицу. Первые две встреченные ею машины она пропустила. Слишком много грохота, и у водителей слишком усталый вид. Третья оказалась приемлемой. Она села, прижалась к спинке сиденья и машинально стала искать на ощупь ремни безопасности, хотя знала, что их здесь не окажется.

Сидя в такси, она обдумывала, что ей предстоит сделать. В своих предыдущих *прикосновениях* Мириам напрямую ощущала твердую, волевую решимость Сары. Она не откажется от попыток спастись, пока не потеряет способность рационально мыслить.

И тем не менее именно эта прекрасная воля расцветет, перерастая в истинный голод. Ничто меньшее ее не удовлетворит. Конечно, будет борьба. Мириам успокаивала себя мыслью, что она еще никогда не терпела поражения. Это верно, некоторые умирали при переливании, но никто из тех, кто пережил поцелуй крови, не мог долго ей противиться. И тем не менее... она никогда еще не имела дела с человеком такой сильной воли и с таким интеллектом.

Добьется ли она своего на этот раз?

Сару надо заставить осознать, что спастись она не может. Когда они бывали вместе, Мириам могла *прикоснуться* к глубинной ее сущности, могла руководить ею и успокаивать ее. Преобразовать тело было нетрудно, гораздо труднее подчинить душу.

Даже в условиях *прикосновения* на это потребуется время. Она беспокойно пошевелилась на сиденье, нервно наблюдая за тем, как такси мчится мимо переключавшегося светофора, думая обо всех видах опасности, которым она сегодня подверглась.

Она знала, что ее собственная психика давно уже находится в состоянии хрупкого равновесия. Она была так отчаянно одинока. Она верила в то, что причиной ее гибели может стать несчастный случай, но ей еще и приходилось постоянно напоминать себе, что человечество тоже представляет для нее угрозу. Однажды она смотрела фильм о том, как тигр попался в сеть; этот фильм произвел на нее огромное впечатление. Несмотря на серьезность ситуации, зверь оставался спокойным и уверенным, пока его не обвили веревки. Люди, расставлявшие сети, мало интересовали тигра, так как он предыдущей ночью съел одного из них. То, что они могли его пленить, настолько выходило за рамки его понимания, что только поэтому они и смогли это сделать.

Оставшиеся годы своей жизни тигр провел в клетке, шесть на десять, являясь собственностью цирка.

Что она будет делать, если для ее поимки призовут охранников с оружием?

Сердце ее гулко стучало, пока она обдумывала, какой бы у нее был в этом случае выбор. Умереть под пулями или согласиться на пленение?..

Ей захотелось бросить все это дело, но она не могла рисковать. Саре известно слишком много, чтобы позволять ей разгуливать на свободе.

Она боролась с внезапно нахлынувшим страхом, когда такси подъехало к Риверсайду. Заплатив три с половиной доллара, она вышла. Зиявший перед ней вход казался порталом смерти, хотя выглядел весьма прозаически.

Так ли это?

Пройдя через вращающиеся двери в набитый людьми холл, она была сразу же охвачена запахом большого количества человеческой плоти. Она автоматически оценивала спешивших мимо людей: этот слишком силен, тот чересчур маленький, третий чрезмерно болен. Очень трудно было находиться в такой толпе даже с легчайшим чувством голода. Ее все время отвлекали проходившие мимо идеальные экземпляры.

Войдя в лифт, она нажала кнопку двенадцатого этажа. Как только двери закрылись, ее охватило беспокойство. Она стояла рядом с кнопочной панелью, почти прижатая к ней всей этой пахучей человеческой массой, и с тоской ждала, пока лифт останавливался на каждом этаже.

Когда двери открылись на двенадцатом, она со вздохом облегчения выскочила наружу. Но двери лифта закрылись за ней, как крышка склепа. И она была внутри его. Где-то прозвенел звонок, мимо прошел врач в сопровождении двух интернов; они даже не взглянули на нее. Справа была комната ожидания со своим неизбежным столпотворением и задающим вопросы регистратором. Черная дверь слева вела к врачебным кабинетам. В ту ночь, что она провела здесь, она предусмотрительно запомнила расположение помещений клиники и сейчас уверенно толкнула эту дверь, не желая иметь дело с регистратором.

Перед ней был серый учрежденческий коридор с дверями по обе стороны. Каждый, кто работал в клинике, имел свой собственный маленький кабинет. В конце коридора располагались кабинеты управляющего персонала. Мириам двинулась к двери кабинета Сары, третьей справа. Взявшись за ручку, она задержалась, чтобы мысленно подготовиться к возможному противостоянию, затем вошла.

Но кабинет был пуст, хотя присутствие Сары ощущалось. Стол, заваленный папками и рулонами с графиками. На полу — пачка компьютерных распечаток высотой фута в два. На двери висели три измазанных лабораторных халата. Единственным украшением был плакат с ухмыляющимся резусом — на первый взгляд совершенно дурацкий, но для Сары он, несомненно, был символом ее триумфальных достижений.

Даже просто находясь в этой комнате, Мириам поняла, как любит она эту женщину. Ей не хотелось, чтобы Сара страдала без необходимости. В конце концов, Мириам предложила ей в дар то, о чем во все времена мечтало человечество. Победа над смертью присутствует во всех великих человеческих религиях. Человек рассматривал смерть как беспомощную уступку злу и всегда боялся ее.

Мириам не следует забывать о том воздействии, какое этот дар оказывал на предшественников Сары. В душе каждый человек и боялся смерти, и любил ее. Освободиться от этого нротиворечия — уже само по себе бесценный дар.

Она коснулась стула Сары, ее стола, потрогала карандаши, лабораторные халаты, стараясь одновременно ощутить ее эмоциональное состояние.

Ощущение пришло, слабое и отдаленное,— дымка страха, трудно было даже назвать это *прикосновением.*

Из такого слабого *прикосновения* узнать можно было очень мало. Больше здесь ей делать нечего. Надо искать Сару.

«Если они попытаются меня здесь удержать, я убегу и буду надеяться на лучшее»,— думала она, двигаясь по коридору в поисках Сары. Физически она была гораздо сильнее их. Она могла их обставить и в беге, и в преодолении препятствий, и в маневрах. И разумом обладала она более мощным, чем человеческий, особенно с точки зрения ответной реакции, ибо способна была очень быстро реагировать на происходящее в условиях внезапно меняющейся ситуации.

— Я пытаюсь найти доктора Робертс,— сказала она секретарше, которая, жуя резинку, выжидательно уставилась на нее.

— Вы пациент?

— Меня ждут,— Мириам улыбнулась.— Я не пациент.

— Они на лабораторном этаже,— сказала секретарша.— Думаю, они сейчас, вероятно, в отделении геронтологии. Вы знаете, где это?

— О, конечно. Я бывала здесь неоднократно.

— Хорошо. Мне сообщить им о вашем приходе?

— Не беспокойтесь. Я и так уже опоздала. Не надо привлекать к этому столько внимания! — Улыбнувшись еще раз, она отступила и повернулась к лифтам.

— Понимаю,— смеясь, ответила девушка.— Все будут думать, что вы здесь давным-давно и вовсе не опоздали.

Мириам пошла по лестнице, расположенной рядом с лифтами, чтобы проверить, нет ли там еще каких дверей, могущих помешать побегу. На больших табличках было указано, что все этажи ниже десятого заперты по соображениям безопасности. Полезная информация.

Несмотря на слова, сказанные секретарше, Мириам не имела никакого представления о планировке лабораторного этажа. Спустившись туда, она увидела, что там все иначе, чем этажом выше. Риверсайд представлял собой комплекс старых зданий, соединенных между собой не похожими друг на друга проходами и запутанными коридорами. На этом этаже коридоры шли от лифтов в

трех различных направлениях. Освещение было слабым, таблички на дверях отсутствовали. Каждая дверь открывалась в отдельную лабораторию. Для того чтобы найти нужного человека, просто необходимо было знать, где он находится.

Не видя иного выбора, Мириам открыла ближайшую дверь. Перед ней были огромные стеллажи с электронной аппаратурой. Воздух потрескивал от озона, в тишине гудели моторы.

— Извините...

— Да? — послышался голос из леса приборов.

— Я ищу геронтологию.

— Вы — в противоположном конце вовсе не того коридора, если это вам поможет. Здесь хроматография.

За стеной проводов, тянущихся от лабораторного щита к стойке с приборами, появилось лицо.

— Я пытаюсь найти Сару Робертс,— сказала Мириам.

На лице, скрытом очками для сварки, отразилось возбуждение. Рука подняла очки на лоб.

— Свариваю линию питания. Помощника нет. Итак, вы ищете Сару. Вы участвуете в «Проекте»?

— Каком именно?

— В данный момент речь идет только об одном проекте. Проект невообразимый. Невероятный. Вы репортер?

— Нет.

— Ну, во всяком случае, мне все равно не следует выдавать секреты.

— Я из Рокфеллеровского института. Доктор Мартин. Вы имеете в виду «Проект Блейлок»?

— Послушайте, я действительно не могу об этом говорить. Если вам нужна информация, ступайте к Саре или к Тому Хейверу. Геронтология слева, мимо лифтов, через четыре двери. Вы сможете найти это отделение по запаху — там колония обезьян.

Он вернулся к своей сварке, и Мириам вышла из лаборатории. Плохо, что он не был с ней более откровенным. По крайней мере, ободряло то, что детали они держали в секрете. Им явно ни к чему утечка информации, пока они не смогут ее основательно изучить.

Она шла по коридору, считая двери. «Очень хорошо,— думала она,— исследуйте меня. Чем больше вы будете измерять и брать образцы для анализов, тем больше времени я буду проводить с Сарой».

Этот техник оказался прав: лабораторию геронтологии можно было безошибочно определить по запаху. Мириам открыла дверь, готовая ко всему.

Оказалась она в небольшом помещении, похожем на кабинет Сары наверху, но еще более заваленном отчетами. На старом столе стоял светящийся цифрами компьютерный дисплей. Она смотрела на него некоторое время, но без толку. Она ничего в этом не понимала.

Пройдя через комнату, Мириам вошла во внутреннее помещение, где увидела свернутые в бухты кабели, телевизионное оборудование и пустые клетки. Перед ней было две двери. Выбрав одну из них, Мириам прошла дальше.

Раздался громоподобный рев. Она находилась в зверинце, в колонии резусов. Обезьяны прыгали, жестикулировали, строили ей рожи. У многих из них в черепа были вживлены гнезда, чтобы исследователь мог по желанию подключать к ним электроды.

А как насчет того, чтобы иметь такое гнездо в своей собственной голове? Пойдут ли они на это, если им представится возможность?

Обезьяны просто обезумели от ее присутствия: запах странного животного тревожил их. Пятясь, она вышла из комнаты. Вторая дверь, несомненно, должна была привести ее к Саре. Она снова приготовилась, освободив мозг от ненужных мыслей, полностью сосредоточившись на том, чтобы воспринять и оценить эмоциональное состояние Сары. Она уже сейчас неплохо его ощущала, но, чтобы

разобраться в нем, этого было явно мало. Годы нужны для того, чтобы эмоциональное поле человеческого существа распростерлось далеко за пределы его физического тела, годы любви к кому-то, годы *прикосновений* с отчаянным стремлением угодить ей или ему.

Повернув ручку, она распахнула дверь. Призвав на помощь всю свою силу и уверенность в себе, оттоняя голод, возбуждаемый их запахом, она вошла в комнату.

Мириам совсем не ожидала такого теплого эмоционального потока, который излучала сейчас Сара. Это оказалось восхитительное *прикосновение*; она давно не испытывала ничего подобного — с тех самых пор, как погибла ее семья. Сердце Сары было преисполнено страстного любопытства и любви к своим сотрудникам. Отзвук страха все еще присутствовал, но в своей лаборатории, среди друзей, Сара, несомненно, чувствовала себя в безопасности, несмотря на чужую кровь, текущую в ее венах.

Остановив свой выбор на Саре, Мириам подсознательно чувствовала, что та будет ей хорошим спутником, и она успела уже в этом убедиться, но ни на что подобное она даже и не надеялась. Если бы только эти эмоции можно было перенаправить на себя!

Но не сейчас. Едва Сара оторвалась от своей работы и увидела ее, эмоциональная атмосфера изменилась: в Саре вспыхнула злость и боязливая осторожность. Лицо ее выглядело осунувшимся. К этому времени Сара, должно быть, уже испытывала серьезные затруднения. Щеки у нее впали, как у человека, игнорирующего свой голод. Начиная с этого мгновения каждый раз, когда голод будет к ней возвращаться, он будет все сильнее и сильнее.

— Эй,— сказала Сара, перекрывая шум голосов,— у нас тут появилась проблема.— Мириам заметила, что они работали с еще одним компьютерным дисплеем.

— Давайте посмотрим, что получится, если мы стандартизируем основные зависимости,— говорил Том Хей-

вер женщине, нажимавшей на клавиши. Светившиеся на экране кривые закачались и изменили форму.

Схватив Тома за плечо, Сара развернула его кругом.

— Эй, люди,— произнесла она дрожащим голосом,— у нас посетитель.

Невысокий толстый человечек, лысый и потеющий, вполголоса говорил женщине, работавшей за операторским пультом:

— Сравни кривые со стандартными отклонениями...

— Чарли, Филлис... поднимите головы.

— О...

Мириам двинулась к ним. Они сбились в кучку — четверо испуганных людей.

— Сара говорила вчера, что я вроде бы должна вернуться.

Компьютер загудел, и женщина, которую Том называл Филлис, выключила его. Как и в другие жизненно важные для нее мгновения, Мириам испытала момент озарения. Если бы дела обстояли чуточку иначе, она могла бы просто позвать Сару и увести ее с собой — и все. Сара считала ее красивой. Ее переполняло живое восхищение, страсть с примесью вины. Для Сары страх являлся средством возбуждения.

Ключом, следовательно, будет страх.

Том Хейвер двинулся к телефону. Мириам заговорила, стараясь держаться как можно увереннее.

— Стойте. У меня есть предложение. Вы можете меня изучать, если пообещаете, что к вечеру отпустите.

Хейвер ответил весьма уклончиво.

— У нас нет намерения задерживать вас против вашей воли. По сути дела, мы не имеем такого права.

Мириам проигнорировала эту реплику. Если для нее было очевидным, что они могли ее задержать, то не менее очевидным это было и для них. В человеческом законодательстве не предусматривались подобные ситуации. Скорее всего, за ней вообще не признают никаких прав.

— Зачем вы это сделали, Мириам? — Глаза Сары смотрели ровно и холодно. За этим холодом Мириам ощутила глубокое замешательство, хотя внешне Сара была восхитительно невозмутима.

— Что сделала?

Вместо ответа Сара вытянула левую руку — ту, которую Мириам выбрала для переливания. На белой коже виднелась пурпурная клякса. Из-за необходимости побыстрее достичь максимального воздействия пришлось влить ей много крови, и когда Мириам увидела результат этого, ей захотелось помочь Саре. Непрошеное *прикосновение* вырвалось из ее сердца. Сара, моргнув, отвела глаза, щеки ее покраснели. Это *прикосновение* было подобно поцелую, такому, какой следует за первым признанием в любви. Том Хейвер обнял Сару одной рукой, и она прижалась к нему. Протянутая рука Мириам повисла в воздухе.

— Миссис Блейлок, она задала вам вопрос. Думаю, вам лучше на него ответить.— В голосе Хейвера звучала нешуточная угроза. Мириам поняла, что он очень любит Сару. Сможет ли он умереть ради своей любви? Понимал ли он, что дело вполне могло дойти и до этого?

— Я пришла, чтобы помочь вам,— мягко проговорила Мириам.— Я думаю, вы знаете почему.

Сара покачала головой.

— Мы не знаем почему. Мы очень хотели бы это узнать.

Мириам не понравилось это «мы». Оно представляло собой стену между нею и Сарой.

— Я хочу разделить себя с вами. Я читала вашу работу. У меня есть основания полагать, что мое физическое строение может вас заинтересовать.

— И это послужило причиной? — спросил Хейвер.— Поэтому вы заразили Сару своей кровью? Вы разве не понимаете, как это опасно?

— Вы могли меня убить, Мириам!

Они походили на двух растревоженных ворон.

— Я — последняя из своего рода,— величественно произнесла Мириам.— То, что я дала вам,— великий дар. Только так вы должны относиться к этому.

— Последняя?

Мириам кивнула. Может, и нет, но на данный момент это утверждение ее больше устраивало.

— Я знала, что вы никогда не согласитесь на это добровольно, а мне осталось, быть может, очень мало времени. В конце концов, Сара, это удвоит продолжительность вашей жизни.

Вид Хейвера стал менее угрожающим. Выражение лица Сары тоже стало менее напряженным.

— У нас есть множество контрольных тестов,— выпалил толстенький человечек.— Нам бы очень хотелось их провести.

— Я готова.— Вот и наступило время платы. Теперь ее занесут в их скучные каталоги, будут взвешивать и анализировать. Она, так высоко парившая над ними, должна подчиняться их машинам. Но что они смогут узнать? Машины просто накапливают информацию и потому неизбежно лгут.

— Ну что ж, я тогда займусь обычной рутиной,— сказал Том.— С чего мы начнем, Сара?

— С рентгена.

— Сейчас я договорюсь.

Сара кивнула. Она мягко заговорила с Мириам — так, как она говорила бы с испуганным животным.

— Нам необходима эпидермальная биопсия... Это означает, что мы должны будем сделать срез поверхностной ткани, взять еще немного крови и снять различные электрограммы. Вы не против?

Мириам кивнула.

Сара подошла к ней; казалось, она хочет прикоснуться к Мириам.

— Почему вы последняя?

Мириам заколебалась. Она одна обладала такой силой, что ей трудно было думать о себе как о представителе исчезнувшего вида. И все же если и не последняя, то одна из очень немногих.

— Не знаю,— ответила она. Искренняя горечь, прозвучавшая в ее голосе, поразила даже ее саму.

— У нас полчаса,— сказал Том, положив трубку телефона.— Давайте пойдем.

Мириам отправилась вслед за ними по коридору, чувствуя себя немного увереннее. Ничего плохого они пока ей не сделали. И Сара не паниковала. По сути дела, она даже относилась к ней с теплотой. А такая легкая трещина в чьем-то сопротивлении означала для Мириам успешное начало. Если она будет действовать смело и осторожно, у нее с Сарой все получится. Она смотрела, как Сара движется впереди, немного тяжелой походкой, волосы ее мягко поблескивали в полутьме коридора.

Как бы хорошо было обнять Сару, утешая ее, как утешала она своих возлюбленных, учить ее, как учила бы она свою дочь.

Быть может, в этом ключ к тайне исчезновения ее рода — в подобных эмоциях? Если ты испытываешь любовь к человеческим существам, то как можешь ты убивать их и быть вполне счастливым, любить своих сородичей и рождать детей?

Сара, приотстав, пошла рядом с Мириам. Они не разговаривали. Мириам *прикоснулась* к ней и ощутила дружескую заинтересованность.

Лицо Мириам ничем не выразило ее торжества. Она не сомневалась: им суждено пройти вместе долгий путь... Путь служения Голоду.

Опасные симптомы исчезли у Сары в течение утренних часов. Несмотря на бессонную ночь, она начинала ощущать необычайную бодрость. Час назад они оставили Джеффа работать над способом удаления крови Мириам

из тела Сары, но, по мере того как шло время, это начинало казаться все менее необходимым. Если и были какие-то отрицательные последствия, они давно бы уже проявились.

Она шла рядом с Мириам, голова у нее была забита результатами анализов, проведенных вчера днем. Вся клиника была взбудоражена. Сэм Раш назвал Мириам самым важным за всю историю подопытным животным. Этим он выразил мнение всего учреждения. И мнение Сары тоже.

Они, очевидно, не будут держать ее в каких бы то ни было клетках, но уже началась подготовка документов для ее принудительного заключения в Психиатрический центр Риверсайда. Совет не очень-то беспокоился о деталях этого дела. Юристы полагали, что Мириам Блейлок вряд ли сможет угрожать им судебным иском, чтобы завоевать себе свободу.

Удобное помещение уже подготовили. Надежное, с хорошими замками. С отменной охраной. Саре хотелось заказать цветы — она была так рада, что Мириам вернулась.

Одному Богу известно, к чему все это приведет. Премии, ассигнования, необычайные открытия. Это был тот самый невероятный шанс, о котором ученые не осмеливаются даже мечтать.

Когда они шли по коридору, люди поднимали брови, расцветали улыбками; Саре досталось несколько быстрых рукопожатий. Как только Том позвонил Марти Рифкинду на рентгенографию, слухи, должно быть, разнеслись по всему институту. Люди считали Мириам находкой века, едва ли не самой важной за всю историю человечества. И это действительно было так.

Рифкинд суетился вокруг своих аппаратов, готовя их к работе шумно и взволнованно. Регистратор направил их в лучшую из его лабораторий. Когда они вошли, он разве

что не подпрыгивал от нетерпения, Сара наблюдала за его реакцией, когда он впервые увидел Мириам. Он стал внезапно очень серьезным, почти настороженным.

Это ей напомнило о предназначенных для корма мышах, о том, как они себя вели, когда их помещали в террариум со змеями.

— Мириам,— сказала Сара,— не могли бы вы лечь на этот стол?

— Он вполне удобен, поверьте,— выпалил Марти.

— Он будет передвигаться, но вы не упадете,— продолжала Сара. Неужели только она одна способна была общаться с Мириам? Рифкинд суетился, бестолково бегая по всей комнате и не в силах сообразить, как следует себя вести. Мириам забралась на стол.

— Извините,— заметила Сара,— но вам придется снять одежду.— Мириам начала раздеваться.— Не всю,— поспешно добавила Сара,— только верхнюю. И все металлические предметы.— Она исподлобья взглянула на Мириам: ее глаза смеялись. Ужасный момент.

Рифкинд в достаточной степени уже держал себя в руках и подошел, чтобы закрепить ремни, которые будут удерживать Мириам, когда стол начнет перемещаться из одного положения в другое. Она позволила себя привязать, но Сара заметила, что лицо ее стало напряженным, на глазах выступили слезы. Мириам была перепугана. Это почему-то очень тронуло Сару.

— Вы сами сможете расстегнуть ремни, если пожелаете,— сказала она. Мириам взглянула на нее с видимым облегчением.

Рифкинд изобразил на лице свою самую обаятельную улыбку.

— Мы сделаем полное просвечивание тела. По снимку на каждый квадрант тела, снимки черепа в разных положениях и два снимка на ноги. Таким образом мы получим полную картину вашего скелета.

— Пожалуйста, минимальную интенсивность. Я не люблю рентген.

Рифкинд натянуто ухмыльнулся, на лице его выступил пот.

— Мы так и сделаем. Обещаю.— Кивком головы он позвал всех в аппаратную, откуда можно было управлять и рентгеновской трубкой, и подвижным столом. Когда пациент размещался на столе, рентгенологу уже было не обязательно входить в комнату до окончания просвечивания; таким образом свелась к минимуму доза облучения персонала, а прием пациентов значительно ускорился.

— Она требует минимальной интенсивности,— заметил Рифкинд, когда дверь за ними закрылась.— Жаль, нам придется ее чуть ли не поджарить.

— Не смей ей вредить, Марти! — Саре хотелось ударить его, разбить его толстую рожу.

— Что?

— Извини. Я имею в виду, давайте поддерживать интенсивность на минимально необходимой. Помни, она для нас представляет особую ценность. Никакого риска, каким бы незначительным он ни был.

Не отвечая, Рифкинд стал щелкать переключателями, управлявшими излучателем и столом. Сара и сама поразилась силе своих эмоций. Почему она так стремится защитить Мириам? Разве подобает ей так вести себя? Она не знала ответа на этот вопрос.

Женщина оставалась совершенно неподвижной: губы чуть приоткрыты, взгляд устремлен прямо в смотровое окошко. Ее глаза, казалось, искали взгляд Сары, и она позволила себе ответить на этот призыв. И в течение тех долгих минут, пока проводилась рентгенография черепа, Сара позволяла Мириам смотреть ей в глаза. Это было восхитительное, завораживающее чувство, подобное тому, что испытываешь, стоя обнаженной перед человеком, которого по-настоящему любишь.

Том внимательно наблюдал за Сарой.

— Я не очень-то уверен, что Мириам не представляет опасности,— заметил он. Он уже начал было думать, что она его не услышала, но — вспыхнув — она резко повернулась к нему, сверкая глазами.

— Твое утверждение не относится к делу!

— Она накачивает тебя наркотиками, вливает тебе неизвестно какую кровь — а ты ее защищаешь. Боюсь, мне этого просто не понять.

— Она драгоценна. Да, ее поведение весьма непредсказуемо. Но нам столько еще предстоит узнать! Подумай об этом, Том.

— Благодарю за совет. Я просто счастлив, что у Мириам Блейлок есть удобная палата с крепкими стенами, где она сможет провести ночь.

— Посмотри на это с моей точки зрения. Я хочу, чтобы ты понял, какие чувства я к ней испытываю...

— Чувства?

— Я почти остановила процесс старения у Мафусаила. И тут как с неба сваливается эта... женщина, и характеристики ее крови сходны с теми, что были у Мафусаила перед самой его смертью. Единственное различие состоит в том, что она жива и прекрасно себя чувствует.

Сэм Раш появился в комнате. Том даже подпрыгнул, услышав за спиной его голос:

— Только не отпустите ее снова. Вы отвечаете за ее пребывание здесь — и спрашивать будут с вас.

— Очень хорошо, доктор.— Том вспомнил об отделении психиатрии, о здоровых охранниках, вооруженных только резиновыми дубинками. Он мысленно напомнил себе о необходимости поставить вооруженную охрану и у палаты Мириам.

— Пожалуйста, потише, мне надо сосредоточиться. Я собираюсь сделать флюорографический прогон черепа, если вас это интересует.— Рифкинд заговорил в интерком: — Миссис Блейлок, поверните голову направо, пожа-

луйста.— Руки забегали по кнопкам, включился флюороскоп.— Ненормальность,— заметил он сдавленным голосом.— Замечательная ненормальность! — И снова в интерком: — Пожалуйста, откройте рот. Спасибо. Закройте. Сделайте глоток.— Он чуть не прыгал от возбуждения.— Посмотрите на ее нижнюю челюсть! Джек, уменьши интенсивность,— сказал он остеологу, которого Том пригласил заранее. Он выключил флюороскоп.— Не хотелось бы, чтобы она стала светиться в темноте.

— Здесь множество серьезных отличий,— заговорил Джек Гибсон. Он был постоянным сотрудником-остеологом, прикрепленным к больнице, и приглашение участвовать в проекте, которым занимался элитарный исследовательский отдел, весьма польстило ему.— Угол нижней челюсти выражен значительно сильнее, да и вообще вся структура рассчитана на более мощные челюсти. Соответственно, более развиты и скуловые кости. Более значительный изгиб черепа. Конечно, мы еще будем измерять, но я бы сказал, что черепная коробка больше нормы процентов на двадцать, не меньше.

— То есть, вы хотите сказать, это не человеческий череп? — Том знал ответ, но на всякий случай решил подстраховаться. Если рождественские подарки уплывут от них, то лучше знать об этом заранее.

— Это гуманоид, несомненно. Думаю, какая-нибудь ветвь от приматов. Но вот можно ли ее считать человеком в строгом смысле слова?.. Нет. Хотя это совершенно полноценная структура, а не результат какого-либо процесса деформации.

Эта мысль со временем найдет свое отражение в статье, которую Сара уже начинала обдумывать,— в статье о Мириам; статья произведет фурор во всем научном мире, не говоря уже о мире обычном.

Голос Мириам затрещал по интеркому. Ей хотелось выбраться. Рифкинд сделал заключительную серию сним-

ков черепа и шеи. Более детальные исследования они смогут провести и позже. Но начало уже было великолепным.

— Она, по-видимому, сердится,— заметил Том.— Сара, попробуй ее успокоить. Мы же не хотим, чтобы она опять сбежала.

Сара вошла в рентгеновский кабинет.

— Мы закончили, Мириам,— сказала она успокоительным, как надеялся Том, голосом.— Вы можете теперь встать.— Ремни мог легко расстегнуть и сам пациент, но у Мириам это, по-видимому, не очень получалось. Том смотрел, как Сара ей помогает. Когда она приблизилась, он увидел, как Мириам смотрит на нее. Взгляд, пронизывающий до глубины души, и личный. Интимный. Чрезвычайно интимный. Сара приняла хорошо знакомую Тому позу. Она убрала руки за спину и склонила голову, как бы говоря: «Делай со мной все, что хочешь». Том неоднократно видел эту позу в спальне.

Губы Мириам зашевелились. Включив интерком, Том ухватил только последние слова: «...потребуется помощь».

— Что это было? — спросил Чарли Хэмфрис. Том качнул головой. Не ободряла ли Мириам Сару?

Том решил не оставлять их наедине даже на десять секунд. Какая-то гипнотическая сила исходила от Мириам Блейлок, и именно Сара стала жертвой этого. Мириам уже навязала Саре какие-то странные формы поведения, которые могут остаться у нее на всю жизнь. И никто не знает, что еще может произойти.

Он увидел, что Сара все еще возится с этими чертовыми ремнями. Он последовал за ней в рентгеновский кабинет.

Мириам просто гладила руку Сары. Но тем не менее это был самый теплый и ободряющий жест, который Сара вообще когда-либо в жизни ощущала. Она находилась так близко к ней, что чувствовала острую сладость дыхания Мириам.

— Я перелила вам кровь ради нас обеих,— очень тихо, едва шевеля губами говорила Мириам.— Но вам потребуется помощь.— Затем она улыбнулась, и Саре захотелось рассмеяться из-за этой лучистой улыбки. Все ее существо, казалось, воспаряло ко все более и более высоким уровням, в то время как Мириам смотрела ей в глаза. Она словно ощущала чувства Мириам внутри себя, и чувства эти были полными любви, чистыми и добрыми. Осознав вдруг, в какой позе она стоит, Сара чуть не засмеялась. Она сложила руки и тряхнула головой, оторвав взгляд от глаз Мириам. Мириам встала со стола в тот момент, когда вошел Том.

Сара ощутила себя ангелом, который вдруг упал с каких-то неземных высот. Ей хотелось придушить Тома!

— Ваш доктор Рифкинд нарушил свое обещание,— сказала Мириам Тому. Очень вовремя, внимание Тома сразу переключилось с Сары на Мириам. Она была благодарна Мириам за ее чуткость.

— Какое обещание?

— Он сказал, что собирается «поджарить» меня, насколько я могу судить. Доза не была минимальной.

— Я не припоминаю...

— Я прочла это по его губам, доктор Хейвер.— Она снова улыбнулась, весьма своенравно. И перешла в аппаратную. Том поплелся за ней, Сара — следом. Было что-то сверхъестественное в умении Мириам овладевать любой ситуацией. Сара даже позавидовала ей.

К их приходу атмосфера в аппаратной уже накалилась; Марти Рифкинд выглядел как наказанный ребенок, а Сэм Раш говорил голосом ровным и гладким, как поверхность зеркала:

— Никаких опасных тестов не будет, миссис Блейлок. Вы не подопытное животное. Никто в этом учреждении не желает вам причинять ни малейшего вреда. Я уверен, что говорю это от лица всего нашего персонала.

Сара снова вспомнила о той комнате, которая ждала Мириам на отделении психиатрии. Она подумала о бума-

гах на принудительное заключение, проходящих в данный момент необходимые инстанции. Она обнаружила, что не может думать о Мириам как о пленнице. А иначе о ней и нельзя было думать, или нельзя будет думать, если ее пленение будет одобрено вышестоящими инстанциями.

Они должны были отпустить Мириам домой. Чем больше Сара об этом размышляла, тем более возмутительным казалось ей все это дело. В конце концов, Мириам вернулась добровольно. Этот факт нельзя упускать из виду.

— Нам пора двигаться,— сказал Том.— Нужно еще посетить четыре лаборатории.— Он взглянул на Мириам.— Если вы не против, миссис Блейлок.

Все утро и весь последующий день они работали над анализами. Сара находилась словно во власти сна. Мириам завораживала ее, она была столь же таинственна и прекрасна, как драгоценный камень.

Когда они вышли из лаборатории исследований мозга, Сара заметила в коридоре охранника. В лифте было еще двое. Когда они вошли в лифт, все, кроме Тома, Сары и Мириам, остались на площадке. Двери закрылись, Том хлопнул по кнопке шестнадцатого этажа. На панели управления был переключатель, не допускавший остановки лифта при вызове с других этажей, и один из охранников, протянув руку, повернул его.

Вот, значит, как обстоят дела. Голова Сары поникла. Мириам попалась в ловушку.

Она видела охранников, видела их оружие. Крайним усилием воли она подавила страстное стремление рвануть от них, когда они проходили мимо пожарной лестницы. Она была уверена, что смогла бы добраться до верха здания и убежать по крышам или при необходимости взломать одну из нижних дверей.

Но необходимости в этом не будет.

— Куда вы меня везете? — спросила она, продолжая играть свою роль.— Я думала, мы уже закончили.— Ей

пришло в голову, что неплохо было бы удовлетворить свой голод Хейвером.

— Нам бы хотелось, чтобы вы переночевали здесь,— сказал он.

Если все пойдет так, как она надеялась, то для него у нее была заготовлена интересная роль. Мириам крайне его недолюбливала.

Двери лифта открылись. Мириам сразу поняла, что они, должно быть, находятся на этаже отделения психиатрии: белые стены, окна забраны крепкими решетками. Увидев все это, она ощутила дурноту. Все двери здесь будут заперты. Последняя возможность побега исчезла. Теперь все будет зависеть от Сары. Их связывала такая тонкая нить. Окажется ли она достаточно прочной?

— Я хочу уйти,— сказала она. Охранники подошли ближе. Из-за двери с крошечным окошком появились другие люди. Один из них крепко взял ее за локоть.— Я решила идти домой.— В голосе она постаралась выразить весь ужас своего отчаяния. Нужно было мобилизовать инстинкты Сары.— Отпустите меня! Я хочу домой! — Она поискала взгляд Сары, нашла его и *прикоснулась* к ней с отчаянной мольбой.

Сара закрыла лицо руками. Том Хейвер обнял ее. Мириам оттащили назад. Она застонала, обвисла в руках своих захватчиков и, всхлипывая, позволила им втащить себя в маленькую дверь и вести дальше по коридору.

Стены палаты не были обиты мягким материалом, как в сумасшедшем доме, но и в отелях не бывает таких комнат. Здесь разило отчаянием и сумасшествием. Больше играть роль не было необходимости. Мириам села на жалкую маленькую кровать. Она закрыла глаза, стараясь при помощи *прикосновения* найти контакт с Сарой, каким бы слабым он ни был.

Она вспомнила о короле Франции и его подземной темнице, о криках умирающих от голода.

Сара расстроилась. Том был предельно лаконичен. Теперь он тащил ее в лабораторию Джеффа — так же уверенно, как и сопровождал Мириам на отделение психиатрии.

— Со мной все в порядке, Том. По сути дела, я чувствую себя прекрасно.

— Ты выглядишь отвратительно. Ты бледна до синевы. Может, у тебя начинается что-то вроде цианоза.

— Может, я просто слегка шокирована! Это заведение превращается в Третий рейх. Ты только что без каких-либо объяснений бросил эту женщину в камеру!

— Она нужна нам. Во всяком случае, здесь все совершенно законно!

— Она психически здорова!

— Откуда ты это знаешь? Я так не думаю. Раз она не является человеческим существом — а у нас есть доказательства того, что она производила с тобой нечто, не поддающееся разумному объяснению,— я считаю, мы поступаем правильно. Давай, пошли.

Когда он потянул ее за руку, ярость охватила девушку. Не успев осознать, что она делает, она ударила его так сильно, что чуть не потеряла равновесие. Он резко вдохнул, потряс головой. Достаточно долгое время он оставался совершенно неподвижен. Она подумала, что он собирается ее ударить, но ошиблась.

— Если уж ты дошла до этого, дорогая, то, вероятно, тебе лучше пойти со мной.

Она больше не возражала. Она была слишком поражена своим собственным поведением.

Джефф даже не стал их приветствовать. Он просто начал говорить, информируя их о последних открытиях.

Глаза его были красными: многие часы провел он за микроскопом. Из кучи бумаг на лабораторном столе он достал засаленный желтый листок.

— Я называю это кривой замещения. На этом графике показано время, требующееся на то, чтобы собствен-

ная кровь организма была полностью замещена, в отношении к объему крови.

— Что ты имеешь в виду? — голос Тома звучал резко. Сара попыталась взять его за руку, но он отстранился.

— Введенная жидкость заменит собственную кровь организма. В этом нет сомнений. Собственная кровь сейчас не более как питательная среда для построения новой.

— Но тело же производит свою кровь. Со временем весь объем крови заменяется.

— Новая кровь, возможно, изменит тело. Она паразитна, если не считать того, что она переносит питательные вещества и кислород.

— Плохо. Сара выглядит осунувшейся.

— Действие крови еще не очень эффективно. Но восприимчивость ее меняется. Газовая хроматография показывает, что потребление кислорода снижено, но, с другой стороны, оно улучшается. Совершенствуется.

Это было странно. Сара потерла пальцами лицо. Кожа ее была скользкой и прохладной, как у Мириам.

— Какого цвета лейкоциты?

— Пурпурные. Темные, как если бы они испытывали недостаток кислорода.

— Лейкоциты Мириам были пурпурными перед сном. А у Мафусаила они были такими перед тем, как он...— Сара осеклась. Мафусаил разорвал на куски свою соседку по клетке.

— Я думаю, нам следует относиться к этой крови как к агрессивному организму. Как к паразиту. По крайней мере один вывод неизбежен: этот паразит намерен захватить твой организм.

— Выгони его оттуда! — рявкнул Том.

— Мы могли бы попробовать заменить кровь. Если мы сделаем это прямо сейчас, замена, наверное, поможет.

— Так сделай!

— Я и собираюсь, Том! Но мне нужно раздобыть еще крови. Потребуется еще несколько часов. Это все, что я могу сделать. Надеюсь, мы успеем. Уверен... успеем.

Наступила тишина. Еще несколько часов. Том обхватил ее руками. Она ощутила дрожь его тела, увидела страх в его глазах.

— Я чувствую себя прекрасно,— сказала она.— Я уверена, все будет в порядке.

Но когда он сжал ее еще крепче, она не стала вырываться.

11

Мириам стояла у зарешеченного окна темной маленькой комнатки. Вечер превращался в ночь. Ее голод все усиливался. Она легко коснулась пальцами решетки, затем пробежала ими по подоконнику. Если бы только пришла Сара!

Мириам позволила им себя запереть, чтобы дать Саре возможность прийти и освободить ее. Вся проблема в том, как относится к ней Сара, ведь лучший способ завоевать ее доверие заключался в том, чтобы Саре самой захотелось встать на ее защиту.

Надежды Мириам основывались на том, что преобладало в характере Сары — на ее обостренном чувстве справедливости. Сара, несомненно, ни за что не согласится с мыслью, что кто-то может быть несправедливо заточен в камеру.

Мириам потрясла решетку. Чем сильнее ее охватывал голод, тем большее значение приобретала каждая минута. Она воображала себе охоту, схватку. В голове стучало, в теле ощущалась тяжесть. Даже не сознавая, что она делает, Мириам исследовала оконную раму. Прутья решетки были закреплены в кирпичной стене с внешней стороны, сама рама сделана из твердого дерева.

Она, вероятно, смогла бы отогнуть прутья решетки. Но только скоро, часа через два, она уже будет слишком слаба для этого. Не так ли погибли жертвы Карла IV, слишком долго ожидая помощи извне? Мириам бросилась на кро-

вать, затем вскочила и подошла к двери. Единственное, что она могла видеть сквозь зарешеченное окошко,— это белую поверхность противоположной стены коридора.

Сквозь крошечные щели между дверью и стеной проникал мощный, изысканный аромат. Там, вне поля ее зрения, должно быть, находился охранник — скорее всего, он сидел на стуле у двери. Наверное, еще одна из предосторожностей Хейвера.

Поначалу она не принимала Хейвера в расчет, не видела в нем угрозы ее отношениям с Сарой, но чем больше она его узнавала, тем более значительным он ей казался. Была в нем некая сила — именно это и любила в нем Сара,— сила, скрытая глубоко внутри. А такая любовь особенно крепка.

Мириам поняла, почему Сара мирилась с внешними проявлениями его нелегкого характера, с высокомерием, со склонностью к интригам,— всегда оставалась надежда, что сможет проявиться эта самая внутренняя сущность, по сравнению с которой остальное кажется несущественным.

Ей хотелось, чтобы охранник ушел со своего поста, дав ей хотя бы немного покоя! Она мечтала об охоте — куда она направится и кого схватит. На верхнем этаже дома на Западной Семьдесят шестой улице жила пара, в квартире, где Мириам уже появлялась несколько лет назад. К настоящему времени об исчезновении человека из этой квартиры уже давно забыли. Теперь пора исчезнуть еще паре квартиросъемщиков. В «рекогносцировке» не было необходимости. Мириам знала как дорогу, так и замки, которые ей встретятся на пути.

— Пожалуйста, Сара,— простонала Мириам. Она совершила *прикосновение*.

В эмоциональном поле произошло легкое возмущение. Сара, находившаяся где-то в здании клиники, ощутила беспокойство.

На чердаке становилось все темнее, по мере того как вечер забирал последний свет с обращенных на запад слуховых окон. Джон лежал на полу крошечной комнаты, где хранились останки его предшественников, прислушиваясь, не вернулась ли Мириам. От слабости он едва мог стоять. Часами он лежал без движения.

Это будет его последним деянием. Стальной короб, предназначенный для него, громоздился черной тенью посередине комнаты. Рука Джона медленно поднялась; он пытался ухватиться за край этого сундука. Подтянувшись, он выпрямился в полный рост и стоял покачиваясь, стараясь сохранить равновесие.

У него закружилась голова. Стены комнаты, казалось, уходили все дальше и дальше. Оставался только жгучий голод, подобный костру в середине тела.

Понемногу комната снова оказалась в фокусе взгляда. Ему казалось, что тело его стало каменным. Голова повисла, словно у него была сломана шея. Колено задрожало, ему пришлось опереться о стену — стену из запечатанных сундуков, поставленных один на другой.

Час потребовался на то, чтобы с помощью невероятных усилий сломать замки на пяти из них. Остальные оказались слишком крепкими. Сундуки, которые ему удалось открыть, находились в нижнем ярусе — это были самые древние. Навалившись на верхние ряды, он сбросил их на пол, так чтобы нижние могли открыться.

В комнате теперь царил мрак; Джон задыхался от пыли. Но тихо в комнате не было. Все, казалось, пришло в движение, отовсюду слышался шорох. Джон бросился из комнаты и захлопнул дверь. Прислонившись к ней, он запер замок. Через несколько минут дверь начала поскрипывать, затем стала дрожать и трещать и, наконец, затряслась...

Невидящим взглядом Сара смотрела на электроэнцефалограмму. Ей никак не удавалось разобраться в сложной системе линий. Она так устала. И еще она была рас-

сержена. Ужасно рассержена!.. Мысли беспорядочно крутились вокруг последних событий. Ежесекундно она испуганно поднимала глаза, отрываясь от работы,— ей казалось, что Мириам входит в кабинет.

С Мириам они поступили нечестно. Нехорошо было захватывать ее обманом. Это заставило Сару подвергнуть сомнению истинную ценность ее работы, хотя еще больше мучил ее другой вопрос: что конкретно любила она в Томе? Идея проекта принадлежала ему, он добился ее реализации и провел в жизнь с бесстрастной точностью полицейского.

Все это время он был холоден как смерть. И теперь это бедное существо находилось там, наверху, униженное, лишенное тех прав, которыми должно обладать любое разумное существо.

Сара подняла взгляд на часы. Почти восемь — время встречи так называемой «группы Блейлок» и обмена находками. Лаборатория цитогенетики готовила результаты хромосомного анализа. Остеологи работали над костной структурой, кардиологи изучали сердце и системы кровообращения.

Сара пыталась сосредоточиться. Ей нужно было что-нибудь показать на встрече. ЭЭГ сильно отличалась от нормальной. Она мало чем походила на электроэнцефалограмму человека.

Сара не могла не думать о Мириам, и также не могла она отделаться от мысли о еде. Это было абсурдно, но голод ее становился просто неприличным.

Когда Мириам находилась рядом, Сара ощущала умиротворение. Некая удивительная доброта исходила от этой женщины. Конечно, глупо было с ее стороны переливать кровь, но нельзя забывать, что у Мириам мыслительные процессы отличны от человеческих. С ее точки зрения, это, вероятно, было совершенно логичным поступком.

До сих пор Сара старалась не думать о том, приостановится ли у нее в действительности процесс старения. Не-

ужели кровь Мириам могла оказывать такое воздействие на организм?

Если так, то это был дар не только Саре Робертс, но и всему человечеству. Мириам сказала, что она последняя из своего рода. Чем больше Сара об этом думала, тем более благородным ей представлялся этот поступок.

Благородная пленница. Какие страдания, должно быть, испытывала сейчас Мириам, находившаяся четырьмя этажами выше.

Десять минут до собрания.

Ее мысли вернулись к стоявшей перед ней проблеме. Она вдруг поняла, что путаница линий на ЭЭГ Мириам — результат того, что у ее мозга уровень напряжения выше одного вольта там, где человеческий мозг выдавал только один вольт. Самописцы электроэнцефалографа испытывали воздействие по меньшей мере двух сигналов — отсюда и мешанина.

Сара смахнула графики со стола. Вывод ясен. Большая часть человеческого мозга в обычных условиях не задействована, она непонятно почему отключена, очевидно за ненадобностью. Но с Мириам дело обстояло иначе. Ее мозг функционировал полноценно и настолько активно, что машина оказалась не в состоянии описать его деятельность.

Какое у нее должно быть необычайное мышление! То, что ее лишили свободы,— это не просто моральное унижение, это грех, страшный грех. И стыд охватил Сару — стыд за род человеческий.

Хатч, сидевший напротив Тома, выглядел теперь совершенно иначе. Мириам Блейлок вырвали из-под его контроля, и он уже ничего не мог поделать. Он слишком поздно осознал важность происходящего. Он потерял не только свое положение в Риверсайде, он потерял и еще кое-что — свой авторитет.

— Мне хотелось бы помогать вам,— заявил он.

Том был шокирован. На месте Хатча он сразу бы подал в отставку.

— Хорошо,— ответил он,— будьте моим гостем.

— Если вы не против, мы еще некоторое время будем делать вид, что работаем в одной и той же группе, как сотрудники...

Что он имел в виду?

— Конечно,— сказал Том с уверенностью, которой больше уже не ощущал. Нельзя недооценить врага. Это было его основным правилом.

— Я беспокоюсь о Саре.

— Мы все беспокоимся.

— Почему бы ей не лечь в клинику для наблюдения? Не будем забывать, что у нас здесь одна из лучших больниц.

— Мы с Джеффом обсуждали это, и оба считаем, что лучше ее не трогать. Во всяком случае, она и сама бы не согласилась.

— Попробуйте настоять. Вы сможете ее убедить.

— У нас не хватает вооруженных охранников...

— Так найдите их! Она в опасности. Полагаю, что вы больше, чем все другие, должны стремиться ей помочь.

— Что вы хотите этим сказать?

— Разве вы не понимаете, что происходит с Сарой?

— Сара занимается своей работой. И она не сообщает нам ни о каких симптомах.

— Разве вы не замечаете того воздействия, которое это... существо оказывало на нее, когда они были вместе?

— Она испытывала благоговейный трепет. Думаю, это вполне подходящая реакция. Мириам Блейлок вызывает благоговейный страх.

— Да ее просто соблазняли! Это существо хочет ее. Не можешь же ты быть настолько слеп!

— Хочет?..

— А ты и не понял? Сара была загипнотизирована, ну, или что-нибудь в этом роде. Я бы положил Сару в больницу для наблюдения и поставил бы охрану...

— Изолировать их обеих? Но это же абсурд.

Хатч, наклонившись вперед, вцепился в край стола. Том никогда еще не видел его таким возбужденным.

— Я бы поставил охрану, чтобы держать это существо подальше от нее. Любой ценой!

Том только покачал головой. Он всегда подозревал, что Хатч — скрытый параноик. Теперь же, под давлением обстоятельств, это вышло наружу. Так всегда случалось, когда люди подвергались давлению. Некоторые из них сдавались, другие же добивались удивительных результатов.

— Послушайте, я приму это к сведению. Но группа должна собраться в восемь, и я хочу увериться, что все прибудут вовремя.

Этого оказалось достаточно, чтобы Хатч с гордым видом ушел. Прекрасно. Минут через пять можно начинать обзванивать лаборатории. Тому нужно было немного побыть одному, привести в порядок свои мысли. Из гордости он ничем не выдал своих чувств Хатчу, но, по правде говоря, он тоже был напуган. Проблемы у Сары гораздо серьезнее, чем она думает,— это с очевидностью следовало из проведенных анализов. Аналогия Джеффа, сравнившего кровь Мириам с паразитическим организмом, подтверждалась. Сару ждет ужасное будущее, ведь в конце концов, если до этого дойдет, она просто умрет от голода, так как тело ее не сможет справляться с потребностями этого организма в питании.

Однако больше всего его беспокоило не это. Он почти безгранично верил в возможности Риверсайда. Что бы там ни случилось, они снасут Сару. Но он не мог понять, зачем Мириам это сделала. Он вспомнил, как два вечера назад она читала в палате книгу Сары.

Чем больше он обдумывал ситуацию, тем очевиднее становилось, что появление Мириам в клинике было за-

планировано, вплоть до заявления о ночных ужасах, сделанного с целью возбудить интерес у Сары.

Тонкий подход. Но Том и сам был неплохим стратегом и умел так выстраивать события, чтобы со стороны они казались как бы случайными. Он не мог не восхищаться Мириам.

Все ее действия вели к одной цели — переливанию крови. С другой стороны, это ведь не было попыткой убийства. Зачем такие сложности? Есть тысячи более легких и менее опасных с точки зрения раскрытия преступления способов убить кого-нибудь. Кровь, текущая в венах Сары, указала бы преступника гораздо точнее, чем отпечаток пальца. Нет, причина должна быть другой.

Но что это за причина, Том не имел ни малейшего представления. Возможно, она была настолько чуждой человеческому мышлению, что с обычной — человеческой — точки зрения могла не иметь никакого смысла. Они только-только начали изучать Мириам. То, что происходило в ее мозгу, годами — если не вечно — могло оставаться для них загадкой. И тем не менее они должны были постараться разгадать ее. Он хорошо представлял себе ситуацию, которая могла случиться в ближайшем будущем — если Сара серьезно заболеет,— когда сама ее жизнь, быть может, будет зависеть от глубины их понимания.

Он нажал кнопку интеркома в надежде, что секретарша еще не ушла. Ответа не было. Это его вина, он не попросил ее остаться. Устало вздохнув, он вернулся к расписанию и стал звонить по лабораториям.

Ему отвечали ясные, возбужденные голоса. Какая ирония судьбы. Он находится сейчас в самом центре событий, на пути к одному из самых необычайных открытий в истории — а в голове у него одни скверные предчувствия.

Саре он позвонил в последнюю очередь. Она просила еще немного времени. Ему пришлось ей сообщить, что другие к восьми уже будут готовы.

— Ты, несомненно, говоришь это всем.

Он понимал, что заслужил подобные подозрения, однако сказал:

— Не говорю, и, как ни странно, это правда.

— Ну тогда придется идти. Эти ЭЭГ — просто черт знает что. Альфа и лямбда-ритмы почти нечитаемы, все остальное не соответствует обычным нормам. Подозреваю, нам придется заново изучать работу мозга, иначе как понять, что здесь происходит.

— Ты себя чувствуешь нормально?

— Не заикливайся на этом. Я сообщу тебе, когда — и если — мои симптомы потребуют к себе большего внимания. Я не хочу оскорблять тебя в лучших чувствах, Том...

— Ты уверена? Без всяких шуток?

— Ты жалеешь самого себя? Я стараюсь не давать тебе поводов к беспокойству. Просто позволь мне заниматься своим делом. Если у меня возникнут проблемы, поверь, я тебе скажу.

Сара испытывала невыносимые страдания. Она заставляла себя притворяться заинтересованной, но не могла думать ни о чем, кроме еды. Расплата не за горами.

Все в ее глазах сейчас выглядели грешниками. А может, они просто слепы?

— Мы получили крайне интересную картину,— забубнил генетик. Он стал возиться с проектором над головой, и наконец на белом экране возник кариотип хромосом Мириам.

Бедная Мириам, она превращалась в пачку карт и графиков. Но что они могли сказать о ее красоте? О ее духе? Никогда Сара не встречала людей столь сильных духом, столь свободных и смелых. Сара решила, что переливание крови было на самом деле актом храбрости и любви. Мириам хотела передать свой дар человечеству.

В качестве реципиента она выбрала Сару, потому что та уже многое знала о процессе старения. Она сделала блестящий выбор. Все они очень ошибались в отношении

Мириам. В каком-то смысле они не имели права мешать этому эксперименту, как не имели права и задерживать Мириам. Она была просто добрым гением человечества, если не более того. К ней следовало отнестись с доверием, а не с подозрительностью и, разумеется, обойтись без жестокостей принудительного заключения.

И если переливание крови — акт смелости, попытка передать людям великий дар, то разве она как реципиентка, не должна быть храброй?

Стоит ли думать о замене крови!

От нахлынувшего на нее голода Сара чуть не задохнулась. И Том, и Хатч — оба смотрели на нее. Ей удалось изобразить улыбку. «Мириам знает, как мне помочь,— думала она.— Никогда бы она такого не сделала, если б не знала».

Ее ушей снова достигло бормотание генетика:

— В завершение цитологического анализа мы окрасили G- и Q-полосы. На образце представлен небывало большой для высших млекопитающих хромосомный набор — шестьдесят восемь хромосом. Трисомии, каких-либо разрывов или транслокаций не обнаружено.

Сара едва могла усидеть на месте. Если бы они пошли ей навстречу, Мириам, вероятно, давно бы уже помогла ей в отношении этого ужасного голода. Он был сильнее, чем простой аппетит. Саре хотелось не еды. Это было похоже на какую-то пагубную привычку. Голод. Господи, помоги.

— Оба плеча хромосомы «p» и «q» — одинаковой длины. Это невероятное открытие. Присутствует поверхностное сходство с человеческой хромосомой, но только в самых общих чертах. Однако наблюдается сильное сходство с хромосомной морфологией приматов.

Заткнись, болтливый сукин сын.

— Еще одну проблему представляет половой аспект. Я бы усомнился, что половая жизнь представителей данного вида сходна с нашей или с жизнью других приматов,

если уж на то пошло. Неопределенность, заключающаяся в шестидесяти шести хромосомах, XXY трехраздельный генотип несомненно говорят о присутствии признаков как мужской, так и женской конституции в одной и той же личности. В качестве следующего шага нашей работы я бы порекомендовал тщательное исследование половых органов.

Это и решало дело. Она не могла смириться с мыслью, что Мириам будет привязана к какому-нибудь столу, а этот сукин сын будет исследовать ее органы. Она вскочила. Том тоже начал было вставать. Мгновение она чувствовала себя загнанной в угол. Ей необходимо было подняться наверх!

— Расслабься,— сказала она по возможности спокойно.— Нужно ли устраивать панику, если я схожу в туалет?

Один Хатч последовал за ней. Они бок о бок пошли по коридору. Ему, казалось, тоже нужно было в комнату для мужчин. Сара подождала, пока он туда зайдет, и затем направилась к лестнице. На площадке она задержалась. Как она и ожидала, спустя мгновение Хатч появился в дверях. Она поняла, что им придется заняться особо. Они стояли лицом к лицу. Он предостерегающе поднял руку. Она не была уверена в результате, однако где-то читала, что удар в висок может оглушить человека.

Сжав кулак, она ударила его. Глаза Хатча закатились, он съехал на пол.

— Извините,— сказала Сара. Она ненавидела жестокость.

Перепрыгивая через три ступеньки, она понеслась наверх.

Том не мог сдержать возбуждения, одно открытие следовало за другим. Результаты были великолепны. Они все добьются признания. Необычайные открытия. Известность. Это походило на рождественский праздник. Нет, даже лучше.

Потребуется еще две-три недели, чтобы тщательно изучить Мириам, и они будут готовы представить свои результаты широким кругам общественности. Об открытии нового вида будет объявлено одновременно с заявлением об открытии лекарства от старости. По-видимому, тело Мириам вырабатывало во сне тот самый липофусиновый ингибитор, который в течение короткого времени присутствовал в крови Мафусаила, перед тем как у него наступил кризис. Разница заключалась в том, что у Мириам не было таких кризисов. Они разберутся, в чем тут дело,— это лишь вопрос времени.

Он вспомнил о камере на отделении психиатрии. Принудительное заключение. Неприятная, но необходимая мера.

Хатч ворвался в комнату, нарушив как ход мыслей Тома, так и ход всего собрания, когда с силой распахнутая дверь грохнула о стену. Хатчу не было необходимости что-либо говорить, все сразу поняли: что-то случилось с Сарой.

— Куда она пошла? — услышал Том голос Чарли Хэмфриса.

Том подождал, пока Хатч выдохнет: «На лестницу», и исчез.

Он несся на шестнадцатый этаж. Он ворвался в приемную, и служитель испуганно вскочил из-за стола с дубинкой в руке.

— Доктор Робертс здесь?

— Господи! Вы как на пожар...

— ОНА ЗДЕСЬ?

— Сейчас посмотрим. Она записалась и прошла в комнату четырнадцать минут десять назад. Вышла через три минуты.

— Черт побери! — Он расписался в журнале, подождал, пока служитель позвонит охраннику, бросился к двери Мириам. Охранник сидел на стуле у стены.

— Откройте!

Охранник, подняв глаза, узнал Тома.

— Ни звука с тех пор, как ушла доктор Робертс.— Он отпер дверь и широко ее распахнул.

В комнате было холодно от ночного воздуха. Зиял темный проем окна, решетки на нем не было.

— Сара уходила одна?

— Да. Минут пять назад, не больше. Она ничего не сказала.

Том подошел к окну. Он не смог бы спуститься вниз или взобраться этажом выше, если бы вылез отсюда. Но Мириам, очевидно, смогла, потому что ее здесь не было.

Мириам быстро шла по Центральному парку, направляясь к Вестсайду. Она буквально зверела от голода. К тому времени, когда пришла Сара, она уже сорвала решетку с окна. И это было очень кстати. Саре хотелось, чтобы ее обняли. Но Мириам не могла себе настолько доверять — по крайней мере в таком состоянии. Она пообещала страдающей Саре, что поможет ей, и назначила встречу в своем доме через полчаса. Затем она спустилась по стене на боковую дорожку, в то время как Сара, высунувшись из окна, наблюдала за ней.

Она бежала по Шип-Медоу; скалы зданий вздымались, поблескивая, за мрачными силуэтами деревьев. За полчаса ей многое нужно было успеть сделать.

Выскочив из парка, она замедлила бег. Теперь она шла быстро, пересекла Семьдесят шестую улицу и стала считать дома, выискивая тот, куда ей нужно было попасть.

Она выбрала дом за четыре двери от цели, чтобы не быть замеченной на лестнице. Перескакивая через четыре ступеньки, она неслась мимо дверей квартир, откуда слышались звуки работающих телевизоров, доносились запахи жареного мяса. Домчавшись до верхнего этажа, она взобралась по лестнице на крышу. Правила безопасности Нью-Йорка предусматривали, что у квартиросъемщиков должен быть свободный выход на крышу. Ей это было только на руку.

Эти старые, стоявшие в ряд дома соединялись общими стенами. Мириам беззвучно шла по крытым толем крышам, пока не добралась до цели. Владелец этого дома был неглуп. Он построил дополнительное помещение, соорудив на крыше спальню. Таким образом, квартира стала двухэтажной, с роскошной винтовой лестницей, соединявшей спальню с гостиной. Мириам считала это место идеальным для охоты ранним вечером, потому что можно было забраться в спальню и ждать удобного случая, стоя наверху, у винтовой лестницы. Отсюда было видно всю гостиную внизу.

Спальня имела выход на крышу, запертый на пружинную задвижку. Ее можно было открыть изнутри, но не с крыши. Так думали хозяева. Замок на двери не меняли. Это был тот же самый нестандартный механизм, что и шесть лет назад. Через тридцать секунд она оказалась внутри. От двери к полу спальни вели три ступеньки.

Глядя из темноты вниз, сквозь винтовую лестницу, она оценила обоих жильцов. Девушка была легче, ее надо будет взять живьем. Мириам осмотрела мужчину. Этот человек идеально соответствовал ее запросам. Все было точно так же, как и в тот раз: молодая пара, обеденное время. Единственная разница заключалась в том, что тогда с ней был Джон и они вместе удовлетворяли свой голод на полу этой спальни.

Мириам воспользовалась старым приемом — она зашипела. Обедавшие внизу прислушались. Она зашипела снова, громче.

— Неужели там кошка?

Она опять зашипела.

— Фрэнк, там наверху кошка.

— Черт бы ее побрал.

Она зашипела вновь, воображая себя кошкой, испытывающей боль.

— Фрэнк, сходи посмотри. У нее, наверное, что-то болит.

Заскрипел стул. Мириам стремительно отступила в ванную. Через мгновение в спальне зажегся свет и на лестнице послышались тяжелые шаги Фрэнка. Она наблюдала за ним, оставаясь в тени, все тело ее напряглось перед решающим броском. Он сделал в точности то же самое, что и его предшественник: осмотрелся и, ничего не заметив, наклонился, чтобы заглянуть под кровать.

Мириам не нуждалась в скальпеле. Природа снабдила ее острым и жестким языком, замечательно подходящим для этой цели, поэтому она мгновенно проникла в плоть. Раздался резкий вздох, ноги забились по полу... Мужчина был мертв. За десять секунд она наполнила свое тело огнем его жизни.

— Фрэнк? Что это там за чавканье?

Мириам, достав из сумки тряпку с хлороформом, снова удалилась в ванную. Она взяла с собой кучку одежды, оставшуюся от того, что раньше было мужчиной.

— Фрэнк?

Она снова издала кошачье шипение. Затем топнула.

— Ты убиваешь это животное? Фрэнк, это, может быть, кошка миссис Рэнсом! — Раздалось придушенное шипение.— Фрэнк, не надо! — Грохот отодвигающегося стула, быстрый топот.

Мириам прекрасно знала, что представляют собой такие особы. С ней она будет действовать просто — шагнет в освещенное пространство, так что та на мгновение застынет на месте. Девушка добралась до верхней ступеньки.

— Фрэ-энк? О!..— Она стояла, разинув рот от удивления, в замешательстве хлопая глазами.

— Я из полиции.— С этими словами Мириам одним прыжком преодолела разделявшее их пространство.— Все в полном порядке.

Девушка закачалась, забормотала что-то в тряпку с хлороформом, затем обмякла. Мириам сложила то, что осталось от Фрэнка, в обычный черный полиэтиленовый ме-

шок для мусора. Находившаяся без сознания девушка представляла собой более сложную проблему, но Мириам все тщательно продумала. Самой рискованной частью операции будет дотащить ее до дома. Если кто-то выйдет из другой квартиры, когда она будет нести ее по лестнице, ей придется снова убивать.

Она быстро спустилась вниз. Никого на лестнице не было. Она заметила нескольких человек на улице, но в человеческом обществе женщины занимали положение, которое никак не связывалось с мыслями о насилии, так что Мириам почти не тревожил тот факт, что ее помощь своей «слегка поддатой» подруге может вызвать какие-либо подозрения.

Они добрались до дому без всяких инцидентов, причем Мириам то успокаивала девушку, находившуюся в полубессознательном состоянии, то угрожала ей. Но до тех пор, пока девушка не оказалась запертой в стенном шкафу спальни, Мириам едва могла думать о чем-то другом. Повернув ключ в замке, она поняла, что наконец-то все готово. Было девять тридцать. Мириам сыта и снова может спокойно пребывать в обществе человеческих существ. И к тому же Сару ждала ее первая жертва.

С растущим отчаянием Том искал Сару — искал в ее кабинете, затем в лаборатории, потом в лаборатории Джеффа, где они должны были переливать ей кровь. Там находился Джефф с необходимым количеством свежей крови.

Но Сары там не было.

В конце концов ему пришлось признать очевидное. Несмотря на свое состояние, она ушла из Риверсайда.

— Сколько у нее остается времени?

Выражение лица Джеффа недвусмысленно отвечало на этот вопрос.

— Этого я и боялся.

— Я сделал все, что мог, Том. Я буквально ограбил Красный Крест, чтобы достать это.

Том бросился в коридор, вне себя от ужаса и горя. Как могла она так поступить? Ему пришла в голову мысль, что Мириам, возможно, похитила ее, но он отверг эту идею. Даже Мириам не смогла бы вылезти из окна с Сарой на руках.

Он зашел в конференц-зал, увидел развалившегося в кресле Хатча. Филлис обрабатывала его мокрыми бумажными полотенцами.

— Хатч,— с надеждой в голосе обратился к нему Том,— у вас есть какие-нибудь мысли насчет того, куда она могла пойти?

— Наверх. Это все, что я знаю. Как только я попытался ее остановить, она меня ударила, и так сильно, что я потерял сознание.

Том рванулся из комнаты, побежал к лифтам, грохнул кулаком по кнопке этажа. Его трясло. Но теперь он знал, куда она пошла. Она могла пойти только в одно место.

Сара. Пожалуйста, дорогая. Пожалуйста!

Ночной воздух, влажный и резкий, обвевал лицо Сары, когда она бежала по Первой авеню. Никогда еще не испытывала она такой свободы. Ее тело казалось ей необычайно сильным. Она двигалась быстро, но даже не запыхалась — она рада была ветру, дувшему ей в лицо.

Там, в палате, на отделении психиатрии, она обняла Мириам — и с того мгновения чувство радости и удивления не покидало ее. Она словно заглянула в тайну Мириам. Как тупы они все! Ни один из них не понял, какой это восторг — почувствовать на себе взгляд Мириам, коснуться ее.

Наука не в силах объяснить эти ощущения. То воздействие, которое оказывала на нее Мириам, невозможно было объяснить сухим языком науки, невозможно было

измерить. Как измерить разницу между духом закрепощенным и духом свободным?

Внезапно ее охватило возбуждение. Впереди, через два дома от нее, из кофейни вышла одинокая фигура. Сара ускорила шаг, стуча каблуками по тротуару. Все движения ее обрели какую-то удивительную отточенность.

Фигура, шедшая по улице, казалась такой хрупкой. Она представила, как достает из улья соты с медом и пробует их горячую, таинственную сладость...

Ей хотелось ударить этого человека? Нет, дело обстояло гораздо хуже. Она представила себе, как голова его перекатывается, словно арбуз, под колесами проезжающего автобуса, увидела хлещущую из его шеи кровь.

Она замедлила бег.

Это были не ее мысли, у нее просто не могло их быть.

Мужчина, остановившись на углу, прикурил сигарету. Когда он наклонил голову, Сара увидела его белую шею в свете зажженной спички, увидела его профиль.

Мужчина выпрямился и посмотрел в ее сторону, заметив, очевидно, что она замедлила шаг. Когда он взглянул на нее, на его осунувшемся лице отразилось легкое удивление, затем он отвернулся и пошел дальше.

Его удивление почему-то привело Сару в ярость. Она зашагала было за ним, но остановилась. Из пронесшейся мимо машины донеслись звуки радио. Двое детей вышли из вестибюля многоквартирного дома и растворились в ночи.

Злиться на пожилого человека не было никакого смысла.

Мириам. Она бы ее поняла, она наверняка знала. С этой мыслью к Саре вернулось все ее ликующее настроение, и она снова побежала. Чудесно было ощущать себя такой свободной и никого не бояться.

Она поймала себя на том, что движется к парку Карла Шурца. Что заставило ее зайти так далеко на восток, она не могла сказать. Опускался туман, клубясь в свете фона-

рей, как дым, и дорожки парка при этом поблескивали так же, как прошлой ночью. Сара перешла на шаг.

Но маленький парк потерял всю свою таинственность, перестал наводить страх. К столбу ворот пристала обертка, с дерева уныло свисала петля бечевки от воздушного змея. Где-то вдалеке слышалось бормотание Ист-Ривер, и на федеральной автостраде шуршали шины.

Это был реальный мир, мир Сары. Подойдя к воротам, в которые она входила прошлой ночью, она увидела ведущую во тьму дорожку. Что увидит она там, если войдет?

Пустые скамейки и тишину. И ничего больше.

Прошлая ночь — это лишь кошмарный сон. Она пошла, уже немного медленнее, к дому Мириам. У нее осталось только одно желание — узнать, что делать ей со своим безумным голодом. Она не могла думать ни о чем, кроме еды.

После Ист-Энд-авеню она повернула на запад, к Йорк-авеню, и на пути ей встретился утомленный ресторанный завсегдатай. Она отчетливо ощутила запах пищи и с отвращением поморщилась.

Как можно есть такие отбросы! Ее мысли задержались на одном воспоминании — о персиках, которые они собирали с дерева, росшего на заднем дворе, еще в Саванне,— персиках сочных, желто-красных... Ей хотелось, чтобы у нее сейчас был такой персик.

— Пожалуйста, Мириам,— тихо произнесла она вслух,— помоги мне.

К тому времени, когда впереди наконец появился дом Мириам, девушка была уже просто вне себя. Как Сара ни старалась, она не могла понять, что ей нужно. Как будто сама жизнь была той пищей, которая ей требовалась. Но что такое творилось в ее организме, что могло бы объяснить подобное стремление?

Сара позвонила. Почти в то же мгновение щелкнул замок и дверь распахнулась. В темноте коридора стояла Мириам. Вытянув руки вперед, Сара прижалась к ней со

вздохом облегчения. Мириам, беззвучно закрыв дверь, обняла Сару. Мириам умела быть такой нежной.

Немного успокоившись, Сара начала бормотать, выражая благодарность, объясняя, что поняла теперь ценность дара Мириам и что именно долголетия она и стремилась так упорно достичь в своей лаборатории.

— Это еще не все.

Да, правда. Несмотря на ее облегчение и радость, эта ужасная, безудержная потребность не проходила — и вместе с ней росло отвращение к нормальной еде. До сих пор она не задумывалась над тем, что ест Мириам. Ее замешательство объяснялось, вероятно, тем, что у нее отсутствовало инстинктивное стремление к тому, что ела Мириам и что должно было теперь стать и ее собственной пищей.

— Идем,— Мириам взяла ее под руку и повела наверх. Лестница и холл были ярко освещены. Мириам открыла дверь в темную комнату.

— Это моя спальня,— сказала она.— Ты была здесь вчера.

Мириам ввела Сару туда и закрыла дверь. Саре потребовалось несколько секунд, чтобы освоиться в темноте. Мириам положила ладони ей на плечи и усадила ее.

— Жди. Я собираюсь утолить твой голод. Приготовься, Сара. Это будет совершенно неожиданно.

Сара повиновалась спокойной уверенности этого голоса. «Она рада меня видеть»,— пришла ей по-детски восторженная мысль. Раздался высокий пронзительный звук, подобный визгу умирающего кролика.

— Открой рот! — Тон Мириам был теперь резким и требовательным.

Горячий поток заструился по ее горлу, горячий, пульсирующий,— в то время как пронзительный визг становился все тише и тише, растворяясь в темноте комнаты. На одно ужасное мгновение Саре показалось, что это поток мочи — он был таким горячим и солоноватым,— но

то воздействие, которое он на нее оказал, почти сразу же развеяло все ее сомнения.

Они с Томом как-то приняли немного кокаину. Он мгновенно поднимал человека до таких высот, которые раньше казались верхом удовольствия. Но *это* не шло ни в какое сравнение.

Сара дернула ногой, откинула голову, потеряв теплую струю, затем рванулась вперед — ей хотелось еще и еще. Что-то мягкое и сочное оказалось у нее во рту. «Соси!» Она повиновалась — испытав еще большее наслаждение. В голове ее с каждым новым глотком взрывались звезды, ангелы пели вокруг — сладостно и благозвучно.

И вдруг пульсирующий источник исчез. Сара рванулась вперед, всхлипывая, стараясь снова его найти; тело ее и душа просто изнемогали от наслаждения. Она ощущала в голове прохладную чистоту весеннего дождя, сердце готово было выпрыгнуть из груди, исполненное неописуемого блаженства.

— Добро пожаловать в королевство! — сказала Мириам. Она включила свет.

Сара вскрикнула. Этот звук колокольным звоном отдался в ее собственных ушах, но то был вопль не страха, а восторга, восторга дикого и неописуемого. Мириам ничем не походила на человеческое существо, но она была *прекрасна*!

— Я предпочла убрать весь грим.

Это была Богиня Афина, Изида — Сара не могла подобрать слова, имени...

Глаза — не бледно-серые, а сияющие, золотые, пронизывающе яркие.

Кожа — белая и гладкая, как мрамор. Бровей не было, но лицо ее дышало таким благородством, таким умиротворением, что один только вид его вызвал у Сары желание выплакать из себя ничтожные страсти своей собственной — человеческой — расы и разделаться с ними навеки.

Волосы, скрывавшиеся до этого под париком, такие же золотые, как и глаза, были мягкими, словно пух, тоньше, чем волосы ребенка. Волосы ангела.

Волшебное создание, называющее себя «Мириам», заговорило.

— Тебе откроются многие тайны,— сказало оно властным голосом, совсем не похожим на голос Мириам. Сара с трудом подавила страстное желание — ей хотелось кричать от восторга.

Внезапно лицо Мириам словно прыгнуло на нее. Она услышала внутри себя дрожащие от сокрытой в них энергии слова: «Сара, я люблю тебя». Затем они исчезли, будто бы говоривший расслабился после невероятно трудных усилий.

— О Господи! Ты...

— Телепатия. Ты услышала посланную мною мысль.

Сара не очень-то поверила ей, телепатия была сравнительно мало изучена наукой.

Но в тот момент это ее не слишком волновало. По мере того как желудок ее переваривал таинственную новую пищу, происходили необычайные изменения в восприятии. Она почувствовала, как в теле ее рождается нечто новое, никогда ранее не дававшее о себе знать. Это была сила, чувство глубочайшей уверенности в себе, которое, должно быть, испытывают могучие звери. Также она обнаружила, как невероятно обострилось ее обоняние, что было поистине прекрасным дополнением к новому телу. В комнате бурлил водоворот различных запахов. Сара ощущала прохладный запах шелкового покрывала на кровати, затхлость ковра, слабый остро-сладкий аромат воска, которым полируют мебель.

И было что-то еще, что-то до боли знакомое — и в то же время не поддающееся описанию: ужасный аромат, сильный, насыщенный, удивительно возбуждающий на фоне остальных запахов. Источник его находился под кроватью. Сара наклонилась, всматриваясь.

— Еще рано,— прошептала Мириам. В мгновение она оказалась рядом с Сарой.

— Пахнет чудесно! — Как капризный ребенок, Сара ощутила раздражение. Отчего ей нельзя посмотреть, что там спрятано? Мириам обняла ее, прижала лицо Сары к своей белой коже. Это отвлекло девушку. Обострившееся обоняние восприняло аромат, который музыкой отозвался в душе. На тех, кто вышел за пределы, установленные жалкой человеческой природой, запах Мириам действовал сильнее наркотика. Сара застыла, прижавшись к ней головой, и клялась, что никогда в жизни она не сдвинется отсюда, что никогда больше ее не лишат этого... Этого рая.

Мириам слышала удары в дверь внизу. Если бы Сара видела взгляд этих золотых глаз, она бы и не вспомнила больше об ангелах.

Мириам мягко отстранилась. Очевидно, Хейвер сумел разобраться во всем настолько, что рискнул прийти сюда. Сара застонала, когда Мириам положила ее на кровать. После облегчения, наступившего с утолением голода, Сару скоро охватит *Сон*. Это и неплохо, пусть *Спит*. Ей нет необходимости видеть то, что скоро здесь произойдет. Джон, скрывавшийся на чердаке, вот-вот примется за дело.

Но только не Мириам, а Том Хейвер испытает на себе всю силу его мести.

12

Джон подождал, пока не уверился, что слышит два голоса, затем взялся за ручку замка. Он закрыл глаза. Когда он повернет ручку, жить ему останется недолго. Он никогда уже не будет принадлежать себе.

Но он, по крайней мере, сможет унести с собой это чудесное чувство мести — пусть хоть ненадолго, на то время, что ему предстоит оставаться в сознании.

Щелчок замка. Дверь распахнулась, отбросив Джона к дальней стене, в конец коридора. Он упал на пол, плоть его трещала, как пергамент. Темные фигуры вывалились в открытую дверь. Ощущался сухой, застарелый запах, подобный запаху старой кожи.

Долгое время слышны были только слабые шорохи. Джон не знал точно, какими они окажутся, но надеялся, они смогут двигаться быстрее, чем сейчас. Мириам не должна...

Что-то коснулось его ступни, поднялось вверх по ноге. Он держал глаза плотно закрытыми, он не хотел этого видеть. Слышался тонкий, скулящий звук — все, что осталось от его голоса.

Он был для них бесполезен, они быстро это поняли. Он услышал царапанье, когда они потащились к двери в нижнюю часть дома, а затем и легкий перестук шагов... Вниз по лестнице.

— Открывайте! — Том изо всех сил молотил кулаком по входной двери. Трудно было поверить, что его шумное появление могло остаться незамеченным. И это лишь убеждало его в том, что Сара здесь и что его присутствие нежелательно.— Я вышибу эту чертову дверь! — Его голос эхом отдавался по всей улице, но ему было наплевать. Пусть вызывают полицию. Он только рад будет помощи. Отступив, он крепко ударил по двери ногой — и чуть не упал в коридор. Дверь открылась сама по себе.

Пред ним зиял черный провал входа. Раздался какой-то шорох, и все смолкло. Впереди, в темноте, Том разглядел смутные очертания чей-то скрюченной фигуры.

— Я хочу видеть Сару Робертс,— заявил он, перешагивая через порог. Том намеревался оставить дверь открытой, чтобы падал свет с улицы, но едва он вошел, как дверь закрылась. Мягкость ее движения и отчетливый щелчок замка навели его на мысль о том, что ею управляли откуда-то из дома.

— Ладно, Мириам, хватит — значит хватит! — Выставив вперед руки, он добрался до стены и стал шарить руками по гладкой поверхности, стараясь найти свет. Он нажал на старомодный кнопочный выключатель, но свет не загорелся.— Ох, Бога ради!

Снова раздался шорох — шепот? — на этот раз ближе. Он отшатнулся. Что-то ужасное слышалось в нем, что-то безумно алчное. Он прижался спиной к входной двери. Ручка не поворачивалась.

— Уйдите от меня! — Он ударил ногой — но в пустоту. Шепот становился все громче и громче, превращаясь в неистовое бормотание. Это был не то чтобы голос, скорее шорох, словно по коридору ползла масса насекомых.

Том крутил ручку двери, налегая на нее всем телом, колотил по ней. С виду она могла быть и деревянной, но на ощупь была как сталь.

Слева от него виднелся проход в виде арки, ведущий в гостиную.

Окна.

Он сделал шаг вперед. Что-то обхватило его правую лодыжку. Он выдернул ногу, но *оно* тут же уцепилось за другую. Том затопал ногами, однако обе его лодыжки были зажаты мертвой хваткой.

Сара!

Накатила боль, жгучая, мучительная, заставлявшая его опускаться на колени. Он молотил руками и ногами, но с каждым движением, казалось, все больше запутывался в том, что там было. Тонкие пальцы схватили его за волосы, обвились вокруг шеи. Он кричал и кричал, изо всех сил стараясь оторвать от себя похожую на веревки субстанцию. В щеку ему вонзился коготь и процарапал ее до самого подбородка. Взревев от боли, он ухитрился отдернуть голову в сторону, так что коготь не дошел до сонной артерии.

Сара!

Руки Тома столкнулись с чем-то твердым — голова. Он изо всей силы оттолкнулся. Раздался треск, и пальцы, вцепившиеся в его волосы, разжались. Он бил снова и снова, чувствуя, как это существо хрустит под его ударами, словно стекло.

С трудом он поднялся на ноги и бросился в гостиную, стряхивая с себя вонючую пыль, оставленную этим существом.

Щека, лодыжки и руки у него сильно болели. Он всматривался в темноту. Убил ли он это существо?

Что это была за чертовщина?

— Сара, это я! Иди сюда! Ты должна выбраться из этого дома!

Он заметил какую-то тень в дальнем конце комнаты — высокая, тощая фигура с трясущейся головой. Она выглядела не более человеческой, чем то существо, которое на него набросилось. Контур ее неясно обрисовывался в свете, идущем с улицы.

Он не имел ни малейшего представления о том, что происходит. Но Сара находилась здесь — где-то здесь. Всеми фибрами своей души он страстно желал выпрыгнуть в окно, удрать, избавиться от заразившего этот дом чудовищного зла...

Но Сара была здесь.

— Эй, ты! Где она? — Он сделал шаг. Еще один. Голова существа перестала качаться. Оно внезапно упало на пол.

Из двери, ведущей в заднюю часть дома, появилось еще одно. Том видел, что оно идет как человек, у которого срослись коленные суставы. Затем оно тоже упало.

Снова раздался скребущий звук.

— Сара Робертс!

Звук становился громче по мере того, как существа ползли по полу. Подняв руку, Том коснулся открытой раны на щеке. В это мгновение он понял, что ему необходимо выбраться отсюда. Если они снова до него доберутся, он умрет.

Слева от него была веранда с застекленными дверями, ведущими в сад. Спотыкаясь, он подошел к дверям и, взявшись за ручку, дернул. Заперто.

Он не стал пытаться отпереть дверь, но схватил стул и швырнул его в стекло.

А потом, обезумев от ужаса, он бежал по саду между кустов в поисках забора. Он добрался наконец до края участка и взобрался на кирпичную стену, сильно порезав пальцы об осколки стекла, которыми был утыкан верхний край стены.

Оказавшись наверху, он на мгновение задержался и взглянул на дом. Света там не было. А внизу, неподалеку, дергались и раскачивались кусты, словно кто-то яростно продирался сквозь них.

Он спрыгнул вниз, с высоты шесть футов.

И снова вернулся в мир. Невдалеке шла женщина, ведя собачку на поводке. Он пронесся мимо нее до угла и подозвал такси.

— Травмпункт Риверсайда,— выдохнул он.

— Оно и понятно.

В ярко освещенной комнате пункта его раны зашили и перевязали руки. Он им сказал, что у него в квартире выпало стекло из окна.

Что произошло на самом деле, он не знал. Возможно, это была реальность, а возможно — иллюзия... Для того чтобы его отпугнуть.

Он отдал указание вызвать нескольких детективов из Двадцать третьего участка. Через полчаса он встретился с ними в своем кабинете.

— Так что вы хотите — чтобы мы пошли в этот дом и вызволили вашу подругу?

— Именно так, офицер. Я имею все основания полагать, что ее держат там против ее воли.

— Она была похищена?

— Психически, да. На нее воздействовали.

— Не очень-то это похоже на преступление. Если б она была несовершеннолетней...

— Ах вот как! Вы что же, хотите сказать, что я не получу от вас никакой помощи?

— Доктор Хейвер, то, о чем вы рассказали, нельзя рассматривать как преступление.

Он отпустил их. Когда дверь закрылась, он уже не мог себя сдерживать. Он зарыдал от бессильной злости, закрыв лицо руками, чтобы приглушить звуки.

Сара ощущала полное умиротворение, пока не услышала, как кто-то зовет ее по имени.

Том?

Она плыла в мягких, ласковых волнах, в залитом лунным светом море...

Он кричал.

Она открыла глаза. В голове ее стоял живой образ Тома. «Я люблю тебя!» — крики накладывались один на другой, такие неистовые, что Сара закрыла руками уши.

Внезапно все кончилось. Через мгновение из-за двери донесся голос Мириам. «Все в порядке,— сказал голос,— теперь спи».

«Спасибо»,— ответила она. Но подумала: «Пожалуйста, пусть он не умирает». Ей нужно идти к нему. Он зовет. Но для этого надо выбраться из постели. Она села, покачнувшись; ее затрясло, когда она поставила ноги на пол, и ей пришлось схватиться за стойку кровати.

Беспомощная, охваченная сном, она сползла на пол.

Голова упала на грудь; Сара жалела, что вообще вылезла из постели. Было так холодно! Открыв глаза, она попыталась собраться с силами, чтобы залезть обратно.

Ей потребовалось некоторое время, прежде чем она поняла, что смотрит на чье-то лицо. Кто-то лежал под кроватью, неподвижный и молчаливый. Сара вздохнула — сил кричать у нее не оказалось.

Это лицо не было умиротворенным, оно было грустным.

Так вот какова «пища» Мириам. Сару затошнило при воспоминании о ней. И тем не менее она пела в ее венах. Сара медленно протянула руку. Ее глаза закрывались, и, словно в опиумном трансе, она гладила лоб человека, чью жизнь только что взяла.

Она *Спала*.

Мириам ходила по дому, сражаясь со своими неудачами. Тело Тома Хейвера найти не удалось. Она не удивилась, что он ускользнул. Нападавшие были отчаянны, но сил их хватило ненадолго. Бедняга. Сумев выжить, он добился только того, что ему придется умереть смертью еще более ужасной. Его нельзя было оставить в живых — слишком многое он уже успел узнать. Надо лишь действовать с умом, и его смерть можно будет организовать таким образом, что она послужит определенной цели.

Она прошла по следу из сломанных растений к стене садика. Там находился Эвмен, с протянутыми руками и разинутым ртом, стремившийся к пище, которую он все равно не смог бы проглотить. Он был просто отвратителен.

Она вспомнила, как лежала, положив голову ему на колени, на склонах Гиметта.

Она их всех возвратила на свои места, силой запихивая в сундуки. Наконец остался один лишь Джон, скорчившийся у стены чердака. Она подняла его, сжав одной рукой оба его запястья, и понесла, держа его в другой руке.

— Я знаю, что ты слышишь меня, любовь моя,— говорила она, помещая его в стальной контейнер.— Я пообещаю тебе то же, что обещала и другим. Слушай внимательно, потому что ты должен помнить это вечно. Джон, ты будешь рядом со мной, пока само время не придет к концу. Я никогда не покину тебя и никогда не забуду. Я никогда тебя не разлюблю.

Она втискивала Джона в его стальную могилу, пока колени его не прижались к груди, и закрыла крышку. Рыдая, она один за другим завинтила болты.

Том в одиночестве лежал на их с Сарой кровати. Каждый раз, когда его охватывала дремота, кошмарные визжащие видения возвращали его в состояние бодрствования. Лицо его представляло собой маску тупой пульсирующей боли, левый глаз распух и закрылся.

Он старался понять, что с ним произошло. Независимо от того, как он с этим справился, удовлетворительного объяснения всему случившемуся он не нашел.

Он подумал о Саре и застонал вполголоса. Она находилась в руках чудовища. Всего-то навсего. Возможно, наука никогда не сможет объяснить это.

И тем не менее Мириам была реальной, жила в сегодняшнем, реальном мире. Ее существование — это попрание законов природы. По крайней мере, в его понимании это было так.

Первые лучи солнца медленно скользили по стене. Том представил себе землю — зеленую крупинку, путешествующую вокруг солнца, затерянную в темной бездне космоса. И действительно, вселенная казалась чем-то холодным, зловещим и таинственным.

В чем же истина?

Что-то защекотало его щеку. Снова слезы. Отбросив одеяло, он вылез из постели. И сразу же застыл. Эта комната была единственной, куда заглядывало солнце. Остальная часть квартиры все еще оставалась погруженной в темноту.

Он застыл в ужасе. Он не мог сдвинуться с места.

Оно налетало на него с визгом, раздирая острыми кинжалами когтей, щелкая зубами...

И исчезало.

Тряхнув головой, он пошел в ванную и сполоснул холодной водой шею и грудь. Он не должен позволять обра-

зу этого существа снова проникать в его сознание. Впасть в кататоническое состояние от страха — не слишком приятная перспектива. Надо держать себя в руках, пока остается хоть какая-то надежда.

Вид у него был невообразимый. Один глаз покраснел и распух от слез. Другой — сплошной синяк. Ему следовало бы побриться, но мешали повязки.

Внезапно в мысли его вплелся телефонный звонок. Сколько времени он уже звонил? Включая по пути свет, Том прошел в гостиную и взял трубку.

Через три минуты Чарли и Филлис уже стояли в дверях. Они принесли еду и кофе и не верили никаким историям о разбитых окнах. Они хотели знать, что Мириам сделала с Сарой.

Мириам стояла рядом с кроватью, глядя на Сару, ожидая, когда та проснется. *Сон* уже оказывал свое действие. Трансформация проходила отлично. Мириам коснулась щеки Сары, ощутив холодную сухость кожи. Еще один хороший знак.

Это было мгновение счастья.

Осталось убрать последний барьер — эмоциональный,— и трансформация завершится. Нельзя не принимать во внимание ее преданность Тому. Сара должна полностью осознать свое положение. Она теперь принадлежала к новому виду и должна была расстаться со старыми ценностями.

Мириам представила себе Тома Хейвера и задумалась. Ей вдруг пришла в голову отличная мысль, как можно его использовать, чтобы преданность Сары приняла иную направленность. Он будет посредником.

По легкому изменению дыхания Сары Мириам поняла, что *Сон* завершается. Очень хорошо. Когда Сара проснется, ее будет ждать любовь.

Кошмарный сон закончился. Сара открыла глаза. Вид нависшего над кроватью существа привел ее в ужас. Мириам, конечно. Глаза ее горели, во взгляде — алчность. Первым импульсом Сары было бежать.

Она вспомнила о теле под кроватью, о мертвой коже, вялой и сухой.

— Не надо,— сказала Мириам.— Прошлого не изменишь.

— Ты убийца!

Мириам села на край кровати и стала гладить Сару по лицу; ту затрясло, но она боялась отвернуться. Еще ребенком, в Саванне, Сара поймала крольчонка. Она вспомнила о том, как он затих у нее в руке, а она подумала: «Я приручила его своим прикосновением». Но затих он не потому — он был испуган насмерть. Она поднесла его к лицу, чтобы дружески на него подуть, и увидела, что жизни в нем больше нет.

Пусть бы что-нибудь похожее произошло и с ней. Но ничего не происходило. Вместо этого она вспомнила прошлую ночь.

— Том...

— С ним все в порядке.

— Я должна ему позвонить! — Казалось, вернулось что-то из ее прежней жизни, когда она вспомнила его крики.— Где телефон?

Трудно было понять, что выражает лицо Мириам. Она казалась одновременно и рассерженной, и любопытно-спокойной.

— Не думаю, что тебе следует звонить. Лучше поезжай к нему.

Сара скрыла свое изумление. Она считала себя пленницей.

— Я могу сейчас поехать?

— Конечно. Ты не пленница.

Сара сразу же выбралась из постели. Встала она с легкостью. Исчезли и голод, и психическая неуравновешен-

ность. Тело ее казалось необычайно легким и здоровым. Ее переполняло чувство физического благополучия.

Затем в ее сознании снова возник образ мертвой девушки. Она вспомнила ощущение горячей крови в горле, печальное лицо жертвы — и все ее счастливое настроение испарилось. Она отшатнулась от кровати.

— В комнате чисто,— заметила Мириам.— Мы очень быстро избавляемся от вещественных доказательств, ты увидишь.

Сара не могла это слышать. Она зажала уши руками.

— Ты взяла жизнь. Именно ее ты в себе сейчас и ощущаешь. Это была здоровая молодая женщина лет двадцати пяти, примерно твоего веса и комплекции. На ней были джинсы и коричневый свитер, когда я ее схватила.

— Заткнись!

Сердце у Сары учащенно забилось, в висках стучало. Ей хотелось каким-то образом вытолкнуть то, что находилось в ней. Но единственное, что она могла сделать,— это уйти. Выскочив из комнаты, она понеслась к лестнице.

Но сильная рука Мириам схватила ее за плечо и развернула.

— Оденься,— бросила Мириам.— Выходить в таком виде нельзя.

— Извини.

— Твоя одежда в стенном шкафу, в спальне.

Сара заколебалась. Ей не хотелось возвращаться в эту спальню. Мириам ее подтолкнула.

— Посмотри в лицо фактам, Сара. Ты убила. *Ты.*— Она снова ее подтолкнула.— И ты будешь убивать и других. Ты все время будешь убивать.— Еще один жесткий толчок, и Сара, спотыкаясь, переступила порог. Мириам пронеслась мимо нее и раздвинула тяжелые занавеси.

На востоке разливалась заря, над Ист-Ривер всходило красное солнце, посылая лучи света в садик Мириам. Такая красота всегда болью отзывается в душе.

— У тебя нет никаких причин плакать,— заметила Мириам.— Тебе следовало бы радоваться.

— Ты сказала, что я могу идти.— Каким слабым был ее голос!

В ответ Мириам достала из шкафа ее одежду. Сара поспешно оделась, думая только о Томе и о спасении, которое она найдет в его объятиях.

Через несколько минут она уже выходила в чудесное весеннее утро. Дверь дома захлопнулась за ней. Идя по улице, она чувствовала на себе взгляд Мириам, стоявшей у окна в библиотеке. Только свернув за угол и выйдя из поля зрения Мириам, она вздохнула с облегчением.

Никогда в жизни не вернется она в этот дом.

Она возвращалась к себе, домой. Она испытывала восторг человека, который вырвался из темницы, куда был несправедливо заключен. Она возвращалась к себе, в человеческое общество. Она словно заново родилась.

Том рассказал, насколько хватило духа, о своем неудачном визите Чарли и Филлис. Он не стал говорить им о существах, которых видел. Они могли бы подумать, что у него галлюцинации, а это только все осложнило бы. Филлис поплакала немного, когда Том сказал ей, что не знает, что же на самом деле произошло с Сарой. Она была ближайшей сотрудницей и хорошей подругой Сары и отчасти разделяла горе Тома.

И тем не менее все они ощущали необходимость действовать. Том не знал, увидит ли он когда-нибудь Сару снова. Он подозревал, что она может быть уже мертва. Эта черная мысль сверлила его мозг, когда щелкнул замок и Сара вошла...

Ворвалась в квартиру. Том был изумлен и обрадован, однако чувствовал себя почему-то так, словно его оскорбили. В том всеобщем удивлении, которое вызвал ее приход, и в быстроте ее движений было что-то такое, от чего ему захотелось держаться подальше.

Но он отбросил эту мысль. Несчастная малышка просто рыдала от радости, и он так боялся за нее. Но радость ли двигала ею? Что означал ее странный взгляд?

— Сара! — прозвучал в тишине голос Филлис.

Сара посмотрела на нее долгим взглядом. Том никогда еще не видел у нее такого выражения. На мгновение он испугался, как бы она не ударила Филлис.

— Том, пожалуйста, обними меня! — Она бросилась было к нему, но вдруг остановилась. Он не понимал, почему она колеблется. Лицо ее выражало отчаянную борьбу.

— Ты теперь дома,— сказал он единственное, что пришло ему в голову.— Ты смогла добраться до дому.— Эмоции все же стали брать свое. Ему захотелось плакать от радости. Он больше никогда ее не отпустит. Словно в медленном танце, кружили они, глядя друг на друга.

Воспоминания нахлынули на него. Лежа на берегу во Флориде, на жгучем солнце, Сара разглагольствует о причинах старения. Он открыто смеется над ее увлеченностью работой. Сара в своей лаборатории, голос ее строг, атмосфера заряжена энергией. Сара в постели, она обнимает его.

По мере того как проходил шок после ее прибытия, она становилась для Тома все более реальной. Он поцеловал ее, почувствовал кислый привкус на губах и отстранился. В глазах ее появились слезы.

— Я должна признаться...

— Не сейчас.

Ее глаза расширились. Она поднесла руки к его повязкам.

— Это все она,— мрачно сказал он.

— Не называй ее «она». Так можно говорить только о человеке. Мириам — не «она».

— Как же тогда? Женщина?

— Существо женского пола другого вида. Женщина — это человеческое существо. Мириам — это издевательство

над человечеством. Женщины дают жизнь. Мириам — смерть.

— Ты бледна,— заметил он. Ему не хотелось прямо сейчас рассуждать о Мириам. Почему бы не отложить это на потом, когда оба они отдохнут и будут чувствовать себя получше?

Филлис и Чарли приблизились к ним, словно понимая, что надо держаться вместе — так спокойнее. Том их за это не винил. Он тоже ощущал — в этой комнате обитало что-то мрачное и холодное.

— Я, может быть, и бледна, но чувствую себя отлично,— заметила Сара.— Как бы мне хотелось, чтобы это было не так! — Том уловил отчаяние в ее голосе. Ему захотелось, чтобы Филлис и Чарли ушли. Он желал остаться с Сарой наедине.

— Мы не понимали, насколько она опасна,— сказала Филлис.

Сара повернулась к ней.

— Я потерпела фиаско, Филлис. Вы верили в меня, а я...— Она начала отступать назад, как если бы ее беспокоило близкое расстояние между ними.

— У нас множество данных, Сара.

— Недостаточно. Вы не знаете и половины правды. Она не позволила вам узнать ничего действительно важного.

Сара продолжала пятиться.

Том, жестом обратив на себя внимание Филлис и Чарли, кивнул в сторону двери.

— Да,— сказала Сара,— будет лучше, если они уйдут.

— Сара,— сказала Филлис.— Я не хочу, чтобы ты думала, будто потерпела неудачу.

— Пожалуйста, Фил.

— Я пойду, но я просто думаю, что ты ошибаешься. Ничего еще не кончено. Помни это. Мы даже еще не начинали работать с этим материалом.

— Да, Фил.

— Я думаю, вы потом поговорите об этом,— сказал, не выдержав, Том. Сара, казалось, готова была взорваться в любой момент. Когда дверь наконец закрылась за ними, она тяжело вздохнула.

Она стояла в дальнем конце комнаты — словно зверь, загнанный в угол.

С первого же момента, когда Сара вошла в квартиру, она поняла, что с ней сделала Мириам. Еще один ее трюк.

Они так приятно пахли.

Ей хотелось обнять их, поласкать их теплую, влажную кожу, прижать их к себе.

Как сговорчива была Мириам. А почему бы и нет, она ведь знала, что ждет Сару. Ей хотелось бежать... но, с другой стороны, зачем? В них было что-то очень приятное, особенно в Томе, в том, как медленно он двигался, в том, как преданно смотрел на нее. Это странное ощущение отделило ее от них, заставило ее почувствовать одиночество, которого она никогда раньше не знала.

Когда дверь за Чарли и Филлис закрылась, Сара поняла, что Том подвергается опасности. Ему нельзя было находиться наедине с ней, когда она в таком состоянии. Она постаралась взять себя в руки.

— Оставайся там, где стоишь.

Он недоуменно смотрел на нее через всю комнату. Она стояла у самой стены, и дальше двигаться было уже некуда. Если б она протянула к нему руки, позвала его, он бы пришел. Она не должна позволить себе это делать. Надо держаться подальше от этого чудесного запаха.

— Дорогая?

— Том, не подходи ближе!

— Ты шутишь.

— Отнюдь.

— Но ведь ты пришла сюда, чтобы быть со мной?

Какая обида звучала в его голосе! Ей хотелось подойти к нему, но она не осмеливалась. Он шагнул к ней. Мураш-

ки побежали у нее по коже, но руки ее поднялись. Другая Сара, алчная и злая, улыбалась, другой голос призывал его. По мере того как он приближался, она слышала биение его пульса, слышала шепот его дыхания, слабый влажный звук разомкнувшихся губ.

— У нас бывали хорошие времена. Разве ты не помнишь?

Еще бы не помнить! Долгие часы траханья до седьмого пота. Какая невинность, какое удовольствие!..

— Том, *остановись*!

Благодарение Богу, что это наконец-то вырвалось. Вопль ошарашил его. Он замер на месте, улыбка поблекла.

— Почему?

— Просто сделай так, как я говорю! Не подходи больше ни на шаг. Ни на шаг!

Он стоял неподвижно, склонив голову.

— Иди в спальню и закрой дверь. Я сделала серьезную ошибку, придя сюда. Мне надо уходить, и я не смогу заставить себя это сделать, если ты не выйдешь из комнаты.

— О чем ты говоришь?

— Том, я больше не могу это выносить! Пожалуйста, просто делай так, как я тебе говорю, даже если ты этого не понимаешь.

— Может быть, ты объяснишь мне...

— Нет! Уходи!

Он снова приближался. Еще мгновение — и она снова протянет к нему руки, и на этот раз уже ничто не остановит ее.

Мириам называла это голодом. Мягко сказано.

— *Пожалуйста!* — Она опустила глаза, ощущая, как все ее мышцы напряглись для нападения. Тело ее готовилось прыгнуть на него. Горячие соленые слезы хлынули у нее из глаз. Очень тихо она повторила свою просьбу. В последний раз.

— Не прикасайся ко мне.

— И ты это серьезно? Ты говоришь это совершенно серьезно!

Она подняла на него глаза. Он был от нее в четырех футах. Она бы уже не смогла повторить предупреждение.

— Хорошо, я понял. Но почему, Сара?

— Просто делай, как я говорю. Прямо сейчас.

Наконец он двинулся к спальне. На какое-то ужасное мгновение ей показалось, что она идет за ним, но ей удалось направить себя к входной двери. Все движения ее были плавными и быстрыми. Она напоминала себе крысу, бегущую по лабиринту. В ней жила другая личность — зловещая, сильная, и Сара уже теряла контроль над собой.

Коридор был пуст. Сара возблагодарила Бога за это чудо. Обоняние говорило ей, что они здесь, рядом, за дверями своих квартир. Стон, вырвавшийся из ее рта, вряд ли походил на человеческий.

Сара знала, куда ей надо идти,— ведь так было задумано с самого начала. Существовало только одно место, где не пахло человеком, только одно существо, которое не вызывало голода. Мириам добилась своего. Единственное, что сейчас нужно было Саре,— это вернуться в тот дом. Сделать это, пробираясь по оживленным улицам Манхэттена, будет чертовски трудно. Она приняла решение не убивать больше ни одного человеческого существа.

Спускаясь в лифте, она старалась подготовиться к своему испытанию. В конце концов, она и раньше ходила по улицам и в последнее время совсем не ела. Она вспомнила пожилого человека на тротуаре, которого она чуть не убила, балкон, на который она взобралась.

Но улицы тогда были пусты. Теперь же они будут полны народа. «Я человеческое существо,— думала она.— Я не принесу вреда другим человеческим существам». Собрав всю оставшуюся волю, она решила следовать своему решению. Голод, который она ощущала, принадлежал, в конце концов, не ей.

Он принадлежал крови этого существа. Необходимость убивать была не ее необходимостью, но необходимостью Мириам. Она решила все время это себе повторять. Затем двери лифта открылись, и она увидела Алекса на своем посту. «Это голод Мириам,— повторила она.— Не мой».

Ухитрившись проскользнуть мимо него, она вышла на тротуар.

Сумасшествие. Везде люди. Их даже больше, чем она думала. Она невольно бросилась на проходившего мимо бизнесмена; ей удалось пронестись мимо него и выскочить на середину улицы. Визжали тормоза, гудели гудки. Такси вильнуло и остановилось. Водитель выругался, пассажир с ужасом смотрел с заднего сиденья.

Времени терять было нельзя, как нельзя было и упускать эту возможность. Она села в такси.

— Что такое с вами? У меня, черт побери, пассажир!

— Это срочно!

— Так позовите полицейского, леди. Вы чуть не попали под машину! А теперь выходите.

— Человек умирает. Я врач.

Глаза водителя блеснули.

— Ладно,— сказал он.— Куда?

Сара назвала ему адрес Мириам и открыла окно. Уличные дымы, быть может, перебьют некоторые из запахов в такси. Она слушала, как водитель убеждает пассажира, что все в порядке, что отклонение от маршрута не займет много времени. Другие водители и с места бы не двинулись из-за нее, она это знала. Но ей повезло. У этого парня было сердце.

Как только показался дом, Сара, выскочив из такси, взбежала по ступенькам и замолотила дверным молотком, одновременно нажимая на звонок и дергая дверь.

Она чувствовала, что Мириам стоит по другую сторону двери.

— Пожалуйста,— тихо сказала она.— Пожалуйста, открой.— Ей не хотелось кричать. Опасно привлекать внимание соседей.

Через невыносимо долгие тридцать секунд дверь, щелкнув, распахнулась. Ввалившись в дом, она захлопнула ее за собой, отгородившись от шума и красоты... и от отвратительного соблазна, рождаемого человеческой плотью.

Мириам сразу же поняла, что воля Сары оказалась сильнее нужды. Вздохнув от огорчения, она впустила бедолагу в дом, ожидая неизбежных упреков.

Голод в конце концов сломит волю Сары, но пока этого не произошло, Мириам придется выносить ее досадную независимость. Она почти не слышала ни горестных стонов Сары, ни ее яростного рева и едва ощущала царапанье и удары кулаками — пока тащила девушку вверх по лестнице в их спальню.

— Я вернусь, когда ты образумишься,— сказала она.— Постарайся успокоиться.— Говорить что-либо еще не имело смысла. Сара была сильнее всех других, гораздо сильнее. Очень плохо. Ей будет настолько же труднее. Сара думала о себе как о великой целительнице. Романтические бредни. Дурацкий образ. Мир забыл, что романтика — это палка о двух концах: один из них — любовь, другой — смерть. Сара не знала этого, но шла она в сторону смерти.

Стены квартиры, казалось, наступали на Тома, грозя раздавить его. Он стоял в гостиной, раздираемый на части нерешительностью. Он должен был последовать за Сарой, должен был снова вернуться в тот дом.

Но не мог. Этот приятный маленький домик был не чем иным, как обителью ужаса. Розовый кирпич, оконные проемы, романтические белые ставни — все казалось зловещим, гротескным, как грим, намалеванный на ухмы-

ляющейся роже. И вдруг чем-то страшным повеяло в комнате, словно кошмарные визжащие создания вновь обступили Тома. Он прикоснулся к повязкам на лице. Не демоны ли это были? Реальны ли такие вещи? Его вера в науку испарилась. Весь великий процесс познания казался теперь лишь самодовольно-кичливой болтовней невежд.

И перед лицом неведомого, к чему, безусловно, надо отнести и Мириам, обладал ли человек хоть какой-нибудь силой, защитой? Куда обратиться, где искать помощи? Молитва для Тома ничего не значила. На его детские молитвы ответом было только молчание.

Существует ли Бог на самом деле, Том не знал, но чувствовал, что поздно уже бросать вызов твердыне своего неверия. Он не мог обратиться к Богу за силой.

Ему некуда было обратиться. У него просто не хватит храбрости, чтобы разрушить заклятие Мириам. Или хватит? Он представил, как берет Сару на руки и кричит о своей любви так громко, что слова эти проникают в самые глубины ее души.

Любовь, вот где истина.

Вот в чем его оружие.

Он сделал шаг к двери. Всего лишь один. Ему вспомнилось выражение лица Сары, когда она просила его не подходить к ней. «Я люблю тебя, Сара! Я люблю тебя!» — его голос эхом отдавался в стенах гостиной, залитой солнечным светом. За окном виднелись маленькие облачка, белые и пушистые. Том закричал, завыл, словно кошмар прошлой ночи все еще продолжался.

Мириам решила немного подождать, перед тем как звонить жертве. Лучше всего было бы, если б он набрался храбрости и приехал сюда сам, без приглашения. И тогда она предоставила бы ему возможность добраться до Сары, преуспеть в том, чего он не смог достичь прошлым вечером. Впрочем, это было сомнительно. Человеческая храбрость небезгранична.

Она пошла в садик собирать цветы. Подобное время-препровождение успокаивало, и хорошо бы еще, если б и домик казался по возможности веселым и приятным. Окна надо открыть, занавески раздвинуть. Нужно поставить стереомузыку, сюиту Дилиуса «Флорида» или увертюру из «Страны Улыбок». Можно будет предложить ему какие-нибудь фрукты и вино. Нет, только вино. С фруктами слишком много возни. Она даже не знала, продавали ли еще натуральные фрукты, так долго она не обращала на это внимания.

Тщательно избегая даже мельком смотреть на свои несчастные розы, Мириам срезала цветы, пока ее корзина не отяжелела от бархатцев, львиного зева, ирисов — дивного богатства ее сада. Ей нравилась бурная жизнь цветов. Природа не требовала от них ничего, кроме того, чтобы каждое утро они раскрывали свои лепестки навстречу солнцу. Род Мириам был не столь удачлив. От нее и от ее сородичей требовалось гораздо больше. А ведь не все, что природа требует от своих детей, является таким уж невинным.

Она отнесла корзину с цветами на залитую солнечным светом веранду, положила их на столик с портретом Ламии. Она посмотрела матери в глаза, переданные художником в бледно-голубых тонах. До изобретения контактных линз и темных очков считалось, что сородичи Мириам обладают дурным глазом. Художник не хотел обижать свою клиентку, придав ее глазам их истинный оттенок.

Этот портрет был для Мириам источником умиротворения и ободрения. Эти глаза словно говорили ей: «Иди вперед, никогда не останавливайся. Ради меня, будь бессмертной».

Том сумел-таки добраться до двери Мириам. Он стоял у порога, чувствуя себя так, словно стоял у края воронки смертельного водоворота. Ему вспомнились цветы, которые едят мух, используя свой нектар и красоту в качестве

приманки. Больше всего Тому была ненавистна красота этого места. Должно же оно как-то предвещать опасность, скрытую внутри. Разве может Мириам всегда улыбаться?

Утро было солнечным, а небо таким ясно-синим. Дом перед ним пестрел пятнами солнечного света, пробивавшегося сквозь ветви деревьев с набухавшими почками. Белые ставни были открыты. Шелковые занавески за ними шевелились от свежего ветра. Он слышал музыку и какое-то движение в глубине гостиной.

Одно мгновение он готов был пуститься наутек, но музыка притупляла чувство опасности. Звучала нежная, радостная музыка, такая, какую он мог слышать мальчишкой с оркестровой эстрады в парке летней ночью. Он решил, что его заметили и специально поставили эту музыку, чтобы заставить его чувствовать себя именно так, как он себя и чувствовал.

Он представил, какой будет его жизнь без Сары, и уже не мог думать ни о чем, кроме этого. Он постоянно повторял себе, как ее любит. И все же трудно будет подойти к этой двери и позвонить. Попытка успокоить его с помощью музыки только насторожила Тома.

Как бы то ни было, но либо ему надо войти в дом, либо придется смириться с тем, что он больше никогда не увидит Сару.

Она отчаянно в нем нуждалась. Когда кому-нибудь, кого ты любишь, некуда больше идти, ты помогаешь ему. Если существует такая вещь, как соглашение между людьми, то это — часть такого соглашения.

Сару нужно вызволить оттуда и силой поместить в Риверсайд. А что касается Мириам, то ее место — в загоне для содержания редких подопытных животных.

В нижнем окне появилось чье-то лицо. Мириам улыбнулась ему.

Через мгновение она открыла входную дверь. Он поднялся по ступенькам и вошел. Все оказалось так просто.

Она стояла перед ним, светловолосая и красивая, пахнувшая старомодными цветочными духами, с радушным выражением на лице. Когда дверь закрылась, она посмотрела на него озабоченно.

— Я так рада, что вы пришли. Я только что собиралась вам позвонить. Саре нужна помощь.

— Я это понимаю. Я и пришел для того, чтобы ее забрать.

— Я надеялась, что она останется этим утром с вами. Когда она вернулась, я просто не знала, что и делать.

— Я хочу отвезти ее в Риверсайд.

— Это будет лучше всего. Том, я с ума сойду. Все реакции Сары не такие, какими должны быть. Я... я никогда не собиралась причинять ей вред,— в одном глазу заблестела слеза.— Сейчас она в спальне наверху и не открывает дверь!

— Наверху? В какой комнате?

— Вверх по лестнице, первая дверь справа.

— Идите первой.— Том не имел ни малейшего желания ходить по этому дому в одиночку. Мириам пошла вперед, по тому самому коридору, где прошлым вечером он подвергся нападению. Теперь здесь не было ничего зловещего, да и гостиная смотрелась неплохо — с цветами на столиках и веселой картинкой на стене. Однако невинный вид комнаты только усилил его подозрения.

Мириам как будто догадывалась о его чувствах. Возможно, их беседа внизу таила в себе более глубокий смысл, чем казалось Тому?

— Сара,— сказала она,— пожалуйста, впусти меня. У меня для тебя сюрприз.— Она обратилась к Тому: — Ключ у меня есть, но мне неудобно открывать дверь, которую закрыл кто-то другой.

— Мне ее взломать? — едко заметил он.

Она воспользовалась своим ключом.

Это была самая красивая комната из всех, какие Том когда-либо видел. Окна выходили в чудесный сад. Он ви-

дел тысячи цветов, и те же цветы стояли на столе и у кровати. За этим буйством цветов будто скрывалось что-то непристойное. Они как бы нарочито подчеркивали чистоту и невинность, которых в действительности не было, и Том начинал видеть в них полную противоположность тому, что они, очевидно, должны были выражать. Они словно подтверждали вину Мириам.

Ветерок раздувал тонкие розовые занавески, в окна лился солнечный свет. Том поймал себя на том, что оценивает расстояние до земли, но затем увидел в саду нечто такое, что сразу привело его в чувство. Он похолодел. Дорожка из сломанных кустов и вывороченной земли вела в дальнюю часть сада, к кирпичной стене. Отсюда он видел даже коричневые отметины на стене, оставленные его ботинками.

Сара лежала на великолепной кровати розового дерева. Она не спала, но пребывала в каком-то забытьи. Глаза ее следили за ним из-под полуприкрытых век. Она выглядела расслабленной, вялой, но ему показалось, что это не совсем так. Глаза ее почти не мигали.

Энергично жужжа, в окно влетела муха и устремилась по спирали к потолку. Том машинально проводил ее глазами — и вдруг оцепенел. Он только сейчас заметил, что потолок украшала изумительная роспись, представлявшая взгляду голубое небо. В этом волшебном, просто сказочном небе плыли облака и звенели жаворонки. Только муха, ползающая по нарисованным птицам и облакам, нарушала полноту иллюзии.

Сара застонала. Том подошел к кровати. Она больше не сопротивлялась, не произнесла ни слова протеста. Выражение ее лица, покрытого капельками пота, стало почти чувственным. Ее глаза были полусонными, смягченными желанием. Она широко раскрыла руки. Он наклонился к ней, поцеловал капельки на ее щеках.

В следующее мгновение руки ее обвились вокруг него и он уже лежал рядом с ней на кровати, стягивая с ее тела

тончайшие шелковые покрывала. Она была сейчас красива как никогда.

Краем глаза он заметил, что Мириам вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Он наслаждался видом тела Сары. Оно стало более гладким, более мягким. Он коснулся ее прохладной груди, ощутил биение сердца под упругой плотью. Только выражение ее глаз сказало ему, что она ощутила его прикосновение. Какая сумятица чувств читалась в этих глазах — восторг, желание и в то же время глубокая обеспокоенность. Он постарался успокоить ее, что-то тихо приговаривая и лаская. Именно этим он так мечтал заняться дома. В этом состояла истина любви. Это, несомненно, она поймет.

Саре было очень тяжело. Она не могла даже говорить, не то чтобы кричать. Тело ее беззвучно вопило, требуя пищи, голова гудела, подыскивая объяснения и оправдания.

Она была полна решимости лежать здесь, пока не умрет. Затем появился Том. Сначала она надеялась, что это галлюцинация. Потом глаза их встретились, и она поняла, что он настоящий.

Как может человек быть таким дураком.

У нее больше не было сил бороться. Каждая клетка ее тела требовала действия. Сара чувствовала не тоскливое отчаяние голодной смерти, а нечто гораздо худшее. Тогда голод был полусонным и грустным, теперь же — быстрым, хитрым и неистовым.

— Сара, вместе мы сможем одолеть это существо.

Он лежал близко, невыносимо близко. Она позволила ему обвить себя руками. Так приятно было уступать. Так приятно.

— Да,— ответила она,— вместе мы это сделаем.

Тело его наливалось страстью. Она заметила, как он бросил быстрый взгляд на дверь.

— Мириам не станет нас тревожить,— заметила она.— Это именно то, чего она хочет.

Она запустила руки ему под рубашку. Она точно знала, что ему нравится. Глубоко внутри ее кричал голос, приказывающий ей предупредить его, отогнать его еще раз. Она застонала и выгнула спину, предлагая себя Тому.

Сара очень хорошо знала, как его возбудить, и он обнаружил, что реагирует на ее ласки более страстно, чем когда бы то ни было. Красота окружающей обстановки, спокойный теплый солнечный свет объединились, побуждая его забыть о кошмаре, неотступно преследовавшем его, забыть хотя бы на несколько минут. Он ласкал ее грудь, ее бедра, искал ее губы своими губами. «Это поможет,— говорил он себе.— Все прекрасно, все нормально, так и должно быть».

Она расстегнула ему рубашку, коснувшись его сосков своими искусными миниатюрными пальцами. Их хрупкость всегда приводила его в восторг, и сейчас он их поцеловал. Почувствовав, как нарастает в нем возбуждение, он направил ее руки к молнии на брюках.

— Да, Том,— сказала она. Теперь она улыбалась. Он прижал ее к себе.

— Мы снова будем свободны,— сказал он,— увидишь.

— О Том, я надеюсь!

Он вошел в нее. Малейшее движение вызывало жгучее наслаждение. Этого им раньше не хватало. Им следовало больше доверять любви.

Том, закрыв глаза, слышал, как она шепотом повторяет его имя в такт движениям. Голос ее переплетался с гипнотическим жужжанием мухи на потолке. Он уткнулся носом ей за ухо; он прятал лицо в ее волосах, там, где они были мягкими, как кроличий пух.

Сердце защемило от внезапно нахлынувшего чувства — так созерцание прекрасного мучает сердце сладостной болью. Том обнял ее еще крепче.

Из последних сил Сара сопротивлялась своему голоду. Том лежал на ней в наспех расстегнутой одежде. На лбу

блестели капельки пота. Щеки покраснели, словно он долго бежал.

Надежды нет.

Страсть Тома росла. «Я любила его,— вдруг поняла Сара,— как могла бы любить ребенка». Его сексуальная привлекательность за последние несколько дней исчезла без следа.

Он работал и работал, погружаясь в нее. Она ощущала его тепло, его дыхание, вкус соли на его горячей плоти и ждала.

Она прекрасно знала, чего хотела Мириам. И этого она делать не будет. Не смогла бы, даже если бы и хотела. Мириам забыла одну простую вещь. В комнате не было никакого орудия, а значит, нельзя сделать так, чтобы кровь Тома потекла из него.

Она чуть было не позвала Мириам, чтобы та принесла что-нибудь острое. Но теперь-то она знала, она не может сделать это. Ее страдание превратилось в нечто вроде медитации. Она была погружена в нее, когда отблеск света на лице заставил ее открыть глаза.

Мириам стояла у изножья кровати, подняв в руке предмет такой блестящий, что больно было даже смотреть на него.

А Том все трудился; его — человеческие — органы чувств не воспринимали происходящую вокруг него драму.

Мириам приблизилась. Она держала в руке ярко сверкавший... Нож?

Скальпель.

Мириам положила его на прикроватный столик и сразу же ушла.

Сара коснулась пальцами острого лезвия.

— О Том, Том!

— *Сара!* Я люблю тебя, люблю тебя! *О Господи!*

Тело ее сотрясалось от его исступленных движений. Скальпель засверкал в ее руке. Такой легкий, такой надежный.

Его лицо, расплывшееся в любовном жаре, смотрело на нее сверху. Она закрыла глаза, задержала дыхание. «Нет, я не буду,— думала она, повторяя это про себя как рефрен,— нет, нет, нет...»

И медленно, из глубин, всплывало *оно* — то *существо* внутри ее.

Этот скальпель принадлежал ему. Он всегда ему принадлежал.

«Нет-нет-нет-нет...»

Он принадлежал ей. Всегда. Она с силой вонзила его в тело.

— СА-РА-А-А!

Она вытащила его и вонзила снова. С легким шуршанием входил он в его плоть, и пурпурное чудо его жизни забило фонтаном, утоляя ее жажду.

Снова жива! Она услышала песню — прекрасную, щемящую, как воспоминание. Кто-то всхлипывал. Всхлипывала она.

Почему? Она была счастлива.

Голова его затряслась, челюсть отпала. Он тяжело навалился на нее, и она, выбравшись из-под него, соскользнула с кровати. Он ужасно трясся, зарывшись в покрывала. Хлестала кровь. Сара коснулась его и, склонясь над ним, заставила его поверить, что она целует его. Она вытянула из него его жизнь.

Она медленно кружилась по комнате, тело ее буквально разрывалось от невыносимого наслаждения. Она раскинула руки в теплом воздухе. Весь мир стал волшебно-золотистым, словно вобравшим в себя всю возможную красоту. Она ощущала и мягкое движение воздуха вокруг своего тела, и ласковое тепло солнца, и таинственное биение жизни в себе.

Она ощущала Тома.

Ощущала его!

Глаза обратились к его мертвому телу. Происходило что-то необычайное. Эмоции, казалось, потоком лились из него: горечь, сожаление, умиротворение.

Такое умиротворение!

Она слышала его голос в воздухе, произносивший ее имя в любовном экстазе. Он становился все слабее и слабее. Больше всего на свете хотела она сейчас слышать звук этого голоса.

Она была безутешна.

Мириам съежилась от крика, пронзившего ее уши. Неизбывная горечь слышалась в нем. Она не встречала на своем веку столь глубокого горя. Сила его была велика, слишком велика.

Мириам пошла к Саре. Спеша по молчаливым залам к спальне, она ощутила укол тревоги. Такое горе, как у Сары, легко могло превратиться в ярость. Убийственную ярость. Опасную для жизни Мириам.

Задержавшись у двери в спальню, она прислушалась, чтобы определить, где находится Сара. Долгие хриплые звуки ее дыхания слышались из дальнего конца комнаты. Мириам вставила ключ в замок. Спустя мгновение раздался щелчок и дверь открылась. Вес стальной двери, отделанной обычными деревянными панелями, был идеально сбалансирован, и двигалась она бесшумно.

Сияющая колонна солнечного света ослепила Мириам. Сара стояла у окна, глядя в залитый утренним светом садик. Останки ее возлюбленного лежали на смятой кровати.

Обратившись к Саре, Мириам постаралась вложить в голос всю свою привязанность, она старалась говорить с ней, как мать с ребенком, как влюбленный со своей любимой или как друг — с другом. Сара не подала вида, что слышит ее. Мириам начала медленно приближаться, сознавая, что Сара может броситься на нее в любой момент.

— Сара, я совершенно точно знаю, как ты себя чувствуешь.

— Не имеешь ни малейшего понятия.

— Ты можешь мне не верить, но — изменившись — ты обрела гораздо больше того, ради чего стоит жить.

— Мириам, я только что убила человека, которого люблю! Ты, кажется, этого не понимаешь. Мне больше не для чего жить. У меня нет ничего, ради чего стоит жить.

— Не говори так! У тебя есть я, Сара.

Сара взглянула на нее, затем склонила голову. Ее плечи затряслись. Она молча рыдала.

— Ты просто поменяла один образ жизни на другой.

— Ты отвратительна, ты знаешь это? Непотребна!

— Ты принадлежишь теперь иному роду — не человеческому. Мы тоже обладаем правами. И мы никогда не убиваем больше, чем нам нужно.

Сара отшвырнула скальпель, словно он жег ей руки. Воспользовавшись этим, Мириам приблизилась. Им нужен был физический контакт.

— Держись подальше! — Сара увернулась.— Не смей меня трогать.— В ее тоне звучало предупреждение. Хоть и безоружная, она все же могла нанести травму.

Мириам обошла Сару, стараясь не терять ее взгляда.

— Ты теперь больше, чем человек. Ты получила право решать, жить или умирать человеческим существам.

— Ты вызываешь во мне отвращение!

Мириам подходила все ближе и ближе. Из глубин этого отчаяния, Мириам была в этом уверена, скоро появится новая Сара. Мириам нежно заговорила снова:

— Ты будешь одинока без меня. Совершенно одинока. Иди же ко мне.

Выражение отвращения, мелькнувшее на лице Сары, оскорбило Мириам сильнее любого удара. Однако она постаралась не выдать своих чувств, и лицо ее сохранило доброе выражение. Через минуту Сара сломается. Независимо от обуревавших ее чувств инстинкт приведет ее в любящие объятия.

До сих пор Сара не сознавала, как неприятно пахла Мириам. А запах был отталкивающим, сладковатым, с примесью тления. Сара отступала от нее, думая только о том, какая она дура, что бросила скальпель, ведь она могла вспороть Мириам так же... как и Тома.

А Мириам все приближалась, настойчиво, неумолимо. На лице ее застыло выражение, которое заставило Сару мечтать о том, чтобы врезать по нему ногой, ощутить, как нога стирает с лица эту снисходительную улыбку.

Как Сара ни удерживала себя, но глаза ее снова и снова возвращались к Тому. Лицо его было наполовину скрыто одеялом, но она видела пристальный взгляд его глаз, все еще полный удивления и горечи.

Он умер в агонии. Ее колотило от ненависти к этому *существу женского рода*, испортившему ее настолько, что она смогла убить человека.

— Ты не заслуживаешь того, чтобы жить, Мириам.

— Но я буду жить. И ты тоже.

Сара не ответила. «О нет, не буду,— думала она.— Не будем». Она искала глазами скальпель. Мириам слегка напряглась и перестала к ней приближаться.

— Сара, пожалуйста, попытайся меня понять. Я дала тебе новую жизнь, и только ею и стоит жить. Верь мне, это так. Эта жизнь гораздо лучше, чем ты думаешь.

Сара едва смогла сдержаться: ей хотелось выкрикивать оскорбления и в ярости выть. Только одна мысль билась в ее голове: как хорошо было бы вонзить нож в это порождение Зла и ощутить лезвием предсмертную дрожь его сердца.

— Я люблю тебя,— сказала Мириам.— Любовь превыше всего, превыше всякой цены.

Это уж было чересчур. Плотина рухнула — слова хлынули потоком.

— Ты любишь только себя! Ты — чудовище. Нет, хуже! — Слова ее эхом отдавались в маленькой комнате.—

Ты не можешь любить меня или кого-то еще. Ты не способна на это!

Мириам, раскрыв руки для объятия, снова приблизилась к ней. Сара, не раздумывая, ударила ее изо всех сил и задела щеку. Мириам отпрянула. На лице ее отразился дикий страх.

Но она быстро взяла себя в руки. Она встала у двери, потирая лицо.

— Ты не имеешь ни малейшего представления, как опасно это делать.

Сару это не волновало. Она знала только одно: к тому времени, когда голод вновь овладеет ею, она будет мертва. И Мириам тоже. Она поклялась в этом себе и... Тому.

Щека у Мириам горела, она чувствовала обиду. Давно уже человеческому существу не удавалось ее ударить. А всем, кому удалось, суждена была быстрая смерть.

Какой сильный дух у этой женщины. Жить с таким человеком было бы чудесно. Сара стала бы ей равной в полном смысле этого слова. Она обладала всеми необходимыми качествами. Мириам обязательно удостоверится, что следующая жертва Сары будет поглощена полностью. Без этого Сара не получит достаточно энергии, чтобы ощутить истинное чудо своей новой жизни. А ей нужно ощутить это великолепие.

— Голод необходимо утолять очень тщательно, Сара. Тебе нужно изучить технику...

— Технику! Ты говоришь об этом так, будто это спорт. Ты варвар.— Она гордо тряхнула головой, непоколебимо уверенная в своей правоте. Мириам восхищалась ею, но необходимо было дать выход этой ярости. Им обеим станет легче.

— С определенной точки зрения это и есть вид спорта.— Она постаралась сказать это по возможности жизнерадостно.— И он действительно требует особой техники.

— Не хочу об этом слышать!

— Но ты должна! Разве ты не понимаешь, что ты снова и снова будешь проходить этот цикл? Ты будешь *Спать*, потом — насыщаться. Иного пути нет, Сара. Так и будет.

Это решило дело. Сара зажала уши руками, чтобы заглушить голос правды. В горле ее родился низкий стон, завершившийся горестным воплем. Она как безумная набросилась на Мириам, пытаясь добраться до ее горла. Но Мириам теперь была начеку. Одной рукой она схватила Сару за оба запястья, другой за волосы, выгибая ее голову назад.

В глазах Сары светилось безумие, на губах выступила пена. Вопль сменился хриплым рычанием. Дергаясь и изгибаясь, она все пыталась добраться до Мириам, которая удерживала ее на расстоянии вытянутых рук, давая выход ее ярости. Когда Сара затихала, Мириам повторяла ей тихо, снова и снова: «Я люблю тебя... Я люблю тебя».

Наконец Сара обвисла у нее в руках; она склонила голову, рыдания сотрясали ее тело. Медленно и осторожно Мириам притянула ее к себе.

— Спи,— сказала она, поглаживая темные локоны.— Спи, и все будет хорошо.

Она отнесла Сару через коридор в спальню, которой редко пользовались. Дверь там достаточно прочная, чтобы противостоять натиску Сары, а окно забрано решеткой.

Сара поняла, что теряет сознание, лишь в тот момент, когда Мириам подняла ее. Она попыталась отстраниться, но оцепенение сковало ее члены. Она едва слышала слова успокоения, которые говорила ей Мириам. И хотя сердце противилось этому, тело ее приняло объятия Мириам.

Стараясь держать глаза открытыми, она только отдаленно понимала, что ее кладут на кровать, в чистую постель.

Она погрузилась в новую реальность — хуже самого отвратительного кошмара, более реальную, чем самый со-

вершенный сон. В изножье кровати сидел Том. На лице его застыло злобное выражение. Резко дернув головой, он повернулся и уставился в лицо Саре. «ТЫ УБИЛА МЕНЯ! УБИЛА МЕНЯ! УБИЛА!» — В голосе его проскальзывали скрипучие, пронзительно-высокие, отчаянные тона. Он закрыл лицо руками.

Затем он посмотрел на нее с такой грустью, что ей захотелось тут же умереть. «Я прощаю»,— сказал он.

А потом был разгар лета. И они вместе — в Вермонте. И снова летние каникулы. Сара лежала на траве. Счастливая. Она поняла, что это воспоминание было подарком Тома. Да, очень счастливая.

Открыв глаза, она стала смотреть на искрящуюся солнечными бликами листву дерева, под которым они расположились. Ветер шуршал в траве рядом с ее ухом. Внезапно раздался хлопок и ее окатило шампанским. Смеясь, она села.

— Ты нарочно это сделал.

— Конечно. Ленч готов.

Они ели, невообразимо наслаждаясь. Сара смотрела, как смягчаются краски дня и блекнут на отрогах далеких Зеленых Гор. А потом они занимались любовью и лежали голыми в аромате летнего воздуха.

Они смотрели, как солнце склоняется к западу, как появляются первые звезды, и прижимались друг к другу, спасаясь от ночного ветра.

«ТЫ УБИЛА МЕНЯ!»

Она побежала. Летний холм стал темным и холодным, трава смерзлась, превратившись в камни.

От голоса его осталось лишь эхо, далекое эхо, затерянное среди гор.

Мириам наблюдала, как Сара *Спит*, и оценивала ее состояние. Она пощупала пульс, затем открыла один глаз и долго смотрела на зрачок. Наконец она осторожно провела пальцами по щеке Сары. Ее *Сон* был настоящим.

Трансформация закончена.

— Добро пожаловать,— сказала Мириам,— добро пожаловать домой.

Когда сознание вернулось к ней, все изменилось. Сара села. Она находилась в кровати, в темной комнате. День превратился в ночь за то время, что она спала. За окном над Ист-Ривер сверкал полумесяц.

Она была не одна.

Мириам стояла у кровати — мерцающее существо. Сара не могла оторвать глаз от этой странной, лучистой фигуры. Без своего грима Мириам была поразительно красива. В лунном свете кожа ее казалась белой, глаза светились золотом. На мгновение они блеснули, как глаза зверя во мраке, затем она повернула голову.

— Ты *спала* восемь часов,— сказала Мириам. Голос ее звучал как музыка.

Что-то сдвинулось у Сары в желудке. Она, должно быть, резко вдохнула, потому что Мириам улыбнулась. Из-за щекочущего ощущения в горле Сара почувствовала мгновенную тошноту. Затем все тело начало покалывать.

Голод набросился на нее с такой силой, что она вскрикнула. Жгучая боль, которую он вызвал, заставила ее вскочить с кровати. Она должна получить помощь! Внезапность этого приступа настолько выбила ее из колеи, что она даже замычала от голода, хватая руками воздух. Мириам проворно отступила, в мгновение ока оказавшись у двери.

Тяжело щелкнул замок, и Сара осталась одна. Она бросилась к двери, вцепилась в ручку и затрясла ее изо всей силы. Дверь даже не дрогнула.

Ее охватило отчаяние.

Она уже думала, что потеряет рассудок от голода, как вдруг замок щелкнул снова. В комнату вошла Мириам, неся безвольно повисшую на ее руках человеческую фигуру.

Сара даже не обратила внимания на ее пол. Никогда раньше не испытывала она такого желания прикоснуться к человеку, поласкать влажную кожу, обладать...

Мириам положила тело на кровать.

— Держи себя в руках,— сказала она приглушенно.— И слушай меня. Тебе нужно кое-что узнать, перед тем как начнешь.

Сара смотрела, как, упав с кровати, качается рука. В лунном свете она увидела лицо, серьезное и миловидное, обычное женское лицо.

Сара могла представить эту девушку танцующей.

— Она оглушена и придет в себя через пару минут. Ты должна быть готова.— Мириам по-деловому заговорила о том, как вставлять скальпель и открывать вену, как прижимать рот к ране, позволяя своему телу поглотить всю жизнь без остатка.— Это все,— сказала она.— Таким образом тебе нужно будет питаться не более одного раза в неделю.

Каждое слово Мириам звучало музыкой, каждый жест был грациозен. Какую красивую форму приняло зло. Стоя рядом и ощущая неистовый голод, Сара думала, что не может быть ненависти большей, чем та, которую она чувствовала к Мириам. Ярость Сары раскалилась добела.

Девушка застонала, резко вдохнула и, кашлянув, очнулась. Глаза ее открылись, с тоской посмотрели на луну, затем обратились к двум фигурам, стоявшим у кровати. Мириам сделала шаг назад, не желая, как предположила Сара, пугать девушку своим видом: она была без грима.

«Ты убила меня»,— сказал Том в другом мире.

В этом мире Сара собиралась убить Мириам.

— Дай мой скальпель,— сказала Сара.

— Он на столике у кровати.

Как предусмотрительно. Чтобы добраться до столика, Саре пришлось бы оказаться по другую сторону кровати от Мириам.

Ей необходимо было вонзить это лезвие в Мириам, необходимо было ощутить его глубоко в ней. Она представила себе, как основанием ладони загоняет его поглубже.

Скальпель казался таким легким в руке. Такой тонкий инструмент. Из горла девушки вырвался чуть слышный звук; она схватилась за простыни.

— Не шевелись,— приказала ей Мириам.— Не смей.— Сара ощутила на себе взгляд Мириам.— Сядь на нее верхом и убедись, что ее руки прижаты к телу твоими коленями.— Девушка горестно застонала, когда Сара забралась на кровать. Ее глаза неотступно следили за лезвием.

Сара думала только о Мириам. Теперь она была всего в нескольких футах. Сара подняла скальпель. Мириам наклонилась вперед.

— Не втыкай, просто введи.— У девушки затряслась голова.— Спеши, Сара! — резко бросила Мириам. Девушка закричала. Глаза ее округлились, рот распахнулся в беззвучном крике.

Одним движением Сара махнула скальпелем вправо, в сторону Мириам. Она потеряла равновесие, сидя на корчащейся девушке, и свалилась на пол. Скальпель никого не задел. Мириам была теперь в другом конце комнаты. Сердце Сары упало. Она не понимала, как смогла она промахнуться. Но у Мириам всегда была быстрая реакция.

Девушка соскочила с кровати и побежала к двери. Почти с полным безразличием Мириам швырнула ее о стену так сильно, что стены затряслись. Девушка сползла на пол.

— Тебе еще многому предстоит научиться,— сказала Мириам Саре.— Возможно, тебе следует поголодать несколько часов.— Взяв девушку, она быстро двинулась к двери. Сара рванулась к ней со скальпелем в надежде предпринять еще одну попытку.

Но не успела она сделать и нескольких быстрых шагов, как Мириам выскочила из комнаты и заперла за собой дверь. Застать Мириам врасплох не удалось; последняя надежда исчезла.

Сара швырнула скальпель в дверь и зарычала от ярости, снедавшей ее.

Схватив ручку двери, она стала отчаянно дергать ее, уже зная, что эта дверь — как и все двери в доме Мириам — стальная.

С тяжелым сердцем, преисполненная разочарования, Мириам понесла жертву по коридору и спрятала в стенном шкафу своей собственной спальни. Череп девушки был разбит, необходимость предпринимать какие-либо предосторожности исчезла. Коматозное состояние продлится, вероятно, часа три, потом — конец. Саре нужно будет заняться этой девушкой до наступления смерти, иначе все впустую, девушка будет потеряна.

Влекомая участием к бедной Саре, Мириам вернулась к запертой двери и прислушалась. Доносившиеся оттуда звуки были до отвращения похожи на те, что издавали ее сородичи в подземельях Парижа. Сара обладала необычайной силой воли. По ту сторону двери слышались крики и вой, но ни слова мольбы. По ту сторону двери находился один из тех сильных духом людей, кто мог сражаться с Голодом.

Но не вечно.

Сара изливала свои страдания в горестных воплях. Мириам неуязвима! Если бы в этой чертовой комнате был телефон или магнитофон...

Она перерыла ящики, осмотрела стенной шкаф. Там не было ничего, кроме древней, прогнившей одежды и стопки театральных программок конца прошлого столетия.

В комнате становилось душно. Все тело Сары болело. Она чувствовала себя так, словно у нее заражение крови — в определенном смысле так оно и было. Шершавый и сухой язык, слезящиеся глаза. В животе бурчало, и она сгибалась пополам от боли.

Ее медицинское образование говорило ей, что кровь Мириам, не находя другого питания, начинала питаться телом своего носителя. Ее буквально пожирали изнутри. Рот ее резко открылся. Спазм душил ее до тех пор, пока черные тени не забегали перед глазами и комната не стала казаться очень, очень далекой.

Когда приступ прошел, она обнаружила, что лежит на полу и нити ковра извиваются под ней, как будто это масса шевелящихся червей.

Ей с трудом удалось встать на ноги. Она должна добраться до Мириам. Мозг ее кричал: «Последний шанс, *последний шанс*!»

Если бы только она рассказала обо всем Тому. Еще тогда, в квартире, у них было для этого время. Всего несколько слов, и он понял бы всю правду.

И никогда бы сюда не пришел. Без помощи, по крайней мере. Возможно, даже при такой задержке замена крови могла бы помочь, Джефф бы постарался.

Сара прекрасно понимала: она может еще спасти себя.

«Почему бы и нет, ты, дура?»

Но даже сегодня утром она еще не знала, нужен ли ей «дар» Мириам. Она хорошо помнила ее слова: «Я могу жить вечно. На самом деле вечно». И она постаралась себе это вообразить: «Это я. Я все еще живу и через тысячу лет».

Или через две тысячи.

Что такое смерть, если не болезнь, спрашивала она себя. И она говорила себе, что вырвет тайну смерти из лап бессмертия и подарит эту тайну человечеству. Какая ложь!

Это было до того, как она убила Тома. Лишь убив человека, она поняла, какое во всем этом таится зло.

Ей страстно хотелось ощутить горячую жизнь в горле, жизнь, наполняющую ее желудок. Скальпель выжидательно поблескивал в ее руке.

И вдруг — пораженная — она уронила его.

— Господи, моя рука!

Она была похожа на когтистую лапу и усыхала прямо на глазах. «О Господи!» Бросившись к туалетному столику, она уставилась в зеркало. В лунном свете на нее смотрело оттуда исхудалое существо с черными провалами вместо глаз, с выдающимися на изможденном лице скулами, с зубами, торчащими из-под иссохших губ.

Последствия недоедания, развивавшегося с кошмарной скоростью.

«МИРИАМ! ПРИНЕСИ ЕЕ! ПРИНЕСИ ЕЕ! — Вцепившись руками в волосы, она откинула голову назад и кричала: — РАДИ БОГА...»

Скальпель. Скальпель. С воплями металась она по полу и, заметив его блеск, бросилась к нему.

Щелкнул замок.

Нет.

«Ты потерпела поражение. Но не утоляй больше свой голод».

Она полоснула скальпелем по запястью, погрузив его глубоко, до кости. Полилась ярко-красная кровь. Сразу же навалилась непреодолимая слабость.

Когда дверь открылась, Сара упала на бок. «Том, я люблю тебя». Сердце ее бешено стучало, сотрясая все тело, затем остановилось.

Тишина.

Мириам склонилась над ней.

— Ты не можешь умереть! — сказала она высоким звенящим голосом.— Но теперь, когда ты выпустила свою кровь, жить ты тоже не можешь!

«*Не могу умереть!* Я должна умереть. Я мертва!»

Мириам положила ее голову себе на колени, рыдая горькими слезами.

— Ты прошла весь путь до конца,— говорила она,— так и не увидев моего мира, не узнав всей его красоты.— Она снова и снова печально гладила волосы Сары.— Моя бедная дорогая Сара.— Она резко вдохнула, как бы стараясь удержать слезы.— Какая злая ирония.

Сара почувствовала, как ее поднимают. Мириам медленно понесла ее вверх по лестнице, на чердак.

Она вошла в крошечную комнату, одна из стен которой была заставлена сундуками — и старыми, и поновее. Сару затрясло, когда она осознала, что ее укладывают в такой же сундук, стоявший открытым посередине комнаты. В голове ее звенели мольбы, но она обнаружила, что не может говорить. Крышка опустилась, и тяжелый замок был заперт.

Сара оказалась в полной темноте.

— Это было бессмысленно, моя дорогая. Ты слишком изменилась, чтобы умереть смертью смертных, и обрела потому вечную смерть. Сара, ты все упустила! Я обещаю тебе то же самое, что обещала всем другим. Я всегда буду держать тебя рядом с собой. Я никогда тебя не покину, и в моем сердце всегда будет место для тебя.

«Господи, помоги мне».

Но голод не проходил и мучил ее по-прежнему. Малейшее движение вызывало приступы слабости, длившиеся не одну минуту.

Шло время, но не так, как оно идет в жизни. Она знала только, что оно идет, но не знала, сколько его прошло.

Воздух был полон шорохов и вздохов, доносившихся из сундуков. Значит, Мириам делала это и раньше. Мысль о том, что может быть в других сундуках, привела Сару в ужас. Сколько их было?

Некоторым из них, должно быть, сотни лет. А каким-то — тысячи.

Тысячи лет, проведенные вот так.

Нет. Невозможно.

Она изо всех сил упиралась в крышку сундука, царапала стенки. «Мне надо выбраться. Я так голодна».

Сундук не поддавался.

Она вспомнила, что она сделала с Томом и что будет делать, если ей удастся выбраться. Она была рада, что находится здесь. По крайней мере, она все еще могла счи-

тать себя человеческим существом. Не важно, что ей придется страдать,— это лучше, чем стать подобной Мириам.

Так много было поставлено на карту... Она обнаружила, что может смотреть внутрь себя и даже в этом аду может находить в себе такое умиротворение и покой, о каких она даже и не подозревала. Ее переполняли прекрасные воспоминания, и с ней была ее великая любовь, ведь Том всегда будет рядом. Не важно, сколько времени ей суждено здесь пробыть, она понимала, что в конце пути найдется место даже и для нее, там, куда уже попал Том, на дальнем берегу реки жизни, где находятся все потерянные души мира сего.

Эпилог

Мириам уехала из Нью-Йорка. Она не осмелилась остаться в своем доме, под своим прежним именем. Исчезновение двух врачей не могло пройти незамеченным.

Она плакала о Саре. Эта бедная женщина так и не узнала радостей своего нового мира, только боль. До встречи с ней Мириам и не представляла, до каких высот может подняться дух человеческий, ведомый Любовью.

Мириам часто ходила к Саре. Она держала сундуки в угольном подвале своего нового дома и там тихо беседовала со своим потерянным другом, в темноте и прохладе.

Какого спутника она потеряла, со-путника на ее нелегком пути. Но Мириам понимала теперь, что предложенный ею дар был не выше, но ниже таких, как Сара.

— Я скучаю по тебе,— сказала она в темноту. Был поздний вечер, и тени сгущались в гостиной. Над заливом вставал туман, она слышала, как звенят колокола на буях. Ей нравились красота и безопасность тумана в Сан-Франциско.

— Ты что-то сказала, моя дорогая?

Мириам улыбнулась своему новому компаньону, появившемуся с двумя бокалами мадеры.

— Только то, что я люблю тебя. Я никогда никого не любила, кроме тебя.

Он сел и почтительно отпил из своего бокала.

— Эта мадера урожая тысяча восемьсот сорок четвертого года,— заметила Мириам,— надеюсь, тебе нравится.

Он поцеловал ее, поставив бокал рядом с портретом Ламии на столике перед ним. Ему было несвойственно ставить что-либо на портрет. Он был всецело предан как Мириам, так и всему, что с ней связано.

Она выбирала нового спутника тщательно, стремясь найти в нем преданность, ум и старую добрую жажду жизни, которую она так хорошо понимала. Она закрыла глаза, принимая его страстные поцелуи.

Ей всегда будет не хватать храбрости Сары и ее благородства. Но он даст ей удовлетворение — вряд ли Сара смогла бы когда-нибудь дать ей это. И как прежде, она будет мечтать о бессмертии и говорить себе, что вот наконец у нее появился вечный спутник, спутник на всю ее бесконечную жизнь.

Пройдет время, и природа возьмет свое, разрушит эту мечту. Тогда она найдет другого спутника. И следующего. И так далее, до скончания времен.

И как бы ни томило ее одиночество, как бы ни побуждало ее искать спутника, который пребудет с нею вовеки, она решила никогда более не пытаться трансформировать кого-нибудь, духом подобного Саре,— ни в этот раз, ни в следующий... И вообще никогда.

ПОСЛЕДНИЙ ВАМПИР

Посвящается памяти Майкла Толбота, автора «Тонкой зависимости» и «Голографической вселенной»

«...Что каменный сок двадцати столетий
Был прерван качанием колыбели.
Что ныне зверь, дождавшийся часа,
Ползет в Вифлеем к своему рождеству...»

Уильям Батлер Йейтс.
«Второе пришествие»
Пер. А. Сергеева

«Мы лишь часть Справедливости, вершимой на этой земле».

Мириам Блейлок.
«Голод»

1

ТАЙНОЕ СОБРАНИЕ

се знали: за Мириам Блейлок водятся грехи. Вместо того чтобы просто использовать человеческие существа по их прямому назначению, она делала их своими друзьями и любовниками — совершенно непростительная провинность! Подумать только — она целовала их, занималась с ними сексом и испытывала при этом удовольствие. Разве подобные привычки не являются извращением, вполне сопоставимым, например, с союзом, где в качестве супруга или супруги будет выступать какое-нибудь животное?

Полная чепуха и предрассудки, разумеется, но от сознания этого ее жизнь отнюдь не становилась легче. Вот и сейчас Мириам вынуждена была поглубже спрятаться в коляску велорикши, скрывая лицо не только от людей, но и от своих. Рикша живо мчал ее по мокрой улице, прямиком по лужам, оставленным последним ливнем, и она внимательно вглядывалась из темной глубины в клубившийся туман над рвом, который окружал древний тайский город Чиангмай.

Как она посмела выбрать такой образ жизни — и после этого смотреть в глаза своим соплеменникам? Навер-

няка в ее роду была примесь человеческой крови — хотя идея межпородного скрещивания абсурдна, глупые сказки, не более. Мириам презирала сородичей за ограниченность мышления, сознательный отказ от технического прогресса. Когда-то они правили как короли, а теперь забились в свои норы, покидая их только на время охоты. А она — что ж, Мириам просто любила жизнь во всех ее проявлениях, любила с какой-то жадной радостью. Она беспощадно распорядилась своими воспоминаниями, избавившись от них, стерла из памяти все, что было связано с ее семьей, а также все трагические события своей долгой жизни и теперь двигалась вперед. Она видела, как человечество встает из грязи, научилась уважать его, на что оказался бы не способен никто из ее рода, привыкла с интересом предвкушать будущее, особенно сейчас, когда элементы варварства, то есть периода расцвета ее племени, снова входили в человеческую культуру. Что касается внешних проявлений ее беспокойного существования, то Мириам владела самым экстравагантным ночным клубом в Нью-Йорке, держа в своем подчинении множество служащих — бухгалтеров, секретарей, барменов. Заведение с полным правом можно было назвать процветающим: в удачный месяц, а большинство месяцев принадлежали к числу таковых, наркотики и спиртные напитки, предлагаемые посетителям в «Масках», приносили полумиллионную прибыль. И она тратила деньги легко, как издавна повелось у нее в семье.

Мириам успешно проворачивала операции на рынках ценных бумаг; в офисе — полная компьютеризация. Доступ к портфелю акций — в любое время благодаря карманному компьютеру Palm Pilot. Роскошный лимузин оборудован GPS* — а вот у ее соплеменников не было ма-

---

* Global Positioning System — глобальная система позиционирования, используется для определения местонахождения через спутниковую связь. *Здесь и далее примечания переводчика.*

шин. Проще вообще перестать ездить, раз теперь нельзя трястись в двуколке позади лошади! Когда корабли потеряли паруса, они отказались от путешествий. Что уж говорить про самолеты...

Да, некогда они правили миром, а теперь превратились в жалкие тени, и численность их по причине несчастных случаев постепенно уменьшалась. Стоит ли называть себя «Властителями» — подобное притязание теперь абсолютно не имеет под собой почвы. Прошли те времена, когда они втайне вершили судьбами человечества, разводили людей, как те разводят скот. На последнем конклаве (собрания проводились каждые сто лет) Мириам не встретила многих из тех, кого она знала не одну тысячу лет. После морей крови, разливавшихся в средние века, одиночество стало уделом ее немногочисленных соплеменников — каждого из оставшихся в живых; они существовали, целиком погрузившись в свои собственные трагедии,— представители вымирающего рода, слишком боявшиеся расправы, чтобы чаще собираться вместе.

И все же, несмотря на присущие им недостатки, Мириам высоко ценила своих сородичей, как и себя саму. Властители — неотъемлемая часть мирской справедливости и смысла бытия, а отнюдь не воплощение зла. Она поставила перед собой цель, осуществлению которой не могли помешать ни возможное унижение, ни опасности, подстерегавшие ее на пути: Мириам хотелось продолжить свой род. Пусть у нее есть все — богатство, красота, власть, известность,— но без ребенка главное предназначение Властительницы не будет выполнено. Последняя из четырех яйцеклеток, которыми природа наградила женщин прежде могущественного племени, вскоре покинет тело Мириам, если не найдется Властитель, который ее оплодотворит.

Улочки городка жили своей суматошной ночной жизнью. Как изменился этот мир! Она помнила Чиангмай в ту пору, когда большую часть его зданий составляли деревян-

ные дома с резными фронтонами и остроконечными, парящими в ослепительно-голубом небе крышами среди густой зелени деревьев. А сейчас город мало чем отличался от Бангкока, где уличное движение превратилось в настоящий ад на земле.

Как ей хотелось скорее оказаться дома, в своем красивом жилище, среди преданных ей людей — Сары и юной Лео, в окружении красивых вещей. У Мириам хранилась золотая статуэтка Будды, перед которой она медитировала, а также картина кисти Рембрандта, изображавшая Венеру, для которой она позировала художнику. Ему удалось обнаружить и передать несколькими удачными штрихами то, что было совершенно несвойственно людской породе женщин того времени — чувство независимости и самообладание. На прощание он поцеловал ей руку и произнес: «Холодная... какая холодная».

Мириам не только получала удовольствие от человеческих существ, но и от их творчества — живописи и скульптуры, книг и музыки. Она присутствовала на премьерах десятков величайших опер, восхищалась мастерством всех оперных знаменитостей, начиная с Аделины Патти и Марии Каллас. Остальные Властители взирали на людей как на животных. Мириам же считала, что у людей есть душа, по крайней мере, когда поглощаешь чью-то жизнь, можно ощутить некий электрический разряд, исходящий от тела. А потом глаза жертвы становятся абсолютно пустыми.

Ее соплеменники утверждали, что такова реакция нервной системы на потерю жидкости. Хорошо, если это именно так, в противном случае люди оказались бы существами высшего порядка.

Часто во время медитации, глядя в золотые неподвижные глаза Будды, она мысленно вопрошала его: почему мы так долго живем? Неужели потому, что лишены души? Почему мы холодные... такие холодные? К тому же — истинные рабы осторожности, закоснелых привычек. Но

сейчас Мириам нуждалась в обществе соплеменников, точнее, в одном из Властителей — чтобы зачать от него ребенка. Вот почему ей не следовало пропускать ни одно из собраний.

Когда-то в далеком туманном прошлом она уже испытала самое настоящее блаженство в то мгновение, когда мужское семя оплодотворяло ее яйцеклетку; способность ощущать это как величайшее наслаждение было свойственно любой женщине ее племени. Даже спустя века в ней жила память о том потрясающем миге.

Для Властителей не был тайной пол еще не родившегося ребенка, и Мириам с Юминисом придумали имя своему мальчику, полюбив его с той наполненной радостью ночи. Затем наступила беременность, год вынашивания плода... и боль потери, которую, казалось, невозможно пережить, когда маленькое мертвое тельце положили ей на живот. Вскоре ее возлюбленный муж последовал за сыном. Ее безграничная любовь и забота оказались бессильны перед странным состоянием, которое овладело Юминисом. Он перестал есть и внешне ничем не отличался от холодной мумии, одни только глаза продолжали сиять... словно неизбежная смерть обрела для него особый смысл, а голод наделил высшей степенью превосходства.

Неужели Юминис не мог смириться с потерей сына, или это было какое-то другое, еще более невыносимое отчаяние? Он, как и Мириам, уважал человеческий разум и, подобно ей, не раз высказывался по этому поводу: возможно, люди уже достигли той стадии развития, когда охота на них становится грехом?

А что, если грех — просто быть Властителем? Что, если охота на разумную дичь — убийство? Наверняка Юминис довел себя до смерти этими вопросами... а еще воспоминаниями о синем безжизненном тельце, которое он так осторожно приложил к ее груди...

Твои родные умирают для всего мира, но остаются жить в твоем сердце. Мириам продолжала любить мужа

еще много лет, но в конце концов воспоминания поблекли, как восковые краски на его портрете, который она когда-то заказала у Эратосфена, непоседливого коротышки, настоящего гения из Александрии.

Старая Александрия... ароматы мирры и кардамона, шепоты ночи, шумные базары... Мириам помнила гулкий дворец Клеопатры, Академию с ее огромной библиотекой. Она прочла там все 123 пьесы Софокла, присутствовала на их постановках. Сколько из них сохранилось — кажется, только семь?

За все эти долгие годы она так и не сумела найти того, кто занял бы место Юминиса. Отчасти причиной тому было то, что ее соплеменники собирались только раз в сто лет и ухаживания допускались только в этот период. Теперь настал момент, когда ни о каком выборе не могло быть и речи — или она найдет кого-нибудь, или никогда не подарит миру еще одного Властителя.

Единственным утешением Мириам оставались ее любовники. Но, разумеется, и они не могли осознать того одиночества, что заставляло ее изменять их природу, создавая в них свой собственный образ. Она выбирала для себя симпатичных особей, страстных и чувственных,— пол значения не имел, и у мужчин, и у женщин есть свои привлекательные стороны,— и соблазняла их, мягко, нежно, ласковым взглядом и неторопливой рукой. Следующий шаг — в гипнотическом сне наполнить их вены своей кровью, и тогда случалось чудо: избранные ею оставались молодыми еще много, много лет. Мириам говорила им, что они обрели бессмертие, и тем привязывала к себе, как глупых маленьких щенков. Точно так произошло и с этой сладкой красоткой, которая теперь вела ее дом и дела в Нью-Йорке, согревала ей постель и охотилась с ней... близкая ей по духу женщина, такая прелестная и умная, раздираемая ничтожными человеческими противоречиями. Чтобы жить, чтобы утолить голод, бывший доктор Сара Робертс, автор книги «Сон и возраст», в которой она, как

утверждала Мириам, «приподняла завесу, скрывавшую великую тайну», должна была убивать людей. Это мучило бедняжку больше, чем всех предыдущих любовников Мириам: ей, врачу, не давала покоя клятва Гиппократа.

Несколько лет тому назад Мириам чуть не потеряла Сару, но сумела ее вернуть. Не мешало бы ей испытывать побольше благодарности и быть поуступчивее, но женщину преследовал пережитый ужас, и Мириам не могла слишком строго относиться к подруге: каково это, лежать в гробу, медленно разлагаясь, но не умирая.

Сара как никто другой до нее в подобной ситуации понимала, что участь ее предрешена. Используя все свои обширные знания в области геронтологии, она пыталась одолеть процесс старения, которому предстояло неизбежно поглотить свою жертву, несмотря на тот факт, что сердце Сары гнало по сосудам кровь Мириам.

Довольно, пора подумать о другом. Мириам всегда удручало то, сколько мук доставляли человеческим любовникам и жизнь, и смерть. Но только не сейчас, только не в ночь, полную нервного волнения, ночь открытия Азиатского конклава. Избранный ею здесь, по крайней мере, будет жить вечно. И Мириам придется ему подчиниться... хотя бы на время беременности.

Итак, впереди — длинные, молчаливые дни, осторожные, медленно ползущие ночи. Именно так все и должно случиться. Она буквально ощутила маленькое тельце в своем животе, на мгновение представив, как после родов обнимет малыша, пока он еще розовый и горячий, словно только что насытившийся Властитель.

...Непонятно, как азиаты выносят этот жуткий климат! И в то же время жара все-таки приятна. Как замечательны длинные дурманящие ночи, которые проводишь на влажных от пота простынях, предаваясь наслаждениям, подвластным только твоим фантазиям.

Соплеменники Мириам остерегались наркотиков, утверждая, что лучше умереть, чем попасть в наркотиче-

скую зависимость на многие тысячи лет жизни. Они просто испытывали предубеждение к наркотикам и считали их пустым занятием, раз те созданы на потеху людей. Но что может сравниться с пропахшим имбирем гашишем в Танжере или трубкой выдержанного опия здесь, в Чиангмае, душными ночами, когда воздух особенно неподвижен?

Что ж, теперь все пойдет по-другому. Ей предстоит стать идеальной женой, и наркотики не вписываются в этот образ. Но она отнюдь не пристрастилась к ним, так что проблем с отвыканием не будет.

Мириам представила своего избранника: высокий, молчаливый, с узким, бледным, как тень, лицом. Воображение позволило ей даже мысленно прикоснуться к тугим мускулам, длинным гибким пальцам, способным раздробить в пыль человеческую кость — или приласкать ее полную грудь. Мириам глубоко вздохнула — такое ощущение, словно она только что нырнула на большую глубину.

Внезапно налетевший ветер пронесся по кронам деревьев, пробежал рябью по лужам, больше похожим на озера. Из маленького магазинчика послышались голоса — две девушки распевали модную песню, не подозревая, что по улице в коляске рикши едет некое существо, которое внимательно прислушивается к их сердцебиению.

Неожиданный интерес к девушкам подсказал Мириам: пора подкрепиться. Ее соплеменники за несколько дней чуяли подступавший голод и тщательно готовились к охоте. А вот с ней все не так: чувствует себя прекрасно — и вдруг через минуту начинаются танталовы муки.

Запах рикши, заставив ее ноздри затрепетать, тут же исчез, развеянный ветром. Мириам глубоко затянулась крепкой тайской сигаретой, пытаясь отвлечься, потом оценивающе посмотрела на взмокшую спину возницы. Тридцать секунд борьбы — и затем она сможет продержаться еще пару недель. Правда, есть одна проблема: в отеле рикше вручили записку с адресом на тайском языке

и велели отвезти туда пассажирку. Он ни за что не свернет с маршрута на какую-нибудь темную улочку.

— Говоришь по-английски?

Рикша не ответил. Неужели придется схватить его здесь? А как же два важнейших правила: убивать в укромном месте и не оставлять затем никаких следов — Мириам Блейлок всегда соблюдала их.

Под кожей возницы ходили натренированные мускулы. Мысленно она сорвала с него черные шорты и футболку. Представила, как уложит его на огромную кровать, где он вытянется во весь рост, и его пенис будет торчать, как симпатичный маленький сучок на ветке. Мириам покроет тело мужчины поцелуями, все крепче прижимая к себе, и ощутит соленый пот на губах... А через несколько восхитительных мгновений его кровь потечет ей в горло.

Мириам закрыла глаза, выгнув спину, потянулась, с силой выдохнув носом, гоня прочь соблазнительный запах. Позже она покурит, чтобы приглушить проклятый голод. Охотиться на новом месте небезопасно.

Очень плохо, что в Париж, где пройдет Европейский конклав, ей удастся вылететь только завтра вечером. Там она без труда сможет подкрепиться: Мириам охотилась там не так давно — лет пятьдесят тому назад, когда город кишел немцами.

Не исключено, конечно, что она встретит своего избранника здесь, в Чиангмае. Тогда новому мужу придется взять на себя заботы о ее питании, пока она вынашивает ребенка.

Если же все-таки она здесь не найдет себе пару, то после заседания пойдет по Самианской дороге, затем свернет на одну из маленьких кривых улочек и окажется возле забегаловки под названием «Лунная дорога». Прежде в Азии насчитывалось несколько тысяч подпольных опиумных салонов. Теперь только в Чиангмае осталось два или три, причем весьма захудалых, заведения.

Дома она хранила двухсотлетний опиум в глиняных горшках, запечатанных воском. Старинные трубки легко перегоняли прохладный дым, и Сара была отлично обучена искусству готовить кальян.

Провожая взглядом мелькавшую за облаками луну, Мириам подумала о Нью-Йорке. Там сейчас около полудня, в клубе трудится команда уборщиков. Сара и Лео наверняка еще спят, может быть даже в объятиях друг друга... на кровати Мириам, настоящем чуде под балдахином, созданном для Нелли Солтер, любовницы сэра Фрэнсиса Бэкона, «смуглой леди» Уильяма Шекспира. Эта самая Нелли перед смертью так напилась, что у Мириам потом долго кружилась голова.

Нет, она все-таки попробует убедить мужа покинуть Азию! Или, если это окажется невозможным, ей, наверное, придется нарушить еще одно табу и вынашивать ребенка без мужской защиты.

Скрипнула дверь, и на пороге одной из лачуг появилась роскошная девица с точеными чертами лица и нежнейшей кожей.

— Говоришь по-английски? — крикнула ей Мириам, но ответа не последовало.— Parlez-vous français?

Девушка торопливо скрылась за дверью. Мириам знала, что производит на местных людишек устрашающее впечатление — этакая странная дама с пепельно-серыми глазами в невероятно элегантных туалетах. Что ж, каждый год модный дом «Шанель» присылал ей каталог и она обновляла гардероб, придерживаясь в своем выборе крайне консервативных взглядов.

Справедливости ради стоит отметить, что все Властители не в ладах с модой. Пятьдесят лет пролетают как один миг, и неожиданно оказывается, что никто в целом свете, кроме тебя, не надевает больше турнюр или цилиндр. Римляне носили тоги тысячу лет, а в средние века мода менялась раза два за столетие. В девятнадцатом веке это происходило каждые пятнадцать лет, или около того.

Кстати, в отдаленно напоминавших правду рассказах или фильмах о ее сородичах персонажи часто изображались в давно вышедших из моды костюмах. Брэм Стокер, должно быть, немного разбирался в том, о чем писал,— иначе откуда ему знать, что Дракула напоминал старомодного щеголя?

Запах, словно пощечина, резко ударил Мириам, и она невольно зашипела. Свежая человеческая кровь, пока еще очень живая... Возница на секунду обернулся, сверкнув белками расширенных глаз. Мгновение спустя она поняла, что случилось: впереди произошла авария.

Мощный инстинкт побуждал ее выскочить из коляски и осушить тела до последней капли, пока в них теплилась жизнь. Проезжая мимо места происшествия, Мириам задержала дыхание. По всему телу разливался голод, кожа начала уже холодеть. Когда она приедет на собрание, то будет бледной как покойник. «Глядите на нее, она даже не способна себя прокормить!»

Над храмом Уатчедилуанг блеснула молния. И снова запах возницы ударил ей в ноздри. На этот раз Мириам приготовилось к насыщению: мышцы напряглись для атаки, рот наполнился слизью, которая служила ей для анестезии жертвы.

— Не ленись, выпивай все соки, дорогая,— наставляли ее в детстве.— Это нужно для крепких костей

Когда Мириам предстояло расстаться с очередным человеческим любовником, она всегда вспоминала, как люди обошлись с ее теткой. Милию сожгли на костре в 1761 году в деревушке под Дрезденом. (Кстати, сестры Мириам тоже не избежали подобной участи в 1724 году в Швабии, но их потерю она пережила легче.) Неугомонная родственница отличалась редкой для Властителей жизнерадостностью, обожала шумное веселье и танцы. Это она привила Мириам любовь к музыке — тромбонам, виолам... да, к своей любимой виоле да гамба. Кроме игры на всевозможных музыкальных инструментах Мириам

учили пению, а также читать и разговаривать на многих человеческих языках, столь многих, что она даже счет им потеряла. Языки древнего мира были настоящими произведениями искусства, особенно ей нравились шумерский и египетский. Их вытеснили греческий с его высокомерными глаголами и латинский с его строгими, несколько грубоватыми конструкциями. Английский стал для нее языком общения. Из всех современных языков Мириам больше всего нравилось говорить на французском и мандаринском наречии китайского. К сожалению, ей так и не удалось выучить тайский, так что теперь Мириам чувствовала себя не в своей тарелке.

— Пошевеливайся, тупая тварь,— прорычала она вознице по-английски.

Он прибавил хода. Такая интонация была понятна на любом языке.

Повозка стремительно двигалась между храмами, отовсюду веяло очарованием древности. Для ее сородичей это место тоже было священным: здесь они встречались в минувшие тысячелетия, десять тысяч лет назад, пятнадцать тысяч... когда мир был игрушкой в их руках, а человек — бессловесной разновидностью скота. Вот какие тротуары оставили Властители — после стольких лет все еще в идеальном состоянии. Видно, нас прокляли звезды, что мы превратились в собственном мире в бродяг, изгоев. Дайте мне опиума, хоть одну затяжку! Дайте мне забыться...

Мириам нащупала на дне новой сумочки золоченый ключ, который позволит ей войти в подвал «Лунной дороги». Сумочку фирмы «Гуччи» она купила в местном магазине за 2500 бат. Роскошная вещица! Ей вовсе не нужна была еще одна сумка, но Мириам обожала делать покупки и не смогла противиться соблазну. Все без исключения Властители любили хорошо выделанную кожу, а телячья кожа так напоминала человеческую, изделиями из которой можно было пользоваться только дома. Вдруг внимательный глаз заметит остатки татуировки или родинку на

перчатках или корешке записной книжки? Лично она никогда не носила изделия из человеческой кожи. Пусть людишки служат для ее племени всего лишь добычей, но все-таки они разумные существа, у них есть какие-то чувства, и это нужно уважать. Хотя их шкуры можно великолепно выделать — особенно кусочки с гладкой спины или ягодиц.

Возница совсем сгорбился, словно инстинктивно пытаясь отдалиться от нее. Прыгнуть на него сзади? Она оседлает его, как жеребца, он примется визжать и брыкаться, то-то будет потеха.

Рикша свернул на узкую улочку, не шире коридора, очень тихую. Мириам снова сунула в рот сигарету и закурила. У древнего храма Уатчиангман, чью крышу поддерживали с четырех сторон света четыре золоченых слона, повозка остановилась. В подвале здания располагалось древнее святилище Властителей, основанное еще до того, как Сиддхартха стал Буддой, даже до его рождения.

— Стой,— приказала Мириам.— Жди.

Возница, скосив на нее один глаз, едва заметно кивнул. Она знала, что среди суеверных тайцев, боявшихся привидений, этот храм пользовался дурной репутацией. Постукивая каблучками по мокрым камням мостовой, Мириам прошла несколько шагов до его дверей и переступила порог пагоды. Внутри оказалось удивительно тихо. Пахло сандаловым деревом и дымом — это чадила единственная железная лампа, подвешенная к потолочной балке, освещая огромного Будду, который сидел, откинувшись назад, посреди украшенного зала.

Она отдала дань уважения Будде: сомкнула ладони и поклонилась. Если бы соплеменники видели это!

Мириам нащупала хитроумно спрятанный паз, мягко надавила три раза, заставив работать скрытый механизм, который тихо щелкнул. Надо же, дверь открылась бы от одного простого толчка! В Америке или Европе нет места подобной беспечности.

Крутые ступени вели вниз. Разумеется, она не нуждалась ни в каком освещении, ее племя относилось к ночному биологическому виду... и очень страдало в нынешний век электричества. Мириам помнила, как расстроился муж Милии Назин, когда люди изобрели электричество. «Нам следовало сохранить от них этот секрет»,— не раз повторял он.

Мужчины и женщины из племени Властителей не объединялись в пары, за исключением того времени, когда ждали ребенка, иногда они вместе воспитывали его в первые годы после рождения. Но любовь между ними могла быть огромной. Назин так и не сумел оправиться после потери своей обожаемой Милии. «Я невольно ищу ее по всему свету»,— часто повторял он. Он без конца путешествовал и, отправляясь к далеким вершинам, наверняка искал там смерти.

Назин погиб во время взрыва «Гинденбурга»* в 1937 году — погиб от огня, как его возлюбленная. Он помогал людям покинуть дирижабль, и тех, кому он помог, заснятли для новостей как раз в тот момент, когда они выпрыгивали из окон опускавшегося на землю дирижабля. Назин лишь на мгновение мелькнул в кадре и исчез в пламени.

Мириам часто смотрела пленку, словно это помогало ей не чувствовать себя такой одинокой, ведь она так рано лишилась родителей...

На четвертой ступени Мириам замерла. Снизу доносился шум — отлично, собрание шло полным ходом, наконец-то есть возможность пообщаться с себе подобными. Разумеется, иногда любовники соединялись в сладкой битве, матери воспитывали своих детей, но большую

---

* Трансатлантический пассажирский дирижабль, построенный в 1936 г. в Германии. 6 мая 1937 г. во время посадки в Лейкхерсте (штат Нью-Джерси) дирижабль загорелся, в огне погибли 36 человек. Это была крупнейшая воздушная катастрофа тех лет, с ней закончилась короткая эра использования дирижаблей для трансатлантических перевозок.

часть времени ее сородичи проводили в одиночестве, как пауки.

Спустившись еще немного, Мириам снова остановилась. То, что она услышала, ее немного насторожило. *Властители не смеются.* Но на этом сюрпризы не закончились. На темной стене было что-то нарисовано — нет, автор изображения воспользовался баллончиком с краской. Откуда здесь граффити? Ей пришлось задрать голову, чтобы разглядеть изображение целиком: грубо намалеванный человеческий пенис.

Немного ниже на ступеньках валялись бумажные пакеты, еще пахнувшие чесноком и перцем. Никто из Властителей не употреблял человеческую пищу. Они просто не способны ее переварить и усвоить, так как пищеварительная система у них совершенно другая. К счастью, природа не оказалась столь категоричной по части напитков. Мириам, например, обожала красное вино не только потому, что внешне оно напоминало кровь: в вине время — пожизненный пленник, но в жизни его можно лишь замедлить. Все виды крепких напитков — от «Арманьяка» до «Джим Бима» — также иногда доставляли ей удовольствие.

Мириам замерла на месте. Трусость не была свойственна Властителям, поэтому ее не испугал, а только сбил с толку густой мужской аромат и остро-сладкий запах мальчишек. Подобно удару молнии, прорвавшемуся сквозь облака, до нее вдруг дошел смысл всех этих странных знаков: в святилище проникли человеческие особи! Мириам невольно издала крик, и стены сотряслись от этого стона одинокого загнанного зверя.

Снизу послышались возбужденные голоса, замелькали лучи фонариков, и через секунду мимо застывшей как статуя Властительницы прошмыгнули с криками и руганью двое мужчин-европейцев и трое тайских мальчишек, на ходу натягивая одежду.

После них нависла глухая тишина, прерванная через несколько секунд шуршанием тараканов и сопением крыс. Осторожно ступая, словно выбирая себе путь среди отбросов, Мириам спустилась в поруганное святилище.

Должно быть, собрание перенесли в другое место. Но почему ей не сообщили? Древний обычай диктовал, что о таком важном событии следует поставить в известность всех. Если только... Неужели Мириам стала для них изгоем и, перенеся место сбора, ее единственную не сочли нужным предупредить?

Конечно нет. Властители слишком консервативны, чтобы менять древний установленный порядок. Так что, скорее всего, их побудили на то чрезвычайные обстоятельства. Наверняка так и случилось — Мириам не получила известия потому, что на это просто не хватило времени.

В углу под обломками книжного шкафа ее внимание привлек знакомый красный переплет. Мириам невольно поднесла руки к горлу, словно помогая себе вдохнуть, ведь то, что она видела, было невозможно. С первых минут жизни Властителей учили, что «Книги Имен» священны. Сюда были внесены имена всех, кто жил и кто умер, перечислены все их деяния. Подобные книги появились тридцать тысяч лет назад — длительный срок даже по меркам ее племени.

Мириам подняла с пола священную рукопись, вернее, то, что от нее осталось, и теперь бережно разглаживала смятые страницы из пергамента. Переплет был изготовлен из более грубой человеческой кожи тех времен, когда люди еще пребывали на стадии примитивных тварей.

Она еще раз обошла комнату, заглядывая во все ниши и углы, но нигде больше не обнаружила ни листочка и бессильно прислонилась к стене. Неужели все это сотворил человек — недалекое, слабое существо?

Итак, азиатские Властители уничтожены. Если бы удалось спастись хотя бы одному, священная книга осталась бы цела. И когда она полностью осознала происходящее, с

ней произошло нечто настолько редкое, что она удивленно поднесла длинные тонкие пальцы к щекам.

Где-то глубоко под улицами с сумасшедшим движением, среди зловонных руин священного места плакал вампир.

2

КРОВАВЫЙ НОКТЮРН

Теперь рикша крутил педали так медленно, что можно было сойти с ума. Они ехали по пустым улицам сквозь шелестевшие потоки дождя, и Мириам прислушивалась к тревожному стуку собственного сердца, то и дело втягивая ноздрями влажный воздух. Какой запах она ожидала уловить? Кислотные испарения от тела мертвого Властителя или оружейную смазку полицейского пистолета?

Священная книга уничтожена. Никакая распря между Властителями, даже самая яростная, никогда не послужила бы причиной потери «Книги Имен». Они могли не поделить добычу, но случалось это чрезвычайно редко и никогда не приводило к *подобным* последствиям.

Как ей хотелось провести ночь под мерно раскачивавшимся опахалом, глубоко затягиваясь трубкой, но тысячи лет охоты за умной и опасной дичью сделали ее чересчур осторожной, чтобы планировать такую передышку.

— Аэропорт,— велела она рикше и, задернув пластиковую занавеску, курила и смотрела, как дождь барабанит по спине возницы, стараясь не думать о запахе его крови.

Дорога в аэропорт была длинной, к концу поездки тварь за рулем едва нажимала на педали. В иные времена Мириам бы отхлестала его кнутом.

Пусть соплеменники считают ее отступницей, но в эту минуту в ней горел огонь безграничной преданности своему племени. Они имели право на жизнь, как всякие другие существа. Даже больше чем право — весь земной шар

и каждое существо, живущее на нем, были их собственностью.

Они дали человеку все — и внешний облик, и ум, и саму жизнь. Ведь это Властители первыми вырастили зерно, а потом научили человека засевать поля, это они дали человеку и злаки, и плоды, и бессловесных животных, чтобы он питался.

Ее прадедушка подарил северным стадам яблоню; сотни лет он тщательно отбирал растения, а затем разбил сады там, где человеческие племена их легко нашли и, видимо, приняли за дикорастущие. Люди нуждались в фруктах, иначе у них развивался запор. А питаться особью, страдающей запором, весьма неприятно.

Рикша наконец замер перед ничем не примечательным зданием чиангмайского аэропорта, которое оказалось пустым в эти предрассветные часы: видимо, здесь не принято начинать полеты рано. Мириам решила ни в коем случае не располагаться в зале ожидания: одинокая пассажирка наверняка вызовет любопытство охранников.

Поблизости находились большие складские помещения, освещенные всего лишь несколькими лампами. Когда возница прошел по пандусу к площадке, где спали, укрывшись полиэтиленом, такие же рикши, как он, Мириам скользнула в тень главного здания терминала и, легко свернув замок на запертых воротах, подбежала к ближайшему складу.

Внутри пахло хлопком — склад был забит футболками для западных покупателей. Взгляд невольно натыкался на яркие надписи: «Благодарный покойник», «Адольф Гитлер, европейское турне 1939–1945», «Я — юный вервольфовец».

Мириам много знала о страхе, с интересом естествоиспытателя наблюдая за его проявлениями у своих жертв. Сама она никогда не испытывала подобного чувства — ведь люди не способны справиться с Властителем. Умереть от руки человека можно лишь по нелепой случайнос-

ти, с той же вероятностью смерть караулила тебя в снежной лавине. Во всяком случае, так было раньше. Властители в десятки раз превосходили в уме, силе и ловкости свою добычу; но можно ли утверждать, что ее сородичи быстрее пули или команды, отданной по мобильному телефону? Способны ли они переиграть следователей, вооруженных достижениями криминалистики?

То, во что превратилась азиатская «Книга Имен», свидетельствовало лишь об одном: люди узнали о своих Властителях и расправились с ними. Вопрос в том, как много они поняли из древнего манускрипта? Если удалось расшифровать записи, сделанные на прайме — древнем языке, тогда, возможно, ее племя обречено. В книге не только содержались все сведения об азиатских Властителях, но также были указаны места проведения и время остальных конклавов. *Мириам должна предупредить своих соплеменников!*

Через час после рассвета пришли рабочие, открыли склады, и аэропорт медленно начал оживать. Оказавшись в толпе, что заполнила терминал, Мириам с трудом сдерживала свои свирепые порывы. Ее так и подмывало схватить кого-нибудь и, оторвав голову, напиться свежей горячей крови.

У нее начало ломить кости, девичий румянец исчез без следа, и теперь сухая, холодная, как у трупа, кожа свидетельствовала о том, насколько она голодна.

— Бангкок,— сообщила она клерку у билетной стойки, протянув кредитку на чужое имя. Французская подданная по имени Мари Толман прилетела в Таиланд из США и отбудет в Париж. А в Нью-Йорк вернется гражданка США Мириам Блейлок.

Оказавшись в уютном зале ожидания первого класса, Мириам попросила официантку принести ей кислого лимонада, затем села и закурила сигарету. Предстояло решить проблему голода — она слишком долго его игнорировала и теперь придется срочно принимать меры, прежде чем

она покинет Таиланд. И почему она не заметила первых признаков в Нью-Йорке? Дома охота превратилась в простую безопасную процедуру, поскольку дичь сама шла к ней в руки: Сара находила подходящие жертвы и заманивала их в клуб, а Мириам расправлялась с ними в подвальном помещении, специально оборудованном для этих целей, или у себя дома.

Она глубоко затянулась сигаретой и выпустила дым из ноздрей. Нужно удирать без оглядки в Нью-Йорк, все равно соплеменники не оценили бы ее стараний.

Нет, Мириам не имеет права так поступить, когда на землю свалилось величайшее из несчастий, какое только можно представить. Почему из всех Властителей именно азиаты подверглись нападению человека? Они удачно управляли своими стадами, способствуя переселению людей, чтобы получить новые породы, отличавшиеся красотой, умом и, разумеется, великолепными вкусовыми качествами. Под их бдительным оком человек развивался, создавал процветающие империи, которые затем рушились и предавались полному забвению. То, что люди называли голодом, войной и миграцией, для Властителей означало просто контроль за поголовьем.

Чем больше Мириам об этом думала, тем неспокойней становилось у нее на душе. Как много сумели понять люди, учинившие расправу, и кто были эти твари? Как мог скот, наслаждавшийся покоем и сытостью стада перед забоем, узнать правду о своей жизни? И все-таки человеческие особи — это далеко не скот, пора признать эту истину.

Каким-то образом люди научились пользоваться своими маленькими мозгами и понаделали открытий, важность которых сами едва ли понимали. Но что случилось, то случилось. Зато теперь так забавно наблюдать за их суетой! А кроме того, когда они сами начали страдать от собственной перенаселенности, то принялись развивать науку, поднимая ее на большую высоту, и все ради того, чтобы научиться добывать больше пищи, быстрее пере-

двигаться, осваивать новые пространства на изнемогающей под их бременем планете.

Лет двадцать тому назад, или около того, Мириам сама прикоснулась к людской науке. Сколько хлопот доставила ей тогда любимая подружка! Пришлось показать ей, какова на самом деле смерть, точнее, бесконечное умирание души в ловушке медленно разлагавшегося тела, а затем воскресить, получив в награду умного и преданного компаньона. Деля с ней ложе, Мириам открыла для нее всю прелесть нежных и вдумчивых прикосновений другой женщины, она множество раз доводила подругу до экстаза, надавливая на потаенные точки пальцем или трепетно дотрагиваясь до них языком...

— Пассажиры тайской авиалинии, рейс 223 на Бангкок, могут пройти на посадку через выход номер одиннадцать.

Мириам присоединилась к пассажирам, потянувшимся к выходу. Ее соплеменницы путешествовали редко — четыре раза за жизнь, когда искали себе пару, чтобы родить ребенка, ну и, конечно, раз в сто лет, когда отправлялись на конклав. Презирая условности, Мириам разъезжала по всему свету, с удовольствием наблюдая, как меняется со временем мир. Опытная путешественница, она тем не менее ненавидела ограниченное пространство — после одного случая, когда ей пришлось целую неделю провести в гробу, прячась от преследователей. Тогда в Трансильвании погибли двадцать шесть Властителей, никогда еще рука человека не уничтожала столько своих господ.

Здесь, в Азии, насчитывалось шестьдесят Властителей. Что, если их захватили, обрекли на голод в тюрьме? А если они мертвы?

Они действительно мертвы. Чутье подсказывало ей это — в атмосфере чего-то не хватало... так бывает, когда после музыки наступает тишина.

Мириам направилась в дальний конец зловонной железной трубы, утыканной креслами. Во время полетов она

всегда старалась занимать место в последнем ряду. В случае аварии ее недюжинная сила могла сослужить хорошую службу: ей не составило бы труда проделать дыру в фюзеляже, чтобы спастись, если таковое было возможным. Но, разумеется, удар о землю огромного лайнера, несущегося со скоростью четыреста миль в час, превратит в лепешку даже Властителя.

Тайцы курили, болтали и уплетали человеческий корм: кусочки свинины, грибов и перца, обернутые в нечто похожее на съедобный пластик. Почти каждый из ее многочисленных человеческих любовников пытался привить Мириам вкус к всевозможным яствам, но она осталась к ним равнодушна. В течение тысяч лет человеческая пища заметно изменилась — надо сказать, не в лучшую сторону, тем более что непрекращавшийся рост населения способствовал увеличению количества продуктов и, соответственно, ухудшению их качества.

На самом деле ее не особенно волновало, что едят эти твари. Важно другое: чем сообразительнее были люди, тем лучше выживали и тем проще было за ними присматривать Властителям. Кроме того, кровь умных особей обычно имела более сложный, интересный букет.

Двигатели самолета начали подвывать. Несмотря на то что Мириам терпеть не могла перелеты, даже больше, чем плавание, она все равно отправлялась в путешествия: на галере из Рима в Александрию, чтобы познакомиться с библиотекой, а некоторое время спустя, заинтересовавшись тайнами племени майя,— из Испании в Мексику.

Надо сказать, морские путешествия часто заканчивались тем, что на медлительных старых парусниках не оставалось ни одной живой души — Мириам всех поедала. Как устоять перед соблазном: неделю за неделей проводить в окружении целой стаи сладеньких человечков! Начиная с рабов, она постепенно поднималась вверх по иерархической лестнице, каждый раз обставляя дело так, будто очередная ее жертва случайно упала за борт. А если

начинался шторм, то она поедала за один присест пять или шесть человек, благо все можно было списать на разбушевавшуюся стихию.

Корабли, на которых она отправлялась в плавание, приставали к берегу пустыми... если не считать одной чересчур тучной особы из племени Властителей, прятавшейся среди бочек в трюме. Однажды она особенно дала себе волю на борту торгового судна, перевозившего специи из Индии в Голландию,— за два месяца проглотила команду из пятидесяти человек и шестерых пассажиров. Ночью, пересев в шлюпку, она добралась до Сурабайи. Что касается корабля, то он еще несколько лет продолжал свое плавание, породив среди людей легенду о «Летучем голландце».

Самолет набирал высоту, оставляя древний город, укрытый пеленой тумана. Голод когтями терзал внутренности, рот наполнился кислой слюной, отчего еще больше захотелось есть. Мириам на полную мощность включила над головой воздушный обдув, но это не помогло избежать дразнящего запаха людей, набитых как селедки в консервную банку.

Мускулы инстинктивно напряглись, тело было готово к нападению на жертву. В самолете некуда девать остатки трапезы — обычно их размалывают и сжигают. Люди очень редко находят что-то, а если и находят, то принимают *это* за мумии. Однажды она сама обернула бинтами уличного торговца и уложила в саркофаг в подвале Британского музея. Произошло это... дай Бог памяти... несколько сотен лет назад. Должно быть, этот продавец «Сент-Джеймс газетт» до сих пор лежит там. Неплохая, кстати, газета для того времени.

Эти радостные и довольные людишки вокруг — неужели их ничуть не тревожит, что под ногами смерть разверзла пасть в тридцать тысяч футов? Почему они столь беспечно относятся к собственной жизни — все время летают, носятся на автомобилях, ведут войны?.. Что за этим

может стоять, кроме веры в бессмертную душу? Люди не боятся смерти, относясь к ней как к еще одному захватывающему ощущению. *Для Властителей смерть означала уход из космоса навсегда.*

Самолет выровнялся. Мириам точно знала по его движению и звуку, что происходит в каждую секунду полета. Вообще-то, она и сама могла сесть за штурвал, если случится какая-нибудь неприятность,— не зря потратила несколько месяцев, обучаясь на компьютерном тренажере. Если бы какой-то остолоп попытался угнать лайнер, Мириам тут же, загипнотизировав его, усадила бы на место. Пусть потом с ним разбираются другие.

Мальчик и девочка, примерно пяти и семи лет, сидевшие впереди, то и дело застенчиво поглядывали на нее через спинки кресел, причем в их глазах читалось не только любопытство. Мириам понимала, что чем дольше продлится полет, тем больший дискомфорт будут ощущать ее попутчики. Оказавшись рядом с Властителем, человек чувствовал примерно то же, что испытывала мышь, увидевшая змею: что-то вроде любопытства, смешанного с ужасом. Вскоре появится безотчетная подозрительность: их будет тянуть к ней, и одновременно они будут испытывать необъяснимое отвращение, а затем увидят ее в кошмарных снах, все до одного на этом самолете.

Подошла стюардесса и, взглянув на Мириам, сразу перестала улыбаться. Ее кровь обладала мягким простым ароматом, наподобие ординарного «Божоле». Все равно. Так приятно было бы насытиться теплой восхитительной кровью! Затаив дыхание, Мириам на несколько секунд прикрыла глаза.

Не догадываясь, что пассажирка способна видеть сквозь веки, стюардесса воспользовалась случаем и принялась разглядывать высокую европейку в старомодном костюме. Мириам забеспокоилась, не слишком ли легкий у нее грим, сейчас цвет ее кожи мог бы привести в ужас любого: под слоем пудры она была бледнее покойника. Но кроме

всего прочего Мириам испытывала жажду, поэтому ей пришлось обратиться к стюардессе:

— Прошу прощения.

Остановившись, девушка изобразила на лице профессиональную улыбку.

— Да? — отозвалась она.

— Воды! — Мириам ткнула в бутылку с тайской этикеткой.

Стюардесса, протянув ей бутылку с водой, поспешно удалилась. Самолет завибрировал, гул моторов изменился. Мириам нервно возилась с пластмассовой бутылкой. Да, разумеется, в этих звуках нет ничего тревожного, самолет явно пошел на снижение. Двигатели работали нормально, Мириам слышала это. Ну а если в кабине пилота возникли какие-то проблемы с управлением?

Порывшись в сумочке, она достала буклет авиакомпании. Да, рейс продлился сорок минут, точно по расписанию.

С ужасным лязгом опустились закрылки. От неожиданности Мириам прокусила бутылку, и вода вылилась ей на костюм. Смахивая капли, она сунула испорченную бутылку между кресел, затем уставилась прямо перед собой, делая вид, что ничего не случилось.

Она еще ни разу не испытывала на борту самолета такой голод и решила никогда больше так не рисковать. Надо было все-таки съесть того рикшу. Мириам закрыла глаза, невольно вдыхая запах попутчика в соседнем кресле. Маленький кругленький толстячок, буквально лопающийся от сладкой крови. Délicieux*. Поглубже втянув носом воздух, она начала представлять, как завладеет этой жертвой. Прикинется одной из европейских шлюх, у которых в Азии очень славно идут дела. Они вместе сойдут с самолета, а затем... рано или поздно момент подвернется.

---

* Дивный *(фр.)*.

Как приятно будет насладиться этим толстяком! Кстати, он уже заметил взгляды соседки и теперь с интересом рассматривал ее.

— Замечательное путешествие,— сказала она.

— О да,— кивнул он.

Хотя бы понимает по-английски, уже легче. Мириам улыбнулась ему, слегка выпятив губы.

Мужчина скрестил ноги, потом снова сел прямо, мотнул головой и, чуть подавшись вперед, поинтересовался:

— Задержитесь в Бангкоке?

Итак, рыба проглотила наживку. Мириам на мгновение задумалась. Отчего бы не пропустить рейс на Париж... но своих обязательно нужно предупредить о том, что здесь случилось, причем как можно скорее. А с другой стороны, она так проголодалась!

— Возможно,— тихо ответила Мириам.

Мужчина, улыбнувшись, коснулся узла галстука, на безымянном пальце блеснуло обручальное кольцо. Да, с этим будут осложнения — пропавший муж! Проследив за ее взглядом, он безразлично пожал плечами.

Гул двигателя снова изменился. Мириам прислушалась и пришла к выводу, что все пока идет нормально. Коснуться его сейчас — значит пометить жертву, этот древний акт Властители совершали с незапамятных времен. Мириам дотронулась до его руки, и он невольно вздрогнул, ощутив холод ее кожи.

— Я проведу в Бангкоке несколько дней.— Звонкий смех женщины должен был рассеять все его сомнения.— В «Королевской орхидее»,— добавила Мириам, извлекая название отеля откуда-то из глубин памяти.— Она знала, что это первоклассный отель.

— По чистой случайности, мисс, я тоже остановлюсь там,— сообщил он, растянув рот в улыбке от уха до уха.

Оставалось только надеяться, что в отеле найдется свободный люкс, Мириам ведь не бронировала номер — как, впрочем, и ее собеседник.

Через секунду самолет уже трясло по неровному покрытию. Вопреки мрачным опасениям Мириам его скорость постепенно снижалась. И все же напряженное беспокойство не отпускало ее, она ждала каждую секунду, что чертова махина сорвется с бетонной полосы. На какую-то долю секунды, продлившуюся целую вечность, самолет замер, словно в нерешительности. Что-то случилось?

Мириам уже рисовала в своем воображении, как сверху на них приземляется «Боинг-747», вся летная команда которого уснула мертвецким сном. Несколько лет назад на Канарских островах так погибли два Властителя, став жертвами наземного столкновения самолетов. Но тут двигатели снова взревели, и самолет двинулся дальше. Через пару минут путешествие благополучно завершилось под звон замков ремней безопасности.

Мысли Мириам тут же переключились на ее жертву. Сейчас ей предстояло чуть охладить его пыл, сыграв кокетку, западную женщину, которой безразличны восточные мужчины. Направившись к выходу из самолета, она отстала на шаг от своего соседа, наблюдая и оценивая малейшие изменения в его манерах. В ноздри ударил мускусный запах возбужденного мужчины, его перебивал еще более резкий запах пота. Странные ароматы! Запах желания должен быть сильнее... видимо, он слишком напуган. Когда охотишься, действовать нужно быстро, а не сидеть битый час щека к щеке со своей жертвой, прежде чем приступить к делу.

В аэропорту их накрыла волна всевозможных запахов, большей частью неприятных — отличительный признак Бангкока, города любых развлечений. Тайцев вывели Властители, любившие роскошь, потому этот народ сохранил интерес к удовольствиям, который был им привит с самого начала. Впрочем, любое стадо в мире имело отличительные черты своих Властителей. Патологическую любовь к порядку северные Властители передали вывезенным ими германским племенам, а страсть и утонченность южноев-

ропейских можно было теперь наблюдать у французов, испанцев и итальянцев. Лично ей, Мириам, нравилась дикая смесь качеств в американцах — никогда не знаешь, чего можно ожидать от метисного стада.

Продвигаясь в толпе людей к главному залу аэропорта, Мириам положила руку на плечо жертвы, во второй раз прикоснувшись к ней, чтобы еще больше утвердиться в своем праве собственности.

При этом она ощутила под пальцами не волнующий трепет желания, а самую обыкновенную дрожь. Да, придется быть максимально осторожной и внимательной — особь попалась чересчур восприимчивая. Может, оставить его в покое?

Зажав в руке несколько банкнот, мужчина кинулся на стоянку такси, и вскоре они уже ехали по городу.

Мириам терпеть не могла любой транспорт, если за руль садилась не она. Водитель наверняка запомнит необычную пассажирскую пару — тайца с европейской женщиной.

Когда ее избранник протянул Мириам зажигалку с трепетавшим пламенем, ей совсем не понравилось выражение его глаз. Точнее, оно было непонятным, ведь инстинкт диктовал человеческим особям словно зачарованным тянуться к хищнику, а здесь не было и тени подобного чувства.

Она глубоко затянулась: курение проходило бесследно для иммунной системы Властителей. Внутренний голос велел Мириам поцеловать мужчину в щеку.

— Азия,— прошептала она,— Азия для меня сплошная тайна.

— У меня совсем другие корни. Никакой тайны. Мой отец был дипломат. Я рос в Лондоне, а затем в Бирме.

Мириам помнила времена, когда Британия правила в Бирме, выращивая на огромных плантациях опиумный мак. Можно было утром выйти на огромное маковое поле — пожевать семена и полакомиться сборщиками

урожая. А вечером — партия в бильярд в обществе британцев, вырядившихся в белые костюмы и пробковые шлемы. Иногда удавалось даже прихватить одного из них, потому что в то время в Бирме еще водились тигры и труп вовсе не обязательно было прятать, достаточно оставить где-нибудь растерзанное должным образом тело. Сладкие воспоминания...

Мириам по диагонали пересекла огромный холл «Королевской орхидеи», направляясь к стойке.

— Мне нужен люкс.— Она протянула свою кредитку... вернее, не свою, а Мари Толман. Служащая, быстро проверив данные, вручила ей гостиничную визитку, служившую ключом, а затем перевела взгляд на следующего клиента.

Пора вплотную заняться своей жертвой. К такому типу мужчин требовался более тонкий подход, и Мириам уже почти смирилась с мыслью, что охота на этот раз может оказаться не вполне удачной. Хотя, если ее ждет провал, она просто сойдет с ума, а длинное путешествие в Париж будет больше напоминать дорогу в ад.

Мириам изобразила самую сладкую и невинную улыбку, на какую только была способна. Мужчина покосился на визитку в ее руке.

— Двадцать пять ноль семь,— запинаясь, произнес он.

Когда они оказались в лифте вдвоем, мужчина наконец улыбнулся ей. Но запах, выдававший его страх, нисколько не изменился. Мириам поцеловала его в лоб — а скоро она иссушит это тело до последней капельки!

— Сколько я, по-вашему, стою?

— Сколько вы хотите?

— Тысячу долларов.

Глаза его округлились, и он невольно сделал шаг назад. Лифт остановился на двадцать пятом этаже, дверцы плавно поехали в стороны.

— Двести, мисс. Гонконгских долларов.

Она не станет торговаться, но, с другой стороны, незачем будить в нем подозрительность.

— Триста, США.

— Пятьсот, Гонконг.

Надо же, вот она идет по бесконечному коридору — великолепная красавица, каких не видел свет, а рядом — маленький жадный таракан, в самом деле поверивший, будто она отдастся ему за столь ничтожную сумму! Мириам, не оборачиваясь, бросила через плечо:

— Этого не хватит даже на покрытие расходов, красавчик.

— Вы за ночь обслужите не меньше двадцати мужчин.

Сунув карточку в щель замка, она затем резко распахнула дверь. Солнечный свет, лившийся из огромных окон во всю стену, освещал диван, обитый желтым гладким материалом, и огромную вазу с какими-то экзотическими цветами на кофейном столике.

Мириам опустилась на кровать и властным жестом заставила свою жертву сесть рядом. Как жаль, что придется сразу бежать! Обычно *Сон* наступал вскоре после насыщения, но на этот раз блаженное состояние овладеет ею в самолете во время двенадцатичасового перелета. Перспектива оказаться совершенно беспомощной среди целой кучи людей пугала ее больше, чем место в самом опасном отсеке.

Мужчина зашевелился, потом замер, как обычно замирают человеческие особи, когда подсознательно чувствуют опасность. Мириам взяла его за подбородок и, повернув к себе, заглянула в глаза — так требовал ритуал. Что означал этот блеск в человеческих глазах? Она всегда задавала себе этот вопрос, перед тем как приступить к трапезе.

— Поцелуй меня,— велела она.

Мужчина натянуто улыбнулся, потом придвинул к ней лицо, полуприкрыв веки и расслабив губы. Мириам припала к его губам, стараясь как можно тщательнее скрыть анатомию своего рта. Их языки встретились, и она почув-

ствовала, как азиат слегка напрягся, когда понял, что язык у нее шершавый, словно у кошки.

Гладя мужчину по голове, Мириам уложила его на подушки, ловкие пальцы быстро справились с застежкой брюк. Полюбовавшись эрегированным членом, она коснулась его губами. Затем, выпрямившись во весь рост, сняла голубой шелковый жакет, расстегнула блузку. Таец сосредоточенно наблюдал за ней, по его лицу блуждала легкая улыбка.

Инстинкт диктовал ей приступить к «Танцу смерти»: плавные взмахи руками, грациозные движения бедрами. При каждом повороте ее тело становилось все тверже и напряженнее, готовясь к предстоящему пиру. Танцуя, Мириам постепенно сбросила одежду и теперь стояла перед ним обнаженная. Во взгляде мужчины промелькнуло любопытство при виде такой странной кожи — бледной и гладкой, как стекло: красавица напоминала скорее статую, чем существо из плоти и крови.

Присев рядом с ним на кровать, Мириам поцеловала его, к этому моменту она сама уже достаточно возбудилась. Это отличало ее от остальных соплеменников: Властительницe нравились тела людей, их вкус и запах, округлости женщин, дерзко торчащие мужские пенисы. Возможно, причина такой любви скрывалась в одном ее открытии — любовные утехи, если заниматься ими умело, улучшали вкус крови жертвы, а испытанный оргазм, так несвойственный остальным Властителям, превращал *Сон* в нечто волшебное по ощущениям.

Мириам улеглась на маленького мужчину, устроив его поудобнее. Несколько умелых поглаживаний — и он готов. Природа не одарила человечка большим членом, и жалкий стручок едва ли не утонет в ее лоне, а еще это ничтожество наверняка отметит, какое у нее холодное тело. И действительно, мужчина начал издавать горлом странные звуки, похожие на возгласы удивления.

— Спокойно, малыш,— проворковала она,— все в порядке, мой мальчик.

Любитель продажных девок начал ерзать, пытаясь выбраться из-под нее,— видимо, почувствовал непомерную тяжесть такого хрупкого на вид тела. Тогда она, сжав вагинальные мускулы, начала волнообразные движения — и мужчина взвыл от удовольствия!

Мириам прижала рот к его шее, заморозив слизью небольшой участок кожи. Острые зубы легко вспороли кожу, так что жертва, скорее всего, ничего не почувствовала, и вот уже стенка вены слегка пульсировала под ее языком. Она продолжала заниматься любовью, готовясь к свирепому насыщению, которое поглотит жизнь случайного избранника. Скоро он почувствует боль от проникновения в вену — и вот его лицо с плотно зажмуренными глазами исказила гримаса.

Держа широко открытый рот над раной, Мириам едва касалась губами и языком тонкой струйки крови, наслаждаясь ее вкусом.

Когда мужчина начал изворачиваться, пытаясь избавиться от боли где-то глубоко в горле, ставшей теперь, должно быть, весьма ощутимой, она прижала его руки к бокам и обхватила ногами его ноги. Мириам обладала такой недюжинной силой, что у ее любовников возникало ощущение, будто их сковывали железными прутьями,— по крайней мере, так они говорили. Зато их любовного инструмента словно касались тысячи крошечных осторожных пальчиков, и однажды мужчина умолял ее не прерываться, даже когда умирал.

Мириам тем временем глубоко проникла в ранку на шее, она быстро и мощно сосала, и только этот звук нарушал тишину в залитой солнцем комнате. Именно в такой момент, как ей казалось, она овладевала душой жертвы. Мужчина умирал, движения его чресл стали беспорядочными, затем совсем прекратились.

Кровь живым огнем вливалась в ее тело, внутри словно распустился цветок, наконец горький привкус последних капель дал ей понять, что крови лишились все органы тела.

Она села на край кровати и закурила одну из его сигарет. Как прекрасно только что пережитое ощущение, когда впитываешь в себя чужую жизнь. Причем с мужчинами чувствуешь совсем не то, что с женщинами. После насыщения женщиной во всем теле появляется какая-то яростная энергия, непреодолимое желание разорвать весь мир пополам. Мужчина оставляет после себя привкус своей силы, и ты буквально пьянеешь от тестостерона.

Мириам подошла к зеркалу и дотронулась до своего отражения. Что ж, особь оказалась на редкость здоровой — и ее лицо раскраснелось, тело стало розовым и теплым. Если раньше она была женщиной, то теперь превратилась в девушку, свежую как роса, с сияющим невинным взглядом.

Все еще смакуя вкус крови во рту, Мириам обшарила одежду мужчины. Разумеется, она еще успеет на парижский самолет. Пусть европейский клан не такой многочисленный, как азиатский, но он состоит из мудрых и древних Властителей. Европейцы справились с трансильванской ситуацией, превратив истинные знания о вампиризме в мифы и сказки, они найдут выход из сложившейся ситуации.

В заднем кармане брюк оказалось коричневое портмоне. Ага, мы носим с собой фотографии! Ну что, бедная женушка с отчаянной улыбкой, ты будешь скучать по этому мужчине или испытаешь облегчение, что он исчез? Дети... проклятие! Мириам разъярилась на саму себя за то, что взглянула на их лица. Именно в эту секунду она заметила довольно странную карточку. Сначала она подумала, что это, наверное, водительские права, но затем, приглядевшись, обнаружила, что ошиблась.

Пустая оболочка, лежавшая на кровати под грудой простыней, сорок фунтов костей и натянутой на них

кожи, вовсе не была несколько минут назад безобидным тайским бизнесменом. Случай свел ее с Киеном Наравато, сотрудником Интерпола.

Дыхание ее участилось, кожа стала сухой и горячей. Набросив на себя одежду, Мириам тронула губы помадой, чтобы уменьшить огненно-красный блеск. Надо уносить отсюда ноги — причем как можно скорее!

Через несколько минут прибыло такси, и госпожа Мари Толман отправилась в аэропорт. Ее так расстроили события последних часов — сначала трагедия в Чиангмае, а потом это ужасное открытие, которое вряд ли останется без последствий.. Непростительная ошибка — она не уничтожила остатки своей трапезы или, по крайней мере, не захватила их с собой, чтобы избавиться от них по дороге!

3

ОХОТНИК ИЗ ОХОТНИКОВ

Когда до Пола Уорда дошел смысл сумбурного сообщения Интерпола, присланного по электронной почте, ему вдруг показалось, что потолок вот-вот обрушится ему на голову. «Господи Иисусе! — мысленно завопил Пол.— Они — самые настоящие тараканы!»

И вот теперь, вместо того чтобы забрать свои вещи из офиса в Куала, подготовиться к отъезду в Штаты и начать финальный раунд там, он мчится по улицам Бангкока в старом, дребезжащем посольском кадиллаке.

Скорчившись на заднем сиденье, он смотрел на людей, заполнивших улицы, пытаясь представить, как будет выглядеть Бангкок или любой другой город, узнай его жители о том, что по улицам ходят хищники в тысячи раз опаснее тигров или акул.

Самое неприятное, что он уже успел отпраздновать победу, устроив со своими коллегами вечеринку, угощение для которой добывалось всеми праведными и неправед-

ными путями. «Вдову Клико» позаимствовали из штаб-квартиры «Сюрте», французской уголовной полиции в Хошимине, заливая им копченую белугу — подарок ребят из КГБ, окопавшихся в Нью-Дели. Не меньше дюжины танцовщиц слетелись на шелест долларов — разумеется, фальшивых, изготовленных в Мьянме. Купюрами в большом количестве разжился у пакистанской разведки грозный Джо Ло, который сумел бы украсть и яд у кобры.

Да, они весело расставались с «Главной восточноазиатской компанией по истреблению грызунов». Прощай организация с таким ироничным названием, уходим без сожаления. Они выполнили свою задачу, жаль только, что Уилл Кеннерт, Эдди Сент-Джон, Ли Хонг Кво и Эль Санчес не сидели с ними за одним столом.

Если бы ему не требовалось целиком и полностью сосредоточиться на задаче, которую предстояло решить, он велел бы шоферу остановиться у ближайшего бара. Отчего бы не утолить жажду благословенной «Столичной»? А потом отправиться на всю ночь в массажный салон, где опытные девицы менялись бы одна за другой? Пора подвести итог недозволенным радостям — спасибо старому доброму Бангкоку: кто бы мог подумать, что в одном городе существует столько злачных мест...

— Проклятье! — мрачно выругался он.

— Сэр?

Водитель не догадывался, что Пол любит поговорить сам с собой. Откуда, собственно, ему об этом знать? Служащим посольства, да и другим чиновникам, любая информация об Уорде была недоступна — и слава Богу.

— Виноват, сынок.

Сиамский залив до сих пор оставался глухим уголком мира. Надо признаться, Пола раздражали глухие и темные закоулки. Еще больше он ненавидел лифты, маленькие комнаты с закрытыми дверями,— словом, замкнутые пространства. Ему все время снился один и тот же сон: вот он просыпается, садится в кровати и, *бах*, ударяется лбом

обо что-то так сильно, что из глаз сыплются искры. Через мгновение он понимает, что это — крышка гроба.

Пол знал одного парня из ЦРУ, Ричи Джоунза, который не поладил с красными кхмерами, и те похоронили его заживо. Потом военнопленные из того же лагеря рассказывали, что около получаса из-под земли доносились крики. Из штата Огайо угодить в дыру посреди джунглей Камбоджи. Интересно, господину президенту доложили о том, что произошло с Ричи? А господину директору Центрального разведывательного управления?

Умереть, как умирают тайные агенты на задании, чертовски тяжело и чертовски одиноко — наливай, дружище! А то, что делает он и его команда, гоняясь за монстрами по всему миру, рискуя быть съеденным при малейшей неосторожности... — наливай еще!

Уорд устал. Они все устали. Это была трудная операция, пропитанная насквозь кровью хороших мужчин и женщин. Лучше пусть тебя похоронит заживо банда двенадцатилетних кхмеров с остекленевшими глазами, чем укусит в шею одна из этих поганых тварей.

Еще задолго до того, как его вынудили сюда вернуться, Азия стала для него местом, о котором он хотел бы забыть. Вьетнам, Лаос, Камбоджа, начало семидесятых. В те дни человеческая жизнь здесь ничего не стоила, особенно жизнь американца, и тем более новобранца ЦРУ — подтянутого, остриженного под ежик, в смешных очках. Уорд просидел шесть недель в бамбуковой клетке, питаясь одними тараканами и крысами, пока на его глазах Бетти Чанг насиловали до потери сознания, а Джордж Мурхаус умирал от голода. Уорд выжил, потому что был слишком уродлив, чтобы его насиловали, и настолько неприхотлив, что мог пожирать крыс с потрохами.

Он пошарил в маленьком баре — обычно здесь полно выпивки.

— Водка найдется?

— Нет, сэр.

Разумеется нет. Для офицера ЦРУ не станут держать в машине спиртное. Этот паренек со своим лимузином появился в аэропорту только потому, что в посольстве не хватило времени подобрать драндулет похуже для обычного тайного агента. Прилети он из Штатов, то нашлись бы и вышивка, и лед.

— Чертовы ублюдки.

— Сэр?

— Ничего.

Жаль, что за ним не прислали женщину-шофера. Как было бы хорошо вдохнуть сейчас аромат женской кожи и волос. Ему хотелось того, чего хотят все мужчины, как он полагал,— спасения в нежных объятиях.

Закрыв глаза, Пол сразу же увидел ненавистную картину — степную траву при свете луны. Он помотал головой, прогоняя мрачное видение, и открыл глаза. Лучше не думать об этом, а вспоминать военные времена или то, как они обрабатывали кислотой поганые норы. И как это, черт возьми, случилось, что подобные твари так похожи на людей? Или Бог сошел с ума?

И снова степную траву серебрит лунный свет, занавески на окнах колышутся от ветра и где-то далеко поет прекрасный голос.

Он похлопал по нагрудному карману — коробочка с пилюлями на месте. Две на ночь, может, три, тогда ему обеспечен спокойный сон без кошмаров.

— Дерьмо,— тихо выругался он и снова повторил, на этот раз погромче: — Дерьмо!

— Сэр?

Парень потом будет рассказывать, как ему пришлось везти в отель «Королевская орхидея» полоумного старика лет пятидесяти, который то и дело что-то бормотал себе под нос. Но пусть даже и не пытается выяснить, кто он такой.

Он ничего не выяснит.

Ни одно из правительственных подразделений ни в одной стране не подвергало сомнению секретность данной операции. Иначе пришлось бы признать, что люди вовсе не являются вершиной эволюционной цепочки, а они всего лишь добыча, предназначенная чертовски умному и ловкому хищнику. Этот хищник, знаете ли, выглядит совсем как вы, и нельзя отличить вампира от почтальона или врача, или даже от собственного брата или сестры, черт возьми. Вот только кожа у него бледная и холодная на ощупь, как луна в октябре...

Уорд злобно уставился на маячивший впереди грузовик — он едет или стоит на месте?

— Нельзя ли побыстрее?

— Сэр, это Бангкок.

— Может, мне сесть за руль?

— Вы хотите сами вести машину, сэр?

— Я должен попасть туда засветло. Прости, сынок, но доставь меня туда сейчас же!

Машина рванула вперед, выскочив на тротуар. Разъяренный мужчина забарабанил в стекло: оказывается, они разнесли в щепки продуктовую тележку.

— Чертов ротозей! Ты лишил парня единственной чашки риса!

— Вы же сами приказали!

— Я не приказывал ехать по живым людям.

Больше всего на свете Пол ненавидел причинять боль. Он даже муху не мог прихлопнуть — всякий раз выпускал ее в окно; или терпеливо дожидался, пока комар насосется, только потом смахивал его, посчитав, что насекомое уже начинает жадничать.

По иронии судьбы таков был человек, профессия которого предполагала необходимость убивать. Когда Пол засыпал, к нему подкрадывались легионы мертвецов: вьетнамские детишки, жертвы вампиров, друзья, не вернувшиеся с задания. И каждый раз он просыпался в холодном поту, сердце гулко отсчитывало удары, глаза были

мокрыми от слез. На помощь приходили «таблетки забвения» — так он их называл,— чтобы провалиться в черную дыру сна без кошмаров.

Азия приучила его любить некоторые очень греховные вещи, и главное — опиум. Лучше, чем гашиш, марихуана, кокаин или любое другое новомодное изобретение, гораздо лучше любой выпивки. Наркотик доставлял истинное наслаждение, чудесным образом соединяя в грезах возвышенное и земное, позволяя пребывать в ладу с миром. Уорд любил саму церемонию насыщения в притонах, которых в наши дни осталось так мало: «Да, за свою жизнь я не раз падал на самое дно и не раз грешил. А почему бы нет, друг мой? Быть может, завтра мы умрем».

По крайней мере, так они думали в семидесятых, слушая речи Киссинджера по армейскому радио. Тогда еще Уорд не знал никаких вампиров и жизнь казалась ему тяжелой, но на самом деле все было легко и просто — война. В то время им было не до наркотиков, любая оплошность — и ты мертв.

Последнее верно и сейчас, по крайней мере для него и его команды. Убийство вампиров — крайне опасное дело. Вампиры — быстрые твари, такие быстрые, что швыряют нож почти со скоростью пули. Кстати, обычная пуля их не берет. Можно расстрелять весь магазин прямо в чудовище, а оно уставится на тебя обманчиво спокойным взглядом и будет ждать, пока закончатся твои пули. Только обезглавив вампира, можно считать его уничтоженным. А если вспороть чудовищу пузо сразу после того, как он наелся, то кровь начнет хлестать из него, как из лопнувшего клеща.

Несчастные случаи могут подстерегать даже вампиров. По статистике, если живешь достаточно долго, то с тобой обязательно произойдет какая-то неприятность. Статистика — вот единственная болезнь этих монстров. Поэтому вампиры не путешествуют. Они чрезвычайно привяза-

ны к своей территории и все как один одержимы страхом перед несчастными случаями.

«Книга Имен» назвала двадцать шесть особей в Азии. Уорд со своей командой расчленил и сжег двадцать четыре азиатских вампира, а также обнаружил руины двух нор — их владельцы расстались с жизнью без его помощи.

Следующая цель находилась в Европе — в книге часто упоминался Париж. Пол с нетерпением ожидал этой поездки. Не то чтобы ему не понравился Куала, но хотелось оказаться там, где поменьше влажности и чуть больше знакомой красоты вокруг, например кувшинок Моне. Свет, льющийся из музейного сада, священен. Уорд считал художника одним из самых замечательных людей на земле, наравне с Судзуки* и обоими Фуко**.

— Да поможет мне Бог! — громко воскликнул Уорд.

— Слушаю, сэр!

— Прошу, сынок, потише. И перестань давить людей.

— Я пока никого не задавил. Просто обогнул грузовик.

— Позже вернешься туда и расплатишься с парнем за тележку.

— Сэр?

— Без тележки ему с женой придется голодать, а дети займутся проституцией. Ты понял?

— Но, сэр, я не думаю, что...

— *Ты понял?*

— Да, сэр! Есть, сэр!

Из морских пехотинцев, что ли? По стрижке не похоже. Этот парень из Министерства иностранных дел просто издевался над Полом, демонстрируя свою военную выучку. А позже будет хохотать вместе со своими дружка-

---

* Дайсетсу Тейтаро Судзуки (1870–1966), японский мыслитель, первым распространил на Западе дзен-буддизм.

** Имеются в виду знаменитый физик Жан Бернар Леон (1819–1868) и философ Мишель Поль (1926–1984), представители структурализма, создатели концепций «археологии знания» и «принципов исключения», с помощью которых общество определяет само себя.

ми из Госдепартамента, рассказывая про старого маразматика из ЦРУ, которого ему пришлось везти.

После потери тележки тому разносчику фруктов придется несладко, и Пол знал, что водитель не собирается туда возвращаться, чтобы дать бедняге двадцатку, которая могла бы вернуть его к жизни.

Как это ни смешно, Пол занимался этой работой из любви к человечеству. В течение многих лет он наблюдал, как ЦРУ спасло жизнь многим и многим людям. К тому же в былые времена только при малейшем намеке на связь с этим учреждением женщины слетались к нему, словно пчелы на мед.

Автомобиль еще раз свернул за угол, и в конце улицы появился долгожданный отель «Королевская орхидея».

Что ж, это будет первая настоящая жертва, которую им предстоит исследовать. Обычно вампиры уничтожают останки, но на этот раз, видимо, это сделать не удалось.

И все же что-то здесь не так. Пол чуял подвох, но пока не мог разобраться, в чем именно он заключался: с какой-то целью вампир оставил улику против себя в отеле. Между прочим, отель находится на том самом континенте, который только что очищен от их присутствия.

Не в привычках вампиров шутить — слишком они осторожны и боязливы. И очень ценят свои жизни. По мнению Уорда, природа подарила им бессмертие — потенциально, при условии что они будут чертовски осторожны,— но обделила их душой. Они — самые настоящие животные, и знают это. Хотя... директора ЦРУ уже давно интересовала юридическая сторона дела, точнее, как относиться к чудовищным тварям — считать их животными или людьми? Если это люди, значит, они совершали убийства, а вовсе не охотились за своей добычей. Тогда придется менять всю операцию. Против вампиров начнутся судебные процессы, и не под силу будет остановить завертевшиеся колеса бюрократии. «Что это за деятельность развернула в Азии шайка агентов ЦРУ, убивающая

людей направо и налево?» «Кто такие вампиры — банда террористов? Тайное общество? Что, черт возьми, творится?»

Машина проехала мимо группы тайцев, голосящих песню под удары гонгов. Нужно заглушить эти звуки, но только не тайской радиостанцией, потому что азиаты — Господи, благослови их! — пока не разобрались ни с какого боку, что из себя представляет музыка.

— Диски какие-нибудь есть?

— «Дестиниз Чайлд», Сантана... и еще какая-то опера.

— Вруби оперу на полную мощность.

— Есть, сэр.— Парень совсем приуныл. Интересно, а какой диск он бы сам выбрал? «Дестиниз Чайлд», наверняка.

— На полную мощность! Так, чтобы барабанные перепонки лопались! Сигары не найдется? — Пол всегда любил себя побаловать. Хорошее вино, лучшая в мире водка — причем в самых больших количествах. Ну и, разумеется, вкуснейшее и самое экзотичное из всех зелий, какие только найдутся в мире. Надо сказать, потеря кубинской сигары явилась для него мощным ударом — ни ЦРУ, ни правительство не смогли свалить Кастро.

Черт побери, это же *Каллас*!

— Громче!

— Громче не получится!

Уорд сам повернул ручку громкости до отказа.

О Боже, *«Лакме»*... Выходная ария! Существование этой богини, Марии Каллас, доказывает, что люди не были безразличны Господу.

— Эй, парень!

В ответ — молчание.

— Молодой человек!

— Да, сэр?

— Эту богиню зовут Мария Каллас. Ты когда-нибудь боготворил женщину?

— Сэр?

— Это особое удовольствие, уверяю тебя, поклоняться такому нежному, ласковому существу, как хорошая женщина.

— Как скажете.

Без преувеличения можно сказать, что Уорд всю свою жизнь курил фимиам перед алтарем женщины. Три брака, шесть официальных любовниц и столько шлюх, что можно составить из них небольшую армию. Боже, как она поет! «Смерть, не возгордись...»*

— Да, сэр?

— Ты боишься смерти?

— Да, сэр!

— Проклятые солдаты Патет-Лао, патриотического фронта Лаоса, сунули мне в задницу включенную электродубинку с бойни — у меня дым повалил из ноздрей. Знаешь, что я сказал им?

— Имя, звание и личный номер?

— Я сказал им: «Если вы, ребята, заполните бланки, то получите кредитки в тайском Фермерском банке. А сделка такова: отпустите меня, и я помогу вам заполнить бланки». Когда они получили кредитные карточки, ячейке Патет-Лао пришел конец. Кому захочется бегать по джунглям, покрывшись пиявками, когда можно потягивать сингапурский коктейль в «Пунтанг-Хилтон» — я прав?

— Полагаю, да, сэр.

Уорд увидел в зеркале заднего обзора, как парнишка закатил глаза. Что ж, пусть себе закатывает.

И пусть директор ЦРУ вместе с президентом скулят по поводу того, обладают чертовы вампиры правами человека или нет. Пол решил, что ему не помешало бы *попробовать* вампира. Наверное, вкус будет похож на... нет, только не на цыпленка — вкус будет другим. Скорее всего, как у змеи, хотя в Камбодже он ел змею, и она действительно напоминала цыпленка. Маленькие кусочки, жа-

---

* Донн Джон. «Священные сонеты». X.

ренные на перетопленном жидком масле, какое готовят из молока буйволиц. Пальчики оближешь.

Кадиллак затормозил у отеля. Красивое место, даже шикарное. Интересно, что здесь делать вампиру? Вампиры не селятся в отелях. И не спят на кроватях. Они ведь *животные*, будь они прокляты! Наверное, эта тварь проползла по вентиляции или еще каким-нибудь способом проникла сюда.

Уорду предстояло решить две проблемы: во-первых, где находится эта тварь. Во-вторых, унять любопытство местных полицейских, у которых на руках оказался более чем странный труп.

Увы, Киен Нарават, немногословный, серьезный парень из Шри-Ланки, отличный оперативник, истинный друг Соединенных Штатов... Но Нарават даже не входил в команду Пола, он был рядовым агентом, которому поручили последить за ночными визитерами одного из храмов в Чиангмае.

Если местные полицейские еще не успели поработать с трупом, то из этого можно извлечь несомненную пользу. Тогда не только удастся провести на должном уровне медицинскую экспертизу, но и само состояние тела поможет повернуть дело так, чтобы убийства вампиров нельзя было объявить преступлениями. Пол уже представлял, как произнесет: «Такое сотворить могло только животное. Жертву не убили, ее кровь использовали в пищу».

А если удастся раздобыть еще немного ДНК этих тварей, то дело будет сделано. Вампиров обнаружили в 1989 году, когда японское правительство обратилось за помощью в связи с одним очень странным убийством. Полиция получила видеозапись нападения, совершенного в месте, где уличное движение управлялось автоматически. Это произошло в три часа утра, и улицы были пусты. По тротуару, с трудом передвигая ноги, наклонив голову, брел старик. Вдруг откуда-то появилось странное существо. Оно впилось в его шею, и тут тело несчастного

словно усохло на глазах, исчезнув в складках одежды. Существо сунуло лохмотья в сумку и преспокойно удалилось.

Старик был одинокий, очень бедный, и при других условиях его исчезновение прошло бы бесследно. Но полицию заинтересовало преступление, тем более что среди мусора, собранного пылесосом с тротуара, нашелся волосок, не принадлежавший ни человеку, ни какому-либо известному животному.

Понадобились годы, чтобы ЦРУ занялось загадочным убийством. Пол получил это задание, потому что в его личном деле имелись сведения о таинственной смерти отца. Вид тела старика — из него высосали всю кровь — ничем не отличался от страшных фотографий, запечатлевших Уорда-старшего.

Черт бы их побрал за то, что они всколыхнули память об отце подобным образом!

Ничего не предпринималось вплоть до 1998 года, когда в Нью-Йорке исчезла Эллен Вундерлинг — репортер, собиравшая вполне невинный материал о вампирах в канун праздника Всех святых. Видимо, она чересчур глубоко копнула готический андеграунд, зловещую, несколько криминальную субкультуру, которая вполне могла служить идеальным прикрытием для настоящих вампиров. Уорд начал собственное расследование исчезновения журналистки, но тут пришел запрос из Токио... С тех пор он ищет и истребляет вампиров.

Двери лифта открылись в широкий пустынный коридор: наверное, администрация отеля очистила весь этаж. Перед одной из дверей собралась небольшая толпа из тайских полицейских, медиков, а также людей в штатском с соответствующей выправкой.

В ту секунду, когда Пол переступил порог номера, ему в ноздри ударил странный резкий запах — солоноватый, сухой. Простыня в желтый цветочек вздымалась на кровати острыми углами.

— Таиланд потребует экстрадиции преступника, если его найдут в другой стране, мистер Уорд,— заявил офицер полиции, тщательно выговаривая английские слова.

Киену Наравату было поручено сообщать о всех, кто войдет в храм. Почему же вместо этого он оказался в гостиничном номере? Потянув за уголок простыни, Пол откинул ее — и едва удержался от крика. Таких живописных человеческих останков он не видел уже давно, очень давно... поэтому зрелище вселяло в него особый ужас.

Двенадцатилетний мальчишка смотрит в окно. Лунный свет серебрит траву, а по полю движется темная фигура с какой-то ношей на плече. Кто это может быть? Но Исполин не лает, а ведь он очень чуткий сторож.

Фигура исчезает в лесу. Завтра мальчик уговорит отца пойти туда и посмотреть, что там случилось.

А затем наступило утро, и еще долго Пола Уорда мучил вопрос: «Где папа?» Он все время задавал его матери. «Не знаю, милый»,— отвечала она. «Когда он вернется?» — «Не знаю! Не знаю!»

Видение из детства сменяется следующим кадром. Прошло четыре года: Пол идет вдоль ручья, протекающего рядом с их грушевым садом, и видит нечто странное среди корней одного дерева. И снова Исполин ничего не замечает. (Теперь Полу известно почему: вампиры выделяют специальный феромон, не позволяющий собакам взять их след. им покрыты останки.)

Когда он увидел скелет в сухой, распадающейся оболочке, совсем как эта, он помчался домой с душераздирающими криками, а Исполин не отставал от него.

Карта дантиста помогла установить истину. Это был отец. Но Форд, местный врач, так и не определил причину гибели; полиция тоже не смогла разобраться. В конце концов сотрудники ФБР составили рапорт: смерть в результате неизвестного несчастного случая.

С тех пор Пол стал одержим идеей раскрыть тайну. Что убило отца? Животное? Космические пришельцы?

Никто не знал. Отец был большим, сильным и хорошим человеком, так почему же он закончил свои дни вот так, меж корней дерева?

Несколько лет спустя Пол внезапно проснулся среди ночи и увидел, что у его кровати стоит женщина, одетая во все черное, с золотистыми волосами и ангельским лицом. Она смотрела на него таким добрым взглядом, что сердце таяло. Но когда он окликнул ее, она растворилась словно по волшебству.

— Здесь с ним была француженка,— произнес полицейский, оборвав воспоминания Пола.— Мы выяснили, что ее зовут Мари Толман. Она улетела в Париж рейсом французской авиакомпании. Когда она сойдет с самолета, ее задержат.

— Так оно было женщиной? — уточнил Пол.— Вы уверены?

— Да, женщина,— подтвердил таец изменившимся от удивления голосом, когда услышал странное слово «оно». Уорд просто не мог иначе. Он ненавидел этих животных, и будь они хоть сто раз творениями Господа, Пол Уорд не собирался оказывать им честь, используя личные местоимения «он» или «она».

— Ни при каких обстоятельствах ее не следует арестовывать.

— Простите, но это нарушение нашего суверенитета. Сожалею.

— Пусть французы сделают фотографии и проследят за ней. Но ни в коем случае не следует задерживать Мари Толман.

Таец улыбнулся. Полу оставалось только надеяться, что ему пойдут навстречу. Он не имел права вести дело дальше, так как тайцы могли отправить в посольство запрос о характере его деятельности. Тайцы — ненадежные друзья. Им не нравилось, когда ЦРУ проводило операции на их земле, не поставив их в известность.

В правительстве к нему относились с уважением. Но рядовые полицейские не знали ни черта о секретном досье Пола и о его тайных полномочиях.

Он уставился на останки, словно мысленно приказывал им заговорить. Но мертвец молчал, кожа лица была так туго натянута на череп, что оно казалось маской, какие обычно раскупают на Хэллоуин.

— Переверните его,— велел Уорд.— Я хочу взглянуть на спину.

Двое полицейских исполнили приказ. Пол знал, что вампиры используют человеческую кожу для различных изделий — перчаток, например,— он часто находил нечто подобное в их логовах. И сейчас он подумал: вдруг на спине жертвы не будет кожи, как у останков его отца?

Эти перчатки, кошельки... всякий раз, как Уорд или его коллеги находили подобные изделия, они почтительно собирали их, затем кремировали и в завершение ритуала развеивали пепел по ветру, сопровождая это молитвами о загубленных невинных душах.

Мелодраматично? Можно и так сказать. Сентиментально? Безусловно. Но его команда неукоснительно соблюдала два правила: уважительно обращаться с любыми найденными человеческими останками и не оставлять в живых ни одного вампира. Тактика выжженной земли, иными словами.

А что, если бы полицейским при поимке пришлось зачитывать тварям их права? А что, если бы вампирам было дано право юридической защиты, скажем, в Индии, где тюрьмы ненадежны, а с другой стороны, проходят годы, прежде чем дело попадает в суд? Что, если бы они заявили свое естественное право на убийство и доказали, что такими их создал Бог — охотниками за людьми? Вероятнее всего, пришлось бы издать законы, позволяющие им ежегодно истреблять определенное количество человек в качестве добычи,— примерно так, как мы разрешаем сами себе уничтожать китов.

А как тогда быть с законами о видах, находящихся на грани вымирания в различных странах, особенно в Европе? Если вампиров объявят таким видом — что вполне возможно, учитывая их сравнительную малочисленность,— тогда Пол вместе со всей командой потеряет работу. А правительства в конце концов выделят им места обитания — перенаселенные трущобы, приюты для бездомных.

К Полу подошел человек в очках.

— Нам сообщили, что вы в состоянии дать информацию о причине смерти.

— Смерть в результате несчастного случая.

— Простите?

— Очевидно, с этим человеком произошел несчастный случай. Отсюда и заключение — смерть в результате несчастного случая.

— И только-то? Это все, что вы можете сообщить нам, проделав весь долгий путь?

— Труп — собственность США,— заявил Пол.— Я собираюсь перевезти его в Штаты.

Ему нужен был любой, какой только найдется, след ДНК чужеродной особи. Волосок из Токио — это слишком мало. Но два образца помогут закончить спор о человеке или животном.

— Погодите-ка,— вмешался полицейский офицер,— что все это...

— Дело решенное.— Уорд вынул из кармана факс, полученный из тайского Министерства иностранных дел перед вылетом из Куала-Лумпура, и развернул его. «Мистеру Полу Уорду: доставить останки в США» — вот что здесь говорится.

Полицейский кивнул, прочитав послание, потом умоляюще посмотрел на Пола.

— А теперь скажите мне как частное лицо, конфиденциально, что же все-таки случилось?

— Он умер в результате несчастного случая.

Редко можно увидеть, как гневается таец. Обычно это очень сдержанные и очень вежливые люди. Но инспектор сощурил свои глазки, и взгляд их стал жестким. Пол понял, что полицейского охватила ярость. Таиланд никогда не был чьей-либо колонией, и не без причины. Тайцы — вежливый народ, но готовы сражаться за свою независимость буквально до последнего человека, без всяких компромиссов.

— В таком случае я бы хотел знать, если позволено, придется ли нам и в будущем расследовать подобные убийства.

Пол указал рукой в сторону желтого окостенелого трупа.

— Я ученый. Я тоже пытаюсь ответить на этот вопрос.

— Значит, это не заболевание?

— Нет-нет, он был убит. В этом можете не сомневаться.

Комнату заполнили полицейские и судмедэксперты.

— Я доктор Рамануджан.— Через толпу к нему протиснулся маленький человечек, размахивая руками в стерильных перчатках.— Кто это сотворил? Вы знаете? Я ничего не понимаю.

Полу очень не хотелось лгать, и на этот раз он не стал этого делать.

— Это сотворил убийца, используя особый, необычный метод экстракции жидкости из тела,— произнес он, тщательно подбирая слова.

— И где же эта телесная жидкость? Кровь, например.

— Исчезла.

— Исчезла?

— Мы не найдем жидкости.

Рамануджан ухмыльнулся, покачивая головой:

— Загадки, сэр, загадки вместо ответов.

Тело упаковали в мешок, а все улики — в пластиковые пакеты, снабдив их аккуратными этикетками на тайском и английском.

В лифте, спускаясь на первый этаж, инспектор обратился к Полу:

— Не хотите ли выпить?

Пол с удовольствием пропустил бы рюмочку. Двадцать рюмочек. Но на другом конце света его ждало срочное дело. Ему и его команде предстояло проследить за Мари Толман в Париже, и попасть туда он должен как можно быстрее. Завтрашние рейсы для этого не годились.

— Как-нибудь в другой раз. Мне срочно нужно в Париж.

— Из Бангкока в Париж сегодня рейсов больше не будет.

— Один все-таки будет.

— Простите, но я хорошо знаю расписание.

— Этот рейс вне расписания.

— У американского посольства собственные рейсы?

Пол представил себе тесный военный самолет, на котором полетит в веселый Париж.

— Только один.

— Тогда вам повезло.

Пол Уорд так не думал. У него было предчувствие, что в Париже он столкнется с яростным сопротивлением: впервые его команде придется иметь дело с вампирами, которые ожидают нападения.

Итак, без преимущества неожиданности есть ли у него и его людей шанс на успех?

4

ЗАМОК БЕЛОЙ КОРОЛЕВЫ

Мириам легко приспосабливалась к жизни в человеческом обществе с самых древних времен, и потому для нее не составляло проблемы подтверждение завещания в древнеримской курии или паспорт в американском Госдепартаменте. Но все-таки слова таможенника: «Пройдемте со мной, мадам Толман» — застали ее врасплох.

Не выдержав пронзительного взгляда, он заморгал и невольно сделал шаг назад. Затем, тряхнув головой, снова взглянул в паспорт, а затем ей в лицо.

— Сюда, пожалуйста.

— Что-то не так?

— Вам придется поговорить с префектом.

С префектом? Перспектива не из приятных. Следуя за таможенным чиновником, Мириам пришла к выводу, что, скорее всего, обнаружено тело ее последней жертвы. Полиции нужна Мари Толман.

Она вдруг почувствовала, что сзади нее не отстает ни на шаг какой-то человек. Так, запах оружия, отполированных медных пуговиц и ваксы на его ботинках. Полицейский в полном обмундировании — судя по ровному и сильному дыханию, лет двадцати—двадцати пяти. Наверняка он следит, затем чтобы пресечь любую попытку побега.

Значит, они не сомневались, что Мари Толман сразу догадается о причине задержания. А таможенник, возглавлявший процессию, как-то странно сутулился — наверное, боялся, что она может напасть на него сзади. Эти люди не считали, что сопровождают какую-то невезучую даму, жертву нелепого недоразумения, ошибки с паспортами, а самую настоящую преступницу, которая очень хорошо сознает, что попала в беду.

Мысли молнией мелькали в голове Мириам, она обдумывала способ побега. Ей, властительнице людей, существу гораздо умнее, сильнее и быстрее любого из них, ничего не стоит справиться с обоими стражами. Но... в кабинетах со стеклянными перегородками, мимо которых они проходили, а также в самом коридоре таможни было полно народа. Поэтому Мириам продолжала идти, надеясь, что ей удастся остаться с ними наедине хотя бы на несколько секунд, прежде чем ее посадят под замок. А в том, что события будут развиваться именно таким образом, она нисколько не сомневалась.

Как все-таки она сглупила, не позаботившись об останках! Люди, конечно, скот, но они умный скот, и нельзя позволить им догадаться об истинной ситуации. Иначе всему племени Властителей придет конец — что, в сущности, сейчас и происходит. С азиатами расправились, а теперь она из-за глупой минутной паники, возможно, подвергает опасности многих своих соплеменников. Человеческие существа устраивают на нее облаву. Да как они смеют?!

У двери одного из кабинетов таможенник вежливо предложил ей войти, Мириам почувствовала на затылке дыхание молодого полицейского. Времени не осталось, значит, придется действовать, несмотря на толпу.

Она отступила от двери к центру коридора, и оба конвоира оказались друг против друга, опешив от ее проворности. На какую-то секунду Мириам вообще исчезла из поля их зрения. Властители, выращивая людей, специально добивались этого качества — медлительности. Скот на пастбище не должен доставлять хлопоты.

Не успели полицейский и таможенник повернуться к ней, как Мириам уже положила руки им на затылки и резко столкнула их лбами. Оба повалились, как кули с мукой.

Из соседнего кабинета на шум выбежала секретарша. Судя по ее лицу, она решила, что девушка в элегантном, но старомодном костюме не имеет никакого отношения к двум потерявшим сознание мужчинам.

— Что случилось?

— Газ! — закричала Мириам.— В коридоре полно газа! — И быстро направилась к выходу в конце коридора. Через секунду завыла серена. Это перепуганная секретарша включила пожарную тревогу, а затем с воплями помчалась по коридору.

Открыв дверь аварийного выхода, Мириам осмотрелась в поисках обратной дороги в здание главного терминала. Как только она окажется за пределами таможенной зоны, то сможет попасть в Париж. А дальше — позвонить

Саре и притаиться где-нибудь в ожидании паспорта на новое имя, который верная подруга вышлет ей экспресс-почтой. Пользоваться документами Мари Толман больше нельзя, но и собственным именем она тоже не собирается рисковать.

За спиной раздались шаги, пришлось подняться по бетонной лестнице и пройти по длинному пустому коридору. Мужской голос (с американским акцентом!) прокричал, что она идет не в ту сторону. Мириам краем глаза заметила, что худая темная фигура стремительно приближается к ней. Больше она не оглядывалась.

Коридор привел ее в переполненное людьми просторное помещение с длинными столами и множеством холодильников, где готовили к отправке питание для авиапассажиров. Одни собирали еду на подносы, другие оборачивали их пленкой, третьи раскладывали подносы по стальным этажеркам на колесиках и затем везли к самолетам. В конце зала Мириам разглядела двойные алюминиевые двери. К ним она и направилась уверенной походкой человека, который знает точно, где находится. В ушах зазвенел крик:

— Halte!*

Мириам побежала.

— Halte! Halte!

Из другой двери ей навстречу выскочил мужчина в форме. Горло сжалось, она почувствовала внезапный приступ ярости. Полицейские наверняка знают, где находится преступница, и теперь ведут переговоры по радио, чтобы окружить ее. Мириам огляделась в поисках еще каких-нибудь дверей. Ага, как она ее раньше не заметила?

Это оказалась душевая. Стоило ей запереться на задвижку, как дверь тут же затряслась от толчков. Мириам распахнула окно. Третий этаж, внизу — стоянка с бетонным покрытием для багажных мототележек. В этот мо-

* Стой (*фр.*).

мент дверь с шумом распахнулась, и в ту же секунду Мириам спрыгнула с подоконника.

От удара лязгнули зубы, ладони обожгло, а лодыжки пронзила острая боль. Не теряя времени, Мириам перекатилась под козырек здания, чтобы ее нельзя было разглядеть сверху.

Спрыгнув, она сломала один каблук и, с трудом ковыляя, двинулась среди набиравших скорость мототележек. Мириам чувствовала себя как на чужой планете в этом огромном, гулком, плохо освещенном помещении. До сих пор ей не доводилось бывать на заводах, видеть изнанку инженерных или архитектурных сооружений, созданных человеком, и она не предполагала, что скрытая от глаз часть человеческого мира настолько механизирована. Мириам предпочитала старую, более знакомую эстетику. Ее дому на Манхэттене было сто пятьдесят лет, а когда она путешествовала, то останавливалась исключительно в старых, знакомых отелях.

Впереди маячил вход в тоннель, его темный пол был размечен белыми и желтыми полосами. Скорее всего, это выход из таможенной зоны, решила она и направилась в глубь тоннеля. Путь освещали люминесцентные лампы; зловещее впечатление от мертвенного света усугублялось пронзительным завыванием, доносившимся откуда-то из глубины. Мириам замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это за звук, но не сумела.

Чем дальше она уходила в тоннель, двигаясь под мигающими лампами вдоль бесконечных обшарпанных черных стен, тем сильнее становилось завывание. Затем вой исчез, а спустя некоторое время прямо перед ней снова что-то пронзительно завопило, глаза ослепил свет.

Лечь и прижаться к полу она не могла — приближающаяся машина была слишком низкой. Взглянув наверх, Мириам убедилась: там, среди ламп, есть за что ухватиться. Она прыгнула, но промахнулась на несколько дюймов. Машина приближалась, светя фарами, которые уже были

размером с блюдца, их свет ослеплял и парализовал, она ощущала себя испуганным животным. Мириам присела на корточки.

Как у большинства животных, глаза Властителей отражали свет. Если она посмотрит прямо в лучи фар, то водитель наверняка заметит, как заблестят ее глаза — так сверкнули бы глаза оленя или тигра. У Мириам осталось всего несколько секунд. Машина вот-вот должна была разнести ее в клочья. А ведь она умрет, действительно умрет! И для нее наступит забвение, которого она боялась всю свою жизнь.

Выпрямившись с корточек, как пружина, Мириам сумела допрыгнуть до арматуры и схватиться за край какой-то железки, затем подтянулась, забросив одну ногу за длинный выступ и прижав все тело к потолку.

Обдав ее горячим воздухом, машина пронеслась с пронзительным визгом в каком-то полудюйме под ней. Казалось, прошла целая вечность, и Мириам почувствовала, что начинает соскальзывать.

Она упала на пол, который на самом деле был подземной дорогой. Неужели сейчас появится другая машина? Итак, ситуация вышла из-под контроля. Человек изменился. Теперь он стал деятельным и расторопным. Мириам помнила, каким был Париж пятьдесят лет назад — компактный город с извилистыми улочками, по которым передвигались крошечные авто и колонны велосипедистов. Только поезда метрополитена развивали такую скорость, как эти железные громады. Но они ездили по рельсам.

Из тоннеля вновь раздался пронзительный вой. Еще одна машина! Тут Мириам увидела примерно в двухстах ярдах лестницу, прикрепленную к стене, железные ступеньки вели к люку.

Шум все усиливался — машина была рядом, в лицо дул не прекращаясь ветер. Наверное, она угодила в какую-то подземную систему по обслуживанию аэропорта. И когда только успели здесь столько построить? Память подска-

зывала ей, что парижский аэропорт имел довольно небольшое летное поле, хотя и принимал много самолетов. Просто за последнее время он расширился — вот в чем дело.

Наверное, ее соплеменники в чем-то правы, и ей тоже следовало бы пореже выходить из дома, потому что ситуация в мире людей становилась неуправляемой, совершенно неуправляемой. Мириам пустилась бежать, передвигаясь в два раза быстрее, чем любой рекордсмен по бегу,— но даже самый сильный Властитель не справился бы со стальной махиной в пятьдесят тонн, развивавшей бешеную скорость.

Едва Мириам добежала до лестницы, как тоннель осветили фары и, что еще хуже, послышался скрип тормозов — состав начал замедлять свой ход. На этот раз водитель заметил ее и нажал на тормоз. Только этого ей не хватало — затеять ссору в этом чертовом тоннеле! Она буквально взлетела вверх по лестнице, но оказалось, что стальной люк плотно задраен. Ей понадобилась вся ее сила, чтобы надавить на него, согнуть и вытолкнуть как пробку.

Состав замер, и снизу раздались голоса: люди кричали по-французски, приказывая ей не двигаться... и она явственно расслышала голос того американца.

Мириам пролезла в люк. Теперь она оказалась в другом тоннеле, неподалеку от люка виднелась дверь. Пожалуй, не стоит исследовать этот тоннель, хотя он явно предназначался для пешеходов, а не машин. Все тоннели больше похожи на ловушки. Мириам толкнула дверь.

В лицо брызнул свет, уши едва не заложило от оглушительного рева. Она пошатнулась, кто-то произнес: «Pardon». Мириам чуть не рухнула на мужчину, стоявшего в очереди... неужели на такси? Протянув руку, он поддержал ее за талию.

— Мадам?

— Простите,— пробормотала она по-английски, затем перешла на французский: — Pardon, je suis confuse.*

Он оглядел ее с ног до головы. Люди в очереди начали обращать на них внимание.

— У меня сломался каблук,— добавила Мириам, слабо улыбнувшись, и поковыляла в конец очереди.

Все позади — и ужас полицейского ареста, и опасный лабиринт тоннелей. Ей удалось вырваться на свободу!

Теперь нужно раздобыть номер в отеле, подумала она, а затем разыскать Мартина Суля. Последний раз они встречались лет пятьдесят назад. Он был очень древним и мудрым, и очень осторожным. А еще — стильным, сильным и дерзким. Как и Мириам, он развил в себе вкус к вину и даже пристрастился к кое-какому человеческому корму, потому что без этого существовать во французском обществе было чрезвычайно трудно. Однажды он здорово ее рассмешил, выпив кровь огромной рыбины. Но потом, когда он принялся готовить рыбу по рецепту человеческой кулинарии, ее чуть не вырвало. Какой отвратительный запах у горячего твердого рыбьего мяса, вынутого из дымящегося котла!

Мириам все еще стояла в конце очереди, когда заметила полицейского, который, уставившись на нее, передавал что-то по рации. Сердце у нее ухнуло в пятки. У себя дома она легко находила общий язык с полицией, тем более что весь Шестой округ, где располагался клуб, был ею подкуплен.

Полицейский медленно направился к очереди, рука его лежала на рукояти пистолета. Мириам совсем уже решилась бежать, как увидела, что с противоположной стороны к стоянке приближаются еще двое. Ей оставалось только выпрыгнуть на проезжую часть, где благодаря своей ловкости она сумеет миновать поток машин, которые

---

* Простите, я очень сожалею *(фр.)*.

мчались мимо стоянки такси. Но что даст такой отчаянный поступок? Сумеет ли она уйти от погони?

Поняв, что выхода нет, Мириам невольно зарычала — так, что женщина, стоявшая впереди, обернулась и, побелев, вытаращила на нее глаза. Если бы не ее железная воля, Властительница бы с удовольствием вспорола этой твари горло.

С трудом подавив свои инстинкты, Мириам вымученно улыбнулась. Придется выложить последний козырь — она предъявит им права на имя Черил Блакмор, которые берегла на самый крайний случай, и заявит, что потеряла паспорт. Возможно, прежде чем они выяснят, что Черил Блакмор давным-давно умерла в Небраске, ей удастся найти какой-нибудь способ побега.

Трое полицейских между тем начали болтать, они беззаботно смеялись, абсолютно не обращая на нее внимания. Наверное, и по радио шел разговор о том, как бы устроить себе перерыв и выпить кофе.

Таковы все люди, подумала она, ухмыльнувшись про себя, безалаберные, добродушные — в общем, такие, какими их вывели Властители. Откинувшись на спинку сиденья такси, Мириам испытала что-то вроде ликования. Ей чертовски повезло!

Мышцы постепенно расслабились, сердце больше не сжималось от приступов ненависти. Такси выехало на длинный пандус, освещенный ярким солнцем.

— Куда, мадам?

— «Ритц»,— последовал ответ.

Она снимет огромный люкс. «Ритц» означал для нее многое — это и шелковые простыни совсем как дома, и телефонный звонок Саре, чтобы пожаловаться, как ей одиноко и тоскливо здесь... а заодно решить проблему с паспортом.

Сидя в такси, она кое-как поправила сломанный каблук, изменила прическу, обтерла платком лицо и попыталась разгладить помятый костюм. Чемодан безвозвратно

потерян, так что придется купить новые наряды, а времени на подгонку по фигуре у «Шанель» не остается. Сара наверняка будет довольна. Конечно, они обе следят за модой, но подруга всегда считала вкус Мириам чересчур консервативным.

А за окном автомобиля проносился мимо незнакомый Париж. Широкие магистрали, бесконечные кварталы зданий, выросшие за чертой города, вызывали чувство неуверенности. Город был перестроен, полностью перестроен, и всего за каких-то несколько десятков лет! Но тут такси свернуло с сумасшедшей автострады и оказалось на территории, которая была, к счастью, более знакомой. Они ехали по рю де Вожирар, где когда-то жил Филипп Вандом. Тогда она очень увлекалась его алхимическими исследованиями и даже несколько лет делила с ним кров и постель. Ей нравился этот человек с изумительными утонченными манерами и средними способностями к игре в вист. Мириам была заядлым игроком, но найти среди людей достойного противника оказалось не таким легким делом.

Она дала Филиппу свою кровь и повернула для него время вспять. В своих исследованиях он пытался раскрыть тайны Властителей — бесполезное занятие для начала восемнадцатого века. Но он был приятным компаньоном, доставлявшим ей немало удовольствия какое-то время, пока она не встретила сына лорда Хэдли — Джона.

— Филипп...— пробормотала она, вспоминая его чудесный дом. В 1956 году от него мало что осталось. Она тогда бродила по тихим комнатам, где некогда радовалась жизни и любила, размышляя по поводу скоротечности человеческой жизни. Знакомый дом мелькнул за окном такси на одно мгновение, некогда гордый особняк, превратившийся в заурядное здание. А улицу, по которой мчалась машина, проложили в том месте, где был когда-то красивый парк. Сюда она приходила вместе с Филиппом, и они кормили лебедей.

Теперь такси неслось под землей, в грохочущем тоннеле, заполненном автомобилями. А вот, как ни странно, и Елисейские Поля. Водитель привез ее сюда новым, скоростным маршрутом.

Дорогая сердцу, знакомая картина. Она помнила, как все здесь было и пятьдесят лет назад, и даже сто,— тот же самый необъятный простор, те же деревья, то же величественное окружение. Да, все здесь по-прежнему с тех самых пор, как Луи Филипп поручил Хауссману перестроить древний город с запутанными улицами, каким был Париж прошлого века.

Вскоре они уже ехали по рю Сент-Оноре, застроенной роскошными магазинами, в витринах которых она разглядела на удивление простую одежду этой эпохи, одежду, подчеркивавшую все, что есть мужского, точнее мальчишеского, в женской фигуре. Но Мириам предпочитала элегантность.

А вот наконец и Вандомская площадь. «Ритц» сохранил свой строгий вид. Впервые она попала сюда дождливым вечером в ту эпоху, когда еще не было автомобилей. Кажется, в 1900 году они с Джоном Блейлоком приехали сюда в поисках роскоши, благодаря которой отель только-только начинал завоевывать свою репутацию.

Выбравшись из такси — тоже мне машина, теснота, как в консервной банке,— она оказалась лицом к лицу со швейцаром в традиционной зеленой ливрее, напомнившей ей о замечательных днях.

Мириам вошла в холл и направилась по толстому ковру к портье. Ни одного знакомого лица, разумеется. Проходят пятьдесят лет — и одни люди сменяются другими. Они появляются и исчезают, как пена на бегущей волне. Что ж, хоть Сара останется при ней еще век, может, два... если, конечно, ее обожаемая подружка не найдет какой-нибудь хитроумный научный способ, чтобы продержаться подольше. Сара знала неприглядную тайну собственного искусственного долголетия. Будь на ее месте

какой-нибудь человек с меньшей силой воли, он сошел бы с ума, а Сара много времени проводила за своими пробирками.

— К сожалению, я не заказывала номер заранее,— обратилась Мириам к клерку, который умудрялся выглядеть одновременно и дружелюбным, и немного озабоченным.

Ей было достаточно перехватить его быстрый взгляд, чтобы понять: молодой человек в точности знает, сколько лет ее костюму. Она устала с дороги и ковыляла на сломанном каблуке. В общем, производила впечатление особы, явно не принадлежавшей к его клиентуре. С другой стороны, вспоминать имена пятидесятилетней давности, чтобы произвести на него впечатление, тоже не годилось. Подобные заявления из уст молодой женщины лет двадцати пяти, вырядившейся в старые бабушкины тряпки, покажутся ему бредом сумасшедшей.

— Мне очень жаль,— начал он.

— Я бы хотела снять люкс. Предпочитаю четвертый этаж с окнами на улицу, если не возражаете.— Это были лучшие номера в отеле, жить в других она не привыкла.

Портье попросил ее кредитную карточку. Она отдала ему «Визу» Сары. Воспользоваться собственной кредиткой было бы очень рискованно, а Мари Толман ушла в небытие. Мириам ждала, пока портье проверял карточку.

— Прошу прощения, мадам, карточка отвергнута.

Должно быть, превышен лимит кредита, подумала Мириам. Как это похоже на Сару! Жаль, у нее не было копии «Американ экспресс» на имя Сары.

— Возможно, карточка повреждена, мадам. Нет ли у вас другой...

Мириам повернулась лицом к дверям. Ей не хотелось задерживаться у стойки хотя бы на лишнюю минуту. Нужно срочно дозвониться до Сары! Она начала раскрывать сотовый телефон, но затем передумала. Такой звонок небезопасен.

— Есть здесь телефон-автомат?

— Конечно, мадам.— Он указал на телефонную кабинку.

Она достала телефонную карточку, тоже на имя Сары, и набрала номер, которым пользовалась только в самом крайнем случае, если речь шла о жизни и смерти, поэтому Мириам была уверена, что подруга сразу снимет трубку.

Нет ответа. Если учесть пятичасовую разницу во времени, то в Нью-Йорке сейчас должно быть восемь часов утра, Сара наверняка дома. Мириам попробовала набрать другой номер, обычный, и услышала в трубке голос автоответчика.

Она попытала удачу, позвонив в клуб. Никто не отвечал — еще бы, в такое время! Проклятая женщина, где ее носит, когда она так нужна? Возможно, она насытилась и сейчас погружена в *Сон*. Да, именно так. Иначе... никак. Мириам повесила трубку.

Возможно, имеет смысл сунуться в другой отель, не такой шикарный. Должна же быть на этой карточке хоть какая-нибудь сумма. А потом Мириам осенило: как же ей удастся снять номер в каком-нибудь отеле, включая этот, не предъявляя паспорта? Ответ напрашивался один — никак; и чем меньше и обшарпаннее будет гостиница, тем больше там станут придираться к документам. А что касается паспорта на имя Толман, то его оставалось только сжечь, на большее он не годился.

Мириам поняла, что все еще подвергается смертельному риску. Вскоре описание ее внешности будет у каждого полицейского, а она даже еще не сменила одежду. Первое, что они сделают,— обыщут отели. Самый логичный шаг.

Придется поехать в Замок Белой Королевы. Пятьдесят лет назад там жил Мартин. Вероятно, он сможет ей помочь, Мартин всегда отличался большей практичностью, чем Мириам.

Мириам пошла пешком и вскоре оказалась на площади Оперы. Прежде чем спуститься в метро, она восполь-

зовалась услугами небольшого обменного пункта, где поменяла свои тайские баты на евро. Получилось сорок. Кроме того, у нее при себе было двести долларов США наличными. Немного, совсем немного. Мириам никогда не возила с собой наличные, в этом просто не было необходимости. Владея неограниченными средствами, она переносила теперешнюю бедность особенно трудно, прежде всего не зная, как ей действовать.

Грохочущий мир метрополитена несколько напугал ее. В предыдущий свой визит в Париж Мириам воспользовалась метро, но только однажды, когда опаздывала в оперу из-за дорожной пробки. Поэтому сейчас она долго возилась у автомата по размену денег, затем никак не могла понять, в какую сторону ей нужно ехать. Спешащие толпы вокруг усугубляли ее испуг и растерянность. Но в конце концов она все-таки села в поезд, идущий в нужном направлении.

Замок Белой Королевы был построен на земле, которую Властители оставили за собой с незапамятных времен. Он располагался на рю де Гобелен, и часть его помещений арендовала семья Гобелен, устроившая там сыромятню. По ночам, после того как Гобелены и их работники расходились по домам, среди кож, развешанных на просушку, оказывались не только бычьи. Верхние этажи здания занимали Властители.

Среди местных жителей ходило много легенд, почему этот дом назван Замком Белой Королевы. Одни утверждали, что его построила Бланш Кастильская, другие — что он принадлежал Бланш Наваррской. На самом деле он был выстроен по распоряжению Властительницы, известной среди соплеменников как Белая Королева благодаря своей величавости, чудесной бледности и тому факту, что члены ее семьи были выходцами из древнего рода, некогда обитавшего в белых песках североафриканской пустыни.

Запах человеческой плоти, наполнявший метро, не тревожил Мириам: она не сжимала челюсти, не сглатывала слюну. Последняя охота доставила ей массу трудностей, но, по крайней мере, она была сыта и чувствовала себя превосходно.

Заиграл аккордеонист, и Мириам закрыла глаза, чтобы послушать. Все-таки кое-что в Париже время не меняет. И три, четыре века тому назад люди играли похожую музыку, только на других инструментах. Возможно, мелодии были грубее, но в те времена и сами люди не отличались тонкостью чувств.

В те дни прокормиться в таком месте, как Париж, не составляло труда. Большая часть населения — пугливые, беспомощные, невежественные. В старых городах было полно бродяг, бесцельно шатавшихся по закоулкам, их можно было собирать, как перезревшие фрукты, упавшие на землю.

Мириам пропустила нужную ей остановку и вышла на «Итальянской». Оказавшись на улице, она огляделась, испытав что-то вроде удовлетворения: в сущности, здесь ничего не изменилось. Ноги двигались быстрее — Мириам спешила увидеть замок.

Впереди показалась маленькая рю де Гобелен, Мириам свернула туда... и, изумленная, замерла на месте. Замок Белой Королевы сохранился во всей неприкосновенности, совсем как «Ритц». Наверняка до сих пор Властители живут здесь.

До той минуты она даже не подозревала, какой в ней сидел страх. Теперь Мириам неудержимо тянуло к своим соплеменникам. А еще ей нужно было предупредить их. В сумятице последних часов она почти забыла, почему приехала сюда, а не вернулась в Нью-Йорк.

Надо же такому случиться: представительница самого сильного, самого умного рода на земле, находящегося на вершине эволюции, попала в ловушку. Да, результат длин-

ной серии экспериментов в разведении рода человеческого сказался не сразу.

Примерно тридцать тысяч лет тому назад они чуть было не потеряли все людское поголовье из-за чумы. Бедняги сгнивали заживо. Виной тому оказалась слишком тщательная селекция. Были выведены целые поколения людей с высокой питательной ценностью: красные кровяные тельца у них преобладали над белыми. А результат? Они стали подвержены всем видам болезней.

Чтобы повысить их выживаемость и при этом не уменьшить вкусовых качеств этого источника питания — для чего, собственно, люди и были созданы,— Властители приняли решение увеличить человеческое население, искоренив сезонность спаривания. Этого достигли, отбирая породу особей с высоким уровнем половых гормонов. В результате получилась некая странная сексуальная пародия на обычных животных, у которых гениталии переместились и увеличились в размерах, волосяной покров полностью исчез. Они стали одержимы сексуальностью, причем женские особи вели себя скромнее других млекопитающих, а мужские — гораздо агрессивнее.

Мириам подошла к старому замку. Последний раз, когда она поднималась по ступенькам этого крыльца, здание было совсем новым, пахло пчелиным воском и недавно обтесанным камнем. Внутри огромные залы сверкали в свете свечей. Спальни располагались на верхних этажах, где Властители могли забавляться со своими жертвами столько, сколько заблагорассудится, снова и снова пугая их, а затем успокаивая и доставляя им неописуемое блаженство. От этого кровь становилась невероятно вкусной, отражая странную гармонию агонии и экстаза.

Мириам не развлекалась подобным образом уже очень давно, из-за Сары. Ее любовница могла выносить зрелище насыщения, только если Мириам сразу убивала свою жертву. Сама она изо всех сил пыталась жить, питаясь дозами

из банка крови и уговаривая Мириам на частые переливания, после которых обе становились пьяными и злыми.

Мириам подошла к двери. Попадись ей сейчас под руку какая-нибудь здоровая, полнокровная особь, с каким удовольствием она отволокла бы ее прямо в спальню. Не важно, что она сыта, она бы провозилась бы с жертвой пару дней, отдавая дань традициям. И каким бы умным, многочисленным или агрессивным ни было человечество, все же оно остается их собственностью, будь оно проклято!

Мириам толкнула дверь. Заперто. Она тряхнула ручку три раза, сместив задвижки точными движениями,— этот способ использовался в том случае, если вдруг не окажется ключа.

Дверь открылась. Мириам вошла, осторожно ступая по следам своего потерянного прошлого. Ее окружила глубокая тишина, какая бывает только в доме Властителя. Над головой огромные балки, некогда темно-коричневого цвета, отливали чернотой, словно превратились в железные. Чаны сыромятни стояли пустые.

Мириам прошла по гулкому цеху к узкой лестнице: когда-то по этим самым ступеням Властители волокли свои жертвы...

Как здесь тихо, гораздо тише, чем в любом людском жилище. Да, это по-прежнему логово. Но где же его обитатель? Не может быть, чтобы он не определил по звуку, что в его обитель вошел соплеменник.

— Привет,— произнесла она на прайме, на котором не говорила уже много-много лет.

Он оказался гораздо меньшего роста, чем она помнила, и грязный как трубочист, в лохмотьях камзола трехсотлетней давности, надетых на голое тело. Видимо, не мылся с тех пор, как французский двор наполнял свои ванны молоком. Крошечные узкие глазки, сморщенное личико с кулачок. *Он* был голоден, и по тому, какой дикий звук ра-

дости издал, Мириам поняла, что ее приняли за обыкновенную женщину.

Он схватил ее запястья железной хваткой Властителя, хоть руки у него и были тонкие, как у скелета; их взгляды встретились, яркий блеск радости мелькнул и померк.

— Помогите,— прошептал *он*, но не на прайме, а по-французски и безвольно рухнул у ее ног.

Глядя на это отвратительное беспомощное существо, распростертое ниц, Мириам заткнула себе рот кулаком, чтобы заглушить крик отвращения.

5

СТЕКЛЯННЫЕ КРЫШИ ПАРИЖА

Пол упустил ее, не хватило каких-нибудь десяти секунд. Эта тварь промелькнула вдалеке: высокая, в обычной одежде (что-то вроде старомодного женского костюма), со светлой шевелюрой — вот и все, что он успел разглядеть.

По стеклянной крыше барабанил дождь, над Парижем разносились громовые раскаты. Пол прокричал в телефонную трубку:

— Твои люди потеряли ее. Французы тоже оказались не лучше.

В трубке скулил Сэм Мазур, возглавлявший отдел ЦРУ при посольстве США. Прикрыв ладонью трубку, Пол прошептал Бекки Драйнер:

— Это бумажный стаканчик, а я сказал — ведро.

— У нас есть только бумажные стаканчики.

А Сэм продолжал ныть, что, мол, пока французы не будут знать все детали операции, они не позволят развернуть ее на своей территории.

— Скажи мне вот что, Сэм: откуда вдруг такая неприязнь? Я имею в виду французов, которые недолюбливают

американскую разведку. Но мы же не враги. Прежде они часто это твердили.

— Холодная война закончилась, друг мой. Мы осточертели всей Европе, и особенно Франции. Им не нравится то, как мы и британцы используем систему «Эшелон», чтобы шпионить за ними. Американская разведка свое дело сделала, дружище. Пора паковать глушилки и ехать домой.

Бумажный стаканчик, в который, похоже, стекала вся вода с крыши, переполнился.

— Бекки, трудно опорожнить стаканчик? На мне туфли из Бирмы. Нельзя допустить, чтобы они промокли.

Она скосила огромные карие глаза на его ноги.

— Вы обзавелись ими в Мьянме?

— Делал на заказ. Подозреваю, на их изготовление пошел картон.

— Выглядят они как похоронные ботинки.

— Что это еще за «похоронные ботинки», черт возьми?

— Их обычно покупают для покойников.

Чарли Фрейтер хмыкнул. Пол испепелил обоих взглядом. Коренастый очкарик Чарли принадлежал к числу тех людей, которые никогда ни перед чем не останавливаются. Он шел навстречу опасности, как священник идет в свою церковь. Самое удивительное, что внешне он абсолютно не отличался от какого-нибудь провинциального чиновника, всю жизнь просидевшего за своей конторкой.

Бекки, с другой стороны, воображала себя этакой дамой-шпионкой, вовсю стараясь соответствовать этому образу: носила длинные пальто и распускала по плечам белокурые волосы. Самой веселой и бесстрашной из всех бойцов исполнилось всего двадцать три, действовала она быстро, можно сказать молниеносно.

Мужчины в его команде мечтали о Бекки, Пол не был исключением. Но она держалась очень замкнуто.

Уорд вернулся к телефонному разговору:

— Итак, эта чертова тварь ускользнула от нас и теперь бегает по Парижу, сообщая всем своим долбаным друзь-

ям, что на них устроена охота. Прости, но я считаю, что это твоя вина.

— Можно я повешу трубку?

— Нельзя.

— Но мне очень нужно. Срочно. Важно.

— Скажи-ка мне, тебе *всегда* нужно после обычного разноса в туалет?

— Да, всегда.

Пол осторожно опустил трубку на рычаг. Бекки и Чарли молча уставились на него.

— Что?

— Что значит «что»? Что, черт возьми, он сказал?

— Он типичный цэрэушный бюрократ. Ничего он толком не сказал.

Крыша теперь протекала в пяти местах. Сгущались сумерки, и в огромном небоскребе напротив начали зажигаться окна. Если раньше комната хотя бы чуть-чуть позволяла чувствовать себя отгороженным от всего мира, то теперь об этом не могло быть и речи. Самое плохое, что занавеску на потолок не подвесишь. И две тысячи служащих, никак не меньше, могли теперь наблюдать за тем, что происходит на конспиративной квартире ЦРУ.

Пол уставился на офисное здание.

— Давайте станцуем для них, что ли...

Чарли, который увлеченно свертывал сигареты с помощью маленькой машинки, ответил:

— Прикрепи на крышу шляпу, глядишь — начнут швырять монеты.

— Разрази меня гром, как можно работать в таком свинарнике? Может, у кого-нибудь из вас найдется комнатушка, где есть нормальные условия?

— Обе мои комнаты очень маленькие, босс,— ответила Бекки.

— Наплевать. Поместимся.

— Если в моей клетушке больше одной персоны, то молнию уже не застегнуть.

Похоже на шутку, подумал Пол, а вслух произнес:

— Проклятье!

— Это самый дешевый отель в Париже? — поинтересовался Чарли.

— Ну что вы! Наш работодатель не имеет привычки размещать личный состав по самым дешевым заведениям любого рода. Есть, однако, слабая вероятность того, что существует еще один отель с чуть более низкими ценами. Но там не будет так же скверно, как здесь. Кошачьей шерсти не желаете? — Он похлопал по постели.— У меня здесь ее больше чем нужно.

— Что нам нужно, так это план действия,— заявила Бекки, утверждая очевидную истину.

— Что нам нужно, так это придумать, как не позволить министру внутренних дел позвонить послу и поинтересоваться, какого черта личный состав ЦРУ устроил в Париже погоню за Невестой Дракулы!

— У Дракулы не было невесты, босс.

— Нет, была, будь я проклят.

— А мне все-таки кажется, что не было.— Бекки пробежалась по клавишам ноутбука.— Не-а. Никакой «Невесты Дракулы» — утверждает сетевая фильмотека.

— Напиши письмо Стивену Спилбергу: «Стиви! Есть хорошая идея для тебя. Это Дракула, только она женщина!» Дамы и господа, а теперь я хочу удалиться на покой.

— Вопрос в том, босс, как мы собираемся ее искать.

— Лизать французам задницу или не лизать французам задницу, вот в чем вопрос.

Чарли начал мерить шагами комнату.

— Проблема в том, что нам нужно сделать дело.— Он запел, причем выбрав очень печальную мелодию: — Потому что она разносит новость, и делает это сегодня и хочет поучаствовать...

— А что, Чарли, таких, как ты, больше не проверяют? Я хочу сказать, что когда мы поступали на службу, то сна-

чала нас тестировали, не являемся ли мы кретинами. Так было в мое время.

— Холодная война закончилась, босс. Теперь старых кретинов отправляют на пастбища, а новых уже не нанимают.

Зазвонил телефон. Это вернулся Сэм за новой порцией выговора.

— Привет, брат.— Они вместе прошли Камбоджу и Лаос.

— Скажи мне кое-что. Где найти приличное заведение в... еще раз, Бекки, как называется это место?

— Монпарнас.

— В Монписуаре.

— Там тысячи ресторанов.

— Хороших?

— Очень.

— Дешевых?

— Не очень.

— А Макдональдс имеется?

— А что вообще вы делаете на Монпарнасе?

— Мы здесь снимаем номер в одном из дерьмовых маленьких отелей.

— Ну, ты сегодня не в духе. И так груб, что даже не хочется с тобой говорить. Знаешь, у меня тоже есть свои амбиции. Я собираюсь вернуться в Лэнгли* большой шишкой. Имею виды на пост советника в Африке. Но мне не удастся ничего провернуть, если наверху пронюхают, что у меня работает такой кадр, как ты.

— Французы заявили, что миссис Толман уехала в город на такси. Они сообщили тебе какие-нибудь подробности?

— Вообще-то да.

Пол уже потерял всякую надежду, но все-таки...

---

* Лэнгли — город в штате Виргиния, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

— Такси, как полагают, было французским.

Не будь в нем столько ненависти к вампирам, что он не мог думать ни о чем другом, Уорд тут же парировал бы какой-нибудь колкостью. А так ему оставалось только просить:

— Мне нужно, чтобы французы пошли на сотрудничество, Сэм. Ты должен этого добиться.

— Они считают, что мы, как все американцы, занимаемся бессмысленной ерундой, или пытаемся сделать из них ослов, или еще что. Слушай, что там у вас шумит?

— Дождь.

— Правда?

— Правда.

— Наверное, красиво — дождь в Париже.

— Заткнись. Кое-что меня беспокоит, и я хочу с тобой поделиться.

— Я весь внимание.

— Наша деятельность здесь должна сойти для французов за операцию Интерпола. Так чего же они взъерепенились?

— Потому что им известно, что это не так.

— А откуда им это известно?

— Интерпол рассказал.

— Умный мальчик. Ладно, Сэм... и вы, ребята, оба, послушайте. У меня предложение. Полагаю, нам нужно выделить агента с хорошим знанием французского, чтобы он установил связь с местной полицией под предлогом поисков национального...

— Черта с два.

— Нет, послушай. Заяви им, что дело чрезвычайно важное и секретное. Нам просто нужно немного поискать вокруг... очень осторожно... потому что побег этой леди из дома имеет политическую окраску. Французы на это купятся. Именно к таким делам они относятся с пониманием.

— Французы-то купятся. Но не поймут. Им понадобится имя, звание и личный номер; затем они сообщат тебе, обнаружен или нет по прибытии полиции труп. Вот и все сотрудничество, на которое они пойдут.

— Но нам нужно... послушай, Чарли, перестань возиться с этой... что это за дерьмо такое?

— Машинка для скручивания сигарет, которую я купил в Трахкоке*. Классная штукенция.

— В Бангкоке, ты, сексуально озабоченный,— возмутилась Бекки.

— Убери игрушку. Нам нужно... Ты слушаешь, Сэм?

— С превеликим терпением.

— Нам нужно сейчас, я имею в виду ближайшие несколько минут, найти вампиров, к которым она приехала. Мы ее потеряли. И никакого описания внешности, разве что старомодный костюм, похоже от «Шанель» образца 1975 года, да светлые волосы, которые, скорее всего, не настоящие, а парик. Если французы нам все-таки не помогут, придется менять тактику. Воспользуемся методом, который мы применяем еще со времен токийской операции.

— А именно?

— Просмотрим полицейские протоколы об исчезновениях людей. Полагаю, больше всего людей исчезало поблизости от их нор, как везде, где мы уже были. Здесь, в Париже, мы сумеем достать хорошие карты: с местоположением канализационных тоннелей, дренажных труб — словом, все в таком духе. Работать будет легче, чем в Сингапуре. И гораздо легче, чем в Шанхае.

— Босс!

— Что, Бекки?

— Спросите его, кто здесь ведает полицейскими архивами? Есть ли здесь бюро по розыску пропавших?

Пол нашел сбоку на телефонном аппарате кнопку.

---

* В оригинале игра слов: Bangycrcock.

— Сэм, будем говорить по громкой связи.

— Валяй.

Бекки повторила свой вопрос.

— Архив при префектуре полиции,— ответил Сэм.— Но там будут вперемежку обычные убийства и пропавшие без вести.

— И что это означает?

— А то, что придется читать описания всех преступлений, чтобы выяснить, не началось ли все с исчезновения человека. Ты читаешь по-французски?

— *Я* читаю по-французски,— вставил Чарли.

— Сэм, а когда в этой стране пропавшего без вести считают мертвым? — поинтересовалась Бекки.— Если, разумеется, речь не идет о замаскированном преступлении.

— Через девять лет.

— А эти дела хранятся отдельно?

— По правде говоря, не знаю. Спросим у французов.

— Дерьмо,— тщательно выговорила Бекки.

— А что, если сказать им, что эти данные нужны для исторического исследования,— предложил Пол.— Бекки сойдет за студентку из Гарварда. У нее влиятельный папаша, поэтому в посольство обратились с просьбой помочь ей собрать материал для диплома.

— Это сработает,— согласился Сэм.— Через неделю я смогу посадить ее в архив.

— Завтра, Сэм, не откладывая.

— Не забывай о бюрократии, парень. Это Франция.

— Постарайся, Сэм.

— Архив хотя бы компьютеризирован? — уточнила Бекки.

— Ты будешь искать везде: и в лучших базах данных, каких ты еще и не видывала, и в толстых пыльных черных книгах, тяжеленных, килограммов по двадцать.

В результате договорились встретиться на следующий день в полдень на рю дю Соммерар, в баре под названием «Храбрый кролик». К тому времени Сэм будет точно

знать, как во Франции обстоят дела с архивами. Оттуда они направятся в префектуру, которая находится совсем рядом, и будут действовать по ситуации.

Как только совместное обсуждение плана закончилось, Чарли и Бекки начали искать в путеводителе по Парижу какой-нибудь ресторан, где можно было бы пообедать. Пол молча наблюдал за ними, его опять охватило то ужасное чувство отчаяния, которое не раз овладевало им с той минуты, как он увидел карикатурные останки бедняги Киена Наравата.

Какое-то время сознание того, что вампиры на самом деле существуют, безмерно его угнетало. Было что-то жуткое в открытии, что ты вовсе не являешься вершиной эволюции,— все равно что обнаружить у себя смертельную болезнь. Тогда теряешь почву под ногами, эта мысль проникает в твои сны... разрушает твой мозг подобно раковой опухоли.

— Дядюшка Пол,— заговорила Бекки,— раз на сегодня больше дел не осталось, можно мы с Чарли отведем вас в какую-нибудь дешевенькую забегаловку, где отведаем все вместе лукового супа и вина?

Это была последняя капля в чаше, грозившей переполниться, с тех пор как он потерял след вампирши. Пол окинул взглядом своих агентов — двух юнцов, загордившихся слишком большим количеством легких побед.

— Вы думаете, мы уже победили? И поэтому можно с самодовольным видом возиться с какой-то дурацкой игрушкой...— Он вырвал машинку для сигарет из рук Чарли, а тот, взведенный как пружина, с выработанной тренировками мгновенной реакцией, едва сумел остановить занесенный кулак.

Пол смотрел ему прямо в глаза.

— Только попробуй,— сказал он, улыбаясь с наигранной беспечностью,— и я вышибу из тебя дух.

— Пол!

— Что касается тебя...— Он схватил сумочку Бекки, стоявшую на полу возле стула, и поднес к настольной лампе.— А это, черт бы тебя побрал, *из чего* сделано? — Ответ он и сам знал. У всех его агентов имелись подобные вещицы — сумочки, бумажники, пояса, Бог знает что еще. Шкура вампира намного тоньше телячьей... наверное, даже и человечьей, если на то пошло.

Он высыпал содержимое сумочки на стол и запихнул проклятую вещь в корзину для мусора.

— Стоит им увидеть эту шкуру, и они могут сделать с тобой все, что угодно.

— А знаете ли, я как-то не планировала брать ее с собой на задание, отправляясь в очередное мерзкое логово. На *это* у меня ума хватит.

— Вы что, не понимаете? До сих пор? — Он переводил взгляд с одного удивленного лица на другое.— Нет. Вижу, не понимаете. Так что слушайте, дети, и слушайте внимательно. Кое-что поменялось. Радикально поменялось. До сих пор мы имели дело с очень дряхлыми и малоподвижными тварями и все нам давалось легко, словно мы давили больших жуков. Появлялись всегда неожиданно, помните? Если те и сопротивлялись, то только для виду — скрежетали зубами, шипели. Было весело! Во всяком случае, должно было быть. Профессионалы, мать вашу! Не профессионалы мы, а обычные засранцы.

— Только не я,— возразил Чарли. Лицо его пылало, глаза сузились — парня не обучали сносить оскорбления, и он их не сносил.

— Ах не ты, мальчуган! Невинное дитя. Позволь-ка взглянуть на твой бумажник.

— Какого черта?

— Дай сюда свой дурацкий бумажник!

Чарли повиновался, пробурчав:

— Они используют человеческую кожу.

Пол опустошил бумажник и швырнул его туда же, куда и сумочку.

— Пояса, туфли, еще что-нибудь?

— Это дорогая вещь!

— Если только они увидят у вас эти вещи, то сразу поймут, кто вы такие.

— Они не увидят.

— Послушайте! Одна из них поднялась на пятый этаж отеля, убила вашего товарища, а затем улетела из Бангкока в Париж на самолете! Я видел эту тварь — она выглядела как обыкновенная бабенка. Ничем не отличалась от *человека*! Значит, не все они прячутся по норам, а? Нам предстоит столкнуться с чем-то совершенно новым! С чем-то, в чем мы ни черта не смыслим! Да, возможно, им столько же лет, сколько Мафусаилу, они неповоротливы и медлительны... но эти твари умеют держать удар и собираются теперь ответить! Так что поберегите свои задницы, потому что враг силен, умен, а теперь еще и *предупрежден*!

В наступившей тишине он ясно расслышал тиканье маленьких электронных часов, что стояли на столике возле кровати. Чарли подошел к окну. Бекки сидела, внимательно рассматривая свои руки. Потом она подняла глаза, и Пол увидел, что в них блестят слезы. Но не слезы боли или стыда, это были слезы ярости. Отлично! Пусть себе злится.

Отец позвал его с заднего крыльца: «Пол, Пол, давай делать мороженое!» После его исчезновения маленький мальчик прополз на коленях весь путь по пастбищной тропе к реке и обратно. Он полз и обещал Богу, что если отец найдется, то он никогда не перестанет молиться.

Мать работала на ферме до седьмого пота: если не будет урожая, говорила она, семья пойдет по миру. Ни один банк в Северной Каролине, да и нигде, наверное, не согласился бы дать ей заем под урожай.

— Что нам теперь делать? — спросила Бекки.

— Свою работу!

— Я имею в виду сейчас, Пол. Именно в эту растреклятую секунду! Потому что я не знаю, что можно в данной

ситуации предпринять. У нас только и есть что невразумительное описание какой-то женщины, которая, видимо, абсолютно не похожа на тварей, которых мы убивали. Я хочу сказать, что никогда бы не стала делать сумочку из какой-нибудь *женщины*. Я видела маленьких сморщенных уродцев, покрытых грязью. И ни одного, кто хотя бы отдаленно напоминал высокую светловолосую женщину.

— Мы узнали об этих монстрах всего несколько лет назад, а они существуют уже многие века. У них было предостаточно времени, чтобы многое продумать и предусмотреть...

— Я о другом. Я о том, что вы, босс, возмущаетесь из-за того, что двое людей — в данном случае мы с Чарли,— которые рискуют жизнью на протяжении трех адских лет, выполняя мерзкую, отвратительную и совершенно неблагодарную работу, захотели отдохнуть пару часов во время затишья, когда абсолютно нечего делать! — Она сложила руки на груди.— Объяснитесь-ка.

— Все очень просто. Я начальник, а ты — нет.

— В таком случае, что прикажете теперь делать, босс?

Чарли между тем упорно пытался собрать разбитую машинку.

— А что хотите. Отправляйтесь в «Тур д'Аржан» и просадите месячную зарплату. «Мулен Руж». «Слоу Бар». Устройте кутеж, вы ведь в Париже.

— Я просто хочу тарелку хорошей рыбной похлебки.

— А я бы не отказался от сочного бифштекса.

Чарли и Бекки ушли в дождь. Минут пять Пол слушал, как барабанят капли по проклятой стеклянной крыше. Потом он начал жалеть, что не присоединился к ребятам. Кто знает, может, ему попалась бы какая-нибудь винная лавчонка, где он купил бы себе литр водки. Нет ничего лучше утреннего похмелья.

Спустившись на первый этаж в тесном лифте, Уорд нахлобучил на голову шляпу и решил разогнать тоску. Он любил помахать кулаками — ради самого процесса. На-

верное, подначить лягушатника на потасовку не такое трудное дело. Вдруг ему попадется какой-нибудь громила, знающий толк в драках, вот тогда пойдет веселье! Драчуны легко узнают друг друга в барах, есть кое-какие признаки: стоит увидеть, что кто-нибудь уставился на тебя без всякой причины, значит, приглашает на бой.

Он двинулся по бульвару Монпарнас. По пути ему попадалось множество театров, гораздо больше, чем их было, когда он приезжал в Париж в последний раз. Как жаль, что уже вечер — так бы он забрел в галерею и посмотрел этого долбаного Моне.

Кстати, неплохая мысль — отправиться в кино, чтобы освежить свой французский. Но по пути ему встречалось очень много баров — и Пол не устоял перед соблазном. Как он и предполагал, там оказалось полно туристов. Нервные арабы потягивали вино, американцы громко требовали мартини. Возле стойки бара было несколько французов, дремавших над своими бокалами или чашками с кофе. Протиснувшись между ними, Уорд не без труда добился рюмки «Столичной».

Порция была маленькой и безумно дорогой, но водка подействовала на него хорошо, и он заказал еще. Интересно, подумал он, а местные шлюхи идут по такой же завышенной цене, как и напитки? Его избаловали азиатки, которые за несколько баксов работали, не жалея задниц: массировали, щекотали, облизывали, ублажали, не говоря обо всем остальном, а затем, отдохнувшего и посвежевшего, передавали для второго сеанса на руки гостиничному администратору.

Пол заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Почему хищник всегда умнее дичи?

Никто не ответил. Он продолжал:

— Ему приходится быть умнее. Дичь щиплет травку, возделывает поле, ну и все такое. Хищник живет своим умом. Вот почему газель почти никогда не видит льва.

И тупой олень тоже нас не видит.— Пол замолчал и приподнял пустую рюмку, бармен поспешил наполнить ее.

Чего скрывать, он пришел сюда подраться. Но ему сорок восемь лет, и с этим уже ни черта не поделать. А кроме того, нельзя же приставать к людям, которые не понимают, о чем ты болтаешь.

Выйдя из бара, он подставил лицо каплям дождя. И потом, бесцельно болтаясь по улицам, он не находил себе покоя. Почему никто не сфотографировал ту женщину? Почему не конфисковали ее дурацкий паспорт? Теперь даже нельзя объявить на нее розыск!

Он перешел на такой быстрый шаг, что уже почти бежал. Каково это, быть съеденным заживо? Эти твари настоящие паразиты. Огромные мерзкие рыбы-прилипалы. Мысли проносились в голове подобно облакам, гонимым ветром.

...Почему ей удалось убежать? Мимо таможенников не проскочишь, если они тебя уже поймали. Это невозможно!

...Все дело в интеллекте. Вне всякого сомнения, она очень умна. И что из этого следует? На сколько шагов она их опередила? На десять? Пятьдесят? Тысячу?

— Будь все проклято!

А что, если она знает о нем? И в эту самую секунду чудовище совсем рядом, буквально в двух шагах от него, а он даже об этом не подозревает.

Пол наткнулся на маленькую лавочку, в витрине которой было выставлено вино среди нескольких бутылок с апельсиновым соком и минеральной водой. Похоже, здесь продавали неплохой мускат всего за девять баксов. Он отсчитал деньги и унес с собой вожделенную бутылку.

Вернувшись в отель, Пол обнаружил, что у него нет штопора; тогда он отбил горлышко, лег на кровать и пил прямо из бутылки с зазубринами, мрачно уставившись в небоскреб: сплошные темные окна и ни одной человеческой фигуры в поле зрения.

Оказалось, что это вовсе не мускат, но вино пошло хорошо, особенно после водки. Кажется, где-то ближе к рассвету он заснул.

Его разбудил серый печальный рассвет и музыка, доносившаяся с улицы,— какая-то дикая арабская мелодия. Небоскреб нависал над стеклянной крышей его жилища словно уродливый призрак. Пол поднялся, ему хотелось курить, и он сунул в рот опостылевшую жвачку.

Вчера вечером он сорвался. Но ребятам к этому не привыкать. Все равно они полакомились лягушачьими лапками. Главное, он любил своих ребят и хотел, чтобы они всякий раз получали порцию мерзких лягушачьих лапок, стоило только им пожелать.

Телефон тихо заурчал. Какой замечательный у него звонок, подумал Пол.

— Да!

— Мы определили три района, босс.

— Бекки?

— Да, босс.

— Вы где?

— В префектуре, архивное отделение.

— Я, может, ошибаюсь, но разве сейчас не шесть пятнадцать утра?

— Черт, они явятся примерно через час! Пора уносить отсюда ноги.

— А как вообще вы там оказались? Хотелось бы знать.

— В этом городе полно стеклянных крыш.

6

МАРТИН СУЛЬ

Мириам успела вдоволь наплакаться и теперь сидела в маленьком кафе, с нараставшим нетерпением подстерегая жертву для Мартина. Все ее попытки дозвониться до Сары пока оказывались безуспешными. Тем не менее

нельзя допускать, чтобы собственная проблема, какой бы срочной она ни была, помешала ее важной миссии. Она так и не поняла, что именно случилось с Мартином, но старый приятель умирал от голода, и с таким душераздирающим зрелищем она до сих пор не сталкивалась.

На охоте главное — терпение, и не важно, торопишься ты или нет. Однако в экстренных случаях тебя оставляет предчувствие опасности, а инстинкты приказывают схватить первую попавшуюся особь. Многим Властителям — и Мириам не была исключением — доставляло истинное наслаждение повиноваться внезапным импульсам. Именно поэтому она отправилась в Америку, где ее соплеменникам жилось легко и вольготно. Мириам разъезжала по всей стране вместе с переселенцами, срывая по пути лакомый плод, нимало не беспокоясь о последствиях. В то время на исчезновение людей не обращали особого внимания.

Волевым усилием она заставила себя успокоиться, чтобы произвести впечатление настоящей шлюхи. Официант бросал на нее восхищенные взгляды, как и многие из клиентов бара. Но территория рядом с ней по-прежнему оставалась свободной.

Затянувшись теплым дымом сигареты, Мириам вогнала его в легкие, а затем выпустила через кокетливо выпяченные губы аккуратное колечко. По крайней мере, сигареты здесь вполне сносные. Эти «Житан» напоминают «Бон-Тон». В Америке сейчас продаются ужасные сигареты.

Почему эти глупые мужчины ее игнорируют? Неужели привычки так сильно изменились? Когда она в последний раз охотилась в Европе, все происходило по-другому: легкий флирт, быстрое соблазнение. Теперь же она отвечала на взгляды мужчин, но дальше дело не шло. Нет, Мартин не должен умереть от голода, равно как и любой другой Властитель, которому она в силах помочь. Наверное,

весь этот ужас связан с тем, что люди устроили облаву на ее соплеменников.

Докурив сигарету, Мириам потянулась за другой, когда заметила, что к ней направляется молодой мужчина. Она заговорила по-французски:

— Достопочтенный, не соблаговолите ли мне помочь? У вас не найдется огня?

Он прошел мимо, в туалет. Неужели это бар для геев? Нет. Определенно нет. Как хозяйка фешенебельного клуба, она могла определить сексуальную ориентацию любого заведения с первого взгляда.

С ней заговорил другой мужчина, стоявший у стойки бара:

— Вы говорите по-французски языком Вольтера. Все эти «достопочтенный» и «соблаговолите».— Он передразнил ее фальцетом.— Сейчас это называется «спичкой». Новое слово! Вы откуда?

— Из прошлого,— огрызнулась Мириам, поднимаясь из-за стола. К черту французов, если их больше не интересуют хорошенькие девушки.

— Простите, мадемуазель! Я ведь сказал, просто чтобы затеять разговор! Вы, наверное, американка и учили французский в школе. У вас был старый учитель — чересчур старый! Но в этом нет вашей вины.

Замечательный экземпляр! На тыльных сторонах ладоней проступали крупные синие вены, значит, напор из сонной артерии будет восхитительно мощным.

Она одарила его специальной улыбкой, от которой мужские особи начинают часто дышать. Мириам практиковала эту улыбку годами и считала, что добилась отличных результатов. Стоило показать ряд идеально ровных человеческих зубов — искусственных, разумеется,— и мужчина тут же оказался у ее столика.

Наконец-то. Она отреагировала с натренированным безразличием. Улыбнешься слишком призывно — и он

тут же соскочит с крючка... по крайней мере, раньше так было.

— Вы не хотите, чтобы я ушел?

Мириам пожала плечами.

— И сколько это будет мне стоить? — спросил он, понизив голос.

— Немного,— ответила она, подразумевая самое ценное для него: дыхание, кровь, саму жизнь.

— Значит, все без дураков... вы и есть та проститутка, которая сидит за дальним столиком в кафе и ждет клиента. Как это... не знаю, право... charmant. Настоящий старый Париж! А еще этот язык и давно вышедший из моды костюм. Вы *действительно* из прошлого. Послушайте, не хотелось бы портить впечатление, но у меня при себе только пара сотен франков.

— Очень жаль.

— А кредитные карточки вы принимаете?

Как можно задавать такие глупые вопросы? Шлюха, принимающая кредитки,— надо же такое выдумать! Она затянулась сигаретой и медленно выпустила струйку дыма.

— Зря вы это.

— Простите?

— Я лично бросил. Вредно для легких.— Он постучал себя в грудь и с шумом выдохнул.— Бьюсь об заклад, у вас так не получится.

Она была способна задерживать дыхание на час. Властители могли утонуть (именно так, спасая ее, погиб отец Мириам), но эта смерть не была бы для них легкой. Фактически для них не существовало легкой смерти. Само тело, каждая косточка и жилка фанатично цеплялись за жизнь. У человека была бессмертная душа, он мог позволить себе умереть. Властителям ничего не оставалось, как жить вечно, если, конечно, получится.

Мириам затушила сигарету.

— У вас прелестные руки,— мужчина не сводил с нее глаз.

Она приподняла ладонь, изящно согнув запястье. Когда он поцеловал ее, кто-то возле бара не удержался от комментария:

— О черт!

— Заткнись, тупая горилла! — проревел ее избранник.— Не обращайте внимания на это животное.

Мириам дотронулась до его руки кончиками пальцев: пометила жертву.

— Любезный господин, я не могу посвятить вам весь день.

— Ваш французский прогрессирует. На таком языке говорили примерно в 1896 году.

— У меня милая комнатушка, а двести франков — вполне подходящая цена.

Они вышли с ним на рю де Баббило, пересекли Итальянскую площадь и оказались на рю де Гобелен. Моросил дождь, и Мириам прильнула к своему спутнику, чтобы идти под его зонтом. Переходя улицу, она, внезапно споткнувшись, чуть не упала на своего спутника. Мужчина посмотрел на нее искоса и слегка нахмурился — ощутил ее вес. Из-за плотных костей и мускулов Властители были раза в два тяжелее людей.

Иногда достаточно было малейшего промаха, чтобы спугнуть дичь. Ее соплеменники не отличались от прочих хищников — их охота была удачной только примерно в одном случае из трех. Миф о вампирах как о неутомимых существах, обладающих сверхъестественными силами,— это всего лишь миф.

Они проходили мимо небольшой гостиницы, мужчина хотел повернуть к подъезду, но Мириам его остановила:

— Нет, не сюда.

— А куда же, черт возьми, в таком случае? Поблизости других гостиниц нет.

— Пройдем чуть дальше, любезный господин.

Он замедлил шаг. Мириам вновь почувствовала на себе его взгляд. Архаичная речь, чрезмерный вес для такой фигуры и роста — ее избранник ничего не понимал и от этого начал нервничать. Придется освежить проклятый французский. В 1956 году никаких комментариев по его поводу Мириам не услышала. Хотя, конечно, тогда она не выходила на охоту, только побывала у «Шанель», где полностью обновила гардероб. Разумеется, служащие фирмы не посмели бы критиковать ее речь.

Мириам устремила на него тщательно отрепетированный взгляд: приподнятые брови, сияющие серые глаза — это сочетание девичьего очарования и женской опытности должно было его разоружить. Этот взгляд не подводил ее с тех пор, как она ему обучилась,— тогда вместо зеркала использовали отражение в пруду. Он помогал ей забрасывать крючок и на виа Аппиа, и на Уотлинг-стрит, в Афинах и в Венеции.

Мужчина фыркнул, как слегка перепуганный конь, его походка приобрела решительность, даже какое-то упрямство.

— Неужели сюда... Господи... зачем мы сюда тащимся?

— Увидите.

— Нет, за двести франков не увижу. Одеяло на полу такой развалины, как эта, тянет не больше чем на полтинник, милочка.

Если Мириам согласится на такую цену, он решит, что женщина, скорее всего, больна, и на этом все закончится. Придется потратить время на торг.

— Наверху очень мило. Вы должны заплатить сто пятьдесят.

— Ни черта...

— Я проведу вас в свою опочивальню, и она вам понравится.— Мириам потупила взор.

— А если не понравится?

— Тогда я буду очень несчастна. Я соглашусь на пятьдесят и целый час буду доставлять вам удовольствие.

— Твой французский завораживает.— Он осматривал замок: серый известняк, остроконечную крышу, маленькие окошки в башне. Мириам знала, какие мысли вертятся у него в голове: «Стоит ли заходить сюда с этой странной женщиной?»

— Я здесь живу. Внутри все по-другому, не то что снаружи.

Мужчина настороженно ухмыльнулся, но все же последовал за ней, нырнув в дверь, как в пещеру. За порогом он остановился и задрал голову в мрачную вышину.

— Боже, что за место!

— Идемте со мной.— Покачивая бедрами, она направилась к лестнице в конце огромного темного зала.

— Эта лестница — гиблое место!

«Зачем так усложнять»? А вслух произнесла:

— Но, мой господин, это путь в опочивальню.

— «Мой господин», «опочивальня»! Ты такая странная. Никуда я с тобой не пойду, несмотря на всю твою красоту. Все равно, наверное, от тебя разит, как из пепельницы, раз ты столько куришь.

Развернувшись, этот проклятый тип поспешил к дверям. Мириам метнулась, в мгновение ока преодолев расстояние между ними. На какой-то миг их взгляды встретились, и она ударила кулаком по макушке мужчины, выбрав нужную точку. Мгновенно обмякнув, он повалился на пол.

— Мартин,— позвала она.— Посмотри, дорогой, что я тебе принесла.

Старый приятель наблюдал за происходящим, спрятавшись за дубильный чан, а теперь вышел на ее зов, еле-еле передвигая ноги. От него шел запах высушенной древней плоти и сгнившей крови, внутри провалившихся глазниц сверкали зрачки.

Устроившись на спине добычи, он потянулся, как ленивая пантера. В этом грациозном движении угадывался прежний Мартин.

Он впился в шею, избрав традиционный способ. Иногда Властители высасывали кровь из-под коленки или даже (если были особенно голодны, но не утратили еще сил) из самой главной артерии, до которой можно добраться, только глубоко прокусив затылок.

В детстве Мириам и мальчишка по имени Сотис, сын Аммы, во всю развлекались, пробуя всевозможные способы. Разыгрывая из себя малолетних проституток в бедных кварталах Фив, они частенько досуха высасывали своих клиентов прямо через их вздымавшиеся ненисы, ничего не оставляя, кроме обтянутого кожей скелета. Дети бывают такими жестокими!

Человек заметался, пытаясь высвободиться, а Мартин, растерявший и силу и вес, начал с него соскальзывать. Ему сейчас было необходимо полноценное питание, поэтому Мириам никак не могла прикончить жертву, чтобы та не шевелилась. Кровь покойника — тощая закуска.

Мужчина приподнялся, потом сел: Мартин скатился на пол.

— Что это все значит? — Он взглянул на Мартина, который, уползая прочь, очень походил на огромного жука.— С этим парнем все в порядке?

Надо же, какое самообладание! Мириам это не понравилось. Она шагнула вперед и вцепилась ему в запястья. Мужчина подбросил вверх колено, мастерски направив удар на предплечье. Неплохой выпад, человеческая кость хрустнула бы пополам. Наверняка ей попался еще один коп, черт бы его побрал!

Эта тварь извивалось и брыкалось, на сей раз ей удалось ударить Мириам прямо в поддых. Железная мускулатура Властительницы легко и безболезненно приняла удар, но она отпустила захват. Мужчина тут же отскочил в сторону.

— Вы кто? — завизжал он.— Пришельцы?

Ну вот, опять очередной человеческий миф! Вот уже пятьдесят тысяч лет Властители считали эту планету своей.

Мартину наконец удалось сесть, и теперь он старательно отряхивал от пыли лохмотья, когда-то бывшие камзолом. Оглянувшись на мужчину, Мириам увидела, что тот снова оказался у входной двери. В один прыжок она преодолела разделявшее их расстояние.

— Святые угодники! Это же три метра! — Человеческое существо умоляюще смотрело на Властителей.— Послушайте, у меня семья. Я не могу отправиться с вами на Плутон или еще куда.

Плутоном люди называли Нису, самую удаленную планету.

Сейчас у толстяка лихорадочно путаются мысли, кровь ускоряет свой бег.

— Не глупите. Это же будет убийство! Посмотрите на себя — вы же просто ребенок в материнских тряпках! Вы не должны поступать так жестоко, иначе потом будете сожалеть всю жизнь.

А тем временем за его спиной Мартин сумел подняться и, разинув пасть, заковылял к жертве. Шаркающие шаги привлекли внимание толстяка, и он обернулся. Наступил редчайший из моментов: человеческое существо увидело Властителя без прикрас, каким он был на самом деле.

Мужчина с шумом втянул воздух, и через секунду раздался дикий панический визг. Но жертва осталась на месте как прикованная, по той же причине мышь не убегает от змеи, попав под действие гипноза.

Где-то глубоко в подсознании человека запечатлелся ужас с тех времен, когда Властители держали людей в клетках. И он передавался из поколения в поколение как безусловный рефлекс.

Очень жаль, что особи на свободном выпасе оказались гораздо вкуснее разновидности, содержавшейся в клетках. Властители начали разводить их стадами, позволяя людям строить города, иметь собственную историю. В конце концов ее соплеменники сами привыкли жить в городах,

и поначалу это было неплохо, но потом они попрятались в норы.

И совершенно напрасно! Мириам не меньше тысячи раз выходила на охоту в Нью-Йорке, и каждый раз ей все сходило с рук. В других местах она тоже не сталкивалась с особыми трудностями, если не считать последней неудачи с телом.

Впрочем, Эллен Вундерлинг слишком близко подобралась к Мириам; Сара тогда запаниковала и съела репортершу. Исчезновение женщины получило широкую огласку.

По сути, не так уж трудно остаться безнаказанным после охоты на человека, нужно лишь соблюдать необходимую осторожность. Зря все остальные Властители так боятся. Осмотрительность, разумеется, не помешает, но прятаться в норы? Мириам считала себя последней истинной Властительницей, последним вампиром.

Что ж, нужно реабилитировать свое племя, начав хотя бы с Мартина. Она будет его кормить, ухаживать за ним, научит жить в современном мире. Она всех их научит! А затем родит прелестного ребенка, настоящего принца, и выведет свое племя на солнечный свет.

Человек попятился, но Мириам была быстрее и обхватила его сзади. Он начал мотать головой, пытаясь раскроить ей лоб своим черепом; ему даже удалось стукнуть ее, но от такого удара не останется никаких следов.

Мириам усилила захват, и жертва лишь слабо колотила по ее рукам. Мартин разомкнул челюсти и припал к шее мужчины. Поначалу человеческая особь безудержно брыкалась, но постепенно ее движения стали медленнее. Мириам сжала руки еще крепче. Послышалось журчание, вместе с мочой и кровью из тела уходила жизнь. А Мартин, наоборот, начал набираться сил и даже заметно порозовел, несмотря на слой грязи. Наконец он отстранился от жертвы.

— Там еще осталось,— сказала Мириам.

— Не могу.— Мартин, с трудом подойдя к стулу, свалился на него. По крайней мере, он больше не ползал.

Мириам проволокла тело через комнату и присела на ступеньки. Разложив тело на коленях, она нагнулась и высосала все до капли, пока не осталась лишь сухая кожа, натянутая на кости.

— В каком-нибудь чане найдется кислота?

Мартин покачал головой.

— С сыромятней покончено.

Жаль. Человеческие останки раньше можно было просто растворить.

— Чем ты занимаешься?

Мартин взглянул на нее.

— Мириам... это ты?

— Да, Мартин.

— Я не ел целый год.

Она открыла было рот, но ничего не сказала — не смогла. Да, ей было известно, что иногда Властителям приходилось голодать по полгода, даже больше... но как он сумел пережить такое? Как ему удалось остаться в живых?

— Мартин...

— Я молил о смерти, много раз. Но она не наступала.— Он усмехнулся.— Я превращался в одного из тех... ну, твоих подопечных.

Мартин говорил о том, что происходит с ее любовниками из числа людей, после того как кровь Мириам, текущая в их венах, перестает сохранять им молодость.

— Ничего подобного. Ты бы в конце концов умер.

— Не сомневаюсь.

На нее смотрели глаза, бездонные, как черные омуты. Мартин был старше ее на тысячи лет.

— Мы все приближаемся к концу, Мириам.

— Не может быть!

Он медленно кивнул, словно соглашаясь, но на самом деле просто не желая противоречить ей.

— Вскоре люди хватятся пропавшего, и поиски обязательно приведут их сюда.

— Почему сюда? Здесь всегда было безопасно...

— Здание принадлежит муниципалитету Парижа. В следующем году здесь собираются устроить музей гобеленов.— Он безнадежно махнул рукой, выражая этим жестом и свое поражение, и огромную печаль.— Весь этот мусор уберут.

— Мартин, ведь еще несколько лет назад ты был в полном порядке.

Лицо, теперь отдаленно напоминавшее прежнего изысканного узкогубого красавца, сморщилось в улыбке-гримасе.

— Во время войны бойцы Сопротивления устроили секретный штаб в каменоломне Данфер-Рошеро. Они обнаружили нас в старом лабиринте.

Он имел в виду традиционное укрытие парижских вампиров — катакомбы, прорытые под городом, из которых добывали камень со времен Римской империи.

— Но... как?

— С помощью звука! У них есть такие маленькие жестянки, набитые черным углем...

— Микрофоны.

— Да, эти штуковины. Они рассовали их повсюду и слушали с их помощью наши голоса.

— Но они не улавливают нашу речь.

— Говорить на прайме — такая морока, не правда ли? Столько слов нужно произнести, чтобы передать простейшее сообщение.— Он покачал головой.— Мы говорили на французском, то есть на среднем тональном регистре.

— А сейчас ты говоришь на прайме.

— Разве? Да, в самом деле... В общем, поначалу они ничего не предпринимали, слишком их это все озадачило. Но ты знаешь французов — осторожное и терпеливое племя. Они не отмахнулись от странных рассказов, собранных Сопротивлением, о банде *дикарей* из катакомб. Они не-

прерывно вели наблюдения, ходили по катакомбам и взывали: «Выходите, выходите, мы хотим помочь вам». А затем один дурак, Эмеус...

— Мы вместе выросли. Он из банды, что орудовала в Фивах,— я, Сотис, сын Аммы, Тайна, сын Тотена. Как было весело!

— Тотен сейчас называет себя мсье Гамон. Он здесь. Остальных давно развеял ветер. Тайна жил в Шанхае под именем мистера Ли.

Его тоже нет в живых, подумала Мириам, но вслух ничего не сказала.

— Эмеус сожрал одного из них. И до сих пор нет конца тому аду, что последовал за столь необдуманным поступком.

— Какова степень их осведомленности?

— Я не знаю, что им известно. Знаю одно: в последние годы я не мог спокойно охотиться.— Он бросил на нее взгляд, который она до сих пор не замечала ни у одного Властителя,— взгляд, полный отчаяния, и Мириам почувствовала себя очень неуютно, оттого что в глазах ее соплеменника промелькнула слабость, свойственная лишь человеку.

— Как-то я выбрал очень хороший экземпляр. И запах отличный, и цвет кожи — все говорило о том, что добыча первоклассная. Я заманил ее в... э-э... такое тесное укромное место, туалет кажется. Поев, я сложил остатки в маленький чемоданчик, который ношу с собой,— и вдруг налетела полиция! Бежали со всех сторон. Съезжались на авто. Выпрыгивали из всех дверей. Устроили нечто невообразимое. Мне удалось скрыться только потому, что я перепрыгнул через стену, а затем ушел по канализации.

Мириам достала пачку сигарет, закурила. Внезапно она почувствовала огромную усталость. Она подозревала, что история Мартина еще не закончена, и ей хотелось дослушать до конца.

— Продолжай, Мартин.

— Ты такая красивая.

Мириам невольно подумала: «Не хочу носить ребенка от такого слабака. Мне нужен сильный Властитель».

— Так что случилось дальше?

— Меня поймали.

Она молчала, потрясенная.

— Меня исследовали, Мириам! Осматривали челюсти, взвешивали, брали образцы жидкости!

— Но ты ведь убежал от них?

— Они хотели, чтобы я поверил в это. Все было обставлено более чем глупо — незапертые двери и тому подобное. Меня просто отпустили.

Мириам бросило в жар: значит, находиться в этом доме опасно.

— А дальше?

— Я выжидал несколько месяцев, несколько лунных циклов. Затем нашел полудохлого бродягу, обитавшего под мостом где-то за чертой города. Не успел я вскрыть ему вену, как они тут как тут: прыгают с моста мне прямо на голову, подъезжают на автомобилях... Еле ноги унес.

— Но ты, наверное, был ужасно голоден.

— Через несколько дней я предпринял новую попытку. На этот раз перенес охоту в район, где живут цветные, выбрал особь — только что закончился сеанс, и маленькое стадо покидало кинотеатр.

— Они появились вновь.

— Десятки! Со всех сторон!.. С тех пор так и сижу в этих стенах.

— Как же тебе удалось, Мартин, не есть по меньшей мере год? Это невозможно.

— «Нет ничего невозможного, когда ты должен» — девиз моей семьи. Мириам, я пил кровь мышей, крыс, бродячих котов. Я съел всех мух до последней, что летают в воздухе!

Не удивительно, что от него исходит такое зловоние. Властители не могут питаться такой кровью, иначе жизнь

в них будет едва теплиться. Мириам тихо вздохнула. В свое время Мартин принадлежал к числу лучших любовников. Она помнила, как Суль выглядел пару веков назад: парчовый камзол, напудренный парик, в руках трость с золотым набалдашником. Он заигрывал с герцогинями, играл в карты за королевским столом. Среди соплеменников Мартин считался знатоком людского этикета.

— Я часто вспоминал тебя, дитя. Ты до сих пор живешь среди людей?

— У меня в Нью-Йорке клуб, причем довольно модный. Есть и любовница из их племени — Сара.

— Это твое дело.

— Всегда полезно иметь человека, который тебе служит.— Было бы полезно, если бы только Сара сняла чертову телефонную трубку!

— Я даже не знаю имен своих преследователей.

Они не трогали его все это время и вмешивались, только когда он собирался — по их представлениям — «убить» одного из них. Могла найтись только одна причина, почему его оставили в покое: он служил приманкой, а этот дом превратился в ловушку.

Возможно, именно в эту минуту они мчатся сюда на всех парах. Наверняка во всем здании понатыканы жучки. Бог его знает, наверное, здесь спрятаны и камеры слежения. Люди научились делать камеры не больше наперстка, а микрофоны — чуть ли не с пылинку. Сара использовала такие новшества в охранной системе клуба.

— Нужно отсюда поскорее убираться,— сказала Мириам.

— Но... куда?

Мириам поднялась.

— Горючее найдется?

— Какого сорта горючее?

— Чтобы развести огонь! Химические вещества! Бензин!

Мартин показал на стальные бочонки.

Подойдя к ним, Мириам сорвала с первого мягкую металлическую крышку. Внутри действительно оказалось какое-то химическое вещество, но, судя по запаху, оно не было горючим. Во втором бочонке — то же самое. Но из третьего вырвался великолепный запах!

— На этом работают авто,— сказала Мириам.

— Я знаю, что такое бензин.

Мириам швырнула бочонок на середину зала.

— Потайной ход сохранился?

В жилище каждого Властителя был потайной ход, обычно даже не один — на случай пожара, нападения и еще на всякие другие случаи.

— Да.

Бензин растекся по полу огромной лужей. Мириам взяла пустой бочонок и прокатила его несколько раз по остаткам трапезы, пока они не превратились в мешок с раздавленными костями. В эту же секунду заскрипела дверь под нажимом снаружи. Мириам обхватила Мартина за плечи и склонилась к его уху.

— Они уже здесь. Сейчас ворвутся одновременно через дверь и окна.

Суль втянул губы, уродливо очертив рот. Взяв старого приятеля за руку, по-прежнему холодную как лед, Мириам отвела его к дальней стене, где был сделан слив для отходов дубильной мастерской — труба вела в маленькую речушку Бьевр, давным-давно ушедшую под землю,— затем отсчитала три камня вверх от пола и нажала тот, что оказался у нее под ладонью.

Темноту разрезал безжалостный сноп солнечного света. Дверной проем превратился в белое сияние, в котором сновали тени. Мартин закричал, потом из его груди вырвалось леденящее кровь завывание Властителя, охваченного безграничной яростью. Откинув голову, Мириам вторила ему.

— Essence!* — раздался человеческий крик.

---

* Бензин *(фр.)*.

Люди ворвались в зал. Неужели эти жалкие существа осмелились ей угрожать? Она решительно вынула из кармана картонку со спичками.

— Madame, si'l vous plaît!

«Сударыня, прошу вас», как же! Чиркнув спичкой, Мириам зажгла остальные и швырнула на пол пылающую картонку. Затем коснулась камня, который должен был открыть им ход в канализационные трубы Парижа.

Безрезультатно, камень остался на месте.

7

ЛОВУШКА

Пол набирал номер мобильного телефона Бекки вот уже пятый раз в течение часа. Он уже сделал запрос в отдел связи Лэнгли, чтобы те нашли его агентов, но то ли оба мобильника были отключены, то ли сигналы блокировались — в общем, никакая GPS не помогла. Попытка дозвониться до Чарли тоже не увенчалась успехом.

Десять часов утра. По его подсчетам, они должны были вернуться часа два назад, может больше. Пол сунул в рот очередную пластинку жвачки и с остервенением принялся двигать челюстями. Слава Богу, французские сигареты не пришлись ему по вкусу.

Зазвонил мобильник, Пол едва удержал его в руках.

— Уорд слушает.

— Пол, это Джастин.

Какого черта Джастину Тэрку понадобилось ему звонить? В Виргинии сейчас пять утра.

— Да?

— Мне сказали, что ты меня искал.

— Послушай, дружище, я нуждаюсь в подкреплении.

— Черт!

— Одна из этих треклятых тварей ушла из моей сети. Я проследил за ней до Парижа и потерял здесь. Мне нужно больше людей и больше оборудования.

— И когда тебе все это нужно?

— Разумеется, вчера. Пришли мне по крайней мере еще пятерых оперативников.

— Я не могу просто так подключить людей к твоей операции. Ты же знаешь о возникших проблемах. Начались *дискуссии*.— Джастин с нажимом произнес последнее слово.

— Ради Бога! Это чудовище не из тех, что будут сидеть на месте, неужели не ясно?

— На подготовку агентов уйдут недели. И то если начальство не будет мне мешать, но на это надежда слабая.

— Тогда хотя бы пришли мне команду из Куала.

— Исключено.

— Брось, дружище...

— Вся операция взята под контроль.

Скверная новость!

— Мне *нужны* люди.

— Ничего не обещаю.

Джастин мог сойти за друга — то есть он готов был поддержать Пола, если тот не становился помехой на его пути. Вне всякого сомнения, новых людей ему не получить, раз вся операция начала вызывать вопросы у международной организации по правам человека.

Пол забарабанил по кнопкам мобильника, набирая номер Бекки, потом — Чарли.

— У меня проблемы,— мрачно бормотал он. И все же в глубине души жила надежда, что с ребятами ничего не случилось. Зря, конечно, они вломились в архив. Поднимется шум, и тогда придется объяснять, что их команда делает во Франции.

Взгляд Уорда скользнул по освещенной солнцем стене небоскреба, затем по циферблату настенных часов.

— Десять пятнадцать,— пробормотал он себе под нос.— Проклятье и еще раз проклятье.

Подобная ситуация в любую секунду могла обернуться скандалом и в «Сюрте», и в Белом доме. Но сейчас ему

предстояло подготовиться к действительно тяжелой встрече — с вампирами. Бекки упоминала два района Парижа: Девятый и Тринадцатый. Открыв ноутбук, Пол обратился к базе данных ЦРУ. Никакого волшебного проникновения в тайны мира — лишь кое-какая очень хорошая информация и множество подробностей. Здесь он мог найти практически любого, а с его уровнем допуска — послать запрос через поисковую систему «Эшелон», набрав на клавиатуре лишь несколько ключевых слов. «Эшелон» начнет отыскивать эти слова среди миллиардов телефонных разговоров, писем электронной почты, факсов и радиопереговоров, которые фиксировались системой.

Но... приходилось быть дьявольски конкретным, чтобы раздобыть полезные сведения. Какие слова могла употреблять эта путешественница, разговаривая по телефону,— особые, редкие слова? Пол не знал, кому она могла звонить, куда отправиться, у него также не было сведений, являлся ли Париж конечным пунктом ее вояжа.

В базе данных ЦРУ кроме всего прочего имелось огромное количество карт, несравнимо лучше тех, что продаются в магазинах. Среди них были и карты Парижа, составленные немецкими военными во время Второй мировой войны. Первоначально предполагалось, что оккупантам предстоят бои за каждый дом, поэтому существовали детальные поэтажные планы любого здания, а также план системы канализации, вплоть до указания, в каких трубах и тоннелях мог пройти человек. Немцы составили такие карты почти для всех больших европейских городов. Многие из карт, конечно, устарели; так, например, бомбежка китайского посольства во время косовского конфликта 1999 года была вызвана тем, что при разработке операции полагались на именно такой план улиц Белграда, составленный вермахтом. Теперь на всех картах в базе данных ЦРУ стоит четкая отметка последнего года проверки.

Уорд заметил, что план Девятого района не трогали с 1944 года. Названия улиц и все обозначения были сдела-

ны на немецком, что не внушало особых надежд. А вот план Тринадцатого района был пересмотрен французами в 1998 году, и в аннотации указывалось, что с тех пор карта обновлялась ежегодно.

Пол приготовился долго изучать изображение на экране: ему предстояло запомнить каждую улицу, каждую канализационную трубу, этаж любого здания.

Вампир знает свой мир до последнего закоулка. Для него не существует преград в виде замков, он может вскарабкаться по любой стене и пересечь любую крышу; канализация — все равно что железная дорога. Он сумеет рассчитать путь по трубопроводу, оконным карнизам и свесам крыш.

Сначала Пол не верил в силу и ум вампиров. Когда он впервые уставился в неподвижные темные глаза одного из них, на вид такого маленького и беспомощного, на лице этого ничтожества блуждала легкая улыбка, словно оно находило забавным все происходящее. Джек Додж окликнул его: «Эй», шагнул вперед — и тут же в воздухе мелькнул нож и отсек голову Джека, как цветок от стебля. До сих пор у него в ушах раздаются эти страшные звуки: трещат кости и с легким шипением кровь выливается из обрубка, он слышал их в завывании самолетных моторов во время ночных перелетов, в шепоте ветра, заблудившегося среди городских зданий.

Выползая из всех щелей и закоулков своего мира, твари вовлекали его в бесконечную гонку, появляясь то тут, то там, разыгрывая бесконечную шахматную партию, в которой они всегда опережали его на несколько ходов. Его самым действенным оружием были неожиданность и технические новшества, в то время как они при всей своей дьявольской изобретательности и скорости техникой вообще не владели.

Смерть вампира была отвратительна, и, если приходилось видеть их борьбу со смертью, наступали мгновения,

когда ты почти сочувствовал этим монстрам. Вампиры умирали тяжело.

— Действительно тяжело,— произнес Уорд вслух.

Он сидел, уставившись на карту канализации Тринадцатого района. Совсем недавно, примерно год назад, в системе были произведены изменения: так, например, один из тоннелей заблокировали. Когда-то в этом районе находились дубильные и красильные мастерские, возможно до сих пор это сказывается на качестве воды.

Затрещал телефон у изголовья постели. Пол рванул трубку.

— Сегодня утром в шесть тридцать твоих людей поймали в архивном отделе префектуры полиции.— Это был голос Сэма Мазура из посольства.

— О Господи!..

— Французы засняли их на видео начиная с той секунды, как они спустились с крыши внутрь помещения! Приезжай, Пол, у нас крупные неприятности!

— Где они?..

— Лягушатники собираются отвезти их прямо в аэропорт и отправить ближайшим рейсом в Вашингтон. Ребят отпускают благодаря дипломатической неприкосновенности, но Франция теперь окончательно и бесповоротно закрыта для них. И вот еще что: причина, по которой им позволили так долго находиться на тщательно охраняемом объекте, в том, что «Сюрте» хотела записать каждый удар по клавише клавиатуры, пока они прорывались в базу данных. Французам известно и как они это сделали, и что обнаружили — в общем, все.

— Сейчас буду.

Уорд не очень хорошо ориентировался в метро, но он знал, что в середине дня это самый быстрый транспорт в Париже. Тем не менее поезд ехал, как ему показалось, умопомрачительно долго, предоставляя ему возможность методично просчитать не одну возможность спасти Бекки, Чарли и всю операцию.

Спустя пятнадцать минут он уже взбегал по ступеням выхода на площадь Согласия. А вот и здание американского посольства. Дипломатический паспорт позволил Уорду беспрепятственно миновать и французскую охрану, и американскую морскую пехоту.

Кабинет Сэма находился в середине широкого коридора.

— Я Пол Уорд,— представился он секретарю, который, к его удивлению, оказался французом. Он допущен к секретным документам, владеет соответствующей информацией? Да, времена изменились...

Сэм сидел за металлическим письменным столом. Жалюзи на окне были плотно закрыты; стены, казалось, сотрясались от гула кондиционера.

— Пол, ты старый засранец, я думал, тебя арестовали по дороге сюда.

— Что с моими людьми?

— Бизнес-класс в самолете «Эр-Франс». Не так уж плохо.

Разумеется, ни для кого из них это еще не конец. Ребята допустили огромный промах, и пройдет немало времени, прежде чем ситуация стабилизируется, если такое вообще возможно.

— Они что, уже в полете?

— Нет, по дороге в аэропорт. Французы не любят, когда кто-то проникает на их секретные объекты, *особенно* если это американцы.

— Сэм, знаю, ты меня возненавидишь, но тебе придется найти способ, как оставить мою команду здесь. Они мне срочно нужны.

Мазур покачал головой.

— Все кончено.

— Потребуй ответной услуги, используй шантаж... Сделай что-нибудь!

— Я ничего не могу сделать. Твои агенты провалились.

— В таком случае мне нужно срочно увидеть посла.

Сэм вскочил из-за стола.

— Ты шутишь. Сам заварил кашу, а теперь хочешь, чтобы политики ее расхлебывали? Как-то не верится, что у тебя в Конгрессе есть богатый покровитель.

Пол попытался разыграть последнюю карту, которая, как он надеялся, могла оказаться козырной.

— Тут замешан терроризм, Сэм. Мы проводим серьезнейшую операцию, в которую Франция оказалась вовлечена только потому, что на ее территории находится международная террористка. Если мы ее упустим, могут пострадать невинные люди.

Сэм потянулся к телефону.

— Тебе не нужен никакой посол.

Он затарахтел по-французски с бешеной скоростью, и Пол с трудом понял, что Мазур обращался к какому-то важному чиновнику с просьбой о срочном и незамедлительном вмешательстве.

Сэм повесил трубку.

— Через десять минут с нами встретится начальник подразделения внутренней безопасности «Сюрте».

На этот раз они отправились в путь в посольском «ситроене», поэтому передвигаться по городу было легче.

Сэм некоторое время молчал, затем, откашлявшись, произнес:

— Если операция проводится такими скудными силами и совершенно не по правилам, то всегда возникают проблемы.

— Мы действуем очень эффективно.

— Я не хочу вмешиваться, Пол, но должен тебе сказать, что выглядишь ты хуже некуда даже по сравнению с жертвой дорожного происшествия. Чем бы ты там ни занимался, причем очень эффективно, это дело превращает тебя в настоящую развалину.

Уорд и Сэм вместе учились, как задушить человека струной от рояля и как подкожно установить микрофон кошке или собаке. Но в Камбодже, куда их направили,

эти знания совершенно не пригодились — там шла обычная война.

— А вот ты, между прочим, отлично выглядишь. Теннис, гольф и бассейн.

— А еще покер каждый вторник с британцами. Здесь совсем неплохо можно жить, если ни во что не вляпываться, как это сделали твои головорезы.

— Если бы только французские таможенники не упустили эту тварь в аэропорту де Голля... Лично он представлял себе операцию так: эту тварь следовало обезвредить выстрелом, как только она приблизилась к таможенному контролю, а затем сбросить в чан с серной кислотой или кремировать. Вампирша удрала по дороге в камеру — что ж, иначе и быть не могло!

— Мне бы хотелось рассказать тебе, чем я занят, но не могу.— Пол пожал плечами.— Было бы гораздо легче, если бы каждый полицейский, каждый чертов офицер безопасности знал об операции. Но тогда началось бы нечто непредсказуемое, настоящее светопреставление.

— Что ж, это все объясняет. Ты сгоришь на такой работе, старина. Насколько я понял, твои методы не шадят в первую очередь тебя самого.

Они подъехали к длинному внушительному зданию в английском стиле, где размещалась «Сюрте». Пол опасался бюрократической волокиты и долгого ожидания, но спустя четверть часа они переступили порог очень тихого и очень стильного кабинета, хозяином которого оказался чрезвычайно строгий карлик.

— Я полковник Бокаж,— представился он.

— Где Анри-Жорж? — спросил Сэм.

— Вы побеседуете со мной.

— J'voudrais mon peuple, monsieur. Tout de suite*,— в разговор вступил Уорд.

Бокаж рассмеялся.

---

* Мне нужны мои люди, мсье. Немедленно (*фр.*).

— Господин Мазур, это и есть человек, отвечающий за операцию?

Сэм кивнул.

— Но мы договаривались о встрече с господином Борделоном!

— А он перепоручил это дело мне.

— Мне нужны мои люди.— Пол перешел на английский.— Мы спасаем человеческие жизни.

— Вы говорите по-французски. Вам следовало бы и думать по-французски. Это более цивилизованный язык...

— Я не могу думать по-французски.

— ...Потому что у нас много способов выразить понятия добра и зла.— Он снова улыбнулся.— Господин Мазур, не могли бы вы выйти на минуту? Прошу меня извинить.

Сэм покинул кабинет, и полковник некоторое время молча просматривал документы в папке. Всего лишь поза, нагнетание напряжения. Пол сам тысячи раз поступал точно так же, принимая нервных посетителей.

— Итак,— произнес наконец Бокаж,— вы занимаетесь les sauvages*. Скажите, а как вы, американцы, их называете?

Пол Уорд не испытывал чувства страха с тех пор, как увидел останки отца. Перед лицом любой опасности он оставался холоден как лед... до этой секунды. Сердце его замерло, он открыл было рот, но ничего не произнес.

Приподняв бровь, полковник чуть скривил губы.

— Я ваш союзник, ваш... французский союзник.

Пол изобразил на лице полную бесстрастность.

— Я вижу, вы удивлены,— продолжал Бокаж.— Искренне удивлены. Скажите, как давно американцы занимаются этой проблемой?

«Никогда не садиться играть в покер с этим господином!»

— Несколько лет,— последовал сухой ответ.

---

* Дикари (*фр.*).

— А мы, мой друг, ведем борьбу пятьдесят лет.

— Мы очистили от них Азию.

— Очистили?

— Уничтожили их, всех до одного.

— Кроме Мари Толман.

— Кроме нее.

— Elle est une sauvage, aussi?*

— Вы называете их дикарями?

— Для протоколов. Мы знаем, *кто* они на самом деле. Кстати, почему вы не начали с Америки? Для вас ведь важнее спасать людей там.

В эту секунду в кабинет в сопровождении офицера вошли Чарли и Бекки.

— А вот и ваши коллеги,— улыбнулся Бокаж.— Теперь, если позволите, мы все обсудим вместе.

— Отлично,— сказала Бекки. Она выглядела великолепно, когда злилась: глаза метали искры, щеки горели, губы поджаты мрачно и в то же время многозначительно.

Сидя рядом с ней, Чарли поигрывал треклятой машинкой для сигарет. В подобных стрессовых ситуациях он демонстрировал мрачный вызов.

В кабинете повисла долгая пауза. Пол пытался припомнить, когда еще ему доводилось испытывать такое чувство неловкости и смущения. Пожалуй, никогда.

— Во Франции этому делу присвоен гриф высочайшей секретности,— наконец прервал молчание полковник.— Правительство не желает информировать население о подобных вещах. В вашей стране сделано то же самое.

— Во всех странах, где мы побывали, поступили точно так же.

— Когда мы не в состоянии защитить наших людей, ничего другого не остается, как обратить все в тайну, пока проблема не будет решена.

---

* Она тоже из дикарей? *(фр.)*

Бокаж так посмотрел на Бекки, что она отвела глаза. Пол испытал потрясение. Девушка, воплощение самообладания, никогда не отводила глаз первой.

— Полагаю, вы получили что хотели,— сказал полковник, обращаясь к ней.

— Да.

Он перелистал документы в папке.

— Мы использовали специальную программу слежения и выяснили, что вам нужно.— Его голос звенел от самодовольства. В жизни разведчика едва ли можно отыскать более приятный момент — когда удается обставить коллегу из дружественной страны. Кто-кто, а Пол знал это по себе.— Если хотите, вот копии тех документов.— Он протянул папку Бекки и Чарли.— В интересах дружеского сотрудничества.

— Было бы еще дружественнее,— заметил Пол,— поделиться с нами тем, чего мы пока не знаем.

— С удовольствием, мистер Уорд.

Он понял, что за тщательным спокойствием этого человека скрывается состояние огромного эмоционального напряжения. Опыт военного разведчика подсказывал Полу, что полковник собирается сообщить нечто, по его мнению, совершенно жуткое.

— Выкладывайте, полковник,— предложил Чарли, несомненно заметивший те же самые признаки.

— Мы держим под наблюдением одно из этих существ в доме...

— Позвольте мне,— перебила его Бекки.— Тринадцатый округ, рю де Гобелен.

— Очень хорошо. А дом вам известен? И что именно там произошло?

— Расскажите.— Пол решил, что полковник принадлежит к числу тех людей, кто обычно взрывается при своих подчиненных, но в данной ситуации ему приходилось сдерживать себя.

— Уже целый год, как мы загнали одного дикаря в дом на рю де Гобелен. Он не ел двенадцать месяцев, но пока жив.

— Если вы поймали это существо в ловушку, убейте его.

— Мы надеялись, что оно вызовет у сородичей хоть какую-то реакцию — любопытство, сострадание, любое другое чувство, которое привлечет их туда. Но ничего не произошло, а теперь... в общем, теперь уже поздно.

Наверняка случилось что-то ужасное, иначе полковник не понизил бы голос так зловеще.

— Итак?

— В эту минуту дом догорает дотла. В нем находятся два вампира, о которых мы знаем.— Он сделал паузу.— И шестеро моих людей.

— Боже, спаси их,— вздохнул Пол. Теперь он понял, почему переделали систему канализации в Тринадцатом округе: вампиру отрезали пути отхода из его логова. Правильная тактика, ничего не скажешь.

— Но у меня есть для вас и хорошая новость. Ваша так называемая Мари Толман находилась в этом доме.

— Чертовски хорошая новость, полковник! — Возможно, у нее не было времени предупредить своих. А теперь уже и не будет.— Вам известно, как долго она там пробыла?

— Она появилась вчера вечером, около шести. Это известно точно.

— Вчера вечером?

Полковник кивнул.

— Надеюсь, она не успела ни с кем связаться.

— Согласен с вами. Но парижские вампиры заподозрили что-то неладное.

— Как, кстати, вы их убиваете?

— Мы стреляем им в голову специально разработанным для этой цели оружием, а затем сжигаем дотла.

Уорд с шумом втянул воздух, подумав при этом: «*А полковник-то мне нравится*».

— Мы многих убили в течение этих лет.— Бокаж выставил вперед подбородок.

— Нам тоже приходилось нелегко.

— Сначала мы расстреливали их в грудь и хоронили. Они всякий раз выбирались из могил, но осторожно, чтобы мы не заметили потревоженную почву. Мы-то думали, что стираем их с лица земли, а на самом деле работали впустую. Число их жертв, как мы подсчитали, не уменьшалось. И выследить их мы не могли, потому что они вылезают из городских катакомб.

— А как насчет Девятого и Тринадцатого? — спросила Бекки.

— В конце концов мы выследили одну тварь в Тринадцатом округе. Дом девятнадцать по рю де Гобелен, если быть точным. Единственный экземпляр в Париже, который обитает над землей. Остальные... помилуй Бог, жуткое место эти катакомбы! — Он умолк на мгновение.— На этой операции потери личного состава составляют около семидесяти процентов.

Пол промолчал. Из семи человек, с которыми он начинал, погибли четверо.

Зазвонил телефон. Полковник Бокаж снял трубку и, поговорив какое-то время по-французски, швырнул ее на рычаг. Уорд понял, что случилось, даже не спрашивая.

— Еще один доклад о потерях. Вся команда, вошедшая в дом девятнадцать по рю де Гобелен, погибла. Шесть человек.

— Черт! — не удержался Чарли.

— И хорошая новость. Найдены кости одного из дикарей. Их собрали, чтобы сжечь.

— А что со вторым?

— От Мари Толман остался только пепел.

— Тогда нам делать здесь нечего.— Бекки пожала плечами.— Скорее домой, чтобы выяснить, помнит ли еще мой жених, как меня зовут.

— Мы собираемся предпринять попытку стерилизации катакомб,— сообщил Бокаж с тщательно отрепетированным спокойствием.— Нас стало меньше на шесть профессионалов. На то, чтобы найти и подготовить им замену, уйдут месяцы.— Он вопросительно приподнял брови.— Мне кажется, у наших стран есть кое-какие общие тайны.

Лэнгли расшумится не хуже старой незамужней тетки накануне затеянной племянником попойки. Чиновники, в свою очередь, начнут составлять протоколы, тщательно продумывать процедуру сотрудничества, с тем чтобы соблюсти секретность с обеих сторон. С другой стороны, он может послать все эти дурацкие процедуры подальше и провернуть операцию, никуда не сообщая.

— Можно считать вас в команде? — спросил полковник.

Уорд даже не удосужился взглянуть на Бекки и Чарли, нисколько не сомневаясь в их ответе.

— На все сто.

8

ОГНЕННАЯ ВСПЫШКА

Если она немедленно не глотнет крови, самой свежей крови, то умрет. Но там, где она сейчас пряталась, беспомощная, зажатая со всех сторон, не могло быть никакой крови. Боль пронизывала все тело, словно по нему промаршировала целая армия, Мириам поняла, что приближается к финалу своей жизни.

Вот куда привел ее безумный безостановочный бег через полмира после трагедии в Чиангмае!

Люди замуровали потайной ход, для прочности сначала перекрыв его железной решеткой. Мириам ринулась

на лестницу и побежала наверх, в тайные покои. Золотистая парча, которой были когда-то затянуты стены, превратилась в ветхие тряпки. Но та самая кровать, что служила местом для наслаждений, сладостного насыщения и *Сна*, оказалась неподвластна времени. Огонь настиг ее здесь, и Мириам бросилась на крышу. Сверху ей было видно, как улицы заполнили десятки полицейских; со всех сторон к дому устремились, тревожно сигналя, пожарные машины. Теперь не удастся спуститься по стене, во всяком случае до наступления темноты. И до следующего здания ей тоже не допрыгнуть. Впрочем, Мириам нашла выход — разве для нее могли существовать безнадежные ситуации? Она сползла по дымоходу и оказалась под камином, ниже уровня огня. У задней стенки очага находилось небольшое пространство, куда сметалась зола. Повинуясь интуиции, Мириам вынула несколько кирпичей и освободила для себя проход в кирпичную трубу, очевидно канализационную, шириной не больше восемнадцати дюймов, куда втиснулась с превеликим трудом, даже кости захрустели.

Теперь она закрыла глаза, приказывая себе не плакать от боли. До нее доносились непрерывные вопли Мартина. Она помогла ему насытиться, оказав тем самым дурную услугу: теперь у него были силы, чтобы умирать медленно.

Мириам услышала еще один звук, очень ясный и совершенно непохожий на шум воды или треск лопавшихся от жара костей Мартина. Это было чье-то дыхание — быстрое и легкое, как щелчки. По трубе шла крыса, привлеченная, несомненно, запахом кровоточившей плоти. А может, зверек был любителем прожаренной пищи. Отчего бы не ожидать от французского грызуна утонченности?

Крыса давала Мириам шанс — пусть ничтожный, но все равно это лучше, чем ничего.

Иди сюда, малышка, иди сюда, сладкая моя. «Крыс, обезьян, коров — всех можно поглощать с пользой для себя»,— так говорил Тутомон, ее наставник.

Крыса остановилась в нерешительности. Мириам ее не видела, но ясно слышала цоканье коготков и дыхание. Животное находилось слева от нее, где-то у ноги. Чтобы приманить его ближе к руке, Мириам начала шевелить пальцами.

Ей следовало открыть глаза, и она постаралась подготовить себя к этому. Кирпичи оказались так близко, что выглядели размытым пятном. У Мириам невольно вырвался сдавленный крик. Она прижалась затылком к трубе, затем, бросив взгляд налево вниз, разглядела любопытную мордочку. Вытянув руку, Мириам раскрыла ладонь, позволяя крысе подойти поближе.

Отдельные струйки воды, стекавшие по телу, превратились в мощные потоки. Если труба засорится, наверху заметят и, проверяя трубу, во что бы то ни стало выволокут Мириам отсюда, пусть даже по частям. Пощады не будет.

Тем временем крыса совсем близко подошла к пальцам. Благодаря своему тончайшему восприятию Мириам поняла, что крыса обнюхивает ее ладонь. Наконец животное решилось укусить холодную неподвижную плоть, привлекшую ее любопытство. Через мгновение грызун оказался в руке Мириам, крыса извивалась, тоненько вереща. Набрав в легкие воздуха, Мириам поднесла руку вместе с крысой ко рту и, мгновение помедлив, откусила визжащую голову.

Крысиная кровь на вкус оказалась удивительно хороша. Мириам почувствовала, что оживает. Но хватит ли ей сил выбраться отсюда?

Мириам подняла руки над головой; через какое-то время ее кости — гораздо более гибкие, чем у человека, можно сказать гуттаперчевые, уплотнятся еще немного, и она сможет проползти вперед на несколько дюймов. Однако, если проход хоть немного сузится, она попадет в ловушку.

Сердце забилось быстрее. Она напряглась — даже язык за рядом хрящей распух от усилий,— проталкивая свое

тело вперед по узкой щели. Безрезультатно. А затем... громкие голоса. Да, люди спустились под пол, обсуждают застой воды в трубе. Еще немного, и они обнаружат внутри странное искореженное существо, которое на их глазах медленно обретет прежнюю форму.

Как они станут ее убивать? Сожгут дотла, вобьют кол в сердце и оставят умирать в гробу в течение многих лет, а может, даже веков? Или разнесут ей голову в пыль, а затем растворят в кислоте?

Позвоночник пронзила острая боль, а в следующую секунду Мириам успешно продвинулась вперед. Она чуть не завыла от радости, освободившись из давящего плена.

Вода, которую она сдерживала, побежала шумным потоком и смыла ее измученное тело прямо в широкий канал. Здесь было гораздо светлее: свет проникал из щелей в потолке, прорезанных, как ей показалось, через равные интервалы.

Сил не было, даже чтобы сесть. Крыса оказалась для нее малопитательной, вскоре придется снова выйти на охоту. На этот раз ей нужно одолеть человеческое существо.

Мириам подтянулась на руках, чувствуя невыносимую боль во всем искореженном теле. Несколько минут спустя она сумела кое-как сесть. Чтобы посмотреть в щель, нужно было выпрямиться, но она не могла это сделать, пока кости не примут прежнюю форму. Мириам заставляла себя двигаться, чтобы ускорить процесс, мучительная боль пронзала позвоночник. Она кривила губы, шипела, подавляя крик боли, готовый вырваться из горла.

Тем временем поток, доходивший до колен, превратился в тихий ручеек. К удивлению Мириам, едкий запах воды исчез, сменившись ароматом пресного источника, бившего прямо под улицами Парижа. Повернувшись в ту сторону, откуда шел запах, она начала медленно идти, осторожно ставя одну ногу перед другой. Постепенно сводчатый тоннель расширился; слева и справа тянулись грязные берега, в воде плавали стайки крошечных рыбок,

похожие на маленькие бледные звездочки, они кидались врассыпную при ее приближении.

Это чудесное место не могло быть ничем иным, как древней рекой Бьевр, что текла под улицами огромного города по своему древнему каменному руслу. Когда наконец Мириам сумела прильнуть к щели, то разглядела мелькавшие автомобильные шины.

Ноздри Мириам дрогнули, улавливая запах чудесной свежести. Десять шагов, двадцать, и вот он, родник, весело булькающий прямо из-под земли. Кто-то в далеком прошлом соорудил над ним маленький грот и установил крест, сплошь покрытый теперь ржавчиной.

Она погрузилась прямо в воду. Боль немного утихла, и прохлада залечивала ожоги, чистая вода помогала ее крови бороться с инфекцией. Однако, чтобы ускорить этот процесс, ей следует подкрепиться. А сейчас Мириам лежала в журчащем потоке, изредка медленно переворачиваясь, позволяя воде очищать каждый дюйм ее тела, унося с собой обугленные частички кожи и обгоревшей плоти, а также скопившуюся в ранах грязь, оставляя только запах воды и чистого тела.

Высоко в стене прямо над ее головой находилась железная дверь, к которой вела узкая железная лестница. Дверь была в половину обычной высоты, с рычагом вместо ручки. Вскарабкавшись по лестнице, Мириам нажала на рычаг, который с шумом опустился. За дверью оказалось темное помещение, забитое гудящим оборудованием. Мириам сделала несколько шагов и замерла на месте, оглядываясь по сторонам. В отличие от сырости и холода, окружавших ее в последние часы, здесь было тепло и сухо. Ей даже стало жарко, хотя она понимала, что это всего лишь следствие резкой перемены температур. В помещении явственно ощущались запахи машинного масла, гари и множества электрических приборов. Судя по всему, это была котельная. Мириам хорошо разбиралась в котлах, и

особенно в топках. А данная система горячего водоснабжения напоминала ей ту, что была установлена у нее дома,— такая же надежная, с вместительной топкой.

За печью находилась дверь. Приложив к ней ухо, Мириам услышала по ту сторону шаги: кто-то неторопливо расхаживал, останавливаясь то здесь, то там. Затем зазвучала речь: мужской голос по-английски рассказывал о производстве гобеленов.

Когда она была в Париже последний раз, гобелены еще пользовались спросом. Как раз через улицу, напротив Замка Белой Королевы, находилась гобеленовая мастерская. Значит, она все еще действует, и теперь сюда пускают посетителей, даже проводят экскурсии.

Мириам повернула ручку двери. Заперта. Не важно. Люди так и не научились создавать замки. Подергав несколько раз, она сдвинула защелку. Мириам точно знала, кого ей нужно искать: женщину примерно ее роста, желательно без компании.

В плохо освещенном цехе среди огромных станков с натянутыми на них гобеленами бродили туристы, человек двадцать. Неслышно ступая, Мириам проскользнула за ближайший станок. По другую его сторону работала ткачиха.

Под рабочим халатом на девушке было надето что-то темное, Мириам не сумела разглядеть, что именно, скорее всего повседневное платье. Туристы подходили все ближе, еще минута — и они увидят эту работницу и остановятся, чтобы понаблюдать, как она управляется со своим станком.

Мириам подошла ближе, но девушка, сосредоточившись на работе, не обратила на нее внимания. Затем, почувствовав чье-то присутствие, она бросила взгляд в ее сторону, присмотрелась внимательнее, и рот у нее открылся от удивления. На лице ткачихи появилось выражение жалости, смешанное с ужасом, когда она поняла, что женщина, которую она видит перед собой, сильно обгорела.

Мириам сделала еще один шаг и покачнулась, словно собираясь упасть. Это заставило девушку невольно броситься к ней, чтобы помочь. Крепко обхватив жертву, Мириам утащила ее за станок, там она припала ртом к шее и в два глотка легко покончила с ткачихой.

Казалось, вся ее плоть взыграла от удовольствия, тело от макушки до кончиков пальцев покалывало словно от электрического тока, пока обновленная кровь циркулировала по сосудам, залечивая раны. Ее охватил такой пьянящий восторг, что Мириам как подкошенная упала на колени и, встав на четвереньки, задыхалась, сотрясаемая ощущением сродни оргазму. Одна волна накатывала за другой снова и снова — а голоса и топот тем временем становились все ближе.

Вытаскивая чахлое подобие тела из вороха одежды и протягивая руку к сумочке девушки, стоявшей на тумбочке рядом со станком, она услышала взрыв хохота. Видимо, гид рассказал нечто, позабавившее публику. Другие станки продолжали работать. Быстро-быстро Мириам натянула на себя одежду: черные джинсы, черный свитер, туфли, которые, к сожалению, совершенно ей не подошли, а сверху — синий халат. Шляпы не оказалось, а жаль, ведь пройдет еще какое-то время, пока у нее отрастут волосы.

— Ноэлль?

Экскурсовода разобрало любопытство, почему ткачиха покинула станок. Надо полагать, они хорошо друг друга знают.

— Ноэлль, чем ты занята? Где ты прячешься?

Мириам молчала. Откуда ей знать, как звучит голос Ноэлль? Если сейчас экскурсовод зайдет за станок, то увидит странное зрелище: скелет, покрытый кожей, а над ним — безволосое и безбровое существо с ярко-розовыми горящими щеками. Ожоги, вероятно, до сих пор хорошо видны, делая общую картину еще более гротескной. Мириам подобрала останки и смяла их. Раздавшийся треск был чудовищно громким.

— Ноэлль!
— Я ремонтирую станок!
— Кто это?
— Это я.

Экскурсовод продолжал рассказ, но его тон подсказал Мириам, что он вовсе не удовлетворен услышанным, ибо так и не понял, что происходит. Можно не сомневаться, через минуту гид пришлет сюда охранника.

Прячась за станками, чтобы ее случайно не заметили ни ткачи, ни туристы, Мириам быстро прокралась обратно к двери, скользнув за которую, вновь оказалась в котельной. Подойдя к печи и открыв решетку, она сунула останки внутрь. Надо же было так сглупить, оставив после себя в отеле *такую* визитную карточку? В этом новом мире агрессивных и умных людей еще одна подобная ошибка станет для нее последней.

Мириам огляделась в поисках выхода и увидела дверь с горящей над ней красной лампочкой и надписью «Sortie»*. Она поспешно покинула котельную и оказалась в тихом переулке. День клонился к вечеру, тени становились все длиннее.

Внимание Мириам привлекли необычные вспышки света на стенах и крышах домов соседней, начинавшийся за углом улицы, а также непонятный рев. Она осторожно двинулась вперед, понимая, что другого пути выбраться отсюда нет. Чем ближе Мириам подходила к концу переулка, тем ярче становились вспышки и рев звучал все громче. Теперь до нее доносились и запах горящего бензина, и треск пламени. Подойдя к углу, она тут же взглянула налево.

Замок Белой Королевы превратился в руины. Дом был покрыт сажей, зиял черными провалами окон, а крыша провалилась внутрь здания. Пожарище окружали десятки полицейских и пожарных машин. Повсюду толпились

* Выход (*фр.*).

жандармы. А свет шел вовсе не от фар их машин, а от разведенного посреди улицы костра, который поддерживали несколько человек с огнеметами. В начале рю де Гобелен возвели высокую баррикаду, чтобы ни один прохожий не мог увидеть, что здесь творится. Мириам поняла: обойти это препятствие ей будет нелегко. Стоит выйти на улицу, как она тут же привлечет к себе внимание полицейских, так старательно позаботившихся об ограждении этого места.

В центре костра красные блики пробегали по небольшой кучке костей. Это, конечно, Мартин, никто другой. Очевидно, людям достаточно известно о Властителях, раз они предпринимают чрезвычайные меры, желая убедиться, что вампир мертв. Один из полицейских, заметив ее, жестом дал понять: оставайтесь на месте, не подходите ближе. Он на секунду задержал на ней взгляд, потом отвернулся.

Люди в штатском, окружавшие костер, нисколько не походили на полицейских, и дело было даже не в отсутствии формы. Мириам внимательно вглядывалась в сосредоточенные лица убийц Властителей.

До нее донеслись обрывки разговоров: какой-то полицейский ворчал насчет переработки, один из убийц обращался к своему соседу, рассуждая о температуре огня. Затем, перекрывая все остальные голоса, прогремел голос долговязого начальника.

— Чтобы и угольков не осталось,— велел он,— до тончайшего пепла, а потом смойте его прочь с мостовой.

Значит, вот какая участь уготована ее сородичам: сначала их превратят в пепел, а затем смоют в канализацию.

В наступившей тишине заработал мощный насос. Мириам не отрываясь смотрела, как потоки воды, достигая ее ног, уносятся в канализационный люк. Вместе с ними исчезали обгоревшие осколки костей. Вода подхватила какую-то пуговицу, и Мириам успела заметить, что это была

пуговица от ее костюма; его пришлось скинуть, чтобы протиснуться в трубу.

— Excusez-moi, mademoiselle.*

К ней направился один из полицейских. Слегка улыбнувшись, он взял Мириам под руку, но сделал это очень осторожно.

— Я провожу вас.— Он увлек ее за собой и вдруг недоуменно заморгал, только сейчас обратив внимание на лысую голову женщины.

— Что случилось? — спросила Мириам, пытаясь переключить его внимание на другое.

— Какие-то бродяги подожгли дом. Имеются жертвы.

— Почему сожгли тела?

Полицейский пожал плечами.

— Так велело начальство. Кто его знает почему.

Мужчина, сопровождавший ее, шел расслабленной походкой, а лицо его выражало полное безразличие. Он явно ничего не знал о Властителях, а ее посчитал всего лишь за экстравагантную особу. А Мириам не могла оторвать взгляда от тех людей, кто знал о Властителях все.

Она подходила к ним все ближе. Какая-то женщина повернулась и посмотрела ей в лицо. Красивая особь, с распущенными по плечам светлыми волосами, но глазами черными как уголь и такими же острыми.

— Простите,— сказало существо по-английски с американским акцентом.

Мириам инстинктивно приготовилась к драке, ее мускулы напряглись под тесной одеждой. Ссадины и ожоги окончательно не зажили, и боль не отпускала ее, как будто кто-то неторопливо резал измученное тело тупыми лезвиями.

Блондинка прошла за ней несколько шагов.

— Pardonnez-moi,— произнесла женщина на этот раз по-французски. Испытывая заметное беспокойство и лю-

---

* Прошу прощения, мадемуазель *(фр.)*.

бопытство, она в то же время не знала, что предпринять,— значит, не была уверена в том, кто Мириам такая.

Но полицейский к тому времени успел довести ее до баррикады. Явно заинтригованный необычным обликом Мириам (к тому же он наверняка испытывал неосознанное влечение к Властительнице), мужчина вежливо поинтересовался, сможет ли она одна продолжить свой путь. Вместо ответа Мириам скользнула в редкую толпу зевак. Она шла не оглядываясь, не желая откладывать хотя бы на секунду избавление из смертельной ловушки.

Теперь, когда Мириам насытилась, все ее существо требовало *Сна*, и ей придется найти укромное и безопасное место на несколько часов беспомощности, которая придет вместе с этим долгожданным блаженным состоянием. Найти какой-нибудь отель и расплатиться кредитными карточками из сумочки этой женщины? Есть другая идея, получше. Она отправится на квартиру своей последней жертвы. Рискованно, конечно, но у нее были ключи и водительские права с адресом.

Впереди Мириам увидела стоянку такси. Небрежно взмахнув рукой, как это делают все парижане, она дала знак водителю подъехать. Ей еще предстоит как следует поработать над языком. Любой дурак запомнит женщину, которая говорит, как Вольтер.

Забравшись в такси, она открыла сумочку. Ноэль Галфф, улица Нордманн, дом тринадцать.

— Номер тринадцать по улице Нордманн,— глотая слова наподобие современной парижанки, произнесла Мириам.

Водитель скорчил какую-то странную гримасу, но все же тронулся в путь. Машина свернула за угол на бульвар Араго и остановилась. Нужный ей дом находился меньше чем в четверти мили.

— Я повредила ногу,— объяснила она, когда шофер затормозил перед симпатичной студией.

— Очень жаль,— откликнулся он, принимая деньги.

Кажется, на этот раз она не сплоховала. Таксист не заметил в ней ничего подозрительного. Наверное, безволосые головы не такая уж редкость среди парижанок, а возможно, и последний писк моды.

Пошарив в сумочке в поисках ключей, Мириам почти сразу обнаружила связку. Ключей оказалось четыре, и, вместо того чтобы расшатывать замок, она просто выбрала подходящий. В холле Мириам повернула ручку таймера, включавшего освещение. Под его гудение она несколько минут подбирала следующий ключ и наконец вошла в студию.

В центре просторного помещения располагался ткацкий станок, повсюду висели копии средневековых гобеленов. Должно быть, Ноэлль продавала их туристам.

— Эй! — громко позвала Мириам, но ответа не последовало.

Она прошла через студию в маленькую кухню, за которой находились такие же крохотные ванная и туалет. Спальным местом служила кушетка в углу комнаты.

Мириам обшарила ванную в поисках косметики, заодно пытаясь определить, сколько человек здесь живет — один или больше. Результат неутешительный: она нашла мужскую бритву, да и зубных щеток тоже было две.

Вдруг она заметила какое-то движение и, вглядевшись в темноту, различила странную темную фигуру. Мириам попятилась, подняв руки, готовая защищаться.

Но никто на нее не набросился. В доме слышалось только ее собственное дыхание, да мерно капала вода в подтекавшем бачке туалета.

Взгляд ее задержался на собственном отражении в зеркале. Мириам Блейлок так сильно изменилась, что ее нельзя было узнать. Голова лысая, лицо осунувшееся, глаза — черные впадины. Она поднесла палец к щеке, потерла кожу, которой полагалось быть розовой и мягкой, излучающей здоровье от недавно поглощенной жизни. Но

Мириам ожидал еще один сюрприз. Внешний слой кожи казался обугленным, по крайней мере на лице.

Плеснув воды в лицо, она вытерлась салфеткой. На белом полотне появились грязные разводы. Мириам быстро скинула одежду и осмотрела свое тело: оно пострадало гораздо больше, чем ей казалось. Глубокие ссадины обнажали воспаленную мышечную ткань. Бедра были содраны почти до кости.

Она приготовила ванну, с нетерпением наблюдая, как большая емкость наполняется чудесной горячей водой, источавшей душистый пар. Когда она залезла в ванну, копоть, приставшая к телу, изменила цвет воды, из голубой превратив ее в темно-серую с розоватым оттенком от кровоточащих ран.

Вскоре все ее тело покалывало, пока кровь ускоренно циркулировала, залечивая ссадины. Мириам закрыла глаза. Восхитительно. Как ей нужен теперь *Сон*! Как легко было бы теперь погрузиться в него, когда измученную плоть ласкает теплая вода.

Нет! Нельзя! Следует отыскать что-нибудь стимулирующее — кофе, таблетки, что угодно,— а еще найти паспорт этой женщины, позвонить в аэропорт и заказать билет до Нью-Йорка, потом отправиться в катакомбы и предупредить сородичей.

Она вылезла из ванны и направилась в кухню, где в аптечке обнаружила три бутылочки с пилюлями — витамины, травяное лекарство от простуды, какое-то противозачаточное средство. Ноэлль вела настолько здоровый образ жизни, что даже не употребляла простейших лекарств. Каждый раз беря себе юную чистую жизнь, Мириам невольно испытывала чувство бесполезной потери. Кстати, эта девушка чем-то напоминала ей Сару.

Мириам давно перестала названивать своей любовнице. Сейчас самое главное — добраться до дома. Она опасалась, что катастрофа успела перекинуться через океан и по этой причине телефон не отвечает. Неужели ей пред-

стоит увидеть свой прекрасный дом на Манхэттене в руинах, совсем как Замок Белой Королевы, а кости Сары — в костре? Сердце растревожилось такой глубокой печалью, что она испытала не обычный приступ гнева, а мучительные сомнения в собственной ценности, а заодно и ценности всех Властителей. Оглянись вокруг, мысленно велела она себе, посмотри, какая сложная жизнь протекала в этой студии, обрати внимание на чудесную ткань в станке, переливавшуюся на все лады в слабом уличном свете. Что это за книга на столике возле кровати, зачитанная, с загнутыми страницами,— ее Ноэлль читала перед сном. «Les Fleurs du Mal» — «Цветы зла»*. Мириам знала эти стихи, они ей тоже нравились.

Она вернулась к зеркалу. Вообще-то, лицо пострадало не так сильно. Чуть-чуть косметики здесь, чуть-чуть там, мазок блеска для губ — и она снова превратится в девушку. К счастью, у хозяйки студии хотя и не нашлось таблеток в аптечке, зато блеск для губ и другие важные мелочи были самого высокого качества. Мириам начала гримировать лицо, возвращая ему вид вечной молодости.

Но усталость брала свое. *Сон* затуманивал мозг, измученное тело тяжелело. Мириам мотнула головой, яростно сверкнув глазами. Хотя и нет таблеток, она все равно не станет погружаться в глубокий укрепляющий транс, свойственный их природе. Она не может, не должна! Хотя так много зависело от этого идеально глубокого, идеально совершенного *Сна*. Не важно, что тебе снилось. *Сон* не был похож на сны обычных людей: он очищал подвалы сознания, саму душу — если можно было предполагать ее наличие у вампира. Он обновлял, возвращал молодость, он творил чудеса. Когда ты пробуждался после него, вся жизнь начиналась сначала. Ты чувствовал себя абсолютно, идеально совершенным — и ты жил!

Но стоит ей *Заснуть* в этой студии — и ее обязательно схватят.

---

* Сборник французского поэта Шарля Бодлера (1857 г.).

9

ЖЕНЩИНА С НОЖОМ

Стены были выложены человеческими бедренными костями; черепа располагались выше. Пол Уорд имел представление о катакомбах Данфер-Рошеро, но весьма смутное, как о нелепом аттракционе, привлекавшем туристов определенного сорта — скажем, любителей фильмов ужасов. За десять франков им предоставлялась возможность провести сколько угодно времени среди костей семи миллионов парижан.

— Что это за запах? — поинтересовалась Бекки.

— Возможно, здесь спрятали свежий труп.

— Спасибо, Чарлз.

— Здесь никогда не хоронили тела. Одни скелеты,— пояснил полковник Бокаж.

Тем не менее в катакомбах улавливался определенный запах, и Пол осторожно потянул носом. Всей команде было хорошо знакомо зловоние вампиров — кислый сухой запах немытой кожи и ужасающая вонь их выделений, состоявших из мертвой человеческой плазмы.

К их команде присоединились лейтенанты Райнар и де Роше: Райнар, алжирец, раньше служил в иностранном легионе, де Роше, серьезного вида мужчина не без чувства юмора, обладавший, как показалось Полу, огромной физической силой, когда-то был офицером группы захвата Национальной жандармерии, элитного французского подразделения по борьбе с терроризмом. Их посылали выполнять задания, когда не нужны были пленные, только трупы.

Это были последние члены группы Бокажа. Набор новых людей представлял для полковника, как и для Пола, большую трудность. Кандидаты должны обладать отличными характеристиками, ведь им предстоит иметь дело с государственной тайной, а найти таких людей чертовски трудно.

Команда молча шла вперед мимо бесконечных рядов костей. Пока что они находились на туристской территории.

— Ни зубов тебе, ни нижних челюстей,— заметил Чарли.

— Зубы продавали пуговичникам, чтобы финансировать реставрацию пещер,— пояснил де Роше.

— Легально?

— Для того времени, возможно, да,— в разговор вступил полковник,— хотя, должен признать, политически это было не совсем корректно. Впрочем, вся старая Франция отличалась политической некорректностью.

— Смотрите, мадам де Помпадур,— Бекки указала на табличку.

— Кто такая? — поинтересовался Чарли.

— Исполнительный секретарь короля Людовика Пятнадцатого,— сказал Райнар.

— И любовница, разумеется,— добавил Бокаж.

— Как она здесь оказалась?

— После революции кости аристократов больше не считались священными.— По тону Райнара можно было догадаться, что он не одобряет революции. Подобно многим военным, принимавшим участие в чрезвычайно сложных военных операциях, он придерживался ультраконсервативных взглядов.

— Остановимся на секунду.— Де Роше проверил их местонахождение, воспользовавшись картой на экране ноутбука Palm Pilot. Система подземных лабиринтов была еще более разветвленной, чем легендарная парижская канализация. Карта, составленная Генеральной инспекцией каменоломен, охватывала две с лишним сотни миль взаимосвязанных тоннелей и шахт. По приблизительным подсчетам, это составляло две трети от общего количества подземных ходов. Остальные — в основном древнейшие карьеры — либо находились в стороне от основного лаби-

ринта, либо соединялись очень узкими проходами, куда не мог проникнуть ни один человек.

Учитывая опасность, грозившую любому посетителю тоннеля, карты составлялись с помощью наземных радаров и локаторов, поэтому грешили неточностями. Несмотря на это обстоятельство, Пол вместе со своими агентами, Чарли и Бекки, всю ночь потратил на их изучение. Каждый из них выучил наизусть определенный сектор лабиринта, и до самого рассвета они проверяли друг друга в знании изгибов и поворотов, тупиков и неожиданных перекрестков.

Они зашли в глухой тоннель, перекрытый решеткой с табличкой «Entrée Interdite»*. За прошедшие сто лет префектура зарегистрировала шестьдесят исчезновений в катакомбах. Цифра невелика, но всех пропавших видели в последний раз неподалеку именно от этого места. Отсюда команды Бокажа не раз начинали свои операции по уничтожению вампиров.

— Внимание,— предупредил Бокаж,— мы вступаем в зону чрезвычайного риска.

Райнар открыл алюминиевый чемодан, который нес всю дорогу, и распределил между членами команды бронежилеты, изготовленные из кевлара.

— Помните, они мастерски обращаются с ножом, и тот летит почти со скоростью пули.

Пол вспомнил одного индийского вампира, который убил Лена Картера, метнув нож с такой силой, что лезвие, пройдя сквозь тело, попало в Бекки, стоявшую сзади в десяти футах. Не отверниись она в ту секунду, ее сонная артерия оказалась бы перерезанной. Потом девушке наложили на шею тридцать швов.

Бокаж раздал пистолеты, каких Полу еще не доводилось видеть.

---

* Вход воспрещен (*фр.*).

— Прицела нет, потому что лазерные прицелы бесполезны. Вампиры способны видеть их и сразу разбегаются. При нажатии курка сразу вылетает пять патронов из пятнадцати, и каждый разлетается на миллионы крошечных кусочков. Один выстрел — и вот уже все в радиусе пяти метров больше напоминает пыль. И, прошу вас, не забывайте, каким бы тяжело раненным ни показалось вам это существо, оно лишь оглушено. Держитесь подальше от его рта и сразу же надевайте на него пластиковые наручники. Ясно?

Команда знала процедуру наизусть, но все внимательно слушали полковника. Профессионал никогда не упустит случая лишний раз подучиться. Может быть, проведенный в очередной раз инструктаж ускорит их реакцию в нужный момент на какую-то сотую долю секунды и спасет чью-то жизнь.

Заплатив десять франков, Мириам вошла в катакомбы. До этого она целый час провела в галерее Лафайетт, где приобрела повседневную одежду и парик, так что теперь мало чем напоминала ту, что проходила вчера вечером мимо Замка Белой Королевы. О вчерашнем испытании свидетельствовали лишь воспаленные красные участки кожи кое-где на теле; кроме того, правая нога еще плохо сгибалась. Но эта жующая жвачку девица с коротко остриженными черными волосами не имела почти никакого сходства с бледным изможденным страшилищем, каким она была еще двенадцать часов тому назад. Мириам превратилась в гибкую красавицу с невинными, широко распахнутыми глазами, трогательным золотым крестиком на шее, которая прожила восемнадцать или двадцать лет под крылом у родителей. Любому мужчине захочется взять нежное создание под свою опеку. А тот, кому удастся каким-то образом добиться расположения столь милого дитя, не удивится, услышав: «Но я же девственница».

Двигаясь быстро и осторожно, как кошка, Мириам спустилась по винтовой лестнице в усыпальницу. Туристская карта, полученная вместе с билетом, охватывала только подземное кладбище, но ей были известны древние знаки, указывавшие путь от туристского маршрута к логовам, а кроме того, к Святилищу, где хранилась «Книга Имен».

Она намеревалась предупредить Властителей и, разумеется, забрать с собой их «Книгу Имен». Наплевать ей на их чувства. Если они окажут сопротивление, она готова драться.

У подножия лестницы стояли двое посетителей. Мириам тут же сменила походку, превратившись в обычную девушку, разве что немного нервную. Туристы были из Германии — раскормленная парочка, отведавшая, судя по запаху, ветчины на завтрак. У мужчины были уродливые узкие вены, зато сонная артерия его спутницы радовала глаз. Просто лакомый кусочек.

Мириам принюхалась к слабому ветерку, потянувшему из коридора. Нет, чудесных, безгранично тонких ароматов соплеменников он не принес. Каждый Властитель или Властительница обладали собственным неповторимым запахом, и сейчас Мириам больше всего жаждала вдохнуть испарения кожи крепкого мужчины се племени сразу после того, как он насытился, когда его собственный аромат дополнился нежным благоуханием свежей человеческой крови.

К неприятному запаху супругов добавлялся довольно сухой аромат пыльных костей. Расширив ноздри, Мириам снова втянула воздух. Разумеется, в тоннеле находились и другие люди, от них несло едой, духами и потом. Она продолжала искать новые запахи, отфильтровывая те, которые уже определила. Теперь пахло какой-то экзотической едой, восточными специями, смешанными с запахами кожи и выкуренных сигарет,— наверняка туристы из Азии. Мириам хорошо помнила Париж еще в те вре-

мена, когда здесь не было никаких катакомб, набитых костями и зеваками. В те дни вся система подземелий была вотчиной Властителей. Тогда можно было подняться по какой-нибудь тайной лестнице прямо на улицу, утащить жертву вниз и спокойно ею насладиться. Жизнь парижских Властителей в те времена была более чем приятной.

Она вошла в коридор. Один взгляд, брошенный на карту, позволил ей точно вспомнить количество шагов, которые ей предстояло сделать в каждом из ответвлений лабиринта. В детстве Властителей обучали специальной размеренной походке, поэтому Мириам точно знала, сколько дюймов она преодолевает с каждым шагом независимо от скорости движения. Теперь она выискивала взглядом заветный ход, что вел из лабиринта в глубокие шахты. Были и другие ходы, но нужно было выбрать именно этот, показав тем самым, что ты посвящен в тайну. Стоило пойти по любому другому тоннелю, и тебя примут за человека.

Мириам знала, что ход помечен большим, достаточно заметным крестом, узнать его истинное предназначение очень сложно... если ты не принадлежишь к племени Властителей. Удостоверившись, что рядом никого нет, Мириам пустилась бегом. Вот череп мадам де Помпадур, отвратительной, провонявшей кислым молоком кривляки, которой неизвестно как удалось завладеть сердцем одного из последних Людовиков, надменного пустоголового типа. Мадам де Помпадур, как же! Ее настоящее имя было Жанна Пуассон — Дженни Рыба. Филипп Вандомский пылко набрасывался на эту придворную даму и занимался с ней любовью, как кролик. Мириам не раз доводилось наблюдать за подобными развлечениями знати.

Мириам побывала здесь в начале восемнадцатого века с... кто же это был?.. кажется, Лулли. Да, бедняжка Луллия, доживавшая тогда последние дни, как безумная меняла напудренные парики и густо мазалась свинцовыми белилами.

Так, еще один поворот — и вот он, большой крест. Мириам взглянула на него, сфокусировав зрение таким образом, что ей стали видны рельефные фигуры, остававшиеся незаметными для человеческого глаза. Теперь, как гласили правила, она должна была произнести заветное слово на прайме, чтобы открыть в стене тайный ход. Это слово также даст знать Властителям внутри, что она идет к ним. Мириам набрала в легкие побольше воздуха и испустила крик. Вибрирующее эхо разнеслось по всем коридорам. Теперь, вспоминала она наставления, назови свое имя и трижды коснись левой перекладины креста.

Потайная дверь распахнулась. За ней была абсолютная темнота, из глубины доносился запах многочисленных нор.

— Стойте!

Все замерли.

— Не шевелиться! — велел полковник Бокаж.— Слушайте.

Снова прозвучал какой-то звук, настолько низкий, что воспринимался скорее как ощущение.

— А это не метро? — спросила Бекки.— Может быть, мы как раз под тоннелем метрополитена.

Обняв девушку за плечи, де Роше наклонился к ней и чуть слышно прошептал:

— Это вампир.

Отряд остановился в одной из галерей с низким потолком. Здесь пахло сыростью и летучими мышами. Бекки направила луч фонаря на камень с вырезанными на нем словами: «Merci à Dieu, m...»* Буквы имели старинное начертание, надпись обрывалась на полуслове, словно у резчика кончились силы, или свет, или время.

— Слушайте... вот опять.— Чарли оглянулся.

Очень зловещим был этот звук! Пол уже слышал нечто подобное — в Осаке, Бангкоке... Еще мальчишкой он ис-

* Слава Богу (*фр.*).

путанно вздрагивал, когда это низкое урчание смешивалось с криком сов и лисьим тявканьем.

В наступившей тишине раздавалось лишь людское дыхание да суетливое шуршание крыс. Где-то капала вода — похоже, чуть дальше находился подземный пруд или даже небольшое озеро.

— Погасите фонари,— велел Пол.— Переходим на приборы ночного видения.

Его спутники принялись шумно распаковывать снаряжение, доставая специальные очки. В них можно было видеть футов на пятьдесят, а дальше наступала такая густая тьма, что уже никакие приборы не помогали.

— Если хотите, включите инфракрасное освещение,— обратился к своим подчиненным Бокаж, и голос его звучал так мягко, словно он произносил слова любви.

— Согласен,— ответил Райнар.

Кто-то крепко впился пальцами в плечо Пола. Это была Бекки, она уставилась неподвижным взглядом в глубину длинного наклонного коридора. Никаких сомнений, там кто-то шевелился.

— Вампир,— пробормотал Бокаж.

Пол разглядел высокого элегантного мужчину, очень подвижного. В ту секунду, когда зажегся инфракрасный луч, фигура исчезла.

Ее соплеменники перекликались друг с другом, сообщая, что за ограждение проникли люди. Голоса Властителей звучали спокойно, и от этого у Мириам перехватывало горло, а в голове лихорадочно стучало: *неужели вы не понимаете, неужели до сих пор не догадались?*

У нее была карта склепов, но лабиринт, начинавшийся за ними, там указан не был. Пришлось ориентироваться по запахам и звукам, почти не полагаясь на зрение. Не прошла она и десяти шагов, как вокруг нее сомкнулась кромешная тьма. Теперь пришлось идти вслепую, доверяя в выборе направления только собственному чутью и слуху.

До нее до сих пор доносилось дыхание туристов, осматривавших склепы, их редкие приглушенные разговоры. Видимо, было нечто в самой атмосфере этого места, что заставило их притихнуть, словно духи умерших требовали тишины.

В низком тоннеле, уходившем куда-то вглубь, появилось слабое красновато-пурпурное свечение. В первую секунду Мириам не поняла, что это такое, а потом разглядела примерно на расстоянии пятидесяти футов одетого в черное Властителя. Он наблюдал за свечением, которое не было равномерным, оно то усиливалось, то таяло где-то в дальнем конце тоннеля.

Стоило Мириам почувствовать сильный мужской запах, как по ее телу пробежала дрожь.

— Я, Мириам, приветствую тебя,— пробормотала она на прайме.

Он молниеносно обернулся. Теперь она увидела лицо Властителя, а необычное свечение продолжало мерцать за его спиной.

— Я, Юриел, носящий теперь имя Анри, приветствую тебя.— Он наклонил голову.

Мириам отвесила глубокий поясной поклон, как того требовал официальный этикет от гостя, каковым она сейчас являлась. Властитель подошел совсем близко и длинными пальцами приподнял ее лицо за подбородок.

— Я пришла, чтобы представиться Высокому Собранию,— добавила Мириам, все еще придерживаясь размеренной официальности прайма.

Ее собеседник переключился на французский.

— Тебе нужен ребенок, Мириам? Или муж?

— И то и другое,— ответила она.

Анри улыбнулся.

— Полагаю, ты все еще живешь в Нью-Йорке, в огромном доме со своими чудесными маленькими любимцами.

В его голосе не чувствовалось осуждения. Смеет ли она надеяться?..

— Да,— осторожно ответила Мириам, потупив взгляд, как требовали хорошие манеры.

— И как только ты выносишь их запах?

Словно послышался звук пощечины — он презирал ее не меньше остальных. Сначала Мириам попыталась скрыть свое разочарование, но потом подняла взгляд. Будь она проклята, если станет выказывать уважение этому мужчине.

— Что за свечение? — холодно спросила она.

Свет становился определенно ярче, теперь она смогла различить стены тоннеля и даже узкое суровое лицо Анри.

— Пустяки.

Мириам отбросила хорошие манеры и принялась откровенно его разглядывать. Мартин Суль при их последней встрече был в таком ужасном состоянии, что мог вызвать только отвращение. Анри, напротив, не казался ей столь отталкивающим. Пусть он грязен и плохо одет, зато у него великолепное тело. Мириам ощущала его силу, а мысль оказаться в его объятиях была очень даже соблазнительной.

Анри, в свою очередь, молча рассматривал ее с вниманием ювелира, оценивающего драгоценный камень.

— Значит, это правда,— наконец произнес он.

— Ты о чем?

— Ты красавица, каких не сыскать во всем свете.

Его пальцы осторожно и нежно трепетали, очерчивая линию ее губ, и в Мириам вспыхнуло желание. Она уже представила, как лежит под ним абсолютно, восхитительно беспомощная, а он рыча вторгается в ее тело, как распалившийся лев. Она примет его, как раскрывшийся цветок, а потом будет рабски прислуживать ему, преклонять перед ним колена.

Мелькнула яркая вспышка, и теперь Мириам различила мерную поступь... она прислушалась... шести пар ног. Человеческие шаги!

— Этот свет... это же люди, разве нет?

— Ерунда. Не обращай внимания.

— Там люди?

Он не сводил с нее взгляда.

— А ты прямолинейна, как мне и говорили.

— Люди опасны.

— Не будь смешной.

— Ты, конечно, знал Мартина Суля?

Анри кивнул.

— Он умер.

— Вот как? — В его голосе послышался интерес.— С чего это Мартин решил вдруг умереть?

— Его сожгли! Они и нас всех сожгут!

Лучи появились как злобные призраки, всего их было шесть, и все яростно светили из глубины тоннеля. Анри обернулся и, слегка улыбнувшись, произнес на безукоризненном современном французском:

— Вам тут делать нечего.

Пол с шумом выдохнул, когда увидел его. До сих пор ему не попадался подобный экземпляр — такой большой и, судя по всему, сильный. В Азии они все были помельче и прятались в глубине своих нор.

— Их двое,— лаконично сообщил Бокаж.

И тогда Пол заметил, что за спиной высокого вампира, одетого в затертый костюм пятидесятилетней давности, прячется существо женского пола. Оно отпрянуло в тень, но выглядело тоже как человек... совсем как та путешественница. Создание двигалось со скоростью и грацией пантеры.

— Mon Dieu*,— произнес де Роше.

— Женщину видели?

— А лицо... такое... странное.

---

* Боже мой (*фр.*).

Пол не видел лица, но это его не волновало. Мари Толман мертва. Он поднял оружие и выстрелил, так же поступили и все остальные.

Грохот раздался оглушительный; в лицо ударил резкий воздушный поток, так как деться ему в узком тоннеле было некуда. Адский шум сопровождался ослепительной зеленой вспышкой, за которой последовало глухое металлическое эхо от врезавшихся в стены тысяч металлических кусочков.

Тишина. Сорвав с головы прибор ночного видения, Чарли включил фонарик и осветил белым, пронзительным, как лазер, лучом густую пыль, наполнившую теперь тоннель.

— Non!* — закричал Бокаж.

Из пыльной тучи вылетел нож, брошенный с нечеловеческой силой и потому промелькнувший, как вспышка молнии. Луч фонарика качнулся, затем как безумный заметался по стенам и в конце концов упал на пол. Через секунду уже ничего не было видно, кроме тусклого желтого свечения в густой пыли. Из горла Чарли вырвался какой-то странный звук, почти до смешного напоминавший свист игрушечного паровоза. Вскоре он перешел в захлебывающийся кашель. Чарли, охваченный судорогой, упал на спину и ударился о землю головой, раздался треск, словно разбилось яйцо.

Де Роше склонился над поверженным телом. Бекки давилась от судорожных рыданий, пока ее дрожащие пальцы охватывали рукоять. Как вытащить нож, застрявший в шее человека?

Прогремел еще один выстрел, на этот раз из оружия Райнара. Затем Бокаж выпустил еще два заряда. Пол испытывал то состояние спокойствия и ясности ума, которое всегда охватывало его в подобные минуты. Сердце сжимала боль из-за гибели Чарли, но он никогда не пре-

* Нет (*фр.*).

кращал сражаться, как бы ни было тяжело у него на душе. Он внимательно вглядывался в пыльное облако, надеясь заметить хоть какое-то движение. Еще один нож, нацеленный на Бекки! Пол увидел, как он скользит по воздуху, как лист во воде, прямо к ее шее. Он схватил девушку за волосы, и та рухнула наземь, а нож со звоном и лязгом ударился о стену тоннеля.

Из желтого тумана донесся слабый звук, в котором безошибочно угадывалось изумление.

В Мириам всколыхнулась целая буря чувств: она испытала ужас при виде того, как Анри разнесло в клочья, и страх, что следующий выстрел убьет ее, но сильнее всего было... изумление. Ее поразил поступок одного из людей, а еще больше — то чувство, которое он у нее вызвал.

Этот мужчина, всего лишь жалкий человек, двигался с быстротой и грацией Властителя. Хотя... в людской конституции не было ничего, что позволяло бы им проделывать подобное. Прибегнув к методу селекции, Властители специально культивировали физические ограничения людей, но у этого экземпляра они определенно отсутствовали.

Она сумела разглядеть его по-своему красивое, отнюдь не примитивное мужественное лицо и испытала не обычное влечение, охватывавшее ее при виде человеческой красоты, а мощное безудержное желание. Мириам хотела оказаться под ним, изнемогая и задыхаясь от вожделения: пусть он обладает ею с неистовым пылом! Ее тело терзалось и молило о нем, словно он был самым сильным и красивым среди Властителей, когда-либо существовавших на земле.

Бросившись в конец коридора, Мириам свернула за угол и прижалась к стене. Чуткий слух уловил неизменную капель, крысиный шорох, приглушенные голоса соплеменников из глубины. Перекликаясь, они спрашивали друг у друга на смеси французского и прайма: «Что это было? Есть основания для беспокойства?»

Там, внизу, на конклав собралось много Властителей. Но тот человек... он пройдет по лабиринту, сея смерть. Никто не сможет устоять против такого оружия, какое имеется у него и его команды, и при такой скорости его реакции.

Где-то далеко сзади прогремело эхо еще одного взрыва, за которым последовал ужасающий звук — еще одного Властителя разорвало на куски.

Сворачивая то направо, то налево, Мириам углублялась в катакомбы. Вскоре капель усилилась, вода уже бежала маленькими ручейками, и Мириам даже забеспокоилась, не найдет ли она Святилище затопленным.

Каждые несколько минут позади раздавался ужасный рев, за которым следовала серия взрывов послабее. Люди, ведомые внушавшим страх, прекрасным в своей ненависти предводителем, двигались по лабиринту, наверняка имея тщательно продуманный план. Что касается Властителей, то постепенно их злоба и ярость нарастали, один за другим они пытались атаковать бесстрашную команду. Но... раздавался орудийный грохот, а затем далекий глухой стук падения тела.

Наконец Мириам оказалась в просторном зале, который явно не был творением людских рук. Четкие линии стен, изящный свод говорили о том, что здесь поработал мастер намного искуснее человека. С земли к потолку поднимались сталагмиты, напоминая волшебный лес.

— Я, Мириам, прошу позволения участвовать в конклаве.

Поначалу никто не ответил. Затем свет на секунду закрыла чья-то бесшумная тень.

— Я Джулия, называвшаяся когда-то Неф-та-ту.

Мириам не видела Джулию со времен расцвета, когда их соплеменники правили в Египте. Тогда она была прелестной, как лань, нежной и румяной, как сорванное с дерева яблоко. Что общего между той красавицей и суще-

ством, сплошь покрытым коркой тысячелетней грязи, на темном лице которого жили только глаза?

Джулия небрежно сунула «Книгу Имен» под мышку.

— В пещеры проникли люди. Целая банда.— Мириам старалась говорить спокойно.— Они нас убивают.

Джулия внимательно смотрела на нее.

— Как им это удается?

— У них есть оружие.

— Мы быстрее, чем их руки. Мы можем отойти в сторону, прежде чем они нажмут на курок.

— Это оружие не оставляет места для отступления, выстреливая массу крошечных пуль, которые разрывают Властителей на части. Люди пришли сюда, чтобы забрать «Книгу».— Мириам улыбнулась.— Отдай ее мне.

— Не отдам. Ты нечестивица.

— Если они доберутся до вашей «Книги», всем Властителям будет грозить опасность.

— Люди не получат нашей «Книги».

— Они будут здесь через несколько минут.

— В этом зале прошло три тысячи собраний. Его строил еще мой дедушка — в те времена, когда люди были покрыты шерстью.

— Вечная память тем временам.

— Люди тогда были кислые на вкус. Теперешние гораздо слаще.

Раздался еще один оглушительный выстрел. К ужасу Мириам, совсем близко. Настолько, что можно было увидеть вспышку.

— Пора уходить отсюда, нельзя терять ни минуты.

— Что такое минута или столетие? Ты нарушила все приличия, Мириам, и потеряла наше уважение. Об этом все говорят. Я помню тебя с детства, ты была таким славным ребенком.

— Этим воспоминаниям три тысячи лет, Джулия! Мы сейчас находимся в другом времени, и эти люди вооруже-

ны не бронзовыми кинжалами. Разве ты не поняла? Они своими ружьями разрывают Властителей в клочки.

— Они потеряются. Лабиринт устроен гораздо хитрее, чем способен разгадать человеческий ум.

— Так было еще сто лет назад. Но сейчас у них есть специальные карты и портативные локаторы. Они обучены нас убивать. Они истребили всех наших в Азии и захватили их «Книгу Имен».

— Азия далеко.

— В нескольких часах лета! Я побывала в Бангкоке пару дней тому назад.

— У тебя непоседливая душа, как у человека, вечно ты мотаешься по свету.

Мириам услышала голоса. Еще несколько мгновений — и люди будут здесь!

— А тебе не кажется странным, что ты пришла одна в назначенный час? Где остальные? Как ты это объяснишь?

— Не устраивай мне допрос. Все идет своим чередом. Что изменилось, чтобы помешать конклаву? Ничего.

— Все изменилось.

— Нескольким человеческим особям не изменить ход нашей жизни.

Мириам увидела в глубине чьи-то тени — там осторожно крались четыре человека.

— Здесь есть освещение,— проговорил высокий сильный человек, ступив в серый свет древних ламп.— Взгляни-ка — электропровод!

Мириам осторожно увлекла Джулию в тень. Теперь люди находились в дальнем конце зала, всего в какой-то сотне ярдов.

— Как отключить свет? — шепотом спросила она у Джулии.

— Свет всегда включен во время собрания. Таковы правила.

— О каком собрании ты говоришь? Нас сейчас убьют. Выключи свет.

Джулия вырвала руку из ее пальцев и не спеша направилась в центр зала. На секунду люди замерли.

— Джулия!

— Мириам, они только...

Послышались щелчки, зловеще разнесшиеся по всему залу. Оставались мгновения.

— Джулия, беги!

Та обернулась, улыбка на ее лице говорила о том, что она считает свою старую подругу ничтожеством.

Высокий мужчина поднял оружие, его примеру последовали остальные. Мириам всматривалась в их неподвижные лица с горящими от ярости глазами.

Прогремели выстрелы — и Мириам сама ощутила горячую острую боль от осколка, разрезавшего ей бедро. Всего несколько выстрелов заполнили все пространство огромного зала смертоносными кусочками свинца!

Джулия, истекая кровью, осторожно опустила «Книгу» на землю и сама присела возле звенящего сталагмита, темная, окровавленная Венера. Снова прогрохотали выстрелы, и на этот раз голова отскочила от тела, на лице Джулии промелькнуло выражение легкого удивления, не больше.

— Там прячется еще один,— послышался чей-то голос.— Вон тень за сталагмитом. Это вампир.

Мириам поняла, что не должна терять ни секунды. Но «Книга»... она все еще лежала возле истерзанных останков Джулии. Всего несколько локтей от Мириам, но прямо на линии огня.

Темно-коричневый переплет из древней, пережившей века человеческой кожи. На обложке изображен древний знак Властителей, символизирующий гармонию природы и гармонию закона, известный среди человеческого племени как анк. Мириам поняла, что должна первой добраться до «Книги» и завладеть ею. Но для начала придется заняться проклятым освещением. Медный провод, закрепленный на изоляторах, проходил в нескольких футах над ее

головой. Что касается аккумуляторов, то они черпали энергию из самой земли и были очень мощные — одним словом, ничем не походили на те, какими пользовались люди.

Чтобы выключить свет, ей придется встать прямо, протянуть руку к проводу и оборвать его. Наверняка ее как следует тряхнет электрическим током. И если она не будет действовать проворно или не сможет вовремя отпустить провод, то сгорит изнутри, а на лечение такой травмы уйдет несколько недель. Но у нее не будет столько времени — через несколько мгновений люди окажутся рядом, и она закончит свои дни у них на глазах.

Мириам была надежно укрыта за одним из сталагмитов, но раздались выстрелы, и от поднявшегося грохота зал загудел словно колокол. Властительница осталась цела.

— Рассредоточиться,— громко приказал предводитель убийц ледяным тоном.

Они стягивали кольцо вокруг нее, ведомые этим необыкновенным человеком, чье лицо было таким решительным, таким ужасным в своей ненависти, что Мириам невольно подумала: его чувства завершили полный цикл, он так сильно ненавидел Властителей, что уже почти любил их.

Мириам протянула руку к гудящим проводам.

Послышался гул, сдавленный крик, и освещение погасло.

— Черт,— выругался Бокаж.

Пол опустился на четвереньки.

— Книга...— прошептал он.

— Да забудь ты эту проклятую книгу, включи лучше фонарик,— прошипела Бекки.

— Воспользуйтесь прибором,— нашелся де Роше.

Но времени не было, Пол это понимал.

— Прикройте меня,— сказал он, бросаясь вперед.

— Каким образом? — спокойным тоном спросил Бокаж.

Уорд пополз два, три фута, затем пять, десять. Он слышал, как его товарищи надевают приборы ночного видения. Инфракрасные лучи в данном случае не годились. Вампиры способны их различать. Вдруг он ощутил под пальцами гладкую поверхность переплета и, вцепившись в него, сразу понял, что книгу держит кто-то еще.

Это существо было там, прямо перед его лицом, но Пол не мог его видеть. Он мог только ощущать его запах... но отнюдь не зловоние вампира, а какой-то неведомый ему аромат — сильный, сложный и чертовски соблазнительный.

Существо зарычало, как рычат вампиры, но для ушей Пола это был самый нежный и в то же время смертоносный звук, который он когда-либо слышал. Существо оказалось явно сильнее его, он это сознавал, но не собирался отпускать книгу.

— Я знаю, ты меня понимаешь,— сказал он.

В ответ послышалось только дыхание, мягкое и трепетное, как стая бабочек. Пол невольно подумал: «Она тоже напугана... вампир, а знает, что такое страх».

Она вырвала книгу прямо у него из рук. Уорд тут же накинулся на нее, как коршун, и услышал, что книга упала на землю. И снова она зарычала, но теперь в этом звуке смешались удивление и неприкрытая ярость. Пол почувствовал, что он не один борется с вампиром. К нему на помощь пришла Бекки. Вцепившись в руки этого существа, она пыталась повалить его.

Шея вампира, казалось, сделана из стали. Полу никак не удавалось сжать ее, а ведь руки у него были сильные. Он продолжал борьбу, не различая лица перед собой, оно мерцало в темноте, словно луна. От его противника пахло женским потом и... духами. Да, это существо пользовалось духами. Что, черт возьми, здесь происходит?

— Дайте свет! Свет!

Пол оглядел пустую пещеру, и его захлестнула волна ярости и досады. Он потерял проклятую книгу! Цена такой потери — годы работы и сотни человеческих жизней. Тут он почувствовал, как его касается прохладная рука девушки. Повернувшись, он поразился ее сияющему, победоносному виду. Бекки протягивала ему книгу.

— Отлично,— выдохнул он.

Девушка придвинулась ближе, глядя на него проникновенным немигающим взглядом и чуть раскрыв губы.

Черт... не здесь и не сейчас!

— Мы еще догоним эту тварь,— сказал он, невольно делая шаг назад.

— Она ушла.— отозвался Бокаж.

Повернувшись, Пол сделал несколько шагов в кромешную тьму.

— Пол! Пол, не надо!

Уорд исчез.

10

ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Пол бежал по узкому коридору, едва ли не задевая головой потолок; время от времени он зажигал фонарь, чтобы не пропустить ни одного бокового хода и не врезаться в стену. Чувство страха — возможно, впервые человек оказался в логове кровожадных тварей — мало беспокоило его. Мысленно Уорд уже не раз вернулся к недавним событиям, пытаясь составить целостную картину. Та женщина... нежная и одновременно обладающая необыкновенной силой. Ее прикосновение воспламеняло и в то же время вселяло ужас. Он не видел лица, но знал наверняка, что оно красиво, возможно очень красиво. Ноздри щекотал витавший в коридоре запах ее тела, смешанный с духами «Арпеж». Ему хотелось вымыться, избавиться от этого запаха... и в то же время — удержать странный аромат навсегда.

Пол знал, что самое главное — сохранить в целости книгу, но еще он должен — *просто обязан!* — убить этого вампира! Никогда прежде он не испытывал столь сильного желания расправиться с чудовищем, которое спокойно ходит по городским улицам, выдавая себя за очаровательную женщину.

Он замер на месте: коридор перед ним разветвлялся — направо тоннель круто шел вверх, налево, наоборот, уходил вниз,— затем посветил фонарем сначала в одном направлении, потом в другом. Издалека донесся голос Бекки:

— Пол! По-о-ол!

В голосе девушки было столько тревоги... но он не мог ответить. Если ждать, пока здесь появится его команда, пройдет по меньшей мере две минуты, а сейчас нельзя терять ни секунды.

Пол снова прислушался, закрыв глаза и приставив ладони к ушам. В тоннеле, уходившем вверх, стояла тишина, из другого, наоборот, доносились всевозможные шумы — бормотание, шарканье, тревожная перекличка невнятных голосов.

Проверка оружия не отняла много времени, оно было заряжено, а в рюкзаке, который ему дал Райнар, Пол обнаружил еще три обоймы. Отличная штуковина, превращает тварей в кровавые брызги. Держа ладонь на удобной рукояти, Пол шагнул в коридор, который почти отвесно уходил вниз. Вскоре при свете фонаря он начал различать вырезанные на стенах латинские надписи. Над ним на поверхности земли, должно быть, находились Арены Лютеция, здесь римляне добывали камень для их постройки. Впрочем, последнее предположение Пол через некоторое время отверг — слишком ровными казались эти стены, а орнамент на них удивлял своими прихотливыми изгибами, какие не могли родиться в воображении человека.

Уорд попал в царство вампиров, созданное бессчетное количество лет тому назад. Когда этот тоннель строился, люди, вероятно, все еще обитали в пещерах.

Итак?..

Если вампиры были настолько развитым сообществом, то, скорее всего, в те далекие времена они правили всем миром. Отсюда напрашивался неутешительный вывод: вполне вероятно, они разводили нас — как мы разводим домашних животных.

От осознания этого сердце Пола сдавили мрачные предчувствия. Что, если ему не удастся победить? Что, если у них имеются резервные силы, о которых он даже не подозревал? Он попробовал рассуждать философски. Пусть ему суждено здесь умереть, но, по крайней мере, он унесет с собой несколько их жизней. И тогда... Кажется, кто-то дышит?

Пол замер на месте, прислушиваясь. Нет, просто ветер пробежал по залам, или это был шум далекой улицы.

Ему навстречу с громким визгом бросился вампир — настоящее воплощение ярости. Пол двумя выстрелами превратил его в мокрое пятно, а затем включил фонарь, ожидая увидеть кровавое месиво. Но крови оказалось совсем мало, а клочок серого меха убедил его, что неясная тень на стене сыграла с ним злую шутку.

— Проклятие!

Уорд продолжил путь, все ближе подходя к тому месту, откуда доносились шепот и бормотание. Вдруг совершенно неожиданный звук заставил его невольно замедлить шаг. Голос за его спиной. *Детский голос.*

— Господин! — на чистом французском.

Сердце его забилось как молот — рискнет ли он обернуться?

— Господин!

Мальчик или девочка, он так и не понял. Похоже, лет десяти, может, чуть старше. Палец потянулся к курку. Полу стало тошно, он не ожидал, что способен на такое. Но все же молниеносно обернулся, одновременно падая на пол, и выстрелил.

Никого.

Его провели. Крыса тоже была их трюком, теперь он догадался. Ни одна крыса не отбрасывала бы такую большую тень. *Они* расставляли ему ловушки, заставляя использовать все патроны. Может быть, даже считали выстрелы.

Пол до рези в глазах вглядывался в темноту, но ничего не увидел. Тишину нарушало только его собственное дыхание. Уорд был сильным и храбрым человеком; прожитые годы научили его быть таким. Но с возрастом пришло и осознание того, что любая сила имеет свои границы. Много лет тому назад ему пришлось стать свидетелем того, как красные кхмеры заживо похоронили человека, и он слышал, как тот сходил с ума в своей могиле. Тогда Пол сам рыдал от страха, думая, что будет следующим.

Вампиры хорошо разбирались в людях. Вот почему, когда Пол услышал скрип, медленно приближавшийся к нему, он с таким трудом сдержался, чтобы не зажечь фонарь или не выстрелить. Это было невыносимо трудно. Но он знал, что не должен стрелять, иначе это был бы потраченный впустую патрон.

Пол продолжал свой путь, прижавшись спиной к стене. Чтобы лучше слышать, хотя бы на йоту, он закрыл глаза, при этом его мозг должен был дать дополнительную команду слуху, а не зрению, и не важно, что он находился в кромешной тьме.

Засунув книгу за брючный ремень, он приставил ладонь свободной руки к уху, сложив ее ковшиком. Скрип явно исходил не от живого существа и к тому же не приближался. С противоположного направления, однако, доносился совсем другой звук, более сложный и едва различимый. Вот... опять! Похоже, кто-то охнул и тут же затаил дыхание.

Может быть, на этот раз там находится живое существо. Сейчас он включит фонарь и тут же выстрелит из пистолета, зажатого в другой руке,— разумеется, если кого-то увидит в коридоре.

Но что, если это... ребенок? Вампиры знали: он не сможет сразу выстрелить в ребенка, пройдет не одна секунда, пока он соберется с духом. И тогда наступит *их* время.

Это была дуэль, где противник сделал расчет на то, что он потеряет одно мгновение и раскроется. Единственный способ победить в таком поединке — выстрелить в темноту и рискнуть жизнью ребенка... пусть вампира, но все-таки ребенка.

Дыхание слышалось теперь совсем близко. Настало время действовать, причем молниеносно. Пол не стал зажигать фонарь, вместо этого он, протянув руку, поймал чей-то рукав. Рукав у него вырвали, но Уорд всегда был чертовски проворен. Еще мгновение, и он вцепился в большую сильную холодную руку. Чужие пальцы сомкнулись на его запястье.

Как глупо, подумал Пол, нажимая на курок. При свете вспышки ему удалось разглядеть высокого мужчину в черном свитере, с длинным острым носом и глубоко посаженными горящими глазами. Тот успел издать утробный крик, почти мгновенно оборвавшийся. Уши мгновенно заложило, что случалось всякий раз после выстрела. Когда к Уорду вернулась способность слышать, он различил пронзительный женский вопль, что, казалось, сотряс стены тоннеля. Теперь Пол воспользовался фонарем. Оказалось, это действительно была женщина-вампир в длинном синем шелковом платье с белым воротником. Ее широко раскрытый рот, утыканный зубами, внушал ужас.

Вампиры сильнее людей переживали боль утраты — Пол узнал об этом в Азии. Женщина вытянула руки перед собой, желая схватить его длинными скрюченными пальцами. Уорд выстрелил. Вампирша, с глухим стуком ударившись о стену, сползла вниз, оставляя за собой след густой черной крови.

Оба вампира лежали рядом, и Пол не мог отвести от них взгляд. Европейские вампиры совершенно не походили на азиатских, которые никогда не охотились при

свете дня. Эти же ничем не отличалась от обычных людей. Но насколько их жизнь была современной? Что могло им помешать добраться до телефона и позвонить своим друзьям в Штаты? Разумеется, ничего.

Оставалось признать тот факт, что в Азии ему просто повезло. А здесь момент неожиданности уже упущен. Единственное оставшееся у него преимущество — скорость. Нужно убить всех тварей, собравшихся в этой норе, всех до одной, и сделать это необходимо сегодня, сейчас! Иначе пойдут телефонные звонки и, может быть, даже сообщения по электронной почте вампирам в Америку, в Африку — где бы они там ни находились, вооруженные современными технологиями и знаниями.

Из глубины коридора на него двигалось что-то бесформенное, словно гигантский паук. Выключив фонарь, Пол сосредоточился на звуках. Теперь ему было слышно дыхание — неторопливое, глубокое, как у мужчины, томимого любовной страстью. Шаги между тем стихли; Уорд, включив свет, увидел сверкающие глаза всего в трех дюймах от себя. Лицо бледное, серое — такие лица бывают у тех, кто не покидает подземелье.

Раздался выстрел. Тело, отлетев назад футов на пятьдесят, прилипло к стене, оторвавшаяся нога покатилась по крутому склону в глубокую темноту. Но голова не пострадала. В глазах читалась ненависть, но никак не смерть. Пол прицелился и секунду спустя испытал знакомое удовольствие при виде того, как вампира разносит в клочья.

Уорд шел дальше по коридору. Зловонная кровь вампиров запятнала его одежду, налилась в ботинки и теперь хлюпала там. Кровь могла проникнуть и в тело, если имелась хоть малейшая царапина, и тогда... Они все прошли через это — лихорадка, странное чувство голода, медленное выздоровление.

Странное чувство овладело им: его собственное взрослое «я» отступало в прошлое. Любовь к вину, к музыке,

долгие дни, проведенные в дорогих отелях,— все это ушло. Остался только убитый горем ребенок, разыскивавший убийцу своего отца.

Внезапно Пол ощутил, что пространство вокруг него расширилось, кроме того появился новый запах. Боясь оказаться лицом к лицу с сотней вампиров, он все-таки нащупал пальцем кнопку на фонаре и нажал.

Помещение оказалось таким огромным, что тонкий луч света не достигал его противоположной стены. Уорд стоял в узком проходе, образованном двумя ровными длинными рядами каких-то округлых коричневых предметов. Он не сразу понял, что это черепа, плотно обтянутые кожей. На некоторых сохранились волосы, висевшие пучками, совсем как украшения на тотемном столбе.

Здесь хранилось не меньше миллиона скелетов, они были настолько высушены, что никакая тварь не могла ими поживиться. Освещая себе путь фонарем, Пол шел мимо оскаленных лиц, уставившихся на него пустыми глазницами.

Вот здесь-то и лежали *настоящие* мертвецы Парижа, никому не известные, пропавшие без вести, позабытые. По иронии судьбы этот второй, еще более жуткий склеп располагался глубоко под склепом Данфер-Рошеро, как будто люди, создававшие его, вняли неслышному повелению мертвых.

Пола охватил такой гнев, что поступь его обрела твердость. Перестав остерегаться, позабыв даже о жизненно важной книге, которую он нес с собой, он решительно шел вперед, как солдат, настроенный на победу, шаг за шагом приближаясь к своему очередному противнику.

В обойме осталось два выстрела. Уорд решил перезарядить ружье и достал из рюкзака новую обойму. Когда станет совсем худо, он использует два последних заряда из той обоймы, чтобы уничтожить проклятую книгу, а затем убить себя. Если ему не удастся вынести отсюда книгу, то вампиры ее тоже не получат.

Неужели его караулит здесь смерть и он разделит участь этих мертвецов? Пол почувствовал во рту горький вкус поражения. Нужно отсюда немедленно выбираться! Скрюченные тела застыли в позах, говоривших о борьбе и страданиях, а на лицах все еще читались ужас, мука и удивление.

Наконец он увидел впереди дверь и поспешил к ней, взглядом отыскав серебряное кольцо вместо дверной ручки. Когда Уорд потянул за него, дверь мягко подалась на идеально подогнанных петлях.

Луч фонаря коснулся тщательно отполированной каменной стены — и Пол удивленно охнул, на мгновение растерявшись при виде ярких глаз, глядевших на него из невероятно далекого прошлого. Еще ни одному человеку не доводилось увидеть портрет неандертальца, написанный словно вчера — такими свежими казались краски. Но изумление его стократно увеличилось, когда он понял, что принял за живопись мозаику. Материалом для нее послужили крошечные кусочки камня, и поверхность мозаичной картины оказалась абсолютно гладкой, в чем Пол убедился, коснувшись ее пальцем.

Кроме портрета на стене в этой же технике была изображена генетическая карта, невероятно сложная и подробная. А дальше... Обходя по кругу таинственную пещеру, Уорд насчитал не меньше пятидесяти изображений, которые в логической последовательности прослеживали путь человечества от маленькой обезьянки до женщины с необыкновенно красивыми чертами лица. Действительно, все это выглядело как иллюстрация к созданию человека, причем рядом с каждым портретом располагалась генетическая карта.

Пол задержался у последней мозаики — портрета девушки лет двадцати, со светлыми волосами, припорошенными пылью, и выражением какого-то восторга на лице... как если бы она все время созерцала что-то необыкновен-

ное. Даже зеленый цвет ее глаз был передан до малейшего нюанса.

Вампиры, должно быть, появились гораздо раньше, чем он предполагал. Судя по картинам, они сыграли достаточно важную роль в жизни людей, и человечество развивалось не благодаря случайности или по воле Божьей, а, скорее, миновало стадию обезьян благодаря чужому, зловещему вмешательству в ход эволюции.

Пол не принадлежал к числу сентиментальных мужчин, он наплакался один раз и навсегда, когда потерял отца. Но теперь по его суровому, словно высеченному из камня лицу текли слезы. Зачем они это сделали? Почему не оставили нас беспомощными двуногими животными? Настанет день, и тайну вампиров узнают все. Только тогда человечество придет к истине о самом себе.

Он пошел дальше, углубляясь в лабиринт, полный тайн. Теперь ему попадались пещеры, чьи грубо шлифованные стены свидетельствовали о том, что и здесь потрудился человек. В каком-то невообразимо далеком прошлом люди оказались в буквальном смысле на пороге открытия. Неужели они и умерли здесь, в позабытой всеми попытке освободить человечество от рабского ярма?

С другой стороны, история не знала других свидетельств об охотниках на вампиров. Пол и его команда специально занимались этим вопросом, например пытались выяснить, знали ли египетские жрецы что-нибудь о вампирах. Оказалось — нет, не знали.

Неожиданно впереди по ходу тоннеля раздался шорох. Уорд замер на месте, напряженно вглядываясь в клубившуюся пыль, луч фонаря напрасно старался преодолеть эту своеобразную дымовую завесу. От его внимательного взгляда не ускользнуло быстрое движение нескольких теней. И тогда он выстрелил.

Из клубов пыли появился вампир, его грудь была открыта выстрелам, губы шевелились, когда он с шумом втя-

гивал воздух. За его спиной оказался еще один, и еще... Пол стрелял не останавливаясь.

В обойме остался последний патрон, нужно было перезарядить оружие. Пол попятился и, споткнувшись, рухнул на одного из только что убитых чудовищ, обойма с громким стуком упала на каменный пол. Пока он пытался встать, рука поверженной твари, схватив фонарик, мгновенно раздавила его. Наконец Уорду удалось подняться на ноги, и он несколько раз пнул в темноте мягкое тело. Послышалось шипение: монстр не умер, несмотря на обширные раны. Пол сделал несколько шагов назад, опасаясь нападения раненого врага, и присел на корточки. Он шарил вокруг, пытаясь нащупать потерянные обоймы, но безрезультатно. Почти у самого уха низкий мужской голос произнес:

— Подойди сюда, дитя.

Неужели здесь находится детеныш вампира? Пол прижался спиной к стене, чтобы иметь хоть какое-то преимущество при обороне.

— Твой час пробил, дитя.

Он бы потратил последний патрон на себя, но тогда уцелеет книга. Придется уничтожить ее, а самому испытать участь жертвы вампира. Партия, безусловно, проиграна. Уорд вытянул книгу перед собой и прижал к ней ствол оружия.

Но прежде, чем он успел выстрелить, внезапно вспыхнул свет, и оказалось, что толпа вампиров замерла в нескольких шагах от него. При всем разнообразии одежд — и джинсы, и старомодное тряпье, и шорты туристов — их объединяло одно: спокойная неукротимая ненависть на лицах. Здесь, внизу, они не тратили попусту время на грим.

Неожиданно рядом с ним оказалась Бекки, оружие в ее руках послало в толпу чудовищ яркую вспышку. Пол вдогонку ей отправил свой последний патрон. Вампиры ответили беспорядочными выстрелами. Оказывается, у этих тварей были пистолеты — еще одна неприятная не-

ожиданность. Он услышал за спиной тихий стон, а когда обернулся, то де Роше уже стоял на коленях. Рядом с ним полковник хладнокровно вел огонь.

Уорд потянулся за новой обоймой, как вдруг его ключицу пронзила обжигающая боль. Рука, державшая книгу, безжизненно повисла, и книга с шумом упала.

Бекки, не прекращая стрелять, кинулась к нему, чтобы прикрыть собственным телом.

— Ты ранен.— Она осторожно провела пальцем по торчащей рукоятке ножа.— Пол, о Господи!

— Со мной будет все в порядке.

Бекки нежно поцеловала его в щеку, и сердце его буквально перевернулось в груди. В наступившей тишине были слышны хриплое дыхание раненых и шаги Бокажа: двигаясь вдоль противоположной стены, он внимательно рассматривал поверженных чудовищ — не меньше десятка.

— Отлично,— пробормотал Бокаж и вернулся к своему сотруднику. Бледное лицо де Роше было скована неподвижностью. Его терзала мучительная боль, которую он изо всех сил старался подавить. То же самое сейчас происходило и с Полом.

Вопрос был не в том, смогут ли они выйти из лабиринта и завершить операцию, то есть вернуться сюда, чтобы облить этих тварей кислотой. В состоянии ли кто-нибудь из них дотянуть хотя бы до выхода?

— Бокаж, вы тоже ранены?

Полковник пожал плечами.

— Жить буду.— Его правая нога была в крови до самого бедра.— У де Роше болевой шок.

— А ты, Бекки?

— Со мной все в порядке.

— Мы уничтожили собравшихся на конклав,— сказал Пол.— Наверное, Европа теперь наполовину очищена.

— Немцы проводят такую же операцию в Берлине,— невозмутимым тоном сообщил Бокаж.

— Немцы! Почему нас, американцев, не предупредили об этом? — возмутился Пол.

— Зато у вас есть «Эшелон».— Полковник пожал плечами.— Я думал, вы в курсе.

У Пола начался холодный озноб, предвестник шока. Если дышать как можно глубже, возможно удастся его отсрочить.

— Бокаж,— с трудом произнес он,— нужно разнести им головы. Вдруг мы не сумеем вернуться.

Бекки подняла обоймы, которые рассыпал Пол, зарядила их и прошлась вдоль стены, время от времени всаживая пули то в одного, то в другого вампира. «И я люблю женщину, способную на такое»,— отрешенно подумал Пол.

Небольшая команда медленно тронулась в обратный путь, каждый из последних сил старался скрывать свои страдания от других. Несмотря на то что все тело при ходьбе пронизывала жгучая боль, Пол все же чувствовал удовлетворение. Проклятая путешественница находилась теперь среди груды растерзанных останков, и, если операция в Берлине пройдет так же успешно, Европу можно будет считать очищенной от чудовищ. Книга, которую он уносил под мышкой, вскоре освободит и американские континенты — если, конечно, действовать быстро.

Уорд зашелся надсадным кашлем, испытывая такие муки, что Бекки пришлось поддержать его. Девушка до самой больницы так и не выпускала его из объятий.

11

КОРОЛЕВА НОЧИ

Никогда Сара не видела таких глаз — как у загнанного животного. Она осторожно коснулась руки Мириам, а та положила голову на плечо подруги.

Самое невероятное, что они летели в Америку на «Конкорде», хотя Мириам поклялась, что никогда больше не войдет в салон этого самолета. Они многие годы пред-

почитали «Конкорд», веря в надежность лайнера. Затем произошла катастрофа, и начался затяжной период патологического интереса Мириам к этой машине. Она тысячи раз обдумывала каждую деталь предполагаемой катастрофы: вот она наблюдает в иллюминатор за разгорающимся пожаром, слышит жуткий рев — а затем настает тошнотворный момент свободного падения. Для людей, находившихся в самолете, смерть наступила бы мгновенно. Зато Мириам расставалась бы с жизнью очень медленно, пока пламя поглощало бы ее тело дюйм за дюймом.

Она заставила Сару раздобыть полную документацию по переоснащению самолета, но не перестала бояться летать на этой модели. Тем не менее сейчас настояла на выборе именно этого рейса.

Разумеется, Мириам не *Спала* — это состояние наступало только после насыщения, иногда — после повышенной дозы любимого наркотика. Рука Властительницы была прохладной и нежной, Сара поднесла ее к своим губам, наслаждаясь вкусом и сладостным ароматом кожи, мягкостью пальцев. Глубоко вздохнув, Мириам прильнула губами к шее своей любовницы, пока женщине не стало больно и она не отстранилась.

Сара закрыла глаза, прислушалась к реву двигателей, чувствуя, что необыкновенное существо рядом с ней любит ее глубоко и преданно, всей душой... и в то же время от него исходило зло. Возможно, это связано с приключениями Мириам в Париже и Бангкоке, о которых она ничего не рассказывала, Сара даже предположила, что соплеменники не встретили заблудшую душу с распростертыми объятиями. Вот был бы любопытный поворот сюжета для книги о Властителях, которую она втайне писала уже в течение двадцати лет своего пленения.

Волк имеет право взять жизнь оленя, и никогда это не будет считаться убийством — Сара часто себе это повторяла. Природа использует хищников для установления баланса. Одна из причин того, что перенаселение уничтожа-

ет планету, заключается в том, что Властители не справились со своей миссией. Их слишком мало осталось на земле, чтобы поправить положение. Мириам называла себя частью вселенской справедливости, разве с этим можно было поспорить? А Сара... женщина смотрела в полные слез глаза своих жертв, видела, как они угасают, кровь оставляла их тела вместе с жизнью. Зато после насыщения наступала такая легкость, хоть летай по воздуху, на коже исчезали малейшие изъяны и она напоминала девичью своей мягкостью и свежестью. А что касается сердца... оно стучало так радостно, что все происшедшее не казалось больше неправедным. Как будто перепрыгиваешь пропасть, исполнив волю природы.

Да, Саре не предоставили выбора. Когда-то Мириам влюбилась в нее и влила в ее вены собственную кровь, не спрашивая разрешения, предварительно усыпив. Сара проснулась с болью в каждой косточке, не понимая, что случилось.

А потом началась ужасная борьба. Она покупала кровь в коммерческих банках крови, питалась кровью животных... Потом вообще отказалась жить. И тогда ее положили в гроб и отнесли на чердак к другим отжившим свое любовникам Мириам.

Она слышала, как гудят в небе реактивные самолеты, как плещется Ист-Ривер* и жужжит скоростное шоссе. Сара сотни раз сходила с ума, запертая в останках своего тела. Вокруг нее стояли другие гробы, некоторым из них было по тысяче лет, в них тоже хранились запертые души, потому что человек, которому перелили кровь Властителя, умирает слишком долго.

А потом она услышала стук каблуков по дощатому полу чердака — и в кромешную тьму ворвался свет! Ее замутненные глаза разглядели неясную тень. И жизнь,

---

* Судоходный пролив длиною 26 км, отделяющий районы Манхэттен и Бронкс от Бруклина и Куинса.

жизнь затеплилась сначала в одной руке, а затем торжественно объявила о себе в полный голос, словно огромный оркестр, игравший огненную тарантеллу.

Мириам прочла исследования Сары и поставила эксперимент, который оказался удачным. Впервые за две тысячи лет безуспешных попыток ей удалось вернуть к жизни потерянного любовника. Она попыталась испробовать это средство и на других, но было слишком поздно, даже для самого последнего, Джона Блейлока.

Получив вторую жизнь, Сара принялась бродить по улицам нового для нее мира. Ее могла привести в восторг обычная игра солнечного света; детский голосок, неумело напевавший песенку, звучал для нее как мелодичный перезвон небесных колоколов. Каждый глоток воздуха, вдыхаемый обновленными легкими, казался ей ангельским даром. Она научилась жить, радуясь каждой минуте, получая удовольствие от свежего утреннего воздуха и птичьего щебета, и даже от капающего крана на кухне. Она оставила все сомнения и страхи в потерянном прошлом, где у нее был и возлюбленный, и небольшая квартирка, и блестящая карьера врача. Когда сразу после воскрешения Сара взглянула на свою спасительницу, то тут же упала перед ней на колени. Она, доктор Робертс, почувствовала себя Лазарем, закабаленным благодарностью к той, которая вернула ей жизнь. Чтобы хоть как-то оправдать для себя ту покорность и подобострастие, которые она испытывала к Мириам, Сара углубилась в долгое и тщательное изучение литературы по проблемам сексуального порабощения. Она действительно старалась вырваться из плена, даже совершила поездку на Гаити, чтобы побеседовать с жертвой ритуального убийства зомби, возвращенного к жизни шаманом. Этот человек тоже каким-то таинственным образом оказался привязанным к своему спасителю, и, когда он обратил на Сару покорный взгляд, женщина поняла, что у нее с ним общая беда.

Мириам прошептала:

— Мне бы нужно тебя как следует наказать.

Повернувшись к ней, Сара заглянула в ее удивительные, полные детской непосредственности глаза. Не было в них ни малейшего признака того, что принадлежат они очень древнему существу. Хотя... наблюдательный человек наверняка заметит, что губная помада маскирует слишком узкие губы, а во рту находятся какие-то пластинки, уменьшающие впалость щек. И все-таки большинству людей Мириам казалась восхитительной, превосходно одетой, состоятельной молодой женщиной, совсем недавно пережившей пору девичества.

— Принеси мне водки,— велела Мириам.

Сара поднялась из кресла и направилась по проходу к стюарду, раздававшему подносы с едой.

— Слушаю, мадемуазель.

— Мадам, занимающая место «семь-А», хочет водки, очень холодной водки без льда.

— Да, мадемуазель, одну минуту.

— Сейчас, если можно.

Стюард понял ее тон и налил большую порцию. Сара отнесла бокал Мириам, которая мгновенно его осушила.

— Хочешь еще?

— Может быть, чуть позже.

— Я знаю, как ты ненавидишь летать.

— Не уверена, хорошо ли они подготовили машину к полету.

— Остается надеяться.

— Еще водки. Принеси бутылку.

Сара вернулась к стюарду.

— Ей нужна бутылка.

— Не угодно порцию икры?

— Нет, только водку.

— Мадемуазель, наверное, мадам боится? Не хочет ли она, чтобы к ней пришел поговорить пилот?

— Об этом я не могу спрашивать.

— Понятно,— кивнул стюард, краем глаза глядя на Сару. Наверное, эта девушка — секретарь богатой дамы, которая не позволит обслуживать себя никому другому. Он передал Саре бутылку водки на маленьком подносе.— Вас позвать, чтобы вы принесли ей поднос с едой?

— Мадам не будет есть.

— Как скажете.

Стюард вернулся к своим обязанностям. Обслуживание во всех трех отсеках «Конкорда» было абсолютно одинаковым, но по традиции третий отсек предоставляли туристам, второй — бизнесменам, а в первом располагались самые важные персоны. Пусть «Эр Франс» не подозревала, насколько выдающейся личностью была именно эта пассажирка, но Сара, как всегда, сделала все возможное, чтобы к Мириам относились с величайшим почтением.

Тот факт, что в душе Сара не до конца принимала образ жизни Мириам и даже сомневалась в ее праве на добычу, вовсе не означал, что она не уважала свою госпожу. Мириам была не просто Божьей тварью, а триумфом природы. Для ученого, каковым Сара несомненно являлась, кровь Мириам представляла собой поистине замечательное творение природы: шесть различных типов клеток, способных противостоять вирусам и свободным радикалам, преобразуя их в питательные компоненты.

Сара наблюдала, как эта кровь работает и в ее организме, как после периода привыкания она адаптируется к его потребностям, сохраняя частички человеческой крови, играющие существенную роль в жизнедеятельности, и добавляя к ним свои собственные свойства. Однако кровь вампира не могла изменить структуру человеческих кровяных клеток, поэтому Сара старела. Очень-очень медленно, но старела.

Иногда она отправлялась на чердак и шептала остальным: «Джон, я уже иду к вам. Луллия, скоро я буду рядом». Она рассказывала им о делах Мириам, о своей работе, по-

пытках найти способ вернуть их к жизни. О том, каково это находиться там, в гробу, она старалась не думать. Пребывание в замкнутой темноте всего несколько дней казалось таким ужасным, что ей до сих пор снились кошмары. Но Луллия пролежала там три сотни лет. Были и другие, от которых мало что осталось, кроме зубов и длинных пучков волос.

Саре не раз приходило в голову, что Мириам поступала эгоистично, преподнося себе подарки — человеческих любовников. Это было зло, вне всякого сомнения, и какое-то время Сара верила, что найдет в себе моральные силы противостоять Мириам, взяв за основу этот постулат. За год Властитель забирал жизней двадцать. Сама Сара убивала десятерых... и каждая рыдающая, сопротивляющаяся жертва уносила частичку ее сердца. После убийства Сара обычно плакала несколько дней, давала себе слово никогда больше этого не делать и возобновляла попытки питаться донорской кровью.

Если бы не их ночи, проведенные в общей постели... Если бы не возможность разделить блестящую жизнь Мириам, посещать клуб, смотреть на все глазами Властителя, как смотрят на чистый мир после благословенного дождя,— в общем, у нее не нашлось сил сказать «нет». Истина заключалась в том, что она благоговела перед этим созданием, которое ей полагалось бы ненавидеть. Находись она в услужении у самой Геры или Прозерпины, разницы не было бы никакой. Человеческое существо, полюбившее грозную богиню.

Сознание того, какую значительную роль сыграла ее госпожа в истории человечества, наполняло сердце Сары ликованием и гордостью. Семья Мириам породила египетскую цивилизацию, это ее отец перевел израильтян на Ханаанские земли, правда, заботясь лишь о расширении своих владений. Но значение этого поступка для истории человечества было, бесспорно, огромное. Что касается Мириам, то ее образ оставил заметный след в мировой лите-

ратуре. Она, как Суламифь сначала вдохновив царя Соломона на создание «Песни Песней», затем стала Беатриче для Данте, она была Элоизой Абеляра* и Дульсинеей Дон Кихота — точнее, на ее жизненном пути появился Мигель де Сервантес, и она стала прообразом его героини. История жизни матери Мириам, Ламии, передаваемые из уст в уста легенды о ней вдохновили Джона Китса, выпустившего в 1820 году сборник «Ламия и другие поэмы»**.

Сара вернулась с бутылкой водки и налила Мириам вторую порцию.

— Как бы мне хотелось тебя утешить,— бормотала она.— Я знаю, дело вовсе не в перелете. Прошу тебя, расскажи, что случилось.

Мириам залпом осушила бокал.

— Платишь пять тысяч долларов за билет, а курить все равно воспрещается.

— Покурите в машине.— Сара взглянула на карту, вывешенную у изголовья. При их скорости передвижения они сейчас как раз должны находиться над ирландским побережьем.— Потерпите еще два часа, мадам.

— С чего вдруг ты перешла на «вы»?

— Потому что сегодня госпожа исполнена королевского величия.

Мириам повернула ее голову к себе за подбородок. Лежать обнаженной в ее сильных объятиях, ощутить вкус поцелуев рта, который убивает,— подобные удовольствия приводили Сару в упоение и экстаз, сравнимые, как она подозревала, разве только с вознесением на Небеса на руках Господа.

---

* Суламифь — Песнь Песней (6); Беатриче — возлюбленная Данте Алигьери; Элоиза — возлюбленная Пьера Абеляра, французского философа, богослова и поэта.

** Герой поэмы «Ламия» полюбил оборотня, змею в образе прекрасной женщины, и погиб, когда на своем свадебном пиру от мудреца Аполлония узнал тайну невесты.

— Я прошла через невероятный ад. Я сержусь, Сара. Сержусь на тебя.

— Знаю.— Сара уезжала на несколько дней на Беркширские холмы, подальше от клуба, подальше от требований и приказов Мириам. Мобильный телефон она с собой не взяла.

— Дорогая, если я не могу рассчитывать на тебя, то на кого еще?

Сара почувствовала, что ее щеки запылали, как совсем недавно в номере отеля, когда она купала Мириам и увидела на теле своей хозяйки огрубелые и покрасневшие участки кожи. Она знала о способности крови Властителей залечивать раны и потому поняла, что Мириам побывала в серьезной переделке.

— Расскажи, что произошло, любовь моя.

Мириам отвернулась к окну.

Сара тронула черный шелковый рукав ее блузки, но Мириам молчала. Очень хорошо. Сара давно научилась подстраиваться под любое настроение своей госпожи.

— В этом наряде ты выглядишь потрясающе,— робко начала она, используя не раз опробованный прием. Никакой реакции.

Что бы там ни произошло в Париже, по крайней мере со старомодными тряпками от «Шанель» покончено. Они вместе отправились к Марии-Луизе и отобрали несколько превосходных вещей Эрика Бержера. Мириам вела себя в магазине чрезвычайно уступчиво, безропотно потратила двадцать тысяч долларов, продемонстрировав безукоризненный вкус и выбрав вещи, которые действительно ей шли. И сейчас в этой изумительной блузе из тонкого шелка поверх ярко-красного атласного топа Мириам напоминала фотомодель с обложки журнала. Этот наряд создал человек, любивший женщин и разбиравшийся в них.

— Я чуть не погибла.

Придвинувшись к ней, Сара поцеловала холодную щеку.

— Не говори так, если это неправда.

— Как ты смеешь! — возмутилась Мириам.

— Прости! Я просто... Прошу тебя, прости.

Мириам откинулась на спинку кресла, закрыла глаза.

— С паспортом проблем не будет?

— Никаких.

— Откуда такая уверенность?

Мириам спрашивала про паспорт, наверное, уже в десятый раз. Но документ был безупречен, потому что принадлежал реальному лицу.

— Леонора — мастер маскировки,— пояснила Сара.

— Леонора,— фыркнула Мириам.— Как ты думаешь, она окажется вкусной?

— Мириам, ты же знаешь, я не нахожу подобные шутки смешными.

— В таком случае, она, возможно, заменит тебя, а ты пойдешь на закуску.— Мириам подарила своей подруге очаровательную улыбку.— Так, возможно, будет лучше всего.

— Ради тебя я готова вскрыть вены,— сказала Сара.

— Надо полагать.— Голос Властительницы звучал бесстрастно.— Так ты уверена насчет паспорта?

— Взгляни сама. Это ты.

В ту секунду, когда Сара узнала, что Мириам осталась без паспорта, она тут же отправилась в клуб, где Леонора присматривала за бригадой уборщиц, и велела ей загримироваться под Мириам. Слегка нерезкий снимок отнесли посреднику, заплатив сто долларов за бланк паспорта, еще тысяча ушла на взятку. В тот же день к пяти часам в руках у Сары был новый паспорт на имя Леоноры Паттон. На следующее утро Сара вылетела на «Конкорде», чтобы спасти свою повелительницу, оказавшуюся в беде. Все это происходило вчера.

В высших кругах светского общества Нью-Йорка прошел слух, что в Париже у Мириам возникли проблемы. Так что когда самолет приземлится, то королеву будут встречать около сотни завсегдатаев ее клуба — самых известных людей города.

— Прошу тебя, скажи, что случилось?

Мириам посмотрела ей в глаза, Сара с трудом заставила себя не отвести взгляд.

— В свое время,— холодно ответила она.

— Как бы я хотела, чтобы у тебя было спокойно на душе.

— У меня не может быть спокойно на душе.

Мириам взяла Сару за руку.

— Ты помнишь, я рассказывала о Мартине Суле? — медленно проговорила она, внимательно вглядываясь в лицо своей любовницы, словно желая прочитать ее мысли.— Он погиб.

Сара молчала, не зная что ответить.

Железные пальцы Мириам так сильно сжались, что чуть не сломали кости запястья.

— Ты не опечалена! — прорычала она.

— Я напугана! Что происходит?

— Мне бы следовало вернуть тебя обратно на чердак, к остальным, неблагодарная ты стерва! — Она с брезгливостью отшвырнула руку Сары.

— Мириам! Умоляю, скажи, что произошло!

— Мой французский устарел,— отрезала Мириам.— Завтра в десять утра передо мной должен стоять учитель. Ровно в десять.

— Да,— кивнула Сара, сознавая, что голос ее дрожит.— Учитель — в десять.

В наступившей тишине слышно было, как ровно гудят двигатели самолета.

— Ты была мне нужна, но тебя не оказалось на месте.

Сара закрыла глаза. Из-под опущенных век по щекам ручьем потекли слезы.

— Ты плачешь из-за меня?

Сара молча кивнула.

— И тем не менее ты пренебрегаешь аварийной линией. Говоришь о любви, а сама хочешь моей смерти. Это и есть правда.

— Я не хочу твоей смерти.

— Ты ненавидишь меня с тех пор, как я подарила тебе свою кровь.— Мириам скривила губы в зловещей гримасе.— Дар вечной жизни!

— Почему бы не спросить, нуждаюсь ли я в этом.

— Ты идиотка,— Мириам неожиданно улыбнулась,— но ты мне симпатична. К тому же — превосходный ученый!

— А ты убийца.

— Не смеши меня. Кстати, водка согрелась.

Сара как робот поднялась с кресла и скованной походкой двинулась по проходу, машинально отмечая про себя свежий цвет лица у некоторых пассажирок,— это не что иное, как первый признак надвигающегося голода. Через неделю ей придется либо выйти на охоту, либо закупить кровь в банке крови на Тринадцатой улице.

— Мне нужна бутылка похолоднее,— обратилась она к стюарду.

— Сию секунду, мадемуазель.— Он достал новую бутылку из холодильного отделения своей тележки.

Сара вернулась на место, налила Мириам следующую порцию и только тогда опустилась в кресло.

— Ты настолько некомпетентна, что это становится опасным.— Вряд ли водка улучшила настроение Властительницы.

— Но лучшего помощника у тебя все равно нет!

— Пока нет.— В голосе Мириам было столько безразличия, словно предмет разговора казался ей невыносимо скучным.

Сара испуганно взглянула на нее.

— Если бы ты только сказала, в чем я провинилась...

— Я звонила тебе без конца.

— Ты это говорила раз пятьдесят! Зачем я тебе понадобилась? Мириам, ради всего святого, что произошло?

Гул двигателей изменил тон, самолет, видимо, снижался.

— Значит, ты согласна, что я не могу больше полагаться на тебя.

— Мириам, какое бы решение ты ни приняла...

— Все уже решено.

— В такое время, как сейчас, тебе без меня не обойтись. А я... Я смогу исправить свои ошибки и больше их не повторять.

— Да, разумеется.

— Домой возвращаться опасно. Мы должны спрятать тебя.

— Неужели?

Взревев, «Конкорд» резко пошел на посадку. Стюард напомнил пассажирам о том, что следует привести в вертикальное положение спинки кресел и пристегнуть ремни безопасности. Проходя мимо, он забрал пустую бутылку и поинтересовался:

— Мадам захочет воспользоваться креслом на колесиках?

— Мадемуазель не захочет,— ответила Мириам.

Со стороны все выглядело так, будто самолет покидали две красивые молодые женщины, причем одна из них была преисполнена осторожного внимания ко второй, а та шла, глядя вперед неподвижным взглядом холодных серых глаз из-под широкополой шляпы от «Филиппа». Ее спутница, скорее всего, приходилась ей подругой, из тех, что победнее, или даже любимой секретаршей, либо служанкой. «Любимой», потому что она была тоже очень ухоженной, в отлично сшитом зеленом шелковом костюме.

Они прошли через таможню с безразличием людей настолько влиятельных, что подобные мелочи для них не имели значения. Таможенники были сама быстрота и корректность. «Добро пожаловать домой, доктор Робертс, с возвращением, мисс Паттен». В вестибюле компании «Конкорд» раздались осторожные аплодисменты. Мириам замедлила шаг, затем остановилась и наконец повернула голову, подняла руку в приветственном жесте. Толпа нарядно и дорого одетых мужчин и женщин окружила ее, в каждом взгляде читалось уважение с примесью благоговейного страха. Сара наблюдала за этим с безразличием пленницы. Большинство этих людей, вероятно, считали Мириам всего лишь владелицей самого изысканного клуба во всей Америке, где люди могли выразить свое истинное «я» без стыда, не сдерживаясь, где не было никаких ограничений... Очень немногие знали некую часть правды, но никогда не осмеливались говорить об этом вслух. Эти избранники испытывали острое наслаждение и неподдельный страх, когда Мириам, перебрав спиртного, увлекала кого-нибудь из них в темный угол клуба и припадала к его шее в пьяном поцелуе.

Только Леонора Паттен знала всю правду до конца. Мириам не скрывала от своей подруги следующий шаг — перелить Лео свою кровь. А как сложится дальнейшая судьба Сары — ее убьют или отпустят на все четыре стороны?

Как скоро Мириам выйдет на охоту? Очередная жертва на этот раз — какая-нибудь заблудшая душа или тот, кто заслужил смерти, поэтому осторожно и расчетливо намечен ею на эту роль, например известный магнат, пренебрегший компанией из клуба «Маски»? Кто следующий?

Коротко ответив на вопросы встречающих по поводу ее самочувствия, Мириам поспешно удалилась, Сара почти бежала за ней следом. Им навстречу вышел Луи, шофер, и забрал чемоданы.

— Одна из брокерских сделок оказалась удачной,— сообщила Сара, когда их автомобиль примкнул к потоку машин, а Мириам откинулась на спинку сиденья с сигаретой.

— Сколько?

— Программное обеспечение Би-Эм-Си. Тридцать три процента.

— С какой суммы?

— Шестьсот тысяч.

Мириам курила, глядя в окно. Но чуткое ухо Сары уловило, как ее подруга тихо прорычала в знак одобрения.

Неожиданно Мириам сорвала с головы огромную шляпу, которую не снимала с самого Парижа.

— Что-то стало жарко.

Затем она наклонила к Саре голову, и та принялась стаскивать с нее парик. Даже когда Сара помогала ей во время купания в огромной ванне отеля «Крийон», Мириам не позволила снять с себя парик.

— Наберись мужества, Луи,— выкрикнула Властительница со злобной иронией в голосе.

Шелковые светлые локоны, только что развевавшиеся на ветру, как морская пена, исчезли. Безволосая голова производила такое жуткое впечатление, что Сара невольно отпрянула. Мириам улыбнулась, ее лицо казалось невероятно маленьким при такой необычной, продолговатой голове. Уберите корону с Нефертити, и вашим глазам предстанет точно такое же зрелище.

— Любимая! Родная, что... что...

— Меня чуть не сожгли.

— Кто? Властители? О Господи!

Мириам впилась взглядом в подругу. На Сару смотрели глаза богини... или хищного насекомого. Остекленевшие, жестокие, временами искрящиеся глаза — таких у людей не бывает.

Сердце Сары защемило от боли. Сестры, любимая тетка Мириам погибли в огне, и она провела не одну ночь в

рыданиях, уткнувшись головой подруге в колени, вновь и вновь переживая давние трагедии.

— Мири, я никогда не позволю этому случиться с тобой, *никогда*! — Сара нежно обняла свою подругу.

— Мы попали в беду, дитя мое.

— Знаю, о Господи, знаю.

Так они и ехали молча, под плач Сары, всю длинную дорогу домой по запруженному машинами шоссе.

12

КИСЛЫЙ ЛЕДЕНЕЦ

Пол Уорд почему-то не мог отвести взгляд от своего начальника Джастина Тэрка, который вертел в руках трубку. В здании курить запрещалось, но Тэрк в конце концов не выдержал и нервно щелкнул зажигалкой, затем произнес:

— Чтобы иметь право пользоваться особым воздушным транспортом, тебе еще служить и служить.

— Ты это о чем, черт возьми?

— На самолете генерала Хэма Ратлинга ты вылетел из Бангкока в Париж, якобы в погоню за кем-то. Мы получили счет на сорок восемь тысяч долларов от ВВС, а с ним — письмо от секретаря Лайзеринга. Прямо скажем, составлено не в самых любезных выражениях. Генерал, его жена и дети в конце концов довольствовались первым классом Тайской авиалинии, и за тот рейс тоже пришел счет.

— Я преследовал по горячим следам, Джастин, пойми.

— По горячим следам.— Он вытащил из ящика стола желтый блокнот.— Итак, что прикажешь написать в отчете? Подскажи, приятель.

— Агенты были вынуждены начать погоню по горячим следам, преследуя женщину-вампира...

Джастин прервал его жестом.

— Так не пойдет.

— Террористку.

— Отчет о контакте с террористом следует составлять по установленной форме... как ее там... Кэнди!

Вошла его помощница, Кэнди Террелл.

— Мне нужна форма УКТ,— распорядился Тэрк.

— А это что такое?

— Установление контакта с террористом. Любой оперативник, посчитавший, что он столкнулся с террористом, будь-то известным или неизвестным, обязан заполнить такую форму и подшить ее в дело в течение шести часов. В твоем случае прошло уже несколько дней. Но другого мы от нашего мальчика и не ожидали.

Кэнди вышла из кабинета.

— К вопросу о самолете мы вернемся позже. Мне сообщили, что ты ранен.

— Все зажило.

— За два дня? В полицейском отчете говорится, будто ты получил ножевое ранение в левое плечо и тебе наложили восемнадцать швов. Почему у тебя рука не на перевязи?

— На мне все заживает как на собаке.

Джастин прокашлялся и зашелестел бумагами на столе.

— Теперь о погибшем агенте. Его тело погрузили в тот же транспорт, которым ты летел?

— Французы отправили его специальным рейсом в Рамстейн. Завтра его должны доставить в Санта-Клару, прямо родственникам.

— Ты написал письмо?

Пол ничего не писал. Он не мог это сделать, о чем Джастин отлично знал.

— Оно должно быть послано от имени командования.

Когда в ходе секретных операций агенты погибали или получали ранения, то с их родственниками связывались из главного офиса.

— Напиши сам. А начальство отправит.

— Ладно.

— Я хочу, чтоб ты прочувствовал это.

Пол с шумом втянул воздух.

— Мне тоже досталось,— сказал он.— Нам всем пришлось чертовски трудно. Чудовищно трудно.

— Почему бы не остаться в стороне? Все-таки вы были не на своей территории, там действовали французы.

— Нет, не могли.— Что еще он мог сказать? Штабные крысы не понимают проблем оперативников, никогда не понимали и, разумеется, не поймут.

Тэрк не сводил с него внимательного взгляда. Пол догадался, что упрек прозвучал неспроста. Скорее всего, его пытаются раздразнить, желая, чтобы он сорвался. Это означало только одно: здесь сейчас не беседовали. И не отчитывались об операции. Здесь проводили допрос, следовательно, у него неприятности. Вопрос в том, какого рода неприятности?

— Ну что, Пол?

— Джастин, я не знаю, что сказать. Мне не нравится твой намек. Что значит, черт возьми, «чтобы ты сам прочувствовал»?

— Ты теряешь агентов!

— Я сражаюсь на войне!

— А вот у нас возникли сомнения насчет твоей войны.

— Белый дом досаждает директору, а за все отдуваешься ты. Так?

Джастин промолчал, подтверждая точность диагноза, поставленного Полом.

— Скажи, что им не нужно ничего знать. Как в деле с инопланетянами.

— Сравнил тоже! У нас нет никакой директивы, требующей сохранять все дело в тайне, Пол. Все, что у нас есть, это ты.

— А как вообще в Белом доме о чем-то пронюхали?

— Французы разработали программу, немцы... Насколько я знаю, *все* позаботились о программах. И этот секрет в любую секунду выплывет наружу. Вот в Белом

доме и боятся, когда настанет время созывать пресс-конференцию, им придется как-то объяснить, что за сражения ты устраиваешь.

— Я выполнил свою работу. Французы, соответственно, свою. И остальные, надо полагать, тоже. Действовали мы эффективно. Конец истории.

— Да, но у французов потери личного состава достигают семидесяти процентов. За два года ты потерял четырех человек из двенадцати. Это, конечно, очень эффективно, но не то, что нам нужно, крошка Пол.

— Потери несут обе стороны. Когда я был там, французы на моих глазах уничтожили десятки вампиров.

— Мы предпочитаем называть их «особями с другой кровью» — ОДК.

Полу это не понравилось.

— Кто так решил?

— Департамент по правам человека.— Джастин снова зашелестел бумагами.— Я отпечатал для тебя их меморандум.

— А я и не знал, что у нас есть такой.

— Он находится в ведении Управления. И на него распространяется ПД 1482.

Президентская директива 1482 устанавливала процессуальные нормы для проведения секретных операций. Так как Пол не имел дела с людьми, то, естественно, предполагал, что это не имеет отношения к его работе.

Тэрк протянул ему документ.

— Нам приказано использовать эти руководящие указания в качестве основы для выработки политики.

Пол взял в руки листок бумаги.

— Кто это написал?

Джастин уклонился от ответа.

— Читай.

«Мы должны установить, являются ли так называемые вампиры человеческими существами. Для установления этого факта следует ответить на ряд вопросов.

Есть ли у них язык? Планируют ли они свои действия? Испытывают ли они чувства? Обладают ли они интеллектом, достаточным для выполнения действий? Если ответы на все эти вопросы или на большинство из них положительны, тогда следует признать, что они являются людьми или человекоподобными созданиями и, таким образом, находятся под защитой закона.

Далее, если они в самом деле должны поглощать человеческую плоть в качестве естественного условия своей жизнедеятельности, их не следует классифицировать как убийц или террористов, как не считаем мы убийцами хищников, питающихся дичью.

В то же время нам ничто не мешает предупредить наших граждан об опасности вампиров и предоставить им соответствующее руководство. Право дичи на попытку расстроить планы хищника будет таким же фундаментальным, как и право хищника убивать. Однако статус вампиров как существ, обладающих сознанием, предотвратит их простое истребление для устранения угрозы с их стороны.

Кроме того, относительная малочисленность вампиров может поставить их в ряд видов, находящихся под угрозой исчезновения, и на этом основании предоставить им определенный уровень защиты мест обитания и ограничить их отстрел.

Итак, существование этих существ должно быть обнародовано, а население следует обучать, как не стать их жертвами. Жизни вампиров будут защищены Международной конвенцией по правам человека и, возможно, законопроектами о видах, находящихся под угрозой исчезновения...»

Пол прервал чтение документа, потому что буквально был парализован от изумления. Может, он оттого потерял чувство реальности, что кровь отхлынула от головы? Или всему виной листок бумаги у него в руке?

— Джастин, не мог бы ты ответить на один вопрос? Не знаешь, Франц Кафка еще жив?

— Нет, умер. А что?

— А я было подумал, что такое мог написать только он...

— Пол, меня попросили уведомить тебя, что начато расследование твоей деятельности. Вероятно, будет возбуждено уголовное дело, поэтому мы официально рекомендуем тебе нанять адвоката. Если у тебя нет собственного...

— Нет у меня никакого адвоката!

— В таком случае тебе выделят юриста с таким же, как у тебя, допуском к секретной работе, и ты сможешь обсудить с ним свою ситуацию. Если ты не в состоянии оплатить его услуги, то тебе предоставят его бесплатно.

Пол мысленно приказал себе: «Сиди смирно, дыши глубже, не бледней, не красней, никого не бей и ничего не ломай».

— Пол!

— Минутку. Я просто пытаюсь решить, что мне делать — плакать или смеяться. А ты как думаешь? Лучше поплакать?

— Не я автор документа.

— Проклятье, Джастин, неужели ты не понимаешь, что эта бумажка означает?

— Попытку признать человеческие права чужеродного нам вида.

— Это лицензия вампирам на охоту и убийство людей. Господи, да эти твари отняли у меня отца! Мальчишка ждет, и его мать ждет, они все время ждут, но отца все нет и нет. И ты бессчетное число лет задаешься вопросом: он умер, или погиб, или просто нас бросил? Вопрос не дает тебе покоя, терзает твое сердце... В конце концов я нашел отца, точнее, его останки. А большинство людей ни черта не находят.

— Правительство решило, что особи с другой кровью являются частью природы.

— Джастин, извини за тупость, но разве мы не стараемся защитить людей? Я имею в виду, разве не это главное обещание правительства? Если у фермера гибнет скот из-за набегов койотов, знаешь, что тогда происходит? Он идет на охоту и отстреливает гадов или ставит на них ловушки. Природа создала койотов, чтобы они питались другими животными. Но это не значит, что фермер будет покорно этому подчиняться.

— Против тебя завели дело: неверное исполнение приказов или намеренное искажение их смысла. Тебе просто необходим адвокат. Ситуация серьезная, приятель. Вполне возможно, тебе придется отвечать по статье «убийство» за каждое существо, что ты уничтожил.

— Джастин, ради Бога!

Тэрк холодно смотрел на него.

— Директива исходит из Белого дома.

— А кто ее авторы? Кучка вчерашних студентов без всякого жизненного опыта. Речь ведь идет о том, что гибнут люди. Матери и сыновья, отцы и дочери.

Джастин опять завертел в руках трубку.

— Я всего лишь передаю приказ.

— А почему бы тебе перед президентом не замолвить словечко за меня, за этого глупого, ничтожного ворчуна, который, так уж случилось, выше всего на свете ставит человеческую жизнь? Пару дней назад в Париже я оказался в пещере... глубоко под землей... где увидел не меньше полумиллиона мертвых людей, сложенных штабелями... длинными штабелями. Гибель каждого из них была трагедией для родных и близких.

— У людей будет право защищаться.

— Защищаться от того, кто движется так быстро, что его не увидишь, кто сильнее тебя раза в четыре и раза в два сообразительнее? Не думаю.

— Людей защитит государство.

— Есть только один способ это сделать. Уничтожить вампиров.

— Пол, глупый фермер поступает экологически неразумно, когда расставляет ловушки или травит на своей территории койотов. Умный же организует дело так, что его стаду ничто не будет угрожать. Так вот, государство просто ведет себя как умный фермер.

— Но они все равно прорвутся. Они найдут способ!

— Кто-то из людей погибнет. Но так было всегда, разве нет?

— Давай кое-что предположим. Как-то ночью ты просыпаешься от того, что одна из этих тварей впивается тебе в шею. Что ты станешь делать — я имею в виду, ты, лично? Позвонишь девять-один-один? Ну же, представь хотя бы на минуту! Смелее!

— Хороший фермер использует различные эффективные и доступные средства, чтобы отпугнуть койотов. Мы будем действовать в том же направлении.

Пол решительно поднялся с кресла.

— Мне пора возвращаться в Париж. Операция еще не закончена.

— Мы не собираемся дальше участвовать в этом твоем варварском мероприятии. *Все* закончено, Пол, раз и навсегда! Договорились? А теперь тебе нужно встретиться с кое-какими людьми.

Что-то в тоне Джастина подсказывало, что люди, о которых он говорит, доставят ему много неприятностей.

В Соединенных Штатах имелись тайные тюрьмы для людей, нарушивших закон в ходе секретных операций. Закон в этих учреждениях представлял собой странную сюрреалистическую версию общепринятого: у тебя были права — но только не право уйти.

Что ж, в эту минуту у него еще были право и возможность уйти. Пол решил этим воспользоваться и, миновав приемную, оказался в коридоре. Двое мужчин шли ему навстречу; Пол, развернувшись, поспешил в другую сторону.

Шаги за спиной ускорились. Черт возьми, его это не устраивало. Всю свою сознательную жизнь он работал на эту организацию и не раз стоял перед Мемориальной стеной, горюя о павших товарищах по оружию. Уорд был абсолютно предан ЦРУ, и не важно, насколько глуп был последний директор или насколько непродуманной оказывалась политика в последнее время.

Уорд покинул здание, выбрав новый выход на западную стоянку, где, кстати, и припарковался. Забираясь в симпатичный маленький «сааб», прождавший его в гараже последние два года, Пол прикидывал, успеет ли проехать шлагбаум или Тэрк уже позвонил на проходную и велел его задержать.

Охранник, взглянув на его удостоверение, сделал отметку и открыл шлагбаум. Пол выехал с территории и вскоре уже подъезжал к скоростному шоссе. Был солнечный летний день, и мир вновь начал казаться доброжелательным. Ему нравились люди, которые ехали рядом с ним в своих машинах, он проникался их надеждами и чаяниями благодаря особому дару, которым обладает лишь тот, кто убивает, выполняя свой долг. И на этих замечательных, улыбающихся мужчин и женщин, стариков и детей разрешено охотиться, разрешено их убивать, и это не противоречит закону? Сама мысль об этом казалась абсурдной. Когда забираешь чью-то жизнь, то невольно начинаешь ценить ее превыше всего. Даже если необходимо кого-то убить, все равно эти мертвые остаются с тобой до конца твоей жизни. Но только не вампиры. Люди.

В этот обманчиво мирный полдень Пол понимал, что должен действовать чрезвычайно профессионально и быстро, иначе его самого подстрелят как дичь. Как раз в эту минуту где-то в покинутом им здании — скорее всего, в кабинете Тэрка — идет срочное совещание, на котором обсуждается один вопрос: Пол Уорд. Он превратился в того, кого называют «беглецом», агентом, который пустился в бега, после того как его действия были признаны непра-

вильными. Для ЦРУ такая реакция являлась доказательством prima facie* вины.

Его собственный план действий не вызывал никаких сомнений: нужно убить как можно больше вампиров начиная с этого момента и вплоть до той минуты, как бывшие коллеги его настигнут.

Он свернул с 495-го шоссе на 95-е, решив, что отправится в Балтимор, оставит там где-нибудь машину, а сам доберется на общественном транспорте до вокзала линии «Амтрак». Пункт назначения — Нью-Йорк. Именно там исчезла журналистка Эллен Вундерлинг: вполне возможно, она наткнулась на настоящего вампира, слишком много о нем узнала и была съедена.

И все-таки ему дьявольски не повезло с французской «Книгой Имен»: люди пожертвовали своими жизнями, чтобы раздобыть ее, а теперь он был лишен возможности ею воспользоваться. Хотя едва ли ему удалось бы прочесть в ней хоть слово.

Доехав до перекрестка, откуда начиналось шоссе 32, Пол решил немного развлечь тех, кто поедет за ним. Он свернул на шоссе, ведущее в Колумбию, довольно большой город, с хорошо развитой автобусной системой и собственным таксопарком.

Пока его верный «сааб» отдыхал в подземном гараже городского торгового центра, где машину было труднее засечь, Пол лениво бродил по залам универмага «Сирс». Там было так мило, так по-американски. Он придирчиво выбрал себе пару рубашек, брюки, синий пиджак, черные кроссовки и, выйдя из примерочной, внешне заметно отличался от прежнего Пола Уорда. Безусловно, совсем замаскироваться под кого-то другого ему не удалось, но даже такая мелочь, как другой костюм, не была лишней.

Включенный мобильник он незаметно подбросил в сумку какой-то женщины. Не пройдет и часа, ЦРУ навер-

---

* Доказательство, достаточное при отсутствии опровержения (*лат.*).

няка засечет телефон. Вот будет переполоху в неспешной и спокойной жизни этой дамочки!

Пол вышел из торгового центра, сел в такси и велел водителю отвезти его в студенческий городок при колледже святого Иоанна. Тысячу лет назад он проучился там пару семестров. Он прочел «Илиаду» и «Одиссею» под руководством профессора Кляйна, которому нацисты переломали все пальцы за то, что он играл на рояле лучше немцев. И все же, несмотря на боль, вечерами он исполнял Дебюсси, Шопена... Он презирал итальяшек, но ему так и не удалось отучить юного Пола от любви к Верди и Пуччини.

Пол единственный из всех студентов колледжа приветствовал войну во Вьетнаме, к тому же он оказался настолько глупым, что сообщил об этом urbi et orbi*, прикрепив к доске объявлений соответствующее воззвание. В результате его вскоре завербовало ЦРУ. Старик Джордж Хаузер — будь благословенна его память — сидел с ним на той скамейке, прямо под огромным дубом, и рассказывал, что это значит — быть оперативником, как важна эта работа, насколько это тяжело и какое порой испытываешь разочарование.

Пол прошел по дорожке, выложенной кирпичом, к корпусу Макдауэлла, административному зданию, где проводились собрания и спевки хора. Перешагнув порог, он услышал те же самые молодые голоса; на первом этаже по-прежнему была кофейня и стояла та же доска объявлений, с которой началась его теперешняя жизнь.

Пройдя здание насквозь, он оказался в маленьком дворе. Здесь располагался корпус Рандалла, где Пол когда-то жил, причем в отдельной комнате — к нему никого не подселили, главным образом потому, что не представляли, как человек, написавший такое сочинение на вступительном экзамене, сможет с кем-то ужиться. Его эссе было по-

---

* Городу и миру *(лат.)*.

священо Фоме Аквинскому и его «Сумме теологии». Как давно это было: молодой человек с короткой стрижкой и в очках, ревностный католик.

Пол сам толком не понимал, зачем приехал сюда. Неужели потому, что ему предстояло умереть и второе «я» уже это предчувствовало? Он знал многих оперативников, для которых расставание с жизнью начиналось примерно так же — с отторжения. «Ни за что не пойду в тюрьму»,— сказал он себе, отсчитывая глазами окна, чтобы найти свою прежнюю комнату. Каким маленьким теперь выглядел корпус Рандалла! В его воспоминаниях это было величественное здание. А сейчас казалось, что через него можно даже перепрыгнуть. Вампир, наверное, смог бы, во всяком случае был бы близок к тому.

Уорд попал в этот колледж благодаря дурацкой стипендии, премии Стивена Пайпера за академическую успеваемость. Оплата всего курса в учебном заведении по его выбору.

«И все-таки: как мне убивать вампиров теперь, когда я остался один? Осмелюсь ли я собрать своих людей? Нет, их остановят сразу же при въезде в страну».

Нужно заглянуть в библиотеку и воспользоваться одним из компьютеров, если они там есть. Он пошлет сообщение Бекки по электронной почте, используя собственный код, разработанный командой на случай крайней необходимости. А Бекки потом поделится новостью с остальными, что сидят в Куала.

Уорд беспрепятственно зашел в библиотеку, чьи двери были гостеприимно распахнуты — типичная для этого колледжа беспечность: никакой охраны, кругом одни женщины.

Никто не помешал ему сесть за компьютер у стойки библиотекаря. Ничего в этом колледже не меняется. И дело вовсе не в том, что здесь собрались чересчур доверчивые люди, просто они избегали с их точки зрения ненужных мелочей.

Пол запустил почтовое приложение и подключился к их серверу. Видит Бог, он никогда не предполагал, что ему придется воспользоваться кодом «кислый леденец», означавшим невероятное: ЦРУ пошло против операции и всем его людям, где бы они ни находились, нужно немедленно залечь на дно.

Когда Бекки прочтет это, небо для нее смешается с землей, но долг свой она выполнит. Пол набрал два слова. Затем добавил: «Обратись к Б.». Бокаж отлично понимал американских разведчиков, он предоставит ей надежную крышу. А что касается Пола... Скорее всего, он больше никогда не увидит Бекки, не узнает, какие сюрпризы ей уготовила судьба. Ладно, к черту, таков характер игры. Работаешь в полной темноте. Иногда рядом возникают другие фигуры, иногда ты один. Впрочем, он мог бы полюбить эту малышку. *Он мог бы ее полюбить.*

Уорд отослал сообщение от имени постоянного пользователя, работающего на этом компьютере, и сразу закрыл программу. Не было никакого смысла заниматься шифрованием. ЦРУ все равно вскрыло бы любую шифровку. Главное — не написать ничего, что позволило бы подключить программу поиска «Эшелон». Этого промаха он не допустил, он был абсолютно уверен. *Вполне уверен. Почти уверен.*

Выйдя из библиотеки, Пол торопливо направился к спортивной площадке, неподалеку от нее находилась автобусная остановка. Там росло дерево, под которым он когда-то поцеловал Конни Белл. Даже спустя все эти годы Уорд помнил, какая она была замечательная, эта Конни Белл. До сегодняшнего дня она оставалась для него прелестнейшей из женщин.

По щекам катились слезы, он плакал по потерянной карьере, поруганной чести, но больше всего по Конни Белл и ушедшей юности... и по Бекки, которую ему так и не удалось поцеловать. Вот дурак!

Его преследователи потратят время, отслеживая мобильник, кредитную карточку, банкоматы. Но Пол привык иметь при себе наличные деньги. Никому и в голову не придет хотя бы попытаться представить, как он поступит, никто не воспользуется старыми добрыми психологическими приемами слежки.

Пол не собирался прекращать истребление вампиров только потому, что потерял поддержку организации. К черту ЦРУ, он все равно будет выполнять свой долг. Может, он избавит США от этой нечисти, прежде чем бывшему начальству удастся его поймать? Джастин пусть засунет директиву в свою чертову трубку. *Вид, находящийся под угрозой исчезновения,* черта с два. Если он сотрет с лица земли проклятых тварей раньше, чем им предоставят защиту, как тогда поступят слюнтяи из Белого дома — начнут извиняться перед всем миром за то, что позволили твориться такому беспределу?

Правительство совершенно не владеет ситуацией. Если вампиры получат права и юридический статус — Господи, какой наступит мрак. Не пройдет и десяти лет, как эти чудовища снова начнут править миром.

Пришел автобус, Пол заплатил за билет и, откинувшись на спинку сиденья, закрыл глаза. «Тебе следовало закончить учебу в колледже, кретин»,— сказал он самому себе. Был бы теперь доктором философии. Тихая жизнь, семья. Только вот после такого детства, как у тебя, навсегда остаются шрамы. Но он сильный человек. Крутой парень.

А все почему? Что подтолкнуло его блестяще овладеть оружием, научиться убивать и жить в тени?

Уорд знал. Да, черт возьми, он знал ответ. Когда исчез его отец, мир для него изменился, превратившись в то место, где может случиться все, что угодно, и где никому не гарантирована безопасность. Пол стал таким, каков он есть, по очень простой причине: он жил с постоянным внутренним страхом, который никогда не покидал его, ни на минуту. Что, если исчезнут его дети? Или жена? В нем

жила слишком большая неуверенность, чтобы радоваться настоящей любви.

За свою жизнь Пол убил не меньше полусотни человек, некоторых голыми руками. Он пытал людей методично, без радости, но с тем же упорством, которое помогало ему теперь уходить от преследователей. Он видел за сиюминутной трагедией великую цель и жег электрическим током гениталии камбоджийских ребят, чтобы добыть сведения, которые могли спасти многих американцев. Неужели матери и жены тех солдат, кто благодаря ему вернулся домой целым и невредимым, скажут, что он поступал дурно?

Пересев на другую автобусную линию, Уорд доехал до вокзала, там он подошел к газетному киоску, выбрал несколько журналов, затем купил билет в вагон-салон скоростного поезда, отходящего в четыре тридцать пять.

Всегда существует вероятность того, что вокзал взят под наблюдение, поэтому Пол зашел в мужской туалет и заперся в кабинке. Парни приходили и уходили, с обеих сторон спускали воду, а он прочитал об охоте на лосей, затем пролистал объявления. Журнал «Река и поле» всегда напоминал ему о последней охоте, на которую он ходил с отцом. Они поднялись на утес Чаттаминими и на восходе солнца увидели оленя, такого красавца, что дух захватывало. Произошло это недели за две до того дня, когда погиб отец. Вампир в то время наверняка уже выслеживал его. Скорее всего, эта тварь находилась в каких-нибудь нескольких футах от них, примеривалась, изучала жертву. «Что это за запах?» — спросил тогда маленький Пол. «Летучие мыши,— ответил отец,— чуть дальше полно пещер с летучими мышами». Оказалось, никакие это не летучие мыши.

Пол подождал до четырех тридцати двух, затем едва ли не бегом отправился на платформу. Если на вокзале устроена засада, то такой рывок вызвал бы перегруппировку агентов.

Хвоста не было, а еще он чуть не опоздал на дурацкий поезд. Вскочил в последний вагон, затем нашел свое место и, расположившись в кресле, сделал вид, что читает «Ньюсуик», а сам осторожно оценивал обстановку, приглядываясь к пассажирам. Кроме него в вагоне ехала женщина с двумя маленькими девочками, несколько бизнесменов, парочка туристов, судя по всему из Восточной Европы. Пола особенно заинтересовала женщина. Это был бы ловкий ход, именно к таким маскировкам ЦРУ чаще всего прибегает, когда охотится за профессионалом.

И все же он надеялся, что избежал слежки и бывшие коллеги даже близко к нему не подобрались. По его расчетам, у него в распоряжении было не меньше недели, прежде чем на всех плакатах «Разыскивается полицией» появится знакомая с детства физиономия. Наверное, его назовут серийным убийцей детей или придумают что-нибудь похлеще, желая привлечь внимание полиции по всей стране.

За окнами проносилась его Америка, страна аккуратных предместий и обветшалых старых фабрик, примкнувших к железнодорожным путям. Он помнил, что когда-то, очень давно, это была центральная нью-йоркская ветка, как он впервые отправился в Нью-Йорк и вышел на Пенсильванском вокзале с глазами круглыми, как плошки, и пятнадцатью туго свернутыми долларами в кармане. Жил он тогда в отеле «Тафт» на Седьмой авеню в номере с тремя другими парнями из его колледжа.

Именно в ту поездку он впервые увидел настоящую живопись, великую картину Ван Гога «Звездная ночь» в Музее современного искусства. А еще — впервые попал в оперу. Давали «Турандот», и эта история о жестокой принцессе, жившей в лунном дворце в глубокой древности, потрясла его.

Тогда он был молодым человеком, только-только познающим окружающий мир. Первая рюмка спиртного, первая сигарета, а ночью — мечты о Конни Белл.

А теперь он, Пол Уорд, превратился в машину для убийства, утратив дар любить женщин. Он все еще мог заниматься сексом, что и проделывал при удобном случае либо с проститутками, либо со случайными девицами. Но любовь? Нет. Та часть сердца давно перегорела.

Два с половиной часа пролетели незаметно, поезд въезжал в Пенсильванский тоннель.

Нью-Йорк. Тут, вероятно, дело не закончится, потому что Уорд намерен следовать по своему пути, пока не исчезнет последний вампир в этой стране. Но начать необходимо именно здесь, хотя никто в этом городе до сих пор не встречался с вампиром, поэтому происшествие в Токио оказалось для ЦРУ полной неожиданностью. Очень жаль, что европейцы держали в тайне осуществление своих программ.

Пол покинул вагон последним и в одиночестве прошел по платформе, затем пересек Пенсильванский вокзал. Никакой слежки.

Мимо с ревом проносились такси, по тротуарам текли толпы людей. Он устал, устал как собака, очень хотелось выпить, точнее, напиться до бесчувствия. И совсем было бы здорово найти пару драчунов в баре, хотя в его теперешнем нелегальном положении нельзя позволить себе такие развлечения. Но как только подвернется случай, он сделает несколько ударов от души, хотя бы в стену.

Перелет из Парижа прошел паршиво: место в середине, с одной стороны сидел мальчишка с огромными кульками попкорна, а с другой — какой-то потливый мужчина. Не успели приземлиться, как тут же пересадка в Лэнгли, а там его ждал душ из помоев.

Ты сжег собственный дом, приятель. И какого черта ты так поступил? Может, те два парня собирались вручить тебе награду?

Уорд дотащился до конца улицы и вскоре оказался возле театра «Мэдисон-Сквер-Гарден». Сегодня там давал

концерт Лу Рид. Вот что поможет ему чуть взбодриться! Кроме того, нырнуть лишний раз в толпу никогда не помешает: сначала нужно избавиться от возможных хвостов, а потом уже искать пристанище. Пол завернул за угол и, подойдя к билетной кассе, попросил билет поближе к выходу.

— Все продано.

— А сколько стоит с рук?

— Восемьсот и выше. Парень в черной куртке, на углу, у него еще осталось несколько.

Черт с ним. Это ему не по карману, ему всегда не по карману все хорошее. Разведка не приносила лишних доходов, особенно оперативная. Джеймс Бонд — всего лишь жестокая фантазия.

Пол решил поискать койку за наличные и поспать несколько часов. А потом он начнет свое расследование, отыщет паразитов в их норах и уничтожит — всех до одного.

13

НОЧЬ НАПРОЛЕТ

Весь этот долгий трудный день Сара ждала, но Мириам продолжала отмалчиваться, хотя, казалось, привычная атмосфера власти и денег должна была вернуть ей самообладание. В последний момент она решила не идти на концерт Лу, сославшись на усталость. Но... Мириам никогда не уставала, она просто слишком испугалась.

Кто мог быть ей опасен? Пусть другие Властители испытывают к ней неприязнь, но они ни за что бы не стали ее терроризировать. Неужели виной всему человек? Такое казалось невозможным.

Бессонной, беспокойной ночью голод Сары усилился. Мириам не предложила подруге поддержку и утешение, к которым та привыкла. Вместо этого она поручила Лео поухаживать за Сарой, дать ей аспирин, а потом пригото-

вить трубки. Сару раздражало присутствие этой девушки. Ей не нравилась Лео, и она не хотела, чтобы та вмешивалась в их жизнь.

Сара курила в библиотеке, а Мириам тем временем просматривала древний фолиант, написанный на прайме. Казалось, она выискивает что-то в своих книгах, внимательно листая страницы с яркими иллюстрациями. Сара так и не смогла разобраться в невероятно сложных иероглифах, а когда попросила научить ее этому языку, Мириам ответила: «Особи твоего вида недостаточно интеллектуально развиты, чтобы понять мой язык. Возможно, мне и удалось бы научить тебя читать список, но кому это нужно?»

Разумеется, вся важная информация о Властителях содержалась в «Книгах Имен». Если Саре и суждено когда-нибудь закончить свой собственный труд, то необходимо выучить этот язык — или обратиться к профессиональным лингвистам и шифровальщикам.

На Мириам сейчас был один из ее многочисленных париков. Эффектная короткая стрижка, светлые волосы, так она выглядела еще моложе. И все-таки на ее теле остались следы ожогов. В который раз Сара спрашивала себя: кто мог сотворить такое? Даже если это был кто-то из Властителей, почему она до сих пор испытывает страх? Властители ведь не преследуют друг друга, преодолевая большие расстояния. И никогда выяснение отношений между ними не приводит к смерти.

Ближе к рассвету Сара очнулась после наркотика. Самочувствие ужасное: в желудке полно кислоты, все тело ныло от боли, сердце стучало, как молот. Она отлично знала симптомы: кровь Мириам, этот чужеродный элемент в человеческом теле, напоминает о себе, вызывая муки голода. Ее удивило, что снизу доносились не два голоса, а больше. Странно, что в такое время, около четырех утра, в доме находился посторонний. К голосам примешивалось гудение большой печи в подвале, которую разжигали, когда предстояло уничтожить остатки трапезы.

Поспешив на кухню, Сара застала Мириам и Лео за неожиданным занятием: они прислуживали какой-то толстой оборванке лет шестидесяти, от которой все просторное помещение провоняло мочой и потом. Сара, как врач, сразу увидела, что у нее запущенный рак кожи, а прикрытый правый глаз свидетельствовал о невылеченном инсульте. Она не могла отвести взгляд от полупьяной женщины, которая уписывала испеченный Лео пирог с ревенем. Лео умела печь. А еще — она великолепно жарила цыплят. Но сейчас ее рукава были засучены, а из заднего кармана джинсов торчали наручники.

Сара пришла в ужас. Девчонке позволили участвовать *в этом*! Мириам, наверное, сошла с ума! Такие дела касались исключительно Властителей и одной с ними крови людей. Ни при каких обстоятельствах не следовало сюда допускать непосвященного.

— Привет,— радостно поздоровалась Лео.— Я раздобыла то, что тебе нужно.

Сара взглянула на Мириам, которая, прислонившись к холодильнику, безучастно наблюдала за происходящим. Встретившись взглядом со своей любовницей, она кивнула:

— Приступай.

Лео обратилась к женщине:

— Еще молока?

Та ответила:

— Хорошо бы, дорогуша.

— Мири! — Сара показала глазами в сторону Лео: разве можно насыщаться на глазах у этой девчонки? А Лео тем временем, переместившись за спину торопливо жевавшей оборванки, как будто собираясь подойти к холодильнику, вытянула из кармана джинсов носок, набитый подшипниками, и замерла, ожидая сигнала.

Видимо, Мириам хорошо ее проинструктировала. Открыла свою ужасную тайну обычному человеку! Что, если Лео отправится в полицию, начнет шантажировать... ее

нельзя будет остановить, если только не поработить, как Сару, поместив в оковы вампирской крови.

Девушка неловко ударила женщину, та ойкнула от удивления, и кусок пирога выпал у нее изо рта.

— Еще раз,— велела Мириам, сохраняя полное спокойствие.

Женщина, с выпученными от удивления глазами, начала подниматься со стула. Лео нанесла второй удар, но жертва находилась в движении, поэтому этот удар оказался еще менее действенным. Толстуха, ругаясь на каком-то славянском языке, повалилась грудью на стол.

— Ну же, Лео! — Мириам воодушевилась.

На этот раз удар пришелся на макушку — не самое удачное место, но сделан он был с размахом, и женщина, соскользнув со стола, рухнула на каменный пол.

— А теперь,— Властительница не скрывала своей радости,— доктор подготовит ее своим маленьким ножиком для кровопускания, не так ли, дорогая? Принеси саборчик, Лео очень интересуется.

Сара посмотрела на распростертое тело, грудь женщины медленно вздымалась, лицо приняло странное выражение покоя.

— Он у меня в кабинете.

— Так неси его быстрее.

Доктор Робертс поднялась в спальню, прошла ее насквозь, преодолела еще одну узкую лестницу и оказалась в тесной комнатенке, которую могла назвать своей. Вид из окна открывался на стену, зато потолок был стеклянный. В ясные дни Сара, лежа на диване, уносилась мыслями высоко в небо над головой.

Рабочий стол был завален бумагами, а на экране монитора светилась заставка программы по статистическому анализу, данными которой она недавно пользовалась. Сара исследовала влияние нового плазменного раствора, полученного из крови Мириам, на разложившиеся клетки

тел ее бывших любовников. Пока эксперименты давали в лучшем случае неоднозначный результат.

Сара понимала, что не должна задерживаться, но тем не менее почти упала на стул — ноги подкашивались, голод терзал ее внутренности.

Перед тем как забрать чужую жизнь, она нуждалась в небольшом утешении, поэтому бегло просматривала сейчас свою статистику по клеточным структурам — за этими сухими цифрами скрывался способ, как исторгнуть кровь Мириам из собственного тела... может быть, даже спасти тех, кто находился на грани между жизнью и смертью, пока эта кровь текла в их сосудах.

Сара щелкнула несколько раз кнопкой мыши, и на экране появилась фотография того, кто давным-давно умер. Этот снимок находился под строгим запретом, Мириам приказала, чтобы в доме его не было.

Она и Том Хейвер когда-то вместе работали в Риверсайдской больнице, это время было полно опьяняющих побед. На фотографии Том улыбался. Это были их последние беззаботные минуты вместе. И последний счастливый миг в жизни Сары Робертс.

За его спиной виднеется музей «Морской порт у Саутстрит», в ту пору там еще не успели понастроить все эти новые рестораны и магазины. Они только что сошли с одного из старых парусников, на Томе была ветровка.

Сара помнила каждую подробность того солнечного осеннего дня, когда она сделала этот снимок, в ее памяти остался даже запах лосьона после бритья. Любимый аромат Тома, под названием что-то вроде «Рубин...», ах да — «Нефрит Востока». Они прошли рука об руку по Саутстрит, купили устриц на Фултонском рыбном рынке, вернулись домой и съели их на крошечном балконе своей квартиры. Господи, как они любили друг друга!..

Одиннадцать дней спустя она убила его. Она убила Тома, и сейчас его душа покоится в ней. Сара никогда о нем не говорила и даже не осмеливалась думать, потому что

иногда казалось, будто Мири читает чужие мысли. Но он был ее частью, и к нему она отправится, если когда-нибудь исстрадавшаяся душа освободится из плена этой жизни.

Сара вернула фотографию в скрытый файл, она даже боялась вообразить, что случится, если Мири обнаружит снимок.

Ей не следует задерживаться здесь, она должна вынуть из ящика стола ланцет и быстро отнести его вниз, но Сара вместо этого не могла оторвать взгляд от неприметной двери рядом с диваном. Повинуясь какому-то безотчетному порыву, она встала и, коснувшись дверной ручки, повернула ее. Темные ступени уходили круто вверх. Женщина чуть помедлила на нижней ступеньке, затем быстро поднялась наверх.

Чердак простирался на всю длину огромного дома, свет проникал сюда сквозь маленькие овальные окошки. В случае необходимости можно было воспользоваться старинными медными светильниками, что свисали с поперечных балок, среди которых обосновались летучие мыши. Была какая-то строгая красота в этом просторном помещении с гладким серым полом, где стояли гробы и ящики, свидетельствующие о несокрушимой вере хозяйки этого дома в свое право на жизнь и смерть ее бывших возлюбленных.

Подойдя к скромному на вид гробу из серой стали, Сара откинула крышку, провела пальцами вдоль белой атласной обшивки, дотронулась до маленькой подушечки, на которой когда-то покоилась ее голова.

Здесь она прошла сквозь смерть, здесь ее вернули к жизни. Наверное, этот гроб — ее истинный дом, центр ее мироздания. Она приходила сюда, когда Мири погружалась в *Сон* после насыщения или — как сейчас — была чем-то занята. Тогда Сара забиралась в гроб, закрывала крышку и оставалась лежать, пока хватало воздуха, и ей

казалось, будто обожженную, измученную душу успокаивает свежая вода.

Сара посмотрела глазами, полными слез, на гроб, стоящий у дальней стены. Ее госпожа очень часто приходила к нему, Джону Блейлоку. Но Мири не знала, что Сара иногда открывала этот гроб... как и теперь собиралась это сделать.

С тихим щелчком поднялась крышка, в нос ей ударил знакомый острый запах — Мириам держала там букет из сухих цветов. Труп был одет во фрак и белую рубашку с высоким воротничком. Шея стала совсем тощая, а лицо исказил глубокий некроз мертвого тела, высыхавшего в течение вот уже многих-многих лет.

Оскаленный рот искажала гримаса, и было в ней нечто странное, что-то живое, отчего долго смотреть на то, что когда-то было лицом Блейлока, становилось невозможным. В мертвеце теплилась жизнь.

Сара легко коснулась тонкой руки усопшего, потом наклонилась, тронула губами сухую впалую щеку и прошептала:

— Я делаю успехи, Джон. Правда, небольшие, но все-таки успехи. Дело движется.

Со скоростью часовой стрелки мертвые пальцы начали шевелиться. Если бы у нее был час, или два, или три, Джон Блейлок постепенно схватил бы ее запястье, а его ногти впились бы в ее плоть, словно пытаясь проникнуть к венам. Но сейчас последовало почти незаметное движение, легкая пульсация костлявого пальца на мягкой ладони, едва заметное надавливание длинного твердого ногтя на один из ее пальцев.

Сара отстранилась. Мертвое тело издавало шелест не громче шелота падающих листьев, и в ответ женщина пропела ему своим чистым нежным голосом песню, известную всем рабам Мириам: *«Спи, мое дитя, всю ночь напролет. Бог ангела-хранителя пошлет...»*

Мириам будет недовольна, что она задержалась. Но у Сары были свои отношения с Джоном и остальными. Наступит день, и она либо вернет их к жизни, либо подарит им освобождение, истинную смерть. Этот день обязательно наступит.

Ее исследование продвинулось гораздо дальше, чем она рассказывала Мириам. Фактически она больше кого-либо в мире понимала физическую сущность души, потому что сама когда-то превратилась в душу, закованную в тиски собственного умершего тела. Эта сильная электромагнитная сущность может подвергаться исследованию, так как представляет собой часть физического мира. Душа является живой плазмой, состоящей из триллионов электронов, каждый из которых вращается со своей собственной скоростью, являясь крошечной частью гармонии и памяти целого невероятно сложного организма...

Направляясь к двери, Сара слышала, как шелест постепенно ослабевает, в конце концов он затих на ноте, в которой безошибочно угадывалось уныние. Она вынула из ящика стола начищенный до блеска серебряный ланцет и поспешно спустилась вниз.

Грузное тело жертвы горой возвышалось на белом кухонном столе.

— Возьми стул,— приказала Мириам, обращаясь к Лео.— Это зрелище достойно внимания.— Она бросила сердитый взгляд на свою подругу, но ничего не сказала по поводу ее медлительности.

Сара попыталась унять дрожь в руке, нащупывая пульс. Врачебная практика позволяла ей точно определять, какая шейная артерия даст максимальный напор.

— Что это за инструмент? Выглядит красиво.

Сара быстро взглянула на Лео, которая уселась у края стола, подперев подбородок руками. Она собиралась наблюдать за смертью невинного человека, и в ее ясных глазах не было видно и тени жалости или сострадания — одно лишь любопытство. Саре никогда не нравилась Лео,

но теперь она просто презирала ее. Может, запустить в нее проклятым ланцетом?

Она не ответила на вопрос девушки, и за нее это сделала Мириам:

— Это древний хирургический инструмент, еще с тех времен, когда врачи лечили от всех болезней кровопусканием. Вот этот загнутый кончик проникает в вену, а потом лезвие вскрывает ее. Нужны ловкие руки и большая практика, чтобы делать это.

— А ты умеешь?

— Мне он не нужен.

Мириам открыла рот, и Лео охнула от удивления при виде воронкообразной каверны с заостренным черным языком в центре.

У Сары глаза наполнились слезами, в горле стоял комок, но держалась она гордо, стараясь в силу профессионализма хорошо выполнить то, что она умела. Все-таки у нее нет силы воли — ей следовало после гибели Тома покончить с собой.

— А вы не собираетесь привести ее в чувство? — спросила Лео.

Мириам расхохоталась.

— Они ей нравятся холодненькие! У Сары странные привычки.

Мириам имела в виду, что кровь страдающей жертвы гораздо вкуснее: адреналин придает ей восхитительную пикантность.

Лео обошла стол и наклонилась, чтобы лучше наблюдать за процессом насыщения. Щеки Сары горели от смущения, душу терзал стыд. Но кровь уже капала... Боже, какой сладостный запах!

Вдруг женщина, дернувшись, слабо застонала.

— Мне снова ударить? — Лео вопросительно смотрела на Мириам.

— Будь добра,— с трудом выговорила Сара.— Лео, прошу тебя!

Мириам остановила руку Лео.

Жертва открыла глаза. Сара злобно взглянула на Мириам.

— Мири!

— Лео, не смей шевелиться!

— Какого черта?

Женщина попыталась сесть, и Сара толчком уложила ее обратно на стол, снова пронзила ланцетом артерию и плотно сомкнула губы на шее жертвы. Оборванка дергалась и сопротивлялась, но Мири, удерживая ей голову, заставила Лео лечь поперек туловища.

Стенки артерии сопротивлялись, но затем расслабились, и в глотку Сары хлынул поток свежей теплой соленой крови. Эффект был в тысячи раз сильнее, чем от укола чистейшего героина. По коже пробежали мурашки, ее охватила дрожь от кончиков пальцев до макушки, волна восторга прокатилась по телу, как при оргазме. Откуда-то издалека доносились плач Лео и голос Мириам, спокойный и вкрадчивый, произносивший отнюдь не искренние слова утешения.

Сара продолжала глотать, вопли старухи сменились рычащим бормотанием. Наконец сердце остановилось, и поток крови ослаб. Сара выпрямилась над безжизненным телом.

В дальнем конце кухни стояла Лео с округлившимися глазами и прижатыми к груди руками.

— Подойди ко мне,— велела Мириам.

Девушка покачала головой.

Тогда Мириам сама подошла к ней и потянула ее за руку.

— *Смотри!*

Одним мощным глотком Мириам исторгла из старухи последние капли жидкости. Кожа мгновенно обтянула тело, превращаясь в сухой пергамент, хрящи лопались, а мускулы напоминали узловатые веревки.

Взгляд Лео стал диким, она повернулась и побежала к двери. Мириам настигла ее в мгновение ока и, схватив за воротник, залепила ей пощечину так, что голову свернуло набок.

— Заткнись!

Мириам метнула озлобленный взгляд на Сару, которую уже охватывала эйфория, наступавшая каждый раз после особенно удачной трапезы. Моральные терзания имеют свои границы. Сейчас она пребывала в полном ладу со всем миром.

— Отведи Лео вниз и покажи ей, как правильно сжечь останки. Чтобы даже пепла не осталось. Слышишь?

— Да, Мири.

— Простите меня! — забормотала Лео, размазывая слезы по щекам.— Я запаниковала.— Она осторожно дотронулась до черепа, туго обтянутого кожей.— Невероятно!

— Это небольшая плата за обладание вечной жизнью, моя дорогая.

Они сожгли останки в голубоватом пламени; Сара внимательно следила за температурой в печи.

— Ну как, весело?

— Веселье здесь неуместно,— напыщенно заявила Лео.— Все-таки женщине пришлось расстаться с жизнью.

— Ради того, чтобы я утолила голод? Наверное, мне следовало убить себя.

— Нет, ты имеешь право! Тебя такой сотворила природа.

— Природа здесь ни при чем. Это дело рук Мириам Блейлок. И с тобой она намерена поступить точно так же.

— Мириам Блейлок и есть природа. Если она даст мне свою кровь, то для меня это явится величайшим благодеянием.

Только они начали подниматься по лестнице, как услышали голос Мириам:

— Зайдите ко мне в кабинет, пожалуйста.

Сара испытала настоящий шок, когда разглядела, в каком та была виде: без одежды и без каких-либо следов косметики. На лысой голове начали отрастать волосы, образуя светлую щетинку. Лео удивленно охнула. Сара взяла ее за руку и сказала:

— Не бойся.

— Но ведь она...

— Она не человек, Лео.

И все-таки Сара любила свою госпожу, которая дарила страстные поцелуи и ласки ее дрожавшему от возбуждения телу. «Ты моя красавица,— приговаривала Мириам, покрывая поцелуями ее губы, глаза, влажное лоно.— Хорошенькая, как ангелочек».

Лео не смогла сдержать крик ужаса, глядя на приближавшееся к ней высокое существо с ярко-красными глазами и тонкими, как проволока, губами. Мириам взяла Лео за руку — итак, ловушка захлопнулась. Что бы девушка сейчас ни делала, ей не освободиться от железной хватки нежных на вид пальцев. С одной стороны, Сару охватил невольный ужас от того, как быстро действовала Мириам, так что у девчонки не было времени как следует подумать. Но в то же время ее интересовал процесс переливания крови, и она рада была возможности понаблюдать за ним.

Последствия насыщения начали сказываться, поэтому Сара испытывала необычайную приподнятость духа. Но через час или два наступит *Сон*, и тогда она вверит свое тело и душу заботам и защите своей почитаемой и презираемой повелительницы. Мириам, конечно, укротила Сару, но только до известной степени. Но и Сара, в свою очередь, воздействовала на Мириам, тем более что их объединяло желание испытывать восторг от обладания друг другом.

Инструмент для переливания крови — черный шланг, снабженный маленькой ручной помпой и двумя большими серебряными иголками,— уже свисал с руки Мириам.

Спотыкаясь, Лео последовала за Мириам в маленькую комнату, смежную с кабинетом. Благодаря стараниям доктора Робертс она напоминала хорошо оснащенную больничную палату. Мириам похлопала по блестевшему никелем смотровому столу, и Лео взгромоздилась на него.

— Принеси пакеты со льдом,— велела Мириам Саре.

— Какие еще пакеты? — поинтересовалась Лео.

— Для этой процедуры мы используем пакеты со льдом,— сказала Мириам.— А теперь раздевайся. Быстро!

Лео послушно сбросила одежду на пол и улеглась на столе, вытянув по бокам руки.

— Я боюсь иголок,— сказала Лео, когда Сара начала нащупывать вену.

— Сейчас тебе перельют кровь твоих вечных Властителей,— заговорила проникновенным голосом Мириам.— Ты станешь частью меня, а я стану тобой. Поняла?

— Думаю, да,— испуганно прошептала Лео.

— Тебе будет дарована вечная жизнь.

— Мири!

Мириам бросила на Сару устрашающий взгляд: «Молчи!»

— Вечная жизнь! Но ты будешь связана со мной неразрывной связью, тебе придется беспрекословно угождать мне. Поняла?

Лео повернула заплаканное лицо к Саре, и та прочла в ее глазах безмолвный призыв о помощи.

— Установи иголку.

— Н-н-нет,— Сара затрясла головой.— Нет!

— Делай что говорю!

— Лео, откажись!

Она попыталась поймать взгляд Лео, но девушка больше не смотрела на нее. Тем временем Мириам схватила иглу и сама всадила ее в руку своей подопечной. Сара поспешила ей на помощь и установила иглу как следует, закрепив пластырем.

— Если хочешь, можешь уйти.— Мириам выждала паузу.— Я еще не приступала.

— Больно!

— Еще раз повторяю, ты можешь уйти.

Девушка молчала. Тогда Мириам начала работать грушей, ритмично сжимая ее; Лео дернулась на столе, издав громкий крик.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Сара.

— Рука горит огнем!

— Тебе не дурно? Голова не кружится?

— Я вижу древний город!

Сара дотронулась до ее шеи — пульс учащенный, затем положила руку на лоб девушки. Господи, да у нее жар! Тогда Сара принесла пакеты со льдом и обложила ими Лео с двух сторон. Девушку начало трясти, глаза закатились.

— Медленнее,— Сара покачала головой,— а то у нее случится удар.

У Лео самопроизвольно опорожнился кишечник.

— Убери,— отрывисто приказала Мириам, и Сара принялась возиться с полотенцами, губками и судном.

Девушка выгибала спину, металась, мотала головой из стороны в сторону. Сара измерила кровяное давление: 270 на 140, пульс 132, температура 106 градусов по Фаренгейту. Ей осталось жить не больше получаса, скорее всего минут пятнадцать, а потом мозг не выдержит. Сара принесла еще льда, один пакет сунула ей под шею, другой — между ног. Температура упала до 104 градусов.

В течение десяти минут Мириам подкачивала насос еще пять раз. Лео пришла в себя и оглядела обеих воспаленными глазами.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Сара.

— Воды...

Мириам вынула иглы. Сара промыла ранку Лео спиртом и йодом, наложила небольшую давящую повязку, чтобы остановить кровь. С Мириам возиться не пришлось. Рана у нее затянется меньше чем через минуту.

— Как ты узнала, когда остановиться?

— По цвету кожи.

— А что бы произошло, если бы ты не остановилась?

— Я бы зря потратила кровь. Она бы умерла.

Мириам подняла на руки Лео и вышла с ней из палаты, Сара последовала за ними в спальню. Мириам опустила на середину кровати девушку, все тело которой пламенело, как цветок, и улеглась рядом, напевая своей новой пленнице: *«Спи, мое дитя, всю ночь напролет...»*

Сара тяжело рухнула на диван; а когда наконец наступил Сон, она оказалась на золотом паруснике в открытом море. В высоком голубом небе носились с криками чайки, они планировали вниз, подлетая к парусам ее корабля, и что-то кричали хриплыми назойливыми голосами.

14

«МАСКИ»

Сара проснулась, когда послеполуденное солнце беспощадно палило в высокие окна спальни. И сразу к ней бросилась Лео со своими поцелуями и объятиями.

— Сара, я так рада, что ты проснулась! Я безумно соскучилась!

— Тебе... тебе не плохо? — Сара полагала, что девушка должна была сейчас находиться где-то между жизнью и смертью.

— Было плохо,— Лео кивнула.— Очень плохо.

— Ты проспала два дня.— Мириам в белом шелковом платье вышла из полосы света, как спустившийся с небес ангел. Отросшие волосы разметались золотистыми прядями по молочно-белым плечам, глаза обрели привычный пепельно-серый цвет.— Сегодня устроим музыкальный вечер. Пригласишь своих друзей, ценителей музыки.

Сара взяла Лео за руки.

— Леонора, ты понимаешь, что с тобой произошло? *Ты хоть что-нибудь понимаешь?*

— Только взгляни на мое лицо, руки, тело!

Сара прекрасно помнила, как сама когда-то сделала такое же чудесное открытие. Любая женщина мечтает о безукоризненной коже, и вот наконец она с гордостью и восхищением смотрит на себя в зеркало.

Лео тряхнула головой.

— А какие волосы!

Волосы были столь же прекрасны, как у Сары, почти под стать роскошной шевелюре Мириам. Словом, еще недавно просто хорошенькая девушка Лео превратилась в неотразимую красавицу.

— Вчера меня рвало, но сейчас мне лучше.

— Пришлось использовать весь запас противорвотных средств,— заметила Мириам.— Она принимала лекарства лучше, чем ты.

— А теперь я чувствую себя...— Лео широко развела руки, словно намереваясь заключить в объятия целый мир,— я чувствую себя потрясающе!

Сара отправилась в душ, девушка не отставала ни на шаг, забрасывая вопросами. Когда ей следует выйти на охоту? Они вместе пойдут или поодиночке? И так далее, в том же духе.

— Лео,— наконец Сара не выдержала,— я всегда моюсь в одиночестве.

Пожав плечами, девушка убралась восвояси.

Когда Сара спустилась вниз, Лео сидела скрестив ноги на полу библиотеки и разглядывала книги Властителей, а ведь прежде ей не разрешали даже дотронуться до них. Она небрежно отшвырнула древний фолиант и бросилась к Саре с очередной порцией вопросов о новых ощущениях и симптомах.

Подняв книгу, Сара вернула ее на полку.

— С ними следует обращаться бережно.

— Ага, они все на египетском!

— Это не египетский язык. Язык Властителей называется прайм, а книге, которую ты листала, тридцать тысяч

лет. Страницы — тончайшей выделки человеческая кожа, и таких замечательных иллюстраций не найдется больше ни в одной книге, посвященной медицине. Ее просто невозможно оценить, Лео.

Девушка посмотрела на нее взглядом удивленной гончей. Но уже через секунду, тряхнув кудрями, продолжила допрос:

— Каковы первые признаки голода? Я не знаю даже этого.

— Тебе станет холодно. Потом ты начнешь терять силы. Вот так это все и начинается.

— Стоит ли завести собственный ланцет?

С таким энтузиазмом обычно невесты обсуждают подвенечное платье.

— Используй рыболовный крючок.

— Крючок?

— Акулий вполне подойдет, я пользовалась таким много лет. А ланцет принадлежал моему предшественнику. Мириам недавно подарила его мне.

— Твоему... какому еще предшественнику?

— А разве Мириам не говорила? Нас хватает лет на двести — если, разумеется, не происходит никакого несчастного случая.

— Мы умираем?

— О нет. Этого нам не дано. Мы завершаем свой жизненный путь на чердаке.— Сара улыбнулась.— Как вышедшие из моды пальто.

Лео боязливо покосилась в сторону лестницы.

— Значит, тебя не предупредили?

— Да нет же!

Сара взяла Лео за руку и повела к лестнице, но на верхней площадке их встретила Мириам.

— Мне казалось, что ты собираешься заняться делом, Сара.

— Каким делом?

— Цветами. Для наших гостей.

— Я?.. Да. Собиралась.

— Мири, мы умрем?

— Нет, вы не умрете.

— Но она сказала...

— *То*, что находится на чердаке,— мое личное дело. Как и *те* книги. Не смейте прикасаться к вещам Властителей без моего разрешения!

— Я думала...

— Ты думала, что теперь имеешь право распоряжаться здесь только потому, что в тебе течет моя кровь? Ступайте вниз и займитесь цветами, обе. И еще одно, Сара...

— Да, Мири?

— Будь осторожна. Очень осторожна.

Пока Сара составляла букеты, которые будут украшать рояль во время музицирования, Лео беспечно болтала о том, каких людей она бы предпочла «попробовать». В конце концов Сара не выдержала:

— Ты превратилась в серийного убийцу.

Лео обескураженно замолчала, выслушивая гневные обличения:

— Именно так! За те сотни лет, которые теперь у тебя появились, ты заберешь тысячи жизней! Мужчин, женщин, детей, а каждый из них хочет жить и заслуживает того, чтобы жить, а ты украдешь их жизни... потому что ты жадное, эгоистичное маленькое чудовище!

— Са-а-ра!

— Да ты даже не стоишь бородавки на любом из их пальцев! Ни единой! Но в своем высокомерии ты полагаешь, что получила какое-то естественное право убивать их! У Мириам есть такое право... возможно! Но у тебя, безусловно, нет.

— И у тебя тоже!

— Со мной это было проделано против моей воли, я не хотела — в отличие от тебя!

Выяснение отношений пришлось прервать: на пороге комнаты стояла Мириам.

— Мири,— взвыла Лео,— она...

— У меня пока со слухом все в порядке,— заметила Мириам, бросая гневные взгляды то на одну, то на другую.— Две канарейки в одной клетке,— прокомментировала она.— Вам следует научиться ладить, потому что отсюда вам не улететь. Я попала в беду, и вы мне нужны обе. Черт возьми, мне нужен десяток таких, как вы! Полсотни! Но мне не нужны скандалы, равно как и проповеди или выпады. Вы будете вместе помогать мне или вас ждут неприятности, причем серьезные.— Она перевела взгляд на цветы: — Очень мило,— и обратилась к Лео: — Ты будешь учиться у нее и советоваться с ней, а в мое отсутствие исполнять ее приказы. Понятно?

— Да, Мири.

— Для тебя — Мириам.

Солнечные лучи косо легли на пол, когда Сара достала две виолы да гамба и вместе с Лео расставила стулья. Талант Мириам был хорошо известен в музыкальных кругах Нью-Йорка. Однако гораздо больше было тех, кто слышал рассказы о ее игре, чем тех, кто хотя бы раз присутствовал на ее выступлении, ведь Мириам никогда не давала никаких публичных концертов. И сегодня вечером она просто предлагала своим гостям в качестве развлечения послушать музыку в течение часа.

Гостей приветствовала Лео, между делом внимательно наблюдая, заметили ли они, как прекрасно она выглядит. Присутствовавшие не остались безразличными, особенно женщины, которые в отличие от мужчин всегда обращают внимание на красивые детали, такие как грациозные руки или изгиб шеи.

До того как Мириам улетела в Таиланд, они с Сарой несколько недель разучивали великолепную «Пятую сюиту для двух виол да гамба» Лезьера де Малши.

Мириам играла почти на всех инструментах, стоило ей взять их в руки, но предпочитала фортепьяно, виолу и

флейту. До встречи с Мириам Сара почти не интересовалась музыкой, поэтому виола стала для нее радостным открытием. И сейчас, глядя, как Мириам касается смычком струн с легкостью ветра, Сара тоже изо всех сил старалась извлекать красивые звуки, хотя на душе у нее было скверно из-за последней охоты, а еще из-за Лео. Мириам думала только о своих неприятностях, но слушатели, судя по выражению их лиц, считали, что внимают музыке в исполнении не простых музыкантов, а настоящих виртуозов. Они сидели рядом: на Мириам было легкое платье из тончайшего голубого шелка, на Саре — джинсы и черный тонкий свитер.

На рояле гостей дожидались открытая бутылка бордо «Латур» почти столетней выдержки, бокалы и хрустальный графин, наполненный светло-золотистым, изумительно сладким «Шато-икем», которое именно сейчас, спустя сорок лет, вступало в пору зрелости.

Обстановка музыкальной гостиной отличалась своеобразием. Гости сидели на стульях времен Директории, по крайней мере несколько из них действительно принадлежали к этому периоду. Однако не следует забывать, что данная мода была навеяна классическими образцами Древней Греции и Рима, так что остальные стулья Мириам перевозила в своем багаже в течение тысячелетия. Древесина, из которой они были сделаны, благодаря усилиям Сары и ее предшественников не потеряла своего первозданного цвета с тех времен, когда ее добыли в теперь уже исчезнувших лесах Греции, Италии и Леванта.

Мириам помнила, когда впервые исполнялась эта пьеса. Сюита удивительно подходила к теперешним ее переживаниям, потому что была рождена душевной болью, а сейчас она как раз испытывала похожее чувство. Эту музыку можно было сравнить с янтарем, сохранившим тепло солнечных лучей, когда-то обогревавших землю.

Да, разумеется, Лезьер де Малиш любил ее, а Мириам лишь забавлялась, увлекая его все больше, позволяя ему

целовать свои алебастровые плечи и заглядывать в смеющиеся глаза. Она вызвала в нем глубокую истинную любовь, как умела это делать, но ей не нужен был мужчина — Мириам пленяли талантливые сочинения композитора.

Его сердечные муки породили музыку, способную тронуть древние сердца. Среди людей Лезьер не пользовался большой популярностью, но когда Властители собирались вместе, чтобы помузицировать, то каждый раз выбирали сочинения Лезьера.

Инструменты, на которых сейчас играли Мириам и Сара, принадлежали самому композитору и были специально для него изготовлены в Лондоне Бараком Норманом.

Стихли последние аккорды торжественного менуэта, завершавшего сюиту. Никаких аплодисментов: друзья дома давным-давно поняли, что подобное выражение эмоций здесь не принято. Мириам налила себе немного вина. Душа виноградной лозы, пойманная в плен, доставляла ей непреходящее удовольствие, она многие годы занималась коллекционированием вин. Когда-то в Риме она пила вино вместе с императорами, имея самое непосредственное отношение к жизни древних правителей. Большинство из них умерли вовсе не в результате покушений, как трактует история, а были принесены в жертву весталками. Императоры являлись лишь временными правителями, призванными служить государству до тех пор, пока жрицы Весты не решали, что их час пробил. Но узнавали они об этом небольшом условии лишь после того, как получали трон. Одних душили, закалывали или перерезали им горло, а других преданные Властителям жрицы богини отвозили в богато обставленные таинственные убежища, чьи обитатели говорили на громоподобном языке.

Мириам отставила бокал и вышла из комнаты, даже не думая извиняться перед гостями. В этом доме царили очень древние правила. Сюда допускался очень ограниченный круг людей, и эти избранные пользовались ши-

рокими правами. Что бы здесь ни происходило, они были вольны присутствовать и наблюдать... Во всяком случае, создавалось такое впечатление. Гости так и поступали, приходя в неописуемый восторг от того, что являлись свидетелями исключительно частных моментов в жизни хозяйки дома: Мириам за туалетом, Мириам, занимающаяся любовью.

Истинная жизнь Мириам была, разумеется, гораздо более сложной, чем это казалось на первый взгляд. Одни тайны скрывали другие, и все вместе переплетались в чрезвычайно запутанный клубок. Ибо, как знала Сара, а теперь уже и Лео, в этом великолепном доме совершались убийства и кровь невинных текла рекой.

Пол подталкивал пальцем ноги таракана к краю душевой кабинки, когда заметил, что у него с ногами творится нечто странное. Он присел на корточки, затем, выбравшись из душа, принялся внимательно изучать собственные ничем не примечательные конечности. Наверняка из-за крови вампиров, что хлюпала в ботинках во время путешествия по парижским катакомбам, кожа на них стала такой белой и гладкой. Пол машинально потер плечо. Может, из-за этой крови и рана зажила быстрее обычного? Она все еще болела, но, черт возьми, по всем правилам ему следовало бы отдыхать на больничной койке.

Вернувшись в душ, он натер себя с головы до ног жестким куском дешевого мыла, которым бесплатно снабжали постояльцев этого убогого отеля. А потом долго стоял, словно в забытьи, прислушиваясь к шуму воды и глядя, как мыльная пена исчезает в сливе.

Ему казалось, будто в этом паршивом душе он смывает с себя свое прошлое. Вот и ушла в канализацию его преданность своей службе. Там же исчезли надежды на собственное будущее: успешное завершение карьеры, почетный выход в отставку. Фрейд утверждал, что все мужчины стремятся к одному и тому же: к почестям, славе, богатству, власти и любви женщин.

Что ж, видимо, он все это потерял — исключая разве что женскую любовь. Но какая женщина захочет связаться с типом, который даже не сумеет рассказать ей, что за жизнь у него была до встречи с ней?

Единственная, с кем ему по-настоящему хотелось поговорить, была Бекки, но он понял это слишком поздно. Хотя, возможно, она к нему испытывала лишь сострадание. Женщины никогда в него не влюблялись. Пол отпугивал их своим мрачным видом. А может, все дело в бесконечных разъездах, в нехватке времени. Для него секс был потребностью тела, и он использовал шлюх как игрушки — или как машины для получения удовольствия. Вскоре он даже этого не сможет себе позволить...

Лежа на кровати в тесном номере, Уорд сосредоточился на плане ближайших действий. Он располагал суммой в восемь тысяч, и на эти деньги можно будет продержаться пару месяцев. Впрочем, он не намеревался задерживаться здесь так долго.

Перелистывая основательно потрепанный экземпляр справочника «Ночной Нью-Йорк», Пол находил названия клубов, затем звонил по указанным телефонным номерам. Жизнь в мире любителей готики и вампиров менялась быстро: что было актуально полгода назад, уже успело устареть — продолжительные гудки в трубке свидетельствовали об этом.

Наверное, следует отправиться в центр города и просто побродить по улицам. Кто знает, что он там найдет. В глубине души ему хотелось ввязаться в серьезную драку, а потом оттянуться с какой-нибудь шлюхой по полной программе. Вот было бы вполне достойное завершение нескольких не самых удачных дней. Он мчался в Нью-Йорк как бешеный, нигде не задерживаясь, и переступил порог этой, с позволения сказать, гостиницы, таращa глаза из-за недосыпа, разницы во времени и душевного опустошения, которое настает, когда приходится много убивать. К тому же он находился в бегах. Номер ему достался

без телевизора, ноэтому Пол много спал. А когда бодрствовал, то предавался размышлениям — где раздобыть оружие? Если он собирался выпустить кишки из вампиров, то без оружия ему никак не обойтись. Жаль только, не удалось запастись одной из тех французских игрушек. Да, вот это была пушка что надо. Придется довольствоваться старым другом. В Азии он сослужил ему хорошую службу и здесь отлично поработает. Нужно только подобраться поближе и прицелиться в голову. Действует «магнум» эффективно: разнесет башку, превратив ее в мясо с кетчупом.

Проблема в том, где раздобыть оружие и при этом не напасть на стукача. Парни, нелегально торгующие оружием, зарабатывали деньги двумя способами: получали с клиентов и с копов, которым сообщали информацию. Разумеется, они не выдавали постоянных покупателей, но если на их пути попадался какой-то простофиля с улицы, то максимум через десять минут в ближайшем полицейском участке появлялось его подробное описание. За незаконное владение оружием в этом городе давали приличный срок. К тому же полицейский отчет с такими данными нравился начальству.

Итак, действовать нужно по порядку и сначала отыскать вампиров. Если с клубами ничего не получится, то придется отработать схему «исчезновение человека», хотя большинство пропавших не удостоились того, чтобы попасть хотя бы на последние страницы газет.

Они ехали в клуб, «бентли» катил по Пятьдесят седьмой улице по направлению к Пятой авеню. Мириам и Сара сидели рядом, Лео занимала одно из откидных мест напротив.

— Сегодня может появиться человек, который начнет расспрашивать об Элен Вундерлинг,— задумчиво произнесла Мириам.— Пора бы ему уже найти нас. Я хочу, чтобы мне сообщили о его приходе в ту же секунду.

У Сары внутри похолодело.

— Кто такая Эллен Вундерлинг? — поинтересовалась Лео.

— Одна из маленьких глупостей нашей дорогой принцессы,— ответила Мириам, игриво целуя Сару в щеку.

Эллен Вундерлинг была самой большой ошибкой Сары до того, как она подвела Мириам в кризисной ситуации, сложившейся в Париже. Но с какой стати кому-то расследовать это дело? Полиция давно закрыла его.

Саре в отличие от любого Властителя не удастся убежать из тюрьмы. Если она туда угодит, то умрет ужасной смертью, от голода. А что с ней случится, когда ее закопают на тюремном кладбище?

Мириам протянула руку и открыла люк в крыше машины. Сейчас они мчались, увеличивая скорость, по Пятой авеню. Слева виднелся шпиль собора Святого Патрика, справа — Рокфеллеровский центр.

— Мири, мне так жаль, что я разделалась с ней!

— Незачем снова извиняться. Дело прошлое. Как бы там ни было, все обернулось даже к лучшему.— Она нежно погладила Сару по голове.— Эллен станет нашим Смоляным Чучелком*.

— Сегодня я хочу перепробовать все! — сказала Лео. — Интересно, каково это теперь? Другие ощущения, Сара?

— Не похоже ни на ломку, ни на похмелье,— Сара натянуто улыбнулась.— Единственный наркотик, который действительно тебя проберет...— взглянув на кнопку переговорного устройства, она убедилась, что оно выключено,— это кровь.

— Ты проголодалась, бедняжка,— сказала Мириам, обращаясь к Лео.— Просто ты еще этого не понимаешь. Придется нам найти для тебя жертву.

Лео поцеловала Мириам в шею.

---

* Имеется в виду Смоляное Чучелко из «Сказок Дядюшки Римуса» Джоэла Харриса (1848—1908).

— Дай мне еще немного своей крови. Я хочу стать совсем как ты.

— Ты и так стала такой же, как я, насколько возможно.

— Дуреха Лео,— Сара пожала плечами.

Мириам кисло улыбнулась.

— Двадцать лет любви, и чего стоит теперь твоя преданность?

Сара послала ей ответную улыбку.

— «В какой бы дом я ни вошел, я сделаю это ради блага больного и воздержусь от любого действия, влекущего за собой несчастье...» Я нарушаю клятву Гиппократа даже своим существованием.

— Раздевайся,— сказала Мириам.

— *Что?*

Они пересекали Тридцать четвертую улицу. В открытом люке промелькнул небоскреб «Эмпайр-стейт-билдинг».

— Делай что велят.

Сара не хотела подчиняться.

— Я помогу тебе,— вызвалась Лео.

— Сара! — В голосе Мириам ясно слышалось предупреждение.

Несколько судорожных движений — и Сара осталась в чем мать родила — не без помощи Лео. Она почувствовала, как краснеет, и прикрыла грудь рукой.

Оттолкнув ее руку, Мириам зажала между пальцев ее сосок и больно ущипнула, не сводя взгляда с лица Сары. Сначала женщина пыталась скрыть мучительную боль, но потом не выдержала и вскрикнула.

Лео наблюдала за этой сценой, нервно переводя взгляд с исказившегося лица Сары на бесстрастное лицо Мириам.

— Что происходит? Почему ты причиняешь ей боль?

Мириам включила переговорное устройство.

— Луи, покатай нас с полчасика. Сначала на Четырнадцатую, а потом на Бродвей.— Она отпустила Сару, и та сразу принялась растирать ноющую грудь.

Мириам взяла ладонями лицо Сары и уставилась ей в глаза. Через секунду она уже целовала ее, с силой раздвигая языком губы.

Как бы часто они ни целовались, Сару каждый раз шокировало прикосновение шершавого тигриного языка. Изо рта Мириам исходил слабый кисловатый запах, который вызывал одновременно и тошноту и восторг. Потом Мириам оторвалась от нее, развела Саре ноги и соскользнула на пол.

Изумлению женщины не было предела. Она посмотрела на Лео и покачала головой в знак того, что совершенно ничего не понимает.

Небоскребы Манхэттена проплывали над головой, за темными окнами машины по Бродвею шли толпы людей, а Мириам тем временем уткнулась лицом в колени Сары. Никогда прежде она не принимала такой позы. Так обычно становилась Сара, занимаясь любовью с Мири, а не наоборот.

Но... О Боже! *О Боже!* Мириам знала, как вновь обуздать строптивого раба; она проделывала это тысячи раз не одну тысячу лет. Она глубоко ввела свой мощный язык в лоно Сары, растянув тонкие стенки, как кожу на барабане. Почувствовав сопротивление, Мириам усилила давление, Сара начала извиваться. Мириам медленно, размеренно вращала головой, а Сара, держа ее виски дрожащими руками, смеялась и плакала, а потом запрокинула голову, криками и стонами приветствуя один взрыв оргазма за другим. Когда наконец все было кончено, Мириам не спеша отстранилась, проведя шершавым языком по клитору Сары.

Когда она поднялась, женщина обняла ее, крепко прижалась, осыпая поцелуями лицо и шею, а затем опустилась на колени на пол лимузина и принялась целовать ей руки и ноги.

Спустя несколько минут Сара лежала у ног Мириам, положив голову ей на колени, и тихо плакала. «*Итак,*— думала Мириам,— *малышка ко мне вернулась*».

— Эй,— послышался голос Луи из переговорного устройства,— вы меня сводите с ума. Еще немного, и я взорвусь.

— Леонора ублажит тебя в клубе,— ответила ему Мириам, закуривая сигарету. Она посадила Сару рядом, положив ее голову себе на плечо.— Ты моя девочка? — ласково спросила она.

— Да.

Мириам посмотрела на Лео.

— Распалилась?

— Еще бы.

— Луи тебе поможет остыть.

— Я не хочу заниматься с ним любовью.

— А я ожидаю от него доклада, что ты была восхитительна. Кстати, сегодня вечером ты подзаправишься. Итак, кого бы ты хотела получить?

— Какого-нибудь мужчину, похожего на моего отца,— едва слышно прошептала Лео.

— Ага. И каков же твой отец?

— Он — сильный.

Мириам слегка улыбнулась, чуть раздвинув губы.

— Когда ты так улыбаешься,— сказала Сара,— то выглядишь и на десять и на десять тысяч лет одновременно.

Мириам расхохоталась.

— Это одна из моих *лучших* улыбок! — Смех у нее был резкий и хриплый, Сара обрадовалась, когда он прекратился.— Встань,— неожиданно велела Мириам. Они так и не закрыли люк в крыше.

— Но я же голая!

Мириам послала ей знакомый взгляд, скосив глаза. Сара тут же встала во весь рост.

«Хорошо. Она перестала сомневаться, она подчиняется. Наконец-то она вернулась».

Встречный поток ветра ревел прямо в лицо Саре, поднимая волосы дыбом. Они ехали по Хьюстон-стрит в сторону Гудзона. Толпы прохожих по обе стороны улицы на-

чали приветствовать ее радостными возгласами и аплодисментами.

Сара откинула назад голову, подняла высоко руки и истошно закричала.

Нью-Йорк, в общем-то, не считался самым опасным городом в мире, но крики, которые достигли ушей Пола, заставили его предположить, что эту женщину кто-то режет. Он повернул голову в сторону, откуда доносились дикие вопли, и увидел черный лимузин. Какая-то идиотка нагишом вылезла из открытого люка и драла почем зря горло. Наверное, нанюхалась ЛСД, поэтому и выводит такие рулады, от которых кровь стынет в жилах.

Нью-Йорк представлял собой один гигантский магазин наркотиков. Все здесь молоды, у всех водятся деньги, и, соответственно, купить можно все, что угодно: экстази, метамфетамин, крек, кокаин, гашиш, марихуану, героин, даже такое старомодное дерьмо, как опиум. А еще здесь можно было достать десятипроцентный абсент, полынную водку из Мексики. Полу нравился абсент — где-то глубоко в нем дремал поэт, а полынь пробуждала его к жизни. Последний раз он прикончил бутылку хорошего абсента на террасе Лас-Брисас в Акапулько, в одном из красивейших мест в мире. Горы, городские огни внизу, солнце, садящееся в Тихий океан,— ни с чем не сравнимый вид. Расправившись с бутылкой, он ушел к себе в номер и сочинил поэму на тридцать страниц о смерти Навуходоносора. На следующее утро пришлось лезть в Интернет, чтобы выяснить, кто такой этот чертов Навуходоносор. Оказалось, древний царь.

Навстречу Уорду шла пара, одетая во все черное. Длинное свободное платье на девушке предполагало увлечение готическими мотивами.

— Простите, я ищу клуб под названием «Серая кошка». Есть ли здесь где-нибудь поблизости заведение с таким названием?

Пара остановилась. Девушка принадлежала к породе покорительниц сердец — круглое лицо, веселые карие глаза и улыбка, которая, казалось, говорила: «Я знаю, чего тебе хочется». А еще у нее был милый бюстик, этакая парочка сладких яблок. Она ответила:

— То, куда вы уставились, называется грудью.— И оба, расхохотавшись, ушли.

Он что, теряет форму? Тут Пол увидел книжный магазин. Может, у них найдется какой-нибудь путеводитель по злачным местам, более современный, чем гостиничный экземпляр «Ночного Нью-Йорка».

Пол любил читать, а в таком большом магазине он не бывал уже несколько лет. Сотни названий, очень яркие, зовущие обложки. Ему на глаза попался десяток путеводителей по южному Манхэттену, району Сохо*, все абсолютно новые. Он открыл первый наугад, «Сохо без границ». Под заголовком «Темные, таинственные, смертельные» приводился список заведений с соответствующими странными названиями: «Спинной мозг», «Бездонная пропасть», «Замордованный до смерти».

Кто действительно был замордован до смерти, так это он сам, но все же Пол решил попытать счастья в «Спинном мозге», потому что от этого названия веяло каким-то вампиризмом. Вообще-то, не похоже было, чтобы эти клубы имели отношение к готическим вывертам.

«Спинной мозг» оказался шикарным ночным клубом, в котором было полно, как ему показалось, маленьких детей. Гремела музыка, мелькали прожекторные и лазерные лучи. Вокруг танцевали чудесные девчушки нежного возраста, призывно потряхивая своими кудряшками. Пол улыбался, кивал и при этом старался поменьше пялиться на них, все равно никакого толку не будет.

---

* Район Нью-Йорка, примерно 20 кварталов, между Хьюстон-стрит на севере, Кэнал-стрит на юге, Бродвеем на востоке и Западным Бродвеем на западе. Славится многочисленными художественными лавками и галереями.

Он подошел к стойке бара и попросил водки со льдом. Бармен взглянул на него и сказал:

— Зал для родителей с другой стороны, мистер. Но все равно выпивку там не подают, ее приносят с собой.

Пол так толком и не понял, куда его занесло, но выяснять это тоже не имело никакого смысла. И когда только успели войти в моду рок-клубы для детей?

Раздосадованный, он покинул заведение. На улице под ближайшим навесом собралась стайка восьмилетних ребят, они курили и о чем-то тихо переговаривались. Чем не Азия? Есть отличие?

Тут он увидел вывеску с небрежно нарисованной черной кошкой в углу. Эта тварь давала хоть какую-то надежду, и Пол толкнул дверь.

Черепа — повсюду! Уорд невольно передернул плечами: очень не хотелось снова оказаться в склепе. Правда, в этих черепах горели свечи. А еще играла музыка, очень плохой рок, за столиками сидели редкие посетители в черных одеждах. На небольшой танцплощадке в свете пурпурного прожектора механически выплясывала парочка. Пахло сигаретами, кислым пивом и картофельными чипсами.

— Водку со льдом,— сказал Пол.

Барменша, апатичная особа лет шестидесяти, в черном платье, налила какую-то прозрачную жидкость из бутылки без этикетки в стакан, где было полно льда, и подала Полу. Лицо у нее было выбелено, а губы накрашены бордовой помадой.

— Я ищу Эллен Вундерлинг,— обратился к ней Пол.

— Ты коп?

— Нет.

— Минет не желаешь? Пятнадцать баксов.

Пола чуть не вырвало. Как хотелось оказаться сейчас в одном из салонов Бангкока, где целая толпа хорошеньких девушек сделала бы тебе массаж, маникюр, стрижку и, разумеется, минет — все за пятнадцать паршивых баксов!

— Я пишу статью об Эллен Вундерлинг.

— Такая сюда не заглядывала.— Барменша отвернулась и принялась качать пиво, для кого — неясно.

— А куда бы еще мне зайти? Я здесь недавно, не знаю местных заведений.

— Ну, во-первых, не стоило рядиться как водитель автобуса, который пытается сойти за другого водителя автобуса. В таком прикиде ты никуда не сунешься.

— На мне все новое.

— Ступай в лавку «Бойня», что на Принс-стрит. Там раздобудешь все, что нужно. Шляпу, черные гряпки и так далее.— Она зашлась смехом.— Сделай пирсинг, офицер, и тогда мы все тебя *полюбим!*

— С пирсингом я помогу,— раздался чей-то голос.

— Дерьмо,— пробормотал другой.

Пол подошел к столику. Он не мог до конца понять, кто перед ним — мужчина и женщина, две женщины или двое мужчин, но все равно опустился на стул. Он ведь не собирался ложиться с ними в постель. Как и делать пирсинг.

— Я разыскиваю Эллен Вундерлинг,— сообщил он.

— Мистер Вундерлинг мертв,— сказало, жуя картофельные чипсы, то существо, которое больше походило на мужчину.

— Мисс Вундерлинг.

— Придется тебе, парень, углубиться в джунгли по-настоящему. Попытай счастья в «Гексионе» или клубе «Адское пламя»...

Девушка — к этой минуте Уорд пришел к выводу, что перед ним существо женского пола и что под всем этим вампирским гримом скрывается симпатичная мордашка,— покачала головой.

— «Гексион» — заведение для людоедов,— сказала она.— Там подают суп из мозгов.

— Это же не настоящие мозги.

— Что представляет собой клуб «Адское пламя»?

— Католическая дыра. Хозяйничают там бывшие монашки.

— Там бывала Эллен Вундерлинг?

— Ему следует пойти в «Маски».

— Туда, а еще в «Граф Монте-Кристо».

— Что такое «Маски»?

— Самый изысканный клуб в Манхэттене.

— В мире.

— Это одно и то же. Именно там Эллен видели живой в последний раз.

15

ТАНЕЦ СКОРПИОНА

Обычно Лео не очень интересовалась лесбийской чепухой между Мириам и Сарой, но сегодня она по-настоящему завелась, когда наблюдала за происходящим совсем близко и Сара на ее глазах прямо осатанела. Когда Мириам целовала ее прежде, Лео вежливо терпела и даже изображала удовольствие, но на самом деле оставалась равнодушной. А сегодняшнее зрелище оказалось потрясающе красивым и удивительно интимным.

До того как Лео попала в «Маски», она вела жизнь одинокой богатой девочки. Ей принадлежала студия в Сохо, в доме, где жили в основном юристы. Еще у нее была итальянская гоночная машина и небольшая яхта под названием «Гостеприимная», но гостей там не водилось.

Однажды утром, в четыре часа, когда она пребывала под кайфом, Мириам сказала ей: «Идем со мной». Лео еще тогда здорово удивилась, потому что она не принадлежала к тем людям, которых Мириам обычно приглашала,— к сливкам общества.

Не успела она очухаться, как оказалась в маленькой спальне с милыми занавесочками и высокой кроватью с деревянными спинками. Она получила почти полную сво-

боду распоряжаться в этом удивительном доме. Постепенно до нее дошло, чем занимается Мириам. Мириам и Сара... Они были любовницами, но еще... хм... ох... теперь она сама такая!

Лео пошевелила пальцами в туфлях. Какое невероятное ощущение — внезапно обрести безграничную власть. У нее никогда не было никакой власти — зато теперь появилась. И ей скорее хотелось *попробовать*, пусть она не успела как следует проголодаться.

Невозможно представить, что теперь ей, Лео, суждено прожить по-настоящему долгую жизнь. Но у Мириам хранилось какое-то косметическое средство, вроде бы египетское, которым она до сих пор пользовалась. В комнатах стояла мебель, которой было не меньше трех тысяч лет. За один такой стул, на котором сидела Мириам во время музыкальной тягомути, легко можно было бы выручить на аукционе «Сотби» миллион баксов.

Теперь Лео увидит будущее: космические корабли, инопланетян, черта в ступе... если только не наступит конец света. Глобальное потепление — это что, серьезно? Мириам говорила: «Случится то, чему суждено случиться». Так и нужно подходить ко всем проблемам.

А вот и клуб. Отлично. Поначалу она чувствовала себя хуже некуда, но утром вроде отпустило, а потом с каждым часом становилось все легче и легче, а сейчас она готова была летать. Никакой боли или недомогания.

Лимузин остановился.

— Отлично,— сказала Лео, щелкнув дверной ручкой.

Но Сара схватила Мириам за руку.

— Не делай этого!

— Опасности почти нет.

— Откуда такая уверенность?

Лео пожала плечами. В последнее время они обе были порядком напуганы. Мириам все-таки вышла из машины.

— Перед клубом слишком многолюдно. Зайди с черного хода.

Мириам погладила Сару по голове.

— Настало время схватки, дитя мое. А клуб будет тем местом, где она произойдет.

Лео подождала, пока Мириам войдет в клуб, а затем помогла Саре одеться.

— Это было здорово. Не ожидала от тебя такой выходки.

Лео нервно чмокнула ее в щеку. Может быть, Сара и с ней проделает что-нибудь не менее сексуальное. Или сама Мириам... нет, о таком она даже не смеет мечтать.

Как обычно, клуб был погружен в темноту и с улицы совершенно не заметен. Перед «Масками» никогда не толпился народ. Обычные люди не могли найти это заведение — в отличие от посвященных. А теперь и Лео оказалась в числе избранных. Она знала правду, скрывавшуюся за всеми слухами о Мириам Блейлок и Саре Робертс. У Сары когда-то был любовник, а Мириам убила его — вот о чем чаще всего шептались гости. Он тоже был врачом. Но об этом ни Мириам, ни Сара никогда не говорили.

Мириам намеревалась поймать чудовище, которое ее выслеживало, и насытиться им, а может, скормить его Лео, она сама точно не знала. Все зависело от Лео. По правде говоря, девчонка ей попалась утомительная, но услужливая, такую приятно держать при себе.

Сара же, напротив, была самой опасной из ее рабынь — такая не понимает истинного смысла служения. Старый римский император Сентилий Север когда-то сказал ей: «Весь мир у меня в услужении, так почему я единственный, кто не свободен?»

В этих иронических словах заключалась сама суть отношений между рабами и властелинами. Из Сары получилась никудышная рабыня, потому что она считала себя пленницей. Лео будет отличной служанкой, потому что для нее новая кровь навсегда останется величайшим бла-

гом, а не принуждением. Именно поэтому Мириам дала ей возможность сделать свой выбор.

Ауи распахнул перед Мириам двери клуба, а та игриво пожала его пенис через брюки.

— Леонора спустится к тебе в котельную,— предупредила она.

— Да, мадам.

— Неужели мне и вправду придется его ублажать? — зашипела Лео.

— Лео, я сама обслуживала Ауи десятки раз. Тебе понравится.

— Но я не шлюха, Мириам. Я... одна из вас.

— А мы относимся к сексу очень спокойно. Секс — часть нашей жизни. Отдели от него свои эмоции и свое эго.

Мириам пересекла первый, и самый многолюдный, зал клуба, выкрикивая на ходу:

— Держи сегодня двери открытыми, Билл.

— Желаете, чтобы я вывесил табличку, мадам? — уточнил бармен.

— Желаю.

Сара торопливо приблизилась сзади.

— Это плохая идея,— зашипела она.

Мириам остановилась и положила руки ей на плечи. Сара так и не поняла намек на Смоляное Чучелко.

— Он нас найдет. Но сделать это должен без нашей подсказки, и чем скорее, тем лучше.

Билл тем временем разыскал под стойкой бара небольшую медную табличку с единственным словом «Маски» и повесил ее на дверь. В более броской рекламе они никогда не нуждались.

— Билл, дорогой, вполне вероятно, к нам заглянет человек, интересующийся Эллен Вундерлинг.

— Как, опять?! Неужели они до сих пор не успокоились?

— Он не полицейский. Я хочу, чтобы у него мозги были слегка затуманены. Предложи ему выпивку. Добавь

туда... ну, не знаю... чего-нибудь, чтобы он расслабился. Попроси Руди помочь. Но будь с гостем поосторожнее.

— Не беспокойтесь.

— Как сегодня, людно?

— Наверху никого. А вот подземелье уже действует. Сет сегодня толкает гашиш, к нему опять пришел епископ. Позже наверху будет битком. Сегодня у нас ди-джеем работает Скелет.

— Приглашай его почаще.— Невероятно заводной малый, однако в его манере была некая элегантность, которая очень пристала ее клубу.

— Двадцать тысяч долларов за вечер, мадам.

— Все равно.

Чтобы первые посетители увидели ее и смогли сказать тем, кто придет позднее, что она сегодня в клубе, Мириам направилась к своему столику в глубине бара. Кроме того, ее терзало любопытство. У охотника было три дня, чтобы обнаружить ее клуб, а он, надо признать, далеко не дурак. *Он будет сегодня здесь.*

На первый взгляд этот зал и представлял собой весь клуб. Но за баром находилось еще восемь помещений, в которых предавались больше чем восьми грехам.

— О, Руди!

— У меня отличный метамфетамин,— неприметный с виду молодой человек доверительно наклонился к ней,— плюс немного гашиша, доставшегося по дешевке.

— Пусти его подороже,— велела Мириам, глядя мимо него.— Чуть позже я выкурю трубочку с другом.

В подвальном этаже у нее была собственная комната с секретным замком, даже Сара не могла туда войти без приглашения. В дни, когда клуб был переполнен и подвертывался подходящий экземпляр, Мириам уводила его туда. В полу комнаты имелся тайный ход в короткий тоннель, сообщавшийся с котельной соседнего дома. Там была отличная топка, так что Мириам с легкостью могла избавиться от останков.

Она собиралась повести себя с охотником как безмерно порочное существо, каким не проявляла себя много сотен лет. Если он приведет с собой целую банду помощников, тем лучше. Она всех их употребит, устроив себе пир, как в древности. Им предстоят такие ужасные пытки, что тех, кто будет ждать, пока настанет их черед, от одного зрелища вывернет наизнанку.

— Раскури для меня сигаретку,— велела она Лео, не отходившей от нее ни на шаг.

Та послушно закурила и передала ей сигарету.

— А можно мне сходить к Сету, после того как я ублажу Луи? У него сегодня в клетке тот пресвитерианский епископ.

— Твоя воля, детка, развлекайся как хочешь.

К уху Мириам наклонилась Сара:

— Я так тебе благодарна за то, что ты сегодня сделала. У меня до сих пор все поет внутри.

Мириам улыбнулась, затем внимательно проследила за подругой, когда та направилась из зала. Особенно ее интересовало, как подруга держит голову и плечи. По осанке всегда можно было отличить раба от свободного человека. И дело вовсе не в том, что рабы ходили согбенно, просто было в их походке что-то бесцельное, как бывает с человеком, который сам не планирует свои действия. А вот Сара вышагивала решительно.

Мириам вздохнула. Наверное, Сара чересчур влюблена, чтобы стать хорошей рабыней. Влюбленные стараются переделать своих возлюбленных, чтобы приблизить их к идеалу. Рабы принимают властелина таким, каков он есть.

— Сара,— окликнула ее Мириам.

Та обернулась, и Мири заметила слезы в уголках ее глаз.

— Да, Мири?

— Включи занавес, дорогая!

— Господи, совсем забыла!

Сара нажала какую-то кнопку, и вся задняя половина клуба исчезла за тем, что казалось черным зеркалом.

Мириам нанимала Дуга Хеннинга*, и тот разработал специально для ее клуба дверные проемы, используя уникальное сочетание света и зеркал. Когда люди выходили из комнаты, казалось, они просто растворяются в мерцающей темной дымке, а они появлялись таким же сверхъестественным образом в следующей.

Мириам курила и ждала. Она умела ждать. Она могла ждать дни, недели.

На последнем конклаве, проведенном в Штатах в январе 1900 года, собрались девять Властителей. Возможно, за прошедший век сюда перебрались еще несколько, но это маловероятно. Властители никогда не кочевали. Впервые появившись на земле, они поделили ее на участки, но никто не захотел взять себе американский континент из-за полного отсутствия туземного населения.

В 1977 году двое американских Властителей погибли при столкновении самолетов в аэропорту Тенерифе. Вполне вероятно, что в Америке осталось всего семеро соплеменников, включая ее саму. Нельзя было исключать и того, что убийцы успели с ними расправиться, в таком случае она осталась одна.

Одна не только в этой стране, одна на всем белом свете. Это тоже возможно.

Мириам размышляла над этой жуткой идеей, когда услышала, как приятный мужской голос произнес:

— Простите, вам известно имя Эллен Вундерлинг?

Он стоял у бара, высокий мужчина с пронзительным и настороженным взглядом детектива, и улыбался Биллу.

Сердце Мириам никогда не билось взволнованно. По крайней мере, последний раз она испытывала сердцебиение так давно, что даже и не помнила, когда именно. Но сейчас оно стучало как молот.

— Какой мужчина! — возбужденно прошипела Лео.— Хочу его!

---

* Популярный в 70-е годы американский иллюзионист.

— Ты уже обслужила Луи?

— Мириам, неужели это обязательно?

— Ступай! Немедленно!

Девушка ушла. Мириам могла теперь сосредоточиться на охотнике. Заглянуть ему в глаза, рассмотреть лицо, полюбоваться игрой мускулов под дешевой одеждой. Чертовски привлекательный экземпляр. Она почувствовала приступ желания... что было очень необычно. Люди могли ее позабавить, но, как правило, не вызывали столь сильного сексуального возбуждения. Сейчас ее сексуальные желания пробудились к жизни, но одновременно рот наполнился слюной, потому что Мириам почуяла опасность и готовилась сражаться.

Посмотреть на него — ничего примечательного: мятая одежда, свирепая физиономия. Интересно, а другие тоже находят его свирепым? Они не имеют ни малейшего представления, кто он такой. Они даже не подозревают, где он был и что делал.

Какой у него волевой подбородок, линия носа и блестящая кожа... А глаза... Посмотри, как они вспыхивают, словно у нервного лиса! Лицо мало похоже на человеческое, можно решить, что оно принадлежит какому-то экзотическому животному.

По тому, как оттопыривался его пиджак, она поняла: он вооружен, и оружие при нем большое — «магнум», а то и еще хуже.

Мириам сидела в затененной части зала, но теперь она опасалась, не совершила ли ошибку, оказавшись в такой близости от него. Если охотник ее узнает... нет, это абсурд. В конце концов, он всего лишь человек. Но взгляни на его движения, такие точные, грациозные,— неужели он всего лишь человек?

Ну разумеется. Просто она теряет способность соображать, ударяется в панику. И все же... это не было паникой. Это было желанием, будь оно проклято, настоящим похотливым желанием. Ей хотелось этого мужчину. Но...

ведь это же настоящее извращение — стремление оказаться под мужской человеческой особью. Она недолго жила с Джоном Блейлоком и, когда он вышел в тираж, снова переключилась на женщин. Только женщины способны доставить истинное наслаждение, и служанки из них выходят превосходные. Сара, несмотря на все ее противоречия, была забавной и умной тварью. Из Лео получится голодный маленький зверек. Мириам заранее спланировала всевозможные восхитительные порочные развлечения для этой глупышки... начиная с мистера Охотника, которому предстояло стать ее первой трапезой. Воин умрет медленной унизительной смертью. Так ему и надо.

Она не сводила с него глаз, пока он медленно тянул водку со льдом. Он заказал «Столичную», а затем обратился к Биллу с вопросом, который она не расслышала. Билл в ответ произнес несколько слов, но на этот раз она догадалась каких:

— Вон там сидит хозяйка клуба. Спросите у нее.

Охотник подкрепился спиртным. Под ее взглядом он прикончил выпивку и только тогда обернулся к Мириам. Наступил решающий миг. Если он узнает ее, то Мириам сейчас разлетится на куски. Их глаза встретились. Мужчина направился к ней.

— Вы любите «Столичную». Отчего бы не попробовать «Чародея»?

Пол изумленно уставился на говорившую. За все свои без малого пятьдесят лет на этой земле он ни разу не встречал женщину, которая бы произвела на него такое сильное впечатление. Перед ним сидело не живое существо, а видение, настоящее видение, черт бы его побрал. Ему нравились красивые носы, а у нее был как раз такой изящный милый носик с аппетитным кончиком, который так хотелось поцеловать. Он приходил в восторг от хорошего цвета лица, а ее кожа напоминала замороженные сливки — идеально гладкая и белая. Пол всегда обра-

щал внимание на женские губы и сейчас любовался изумительно очерченным ртом, который слегка улыбался, что свидетельствовало о хорошем характере. А глаза... Глаза смотрели так нежно, спокойно и безыскусно, что ей никак нельзя было дать больше двадцати. Синий шелковый костюм, видимо, стоил немалых денег. А еще она владела этим сказочным уголком.

— Прошу вас,— произнесла женщина ангельским голосом,— садитесь, пожалуйста.— Она бросила взгляд за его плечо: — Принеси гостю «Чародея», Билли.

Пол посмотрел ей в глаза и уже не смог от них оторваться. Господи, какие чистые, правдивые! И держится уверенно.

— Мне хочется знать, как вам понравится новая марка. Просто из любопытства.

Улыбка у нее была невероятно доброй. Надо же, чертовски сексуальная женщина с изумительными формами и ангельским лицом, но при этом *добрая*. Доброта читалась в искренней улыбке, звучала в мелодичных интонациях голоса. Владелице подобного заведения скорее подошел бы имидж «симпатичной, но твердой». Пол мог отличить нечто особенное, если оно попадалось у него на пути, а эта леди была *поистине* особенной.

Но кроме всего прочего мистер Уорд отличался большой целенаправленностью. Он пришел сюда убивать вампиров, а не убалтывать какую-то девицу, чтобы затащить ее в постель.

— Я пишу статью об Эллен Вундерлинг.— *«Если я уйду отсюда без твоего телефонного номера, то зарежусь»*.

Ее улыбка, как ему показалось, погрустнела.

— Я не расслышала вашего имени, мистер?..

— Уорд, Пол Уорд. Я журналист.

— Позвольте взглянуть на ваше удостоверение. Простите, что приходится просить об этом, но из-за всей этой истории мы превратились чуть ли не в городскую досто-

примечательность. Какая ирония, ведь мы не имеем никакого отношения к любителям готики.

— Разумеется. У вас тут очень симпатичное заведение. Не могли бы вы мне сказать...

— Сэр, вам лучше обратиться в полицейский участок, к лейтенанту Тимоти Кеннерли. Полицейские опросили всех служащих моего клуба по меньшей мере три раза. Я видела ее. Мы все ее видели. Она пришла и попросила «кока-колу». Вид у нее был взмокший, будто она только что бежала. Но при этом она держалась абсолютно спокойно. Вот и все.

Пол понимал, что ему придется уйти через минуту, как только она еще раз потребует удостоверение прессы, которого у него не было. В его бумажнике лежали водительские права на пять имен для трех различных стран, с полдюжины кредитных карточек, некоторые из которых, возможно, вполне платежеспособны, но любая из них тут же сообщит о его местонахождении, стоило ему воспользоваться ею.

Мириам увидела, что охотник собирается встать из-за стола, значит, сейчас он уйдет. В этом случае придется послать кого-то проследить за ним, но в клубе никто не справится с таким поручением, кроме Сары. Но прибегать к помощи строптивой рабыни в подобном деле было слишком рискованно.

Уорд — ее забота. Хотя он казался таким прямолинейным, что Мириам не совсем представляла, как соблазнить его, если такое вообще возможно. Наверное, следует и дальше изображать невинную девицу. Судя по выражению его лица, как у пса, унюхавшего сучку, ему нравится именно такой тип женщины.

— Послушайте,— сказал он,— я всерьез занимаюсь этой проблемой. Мне она кажется немаловажной. За исчезновением Эллен скрывается нечто невероятное. Я почти уверен. Мне бы хотелось заручиться вашей помощью. Поэтому я сейчас спрашиваю — у меня есть на это шансы?

Он залпом прикончил выпивку. Мириам указала на его стакан, и Билл принес еще один. В эту минуту в клуб ввалилась толпа. Среди пришедших Мириам разглядела Жемчужину и довольно нервного Бена Стиллера. Полезные лица для клуба, ночь выдастся хорошей.

Пол наблюдал, как люди один за другим исчезают в черной стене. Пожалуй, в этом заведении не все так просто, как он думал поначалу. Интересно, что произойдет, если он без всякого предупреждения встанет и направится к этой невидимой двери? Красотка наверняка его не остановит. Когда он присел к ней за столик, то решил, что ей около тридцати двух лет. А теперь у него возникли серьезные сомнения, имеет ли она право пить спиртное, которое продает. Но, Господи, какая она все-таки прелестная!

А еще ей известно нечто об Эллен Вундерлинг, ему это подсказал огонек, сверкнувший в уголках глаз. Жаль, нельзя допросить ее как полагается. Легкий шлепок — и эта пуховка из пудреницы тут же все выболтает.

Ему хотелось залезть к ней под юбку, но сейчас не время. В этом проклятом городе полно вампиров, и если красивая стерва что-то утаивает, возможно ей известна какая-то информация, которая могла бы вывести его на верный след.

— Позвольте узнать у вас еще кое-что. В репортаже, напечатанном в нью-йоркском «Таймс»... кстати, вы его читали?

— Разумеется.

— ...Выдвигается предположение, будто среди нас есть люди, считающие себя вампирами. И они в самом деле пьют кровь. Если бы я сказал, что именно такие люди выпили кровь Эллен... как бы вы отреагировали?

— Мода на вампиров давно прошла.

— Только не для этих придурков. Они полагают, будто получают из крови нечто... помимо СПИДа, конечно. Какую-то жизненную силу. Кажется, они называют ее душой.

Пока он говорил, Мириам вспоминала, как он выглядел с оружием в руках: ненависть и воодушевление во взгляде в момент убийства. Этот мужчина *любил* свою работу, будь он проклят. Когда она отдаст его Лео на растерзание — в конце концов так и случится,— то заставит девчонку действовать очень-очень медленно.

— Пожиратели душ,— Мириам недоуменно пожала плечами.— Пожалуй, это чересчур.

— Я знаю, что чересчур, но это правда... в том смысле, что они в это верят. Разумеется, все это полная чушь...

— Разумеется.

— Но им она кажется важной. Обратитесь к статистике. Как много людей бесследно исчезают, разве нет?

— Не знаю.

— В США за год — более трехсот тысяч человек.

— Вы шутите... Может, эти исчезнувшие кому-то задолжали или скрываются от надоевшей супруги... я бы сказала, в большинстве случаев так и есть.

— Да, очень часто мы имеем дело с нечестной игрой, мисс... Как вас зовут?

Он, конечно, прекрасен, но изящества в нем никакого.

— Мириам Блейлок.

— Мириам Блейлок.— Он помолчал, пытливо вглядываясь в нее, вид у него при этом был очень обескураженный. Невероятно, но такое сексуальное любопытство обычно проявляют неопытные юноши.

— Вы похожи на солдата,— заметила Мириам.

— Это хорошо?

— Разве? — удивленно вскинув брови и подарив ему одну из своих ослепительных улыбок, произнесла она.

Уорд потер щеку кончиками пальцев левой руки. *«Пусть она заметит, что у меня нет кольца».* Не отложить ли ему работу ненадолго, залечь на дно здесь, в Манхэттене, и заняться хоть раз личной жизнью. Он чересчур долго был женат на проклятой работе. Теперь он готов испытать, что такое настоящая жизнь. А в данный момент — вести светскую беседу.

— Итак, как давно вы включились в клубную игру?

Она достала еще одну сигарету, предложила и ему закурить. Поднесла к обеим сигаретам крошечную золотую зажигалку, которая внешне походила на вещицу, принадлежавшую кому-нибудь с «Титаника». Пол не удивился бы, взорвись зажигалка прямо ей в лицо.

— Позвольте взглянуть.

Она отдала ему зажигалку.

— Сколько ей лет?

— Я купила ее в магазине. Занимательная вещица, не правда ли?

— Она может быть опасной.

Мириам пыталась вспомнить, как давно у нее эта проклятая штуковина. Семьдесят—восемьдесят лет самое меньшее. Ей так и не представился случай приобрести себе что-нибудь поновее. Она отобрала зажигалку у Пола.

— Работает исправно.

— Я куплю вам настоящую зажигалку.

— Не нужно!

— Нет, я серьезно. Мне действительно этого хочется.

Она смотрела на него из-под прикрытых век. Было в этом удивительном лице что-то неуловимое, азиатское. Полу нравилось, как смотрят азиатские женщины. Чертовски красивые — но Мириам Блейлок еще прекраснее.

Его так и тянуло поцеловать ее. Но как подобраться к ней поближе? Может, она с ним выпьет?

— Послушайте, позвольте угостить вас этим самым... как его... «Кародеем»... отличная водка. Если я похвалил, то это так и есть.

Какой он все-таки жалкий. Интересно, если его поцеловать, то тем самым она привлечет к себе или отпугнет?

— А чем вы на самом деле зарабатываете на жизнь?

Что будет, если он скажет ей правду: мол, я из ЦРУ? Иногда этот прием срабатывал, женщины заводились с полоборота; иногда это их отталкивало. Обычно они принимали его за полного кретина.

— Чем я на самом деле зарабатываю?.. В общем, я не репортер.

— Знаю, что не репортер, и начинаю не на шутку сердиться, так как вы не предъявляете никаких документов, а я все жду.

— Вы ждете, а я собираюсь... я пойду против правил...

— Вы полицейский. Так и думала!

— Нет-нет.— Вытащив портмоне, Уорд открыл его там, где было его удостоверение личности.

Мириам взяла в руки портмоне, посмотрела на документ. С виду все как будто в порядке, явно не фальшивка, и это была плохая новость. Как оказалось, она враждует с правительством.

— Вы оскорблены?

— Я полна любопытства. Я хочу сказать, что все это... так странно. Чем, черт возьми, занималась Эллен Вундерлинг, что заслужила внимание вашей организации? — Мириам сделала знак Биллу, и тот принес свежую выпивку: много водки, мало льда.— Я имею в виду, что все эти вампирские слухи кажутся довольно глупыми, чтобы ими интересовалось ЦРУ.

— А если бы я вам сказал, что слухи вовсе не глупость?

— Я бы не знала, как реагировать. Но все равно меня это не интересует.

Пол никак не ожидал подобных речей. Откинувшись на спинку стула, он внимательно смотрел на свою собеседницу. Несколько минут разговора изменили его мнение о малышке Блейлок. Он готов был поставить на кон тридцать лет своей службы на то, что этот ребенок не знал ни одного стоящего факта об Эллен Вундерлинг, вампирах и обо всем, что к ним относится. Между прочим, она отвечала на его взгляд своей изумительно легкой улыбкой — что ж, ее невинный вид говорил ему, что разговор следует повести совершенно в другом направлении.

Она заулыбалась чуть шире, улыбка отражалась в ее глазах, что очень ей шло. Пол буквально читал ее мысли,

что его служба в ЦРУ — это круто. Проклятая вывеска сработала. Чертовски забавно.

— Не хотите осмотреть мой клуб?

— Говорят, это самый изысканный клуб в Нью-Йорке, для узкого круга лиц.

Потянувшись через стол, женщина дотронулась кончиками пальцев до тыльной стороны его ладони. Потом рассмеялась — восхитительно многозначительным смехом.

— Так и есть. Для самого узкого. Но если вы мне нравитесь, значит, вы желанный гость. Добро пожаловать в «Маски».

16

ДЕМОНИЧЕСКИЕ ЛЮБОВНИКИ

— Похоже на стену... я хочу сказать, что снаружи выглядит совсем как стена.— Пол протянул руку к дверному проему.

— Дуг Хеннинг был мастер своего дела.

— Это не тот, кто умер молодым?

— Тот самый.— *Юноша оказался очень аппетитным!*

Взяв за руку Пола, Мириам шагнула в невидимую дверь. И сразу на них лавиной обрушилась техномузыка — чистейший звук. Зал тонул в молочном дыму, в бешеном ритме мелькали лучи лазеров, высвечивая отдельные части танцующих тел. На маленькой сцене с блестящим, как зеркало, полом прыгала какая-то тень среди нагромождения пультов и вертушек, столь великолепной аппаратуры Уорд не видел ни в одном клубе. Ди-джей — не толще своего скелета — казался безликим, тем более что его голову скрывал капюшон.

Уорд в жизни не испытывал подобного звукового напора, и в первые секунды он шел по залу спотыкаясь, как оглушенный. Над танцплощадкой навис такой густой наркотический туман, вобравший в себя запахи марихуа-

ны, кокаина и еще какой-то дряни, что Уорд опьянел на втором вдохе. Уже через мгновение музыка подхватила его, будто вырвав душу из тела. Он закричал, чувствуя, как напряглось горло. Но музыка играла так оглушительно, ритм так пьянил и звал танцевать, что Пол потерял способность управлять своим телом и оно начало двигаться в такт ревущей музыке. Он танцевал не в силах остановиться и ничего не мог с собой поделать. Лучи лазеров выхватывали из клубившейся темноты красивые лица, как у богов и богинь, и Уорду показалось, что он попал на Олимп, взлетев над океаном жизни. Счастье наполнило каждую клетку, словно в венах у него текла не кровь, а огонь. И тут он заметил Мириам: она стояла возле сцены с двумя молодыми женщинами, тоже прелестными.

Волшебство, самая настоящая магия... Сатана топтал его копытами, одновременно лаская мягкими руками. Уорд на мгновение закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел, что большинство танцующих остались без одежды и какая-то девушка втыкает огромный шприц прямо своему партнеру в рот, направив иголку под язык,— спустя мгновение глаза парня закатились. Под ногами хрустели таблетки. Наркотики здесь были в таком изобилии, что ничего подобного Уорд не видел ни в Париже, ни в Бангкоке.

Это был ад, это был рай, Пол был счастлив и напуган до смерти, ему казалось, будто в этом проклятом зале танцует сатана, а самого Уорда снова имеют в задницу, как тогда на допросе в Муант-Синге. Музыка звучала все громче и напряженнее, доставая до самых печенок, обжигая все внутренности. Неужели настал его смертный час?

Вместо лазеров теперь включили прожекторы, отбрасывавшие белые тонкие лучи, и по танцующим забегали огромные тени. Уорд поднял голову и увидел огромное небо, утыканное небоскребами, на их фоне взрывался и горел «Гинденбург», из чрева которого летели искры, но на самом деле это были люди.

Пола постепенно обезличивали: сначала лишили имени, потом вырвали самосознание, и чувство боли от потери отца, и ту частичку души, где жила его мама, и ее слова «Ты хороший мальчик, хороший». Все его сокровенные мысли были вырваны и утонули в море дыма и самого лучшего, какой он только слышал в жизни, заводного рок-н-ролла.

Тут появилась девушка, одна из тех прелестниц, что стояла рядом с мисс Блейлок. Она подошла к нему, пританцовывая, и начала срывать с него одежду, двигаясь в такт музыке. Уорд подумал: *«Что же это я делаю? Но мне никогда еще не было так весело»*. Он помог этой ослепительной красотке раздеть себя догола и отшвырнул одежду в сторону.

Никто не обращал на него внимания, и Пол продолжал двигаться в чудесном океане подрагивавших членов и колыхавшихся грудей, и лица богов и богинь, что танцевали вокруг, улыбались ему. Он завопил во все горло: «Какой кайф! Вот это кайф!» Потом память услужливо подсказала ему: ты ведь пришел сюда не пустой! Оружие... кажется, оно было в кармане. Куда оно теперь подевалось? Ладно, он сейчас не на службе, да и кому какое дело? Он больше не выслеживает вампиров.

Зал снова сменил свой облик, и Уорд, споткнувшись, чуть не грохнулся, когда пол под ногами исчез и оказалось, что он стоит на высоте около тысячи футов над Манхэттеном, а внизу так же стремительно, как музыка, мчатся машины, выстреливая облачка выхлопных газов прямо у него под ногами. Иллюзия была такой полной, что даже не верилось, будто под ногами у него твердь. Музыка, чудесная, заводная музыка, просто заморозила его нервные окончания, и он перестал быть человеком, обладавшим весом и возрастом, а превратился в свет над городом.

Кто-то опустился на колени прямо перед ним и начал ласкать его пенис, впервые в жизни Уорд просто получал удовольствие, не думая, девушка это, или парень, или вообще какая-нибудь чертова горилла, просто наслаждаясь

всем своим естеством под оглушительный стук сердца. Затем он взглянул вниз и увидел обнаженную красотку из лимузина. Наслаждение было таким острым, что у Пола начали подкашиваться ноги. Кто-то, обладавший невероятной силой, ему помог, поэтому Уорд просто обвис у него на руках. Это были длинные худые и прохладные руки, но твердые, словно стальные. Да, такие руки ни за что не уронят его на пол. Огромная волна удовольствия захлестнула его с головой и откатила к ногам, а потом последовала еще одна волна, и еще...

Уорд закрыл глаза и мысленно представил не ту женщину, что ублажала его теперь, а Мириам Блейлок. Разве существуют такие красавицы?

Тут Уорд понял, что дама его бросила. Что за черт, оставила его, не закончив дела.

— Вот дерьмо! — гаркнул он, почувствовав боль внизу живота, оттого что чересчур долго пробыл в возбуждении и не получил разрядки.

Но музыка ни на секунду не останавливалась, затягивая его в свой водоворот. И он снова танцевал, все вокруг снова танцевали. И — Мириам Блейлок, Уорд отыскал ее в толпе. Она поймала его взгляд, и глаза ее вспыхнули. Увидев, что он голый, она, бросив на него насмешливо-сердитый взгляд, погрозила пальчиком. Пусть наградит ее Господь за то, что она впустила его в это чудесное место, где он танцует с самыми красивыми юношами и девушками. Наверное, он ей понравился. Произвел, так сказать, впечатление. Если понадобится, он готов объявить себя директором ЦРУ, будь оно неладно. Он с удовольствием остался бы в этом клубе до конца своей жизни.

Затем наступила полная тишина; мигнув, погасли прожекторы. Уорд споткнулся и снова чуть не упал. Зажегся свет, и неожиданно волшебные создания вокруг него превратились в обычных людей. По большей части это были совсем юные мальчишки и девчонки. Среди них попадались знакомые лица, но не из тех знаменитостей, имена которых у всех на слуху, а просто мелькавшие в телепе-

редачах или фильмах. Уорду до сих пор не доводилось оказываться в одной комнате с известными людьми.

На сцену поднялся парень — ди-джей, сопровождаемый легким звуком, словно листья зашелестели. Уорд присоединился к аплодисментам. За свою жизнь он наслушался немало громкого рока, но этот ди-джей переплюнул всех. Звучавшая недавно музыка унесла душу так далеко от тела, что сейчас Полу казалось, будто внутри его нажали кнопку перезагрузки, намереваясь полностью перепрограммировать.

Кое-кто из гостей одевался, некоторые продолжали наслаждаться наркотиками или заниматься любовью. Надо же, совсем еще дети... Ребятня оказалась в таком месте — пьет, колется и танцует голяком среди взрослых. Полное грехопадение!

— Черт,— сказал Уорд, обращаясь к ближайшей парочке,— здесь почти совсем как в Бангкоке!

В двух широких дверных проемах появились официанты с едой и вином. Они внесли огромные золотые подносы, уставленные золотыми и хрустальными блюдами, все приборы тоже были из золота.

— Эти горшки тянут, наверное, не меньше чем на миллион! — сказал он другой парочке.

Уорд единственный нарушал тишину, и один из гостей, встретившись с ним взглядом, приложил палец к губам.

— Что, помолчать?

Мальчишка кивнул.

Черт, а ему не хотелось молчать. Он жаждал обратиться с речью к одной из этих красоток — пусть она закончит делать минет. Но, черт с ними, он и так обойдется, раз они того желают.

— Мири, тот, о ком ты говорила, совершенно ужасен!

Мириам спокойно посмотрела на Лео.

— А еще он совершенно один.

Девчонка, видимо, не поняла, потому что гнула свое:

— В общем, убери его отсюда, прошу тебя. Он уже всех достал.

Тогда Сара решительно двинулась к ней.

— С Мириам нельзя говорить подобным тоном.

— Что? Из-за этого?.. Она сваляла дурака, что привела его сюда. Он ведь заявился с оружием!

Сара быстро вывела девчонку из зала. Яркое освещение кухни лучше подходило для подобной беседы.

— Послушай, Лео. Не смей *никогда* предъявлять к ней претензии. То, что было проделано с тобой, не дает тебе никаких прав. Как раз наоборот. Раньше ты была ее подругой, сейчас — стала ее вещью.

— Знаешь, что я тебе скажу, Сара? Ты настоящая дрянь.— Лео с высокомерным видом направилась к двери.

Сара сама не ожидала, что так разозлится, ее охватил спокойный, бесстрастный и глубокий гнев. Только подумать, ей придется долгие-долгие годы терпеть Лео, которая вечно будет путаться между нею и Мири!

Разумеется, она вовсе не была достаточно предана своей хозяйке — Мириам украла ее душу. Доктор Робертс так и не сумела избавиться от угрызений совести. Однако тот факт, что она пошла на это не добровольно, но по принуждению, создавал между ними особую связь. Мириам несла за нее ответственность и тоже, в свою очередь, принадлежала Саре. В их взаимоотношениях у каждой были свои права, Сара занимала определенное место и не намеревалась его уступать.

Сара прошла в кабинет — оттуда через фальшивое зеркало можно было наблюдать за происходившим в танцзале. Гости занялись едой, с жадностью поедая воробьев в медовом соусе и другие экзотические блюда, приготовленные Винсентом по распоряжению Мириам. Хозяйка клуба не интересовалась человеческой едой, но кое-что о ней знала. Воробьи в медовом соусе — любимейшее блюдо в Англии Елизаветинской эпохи.

А вот и тот мужчина, которого она попробовала на вкус! Его можно было даже назвать красивым: огромный, мус-

кулистый, с невероятно умным взглядом. Как было бы здорово почувствовать внутри себя его мощный орган...

— Ну что, любуешься? — Мириам решительной походкой вошла в кабинет.— Пора бы тебе одеться. Ты одна здесь голая, если не считать того куска ветчины, из-за которого ты распустила слюни. Хочешь съесть его?

— Зачем он тебе нужен?

Мириам села за стол и, швырнув на него кейс, хлопнула в ладоши.

— Хоп-хоп!

— Что, уже считать? Ведь всего лишь два часа, Мири.

— Касса Руди уже не закрывается. Придется тебе сделать два подсчета за сегодняшнюю ночь.

— Я так и думала, что вечер выдастся удачный.

— Хочешь знать, зачем он мне нужен?

— Да.— Сара сортировала банкноты, готовя пачки к подсчету. Наверняка сумма перевалит за сто тысяч. Мириам притягивала деньги, как магнит металлическую стружку. Древняя магия Властителей, как полагала Сара.— Так что там у вас?

— Даже не знаю, стоит ли тебе говорить.

— Верь мне, Мири. Для меня пытка, когда ты мне не веришь.

— А для меня пытка, когда ты забываешь свое место, детка.

Сара разложила купюры на аккуратные стопки — полтинники, сотни и несколько двадцаток.

— Я все время думаю о том, что случилось в Париже, и хочу попросить у тебя прощения. Ты должна знать, что я предана тебе всей душой.

— Теперь, когда тебе грозит замена, действительно предана. Жаль, ты не пришла ко мне раньше, до того как я перелила ей кровь.

— И зачем только ты это сделала? Теперь нам придется терпеть ее всю жизнь! А она... Мири, девчонка такая назойливая, к тому же глупа как пробка.

Мириам пожала плечами.

— Хочешь попозже побаловаться трубочкой?

— Я думала, ты на меня сердишься.

— Теперь не сержусь. Наоборот, собираюсь отметить одно событие, выкурив трубку двухсотлетнего опиума.

— И по какому же поводу?

— Ты, я и Лео отведем этого мужчину вниз и пробудем там с ним о-о-очень долго. Скормим его Лео. Ее первая трапеза. Думаете, она справится, доктор?

«О-о-чень долго» — значит, бедняге предстояли адские муки.

— Мири, я ненавижу, когда они страдают.

— А если я скажу тебе, что он один из тех, кто устроил на меня охоту?

Сара перестала считать деньги — сбилась со счета.

— Ты утверждаешь...

Мири загадочно улыбнулась.

— Я заманила его, Сара, в свои сети. Я правильно рассчитала каждый его шаг. И сейчас он у нас в плену.

— Это тот, что был в Париже?

— Да.

Сара снова взглянула на него.

— И если мы убьем его, то все будет кончено? Тогда тебе ничего больше не угрожает?

— Преследователи отступят, потому что этот человек — их самое мощное оружие. Благодаря ему одержаны все победы.

— Чьи победы, Мири?

— Есть люди, Сара, которые убивают Властителей по всему миру. А этот человек у них главный.

Сара опустилась на стул.

— И мы его скормим Лео?

— Ей ведь нужно чем-то питаться, дорогая, как и нам, у нее тоже есть право утолить голод.

Все остальные уже успели натянуть одежду. Уорд разозлился — за кого его принимают?

— Прошу прощения,— мрачно произнес он,— мне кажется, это мое...

Но он ошибся. Здесь ему ничего не принадлежало.

— Эй, послушайте, у меня был бумажник...

Вот уж совсем некстати лишиться сейчас шести сотен баксов. Остальное было спрятано в пружинах кровати отеля «Терминал», не считая трех сотен, потраченных на «магнум», тоже исчезнувший неизвестно куда.

— Эй, дамы! — выкрикнул он, ни к кому не обращаясь.— Я остался без одежды! Кто здесь главный?

Его намеренно игнорировали, все до одного. Видимо, какая-то местная шутка. Яркий свет слепил глаза, как солнце на пляже. Будь оно все проклято, Пол чувствовал себя как в одном из тех снов, когда оказываешься голым посреди универмага или еще в каком людном месте. Перехватив взгляд какого-то парня, он мотнул своим пенисом.

— Нравится?

— Симпатичный какой!

О Господи, а ведь только что веселье шло на полную катушку. До нынешнего дня это случалось очень редко. Позабавиться со шлюхой, а потом упиться до чертиков в каком-нибудь кабаке не означало для него повеселиться — всего лишь удовлетворение потребностей организма.

Уорд подошел к накрытому столу, откуда на него взирали маленькие мертвые глазки воробьев. Но там была еще икра, наверняка самое дорогое блюдо в меню. Он зачерпнул пятерней солидную порцию, заставив очевидцев удивленно охнуть, и швырнул икру в сволочное фальшивое зеркало.

— Отдайте мои вещи,— тихо произнес Пол,— или я все здесь в щепки разнесу.— Он говорил спокойно и так убедительно, что ни у кого не оставалось сомнения: следует исполнить его желание.

Лео, которая была сыта этим придурком на сегодняшний вечер и на всю оставшуюся, возможно очень долгую, жизнь, если все пойдет, как она задумала, тихо приблизилась к нему сзади.

— Я сейчас принесу вашу одежду.

— Умница.

Задержка произошла из-за Мириам. Она решила, что не желает видеть на Уорде его тряпки, и хотела, чтобы он оделся как подобает, а потому велела Луи съездить домой и привезти какой-нибудь из костюмов Джона. Шофер только что вернулся с черным шелковым смокингом и такими же брюками от «Донны Каран» и ярко-красной рубашкой, тоже из шелка. Мириам так и не позволила убрать вещи Джона куда-нибудь в кладовую. А вдруг Саре удастся в ближайшее время разработать какое-нибудь средство, которое ему поможет? Тело бывшего возлюбленного все еще в хорошем состоянии, почти не тронуто тлением. Поэтому и личные вещи ждут его.

— Привести сюда этого парня — просто безумие,— раздраженно фыркнула Лео.

Сара, вновь занятая подсчетом денег, не могла прерываться и потому лишь бросила на нее сердитый взгляд. Теперь, когда она владела общей тайной, а эта стерва осталась в стороне, женщина чувствовала себя гораздо лучше, угроза для нее уменьшилась.

Мириам засунула в карман брюк портмоне Уорда. «Магнум», лежавший на столе под грудой денег, остался на прежнем месте.

— Ты должна привести его в мою комнату,— распорядилась Мириам, обращаясь к Лео.

Лео знала, что люди, попадавшие в эту комнату, уже из нее не выходили.

— А я приглашена?

— Куда же без тебя,— Сара пожала плечами.

В фальшивое зеркало полетел стул и отскочил с глухим ударом. Уорд явно комплексовал по поводу отсутствия одежды.

— Надо же! — усмехнулась Мириам.

— Он там голый среди одетой толпы,— заметила Сара.— Я бы тоже чувствовала себя не в своей тарелке.

Мириам не удостоила подругу взглядом.

— Покажи ему клуб, Лео. Пусть поиграет с тобой немного. Но не смей с ним трахаться. Обещаешь?

Обойдя стол, Лео поцеловала Мириам в щеку. Невыносимое зрелище! Почему она заставляет ее страдать? Взяв в руки оружие, Сара нацелила его на несносную девчонку.

— Помни об этом,— сказала Сара.— Этот человек опасен.

В зеркало полетел следующий стул.

— Сделай так, чтобы оказаться вместе с ним у дверей моей комнаты через полчаса,— сказала Мириам вслед заторопившейся Лео. Потом повернулась к Саре.— Нечего грозить ей пистолетом!

— Она плохо себя ведет.

— Принимай девчонку такой, какая она есть.

— Лео тебе нужна вместо меня!

Мириам подошла вплотную к Саре и взяла в ладони ее лицо.

— Успокойся,— сказала она, сильнее сжимая ладони, от чего у женщины глаза чуть не вылезли из орбит.— Ладно?

Сара кивнула, не в силах сказать ни слова.

Мириам была вполне способна раздробить человеческий череп.

— Уверена?

Сара снова кивнула. Из носа у нее закапала слизь, ноги беспомощно зашаркали. Наконец госпожа ее отпустила. Сара задохнулась, потом втянула воздух, наклонившись вперед.

— Никакой ревности,— холодно произнесла Мириам.

Из глаз Сары хлынули слезы.

— Прошу, не бросай меня!

Мириам слышала от каждого из них эту мольбу, и сейчас задевшую ее за живое. Как они все любят драматизировать, эти людишки... Но они доставляют ей огромное удовольствие, и в конечном счете это самое главное. А Властители всегда заставляют людей страдать — таков закон природы.

Мириам поцеловала Сару.

— Ну как, легче?

— Прости меня, Мири. Просто ты так много для меня значишь. Мне не жить без тебя.

— У меня, любовь моя, к тебе есть одно очень важное поручение.— Мириам извлекла на свет медный ключ.— Вот ключ от его номера в отеле.— Она бросила ключ на стол и назвала Саре адрес.— Ступай туда, возьми с собою Билла или еще кого. Забери все его вещи. Будь особенно внимательна, если найдешь небольшую черную книжку, очень старую...

— Ты имеешь в виду «Книгу Имен»? А ему-то она для какой надобности?

— Они научились читать на прайме. Отчасти.

Сара искренне изумилась. Кому было под силу разгадать такой шифр?

— Ты уверена?

— Полагаю, воспользовались услугами шифровальщиков из Национальной безопасности.

Сара почувствовала внутри холод, как будто ей пронзили сердце ледяным ножом.

— Там указано твое имя. Перечислена собственность. Мири, что же будет?!

Над Властителями сгустились черные тучи, если люди смогли прочитать такие записи.

— Когда найдешь «Книгу»... если найдешь... вези ее прямо сюда.

— А если ничего не найду?

— Тогда нам придется заставить его сказать, где она спрятана, не так ли, дорогая?

Сара сумела улыбнуться. Иногда Мири заставляла свои жертвы кричать, что обычно Сара ненавидела. Так вот, ей будет приятно, если этот человек закричит.

— Мы заставим его все нам рассказать.— Сара обняла Мири.— Спасибо, что снова доверяешь мне.

— Теперь ступай, дитя. Мчись быстрее ветра.

Уорд еле-еле натянул брюки.

— Их хозяин, наверное, худой как палка.

Туфли пришлись ему впору, но были сшиты из такой мягкой кожи, что у него мурашки пошли по всему телу. Неужели это вещи какого-нибудь вампира? Судя по тому, что он видел в Париже, эти твари способны гораздо лучше выдавать себя за людей, чем он себе представлял. Чем черт не шутит, возможно, они замешались и в эту стильную толпу.

Уорд повнимательнее присмотрелся к туфлям. Зря он волновался — фирма «Гуччи» не шьет обувь из человеческой кожи, так что последняя версия отпадает.

Смокинг сидел неплохо, правда смотрелся довольно старомодно. Вещи принадлежали широкоплечему мужчине, высокому и сильному,— под стать Полу, но чуть стройнее.

Уорд внимательно рассматривал себя в зеркале.

— Господи, выгляжу как картинка.

Лео вздохнула: до чего же несносный тип!

— У вас потрясающий вид,— солгала она.

— Чьи это шмотки?

— Одного нашего приятеля. Послушайте, у меня есть идея. Музыку теперь включат только после ужина. Не хотите пока осмотреть весь клуб?

И эта красотка будет его гидом?

— Как не хотеть? Конечно хочу.

Девушка вышла из комнаты, пройдя сквозь стену. Он последовал за ней, приготовившись к оглушительному реву музыки. Но его встретила тишина. Они вообще оказались не в комнате. Это был японский сад, устроенный за пределами дома,— по крайней мере, создавалась иллюзия открытого пространства. Бархатное небо, сплошь усеянное звездами, желтый серп луны, склонившийся к горизонту. От бамбукового перезвона на душе становилось непривычно легко, по камням журчала вода. Стрекотали сверчки, перед лицом Уорда просвистела летучая мышь. Кое-где в темноте он сумел разглядеть белые пятна лиц. В саду находилось не меньше десятка людей, расположившихся прямо на траве. Среди них перемещался, подобно официанту, какой-то тип в очках, со старомодным докторским саквояжем в руках; он что-то тихо обсуждал с каждым, а потом открывал свой чемоданчик.

Пол учуял опиум... настоящий, хороший опиум. Он уже и так был порядком под кайфом, нанюхавшись дыма, а может быть, наглотавшись какой-то дряни, подсыпанной в еду или напитки, поданные ему... наверное, миллион лет тому назад. Уорд был истинным любителем опиума, и воспоминания мгновенно унесли его к далеким тихим дням, проведенным в камбоджийских джунглях, к тем волшебным часам, когда они были более или менее в безопасности и могли предаваться подобным удовольствиям.

Нет, разумеется, это не был сад на открытом воздухе — они находились под стеклянным «небом» в самом центре Манхэттена. Лео тем временем вела его к краю сада.

— Эй, погоди секунду. Мне бы тоже не помешала трубочка.

— Если останешься здесь, то придется заплатить тысячу долларов за час.

Да, в таком сволочном месте за одну ночь можно просадить тысяч десять.

— Тогда лучше продолжим экскурсию.

— Следующий зал довольно необычен. Но прошу вас не забывать: наше кредо — никаких ограничений.

— Звучит забавно.— Пол последовал за ней через еще один занавес в фойе, сплошь увешанное зеркалами. Оттуда начинался тоннель.— Это что такое?

— Обыкновенная лестница, просто выглядит как тоннель. Здесь за каждым занавесом имеется лестница.

Нелегко ему было шагнуть в то, что выглядело в точности как один из парижских тоннелей, но Уорд не отставал от своего гида. Он действительно оказался на тускло освещенной лампами лестнице, что вела к массивной железной двери.

— А что там?

— Мы называем это Госдепартаментом,— ответила девушка со смешком.— Там всегда полно политиков.

Она открыла дверь. Первое, что Уорд увидел,— красный зад. Лео вошла в комнату и, проходя мимо, шлепнула по ягодицам.

— Благодарю вас,— раздался мужской голос.

Уорд тоже вошел и поинтересовался:

— Мне можно? Или мужчине не стоит это делать?

— Ему все равно.

Пол размахнулся и отвесил парню сполна.

— Благодарю вас, сэр!

Уорд наклонился вниз, пытаясь разглядеть лицо бедолаги, связанного по рукам и ногам.

— Нет, милый, мы не любопытны.

Но Уорд уже успел увидеть что хотел.

— Хм, они что, все из Вашингтона?

— Вашингтона, Кремля, Даунинг-стрит, Ватикана — назови что хочешь.

Любители кнута не все были мужского пола. Уорд увидел голую женщину, подвешенную к потолку, тяжелые цепи были прикреплены крючками к соскам.

— Ух! — не удержался Пол от возгласа, но Лео шла не останавливаясь.

Они миновали еще одну женщину, связанную очень живописно: она напоминала нечто вроде шара.

— Бог мой, это кто такая?

— Одна шишка в издательском бизнесе.

Там был еще парень, привязанный к шесту, двое молодцев стегали его толстыми черными тростями.

— Тоже издатели?

— Зад сенатора обхаживают два конгрессмена. Позже настанет их черед занять место у шеста.

— А кто-нибудь из президентов у вас здесь побывал?

— Из какой страны?

— США.

— Который?

— Что ж, она ответила на вопрос.

— А сколько стоит пребывание в этой комнате?

— Сущие пустяки. Если хочешь остаться здесь, то я сама отхожу тебя за милую душу.

— И не мечтай, сладкая моя. Я торчу от другого.

Леонора пожала плечами.

— Ты бы удивился, как это здорово, когда тебя как следует отстегают. Твое эго просто взрывается внутри. Это происходит в каждой комнате, но по-разному.

— А как же японский сад?

— Словишь правильный кайф и окажешься чуть ли не в раю.

— Кайф он и есть кайф.

— У нас работает дипломированный медик, он не только раздает наркоту. Все наши клиенты обследовались у него, и ему точно известно, от чего они балдеют больше. Он проводит исследования крови, делает назначения, что-то меняет, и все в течение вечера. Клиенты ловят такой кайф, что забывают свои имена.

— А затем музыка вообще уносит тебя к черту на рога.

— Нет, мистер, здесь мы приближаемся к Богу. Это место святое.

Уорд никогда не предполагал, что ему придется услышать, как «ад» назовут «святым местом».

— А мы можем еще куда-нибудь пойти?

Эта часть клуба была не для него. Ему хотелось затянуться опиумом или на худой конец выпить.

Они поднялись на лифте, таком тесном, что стоять в нем пришлось вплотную друг к другу. Когда двери открылись, Пол окончательно пришел в себя, потому что оказался в бальном зале, заставленном красивыми кроватями, на которых пары занимались любовью.

Двое певцов, прелестная высокая девушка и юноша, еще выше ее, пели на два голоса с таким чувством и нежностью, что могли сойти за святых. Уорд узнал старую колыбельную «Всю ночь напролет».

Торжественная обстановка зала никак не вязалась с тем, что походило на оргию в самом разгаре. Уорд был неглупым человеком и сразу понял, чего хотели добиться устроители подобных развлечений. В этом зале, например, секс отделялся от греха, так как не было необходимости прятаться.

Время от времени он забредал в Пномпене или Вьентьяне в какую-нибудь дыру, где было полно таких же, как он, ребят, веселье тогда обычно заканчивалось чем-то вроде оргии. Веселились бурно, но по-скотски, и после его не оставляло чувство брезгливости. Здесь же отсутствие стыда приносило с собой ощущение чистоты. Тридцать или сорок человек наслаждались друг другом всеми возможными интимными способами, творя все, что только можно себе вообразить. Их лица светились от желания, тела покрывала испарина. Может, в этом и есть какая-то святость?

При виде всех этих переплетенных тел Уорд как-то особенно внимательно начал приглядываться к своей спутнице. Скорее всего, она не принимала его всерьез, как остальные завсегдатаи этого клуба... исключая разве придурков в подвале. Они принадлежали к политикам, а это с

какого-то боку и его мир. Правда, его никак нельзя было назвать любителем порки. Он и так сполна получил свое и ни в чьей дополнительной помощи не нуждался. Ножевая рана, например, хоть и заживала, но все равно давала о себе знать, стоило ему высоко поднять руку.

Лео выглядела потрясающе — этакая Белоснежка. Он был готов хоть сейчас на нее наброситься. Кое-кто считал его член достойным восхищения. Может, и ей понравилось бы. Уорд решил попытать счастья.

— Послушай, я бы не прочь...— Она бросила на него такой взгляд, что Пол тут же замолчал.— Пошли вниз,— сказал он минуту спустя хриплым от смущения голосом.

Он не мог овладеть ею здесь, так как не принадлежал к числу ангелов и нуждался в уединении.

Девушка неспешно вышла в фойе. Уорд не понимал, какова ее роль в этом клубе, и ему не хотелось никого обижать. Но природа брала свое. Он все-таки живой человек. Нельзя же вот так бросить его на произвол судьбы после всего, что он здесь видел и перечувствовал. Не станет ведь он в самом деле обслуживать себя пятерней! Ему тоже хотелось любви.

— Ты такая... Я хочу сказать, тебе бы понравилось. Я могу заплатить... если таков порядок...

— А теперь я хочу показать нечто действительно особенное,— сказала она и взяла его за руку.

Какое зрелище могло превзойти то, что он успел увидеть, Пол не представлял. В этом заведении не просто стремились доставить гостям удовольствие. Уорд здесь столкнулся с совершенно новым подходом к самому понятию «удовольствие». Чтобы насладиться, здесь не приходилось прятаться, и само наслаждение не считалось грехом. Даже те, кто посещал темницу, усваивали этот урок, правда своим особым способом.

Люди, которым позволено было сюда приходить, составляли круг избранных. Всю свою жизнь Уорд считал, что социальные барьеры, воздвигаемые людьми, это тра-

гедия. Мириам Блейлок сломала эти барьеры в своем заведении, и, как теперь казалось Полу, довольно успешно.

Они спускались по черной лестнице — стальные ступени в освещенном колодце. Каждый пролет заканчивался многочисленными табличками «Выход», везде были установлены пожарные шланги. Он заметил, что противопожарной безопасности здесь уделялось большое внимание.

— Нигде не видел столько этой ерунды.

— Мы очень осторожны. Мы не хотим, чтобы гости почувствовали хотя бы малейшую угрозу.

— В жизни не чувствовал себя в большей безопасности.

Девушка сжала его руку.

— Послушай,— сказал он,— прости, если смутил тебя. Или обидел. Просто... я нахожу тебя... сама знаешь... очень-очень привлекательной.

— Я польщена.

Наконец лестница закончилась дверью на засове. У Пола мелькнула ужасная мысль.

— Надеюсь, меня не выставляют?

Девушка открыла дверь в крошечное помещение с зеркальными стенами. Когда он вошел, то со всех сторон на него глядели Уорды, исчезавшие в бесконечности повторений,— что-то вроде визуального эха.

— Эй...

— Желаю сказочно провести время.

Она захлопнула дверь, и Пол сразу обернулся, но увидел лишь зеркала, среди которых никак не мог отыскать дверь.

Помимо всего прочего он ненавидел замкнутое пространство. Но это было заведение, дарящее удовольствия. И такой бедолага, вроде него, мог раз в жизни оттянуться по высшему разряду. Так что теперь он не должен все испортить.

Но парень, глядящий на него из всех зеркал, похоже, так не думал. Достаточно было только взглянуть ему в глаза и увидеть в них бесконечную боль. Тут Уорду показа-

лось, что он увидел еще одно лицо... Какой же он дурак, что вошел сюда! Мириам следила за ним сквозь сволочное зеркало. Он потянулся за оружием, которого не было, а потом нанес внезапный удар. Кулак врезался в блестящую преграду. Комната сотряслась, раненую руку пронзила острая боль... но зеркало даже не треснуло.

И тогда прозвучал очень тихий голос:

— Поверни направо и иди ко мне.

Он так и сделал — и пошел навстречу собственному отражению.

— Смелее.

Он сделал еще шаг, протянув вперед руку... и она ушла в пустоту. На этот раз зеркало оказалось очередным занавесом.

А что, если он сейчас проделывал путь, некогда поглотивший Эллен Вундерлинг? Что, если это какое-то особое сверхтайное вампирское логово? Если все так, то черт с ним, он хотя бы унесет с собой жизни еще нескольких тварей.

Уорд оказался в спальне, поразившей его своим великолепием. На кровати восседала Мириам, женщина играла на флейте, причем с изумительным искусством.

В этой комнате имелось окно, за которым он увидел радостные зеленые поля и работающих на них людей — мужчин в коричневых накидках и широкополых шляпах. По едва заметной тропе проехал всадник, одетый в фантастический наряд далекого прошлого.

— Это телевизионный экран,— предупредили его.

Здорово! Картинка такая четкая и ясная, что выглядела совсем как настоящий вид из окна, даже еще натуральнее.

Напротив кровати стояло кресло — высокое, резное, почти трон. Уорд опустился в него. Он слушал и наблюдал, как играет Мириам Блейлок. Талантливая дама. Ее клуб воплощал силу человеческого гения и безграничное богат-

ство. Тому, у кого имелась наличность, это заведение могло перекроить душу.

Или обыкновенному человеку, которому необыкновенно повезло, как сейчас Уорду например.

На Мириам была белая ночная сорочка, подхваченная под грудью розовой лентой. Пол подумал: *«Впервые нахожусь в таком удивительном месте с такой удивительной женщиной, и, как мне кажется, меня сейчас затянут в постель»*.

Всемогущий Боже! Нужно подготовиться. Когда она закончит играть эту сладкую прелюдию, то поднимет взгляд, и Уорд еще раз увидит ее ангельское и бесподобно соблазнительное личико. Он уже сейчас был возбужден до предела. Вопрос в том, как проявить себя с лучшей стороны, если на самом деле ему предоставят эту привилегию, и не опростоволоситься на второй секунде.

Музыка закончилась. Мириам отложила флейту.

Когда он тихо зааплодировал, она рассмеялась.

— Я просто дурачилась.

— Вы дурачились с «Прелюдией к полудню фавна» лучше всех известных мне музыкантов. Лучше, чем Голуэй.

— Я обожаю Джеймса.

— Вы с ним знакомы?

— Мы вместе музицировали.

— Ааднo.

Наступила тишина. Уорд не знал, что теперь делать, что сказать. Он не принадлежал к этому классу — вот в чем беда. Он взглянул на потолок, расписанный под ночное небо — темно-синее с золотыми звездами и луной, в которой вроде бы свернулась змея. Созвездия тоже располагались как-то странно.

— Античная роспись. Нравится?

— Еще бы. Сколько ей лет?

Мириам спустилась с кровати, подошла к нему и уселась на подлокотник кресла.

— Она из Атлантиды.

— Ладно,— повторил он и сразу почувствовал себя полным кретином. Он что, изображает здесь жертву инсульта? Неужели нельзя было отреагировать хотя бы чуть забавнее на ее остроумный ответ?

— Что — ладно?

— Простите, я просто... хм... буду честным. Ваш клуб... я хочу сказать, о Господи... Должен признаться, я не дотягиваю до этого уровня.

Она наклонилась и пожала ему колено сквозь шелковые брюки. Тонкая ткань не послужила препятствием этому прикосновению, и он почувствовал невообразимое блаженство.

— Вам надо немножко успокоиться,— сказала она.

— Мне нужно успокоиться,— повторил Уорд.

Мириам подошла к большому комоду из темного дерева, украшенному резьбой, и выдвинула ящик. Изумленный, Пол не мог отвести глаз от набора для курения опиума с двумя великолепнейшими трубками слоновой кости.

— Вы говорили, что хотели бы выкурить трубочку. Думаю, вам это поможет.— Остановившись на полпути, однако, Мириам наклонила голову, словно обдумывая мысль, только что ее посетившую.— Мы ведь не против наркотиков, да, мистер агент ЦРУ?

— Не-а, контора сама много ввозит. И вообще, после Вьетнама я окунулся в такое дерьмо. Все время хожу по краю. Без хорошей разрядки с таким делом не справиться.

Мириам дала ему трубку и принялась хлопотать.

— Ну вот, опять эта древняя зажигалка. Леди, вам нужно забросить ее куда подальше, иначе вспыхнете как спичка.

Она посмотрела на него так, что проняла до самых печенок. Что было в этом взгляде? Ненависть? Господи, если... Но тут Мириам очень мило улыбнулась, и Уорд оставил все сомнения, полагая, что она искренне им очарована.

Он глубоко затянулся и через секунду был вознагражден отличным ароматом, пропитавшим его насквозь, как кровь губку. Превосходно!

Мириам и себе разожгла трубку, затем пошла к кровати и прилегла. Уорд последовал ее примеру. Они лежали лицом к лицу, Уорд затягивался, чувствуя, что эрекция ослабевает. Отлично. Опиум продлит подольше этот вечер.

Мириам поцеловала его в шею, чуть дотронувшись губами, и захихикала. Он вернул поцелуй, надолго припав к ее губам.

После этого она уже больше не смеялась.

17

ДИТЯ КРОВИ

Мириам целовала его, соблюдая осторожность. Она не знала, насколько хорошо ему известна анатомия Властителей, и до тех пор, пока не узнает, не собиралась рисковать, дотрагиваясь языком до его языка. После поцелуя он устремил на нее взгляд, полный глубочайшей печали.

Они вместе курили, Мириам следила за трубками. Мужчина все еще пожирал ее глазами, и в глубине сознания Властительницы теплился страх, не начинает ли он ее узнавать. Мириам улыбнулась ему, стремясь выглядеть застенчивой и немного удивленной. Уорд вздохнул, затянулся трубкой и закрыл глаза.

Через несколько минут Мириам убрала трубки. Ей нужна была спокойная особь, но две трубки опиума могли загнать в ступор какого угодно силача.

— Опиум никого больше не интересует,— Уорд откинулся на подушку.— Я хочу сказать, что наткнулся на него в джунглях Камбоджи. Абсолютная дыра, надо признаться.

— Мой опиум выращен в Бирме, переработан на предприятии, построенном для ЦРУ в 1952 году. По мнению некоторых, это самая лучшая партия в мире. Ты знал Мориса Макклеллана? Это он отвечал за операцию для ЦРУ.

— Я знал Мориса.

Он вдруг посмотрел на нее острым и холодным взглядом. Мириам с удивлением, точнее, с ужасом поняла, что совершила промах. Если ей действительно чуть за двадцать, значит, Морис умер, когда она была еще ребенком.

— Морис дружил с моим отцом,— небрежно сообщила Мириам, перекатываясь на спину и закладывая руки за голову. Всем своим видом она пыталась показать, что совершенно спокойна.— Папа как-то представил его принцу Филиппу.

— Тогда это точно Морис. Он любил вращаться в высшем обществе.

— Знаешь, что нам следует сделать? — спросила Мириам.

— Что?

— Нам следует переодеть тебя во что-то поудобнее.

— Это замечательный костюм. Такая приятная ткань.

— Мы держим его в клубе на всякий случай. Если приходит кто-то...

— Одетый как бродяга, вроде меня.

— Ты смущал моих гостей. Они приняли тебя за полицейского.

— А у тебя здесь бывают полицейские?

— Конечно. Полицейский участок сразу за углом.

— Я заметил.

— Это не проблема.— Не проблема, когда раз в неделю отсылаешь туда пятьдесят тысяч долларов и половина влиятельных людей города следят за тем, чтобы твой квартал не патрулировался.

Руки Мириам скользнули ему под рубашку. Уорд заморгал. Он сразу так сильно возбудился, что в паху зашелестел шелк брюк. Расстегивая ему рубашку, Мириам прикидывала, сколько крови он может потерять, прежде чем умрет. Он был очень силен. Такой продержится несколько часов.

Как только он окажется связанным по рукам и ногам, Мириам смоет весь макияж — пусть узнает, что угодил в сети Властительницы. Потом проделает крошечное отверстие в его шее и использует как наглядное пособие для Лео, которой будет позволено насытиться маленькими глоточками.

Она погладила его плечи, стянув с них рубашку.

— Какой ты сильный! — это прозвучало как возглас восхищения.

— Качаю мускулы.

— Сколько выжимаешь?

— Двести. Если в хорошей форме, двести двадцать.

— Разве ты в плохой форме?

— В последнее время поизносился порядком.— Уорд кивнул на трубки.— Кроме этого выпивка, девчонки. Я слишком долго жил в Азии, слишком много сделал... Работы было по горло.

— Что у тебя за работа?

— Секретная.

Она положила голову ему на грудь и одним гибким движением прильнула к нему.

— Здорово.

— А ты как думаешь, чем я занимаюсь? Попробуй угадать.

— Дай подумать... Ты *очень* сильный. Но еще — умный.— Она перешла на шепот.— Правительственный киллер, не так ли?

Уорд хохотнул.

— Ты оставила у себя мое оружие.

— Сюда не ходят с оружием. Это нарушение закона.

— Мне казалось, закон на тебя не распространяется.

— Я говорю о *своем* законе.

— Каким образом ты так разбогатела?

— Мой прапрапрапра... дай посчитать, нужно пять раз... еще один... прадедушка — лорд Балтимор. Он владел штатом Мэриленд.

— Ответ меня удовлетворяет. Но все же хотелось бы получить обратно оружие.

— Когда уйдешь.

На секунду ей показалось, что в нем проснулся дикий зверь. Мириам знала, что он обладает звериной проворностью. На таком близком расстоянии он выглядел еще опаснее.

Она потянулась, лежа спиной у него на коленях, и задела рукой что-то твердое.

— Ого! Можно я буду плохой девочкой?

— Будь плохой девочкой.

Она еще раз легко дотронулась до его члена и тут же отдернула руку.

— Да он *огромный!*

Уорд сглотнул. Его охватила легкая дрожь.

Она ощупала его еще нежнее, еще интимнее.

— Не может быть, чтобы он был таким большим...

— А ты взгляни,— прошептал Пол.

— Можно?

Брюки оказались тесны в талии, поэтому молния застегнулась только на три четверти. Мириам быстро расстегнула ее, и пенис выскочил наружу. Он *действительно* был огромный. Женщина нажала ногтем в мягкую мошонку, затем подержала двумя руками невероятных размеров член. А потом сама стянула с мужчины брюки. Уорд поспешно сбросил рубашку.

Давно она не видела такого красавца. Мускулатура у него была фантастическая, кожа блестящая. Лицо — чистейшее воплощение мужской красоты, словно высечено из мрамора, жесткое, с тяжелым трагическим взглядом того, чья жизнь полна опасностей и риска.

Как бы то ни было, он оказался чудесным экземпляром для трапезы. Мириам даже слегка позавидовала Лео. Какой великолепный первый ужин!

За несколько минут до прихода своего гостя Мириам спустилась вниз и проверила топку в соседнем здании. Все

было в порядке. Под кроватью стоял небольшой черный чемоданчик, в котором она перенесет останки.

Но... Все это случится позже, а до прихода Сары она будет продолжать свои игры. Ей нужна «Книга Имен». Если Сара ее не найдет, тогда этот человек узнает, что камера Госдепартамента используется не только для игрищ политиков. Там хранились очень серьезные приспособления, и Мириам отлично знала, как их применять.

Она погладила его грудь, обвела пальцем вокруг одного из сосков. Дотронулась до сморщенной раны на плече.

— Болит?

— Немного. Уже заживает.

Мириам припомнила, как это было здорово, когда ее нож впился ему в руку. Будь у нее тогда место размахнуться пошире, она бы вообще отсекла руку прочь.

— Как это произошло?

— Один клиент расстроился.

— Видно, очень расстроился.

— Очень.

Она поцеловала его в уголок рта и отодвинулась, когда он попытался вернуть ей поцелуй.

— Знаешь, Мириам, я хочу быть с тобой честным. Это самая чудная ночь в моей жизни.— Он оглядел ее всю. На ней все еще была тонкая сорочка.— Ты... О Боже... еще прекраснее, чем это кажется. Я имею в виду... прошу, пойми меня правильно... но ты всего лишь ребенок, а это место поистине непростое. Та девушка, что показывала мне клуб... назвала его священным, я еще подумал, что она полная кретинка. Только теперь я начал понимать, что ты сделала. И я хочу, чтобы ты знала: мне нравится здесь.

— Благодарю.

— Ты сама придумала, как все устроить?

— Да.

Она притянула его руки к своему лифу и вложила в пальцы ленточки, а затем медленно их развела. Лента развязалась, и сорочка соскользнула с ее плеч, как белое облако.

— О Боже!

У нее была изящная грудь, не слишком полная, как раз такая, что поместится в сложенных чашечкой ладонях. Уорд поднял руки, но не посмел дотронуться до этого произведения искусства, фарфоровой мечты. Тогда она сама поднесла его руки к груди, и когда огрубевшие ладони коснулись сосков, то они стали твердыми, а их розовые венчики покрылись гусиной кожей.

— О Всевышний! — простонал он, не сводя с нее глаз. Затем, наклонившись, дотронулся губами до восхитительной кожи, оказавшейся вблизи идеально гладкой, как у ребенка, не ведающего, что такое жизнь.

Господи, да ему следовало бы попросить у нее водительские права. Но он не станет этого делать. Если она даже и малолетка, то Бог создал эту малышку для того, чтобы она пустилась во все тяжкие, и пусть его простят, но сегодня он задаст ей перцу.

Чуть разомкнутые губы свидетельствовали, что ей нравятся ласки, что она готова принять его. Он с удовольствием целовал ее, но действовал очень осторожно, помня об одной своей особенности, приводящей в восторг далеко не всех женщин, хотя, конечно, шлюхи изображали экстаз. А дело в том, что язык у него был какой-то... в общем, шершавый — иначе не скажешь. Кошачий язык, одним словом. И все равно Уорд забылся. Не совладал с собой. Такой у нее оказался сладкий рот, так пылко она отвечала на его ласки, что он просто целовал эту женщину, ни о чем не думая. Значит, она все-таки *женщина*? Отлично!

Он захотел коснуться языком ее языка, но казалось, будто у нее во рту вообще никакого языка нет. Конечно, язык был. Просто, наверное, она поджала его к нёбу от страха.

Но потом он все-таки осуществил свое желание, и, когда это произошло, Мириам выгнула спину и закричала так громко, что он оторвался от нее.

— Прости!

Она обняла его и сомкнула вокруг сильного тела кольцо ног. Поцелуи продолжались, а он погружал свой язык в ее рот, и от того, как она стонала и вскрикивала, в нем разгоралось дикое желание. Этой женщине нравились его поцелуи, ей все в нем нравилось.

Как он похож на Юминиса, который был для нее не только мужем, но и единственным возлюбленным из ее племени! С такой силой Мириам сталкивалась впервые за многие столетия. Перед ней был не мужчина, а ревущий океан, полыхающая звезда, торнадо, тайфун.

Она припала губами к его губам и разомкнула для него рот, а он проник туда языком и замер в поцелуе. И хотя он пока не овладел ею, она достигла оргазма, а потом еще и еще раз, лежа под его пылким, взмокшим телом.

Мириам смотрела на него, упиваясь зрелищем. Не было до сих пор такого красивого мужчины, излучающего столь яростную сексуальность, не было до сих пор такого... такого... в общем, нет слов, чтобы описать его.

Они перекатились на ложе, и Пол оказался под ней. Опиум сработал на славу: Уорд был готов к любовным подвигам и чувствовал, что продержится долго.

Он позволил ей сесть на него и взяться обеими руками за член. Щеки ее зарделись, пока она гладила могучий стержень, ласкала, целовала и облизывала. Нет, такое чудо не могло принадлежать человеку, никак не могло — этот прекрасно разместится в ее лоне, чего никогда не происходило. У всех людишек маленькие пенисы, не то что у Властителей.

Неужели этот человек... Нет, не может быть. Их расы не перекрещиваются. Мириам тут же выбросила из головы глупое предположение. Просто он счастливое исключение из правил, не более того.

Ей захотелось ощутить его вкус. Захотелось узнать все его интимные тайны. Он действительно возбуждал ее, несмотря на всю ненависть, полыхавшую в ее сердце.

— Эй,— сказал Пол, приподнимая голову и крепко ее целуя.— У тебя такой же язык, как у меня. Мы с тобой две кошки.

Он говорил правду, и все это казалось ей очень странным.

— Мы созданы друг для друга,— осторожно заметила Мириам.

Он начал выбираться из-под нее, Мириам сразу поняла его намерение и радостно подчинилась. Прежде она *никогда* не отдавалась на спине, но сейчас, с ним, она готова была и на это. Да, именно там ее место, под его телом. Огромная фигура нависла над ней. Пристально глядя ему в глаза, она раздвинула ноги.

— Поехали, детка,— сказал он,— чур первый раз — *мой*.— С этими словами он проник в ее лоно.

Мир вокруг почернел. А затем словно прорвало дамбу. В голове ее гремели раскаты грома. Вторя ритмичным движениям, она без конца повторяла его имя:

— *Пол, Пол, Пол!*

Она будто превратилась в яркое небесное тело, целиком состоящее из наслаждения, и это тело неслось теперь во вселенной со скоростью, в миллионы раз превышающей скорость света.

Потом он сделал небольшую передышку, и, ощущая на себе его тело, на удивление тяжелое, она испытывала чудеснейшее чувство естественности всего происходящего. Он настолько был похож на Юминиса, что сердце едва выдерживало боль сладких воспоминаний.

Его чресла не знали устали, и удовольствие превратилось в горящую комету, пронзившую ее тело насквозь. Вот он почти покинул ее, а затем снова ринулся вперед. Мириам оставалась распластанной, и ей нравилась эта иллюзия беспомощности, которую ей дарил мужчина впервые за много, бесконечно много лет. Невероятное ощущение чуда. И совсем не страшно... то есть страшно, но это была

часть игры. Он действовал неторопливо, осторожно, скользя в ее лоне, а она тем временем металась, выгибала спину, твердила дорогое имя.

Совсем как тогда с Юминисом, когда она отступала под напором еще большей силы, чем ее собственная.

Не прекращая двигаться, Пол пожирал ее глазами. Не только ее внешность вызывала восхищение, одно прикосновение к ней уже сулило блаженство, но еще она была совершенно по-особому устроена там, внизу. Да, эта женщина знала, как пользоваться нужными мускулами, и делала это мастерски, не чета даже самым опытным шлюхам Бангкока, Сеула или Гонконга.

«Благодарю тебя, Боже, за ту трубку опиума,— думал он,— иначе я бы спустил уже на первой секунде».

Пока же он действовал медленно, деликатно, а она целовала его грудь, покусывая волоски, и лизала соски. Она кричала, она дрожала, как дерево на ветру, она вторила его движениям, ускоряя ритм, вцепившись пальцами ему в ягодицы. Он оседлал свою кобылку, сомневаться не приходилось; никогда прежде он так сильно не возбуждался, никогда прежде ему не было так хорошо. Мириам вопила, глядя на него обезумевшими, удивленными глазами.

С ней творилась чертовщина какая-то, настоящая чертовщина! Потому что она чувствовала внутри себя полыхающий огонь и понимала, *что* это означает.

Ни одна из Властительниц, один раз испытав это ощущение, не могла о нем забыть — это болезненное, вселяющее тревогу, восхитительное пламя, *предвестник зачатия*. Ее тело не примет человеческое семя. Нет, это не должно произойти... не должно...

Но тело уже не подчинялось ее воле, и Мириам беспомощно сдалась на милость природы, превратившись из женщины в песчинку, затерянную в буйном живом океане. А ее возлюбленный был штормом, он был молнией, бившей по измученным волнам.

И эта молния, как ей казалось, была живой. А если так, значит... что ж, значит, он не бесплоден!

О небо, что происходит?

Ни разу в жизни она думать не думала, что какой-то мужчина из людского племени разбудит в ней такую страсть. Ее яйцеклетка, последняя в жизни яйцеклетка, двигалась сейчас внутри, доставляя ей обжигающий восторг.

Целую тысячу лет у нее не было настоящего мужчины, и она всегда мечтала о нем, и вот теперь она видела над собой огромное метущееся тело, красивое лицо, горящие глаза — это был *Властитель*!

Пол обливался потом, не прекращая двигать бедрами, его мускулы пели от восторга, вызванного этим соитием. Каждый раз, погружаясь в ее лоно, он достигал зыбкого края оргазма, затем отступал, она ослабляла хватку, и все начиналось сначала.

Впервые он пребывал так долго в состоянии абсолютного блаженства, впервые с ним происходило нечто подобное. Он не помнил, чтобы его сердце когда-нибудь билось быстрее. Даже кожа приятно покалывала, будто между ними пробегали электрические разряды там, где соприкасались их тела.

И снова он проник в нее и остановился, любуясь цветком, воплотившим совершенство,— ее лицом с лучистыми, восторженными глазами.

Она закричала. На его взгляд, она и до этого немало кричала, но теперешний крик не шел ни в какое сравнение с прежними воплями. Мириам чувствовала созревшую яйцеклетку. Никаких сомнений. Клетка вошла в матку и, прикасаясь к ней, рассылала миллионы щекочущих иголочек по гудящим нервам.

Пол всматривался в дорогое лицо — настоящий ангел! Какие глаза, серые озера невинности, да она просто дева из Соломоновой песни... Он крепче прижался к ней, чувствуя, как внутри его жезла потекло расплавленное золо-

то, и достиг оргазма, рыча, смеясь, горланя во все горло; впервые он испытывал потрясение такой силы. Впервые он испытывал восторг и любовь, настоящую любовь, захватившую его душу огнем.

Мириам ощутила, как его семя вошло в ее тело, подобно бушующему пламени, жгучему солнцу, и она знала, что оно омыло яйцеклетку, проникло сквозь стенку и устремилось к центру, где спала легкая тень.

Любовники забились в судорожном объятии, выжимая последние драгоценные капли граната, последние капли цветочного нектара. Горячая волна подхватила Мириам и увлекла за собой в вышину, наполнив ее чудесным огнем, впервые потрясшим ее с тех пор, как возвели пирамиды, с тех пор, как она разомкнула веки и, глядя в глаза Юминиса, произнесла: «Похоже, будет мальчик».

Пол упал ей на грудь, и оба расплакались, как перепуганная парочка школьников. Мириам Блейлок и Пол Уорд только что зачали дитя.

Она плакала по крошечному существу, которое лежало теперь внутри ее, его клеточки уже проснулись к жизни. Она плакала, потому что не представляла, каким будет это дитя — Властителем, человеком, живым, мертвым, уродом? — она знала лишь, что это ее второй, и последний, ребенок.

— Я люблю тебя,— сказал он,— Бог свидетель, я люблю тебя!

Вид у нее был перепуганный, и он коснулся дорогих глаз, чтобы утереть ей слезы.

— Мириам, пожалуйста, никогда не заставляй меня оставить тебя.

Она не сводила с него довольного взгляда.

— Я обожаю тебя.— В ее тоне слышалось такое благоговение, что он чуть не расплакался: неужели старый офицер ЦРУ все-таки кому-то понадобится, и, может быть, этим кем-то и будет эта чудесная, особенная девушка.

Мириам выскользнула из-под него, положила его голову себе на колени и долго не сводила с Пола любящих глаз. Потом наклонилась и тронула губами кончик его носа, губы, пульсирующую жилку на сгибе шеи. Она задержала поцелуй на шее чуть дольше, затем отстранилась.

Пол почувствовал, как она, прихватив губами его кожу, сделала несколько сосательных движений. Ощущение было приятным.

Внезапно он подпрыгнул и отшатнулся от нее. У одного из зеркал стояла женщина, та самая, что ублажала его ртом на танцплощадке.

Мириам поднялась с постели, подошла к ней и взяла за руки. Сара кивнула, и тогда Мириам расхохоталась. Смех у нее был такой переливчатый, заразительный, такой музыкальный и веселый, что Пола тоже разобрало, и он начал хохотать.

— И сколько вы здесь находитесь? — спросил Уорд.

— С самого начала.

— Тогда вы видели кое-что интересное.

Сара пожала плечами.

— Позвольте узнать ваше имя?

— Сара.— Она кивнула на Мириам.— Я веду для нее бухгалтерию.

— Ты позволяешь своему бухгалтеру находиться в комнате, когда ты...— Он хохотнул.— Что ж, каждому свое.

— Это было прелестно,— Сара улыбнулась.— Вы чудесный мужчина.

Но если судить по ее взгляду, она не осталась довольна зрелищем. Более того, леди была явно раздражена.

Сквозь зеркальную стену вошла еще одна.

— Привет,— Пол кивнул появившейся девушке, той самой, что водила его по клубу.

Он натянул брюки, впрочем, для этой команды вид еще одного голого мужчины ничего не значил. Тем не менее девушка покраснела как помидор. В руках она держа-

ла забавную серебряную штуковину. Странный такой ножик.

— А это что такое?

Ножик исчез в кармане джинсов.

— Прости, Мириам!

Мириам подошла к девушке.

— Это Лео. Мы все трое управляем клубом. Лео внучка генерала Паттона, он был двоюродным братом моей матери.

Уорд накинул рубашку, начал застегиваться.

— Генерал Паттон, лорд Балтимор, Моррис Макклеллан и принц Филипп. Не говоря уже о Бене Стиллере, завсегдатае вашего клуба. Как много известных имен!

— Какой лорд? — удивилась Сара.

Мириам улыбнулась ей так, что Пол сразу понял: она велит подруге замолчать. Итак, история о лорде Балтиморе — ложь. Что в свою очередь означало: она хочет скрыть происхождение своего богатства. Интересно.

— Мы едем домой,— объявила Мириам взволнованным голосом.

— Все вместе? — Лео стрельнула глазами в сторону Пола.

— Я влюблена,— прокричала Мириам. С этими словами она метнулась обратно к кровати, накинулась на Пола, крепко его поцеловала, затем вместе с ним упала на кровать.— Он лучший любовник на свете.— Она задохнулась от смеха, бросив кокетливый взгляд из-под широкой груди любовника на Сару и Лео.— Ну не гадкая ли я девочка?

— Не то слово,— фыркнула Сара.

— А мне что делать? — спросила Лео.

— Мне кажется, мы оба влюблены,— сказал Пол.

Сара заметно повеселела.

— Я очень рада,— сказала она и обратилась к Мириам: — Уже четыре часа, Мири. Можно, я распущу персонал?

— В клубе все чисто?

— Да, и готово для ночной охраны.

Мириам разлеглась у него на коленях, подложив руки под голову.

— Лео, вели Луи подогнать машину.— Она взирала на Пола снизу вверх.— Я повезу своего мальчика домой.

Обе женщины молча вышли из комнаты.

— Похоже, они расстроились.

— Домашние любимцы не любят сюрпризов.

— Меня ты тоже к ним причисляешь?

— Ты мой дорогой, красивый, настоящий *мужчина*!

Они оделись и, выйдя из комнаты, прошли через кухню к черному выходу. Там их ждал сиявший в предрассветной тьме лимузин, который Уорд приметил еще на Хьюстон-стрит.

Пол забрался вовнутрь, уютно устроившись на плюшевых подушках. К нему присоединились Мириам, Сара и Лео.

— Хочешь выпить? — радостно спросила Мириам.

— Знаешь, чего бы мне хотелось? У тебя не найдется хорошей сигары? После такого бурного занятия любовью нет ничего приятнее, как затянуться настоящей, хорошей сигарой.

Лео заворчала с плохо скрытым отвращением.

— В клубе мы держим сигары сорта «Пирамиды Кохибы»,— сообщила Сара бесстрастным голосом.— Но здесь слишком тесно, чтобы курить сигару.

— Луи,— позвала Мириам,— вернись в клуб и принеси моему возлюбленному несколько сигар.

Луи исполнил поручение и включил увлажнитель воздуха.

— Я надеялся получить что-то вроде «Маканудо»,— сказал Пол.

— Эти немного лучше,— ответила Лео, не сумев скрыть презрительную ухмылку.

— Мы все закурим,— резко произнесла Мириам, протягивая сигары Саре и Лео.— Самозащита, Сара! Где моя

ручная граната?.. Пол утверждает, что моя зажигалка опасна, я вам не говорила? А тебе такое в голову никогда не приходило, дорогая?

— Прости, Мири, никогда.

— Так вот, он купит мне новую. Пол говорит, мы же не хотим, чтобы мое хорошенькое личико обгорело, правда? — Она отрезала кончик у сигары, раскурила ее и передала Полу. Тот с трудом затянулся и сразу понял по чудесному запаху, что этот сорт намного лучше «Маканудо». Несравнимо лучше.

Мириам предложила сигару Саре, но та отмахнулась. Мириам настаивала.

— Послушай,— не выдержала Сара,— мне не хочется!

— Кури!

Пол следил за происходящим как зачарованный. Что это за бухгалтер, который исполняет такие приказы? То, как Мириам обращалась с Сарой, больше походило на отношения госпожи и рабыни.

Сара покорно взяла сигару, Лео поспешила дать ей прикурить. На переднем сиденье Луи тоже задымил. Только Мириам не курила. Она сидела, злобно поглядывая на Сару. Какими бы ни были отношения между этими женщинами, подумал Пол, сейчас они ненавидят друг друга.

В машине нашелся коньяк, и Пол смаковал мягкий ароматный напиток между затяжками. Пол даже не стал интересоваться выдержкой. Скорее всего оказалось бы, что его пил еще Наполеон из своей набедренной фляжки.

— Между прочим, где твой дом?

— У меня красивый дом. Тебе обязательно понравится. А если нет, мы переделаем все так, как ты захочешь. Правда, девочки?

— Да, Мири,— Сара еле сдерживала слезы.

Полу стало ее жаль. Даже краткое знакомство с Мириам позволило ему предположить, что она спала с этой милашкой. Возможно, у них все было всерьез... А потом вдруг появляется этот парень, и, ба-бах, Сара немедленно отправляется в отставку.

В салоне машины все притихли. Лео и Сара метали молнии, глядя на Мириам. Похоже, они были не прочь устроить своей госпоже хорошую взбучку.

Пусть только попробуют, подумал Пол. Теперь она его девочка, и что бы они ни делали, что бы ни говорили — ничего не изменится. Полу захотелось снова поцеловать Мириам, снова проникнуть в ее тело и остаться там навсегда. Пусть отныне ее волшебная пещерка станет для него родным домом. Что за дива! Что за ночь!

Разве только... он сознавал, что немного опрометчиво утверждать, будто ты влюбился навсегда, после того как один раз со вкусом повалялся на сене. Хотя постой! Было ведь все-таки что-то чертовски серьезное, чудесное. Это случилось. Нечего тут сомневаться.

Он смотрел, как Сара дымит сигарой, почти не затягиваясь, затем закрыл глаза и сделал еще один маленький глоток коньяка.

Это и есть жизнь, несмотря на то что после всех упражнений плечо снова начало давать о себе знать. Сейчас не помешало бы проглотить пару таблеток напроксена или еще чего-нибудь. Никакого опиума. На сегодня наркотиков с него достаточно.

Уорд подумал о семи тысячах, припрятанных в гостинице. Если он не объявится там завтра, администрация обязательно перероет всю комнату. Может быть, уже перерыла — значит, «Книга Имен» пропала. А вместе с ней и семь тысяч. Всем известно, что, когда обыскиваешь комнату, первым делом нужно посмотреть между пружинами кровати.

Итак, что это означало для него теперь, когда он находится в бегах? Потеря семи тысяч — это трагедия. Что касается «Книги Имен», Уорд не был уверен, продолжит ли он розыск по этой линии. Может, хватит с него убийств? Когда-то он вполне сносно писал отчеты. Что, если теперь податься в репортеры, например в «Нью-Йорк таймс»? Туда все время набирают бывших цэрэушников... хотя в

основном из аналитических отделов, а отнюдь не крутых ребят-исполнителей.

Они прибыли ни больше ни меньше на Саттон-плейс и остановились у обочины... перед самым красивым домом квартала.

— Ничего себе,— сказал Пол, выходя из машины.

Да, это был совсем не его уровень. Дом, окруженный цветником, выглядел чертовски старым, но отлично ухоженным.

Мириам торопливо поднялась по ступеням и распахнула настежь дверь. Уорд присоединился к ней.

— Мне следует взять тебя на руки и перенести через порог,— сказал он.

— Добро пожаловать в мои чертоги. Девочки, Пол хочет завтракать! Икра, яйца, шампанское!

Кивнув почти одновременно, Сара и Леонора отправились в заднюю половину дома.

— Кажется, я им не очень понравился.

— Они к тебе привыкнут. У меня есть предчувствие. В самом скором времени Сара полностью изменит о тебе свое мнение.

У Пола были грандиозные планы насчет спальни, куда он намеревался отправиться сразу после завтрака, во время которого Мириам только пила шампанское, а он, как ему показалось, умял не меньше шестнадцати яиц. Сара прислуживала за столом, Леонора готовила. Кстати, Сара выглядела чертовски хорошенькой, когда сердилась.

Устроившись в большой библиотеке, Пол закурил еще одну сигару. В некоторых книжных шкафах, запертых на замок, хранились действительно древние фолианты, совсем черные, с корешками без надписей. Там были даже шкатулки с пахнущими воском свитками. Уорд вытянул было один свиток, но тот оказался таким ветхим, что Уорд побоялся, как бы пергамент не треснул.

Он не удивился бы, найдя здесь Библию Гутенберга. Но среди раритетов его внимание привлекла не менее замечательная вещь — коллекция оперных либретто, причем

не просто первые печатные экземпляры. Рукописные партитуры!

Уорд с благоговением взял в руки ноты «Риголетто», написанные летящим почерком, видимо, самого Верди. Сзади подошла Мириам — так тихо, что он вздрогнул, и опустила нежную, но сильную ладонь ему на плечо.

— Интересуешься оперой?

— Очень интересуюсь.

Она взяла у него из рук ноты и прошла в следующую великолепную комнату. Паркетный пол был застлан персидским ковром — несомненно, настоящим. Но внимание Уорда привлек «Стейнвей», концертный рояль, установленный в эркере, где окна украшали витражи от Тиффани.

Восходящее солнце золотом разлилось по крышке рояля красного дерева, на которой стояла ваза, вероятно древнегреческий оригинал. Сара тихо заполняла ее цветами из видневшегося за окнами небольшого сада, который только-только начинал просыпаться в утреннем свете.

Мириам подняла крышку клавиатуры; легко пробежалась по клавишам, затем зашелестела нотами.

— Сара, не хочешь сыграть?

Та послушно уселась за рояль, потом вдруг взглянула на Пола и продемонстрировала ему руки.

— Они принадлежат хирургу.

К чему это?

Сара пробежала пальцами по всей клавиатуре и встряхнула головой в косых лучах солнца, так что ее локоны отбросили рыжеватые искры.

Мириам установила ноты на пюпитр, и Сара начала играть, причем довольно хорошо. Пол сразу же узнал «Caro Nome», а потом Мириам запела это одно из величайших музыкальных произведений о женской душе. То, что она пела по нотам, написанным рукой автора, делало исполнение еще более проникновенным.

Вошла Лео, вытирая руки о передник и сдувая с глаз челку.

Когда песня закончилась, Полу захотелось обнять Мириам. У них только что был самозабвенный секс, и теперь он чувствовал... любовь. Он сам понимал, что глупо так думать, и никогда бы не смог признаться ей в этом вслух. Они ведь знакомы всего несколько часов.

Запрокинув голову, Мириам пропела во всю мощь легких: «Я влюблена, я влюблена, я влюблена в чудесного парня!» А потом закружила его в танце.

В полдень она все еще показывала ему свои коллекции, и среди многих прочих чудес — рукописные фолианты «Ламии» Джона Китса и «Тифона» Теннисона. Пол вовсю боролся со сном, пытаясь проявлять интерес, но все-таки заснул в кресле и проснулся, когда Мириам потрясла его за плечо.

— Пошли,— прошептала она ему на ухо,— тебе пора бай-бай.

Она отвела его наверх, и они разделись в роскошной спальне. Мириам бросала свою одежду на пол, а Лео бегала по комнате, подбирая одну вещь за другой. Уорд не решился поступить так же и сложил свои вещи на краю узенькой кушетки.

Сара наполнила водой ванну — огромную лохань из оникса, которая сама по себе, должно быть, стоила целый миллион. Уорд в жизни ничего подобного не видел: красивый сверкающий камень с вмурованными в него золотыми нимфами, сатирами и морскими тварями, похоже, попал сюда прямо из Древнего Рима. Такую тонкую резьбу он встречал только однажды, в усыпальнице Большой пирамиды. Саркофаг выглядел совсем как эта ванна.

Сара переоделась в зеленое платье с белым фартучком, а на голову прикрепила наколку горничной. С одной стороны — привлекательная служанка, с другой — обнаженная Мириам, восхитительная, длинноногая. Глядя на все это, Пол не на шутку распалился. Когда он забирался в ванну, Сара игриво ущипнула его.

— Смотри не сделай своей пушкой холостой выстрел,— рассмеялась Мириам, присоединяясь к нему.

Сара намылила им спины душистым мылом. Когда она начала осторожно мыть ему лицо, он воспринял это как нечто невероятно интимное. Видимо, нагота в обществе Мириам не исключала общества ее друзей. Черт с ними, чем больше народа, тем веселее.

Лежа в этой ванной, в окружении поразительных женщин, Уорд твердо решил, что прошлое его больше не волну́ет. Мир достаточно долго существует с вампирами, живущими в тени.

С этой минуты у него новая задача: уговорить Мириам выйти за него замуж.

Он откинулся на спину, закрыл глаза, а пальцы Сары тем временем осторожно массировали ему щеки, нежно ласкали лоб. Мириам просунула изящную ножку между его ногами и зашевелила пальчиками.

Да, это был рай. Похоже, некогда железный парень, теперь основательно проржавевший, нашел свое пристанище. Уорд думал... надеялся... что его усталость и разочарование в жизни, а может, даже многочисленные грехи — все ускользнет в прошлое и наступит долгожданное забвение, теперь, когда ему очищают и душу, и тело эти ангелы.

Тут он заметил, как тихо вошла Лео. Девушка присела на крышку унитаза и, положив ногу на ногу, закурила, не сводя с них глаз. Он снова заметил странного вида ножик, который оттопыривал карман ее очень тесных джинсов. Их взгляды встретились, и Лео улыбнулась.

18

БЕЗРАССУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Мириам и Сара стояли, прижавшись друг к другу, не в силах отвести взгляд от великолепного экземпляра мужчины, который спал на кровати.

— Он в свинячьем раю,— сказала Сара.

— Так и есть.

Вынув из кармана ланцет, Лео вопросительно взглянула на Мириам.

— Лео, мы не будем этого делать.

— Но мне кажется...— она передернула плечами.— Мы должны.

— Девчонка права, Мири. Вспомни, что он видел. Вспомни, кто он такой!

Уорд зашевелился, выпростав огромную руку из-под одеяла.

— Мири...

Мириам подошла к кровати, опустилась на колени и поцеловала его ладонь.

— Я здесь, любовь моя.

— М-м-м.

Она скользнула к нему под одеяло.

Когда Сара увидела нежность во взгляде своей госпожи, то пришла в ужас. Что случилось с Мири? Она сошла с ума? До сих пор она не позволяла себе такого безрассудства.

— Лео,— Сара показала глазами на ланцет,— приступай.

— К-к-как?

Мириам вынырнула из-под одеяла и, приблизившись к Саре, прошептала:

— Мне кажется, я беременна.

Сара ошарашенно отпрянула, в первую секунду даже не найдя что сказать. Она была ученым и врачом, за двадцать лет изучившим досконально тело Мириам. Благодаря неограниченным финансовым возможностям доктор Робертс создала в подвале лабораторию, чудо науки, оснащенную необыкновенными приборами, многие из которых Сара сама разработала и заказала изготовить на лучших медицинских предприятиях мира.

Поэтому Сара знала, что «беременность» Мири — трагическая фантазия. Это должно было и могло означать

только одно: Мири лишилась последней яйцеклетки. Она не беременна, ей просто очень хотелось забеременеть. Она никак не могла зачать от человека. На самом деле произошло только то, что Мириам Блейлок упустила свой последний шанс выносить ребенка.

Сара направилась в гостиную. На полу, там, среди нескольких древних, наполовину раскрученных свитков, лежала «Книга Имен», из-за которой в Париже пролилось столько крови — и Властителей, и людей.

Только здесь, в одиночестве, Сара, опустившись на кушетку, дала волю горечи и печали, накопившимся в душе за последние несколько ужасных часов,— она громко разрыдалась. Иногда Сара ненавидела Мири, но чаще всего она любила ее, особенно в те минуты, когда та страдала или была уязвимой, что, безусловно, происходило сейчас.

Придется осмотреть ее в гинекологическом кресле, что доктор Робертс делала неоднократно, и сообщить новость, которая разобьет Мири сердце. В конце концов госпожа вернется к ней, как всегда обратится за утешением и попадет в ее объятия. Сара успокоит ее как только сможет, но как облегчить боль женщины, только что узнавшей, что для нее потерян последний шанс родить ребенка?

А что еще хуже, своим последним поступком Мири подвергла себя и своих домочадцев смертельному риску. Она осталась наедине с тем злым созданием — как можно быть такой беспечной?

Из спальни доносились тихие стоны, там занимались любовью. Сара подняла голову с подлокотника кушетки и увидела посреди комнаты Лео, которая беспомощно и смущенно уставилась на нее.

— Сара, мне так скверно!

— Знаю, дорогая.— Сара хоть и презирала эту глупенькую девчонку, но сейчас могла ей посочувствовать: она сама пережила эти страдания.

— Мне нужно выпить крови.— В глазах Лео стояло отчаяние.— Попробовала съесть кусочек омлета, который

приготовила ему, но вкус оказался отвратительным, как у мокрой бумаги.— Она порывисто обняла Сару.— От этого человека так хорошо пахнет. От него пахнет...

— Едой.

— Что я наделала, Сара? Что я с собой сотворила?

У Сары не нашлось ответа. Не существует в мире слов, способных описать гибель человеческой души. Она просто обняла девушку и поцеловала ее мягкие волосы.

— Мы пойдем на охоту и раздобудем тебе что-нибудь, вроде той старухи. Вкусная еда.

Лео испуганно покосилась на нее.

— Я не хочу никого убивать.

— Ты сделала свой выбор.

— Не хочу-у -у!

Сара быстро направилась к двери спальни и прикрыла ее. Тот человек не должен ничего слышать.

— Лео, я сейчас тебе расскажу кое-что об этом мужчине. Только не пугайся.

Она присела на стул рядом с изящным столиком времен Нового Царства, где лежал «магнум». Этот столик подарил госпоже египетский фараон Тутмос IV «взамен», как выражалась Мириам, «кое-каких девичьих шалостей, которые ему очень понравились».

— Пол Уорд — киллер, истребляющий Властителей. Профессионал.

Лео метнула взгляд на закрытую дверь.

— А я думала, о Властителях никто не знает.

— Некоторые люди знают, и он — один из них. Он убил сотни Властителей.— Сара не стала распространяться о том, что она по этому поводу чувствовала: смесь облегчения и холодного ужаса.

— О Господи. Но зачем она...

— Лео, сегодня ночью произошло нечто, и я сама до сих пор не все поняла. Судя по всему, Мири чрезмерно увлеклась этим мужчиной. Ей почему-то кажется, что он оплодотворил ее яйцеклетку.

— Но это способен сделать только Властитель. Разве не так?

Сара кивнула.

— Фантазия, не более.

— Неужели она способна так ошибиться?

— У Мириам... как у всех женщин из племени Властителей... созревают за всю жизнь только четыре яйцеклетки. Это ее последняя.

— А дети у нее есть?

— Нет. Видимо, она потеряла свою последнюю яйцеклетку, и... сейчас у нее что-то вроде нервного срыва.

— Почему ты не дашь ей какое-нибудь лекарство? Ты ведь врач!

— Сейчас нам нужно сделать тест на беременность. Когда он окажется отрицательным, я надеюсь, к тому времени она уже осознает ситуацию.

— А я получу... получу...— Лео закрыла глаза. Ее лицо горело от стыда.— Как я это ненавижу!

— Сама купила, теперь носи,— Сара пожала плечами.

— Не хочу больше никого убивать! Никогда!

— Нашего полку прибыло. Добро пожаловать.

— Все равно придется, да?

— Добро пожаловать.

Лео разрыдалась. Когда-то Сара точно так же горестно всхлипывала, забившись в уголок. Сейчас она обняла девушку и крепко к себе прижала.

— Мне больно, Сара. Ужасно больно!

— Кровь тебя излечит.

Лео побледнела.

— Я убью себя.

Сара промолчала. Экскурсию на чердак лучше отложить на несколько дней.

— Что мне делать?

— Лео, тот мужчина в спальне — чудовище. Он убил сотни Властителей и убьет Мири в ту секунду, как узнает о ней правду.

— Мириам не раскроет ему секрет.

— Они часами лежат голыми в постели, ласкают друг друга, а он отлично знает, как выглядят Властители... в любой момент он может обо всем догадаться.— Сара указала на «магнум».— Эта штука заряжена разрывными пулями. Такие вышибают мозги, разрывают сердце в клочья. Единственное, что может лишить Мириам жизни,— остановка кровотока. Если кровеносная система у нее не затронута, она поправится. Всегда. Он знает это. Он в точности знает, как уничтожить Властителя.

— Я жила спокойно. У меня была квартира, яхта, друзья — пусть не много, но все-таки,— и я коллекционировала крутых художников, вроде братьев Старн и Джона Кэррина... Но почти все вечера я проводила дома или сама отправлялась шататься по клубам, строя из себя богемную штучку, какой мне хотелось бы стать. И никому я не была нужна. В общем, неудачница... И вдруг *Мириам Блейлок* начинает проявлять ко мне интерес. Обращает *на меня* внимание! Я сразу потеряла голову.— Она подавила всхлип.

Нужно отдать ей должное: вопреки ожиданиям Сары девчонка не сломилась. Лео подняла голову, выставила подбородок и сказала:

— То, что нам предстоит сделать, чертовски просто.

— Так оно и есть.

Лео вынула ланцет и отдала его Саре.

— Ты знаешь, как им пользоваться, я — нет.

Сара раскрыла ножичек.

— Цепляешь крючком вену и дергаешь на себя. Кровь забьет струей. Перекрываешь рану ртом и начинаешь сосать как можно быстрее.

— А что, если меня вырвет?

— Не вырвет. В твоих венах течет около пинты крови Мириам. Ты как будто примешь самый сильный наркотик из всех, что знаешь. По сравнению с ним чистый героин покажется тебе аспирином.

— Он ведь не может не почувствовать это, Сара.

— Я сама рассеку вену. Тебе останется только припасть ртом к ранке и сосать изо всех сил.

— Он начнет сопротивляться.

— Не начнет, если ты будешь проворна. Обычно они теряют сознание через пару секунд.

— Лучше ты сама все сделай.

— Но тебе нужно есть! Иначе ее кровь начнет разрушать твою собственную. Наступит шок.

— Я умру? — спросила Лео почти с надеждой, словно о долгожданном освобождении. *Знала бы она про чердак!*

— Когда Властитель насыщается, то у жертвы в первую очередь идет отток крови от мозга. У него даже не будет времени закричать.

Лео смотрела на Сару словно младшая сестра. Как ей жалко этого ребенка! Она обняла Лео за плечи, пытаясь успокоить.

— У тебя все прекрасно получится. Самое трудное — сделать надрез, а это я беру на себя.

— Там тихо,— Лео как зачарованная не могла отвести глаз от закрытой двери спальни Мириам.

— Он спит.

— А она?

— Нет.

Мири погружалась в *Сон* только после насыщения. Раз сейчас этого не произошло, то она будет свидетелем всего действа.

— Останешься у двери, Лео. Войдешь по моему сигналу.

Сара перешагнула порог спальни, спрятав ланцет в рукаве блузки. Уорд крепко спал, как наевшийся до отвала удав. Мириам прильнула к нему, словно школьница к своему первому любовнику. Вид у нее был счастливый, она прикрыла глаза, и лицо ее выражало блаженство.

Когда Мири увидела Сару, то заговорщицки подмигнула ей, сияя восторженной улыбкой. Сара подошла к ней и ласково провела рукой по ее шевелюре, ставшей в два

раза гуще, чем еще несколько часов назад. Какая все-таки удивительная способность восстанавливать свое тело! Природа создала этот удивительный регенеративный организм, но это заслуга неземной природы. Мириам так и не рассказала Саре, откуда появились Властители, ей было лишь известно, что с каких-то звезд. Почему они выбрали Землю и в качестве кого — колонистов, или беженцев, или, как подозревала Сара, у них была какая-то экзотическая миссия, связанная с эволюцией видов,— Мириам отказывалась обсуждать, а может быть, и не знала.

Сара обошла кровать вокруг, чтобы нападать не со стороны своей подруги. Ей очень не хотелось причинить Мириам боль, но другого выхода не оставалось, как, впрочем, и времени. Бедняжка Мириам очень глупела, влюбляясь. Когда-то Сара стала жертвой ее дурачеств, но и многое получила взамен, за что была безмерно благодарна. Кроме того, любовь Мири оказалась долговечной. За последние двадцать лет Мириам истратила не меньше десяти миллионов долларов на научные исследования доктора Робертс и даже поощряла ее эксперименты.

Сара скользнула на кровать. Спина мужчины скрывала от нее Мириам. Сара вытянулась вдоль его тела.

— Ну разве он не восхитителен? — прошептала Мириам.

— Безусловно.

Сара вытащила из ножен слоновой кости узкое серебряное лезвие с крючком на конце. Чувствительные пальцы хирурга быстро нашли яремную вену.

Отличный пульс. У Лео будет превосходная первая трапеза. Тут и Саре достанется, ей отнюдь не помешает подкрепиться после той слабенькой старухи — так она выиграет еще месяц, прежде чем придется опять идти на охоту.

Впервые она шла на убийство с легким сердцем. Ей хотелось убить врага Мири, который украл госпожу у нее самой. Но она любила Мириам, по крайней мере не мень-

ше, чем ненавидела. Сара не считала себя лесбиянкой — она ведь не интересовалась Лео, например,— но то, что Мири проделала с ней в машине по дороге в клуб, было настолько прекрасным, что не поддавалось описанию. Даже Том не доставлял ей подобного удовольствия.

Любовь между разными видами, конечно, глубоко порочна, но и в какой-то степени священна. Несмотря на весь свой гнев и все попытки избежать уготованной ей судьбы, Сара знала, что никогда не покинет этот дом, всякий раз делая свой выбор в пользу Мири, а не свободы, смерти и всего прочего.

Она села в кровати и теперь могла видеть Мири, чьи глаза были закрыты, а губы улыбались. Сара сделала знак рукой Лео, и та быстро приблизилась к ней, на ее лице застыло удивление.

Действуя быстро и ловко — сказывались годы практики,— доктор Робертс вскрыла вену. Из ранки брызнула кровь; Сара прижала к шее мужчины голову Лео.

Девчонка принялась сосать с яростным пылом.

— Он готов,— сказала Сара, видя, как обмякло тело мужчины.

Но тут огромное тело сотряслось, как от взрыва, из легких со свистом вырвался воздух. Лео энергично сосала, но сомневаться не приходилось: Пол Уорд не отключился. Напротив, он закричал от боли и удивления. Мири открыла глаза и теперь вторила его крику.

Продолжая вопить, как раненый зверь, Пол поднялся с кровати и начал отрывать от себя Лео, которая присосалась к нему, как упрямая пиявка. Она вовсе не собиралась прерывать свое занятие: когда Лео сделала свой первый глоток, то чуть не сошла с ума от удовольствия, теперь она будет сражаться как дьяволица, чтобы высосать всю кровь из него до капли. Девушка сосала, он вопил, кружась по комнате, Мири зашлась в громком крике.

Очевидно, этот мужчина не принадлежал к числу обыкновенных людей. Каким-то образом ему удалось ос-

таться в сознании после внезапной и полной потери внутричерепного кровоснабжения. Этого монстра так просто не убьешь.

А Лео вряд ли сознавала, что происходит. Кровь оказалась... каким-то чудом, как солнечный свет. Каждый глоток проникал в истощенные клетки, наполняя ее энергией, силой, звенящим восторгом. Но внезапно сильные руки — по-настоящему сильные — обхватили ее и оторвали от вены. Уорд рухнул на колени, из его шеи била кровь. Он задыхался, а затем протянул руку и, схватив запястье Лео, потянул ее к себе. В ненависти, которой пылало его лицо, было что-то противоестественное. Этот мужчина казался выходцем из ада.

Мири оттащила от него девушку и отчаянно завопила прямо ей в лицо.

— Он моего племени,— визжала Властительница.— Он такой же, как я!

Сара окаменела от удивления, пронзившего ее насквозь. Мири утверждала, будто этот человек... Властитель?

Он поднялся с пола, глаза его метали молнии. Оторвав прикроватный столбик, Уорд принялся им размахивать. Деревяшка просвистела мимо Лео, чуть не задев ее. Затем он швырнул столбик в Мири, но та легко уклонилась. Столбик ударился в стену с такой силой, что сотрясся весь дом.

Уорд набросился на Мири и зажал ее шею, словно в тиски. Лео вцепилась ему в руки, но ничем не помогла своей госпоже. Хоть он и потерял много крови и все еще продолжал ее терять, но все равно был силен как буйвол.

— Он убьет ее! — орала Лео, колотя по железным рукам.

Тем временем лицо Мири изменялось: рот принял свою естественную форму, когда выскочили накладные протезы, сжатое горло вытеснило язык. Он показался между зубов — черный, остроконечный. А кровь Уорда

все продолжала хлестать из ранки на шее, окатывая ее красными струйками.

Лео из последних сил молотила кулаками Пола, но тот был полностью погружен в свое дело, как робот, запрограммированный на убийство. Внезапно прогремел оглушительный выстрел, и Уорд упал как подкошенный. Лео бросилась между ним и Мириам, которая уже поднималась с пола, кашляя и потирая шею.

Сара стояла не шевелясь, держа в руках «магнум».

Мириам поспешила к Уорду и, перевернув его на спину, попыталась остановить кровотечение.

— Помоги нам! — вопила она.

— Мири, отдай его Лео! Пусть она поест!

— Ты же врач! Помоги нам!

— Мири, он опасен! Его нужно убить, пойми!

— Спаси его, Сара! Прошу тебя!

— Нет, Мири! Лео, возьми его!

Мириам подскочила и, прежде чем Сара успела остановить ее, отшвырнула Лео в конец комнаты, словно тряпичную куклу. Потом она выхватила из рук Сары пистолет. Женщина приготовилась умереть, но Мириам сунула дуло пистолета себе в рот и закрыла глаза. Выстрел не убил бы ее, но нанес бы непоправимый ущерб. В конце концов Саре пришлось бы останавливать ей сердце.

— Мири, нет!

— Тогда помоги ему.

Сара опустилась на колени перед бесчувственным телом, остановила кровотечение, зажав вену пальцем. Глаза Уорда закатились — последствие потери крови и шока. Ему осталось жить минут пять, а то и меньше.

— Мы должны отнести его вниз,— сказала Мири, отбрасывая пистолет.

Она ухватилась за плечи, Сара — за ноги. Они отнесли его в лифт, втиснувшись туда втроем, пока Лео неслась сломя голову вниз по лестнице. К тому времени, как они до-

брались до операционной, она уже застелила смотровой стол простыней.

— Похоже, у нас проблема.— Сара накладывала ему на шею повязку. Поток крови из раны уменьшился на две трети. Кровяное давление у него, должно быть, понизилось до предела.— Мы теряем его.

Мириам зарыдала, бросившись на тело возлюбленного.

— Убери ее,— велела Сара, глядя на Лео.

Но стоило девушке всего лишь прикоснуться к Мириам, как та запрокинула голову и завыла с невыразимой мукой в голосе — Саре до сих пор не приходилось слышать такого воя. Впервые она видела свою подругу в таком состоянии — обезумевшую от горя, давшую волю чувствам, что рвались из нее подобно вулканическому извержению.

— Лео, ты когда-нибудь ассистировала на хирургической операции?

— Боже упаси.

Сара взяла Мириам за плечи.

— Мири, ты слышишь меня? Мири!

Постепенно к Мириам возвращался рассудок.

— Ты не имела права забирать его у меня.— В глазах ее сверкнула гордость властелина.— *Ты не имела права!*

— Умоляю, прости!

— Тогда спаси его! Спаси!

Сара укрепила повязку на шее и велела перевернуть раненого на живот. Входное отверстие пули находилось под сердцем. И если артерия не задета, возможно, у него имелся шанс. Времени определять его группу крови у нее не было, поэтому ей пришлось обойтись первой.

— Достань из холодильника шесть пинт крови,— велела она Лео.— Мири, начни переливание.

Пока они были заняты делом, Сара подошла к шкафу и вынула инструменты. У нее была настоящая операционная, даже нашелся экстрактор пуль. Когда-то давно она пообещала подруге: «Если я сумею довести тебя до этого кабинета, то вылечу, каким бы ни было твое ранение».

В операционной имелся и рентген-аппарат, но воспользоваться сейчас им не представлялось возможным — времени не осталось и больного нельзя было передвинуть.

— Скальпель,— сказала Сара, обрабатывая входную рану бетадином. Одного взгляда ей было достаточно, чтобы убедиться: Мири все сделала правильно.

Если он действительно был Властителем какого-то неизвестного вида, то ей предстоял полет почти вслепую. В сосудах Сары кровь Мириам функционировала как отдельная жидкость, не смешиваясь с человеческой. Сара даже приблизительно не могла предположить, что сейчас происходит с этим человеком, если... он человек.

Она рассекла вход в рану, отдавая короткие команды.

— Расширители! Зажим! — последовал новый приказ, когда обнаружились разорванные кровеносные сосуды.

Доктор Робертс не могла полностью спасти легкое, но ей удалось остановить кровотечение, чтобы произвести резекцию. Пальцы работали иногда почти как по волшебству, но чаще всего она руководствовалась глубокими знаниями, осуществляя рискованные действия, как она надеялась, без серьезных огрехов.

Когда ей наконец удалось закрыть рану, давление поднялось с пятидесяти до восьмидесяти, а пульс был сто шестьдесят. Немного повышенная температура свидетельствовала о том, что больной хорошо переносит перелитую кровь. Она поставила ему электролитную капельницу, затем достала рецептурный блокнот. Написав несколько строк на бланке рецепта, вручила его Лео.

— Все это ты найдешь в аптеке при Риверсайдском центре.

— Как он? — спросила Мириам. Она была в забрызганном кровью халате, наброшенном на голое тело. Осунувшееся лицо обтягивала серая кожа.

— Пока держится.

Гримаса исказила черты Мириам, и она, всхлипнув, бросилась в объятия Сары.

— Дорогая,— вздохнула Сара,— я так виновата. Я не поняла. Я не знала...

— В «Книгах» есть запись, сделанная десять веков тому назад, о попытке скрестить виды. Властители хотели избавиться от необходимости насыщаться человеческой кровью. Результат получился неудачный. Мы создали людей, обладавших нашей силой и реакцией, поэтому истребили все семейства, за исключением одного. Примерно сорок лет тому назад мы обнаружили последнего уцелевшего представителя. Он был уничтожен. Видимо, у него остался сын.

— Я не верю этому, Мири. Наши виды никак не могут подвергнуться скрещиванию. Если не считать внешности, мы так же отличаемся, как тигры и домашний скот.

— Ты даже не представляешь, чего достигла наша наука... когда она у нас еще была.

— Что случилось с вашей наукой?

Мириам смерила ее долгим взглядом и коротко расхохоталась. Сара почувствовала в этом смехе скрытую тайну, целую историю, состоящую из тайн, которая никогда не будет рассказана.

— Мне было с ним так хорошо. Я снова вернулась в те времена, когда была единственный раз по-настоящему, глубоко счастлива. Сара, если бы ты знала, как я его люблю!

У Сары вдруг затеплилась надежда, что Мири действительно беременна. Потому что если эта беременность была настоящей, тогда, возможно, осуществится величайшая мечта всей жизни Мириам.

Но, как видела Сара, над Уордом пока висела смертельная опасность, поэтому Лео приставили следить за мониторами.

— А как же твой голод? — спросила Мириам девушку.

— Я немного его утолила,— ответила Лео, но по ее кислому выражению лица им стало ясно, что несколько наспех сделанных глотков ее не насытили.

Сара отвела подругу наверх, в их личные покои. Там они включили видеосистему, чтобы наблюдать ежесе-

кундно за палатой больного. Мириам прилегла на узкий диванчик, где она так часто читала. Сара опустилась на колени рядом с ней.

— Прости меня, Мири.

Мириам внимательно посмотрела ей в глаза.

— Прощаю, дитя мое. Но ты должна помочь мне.

— Мири, он ненавидит тебя. Это не человек, это машина для убийства.

— У него есть сердце, Сара, огромное сердце. Я хочу попробовать достучаться до него.

— Когда он очнется, Мири, одному Богу известно, что произойдет.

— Я хочу, чтобы ты помогла мне. Мне нужна помощь вас обеих.

— Конечно, мы поможем, не сомневайся.

— Я последняя из своего рода... из рода Властителей.

— Есть и другие.

— Ты о тех, кто живет в норах? Это не значит быть Властителем, который правит людьми.— Она смотрела на портрет красивого молодого мужчины в белой тоге.— Я потерялась во времени... Но у меня есть ребенок. Есть надежда.

Сара не знала, что там у Мири внутри, и на самом деле ей не очень хотелось это узнавать. Если измученному сердцу ее подруги достанется еще один удар, вполне возможно, Мириам присоединится к своим соплеменникам, которые скрываются в тени, живут в норах, как животные, и ждут — ждут, несомненно, с надеждой — смерти.

— Проверь меня на беременность.

Сара решила выиграть время.

— Как только поправится Пол.

— Нет-нет! Ты сделаешь тест немедленно.

Сара обняла ее.

— Я должна знать,— прошептала Мириам.

Сара крепче сжала подругу в объятиях, так они и стояли в угасающем свете дня.

Лео металась от стены к дверям — Господи, ей всегда нравились шоколадный торт, блинчики и белуга. Она подошла к окну, вытерла мокрый лоб — а как же мамочкино куриное фрикасе и печенье с патокой тетушки Маделины? Ударив ладошкой о стену, она обхватила руками плечи, чувствуя, как по телу струйками течет пот: ну конечно, разве можно забыть телячьи отбивные у Спаркса и копченую семгу у Петросяна?!

Но на самом деле она могла думать только о том, что во рту у нее остался восхитительной привкус крови, крови, *крови*!

Когда Лео пила его кровь, то поглощала его душу и пьянела от этого ощущения; теперь ей хотелось еще. Теперь воздух застревал у нее в груди, тело покрыл пот, и все потому, что она не насытилась, ей было мало выпитого и хотелось еще глотнуть этого чудесного напитка.

Лео подошла к парадной двери, повернула блестящую медную ручку и вышла навстречу ослепительным вечерним огням. Город жил своей обычной жизнью, бесстрастно гудел, напевая привычную мелодию, раскатывая по множеству бесконечных дорог.

Лео сейчас напоминала охотника, взявшего след зверя. Она направилась на боковую улицу и там спустилась по ступеням к шоссе.

В трех футах от нее с визгом пролетела машина, потом еще одна, и еще. Лео метнулась на середину дороги. Две машины быстро приближались к ней. Девушка сделала рывок вперед, и один из автомобилей чуть не задел ее сзади. Через секунду она оказалась на противоположной стороне шоссе, перебралась через железное ограждение и пошла по узкой пешеходной дорожке.

Над бурной рекой нависла полная луна, ее лучи слегка касались черных гребешков волн.

Лео совершенно обезумела, чего с ней прежде никогда не случалось. Эта обжигающая мука, терзавшая ее изнутри своими когтями, оказалась самым сильным ощущени-

ем, которое она испытала в жизни. Нервы девушки были напряжены до предела. Лео хотелось бежать не останавливаясь, отчаяние заполнило весь мозг.

На бегу она вспоминала родной дом, внушительное здание в Гринвиче, свою спальню, отделанную тафтой, отца, который, вероятно, сейчас смотрит футбол, и маму, занятую чтением.

Дом был потерян для нее, дом и все, что связано со спокойной жизнью. Сердце бешено колотилось, ноги гудели, кожу словно натерли наждаком. Лео все еще ощущала запах крови, она могла думать только о крови — о том, какой у нее вкус, о том, как она охлаждала пламя, сжиравшее ее изнутри.

На освещенной луной скамейке лежала бесформенная куча тряпья. Мужчина или женщина? Если мужчина, то это хуже: мужчины сильнее.

Девушка присела на край скамейки, ближе к голове. Руки у нее сильно тряслись, но все же она смогла закурить сигарету. Можно было бы словить отличный кайф, набив сигарету специальным героином для курения, но героина у нее не было. Зато есть ланцет и жертва. Все, что теперь нужно,— немного решимости. Лео знала, что перед ней грязный, вонючий бродяга, но ощущала лишь запах крови, такой восхитительный, что она не переставая втягивала воздух, наклоняясь все ниже.

Пытаясь вытянуть лезвие ланцета, она сильно порезалась, но не успела поднести палец ко рту, чтобы лизнуть ранку, как та затянулась. Чертовщина какая-то.

Очень осторожно Лео откинула в сторону лохмотья. Так, шея — еще не старая. Девушка знала, что ей надлежало отвести жертву в дом, после сжечь останки в топке и прочее. Но как бы ей удалось перетащить какого-то пьяного через шоссе, а потом вверх по ступеням, что вели к дому? С той старухой, которую они нашли на пересечении Пятьдесят пятой улицы и Первой авеню, втроем еле управились...

Она поднесла ланцет к шее, все не решаясь дотронуться до парня, потом крепче сжала инструмент и куда-то ткнула им. Сначала лезвие встретило сопротивление, а потом скользнуло в тело — даже глубже, чем следовало. Лео пыталась вытащить ланцет, когда бродяга поднялся из груды газет и тряпок и взревел, не разжимая рта. Его оскаленная физиономия оказалась прямо перед ее лицом.

Совсем молодой! Может быть, моложе ее. У него были длинные ресницы и темные глаза, в которых отражался лунный свет. Склонив голову, он зажал руками шею, и у него изо рта полилась кровь.

Лео машинально потянулась к красному потоку, но он хлынул на землю, разливаясь и разбрызгиваясь, словно пролитое молоко на кухне. Бродяга вскочил со скамьи, продолжая выть сквозь стиснутые зубы, окровавленной рукой вцепился в рукоятку ланцета, тоже залитую кровью, но пальцы соскальзывали.

И тут произошло невероятное — Лео узнала его. Нет, он был не из клуба и вообще не имел отношения к ее теперешней жизни. Бенно Джоунз, одноклассник, ставший театральным актером. Юноша из богатой, но очень консервативной семьи.

На какой-то момент Лео смутилась, но отчаяние взяло свое. Она бросилась на него, ухватила пальцами ланцет и дернула изо всех сил. Лезвие частично высвободилось, вытянув из шеи красный хрящ, за которым последовал черный поток крови. Бенно сделал несколько нетвердых шагов, затем повалился на колени, как раненый зверь, а его подружка по детским играм буквально высасывала из него жизнь.

Лео положила его голову к себе на колени, повернув так, чтобы было удобнее насыщаться, затем припала губами к пузырившейся ранке и начала сосать. В результате она наглоталась крови вдоволь и едва расслышала, как юноша тихо произнес:

— Лео?

Она снова припала к ранке, и у нее снова все получилось. Но он не становился легче или тоньше. Бенно мертвый почти ничем не отличался от Бенно живого. Только Мириам удавалось высушить трупы. Этот же был очень тяжелый, тащить такого все равно что мешок свинца.

Тут Лео заметила вдалеке мужчину, прогуливавшего десяток собак. Все они двигались в ее сторону, и по мере приближения псы все больше впадали в неистовство. Мужчину не было слышно, но Лео видела, что он кричит на собак. Псы так яростно старались достичь добычи, что поднимали лапами облака пыли, поэтому издалека казалось, будто у них из-под хвостов дымят выхлопные трубы.

Лео умудрилась доволочь Бенно до парапета набережной и одним мощным рывком перекинуть его в реку. Теперь до нее доносились окрики хозяина собак, сорвавшего себе голос до хрипа. Потом она пустилась бежать во все лопатки, ощущая необыкновенную легкость во всем теле. В нее словно кто-то вселился, живой, дружелюбный, и стал частью ее самой. Потрясающее ощущение — как будто несешь внутри себя собственного ангела.

Лео не заметила одинокую фигуру на высокой скале, отделявшей усадьбу Мириам от шоссе. Тот человек следил за ней с самого начала, пользуясь каким-то небольшим прибором — то ли биноклем, то ли камерой, затем сел в машину и быстро укатил.

19

В ЛОВУШКЕ

Мириам носилась по дому и звала Лео громким пронзительным голосом. Сара пришла в ужас. Она никогда прежде не видела ее в таком состоянии. Мириам помешалась от ярости — иначе не скажешь. А потом вдруг страшный нечеловеческий взгляд остановился на Саре.

— Мири, успокойся, прошу тебя!

Мириам мигом пересекла гостиную, схватила Сару за плечи и стукнула о стену.

— А ты где была, черт тебя возьми?

— Я была с тобой, Мири!

— Ты упустила ее, разрази тебя гром! Нерадивая, глупая...

И она тряхнула Сару так сильно, что та отлетела в сторону. Но Мириам опять подскочила к ней, затрясла, закричала, снова и снова ударяя ее головой о пол. У Сары зазвенело в ушах, перед глазами поплыли красные круги, стены закачались, она не выдержала и завопила. Мириам стояла над ней, злобно глядя на поверженное тело. Потом глаза ее заблестели, узкие губы скривились в какой-то непонятной усмешке.

Наклонившись, она поцеловала Сару, затем помогла подняться и довела до кресла.

— Прости меня. Прости. Просто я...— Из ее горла вырвался тихий звук, похожий на рычание раненого тигра.— Со мною происходит нечто странное.— Опустившись на колени, Мириам уткнулась головой Саре в плечо и заплакала.— Когда я в прошлый раз носила ребенка, то чувствовала себя в полной безопасности. Мы владели всем Египтом! У нас было все: богатство, власть — тебе даже трудно будет представить! А теперь... я беременна последний раз, и мне нужно чувствовать себя защищенной, но этого нет!

Сара погладила ее по голове, глядя на гибкое сильное тело в великолепном кимоно, изготовленном в Китае шесть сотен лет назад из тысяч отдельных кусочков шелка, соединенных вместе крошечными стежками. Кимоно напоминало облачко бабочек. Мири носила его дома как халат, но все равно оно оставалось самым прекрасным нарядом из всех существующих на земле.

Сара всегда предпочитала одиночество, но Мириам была *по-настоящему* одинока. Ее ребенок был для нее

надеждой — Сара теперь это поняла,— единственной надеждой победить отчаяние. Когда она обнаружит, что этот ребенок — мираж, то почувствует себя совершенно опустошенной.

Пол очнулся от боли — итак, жив. Дышал он поверхностно, делая мелкие вдохи, но при этом не испытывал кислородного голодания, значит, кислород подавался искусственно.

Длительная тренировка и большой опыт диктовали необходимость произвести обследование тела. Пошевелить пальцами ног и рук, приподнять руки — получилось. Но оказалось, что он слишком слаб, чтобы приподнять ноги. Это уже хуже. Шея с левой стороны ныла. Должно быть, затягивалась ранка, через которую та стерва попыталась высосать из него кровь. А вот грудь здорово пострадала от выстрела. Стоило ему набрать в легкие воздух, как внутри начинало что-то булькать, значит, легкие вышли из строя.

Он смотрел вверх, на потолок больничной палаты. До него доносилось попискивание мониторов, рядом маячила капельница.

Каким образом Пол угодил в больницу, он совершенно не представлял, но тем не менее ему это удалось. В результате самоосмотра выяснилось, что ему прострелили левое легкое и как следствие — аспирационная пневмония, вызванная кровотечением и нагноением. Его не лихорадило — по-видимому, антибиотики в капельнице делали свое дело. Кроме того, боль была рассеянная, она не концентрировалась в одной точке, как бывает, когда в теле засядет пуля. Следовательно, ему сделали операцию. Какая часть легкого у него осталась, он даже не представлял. Ощущение такое, что вообще ничего не осталось.

Он бывал в переделках и покруче и выбирался из них здоровым. Отлично, как только он поправится, то устроит

настоящую бойню... если только его присутствие в палате интенсивной терапии не означало, что он вернулся под крышу своей прежней конторы.

Прошло долгих пять минут, прежде чем Мириам отпустила колени Сары и озлобленно взглянула на нее покрасневшими глазами снизу вверх. Сара инстинктивно отпрянула, съежилась. Мириам с шумом втянула воздух. Тогда только Сара поняла, что происходит: Мири что-то услышала.

— Это Пол Уорд? — Но хватило одного взгляда на мониторы, установленные в каждой комнате, чтобы убедиться: дело не в нем.

Их пленник слегка шевелился, опьяненный валиумом, подмешанным в раствор капельницы, но все-таки приходил в себя по три-четыре раза в день. Жизненная емкость легких еще была слишком мала, чтобы позволить ему очнуться полностью.

Мириам с кошачьей грацией вскочила на ноги. Через секунду она была уже у входной двери и прислушивалась к тому, что происходило за толстой панелью из красного дерева. Потом промчалась по вестибюлю в музыкальный салон, села за рояль и... заиграла «Лунную сонату» Бетховена. При виде этого невероятно грациозного, хрупкого создания, окутанного облачком бабочек, просто замирало сердце. Мириам играла, мягко прикасаясь к клавишам, словно на инструмент падали снежные хлопья.

Сара следила за входом в дом. Щелкнул замок. Повернулась ручка. Судя по раскрасневшейся физиономии Лео, девушка подкрепилась. Услышав музыку, встретившись взглядом с Сарой, которая расположилась в удобном кресле с высокой спинкой, Лео заметно успокоилась.

А Сара тем временем ломала голову, к чему ее подруга затеяла весь этот спектакль. Можно подумать, Мириам не верила, что Лео осмелится войти в дом, иначе как привле-

ченная наигранной безмятежностью. Что ж, измазанную по самые уши кровью девчонку удалось провести.

— Где тело? — прошипела Сара, схватив девушку за ворот.— Где, я тебя спрашиваю?

— Оставь меня в покое!

— Лео, *где, черт возьми, труп?*

А Мириам продолжала играть, якобы ничего не замечая.

— Не твое дело,— презрительно хмыкнула Лео.

— Ты оставила его на улице... ради Бога, отвечай!

— Если тебе так нужно знать, труп в Ист-Ривер. Там же и твоя глупая игрушка.

Сара почувствовала, как у нее задергался левый глаз.

— Какая игрушка?

— Ну, та самая... та дурацкая штуковина, что застряла у него в шее.

— Ты оставила мой ланцет в жертве?

— Я не смогла его вынуть!

— Господи!

Лео опять попыталась обойти ее.

Ловко же его провели эти сволочные вампиры. Разыграли все как по нотам. Бог его знает, сколько этих паразитов расплодилось в том поганом клубе. А дом... да, эта вампирша оказалась богатой сучкой. Другие ей и в подметки не годятся, всех обставила. Убить такую — значит лишить пчелиный рой его матки. Как она похожа на ту, что была в Париже...

Чем черт не шутит, а вдруг они обе — одно и то же лицо? И если это будет ему по силам, то он нанесет действительно мощный удар, когда покончит с этой сволочной тварью. Как она его провела... Даже заниматься с ней любовью оказалось в сто раз лучше, чем с настоящей женщиной. Мерзкое животное обманом заставило его лечь с ней в постель, и от этой мысли он становился еще злее.

Пол чувствовал во рту привкус металла, ему хотелось пить.

— Сестра! — позвал он.

Прислушался — в этой неизвестной ему больнице было тихо, как в могиле. Наверное, его поместили в отдельный бокс для засекреченных больных. Он пошарил рукой в поисках кнопки вызова и нашел ее у изголовья.

Вопрос в том, кто войдет в дверь, когда он нажмет эту кнопку,— милая сестричка или Джастин Тэрк? Он делал ставку на Тэрка. Можно не сомневаться, что бывшие сослуживцы сели ему на хвост. Раньше, когда он попадал в переделки, родная контора очень любезно выручала его. Так что, может статься, его лишат свободы и он не покончит с поганью. Черт побери, возможно, ему следовало бы сейчас подняться и унести отсюда ноги, пока не поздно. Если, конечно, уже не слишком поздно...

Но если бы он попытался осуществить свой план, то нарушил бы правило, помогавшее ему оставаться в живых на протяжении всей карьеры: *никогда не нападай, если не знаком с обстановкой.* Если известно хотя бы, кто твой враг или кто должен быть им,— этого достаточно. Но если не знаешь ничего, тогда нужно выждать.

Он решил отлежаться, накопить сил. В эту минуту ему хотелось бо́льшую отбивную, но сгодилась бы и чашка бульона. Он снова нажал на кнопку. Безрезультатно. Типичное явление для какой-нибудь ветеранской дыры. Он нажал кнопку еще раз, сильнее.

Сара следила за монитором. До нее доносился слабый звонок — Уорд пытался привлечь к себе внимание. Сегодня впервые за пять дней, что прошли после операции, он такой бодрый. Доктора Робертс невольно охватила профессиональная гордость: все-таки вернула к жизни человека, буквально с того света!

Музыка прекратилась. Мириам опустила крышку рояля и быстро направилась к ним в развевающемся кимо-

но и с сигаретой, зажатой узкими губами. Глаза ее сверкали.

— Где тебя черти носили? — прорычала она.

— Меня?

Мириам перевела взгляд на Сару.

— Останки не уничтожены,— сообщила женщина.— Мой ланцет остался в шее.

Мириам подошла к Лео и вцепилась длинными пальцами ей в горло.

— Вот, значит, чем ты мне отплатила?

— Я сбросила парня в реку. Его нет.

— О трупе сказать, что его нет, можно, только когда он сожжен! — выкрикнула Мириам.

Раз или два госпожа упоминала о том, что разделалась со своими компаньонами из людей, которые посмели ее ослушаться. Неужели Лео прикончат сейчас, здесь, на мраморном полу вестибюля?

Но Мириам, откинув голову, беззвучно расхохоталась.

— Иди за мной,— велела она Лео.

— Куда идти?

Мириам схватила ее за руку и потащила к лестнице. Сара поднялась с кресла и последовала за ними. Мириам жестом остановила ее.

— Мой муж зовет,— сказала она,— разве не слышишь?

Пол услышал какой-то звук за дверью палаты. Пол успел нажать кнопку раз пятьдесят.

— Сестра! — позвал он, зашевелившись.

Единственное слово лишило его дыхания, и он снова рухнул на подушку, вдыхая кислород.

Когда в дверном проеме показалось лицо Сары Робертс, Уорд так удивился, что нашел силы еще для двух слов:

— Вот дерьмо! — Он попытался поднять руки, намереваясь ударить ее, но что-то ему помешало. Оказалось, он прикован к кровати наручниками — оба запястья, и ло-

дыжки тоже. Цепи длиною около двух футов, поэтому он ничего не заметил, пока не попытался двигаться.

— Господи!

— Ты идешь на поправку,— сказала Сара.

— Где я, черт возьми?

— В моей палате терапии.— Она подошла к нему.— Я твой врач.

— Так я тебе и поверил.

— Ты выжил, получив пулевое ранение. Пуля с разрывной головкой. Думаю, тебе ничего не остается, как поверить.

— Ты убиваешь людей ради еды. Как ты можешь быть врачом?

Сара наклонилась к нему.

— Мне нужно осмотреть рану.

Тон ее голоса, до сих пор абсолютно нейтральный, теперь казался угрюмым... или нет, печальным. Именно печальным.

Уорд приготовился схватить ее, дальше он не загадывал. В его голове засела лишь одна мысль: в его жизни не было худшей ситуации, и теперь он должен сделать все, что в его силах, чтобы выпутаться из нее.

Сара откинула простыню, не обращая внимания на его наготу, и оттянула повязку на левой стороне груди. Пока она разглядывала рану, из открытой двери донесся шум. Кто-то в доме кричал во все горло, ужасно кричал. *Где-то в другой комнате вампиры продолжали убивать.*

Пол, конечно, потерял былую скорость, но все-таки умудрился схватить Сару за руку. Она выронила бинты, когда он рывком притянул ее к себе. И — оказался под прицелом собственного пистолета, будь он неладен.

— Чтоб тебя черти забрали! — сказал он.

— Нет, чтоб *тебя* черти забрали! Если бы не Мириам, ты был бы давно мертв, злобный ублюдок!

Сара потянулась к капельнице, открыла краник. Мысли у него начали путаться, фигура женщины закачалась, а

затем поплыла над ним, словно мадонна, возносящаяся на Небеса.

А крики то усиливались, то затихали, как зимний ветер, запутавшийся в ветках дерева. Глаза Сары Робертс точно сверлили его насквозь — холодные, безразличные глаза убийцы. Вопреки клокочущей, безжалостной ненависти и мучительному желанию встать с кровати, выбить у нее оружие и в буквальном смысле оторвать голову, он провалился в сон. Леденящие крики вплелись в темный, безымянный ночной кошмар, который лекарства из капельницы вскоре превратили в бесцельную пустоту.

Мириам держала запястье Лео и ни за что не хотела отпускать, даже когда сухая рука медленно поднялась и сомкнулась на пальцах девушки. Лео ощутила странную силу трупа; в высушенных глазах разглядела искру жизни.

Лео не могла смотреть на него. Не могла выносить его прикосновения. Но еще она не могла понять, что это за ужасное место.

— Открой глаза! — приказала Мириам.— Смотри на него!

— Я смотрю! Но что... почему...

— Ах ты глупая телка... неужели ты не догадывалась, что придется чем-то поплатиться?

— Заставь его меня отпустить! Пусть *оно* меня отпустит!

Мириам оттащила ее от гроба Джона. Пока труп цеплялся пальцами за девушку, он приподнялся из гроба, но, лишившись опоры, рухнул обратно с глухим стуком, словно пыльный мешок. Крышка захлопнулась.

— Но он же не мертв! Мы должны ему помочь!

— Какая ты сострадательная.— Мириам прошла к гробу Сары.— А вот этот принадлежит твоей подруге.

— Какой подруге?

— Саре. Законченная зомби.

— Зомби?

— Когда я перелила ей кровь, она вскрыла себе вены. Но — оставила мне знания, которые понадобились, чтобы вернуть ее к жизни.— Мириам уставилась на гроб Джона Блейлока.— Жаль, что для него все это было слишком поздно.

— Но они... Ничего не понимаю!

— Теперь, когда моя кровь течет в тебе, Леонора, ты не можешь умереть. Но ты не похожа на Властителей. У нас нет души. А у тебя она есть, и моя кровь связала ее навеки с телом.— Мириам огляделась, тряхнув головой.— Это твоя участь.

Лео попятилась назад. Нужно выбраться из этого ужасного места, найти для себя лекарство. И ей придется убивать... чтобы предотвратить то, что она здесь видела, ей придется убивать и делать это до конца своего... времени.

— Сара превратилась в рабыню. Она перестала быть независимой. Мне с ней скучно, а я ненавижу скуку. Ненавижу!

— Ты говоришь о скуке?

— Ты ни черта не знаешь! Это не жизнь — все время прятаться, ползать в тени. Я принцесса, а не воровка! Мне нужно окружение философов, королей, а не стадо грязных разложенцев, которых я теперь привлекаю.

Лео никогда не приходила в голову такая странная и в то же время тонкая мысль, но наконец и она поняла весь ужас своей ситуации.

— Ты украла меня у меня самой,— наконец девушка осознала хитрый и злобный замысел.— Я рабыня.

— Нет! Нет! Ты не такая, как она. Когда я вернула ее к жизни, это уже было безвольное существо. Сара сама это знает, но ничего не может поделать. Она даже ездила на Гаити, пыталась разузнать хоть что-то о зомби, чтобы понять, как ей теперь быть.— Мириам тихо рассмеялась и дернула руку девушки.— С тобой все будет иначе, ты себе на уме. Запросто выпила из дома и наелась. Поступила так, как хотелось *тебе*. Знаешь, что я думаю по этому пово-

ду? — Она вцепилась в руку Лео и оглянулась на гроб Джона.— С тех пор как он умер, я чувствую себя одиноко. Теперь моему одиночеству пришел конец.

— А как же Сара?

— Впрочем, ты глупа. Но ничего, у тебя отличные задатки. Я тебя всему научу. Знаешь, кем ты будешь? Зачем я взяла тебя к себе в дом?

— Понятия не имею.

— Ты станешь гувернанткой моего сына.

— Муж мой,— произнесла вампирша,— наконец ты проснулся. С возвращением!

Уорд не знал, как ему реагировать на этот пробный шар. Никогда не знаешь, что может выкинуть в следующую секунду такое коварное животное, как это. Он внутренне содрогнулся от мысли, что когда-то дотрагивался губами до этой кожи... не говоря уже о всех прочих вещах. Вампирша взяла его руку тонкими пальцами, которые он недавно целовал, и прижала ее к своему животу.

— Чувствуешь?

Уорд не отрываясь смотрел на нее — словно настоящая женщина, которая просит потрогать настоящего ребенка.

— Он брыкается, он *очень* силен. И Сара говорит, что он здоровенький. Именно так она и сказала — *здоровенький*. У нас будет сын, Пол!

Какая чушь. Нельзя зачать ребенка с существом, которое не является человеком.

— Лжешь,— сказал Уорд, едва скрывая презрение.

Потом они все ушли, кроме Лео, которая осталась за ним присматривать. У нее было оружие, Пол видел свой пистолет, небрежно засунутый за ремень джинсов. Крутая малышка, эта самая Лео. Нечто среднее между панкрокером и школьницей. Интересно, она вампир или нет? С такими тварями никогда нельзя утверждать наверняка. Уж больно они походили на людей. А ему нужно было

знать ответ на этот вопрос, потому что он должен был предвидеть, с каким врагом придется иметь дело. Инстинкт подсказывал ему, что девчонка не вампир. Обыкновенная прихлебательница, знавшая, что к чему. Неразумный щенок.

Пол попробовал зайти издалека — прием, к которому он прибегал тысячи раз. Пусть объект решит, что тебе известно больше, чем на самом деле.

— Лео, зачем тебе все это? Наркотики? Деньги?

Лео посмотрела ему в глаза.

— Любовь.

— Ах это! Ты любишь чудовище. Спишь с ним?

— Заткнись.

— Знаешь, не понимаю я таких, как ты. Ты ведь не вампир, но терпишь ее. Миришься со всем этим.

— Мириам прекрасна, она принадлежит к древнему роду и заслуживает нашей поддержки.

— Понятно! Думаю, Эллен Вундерлинг согласилась бы с тобой. Да, черт возьми!

— Это Сара убила ее, не Мириам.

Уорд помолчал, обдумывая услышанное. Когда Сара набросилась на него, то использовала какой-то инструмент, а не собственную пасть. Неужели она могла питаться кровью, не имея вампирской челюсти? Если так, то, вероятно, существует не один вид вампиров? То есть вампиров гораздо больше, чем он думал?

— Эллен не годилась в пищу Мириам? Или причина в другом?

— Мириам отдает нам свою кровь... и это как чудо. Перестаешь стареть. Становишься невероятно здоровой. Живешь... в общем, очень долго.

Уорд уставился в потолок. Теперь оказывается, что Мириам может превращать простых людей в вампиров. Святые угодники! И тогда Полу пришла в голову другая, не менее страшная мысль. Может быть, все эти разговоры о ребенке не такой уж бред, то есть вампиры и люди не та-

кие разные, как все думают. Если он зачал с вампиром ребенка...

Пол хмыкнул с притворным равнодушием.

— Не могу поверить, что она залетела от меня. Я ведь человек!

Лео подошла к кровати, держа в опущенной руке пистолет. Еще один шаг — и он сможет схватить оружие.

— Ты не человек,— девушка покачала головой.— Ты Властитель... или наполовину Властитель.

Было больно, но он все-таки посмеялся. От души посмеялся. Да, выдумщица из нее никудышная!

— Ладно, если так. И когда же я пью человеческую кровь? Во сне?

— Когда-то Властители попытались вывести новый вид, который будет жить вечно, как они, но не испытывать потребности в человеческой крови. Хотели создать лучший вариант самих себя.

Уорд вспомнил вампиров в логовах, их ухмылявшиеся физиономии.

— Они презирают всю человеческую расу,— сказал он.

— Только тех, кто их убивает!

— Лжешь!

— Они делают то, что должны,— иначе им не выжить. Но в этом нет никакой ненависти. Один только голод.

— Наглая ложь! Они ненавидят нас и любят убивать!

— Ты так думаешь? А помнишь, как умер твой отец? Помнишь, как он неожиданно исчез?

Слова будто проделали долгий путь, как странное, жуткое эхо — потому что девчонка не могла узнать об этом иначе, как...

Взревев словно раненый бык, Уорд поднялся — весь в проводах от мониторов, в кислородных шлангах. Лео отпрянула, но он все равно кинулся к ней... и рухнул на полпути из-за кандалов, превратившись в беспомощный ворох повязок.

Лео стояла над ним, умело нацелив пистолет. Кто-то здорово обучил эту девицу работе тюремного надзирателя.

— Не вздумай шевельнуться! Даже не дыши!

Он смотрел на нее снизу вверх.

— Ты лживая стерва.

Но он знал, что она не лжет. Ей действительно кое-что было известно, хотя он никому из этих тварей не рассказывал о своем отце.

— Твой отец был убит как потомок тех, кто оказался результатом провалившегося эксперимента. Всех мутантов с новой кровью уничтожили. Тебя, должно быть, проглядели. К несчастью, проглядели, потому что теперь Мириам от тебя беременна Бог знает кем.

— Ребенок в порядке?

— Первое ультразвуковое обследование через две недели.

Во время его атаки она, очевидно, нажала на сигнал тревоги, потому что в палату ворвались Мириам и Сара с пистолетами в руках. Да, в этом доме «магнумов» хватало. Совместными усилиями Пола удалось уложить в кровать. *Что ж, это похоже на отступление.*

Следующие несколько дней доктор Сара Робертс методично демонстрировала Уорду ту истину о нем самом, которой он никогда не предполагал. Взяв капельку его крови, она поместила ее под микроскоп. Пол разглядел необычные клетки, которые раньше считались легким отклонением от нормы. Затем Сара на его глазах взяла кровь у Мириам и продемонстрировала ему оба образца рядом. Уорд хоть и не был слепым, но отказывался верить, цепляясь за идею — хотя в глубине души понимал ее смехотворность,— что все это просто совпадение. Такого не могло быть — никак не могло, черт возьми! — чтобы в его жилах текла кровь вампиров.

Сара нарисовала хромосомную карту и показала ему, как его девятнадцатая хромосома отличается от такой же

хромосомы нормального человека на участке, известном как 19a22.1. А еще она показала ему мелкие различия в шестнадцати из его двадцати трех хромосом. Потом ему продемонстрировали карту хромосом Мириам. Все то же самое плюс еще три других участка — наверняка они отвечали за блестящий ум, вечную жизнь и необходимость поглощать человеческую кровь.

Дедушка Пола прожил сто одиннадцать лет. А семейная легенда гласила, что пару сотен лет назад один из Уордов дожил до ста девятнадцати лет.

Сара сообщила ему, что из-за хромосомных различий он, вероятно, никогда не сумеет зачать ребенка с обычной женщиной, зато с Мириам у него вполне могло это получиться.

В конце концов пришлось взглянуть правде в глаза. *Он был одним из них.* Уорду хотелось выползти из собственной шкуры! Если бы только представилась такая возможность, он сунул бы дуло одного из их сволочных пистолетов себе в рот.

Его сны превратились в кошмары. Он мечтал умереть, молил Господа отнять у него жизнь. Но он не умер. Наоборот, с каждым днем становился все сильнее и сильнее, идя на поправку, как всегда, необычайно быстро. Только теперь он знал причину. Это происходило благодаря его чертовой, проклятой, мерзкой *крови!*

Просыпаясь, он часто видел подле себя Мириам, которая не спускала с него глаз. Она меняла ему повязки, выносила судно, кормила его, интересовалась самочувствием. Каждое утро и вечер Сара осматривала его, держась неизменно холодно и отстраненно. Часто, когда они оставались вдвоем, Сара всерьез угрожала ему:

— Если ты причинишь ей боль, если разобьешь ей сердце, я сожгу тебя кислотой и вырву из тебя живого сердце.

Пол каждый раз отвечал одно и то же:

— Я с тобой поступлю точно так же, стерва.

Шли дни, и он чувствовал себя гораздо лучше и теперь постоянно прокручивал в голове детальные планы разрушения этого логова. Для начала следует усыпить их бдительность. Это будет нелегко, но Мириам — дорогая Мири — без ума от него. На этом он и сыграет. Поэтому теперь, стоило Мири прийти к нему, сесть рядом, он начинал слегка изображать влюбленность.

Мириам все время кружила по дому, распевая «Саго Nome» и смеясь. Ее ни на секунду не отпускало ощущение, что внутри ее растет ребенок. Беременность будет длиться год, а потом наступят очень тяжелые роды. Но ребенок... ребенок здоров! «Никаких поводов для беспокойства»,— неустанно твердила Сара.

Но на самом деле Сара ничего не знала. Она даже не была уверена в том, что Мириам беременна. Да, был сделан анализ мочи, но кто мог знать наверняка, будет ли уровень гормона такой же, как у обычной женщины. Скорее всего нет. Возможно, их плацентарная ткань вообще вырабатывает другой гормон.

В доме об этом не говорили, но день первого ультразвукового обследования приближался. Тогда только исчезнут любые сомнения по этому поводу.

Никогда прежде Мириам не была так счастлива. Дом ее процветал. Сама она была воплощением здоровья. Судя по всему, ребенок рос прекрасно. И ее новый муж медленно выкарабкивался.

— Знаешь, Пол, мне кажется, тебе нужно взглянуть на все это с точки зрения нашей морали.

— Давай попробуем.

— Мы не сами создали себя. Такими нас сделала природа.

— Так утверждает ЦРУ.

Мириам заинтересовалась. До сих пор он ни разу не упоминал, что думает его руководство о таких, как она.

— А поточнее?

— Вы не убийцы, вы — хищники. У вас есть право убивать нас, а у нас — защищаться. Такова основа их политического заявления, над которым они сейчас работают.

— Что ж, это в точности моя точка зрения.— Ей до смерти хотелось поцеловать его, такой он был красавец. И не только поцеловать... Но он до сих пор не высказывал никакого желания заняться любовью снова.

Завтра она собиралась его удивить. С больничным режимом будет покончено. Мири надеялась, что он вернется в супружескую постель. И Мири постарается изо всех сил, чтобы быть милой и соблазнительной.

— Пришла пора снять с него наручники,— сказала она Саре, когда осталась с ней наедине.

— Эта пора никогда не придет.

— Сделай как я говорю.

— Мири, не сходи с ума!

— Сделай как я говорю.

Сара пошла к больному. Пока она освобождала его от кандалов на ногах, а потом на руках, Пол внимательно следил за ней. Ей не понравился его взгляд, как, собственно, не нравился с самого начала. И едва женщина закончила эту процедуру, то сразу же отскочила от него, словно от проснувшейся кобры,— осторожно и перепуганно.

— Так-то лучше,— сказал он, растирая запястья.

Она была творением Мириам — поэтому слабая, ранимая, как жертва неизбежных просчетов. Но его создала природа, а Сара природе не доверяла. Возможно, причина этого недоверия скрывалась в ее научных изысканиях, не раз доказывавших, что природа не так слепа. Поэтому, как бы ни был он спокоен, сговорчив и безмятежен, Сара все равно продолжала бояться и ненавидеть его. Она знала одну тайну природы и чувствовала, что Пол Уорд был порождением этой тайны. У природы, как убедилась Сара, был огромный и страшный ум.

20

ДИТЯ ЛЮБВИ

Вампирша к нему неравнодушна — тем лучше, Уорд воспользуется этим. Хотя... Мириам, конечно, любит его, но все равно обитатели дома ведут себя чертовски осторожно: следят за каждым его шагом с помощью телекамер, запирают дверь палаты на замок. Ничего не оставалось, как продемонстрировать внешнее смирение. Поэтому он, не покидая кровати, бесконечно слушал оперы с компакт-дисков.

Каждый день Пол съедал по бифштексу с кровью — свое любимое блюдо во все времена, запивая отменным вином стоимостью в несколько тысяч долларов — «Шато-Лафит-Ротшильд» 1945 года или «Шато-Латур» 1936 года; иногда просил что-нибудь из тайской кухни. Все блюда отличались отменным качеством, но Уорд не был уверен, что в пищу ему не подмешивали наркотики.

Уорд держался приветливо со своими тюремщиками. Когда приходила Мириам, сияющая, красивая, он через силу позволял ей поцеловать себя. А когда она притягивала его ладонь к своему животу, который, как ей казалось, начинал округляться, он каждый раз улыбался.

— Он так ненавидит Властителей,— Сара недоуменно пожала плечами,— и мог бы отреагировать гораздо живее, когда узнал правду о себе.

— Сара, этот мужчина влюблен. А еще — он понял, что такой же, как мы, что существует другая мораль. Ненависть в нем угасает. Вот почему Пол такой тихий — для него настало время переосмысления.

— Просто я считаю, что тебе нужно быть чрезвычайно осторожной, когда захочешь выпустить его отсюда.

— Да ладно тебе. Откуда такая осмотрительность?

— Мне казалось, что из нас двоих излишней осмотрительностью отличалась ты, Мири.

— Он мой муж, и я хочу, чтобы он спал в моей постели. Я хочу снова почувствовать его в своем теле, Сара.

— Неразумно. Все, что сейчас делается, неразумно.

— А ты что думаешь, Лео?

— Я думаю, что он и вправду крут.

В день освобождения они спустились к нему с тортом. Был устроен настоящий праздник с бутылкой тридцатилетнего «Шато-икем» и громадным тортом, изготовленным по рецепту восемнадцатого века, с фруктами и коньяком. Затем Мириам устроила ему экскурсию по дому, показала все, кроме чердака.

Сара выжидала и наблюдала. Она попыталась было привлечь на свою сторону Лео, но та проявляла беспокойство ничуть не больше Мириам. Дурочка, просто молоденькая дурочка! Но и в себе она заметила кое-какие перемены. К ней пришло понимание сродни тому, что приходит к бойцу во время лютой битвы. Спасения не будет, а безрассудство Мириам способно привести только к разрушению.

Как такое случилось, что после стольких мытарств и опасностей, испытанных ею только ради того, чтобы забеременеть, она рискует обеими жизнями — и своей, и ребенка?

Мири стала для нее дорогой и близкой подругой. Прожив с ней в глубочайшей близости более двух десятков лет, Сара улавливала малейшую перемену в ее настроении, каждое выражение, промелькнувшее у нее в глазах. Она доводила ее до сексуального экстаза и с бесстрастностью завороженного любовника наблюдала, как та забывается в восторге. Она дарила Мири и дружбу, и любовь, и верность. Но теперь Сара думала, что она достигла края, дальше в сферу сознания Властителей ее мышление не могло проникнуть.

Поведение Мириам свидетельствовало только об одном: где-то глубоко в ней засело желание, такое же, как у всей ее расы,— быть уничтоженной. Они все желали смерти, иначе почему существа, такие мудрые и древние, легко

позволяли себя убивать? Пусть Властители не разбирались в людской науке, но они разбирались в людской душе, а это основное знание, необходимое, чтобы защититься.

То, что они не защищались, было, по мнению Сары, актом добровольного самопожертвования. Должно быть, они все поняли о себе тысячи лет назад, скорее всего, когда человек стал разумным. В тот период они и начали экспериментировать, пытаясь соединить два вида. Это был их способ спастись от собственной природы.

Каждый раз, когда Мириам оказывалась рядом с Уордом, у Сары все сжималось внутри в предчувствии быстрой расправы. Неужели Мири не видит, что он собой представляет — заряженное оружие, ловушку, готовую захлопнуться?

В конце концов подругам пришлось выйти на охоту, и они поехали в клуб, оставив Уорда на попечении Лео. Хорошо хоть тут Мири не спорила — значит, еще не превратилась в полную дуру!

По секрету Сара велела девчонке носить с собой пистолет и не приближаться к Полу ближе чем на двадцать пять футов. При малейшей попытке выйти из дома, или подойти к ней, или просто воспользоваться телефоном она должна была вышибить ему мозги. Сара надеялась, что так и случится. Перед уходом Мири предупредила Лео: «Убьешь его — и я тебя растерзаю. Можешь ранить его, если понадобится, но не убивать».

Они вернулись на рассвете, поужинав двумя корейскими бизнесменами, теперь им предстояло погрузиться в глубокий *Сон*. Сара вызвала Лео:

— Если он сделает хотя бы малейший шаг в сторону нашей спальни, убей его. Не важно, что она там говорит.

— Но...

— Я справлюсь с ней! Тебе ничто не угрожает.

— Сара, а ты знаешь хотя бы одну причину, чтобы *не* убивать его?

— Нет.

— А как насчет того, что Мири его любит?

— Она сейчас плохо соображает... и зовут ее Мириам, а не Мири.

— Ты зовешь ее Мири.

— А ты — нет.

Жизнь в доме почти вернулась в привычное, спокойное русло, по крайней мере внешне все выглядело именно так.

Сара и Лео вели дела в клубе, куда Мириам изредка наведывалась. Лео начала получать классическое образование Властителя. Сначала — изучение пантеона греческих богов, потом — разговорный прайм. К удивлению Сары, из Лео вышла отличная ученица. Если Мири хотела получить в качестве компаньонки tabula rasa*, которой не нужно было переучиваться из-за отсутствия багажа знаний, то ее выбор оказался правильным. Лео на удивление быстро все схватывала.

Когда-то Мириам выбрала ее в клубе, им нужен был дополнительный персонал для поддержания процветавшего бизнеса. Сара полагала, что они отдадут предпочтение мужчине. Но той ночью Мириам просто указала на девушку: «Вон ту». Лео сидела в японском саду со своими друзьями и взывала к мастерству Руди, чтобы тот подарил им настоящий кайф.

Постепенно Лео отошла от своей прежней жизни. Все, что теперь у нее осталось,— редкие нервные визиты к родителям, но скоро даже этому придет конец.

Итак, Сара ждала возвышения Лео. А еще — что Пол Уорд осуществит задуманный план, каким бы он ни был. Другими словами, она ждала для себя конца света.

Когда Мириам жила с Юминисом, она была еще слишком молода, чтобы сознавать хрупкость счастья. Только теперь ей стала известна цена приобретений и потерь.

---

* Tabula rasa — табула раса *(лат.)* — букв. «чистая доска», нечто нетронутое.

Беда только в том, что обожаемый ею муж обратился против самого себя,— подумать только, Властитель, который ненавидит собственное племя! Правда, он не обладал бессмертием и не питался кровью, но Мириам пока не оставила попыток переделать его сознание. Она жаждала ввести его в свой волшебный круг радостей, и ей казалось, что она способна это сделать. Когда-то в прошлом соплеменники находили ее неотразимой. Она нисколько не растеряла своих чар.

Но все это чуть позже. Для начала ей предстоит сделать один весьма важный шаг. И по мере того, как шло время, она испытывала все большее беспокойство по этому поводу. Ей хотелось отсчитать дни назад, не позволить наступать рассветам. Но рассветы наступали один за другим, и ее ребенок развивался.

Через какое-то время Сара сообщила, что плод достаточно подрос и его уже можно видеть. Как все матери ее племени, Мириам заранее знала пол ребенка: у нее родится мальчик. А вдруг у него отклонения? Разве можно быть уверенным в результате союза двух таких непохожих рас?

В полдень назначенного дня Сара пришла за Мириам в библиотеку, где та обучала Лео, и сказала:

— Все готово.

Сара улыбалась. В последние дни она держалась очень серьезно и от нее веяло такой печалью, что Мириам старалась поменьше с ней общаться. Надо же, женщине взбрело в голову, что их совместная жизнь зашла в тупик и что Лео займет ее место!

Сара ошибалась, разумеется. Ей предстоит стать гинекологом, затем акушеркой и педиатром для представительницы другой расы — просто потребности Мириам расширяются.

Все вместе они прошли во врачебный кабинет. Сара заранее приобрела самый современный аппарат для ультразвукового исследования, так что ребенок будет виден как на хорошей фотографии. Мириам взобралась на смот-

ровой стол, Сара включила аппарат, издававший высокий завывающий гул.

— Он не опасен? — нервно поинтересовалась Мириам.

— Вовсе нет. Он излучает звуковые волны, затем считывает отражение. Все абсолютно безвредно, но на всякий случай мы воспользуемся им только пару минут.

Мириам лежала и ждала, закрыв глаза. Если будут плохие известия, то у нее уже не осталось сил вынести их. Она не сможет пережить потерю этого ребенка, но как умереть — она тоже не знала.

Холодный инструмент заскользил по ее животу, слегка округлившемуся в последнее время... или ей это только казалось?

Мириам протянула руку, и Пол сжал ее запястье. Они уже несколько раз целовались, но возлюбленный муж все еще проявлял полное безразличие. Впрочем, с тех пор как ему стало известно, что он наполовину Властитель, Уорд перестал быть ей опасен. По крайней мере, так она думала.

— Мири, смотри.

На экране появился призрак. У него был маленький ротик и крошечные, не совсем сформированные ручки. Мириам открыла глаза и уставилась на экранное изображение. Она всегда плохо разбирала картинки, созданные машинами, и поначалу разглядела лишь расплывчатые пятна.

— Вот ручки,— Сара указала на чуть менее размытую часть изображения.

— Привет,— сказал Пол.— Вот и мой сын.

Мириам вначале ничего не разглядела толком... а потом вдруг увидела. Крошечное личико попало в фокус.

— Он... какой он красивый!

— У него есть зубы? — спросил Пол.

— У него человеческий рот,— ответила Сара.

Мириам слегка забеспокоилась.

— А как он будет питаться, Сара?

— Не так, как ты.

Сара уже успела провести анализ крови плода. Он был Властителем на девяносто процентов.

— Он не умрет с голода?

— Мири, похоже, у него обычные человеческие органы, а кровь очень близка к твоей. Он будет жить... долго.

— Как хищник,— Пол усмехнулся.

— Не вижу никаких причин так думать,— Сара пожала плечами.— У этого ребенка человеческий рот и все органы.

— Откуда ты знаешь? Это же крошечный эмбрион!

— Знаю, потому что училась этому.

— Ты гинеколог?

— Я геронтолог. Но то, о чем ты говоришь,— это азы медицины.

Лицо Пола побелело. Он втянул щеки, что является у людей признаком слепой ярости. Мириам не сводила с него глаз, чувствуя, как дрожит в груди сердце. Ей хотелось любить его, но если он станет угрозой для ее ребенка, что ж, она сделает то, что должна.

Когда мужчина наконец заговорил, его слова пронзили ее насквозь.

— Для меня это важно, Сара.

— Я вижу человеческий плод.

— Чертовски, чертовски *важно*!

Мириам попыталась скрыть улыбку. В эту секунду она узнала о Поле Уорде нечто новое. Лео, испугавшись его тона, вытянула из-за пояса пистолет, с которым не расставалась. Предохранитель щелкнул.

Уорд ей нравился не больше, чем Саре. Но она не боялась за Мириам, как Сара. Ее беспокоило то, что Уорд отнимал у нее интерес и любовь госпожи.

Пол покосился на оружие:

— Спасибо.

Сара, внимательно изучавшая плод, первой заметила необычное явление. Несколько секунд она смотрела на экран как завороженная. Затем поводила рукой перед мо-

нитором. Как ученый, доктор Робертс не верила в сверхъестественное. Она даже не совсем верила в человеческую душу, о которой столько говорила Мири. «У вас есть душа, у нас — нет». Ха-ха. «Вы, люди, по-настоящему бессмертны». Ладно, если так.

Но на этот раз у нее на глазах разворачивалось настоящее чудо.

— Не может быть!

Мириам тут же поняла, что крошечные, несформированные глазки, не более чем щелки, пока не владеющие даром зрения, каким-то образом глядели на нее прямо с экрана монитора.

— Он нас видит? Это возможно?

— Мириам, я не знаю.

Тут глазки снова блеснули и уставились теперь на Уорда.

— Оптический обман,— он покачал головой.

Но глазки упорно смотрели на него.

— О Боже! — Пол, охваченный страхом, умолк под их пристальным взглядом.

Мириам показалось, что сердце у нее в груди раскрылось как цветок.

— Наш ребенок — чудо, Пол.

Он привычно улыбнулся, и от этого ей стало грустно. Ну почему ее муж не светится от счастья, как следовало бы? Ведь у него потрясающий сын. Почему его не распирает от гордости?

Сара закончила ультразвуковое исследование и вручила Мири первую фотографию ее ребенка.

— Лицо у него имеет осознанное выражение,— лаконично подвела итог Сара.— Это невозможно, но это так.

Фотография получилась четкой: не до конца сформированное личико с темными глазками и легкой полуулыбкой.

Мириам чувствовала присутствие ребенка в своей утробе, сердце ее билось с любовью, кровь ее текла с любовью. Ее сын не будет похож на нее, ему не придется страдать от

проклятой необходимости быть хищником. Ее сын будет велик, но еще — он будет свободен!

Мириам никогда не замечала у себя склонности к слезам, но сейчас она заплакала. Сара заметила слезы и обняла ее за плечи. Мириам никак не отреагировала. Ей хотелось, чтобы ее обнял Пол. Ей хотелось, чтобы он обхватил ее, заплакал, засмеялся вместе с ней и попросил второй экземпляр фотографии, чтобы носить его в бумажнике и любоваться, как это будет делать она.

Все же он восхищенно похмыкивал... может быть, это и есть начало их новых отношений?

— Пойдем наверх,— сказала Мириам, беря Уорда за руку.— Мне бы хотелось побыть с тобой вдвоем.

— Мне тоже,— согласился Пол.

Она привела его в музыкальный салон и прикрыла дверь.

— Тебе нравится, как я играю?

— Очень нравится.

— Тогда я бы хотела сыграть для тебя. Знаешь эту вещь?

— Ты разучиваешь ее уже несколько недель.

— Это Сара разучивает. А я знаю ее уже три сотни лет.

Он рассмеялся.

— Как это странно звучит, когда ты так говоришь.

Мириам пожала плечами.

— Я — это я.

Она достала виолу из футляра, поднесла смычок, секунду настраивала инструмент, а потом начала играть.

Видеть, как эта тварь улыбается ему, узнав, что чудовище в ее утробе здорово, было выше его сил. Пол налетел на гадину, зная только одно: нельзя позволить ей даже пискнуть, иначе сюда вбегут те двое, и тогда ему конец. Не важно, что они принадлежат к человеческой расе, им хочется убить его гораздо сильнее, чем вампиру, Уорд в этом не сомневался. Женщины разорвут его в клочья, не колеблясь.

Мириам была ниже его ростом, но тяжелее — из-за чересчур плотных костей, поэтому она лишь покачнулась от сильнейшего удара и устояла на ногах.

Уорд зажал ей рот рукой, но она тут же вцепилась ему в запястье своими стальными пальцами. Началась безмолвная борьба, в которой одна сила противостояла другой. Извиваясь, они упали на рояль, затем на кресло, в котором Мириам еще минуту назад сидела. Под их ногами хрустела и позвякивала виола: Пол зацепил инструмент носком ботинка и нарочно всадил в самую середину каблук, чтобы уже наверняка уничтожить любимую вещь этой твари.

Свободной рукой она ухватила его за мошонку, и теперь ее пальцы давили так, что все его внутренности скрутило от боли. Он применил особую технику дыхания, которой научился на войне, чтобы контролировать боль. Но такая боль не подчинялась никакому контролю, такая боль подкашивала намертво. Уорд начал оседать, чувствуя, что ноги ему больше не подчиняются.

И тут он впился зубами ей в шею — любимое место всех вампиров. Жаль, он не мог высосать ее кровь.

Стоп.

Он уставился в глаза этому существу, а оно так же пристально смотрело на него. Почему оно молчит... не зовет на помощь? Неужели оно хочет умереть? А может, есть какая-то другая причина? Пол не находил ответа, и от этого ему стало страшно.

Уорд снова пошел в атаку. Сейчас он оглушит этого монстра, затем схватит обломок виолы и вспорет ему глотку. Внезапно его руки оказались прижаты к бокам. Мириам оседлала его, нанося удары в грудь, словно он был боксерской грушей. Пол зашелся тяжелым кашлем — сказывалось ранение в грудную клетку.

Вампирша разлеглась на нем, он задыхался под тяжестью мощного тела, чувствуя, как оно прижимается к нему всеми интимными частями. Уорд попытался было высво-

бодить руки, но не смог. Хватка у чудовища была смертельная.

Вот оно подняло голову и коснулось губами его шеи. Пол заметался... бесполезно. Тварь сомкнула рот на его шее, и он почувствовал прикосновение шершавого языка. В то же самое время без устали извивавшееся на нем тело вызвало у него острое желание. Пол так возбудился, что чуть не лопались штаны. Мириам все быстрее терлась о него и все сильнее вонзала ему язык в шею.

Такой смерти они подвергали всех своих жертв — сначала агрессивный сексуальный заряд, а затем проникновение в вену. Уорд все это ощутил: холодная гладкая игла, обычно спрятанная внутри языка, выдвинулась и принялась мелко покалывать кожу, выискивая пульсирующую артерию.

Игла погружалась в шею, и он захрипел от легкой, но неумолимой боли, чувствуя, как из него уходит кровь, оставляя его в удушливой дурноте.

Это была смерть в руках вампира, такую смерть принял его отец.

А затем внезапно чудовище отодвинулось от него. Во время борьбы у вампирши выпала линза, и теперь она смотрела на него одним красным глазом и одним серым. Лицо твари изменилось: впалые щеки говорили о том, что накладные пластины тоже потеряны. Губы были измазаны кровью — его кровью.

Уорд был слишком изможден, чтобы даже шевельнуться. Он мог только смотреть, как Мириам расстегивает ему брюки и усаживается сверху. Он почувствовал, как она вводит его в свое тело, попытался было помешать этому, но ничего не смог сделать.

Тварь изнасиловала его. То, что произошло, по-другому не назовешь. Но самое худшее, до предела унизившее и озлобившее его, было то, что он не испытал тупого опустошающего ужаса подлинного насилия. Было во всем этом что-то другое, с чем он невольно должен был смириться.

И дело не в том, что она была невероятно красива даже без своего грима — может быть, еще более красива, чем с гримом. Просто она давала ему ощущение того, что все это *правильно*. Такова была реальность. С гримом или без — она все равно оставалась для него самой прекрасной женщиной, какую он только знал.

Уорд понял, что его провели вокруг пальца, заставив сделать именно этот шаг. И никакая это не смертельная битва. Его просто-напросто соблазнили!

А как все ловко было сделано — с таким глубоким знанием психологии Пола Уорда. Ему больно было видеть, как она изо всех сил старается добиться от него любви вопреки всей его ненависти, старается привлечь его на свою сторону и сторону их сына.

Мириам замерла. Он понял, что достиг оргазма, но также понял, что вампирша забрала у него много крови. Так много, что даже удивительно, как он до сих пор не потерял сознание, не говоря уже о способности к соитию. Но тварь разбиралась в человеческом теле с невероятной доскональностью. Граница между жизнью и смертью была для нее самым удобным местом.

— Итак,— сказала она, слезая с него,— как мы его назовем? Мне кажется, ему следует дать твое имя. Пол Уорд-младший.— Мириам улыбнулась — настоящая печальная Венера. Самое удивительное выражение на самом удивительном лице, которое он когда-либо видел.— Согласен?

Мириам помогла ему подняться на второй этаж, он вошел в ее спальню — их спальню — и рухнул на кровать.

— Всего только кварта крови.— «Какой он оказался вкусный, еле остановилась!» — Ты не настолько слаб.

Глаза у него блестели, он как будто приходил в себя.

— Ладно,— сказал Пол,— может, ты и права. Так что давай закончим наше дело в постели.

Вампирша была тяжелая, совсем как он, и стройная, и сильная... но еще и мягкая, нежная, такая, что идеально

ему подходила. Мириам лежала в его объятиях и смотрела на него с таким обожанием, что он чуть не рассмеялся от удовольствия. Вся любовь и нежность, которые он всю жизнь подавлял и которые были частью его природы, томившейся в неволе, теперь расцвели полным цветом.

— Я никогда тебя не покину,— сказал он.

— Я никогда тебя не покину.

Это прозвучало как венчальная клятва.

— Ты моя жена.

— Мой муж.

Лео и Сара, поднявшиеся вместе с ними, теперь удалились из спальни.

— Мне кажется, ей удалось,— сказала Лео.

Сара просто покачала головой. Однако спустя какое-то время она сочла своим долгом удостовериться, что им ничего не нужно... и что все на самом деле хорошо.

Мириам широко ей улыбнулась, ее прелестное лицо выглядывало из-под огромной спины Пола.

Сара тронула его за плечо, потом тихо вышла и закрыла за собой дверь.

Уорд снова испытал оргазм, уже второй раз за какие-то несколько минут и при большой потере крови. Он обмяк, лежа на Мириам, а затем соскользнул на мягкую простыню.

Что случилось? Полная капитуляция. То ли из-за потери крови, то ли из-за блестяще проведенного совращения насилием, то ли из-за пристального взгляда ребенка — но одно не вызывало никаких сомнений: он не станет убивать этого вампира.

Мириам лежала рядом с ним неподвижно, словно водная гладь, глаза ее были прикрыты, а на лице блуждала улыбка. Он осторожно взял ее за руку, и она замурлыкала совсем как кошка.

Именно в эту секунду, пока она мурлыкала, он различил еще один звук, очень тихий. Уорд из любопытства

повернул голову и посмотрел в сторону кабинета Сары, откуда, казалось, донесся едва уловимый глухой стук.

Дверь медленно открылась, как по волшебству. Сначала он увидел светлую шевелюру, затем во мраке спальни появилось бледное лицо. В комнату юркнула маленькая фигурка, двигаясь проворно, по-кошачьи, почти как Мириам.

И без того взволнованное сердце Пола забилось еще сильнее. Он ничего не понимал. В доме никого больше не было, на этот счет существовали строгие правила, тщательно соблюдавшиеся всеми, кто здесь жил. Тем более что Мириам не жалела ни времени, ни средств на охранную систему. Она интересовалась всеми техническими новинками, совершенствуя, по мере их появления, свою систему сигнализации. В оконных проемах, где на подоконниках росли петунии, вечно бодрствовали микроволновые датчики. Каждое окно и каждая дверь были снабжены электростатическим барьером, достаточно мощным для того, чтобы привести любого взломщика в бессознательное состояние.

Что за черт? Уорд продолжал наблюдать: Питер Пэн* какой-то. Как бы ему ни хотелось верить, что это только сон, приходилось мириться с фактом, что все происходит наяву. Фигура тем временем, осторожно ступая, приблизилась к кровати. И тут Уорд от удивления чуть не выскочил из собственной шкуры. Бекки! Склонив голову, она посмотрела на него, как бы говоря: «Противный мальчишка», и улыбнулась.

В эту секунду — оттого, что увидел ее так неожиданно,— Пол пришел в себя. Видеть Бекки означало для него возвращение домой. Девушка протянула руку и коснулась его щеки, и он так обрадовался, что, не будь он заматерелым сукиным сыном, наверняка пролил бы скупую муж-

---

* Герой повести Джеймса Барри (1860—1937), мальчик, не пожелавший стать взрослым.

скую слезу. И тогда она заулыбалась еще шире. Пальцем указала на вампира и произнесла одними губами: «Пиф-паф».

Мириам рванулась с кровати, подпрыгнув чуть ли не до потолка. Она перепрыгнула через Пола и обрушилась на Бекки, которая от толчка буквально улетела обратно в кабинет, где виднелась веревка, свисавшая из открытой фрамуги стеклянной крыши.

Не успел Уорд сообразить, что к чему, как Бекки уже пришла в себя и выхватила пистолет — и это был не какой-то там «магнум». Это была одна из тех французских игрушек. Отлично! Наконец все решится.

При виде пистолета Мириам зарычала. Она зарычала и попятилась. А затем в два мягких прыжка оказалась рядом с Уордом.

— Стреляй,— сказала она, отлично понимая, какова сила этого оружия. Один выстрел должен был очистить всю комнату. Бекки не смогла бы убить Мириам, не задев при этом Пола.

— Эй, Бекк,— вслух произнес Пол.— Мне казалось, что мы с тобой команда, стручок ты этакий! — О Господи! Словно прохладный дождь в засохшей пустыне — Бекки...

— Мужчины. Все они одинаковы.— Мириам слегка улыбалась, чувствуя, что владеет ситуацией.

— Она же такая уродина, Пол! Боже, тебя, должно быть, накачали какой-то дрянью!

— Бекки, а я думал, что ты с Бокажем. Я думал...

— Мы здесь ради тебя, Пол. Все из нас, кто остался в живых.

— А как же Джастин?

— К черту Джастина. К черту всю контору.

— Будь осторожна, Бекки.

— Хорошо. Послушайте, миссис Блейлок, ваш дом окружен. Мы засняли на видео, как один из ваших помощников совершает убийство. И вы у нас тоже на прицеле.

— Вы же не станете убивать Пола.

Бекки изменилась в лице. Мириам взяла Уорда за руку и начала пятиться из комнаты. Девушка сделала шаг вперед, нацелив оружие.

— Стреляй! — выкрикнул Пол.

Мириам отошла с ним еще на один шаг. Бекки не отступала.

— Я люблю тебя, Пол,— сказала она.

— Я тоже, детка.— Сердце подсказало ему: это правда, всегда было правдой. Он нуждался в ней — и в обыкновенной человеческой любви, именно такой, какую она могла предложить. Бог свидетель, он нуждался в ней!

Бекки закрыла глаза, и по ее щекам потекли слезы. Он знал, что сейчас умрет от руки единственной нормальной земной женщины, которая его любила, а ведь он так и не успел как следует поцеловать ее.

Пол шагнул вперед. А почему бы и нет? В конце концов, можно попробовать совершить невозможное. И он метнулся навстречу Бекки, надеясь, что Мириам не ожидает от него такого маневра.

Хитрость удалась: Бекки отскочила в сторону, и он очутился у нее за спиной.

Обе женщины теперь стояли лицом к лицу. Мириам, прикрыв живот руками, закричала. Это был самый ужасный, леденящий душу крик отчаяния, какой Полу доводилось слышать. С шумом распахнулись двери спальни, и вбежали Сара с Лео, обе вооруженные «магнумами». Ничья. Но счет идет на секунды.

— Мы накроем их всех,— прошептал он Бекки.

И в ту секунду, когда она нажала на курок, Мириам, отчаявшись, прибегла к своей невероятной скорости и успела толкнуть Бекки. Пуля угодила в расписанный под небо потолок, и тот рухнул, обрушившись огромными голубыми кусками, наполнив комнату пылью и гулким эхом.

Бекки отлетела в сторону и ударилась о дальнюю стену кабинета. Теперь оружием завладел Уорд. Сара и Лео, стоявшие за спиной Мириам, готовились открыть огонь. Он

начал нажимать на курок, чтобы произвести выстрел, который должен был всех их превратить в месиво. Но палец его перестал двигаться. Уорд стоял, терзаемый мукой.

— Стреляй,— завопила Бекки,— *спусти чертов курок!*

Где-то тикали часы. Сара Робертс начала медленно продвигаться влево, скользя как тень. Уорд разгадал ее план: она собиралась закрыть собой остальных.

— *Стреляй!*

— Ну же, Пол! — выкрикнула Мириам.

Он стоял как столб, а разве столбы могут двигаться, равно как и нажимать на курок? Он видел не Мириам, а своего ребенка, маленькое, еще окончательно не сформированное существо, которое, возможно, смотрело на него.

За все те годы, что он убивал, он ни разу не убил ребенка, и теперь он понял, что достиг предела. Это было как раз то убийство, которое он не мог совершить.

Уорд мысленно попытался найти какой-то выход, чтобы послушаться сердца, а не разума. И в голове у него зазвучал отцовский голос... а может, это говорила душа отца, дающего наставление своему сыну в трудную минуту: «Если ты убьешь этого ребенка,— произнес знакомый голос,— моя жизнь, как и моя смерть, как и все страдания нашей семьи окажутся бессмысленными».

Все тысячи лет борьбы на земле — медленная эволюция обезьян, приход Властителей, выведение ими людской породы, их насыщение и невероятное ускорение человеческой эволюции — все привело к этой секунде, к жгучему безответному вопросу матери, ожидающей ребенка.

— Дай мне пистолет,— велела Бекки.

Он подчинился. И пока он это делал, Сара Робертс вышла вперед. Бледное лицо, огромные глаза. Пошатываясь, она прицелилась. С ясностью, которая приходит к человеку в минуты крайнего напряжения, Уорд разглядел слезинку, которая выкатилась у нее из глаза и побежала по щеке. А затем прогремел ее «магнум» вместе с пистолетом Бекки, и комната задохнулась от пыли и обломков.

Наступила тишина, которую вдруг разрезал далекий бой часов. На полу лежали растерзанные останки Сары Робертс.

Бекки мельком взглянула на пол, затем быстро перемахнула через окровавленный труп.

Остальные двое пропали. Пол и Бекки кинулись им вдогонку вниз по лестнице и увидели, как те исчезают в кладовке, откуда начинался выложенный кирпичом тоннель, уходивший далеко под землю.

— Знаешь, куда он ведет?

— Без понятия.

— Черт. А карта есть?

— Никакой карты.

— Тогда мы их потеряли.

— Временно. Это еще не конец, девочка.

Бекки опустила пистолет.

— А ведь она задела тебя за живое.

Уорд заглянул в темный тоннель, где исчезло чудовище, носившее под сердцем его сына.

— «Доколе не порвалась серебряная цепочка и не разорвалась золотая повязка... И возвратится прах в землю, чем он и был»*.

Они помолчали. Пол чувствовал нить, которая его связывала с мальчиком, чувствовал, как она разматывается, исчезая в пустоте.

— Это был последний,— сказала Бекки.

— Последний вампир? Уверена?

— Им пришел конец. Всем до одного.

— Даже здесь, в Соединенных Штатах?

Она кивнула.

— Бокаж оказался под стать тебе.

Он почувствовал в своей руке ее сильную теплую руку.

— Бекки!

— Что?

---

* Ветхий Завет. Книга Екклезиаста, или Проповедника, 12:6,7.

— Как тебе удалось сюда забраться?

— На этой помойке полно стеклянных крыш, босс.

Уорд обнял ее. Когда он наконец ее поцеловал, то сразу обрел то, что уже никогда не надеялся обрести,— настоящее подлинное счастье. Вот где его место — в объятиях этой чудесной, нормальной, абсолютно земной женщины.

Они вышли из дома, предоставив труп на втором этаже в распоряжение червей или полиции, как уж там придется. Что касается вампира и его помощницы, их скоро найдут. Придет время.

Но не раньше, чем родится его сын. Никак не раньше.

— Что ты думаешь о детях?

— Дети — это хорошо.

— Ты могла бы воспитать малыша?

Бекки взглянула на него.

— Замужем за тобой могла бы.

— Замужем за мной.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛОД 5

Перевод А. Флотского, О. Дилъ

ПОСЛЕДНИЙ ВАМПИР 340

Перевод Е. Ивановой

Литературно-художественное издание

Уитли Стрибер

ГОЛОД
ПОСЛЕДНИЙ ВАМПИР

Ответственный редактор *И. Шефановская*
Редакторы *М. Стерлигов, Е. Монахова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Корректоры *К. Шефановская, Л. Ершова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Хеффермана*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Домино»
197198, Санкт-Петербург,
ул. Блохина, д. 20/7. Тел./факс: (812) 325-13-28

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
www.eksmo.ru E-mail: info@ eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах обращаться в рекламный отдел издательства «Эксмо». Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 780-58-34

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:
Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.
Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.
Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.
Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.
Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.
Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale.yk@eksmo.com.ua**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:
РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед». Крупнейшие магазины сети «Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34 и Магазин на Невском, д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Подписано в печать с готовых монтажей 21.05.2004.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 35,28.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 6193.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@ tverpk.ru

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ

УИТЛИ
СТРИБЕР

Whitley Strieber

ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ ШЕДЕВРЫ МИСТИКИ